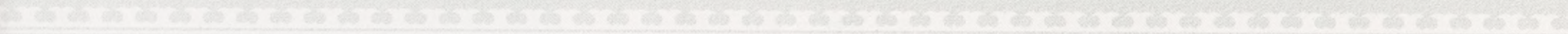

Р. Г. КУЗНЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР

Р. Г. КУЗЕЕВ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИРСКОГО НАРОДА

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ,
ИСТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ

Уфа • 2010

УДК [9+39] (=512.141) (470.44)
ББК 63.5(2РосБаш)
К89

Ответственный редактор
Т. А. ЖДАНКО

Кузеев Р. Г.
К89 Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история
расселения / Р. Г. Кузеев. — 2-е изд., доп. — Уфа: ДизайнПолиграф-
Сервис, 2010. — 560 с.: ил.

ISBN 978-5-94423-212-0

Данная книга представляет собой второе издание ранее увидевшей свет
в издательстве «Наука» (Москва, 1974) монографии выдающегося восто-
коведа Р. Г. Кузеева, посвященной этногенезу и этнической истории баш-
кирского народа.

Для историков, этнографов, широкого круга читателей.

УДК [9+39] (=512.141) (470.44)
ББК 63.5(2РосБаш)

ISBN 978-5-94423-212-0

© Государственное научное учреждение
«Академия наук
Республики Башкортостан», 2010

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная монография впервые увидела свет 36 лет тому назад в Москве, в академическом издательстве «Наука». Вышедшая из-под пера выдающегося башкирского ученого востоковеда-этнографа Раильевича Кузеева, члена-корреспондента РАН, академика Академии наук Республики Башкортостан, она стала библиографической редкостью, а спрос научной общественности на нее постоянно растет. Этим и обусловлено ее повторное издание.

Прежде всего, хотелось бы сказать несколько слов об авторе и его книге.

Раиль Гумерович в 1950 г. окончил исторический факультет Башкирского педагогического института, а в 1951–1954 гг. учился в аспирантуре Института этнографии АН СССР (г. Москва). Годы учебы в головном, всемирно известном институте страны, тесное общение с выдающимися учеными СССР способствовали становлению молодого аспиранта как крупного аналитика-исследователя, организатора науки. Знакомясь с его трудами, нетрудно убедиться в том, что годы аспирантуры он всецело посвятил скрупулезному изучению истории, этнографии многих народов Урало-Поволжья, Сибири, Алтая, Казахстана, Средней Азии. И это, естественно, помогло ему находить научное объяснение многих ранее неисследованных проблем истории и культуры башкирского народа.

Публикации книги «Происхождение башкирского народа» предшествовала титаническая работа по изучению многочисленных источников по истории и культуре средневековых и современных башкир. В этом комплексе первым следует назвать подготовку и издание башкирских родословных — шежере — с подробным научным комментарием¹.

Шежере, бытовавшие у башкир и других тюркских народов Евразии, — ценные исторические источники, идущие из глубины веков. Они представляют собой перечень поколений по кровнородственной мужской линии и содержат важные сведения об этнополитических событиях в жизни народа. В 20-х годах прошлого столетия официальные власти, стремясь

¹ Башкирские шежере. Уфа, 1960.

переломить идеологию народов, запрещали хранение, изучение и пропаганду шежере. Предпринятое Р. Г. Кузеевым издание сборника шежере было равносильно гражданскому подвигу ученого; именно так оценила это была научная общественность страны.

В исследовательской деятельности Р. Г. Кузеева особо следует отметить организацию ежегодных экспедиционных выездов в районы Башкортостана, Оренбургской, Пермской, Свердловской, Челябинской, Курганской областей с целью изучения традиционных форм хозяйства, материальной и духовной культуры (верования, обряды и обычаи, фольклор, исторические предания и др.). В этой чрезвычайно сложной и важной работе участвовали многие этнографы, художники, историки, археологи Башкортостана, Москвы, Ленинграда, возглавляемые Р. Г. Кузеевым. Заслугой научного руководителя этой комплексной программы был оперативный ввод всех накопленных, огромных по объему, материалов в научный оборот в виде монографий, научных сборников и альбомов-каталогов ².

Собранные и опубликованные в систематизированном виде историко-этнографические материалы принадлежали к категории быстроисчезающих, и научную значимость всей проделанной работы коллектива исследователей под руководством Р. Г. Кузеева трудно переоценить. Его труд можно сравнить с героическим опытом выдающегося российского ученого, основоположника этнографической науки о башкирах С. М. Руденко, предпринятым в начале XX в., по изучению истории, этнографии, духовной и материальной культуры башкир ³.

Проблема происхождения любого народа требует комплексного её исследования с привлечением данных смежных наук. С учетом этого Р. Г. Кузеев как историк-этнограф изучал и анализировал исследования языковедов, фольклористов, антропологов, археологов, географов и специалистов других наук, что обогатило его материалы о башкирах.

-
- ² Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н. Зауральские башкиры (Этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX вв.) // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. 1962. С. 171–267; Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Историко-этнографический очерк. Уфа, 1963; Кузеев Р. Г., Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1964; Кузеев Р. Г., Шитова С. Н. Современное колхозное жилище северных башкир // Археология и этнография Башкирии. Т. 1. Уфа, 1962. С. 268–282; Кузеев Р. Г., Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В. Народное искусство башкир. Л., 1968 и др.
- ³ Руденко С. И. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Физический тип башкир. Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 1. СПб., 1916; Он же. Башкиры. Опыт этнологической монографии. Быт башкир. Записки Русского географического общества. Т. 43. Вып. 2. Птр., 1925; Он же. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. — Л., 1955; Он же. Башкиры. Историко-этнографические очерки. Уфа, 2006.

Завершая историографический обзор научной деятельности Р. Г. Кузеева, хочется упомянуть факт созыва в 1969 г. специальной научной сессии АН СССР, посвященной изучению проблем этногенеза башкирского народа. Главным инициатором её созыва был Р. Г. Кузеев. В сессии участвовали более 100 ученых из самых различных регионов СССР и зарубежья. Представители различных гуманитарных наук с трибун сессии изложили собственные концепции этой научной проблемы; они не избегали дискуссионных её моментов⁴. Как один из молодых и активных участников этой сессии, её значение для исторической науки Башкортостана я сейчас понимаю следующим образом.

Эта научная сессия АН СССР помогла нам, историкам, этнографам, археологам Башкортостана, в постановке и дальнейшем исследовании вопроса о происхождении башкирского народа, ликвидировать всегда неизбежный в начальный период провинциализма и выйти на мировой уровень. Ярким примером этому служит монографический труд Р. Г. Кузеева «Происхождение башкирского народа». Его новизна и научная ценность состоят в том, что труд обобщает самые разные источники и формирование, этапы развития башкирского народа с древнейших времен вплоть до XVI в. освещает на уровне требований современной науки.

Без преувеличения можно сказать, что труд «Происхождение башкирского народа» — большое событие в башкирской исторической науке и представляет собой комплексный подход к пониманию сложного процесса формирования башкирского народа с использованием достижений смежных наук. Непреходящим вкладом в науку, безусловно, является то, что с привлечением доступных к тому времени источников, главным образом шежере, исторических преданий и этнонимии, он реконструировал родоплеменной состав башкир, пути их расселения с другими народами в пределах этого времени по Южному Уралу.

В предисловии нет необходимости пересказывать содержание отдельных разделов, глав этой очень содержательной книги; заинтересованный читатель легко найдет нужное для себя, и в этом ему помогут оглавление, карты, указатели этнических, родоплеменных и географических названий.

Но наука находится в постоянном развитии. В этом плане тема происхождения башкирского народа не составляет исключения: она за последние 30 лет пополнилась очень ценными данными.

К ним прежде всего следует отнести публикацию И. Г. Коноваловой с полными комментариями рукописи выдающегося арабского ученого XII в. ал-Идриси «О странах и народах Восточной Европы»⁵. Научная ее ценность состоит в том, что в результате скрупулезного анализа историко-гео-

⁴ Археология и этнография Башкирии. Т. IV. Уфа, 1971.

⁵ М., 2006.

графических координат доказываемой, что в стране башкир, полностью вписываемой на Южном Урале, в IX–X вв. существовали 5 городов (Намджан, Гурхан, Карукийя, Кастр, Маштр) и множество крепостей, которые представляли собой крупные торгово-экономические и культурно-политические центры, управляемые ханами. Кстати, эти сведения мировой науке были хорошо известны еще с середины XIX в. по книге А. Жобера «География Идриси»⁶, но научная общественность России, прежде всего Башкортостана, до выхода книги И. Г. Коноваловой не была готова признать эти очевидные факты, и они долгие десятилетия оставались вне поля зрения историков.

Сведения ал-Идриси о башкирских городах почерпнуты из трудов арабских авторов IX–X в. и хорошо перекликаются со сведениями поздних средневековых авторов о башкирских городах XIV–XVI вв. К числу этих авторов следует отнести Ибн-Халдуна (XIV в.), упоминавшего среди крупных золотоордынских городов город Башкорт⁷. Западноевропейские картографы XIV–XVI вв. этот город постоянно помещали между Уралом и Волгой, на карте Меркатора (1552 г.) город Башкорт ясно отмечен в устье р. Уфы, т. е. на территории современного города Уфы⁸. Данный факт многократно увеличивает достоверность информации выдающегося российского историка XVIII в. П. И. Рычкова о том, что на территории г. Уфы до прихода первых русских переселенцев после добровольного вхождения башкир в Московское княжество существовал большой башкирский город, который простирался на высоком правом берегу р. Белой⁹. Этот же автор сообщает, что в данном городе находилась резиденция башкирского хана Турахана¹⁰, погибшего в самом начале XVI в. в военном конфликте с ногайскими мурзами. По сведениям В. В. Трепавлова, после гибели Турахана г. Уфа становится резиденцией ногайских наместников, осуществлявших политическую власть над башкирами до вхождения их в состав Московии¹¹. Мы намеренно перечислили всех средневековых авторов, упоминавших о городах в стране башкир, для того, чтобы сказать, что данные письменных документов о средневековом городе в центре г. Уфы недавно получили полное археологическое подтверждение. Здесь имеется в виду открытие на городище Уфа-II (нижние кварталы ул. Пушкина) таких объектов монументальной архитектуры, как крепостная стена, построенная с приме-

⁶ Gaubert Amedee. Geographie d'Edrisi. Paris, 1840.

⁷ Золотая Орда в источниках. Т. 1. Арабские и персидские сочинения. М., 2003. С. 169.

⁸ Псянчин А. В. Mons ET URBIS: Уральские горы и город Уфа в европейской средневековой картографической традиции // Архивы Башкортостана. № 1. Уфа, 2007. С. 17–23.

⁹ Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 264.

¹⁰ Рычков П. И. История Оренбургская. СПб., 1896. С. 69.

¹¹ Трепавлов В. В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 205, 210 и др.

нением сырой глины в опалубках (сырцовый кирпич), уличных деревянных настилов, прямоугольных и юртообразных жилищ и других объектов¹².

Вокруг городища Уфа-II на близком расстоянии расположены ещё 6 городищ-крепостей, около 20 открытых аулов; пространство между крепостями в свое время полностью представляло некрополь из сотен (если не тысяч) курганов. Все эти памятники очень богаты ювелирными находками из золота, серебра, которые датируются различными этапами внутри периода всего средневековья в основном (V–XIV вв.). Среди находок есть золотая византийская монета V в. н. э. и около 20 золотоордынских монет времени Тохтамыша.

Вышеперечисленные памятники территориально расположены компактно, а состав находок свидетельствует, что они принадлежат одному родственному населению. Но среди них городище Уфа-II является самым крупным: оно возникло на рубеже IV–V вв. (может быть, даже раньше) и непрерывно существовало вплоть до XVI в.

Для объективной оценки накопленных материалов Академия наук Республики Башкортостан в 2007 г. обратилась в Институт археологии Российской Академии наук и Институт истории Академии наук Республики Татарстан с просьбой направить на городище группу экспертов — авторитетных специалистов. Наша просьба была удовлетворена.

После детального изучения фактов ученые-эксперты пришли к единому заключению, что городище Уфа-II представляло цитадель большого города, непрерывно существовавшего на протяжении всего средневековья. Не менее важен следующий вывод экспертов: этот город принадлежал к числу крупных торгово-ремесленных, культурно-политических центров и отличался от других известных средневековых городов юга Восточной Европы своей оригинальной монументальной архитектурой¹³.

Мы сейчас подошли к самой интересной части своего изложения. Факт непрерывного существования большого средневекового города — предшественника современного города Уфы на его территории — ставит такие актуальные вопросы: кем и когда он был основан и какую роль сыграл в этнополитической истории башкирского народа и Башкортостана.

В недавно вышедшей в свет книге «История Башкортостана. Древность. Средневековье»¹⁴ нами уже дан ответ на эти вопросы. Отсылая чи-

¹² Мажитов Н. А., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. Сокровища древней Уфы. Уфа, 2008.

¹³ Мажитов Н. А., Султанова А. Н., Сунгатов Ф. А. О средневековом этапе истории города Уфы — столицы Башкортостана // Архивы Башкортостана. № 1. Уфа, 2007. С. 24–33; Сокровища древней Уфы... С. 47–53.

¹⁴ Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. Уфа, 2009. Гл. 6, 8, 13.

тателя к ней, вкратце изложим основные выводы. Мы, авторы этой книги, полагаем, что этот город основан переселившимися из южных районов Казахстана, Средней Азии собственно башкирскими племенами с самоназванием «Башкорт». Как известно, мысль о приходе собственно башкирских племен с самоназванием «башкорт» впервые была высказана А.-З. Валиди¹⁵, а затем поддержана Р. Г. Кузеевым¹⁶. Ввиду отсутствия убедительных археологических доказательств мы до сих пор воздерживались от комментариев на эту тему, а теперь полностью соглашаемся с данным мнением, основанием чему послужили новейшие материалы из раскопок на городище Уфа-II, которое, как известно, было цитаделью города Башкорт. Крепостная стена и некоторые объекты, расположенные в непосредственной близости от нее, сооружены с широким применением сырой глины в опалубках и сырцового кирпича. Указанная строительная техника нехарактерна для местных племен лесной и лесостепной Евразии раннего средневековья, но считается традиционной для народов Средней Азии, Казахстана, Ближнего и Среднего Востока. Учитывая эти моменты, мы полагаем, что она принесена на Южный Урал собственно башкирскими племенами.

Как свидетельствует массовый археологический материал, в строительстве города, а затем в формировании состава его населения участвовали представители многочисленных местных племен, но называли его городом Башкорт — по самоназванию ведущей этнической группы населения края. Это полностью согласуется с традицией тюркских народов присвоения этнонимов городам, примерами чему могут служить названия городов Болгар, Сувар, повторяющие самоназвания самых крупных племенных объединений Среднего Поволжья IX–X вв.

Город Башкорт сразу становится центром ремесла, торговли, культурно-политической жизни, т. е. столицей возникшего (а может быть, уже существовавшего государства, осуществлявшего систему управления населением территории вокруг этого города). Богатые природно-климатические и экономические условия благоприятствовали расширению территории этого государственного образования, развитию его военно-экономической мощи, а также консолидации различных по происхождению и культуре, языку племен этого государства в рамках формирующегося башкирского народа.

Читатель может сказать, что все это — вымысел; да, следует признать, что это пока лишь предположение, но построенное на фактах. Самым убедительным среди них является следующий. Все арабские авторы IX–X вв. всю территорию Южного Урала с прилегающими степями называют страной башкир, а ее население — башкирами, особо подчерки-

¹⁵ Туган Әхмәтзәки Валиди. Башкорттар тарихы. Өфө, 2005. Б. 17–20.

¹⁶ Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа... С. 129, 131, 133 и др.

вая тюркский характер их языка. У нас есть полное основание утверждать, что распространение, а затем утверждение понятий «страна башкир» и «башкиры» к IX–X вв. на весь Южный Урал есть прямое следствие распространения политической власти государства башкир со столицей Башкорт и активным процессом сложения башкирского народа. Это пока существенное логическое объяснение этапов возникновения и развития государственности башкир и процесса формирования и развития башкирского народа в раннем средневековье.

Следующая серьезная новизна в изучении происхождения башкирского народа связана с новым взглядом на роль и место текстов башкирских шежере в изучении народа. В текстах шежере приведены имена последовательно сменяемых башкирских ханов, биев. Они почему-то до сих пор не привлекли внимания историков. Но реалистичность и достоверность многих названных в шежере имен подтверждается сведениями независимых письменных источников, которые даже позволяют определить примерные годы их ханства. Следовательно, существование у башкир собственных государственных организаций во главе с национальными ханами — бесспорный факт. Ярким примером сказанному может служить легендарный хан Муйтен-бий, получивший из рук Чингизхана ярлык на управление огромными землями от Левобережного Иртыша до Оренбургских степей. Одновременно этот акт мы имеем право отметить как возрождение национальной государственности башкирского народа в начале XIII в. Более подробную информацию о башкирских ханах и возглавляемых ими государственных организациях читатель может почерпнуть в недавно изданных наших работах ¹⁷.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что концептуальные положения книги Р. Г. Кузеева об особенностях этапов и слагаемых этнокультурных контактов в происхождении башкирского народа выдержали испытание временем. Это предвидение перспективы развития научной мысли присуще лишь одаренным ученым.

*Академик Академии наук Республики Башкортостан
Н. А. Мажитов*

¹⁷ Мажитов Н. А., Султанова А. Н. История Башкортостана. Древность. Средневековье. С. 290–299, 347–356, 479–487; Мажитов Н. А. Шежере башкирских ханов, биев, султанов. Ч. 1. Уфа, 2010; Он же. Шежере башкирских ханов, биев, султанов. Ч. 2. Уфа, 2010.

ВВЕДЕНИЕ

История Башкирии и башкирского народа ¹ изучена неравномерно. В огромном потоке исторической литературы по Башкирии, опубликованной в XIX–XX вв. ², исследований по древней и средневековой истории чрезвычайно мало. Имеющаяся литература, прежде всего люционная, с точки зрения построения общей концепции древней и средневековой истории башкир и Башкирии, не всегда безупречна. Еще в XIX в. наметилась тенденция рассматривать Башкирию эпохи древности и средневековья как относительно замкнутый район. Анализ сложных этнокультурных, хозяйственных и социально-политических процессов, опирающийся на оценки, имеющие преимущественно региональное значение, неизбежно вел к сужению исторического фона исследования, к этноцентризму в оценке исторических фактов и явлений.

История Башкирии на разных этапах может быть глубоко изучена только во взаимосвязи с историческими процессами того этнополитического мира, частью которого она являлась. В VIII–X вв., когда башкиры впервые упоминаются в восточных источниках, они входили в огромный, преимущественно тюрко-угорский, этнический мир, раскинувшийся на обширной территории от Алтая до Причерноморья. Средневековую жизнь башкир (X–XVI вв.) надо рассматривать в тесной связи с историей печенегов, огузов, волжских булгар, кыпчаков, монголов, а также с историей Золотой Орды и возникших на ее развалинах феодальных ханств. С XVI в., когда Башкирия становится частью Русского государства, башкиры оказались в сфере сильного и многостороннего влияния совершенно иного мира, находящегося на более высокой ступени развития. Взаимодействие различных тенденций в социально-экономическом, этнокультурном и политическом развитии, приведенное к существенным сдвигам в исторической судьбе этого народа, является основным содер-

¹ Численность башкир в СССР, по данным переписи 1970 г., 1240 тыс. человек.

² Библиографию см.: *Никольский*, 1899; МИБ, 1936, стр. 497–511; ОИБ, 1956, 289–300; *Иванков*, 1969, стр. 474–498.

жанием истории Башкирии в последующие после присоединения к России столетия. Таков в очень крупных масштабах исторический фон, на котором развивались события башкирской истории.

Исследователь, поставивший перед собой задачу реконструировать сложнейшую картину этнической истории башкир, неизбежно встает перед необходимостью изучать, а в ряде случаев по-новому решать многие общие вопросы древней и средневековой истории Башкирии и ее населения. Главной же трудностью является отсутствие или недостаток источников, на основе которых можно было бы развернуть страницы прошлой истории башкирского народа.

Известно, что башкиры не имели своей письменности. Вместе с исламом суннитского толка к ним проникла арабская письменность. Ею башкиры пользовались вплоть до начала XX в. Время приобщения башкир к мусульманской религии (и соответственно заимствования арабского письма) с достоверностью не установлено. В X в. башкиры не были еще мусульманами (Ибн-Фадлан, 1939); судя по имеющимся источникам, распространение ислама среди башкир заняло несколько столетий и завершилось не ранее XIV–XV вв. (Бартольд, 1964а, стр. 316; 1968в, стр. 494; Катанов, 1920, стр. 3; Вельяминов-Зернов, 1859, стр. 257–287). Наиболее ранние башкирские тексты на основе арабской графики были составлены в XVI в., но и они дошли до нас в поздних копиях (БШ, 1960, стр. 177–178). Аутентичные тексты (на так называемом языке тюрки) датируются лишь XVII–XVIII вв. Это хранящиеся в ЦГАДА различного рода челобитные, купчие записи, письма башкирских старшин представителям царской администрации. Количество выявленных текстов невелико. В научный оборот введено несколько десятков документов, опубликованных в подлинниках или в переводах частью на рубеже XIX–XX вв. (Добросмыслов, 1900), а в большинстве случаев — недавно (МИБ, 1949, стр. 577; 1956, ч. I, приложения). К XVII–XVIII вв. относится также появление массового документального материала по истории Башкирии на русском языке. Этот материал, в значительной части опубликованный (МИБ, 1936, 1949, 1956, 1960) или подготовленный к публикации³, представляя исключительную ценность для изучения политической и социально-экономической истории Башкирии в XVII–XVIII вв., не затрагивает по существу проблем более ранней истории башкир. История башкир и Башкирии до XVI в. находится за пределами собственно башкирских и вообще автохтонных письменных источников.

Исследователи истории многих народов Евразии черпают сведения из двух сокровищниц. Прежде всего они изучают сочинения древних и средневековых авторов: западных и восточных историков и путешественников. В последние десятилетия в связи с успехами археологии пер-

³ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. МИБ, т. VI, VII.

востепенное значение придается археологическим источникам. Как обстоит дело с указанными видами источников применительно к истории Башкирии?

С IX–X вв. башкиры, расселяясь в Приуралье и находясь с тех пор на периферии степного мира, оказались вне пределов обычных маршрутов восточных и европейских путешественников. Лишь один Ибн-Фадлан оставил описание башкир Приуралья, которое опирается на личные наблюдения. Во всех остальных случаях (Ибн-Русте, Масуди, Гардизи, Идриси, В. Рубрук, П. Карпини и др.) сведения о башкирах заимствованы из не дошедших до нас сочинений более ранних путешественников или почерпнуты из устных рассказов и поэтому отрывочны и чрезвычайно противоречивы (Заходер, 1962; Pegenyi, 1959). И все же свидетельства средневековых авторов могут служить отправной базой для решения некоторых ключевых вопросов этнической истории башкир, но исчерпывающая историческая интерпретация этих сообщений возможна лишь на широком историческом фоне, разработанном с привлечением всей совокупности источников.

Археологическое изучение Башкирии в широких масштабах началось два десятилетия назад (Бикбулатов, Мажитов, 1969). Сейчас накоплен значительный материал, который впервые обобщен в нескольких монографиях и многочисленных статьях и сборниках (А. П. Смирнов, 1958; Сальников, 1967; Мажитов, 1968; БАС, 1959; АЭБ, 1962, 1964, 1968, 1971). Однако весь этот материал относится по существу к «добашкирскому» периоду истории Башкирии. Этническая история башкир IX–XVI вв. археологическими исследованиями не освещена или освещена очень слабо. В последние годы на территории Башкирии изучена небольшая, но интересная серия памятников IX–XI вв., которая археологами связывается с тюркоязычными кочевниками или с собственно башкирами (Садыхова, 1959; Мажитов, 1964а). В целом же археология лишь вступила на путь создания общей концепции этнической истории башкир с древнейших времен до формирования их в народность. Объясняется это не только недостаточной изученностью средневековых памятников Башкирии. Серьезные трудности создаются неустойчивостью, а точнее, неотработанностью критериев выделения археологических культур в степном мире и чрезвычайной относительностью определений этнической принадлежности племен той или иной культуры в I тыс. н. э. Сдерживающим моментом в широкой интерпретации археологического материала является также позиция крайнего автохтонизма, занятая некоторыми археологами в изучении этногенеза башкир (Мажитов, 1971, стр. 13). Эти обстоятельства заставляют, отдавая должное археологическим источникам и используя их при изучении древней истории края, признавая постоянно возрастающую роль археологии в исследовании исторических проблем эпохи средневековья, все же с критической осмотрительностью

привлекать результаты археологических изысканий при разработке общей концепции этногенеза башкир.

Значительный вклад в исследование древней и средневековой истории Башкирии и башкир может внести историческая этнография. И не только потому, что историческая этнография, разрабатывая свойственные ей проблемы этногенеза, истории культуры и родового строя, может с большим эффектом использовать дошедшие до нас немногочисленные свидетельства средневековых хронистов, писателей и путешественников. Изучая этнографические явления на обозримом для фиксации периоде (вторая половина XIX–XX в.), отталкиваясь от этой достоверной действительности и сопоставляя полученный материал с письменными и иными источниками предшествующих веков, историческая этнография в состоянии делать плодотворные ретроспективные реконструкции. Эти возможности исторической этнографии особую ценность имеют при изучении истории бывших кочевников. Исследователи довольно часто вынуждены отмечать, что письменные источники по истории кочевников (там, где они имеются) не отражают во всех нюансах внутренних особенностей социальной организации скотоводческого общества, специфики хозяйства, а тем более сложных явлений этнической истории.

Перед исторической этнографией, таким образом, в использовании накопленных ею фактов стоит трудная, но реальная задача. Заключается она в том, чтобы сомкнуть полевой этнографический материал, относящийся к XIX–XX вв., с историческими, археологическими и другими источниками предшествующих веков, скоррелировать их и на этой общей основе создать качественно обновленную источниковедческую базу для изучения этнических, хозяйственно-культурных и социальных проблем истории башкир эпохи древности и средневековья. Реализация намеченного подхода к использованию этнографических источников (при широком хронологическом диапазоне изучаемого периода) требует тщательности в выборе методов и приемов исследования. Особенно важны вопросы достоверности, датировки, репрезентативности материала.

Основным направлением, повышения эффективности этнографических источников и объективности исторического повествования является расширение рамок исследования как в плане территориальном, так и в хронологическом. Соответственно необходимо привлечение разнообразного сопоставимого материала, установление на его основе преемственных и иных связей между удаленными друг от друга территориями или временем, фактами и событиями. В этом мы видим один из аспектов реализации комплексного метода в изучении этногенетических проблем, который автором трактуется не как совмещение в одном исследовании разнородного материала, а как принцип взаимной проверки и корреляции смежными науками достоверности фактов и объективности полученных оценок и выводов.

Особое значение имеет массовость исходного материала, репрезентативного по всему этносу. Сравнительно-исторический метод превращается в примитивный компаративизм, если к историческим сопоставлениям привлекается случайно подобранный этнографический материал, вырванный из контекста исторических событий, или же материал, хотя и обширный, но не отражающий изучаемого явления во всей его совокупности. В методическом отношении широкая представительность мобилизуемых источников обеспечивает возможность системного анализа этнической истории народа, позволяет повысить качество датировки этнографического материала путем его стратиграфического членения с привязкой выделенных пластов культуры к определенным историческим эпохам ⁴.

В силу некоторых научных традиций, а также успехов в области археологии и сравнительно-исторического языкознания этногенетические исследования по башкирам акцентируют внимание на ранних этапах этногенеза, а точнее — на происхождении той племенной общности, которая явилась или могла явиться ядром в формировании башкирской народности. Однако такое понимание сущности проблемы этногенеза башкир не является исчерпывающим. В последние годы хронологические рамки этногенетических исследований существенным образом раздвигаются: происхождение народностей рассматривается как длительный процесс — от возникновения первичных этнических образований в глубинах первобытности до формирования самой народности и тех основных признаков, которые до настоящего времени определяют ее этнический облик (Чебоксаров, 1967; Бромлей, 1970). Отмеченная постановка проблемы заставляет говорить не столько о происхождении, сколько о сложении башкирской народности.

Вопрос об этническом ядре или об этнических компонентах, легших в основу формирования народности, рассматривается в этом свете как составная часть более широко поставленной проблемы. Именно поэтому в исследование вовлекается материал по поздним этапам этнической истории. Поздние этапы этнической истории не только у башкир, но и у некоторых других народов Восточной Европы являются определяющими в формировании их современных этнических признаков. Так, затянувшиеся дискуссии о болгарской основе татарского или чувашского этногенеза, угро-мадьярской или исключительно древнетюркской основе башкирского этногенеза, независимо от их исхода, едва ли в состоянии удовлетворительно объяснить происхождение и развитие совокупности этнических показателей, определяющей нынешний облик этих народов: языка, культуры, физического типа и др.

⁴ Специально об этом см.: Кузеев, 1973.

К объяснению этих вопросов можно прийти, изучая этнические процессы в IX–XVI вв., когда в обстановке усложнения социально-экономической и политической истории в обширной зоне смыкания степных и земледельческих племен активизировались тенденции к консолидации этнических групп, приведшие в конечном итоге к сложению ряда народностей Восточной Европы и Средней Азии. Поэтому исследования, направленные к реконструкции древнейших этапов этногенеза башкир, лишь одна из необходимых линий решения общей проблемы. Другая важная линия — изучение поздних этапов этнической истории. В настоящей работе одним из исходных является положение, согласно которому разработка общей схемы этнической истории башкирского народа осуществляется на базе исследования этнических процессов на всех этапах их развития. Такой подход создает наиболее благоприятные предпосылки для осуществления в этническом исследовании принципа последовательного историзма, органически вытекающего из марксистско-ленинской концепции истории народов мира. Историческая этнография в силу особенностей ее источников наиболее результативно может изучать поздние периоды этногенеза, хотя обычно стремится охватить проблему в целом.

Из всей совокупности этнографических материалов, использованных в процессе исследования, важное значение придано сведениям по этническому составу башкир. Историко-этнографические исследования по народам Средней Азии, Сибири и Восточной Европы (Жданко, 1950; Абрамзон, 1960, 1971; Долгих, 1960; Потапов, 1969 и др.) убедительно показали, что реконструкция этнического (родоплеменного) состава⁵, картографирование этого материала, выяснение истории расселения составных частей народа и сопоставление полученных результатов с другими ис-

⁵ В историко-этнографической литературе по народам Средней Азии, Казахстана и Южной Сибири нет четкого разграничения в понятиях «этнический» и «родоплеменной» состав. Исследование этнического состава этих народов имеет в виду прежде всего установление традиционной родоплеменной номенклатуры, хотя применительно к истории XVII—XIX вв. более правомерно вести речь об этническом составе. Специфика истории башкир (и не только башкир) заключается в том, что в их состав издавна вливались инородные группы населения, которые принимали традиционные формы родоплеменных организаций (род — сарт-калмак, родовые подразделения — каракалпак, казах, татар, мишар, калмак, ногай, чуваш, черемис и др.). Отнесение подобных образований к разряду «родоплеменных» без существенных оговорок невозможно, хотя их выделение в общей родоплеменной системе башкир весьма важно в плане изучения этнической истории. Таким образом, понятие «этнический состав» шире и точнее отражает сущность темы: оно подразумевает как установление традиционного родоплеменного состава, так и выделение групп населения, влившихся в башкирскую среду преимущественно в XVII–XIX вв.

точниками открывают широкие возможности для плодотворного изучения как раз тех этапов этнической истории народов, в процессе развития которых происходило становление их современного этнического облика.

Принципиальное значение детальной реконструкции этнического состава тюркских народов для изучения этнолингвистических проблем настойчиво подчеркивалось и подчеркивается в языковедческой литературе (Радлов, 1887; Кононов, 1958; Räsänen, 1961; Németh, 1966 и др.). В соответствии с этим нами уделено большое внимание разработке этнического состава и истории расселения башкир в XVII–XIX вв. Но главным содержанием исследования стало изучение исторического процесса сложения и формирования этнического состава башкирского народа. Выполнение этой задачи обусловило, естественно, широкое вовлечение в сферу исследования не только историко-этнографических данных по собственно башкирской истории (исторические предания, легенды, эпос и др.), но и материалов по родовой системе многих тюркских и финно-угорских народов, в разное время участвовавших в этнических процессах на огромной территории от Волги до Алтая.

Процесс сложения этнического состава народа является основной канвой истории его формирования. Раскрытие этого процесса существенным образом облегчает и приближает разработку общей схемы этнической истории народа. Успехи, достигнутые в этой области советской этнографией, сделали такие изыскания по этногенезу башкир вполне возможными. Создание же монографий, обобщающих в сравнительно-историческом плане колоссальный материал по родоплеменной системе и этнической истории тюркских, финно-угорских и других народов, — задача будущего.

На все печатные издания (как на публикации документов и материалов, так и на исследования) ссылки даны непосредственно в тексте; указаны фамилия автора или составителя, год издания, страницы. Список изданий, на которые имеется ссылка, читатель найдет в конце книги. Ссылки на полевые дневники экспедиций, материалы научных архивов и рукописных фондов учреждений, а также на другие неопубликованные источники сокращены до минимума и даны подстрочно. Нумерация таблиц дана по главам. Нумерация карт сплошная по всей работе.

Написание всех башкирских терминов дается по правилам современной башкирской орфографии с учетом различий в произношении слов в живой речи.

Автор считает приятным долгом выразить признательность сотрудникам Института этнографии АН СССР и Института истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР, которые своими замечаниями, дополнениями и критикой способствовали появлению этой книги.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ
ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО
ИССЛЕДОВАНИЯ
ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
БАШКИРСКОГО
НАРОДА

ГЛАВА I

ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР. ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИРСКОГО НАРОДА

Этногенез башкир принадлежит к числу малоизученных и наиболее сложных проблем современной исторической науки. За двадцати с лишним лет, в течение которых отечественная и зарубежная проявляла неизменный интерес к проблеме происхождения башкир, создано немало гипотез и высказано множество мнений. Все они посвящены древним этапам башкирского этногенеза и не затрагивают исторического процесса становления народа в целом. В зависимости от источников, на которые опирались исследователи, предками башкир назывались сарматы или волжские булгары (Татищев, 1962), племена, родственные ногайцам (Рычков, 1762), финно-угры (Уйфальви, 1877), гунны или уйгуры (Мерэсов, 1925; 1926) и т. д.

Неточное освещение исторической перспективы или отсутствие общей картины в изучении исторического явления ведет к гипертрофированному выделению тех или иных аспектов проблемы. В проблеме этногенеза башкир наиболее дискуссионным оказался вопрос об угорской или тюркской основе башкирского этноса. В прямой связи в нем возникла так называемая проблема башкиро-мадьярского родства или, как ее обычно именуют, «башкиро-мадьярская проблема». Разработка этнической истории башкир велась и в значительной степени ведется сейчас под знаком дискуссии и неугасающих споров между сторонниками «тюркской» и «угро-мадьярской» гипотез происхождения башкирского народа. Возникновение и развитие указанных гипотез в основном сводится к следующему.

Первое письменное упоминание о башкирах в Волго-Уральской области относится к 922 г. н. э. Уже тогда их принадлежность к тюр-

кам не вызывала сомнений, во всяком случае, у автора этих сведений Ахмеда ибн-Фадлана — одного из членов посольства халифа Ал-Муктадира к волжским булгарам (Ковалевский, 1956, стр. 130). Позднее (в 1073–1074 гг.) в «Словаре тюркских языков» известного филолога средневековья Махмуда ал-Кашгари башкиры со всей определенностью назывались среди 20 «основных» тюркских народов, а язык башкир причислялся к тюркским (МК, 1960, стр. 66).

Собственно письменная история венгерского народа начинается с конца IX в. н. э.

Однако сохранившиеся свидетельства путешественников средневековья, древние венгерские хроники и некоторые другие источники (Аннинский, 1940; Györffy, 1948; Эрдели, 1967) позволяют проследить, правда очень отрывочно, историю древних венгерских племен за несколько предшествующих столетий. Есть основания полагать, что в середине и во второй половине I тыс. н. э. крайний восток Европы, т. е. примерно территорию юго-западного Приуралья, включая заволжские степи, населяли угорские (в том числе древневенгерские) племена. На этой территории мадьяры или некоторые мадьярские племена были зафиксированы восточными авторами X–XI вв. Ибн-Русте, Ал-Бакри и Гардизи, сообщения которых восходят к источникам более раннего времени, по крайней мере, к IX в. (Тизенгаузен, 1884; Хвольсон, 1869; Куник и Розен, 1878; Бартольд, 1897). Позднее эти сведения были повторены в сочинениях Ал-Идриси (XII в.), Ал-Казвини (XIII в.), Якута ал-Хамави (XIII в.), Ибн-ал-Асира (XIII в.), Абу-л-Фида (XIII–XIV вв.) и других, которые, однако, наряду с мадьярами знали на той же территории и башкир. Следуя установившейся в арабо-персидской литературе традиции, указанные писатели воспроизводят заимствованные у предшественников сообщения о мадьярских племенах в Поволжье, но под влиянием новых сведений о приуральских башкирах смешивают древних венгров и башкир, принимая их за один и тот же народ. В ряде случаев восточные писатели «башкирами» называют венгров, ничего не упоминая о собственно башкирах.

Дальнейшие события древневенгерской истории также дают повод для отождествления башкир и венгров. Примерно в VIII — начале IX в. основная часть древних мадьяр, подхваченная волной «великого переселения народов», двинулась на запад. В начале IX в. сильно трансформировавшиеся от долгого соприкосновения с тюркскими и иранскими племенами мадьяры были зафиксированы источниками в Донско-Кавказской области и в Причерноморье. Двигаясь далее на запад, венгерские кочевники после ожесточенной схватки с древними насельниками плодородной Дунайской долины — славянами и аварами — осели на территории своей нынешней родины (Мольнар, 1955; Артамонов, 1962; Moravcsik, 1970; ИВ, 1971).

В составе венгров византийскими источниками первой половины X в., в частности в сочинении Константина Багрянородного, названы несколько племен, этнонимы которых имеют параллели у башкир (КБ, 1934).

Следовательно, можно заключить, что часть венгров осталась на древней родине, где-то к востоку от Волги, или мигрировала туда после ухода основной части мадьярских племен в Паннонию с юга, с территории Донско-Кавказской области. Через три столетия их потомков обнаружил доминиканец Юлиан, который дважды (в 1235–1237 и 1237–1238 гг.) предпринимал рискованные путешествия на Восток с целью найти соплеменников и обратить их в христианство. Выйдя в путь из доминиканского монастыря в Венгерском королевстве, Юлиан с невероятными лишениями достиг Волжско-Булгарского царства, где близ «большой реки Этиль» встретил кочевавших там восточных венгров, объяснявшихся с ним на своем родном языке (Аннинский, 1940, стр. 81). Успех первого визита побудил Юлиана ко второму путешествию, но оно оказалось безрезультатным из-за разразившегося монгольского нашествия. Таким образом, Юлиан остается не только первооткрывателем, но и единственным очевидцем древней Венгрии, так как другие миссионеры до Юлиана — доминиканец Отто, несколько позднее минорит Иоганка Венгр — получили о ней сведения опосредованным путем.

Брат Юлиана Рихард, составивший описание его путешествия, ничего не сообщил о башкирах, вероятно, потому, что Юлиан до них не добрался. Это обстоятельство оказалось одним из отправных во всякого рода преувеличениях (в том числе и в идентификации башкир с венграми), которые допускали в своих сообщениях последующие средневековые авторы, лично с башкирами не сталкивавшиеся и выдававшие за свои наблюдения нечеткие представления случайных информаторов и соответственно своим взглядам прокомментированные сведения предшественников. Именно в этом плане приходится рассматривать путевые записки западноевропейских вояжеров середины XIII в. — католических монахов Плано Карпини, Бенедикта Полония и Гильома де Рубрука. Карпини и Бенедикт, тем более Рубрук, проехали на несколько сот километров южнее страны, которую они в своих записках называют Баскарт, Баскурд, Паскатир, во всех трех случаях отождествляя ее с прародиной венгров (ПВС, 1957). Не могли, следовательно, они знать и разговорной речи тамошнего (башкирского) населения. В то же время образованным путешественникам-миссионерам были, очевидно, известны не только записки Рихарда о прародине венгров на Волге, но и арабская литературная традиция X–XIII вв., не различавшая строго башкир и венгров. Попытки совмещения противоречивых исходных данных средневековой восточной и западной науки приводят Карпини и Рубрука (Бенедикт же попросту заимствовал свои «открытия» у своего метра Карпини) к выво-

дам, среди которых положения о тождественности древней территории венгров и Древней Башкирии и соответственно башкирского и венгерского языков были заимствованы новой и новейшей наукой. По мнению венгерского исследователя Й. Переньи, сообщения Карпини и Рубрука в отношении древней территории венгров и Древней Башкирии являются примером типичного для средневековой науки компилятивного метода умозрительных заключений и некритического использования источников (Perenyi, 1959).

Такова историко-фактологическая основа появления угро-мадьярской и тюркской гипотез происхождения башкир. С позиций современного уровня наших знаний мы можем достаточно четко сформулировать вопросы, которые остаются нерешенными: была ли в Волго-Уральском регионе древняя Венгрия и, если была, где она точно находилась; осталась ли в VIII–IX вв. на старой родине какая-то часть венгров и, если осталась, какую роль она сыграла в этногенезе башкир; могла ли в эту же эпоху какая-то часть мадьярских племен мигрировать в Волго-Уральскую область с юга, из районов Донско-Кавказской области; ассимилировались ли древнемадьярские группы в составе тюркских племен Приуралья и Поволжья или же, напротив, именно они составили этническое ядро формирующейся башкирской народности?

Ответ на любой из этих вопросов требует мобилизации различных источников. Вплоть до конца XIX в. накопление источников шло, однако, чрезвычайно медленно. Тем не менее сведения средневековых западных и восточных путешественников дали повод многим ученым, начиная с XVIII в., выступить с идеей башкиро-мадьярской этнической общности в эпоху древности. Создателями и первыми последователями угорско-мадьярской гипотезы происхождения башкир можно считать И. Страленберга (Strahlenberg, 1730, стр. 61), И. Фишера (1774, стр. 78–79), А. Л. Шлецера (1813, стр. 339), С. Клапрота (Klaproth, 1826, стр. 275), П. И. Шафарика (1847, стр. 242), В. В. Гумбольта, М. Кастрена (Castrens, 1857, стр. 92). Особенно настойчиво о родстве древних венгров и башкир говорили И. Фишер и А. Л. Шлецер. Но в виде законченной концепции эту идею изложил известный семитолог, академик Д. А. Хвольсон (1869). В отличие от своих предшественников, которые в качестве основного аргумента оперировали сообщениями Карпини и Рубрука, Д. А. Хвольсон обратился к восточным авторам — от Ибн-Русте (X в.) до Шокраллаха (XV в.). Вывод Д. А. Хвольсона базируется на сугубо филологическом анализе этнонимов *башкорт* и *мадьяр*, которые, по его мысли, были совершенно тождественными так же, как была единой древняя угорская основа венгерской и башкирской народностей. Концепция Д. А. Хвольсона имела многочисленных последователей среди историков и антропологов конца XIX в. (Г. Уйфальви, И. Н. Березин, С. В. Ешевский, Э. Реклю и др.). Она имела известное влияние и на историко-лингвистические

исследования, хотя в этой области более значительной оказалась роль работ Б. Мункачи, стремившегося обосновать существование башкиро-венгерских связей на основе выдвинутого им тезиса о приходе мадьярских племен на Волгу вместе с булгарами из района Северного Кавказа (Munkachy, 1894). Среди последних укажем еще на две работы венгерских ученых — Д. Месароша и Д. Немета, одинаковых по названию («Великая Венгрия»), сходных по выводам (башкиры по происхождению — часть древних венгров), хотя и различных по привлеченному материалу и методам исследования (Mészáros, 1910; Németh, 1929). В сравнительно недавнее время теория башкиро-венгерского родства и идея угорского происхождения башкир были вновь подновлены, на этот раз на основе так называемого биогеографического метода в лингвистических исследованиях (Хайду, 1953) или же с привлечением уже известных сообщений средневековых путешественников (Décsy, 1965, стр. 149–150).

Угорская гипотеза происхождения башкир в историко-этнографической литературе стала традицией. В новых исследованиях к ней обращаются многие авторы (Толстов, 1948, стр. 246; Шастина, 1957, стр. 211; Токарев, 1958, стр. 193; Артамонов, 1962 г. стр. 338 и др.), хотя за аргументацией почти во всех случаях читатели отсылаются к сочинениям Д. А. Хвольсона или его предшественников. Проникнув в ряд обобщающих изданий (ВЦИ, III, 1957, стр. 478), угорская, или угро-мадьярская, концепция этногенеза башкирского народа стала одним из распространенных положений современной исторической науки.

Даже в период наибольшего развития (середина и начало второй половины XIX в.) угорская теория происхождения башкир и идея башкиро-мадьярского родства имели многочисленных противников. В конце XIX — начале XX в., когда начавшиеся антропологические и историко-лингвистические изыскания показали чрезвычайную сложность этнической истории башкир, в научной литературе оформилась концепция тюркского происхождения башкирского народа. Наиболее отчетливо она сформулирована в сочинениях Н. М. Малиева (1876, стр. 14–15) и В. М. Флоринского (1874, стр. 729–730). Еще раньше в этом же духе высказались В. В. Вельяминов-Зернов (1864) и финский ученый Д. Европеус (1868, стр. 66; 1874, стр. 3). Доказательства Малиева, Флоринского и Европеуса, построенные преимущественно на антропологическом и историко-лингвистическом материалах, оказали сильное влияние на исторические работы конца XIX — начала XX в. К тюркской теории происхождения башкир присоединились В. А. Новиков (1879, стр. 7), А. П. Богданов (1880, стр. 286–300), В. Н. Витевский (1897, т. I, стр. 118–218) и др. Однако уже тогда исследователи, которые наряду с использованием сравнительно-исторического метода оперировали в своей работе новым конкретным материалом, стремились преодолеть крайности как угорской (или мадьярской), так и тюркской теории башкирского этногенеза.

Развитие научной мысли, хотя и медленно, шло в направлении, которое в конечном итоге, отдав преимущество идее тюркского происхождения башкирского народа, допускало (в том или ином масштабе) участие в его этногенезе угорского или финно-угорского компонента. Еще Д. Европеус, Н. М. Малиев и другие предполагали участие нетюркского компонента в происхождении башкирского народа. Но впервые мысль о тюркской основе башкирского этногенеза и некотором участии в нем предков венгров четко была сформулирована Х. Вамбери (Vámbéry, 1885, стр. 514–517). Смешанность этнического состава башкир с преобладанием в нем тюркского (обычно ногайского или кыпчакского) компонента подчеркивали этнографы и антропологи П. С. Назаров (1890, стр. 164), С. Вайсенберг (Weissenberg, 1892, стр. 211–216), С. Соммье (1891–1892, стр. 22–34), А. Н. Абрамов (1907, стр. 1–55). Наиболее значительными в этом ряду были работы Н. А. Аристова (1894, 1896) и Д. Н. Соколова (1898, 1904).

Крупный ориенталист и ученый с широкой эрудицией, Н. А. Аристов, явился по существу пионером в области историко-этнографической интерпретации родоплеменной этнонимии и сопутствующих ей материалов в свете общих проблем этногенеза тюркских народов. Д. Н. Соколов впервые собрал (из архивных источников и во время поездки в южную Башкирию) более 800 башкирских тамг и удачно использовал их для доказательства древних этнических связей башкир с тюркскими племенами Алтая и Средней Азии. Работы Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова явились крупным этапом в развитии тюркской концепции башкирского этногенеза, хотя оба исследователя отмечали участие в этническом формировании башкирского народа и нетюркского, в частности финно-угорского, компонента. Выводы Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова о происхождении и этнической истории ряда башкирских племен (кыпчак, мин, табын и др.) не потеряли значения и сегодня. «Сведения о родах каракалпаков и башкир, — писал, например, Н. А. Аристов, — удостоверяют, что народности эти составились в значительной мере из тех же тюркских племен, как и киргиз-казаки» (1896, стр. 453). Слабым местом исследований Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова по этногенезу башкир была бедность использованной ими фактологической информации (Бартольд, 1968б). Оба исследователя в качестве исходного материала опирались (не имея собственного материала) на данные по родоплеменному составу волостной административной системы башкир, опубликованные еще в середине XVIII в. П. И. Рычковым (1762). Впрочем, как Н. А. Аристов, так и Д. Н. Соколов сами отмечали это обстоятельство, подчеркивая перспективность широкого изучения родоплеменного состава, тамг, преданий и старых рукописей тюркских народов в плане исследования их этногенеза. К сожалению, в ту эпоху этим советам как в отечественной, так и в зарубежной науке последовали немногие.

Исключением являются некоторые труды представителей национальной (башкирской и татарской) историографии, переживавшей в конце XIX — начале XX в. пору своего подъема.

В журналах «Шура», позднее в «Яңы юл», «Башкорт аймағы» были опубликованы работы М. Хади (Ғади, 1909), Р. Фахретдинова (Фәхрәтдинов, 1909), Ж. Валидова (Вәлидов, 1912), Х. Атласова (1913), Г. Шарафа (Шәрәф, 1916), З. Надиева (1916), С. Мирасова (Мерәсов, 1924; 1925; 1926; 1927; 1927а), которые широко использовали родоплеменную этнонимию, предания, старые башкирские рукописные тексты для освещения тех или иных вопросов этнической истории. Работы этих авторов, написанные зачастую на краеведческом уровне и стоящие на некоторых крайностях в защите концепции исключительно тюркского происхождения башкир, имеют большую ценность по содержащемуся в них фактическому материалу. Особенно значителен вклад в разработку этнической истории внес С. Мирасов, который впервые собрал и ввел в научный оборот ряд этногенетических преданий и другие историко-этнографические материалы. Будучи хорошо знаком с восточными источниками и с современной ему русской историко-этнографической литературой, С. Мирасов в понимании проблем башкирского этногенеза занимал позиции весьма сходные с точкой зрения Н. А. Аристова и Д. Н. Соколова.

Крупным событием в изучении этнографии башкир явился двухтомник «Башкиры» С. И. Руденко (1916, 1925). Фундаментальное исследование С. И. Руденко посвящено описанию физического типа и преимущественно материальной культуры башкир. Несмотря на то что автор не ставил целью разработку проблем этнической истории, его выводы о многосторонних (главным образом волжско-камских и восточнотюркских) этнокультурных связях башкир, о сложности их этнического и антропологического состава, о ведущей роли тюркского компонента в формировании башкирского этноса явились существенным вкладом в исследование проблемы башкирского этногенеза. При переиздании второго тома монографии С. И. Руденко дополнил его специальной главой «Вопросы этногенеза», в которой, опираясь в основном на материалы первого издания книги, более четко сформулировал отрицательное отношение к угорской теории и свою приверженность к тюркской концепции происхождения башкир. В то же время нельзя не отметить и некоторую противоречивость во взглядах С. И. Руденко на этногенез башкир (1955, стр. 351–352), что было замечено и другими исследователями (Алексеев, 1971, стр. 253–254).

Среди зарубежных исследований 1920–1930-х годов, отстаивавших идею тюркского этногенеза башкир, выделяются своей крайней последовательностью (вплоть до утверждения автохтонного происхождения большинства тюркских народов) работы турецких ученых (Kurat, 1937).

Развитие угорской и тюркской концепций этногенеза башкир и дискуссии между их сторонниками имели определенные положительные результаты. Заключаются они прежде всего в том, что к середине XX в. в научной литературе отчетливо наметилась точка зрения, которая, признавая обоснованность существования указанных гипотез, в то же время считала саму проблему значительно более широкой. Одновременно стало ясно, что дальнейшие исследования требуют накопления новых фактов. Интерпретация известных сообщений средневековых авторов без привлечения дополнительных источников по существу исчерпала себя. Успехи археологии, антропологии, исторического языкознания подсаживали необходимость разностороннего подхода к изучению проблемы.

Новый этап активных исследований в области древней истории Башкирии, которые неизбежно затрагивали и проблемы этногенеза, падает на послевоенный период. Особенности указанного этапа являются: значительные и постоянно возрастающие масштабы исследований многих сторон этнической истории башкир на основе достижений различных дисциплин — археологии, этнографии, антропологии, языкознания, фольклористики и др.; постепенный пересход в послевоенные годы (в связи с обширностью накопленного материала почти во всех отраслях знаний) к осуществлению комплексного подхода в этногенетических исследованиях; наметившаяся тенденция к преодолению (в связи с обновлением на базе марксистско-ленинской науки теоретических и методических основ этногенетических исследований) крайностей традиционных концепций угорского или исключительно тюркского происхождения башкир и стремление рассматривать происхождение и формирование народностей как сложный, взаимосвязанный процесс постоянного развития этнокультурных, языковых и социально-экономических явлений на обширной территории и в диапазоне сравнительно длительного времени.

Значительные по масштабам археологические исследования в рассматриваемый период были сосредоточены преимущественно на изучении древней истории Башкирии. Благодаря обобщающим работам К. В. Сальникова (1967) и В. С. Стоколоса (1972) по эпохе бронзы, А. В. Збруевой (1952), А. П. Смирнова (1952, 1958), А. Х. Пшеничнюка (1971) и др. по эпохе железа появилась возможность констатировать этнические образования, последовательно сменявшие друг друга на территории исторической Башкирии с III тыс. до н. э. до рубежа нашей эры. Изучение этнической истории Башкирии I тыс. н. э. на основе археологических изысканий наибольших успехов достигло в последнее десятилетие. Исследованиями А. П. Смирнова (1958, 1971), Н. А. Мажитова (1964а, 1968), Р. Б. Ахмерова (1951, 1970), В. Ф. Генинга (1964, 1967), С. М. Васюткина (1968, 1971), М. Х. Садыковой (1959), Г. И. Матвеевой (1971) и других установлен чрезвычайно сложный этнический состав населения края в I тыс. н. э., т. е. в эпоху формирования племенных

образований, сыгравших определенную роль в сложении древнебашкирского этноса¹. Один из важнейших выводов, установленных археологическими изысканиями, заключается в том, что территория Башкирии с древнейших времен до конца I тыс. н. э. была ареной постоянных и многочисленных контактов между разноязычными (иранскими, финно-угорскими, позднее — тюркскими) этническими группами, часть из которых вошла в состав племен, положивших начало башкирскому этносу. В то же время среди изученных археологических памятников Башкирии I тыс. н. э. не удалось выделить культуру, носителей которой можно было бы считать непосредственными и прямыми предками башкир. Перспективными являются начатые недавно исследования Н. А. Мажитова кочевнических курганных и грунтовых могильников VIII–X вв., которые, по предварительным данным, считаются им раннебашкирскими. Многочисленные попытки связать те или иные культуры (например бахмутинскую) или определенные культурные комплексы с археологических памятников Приуралья и Южного Прикамья с древними мадьярами также пока не дали положительных и достоверных результатов, на что уже было указано в литературе (Эрдеи, 1961). Лишь в недавнее время установлены сходные черты в погребальном обряде и в некоторых культурных признаках населения Венгрии «эпохи переселения народов» и племен Волго-Уралья конца I тыс. н. э., открывающие новые моменты в изучении этой проблемы (Халикова, 1971; Казаков, 1971).

В послевоенное время в изучении этнической истории башкир возрастает роль краниологических исследований, что непосредственно связано с накоплением палеоантропологических материалов археологическими экспедициями. Краниологию древнего населения Башкирии и собственно ранних башкир начали изучать еще антропологи конца XIX в. — Н. М. Малиев (1876), А. П. Богданов (1880), Чугунов (1893, 1896) и др. Результаты их исследований, несмотря на небольшой материал, которым они располагали, уже в то время показали широкие возможности краниологических изысканий в изучении этнической истории башкирского народа. Новому этапу работ по этнической антропологии древнего и средневекового населения Башкирии было положено начало Т. А. Трофимовой, обследовавшей черепа из Стерлитамакского могильника VIII–IX вв. (1952). В дальнейшем эти работы в значительных масштабах были продолжены М. С. Акимовой, исследования которой завершились монографической публикацией по антропологии древнего населения Приуралья (1968), и В. П. Алексеевым (1969, 1969а, 1971).

Одним из результатов краниологических исследований являются коррективы, которые они вносят в определения этнической принадлеж-

¹ Специально об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. по данным археологии см. гл. VIII.

ности культур I тыс. н. э. на территории Башкирии (см. гл. VIII). Антропологами отмечена также чрезвычайная смешанность древнего и средневекового населения Приуралья, прослежены процессы взаимодействия местных и пришлых племен, принадлежавших к различным (европеоидным, монголоидным, смешанным европеоидно-монголоидным) антропологическим типам, установлена преемственность ряда антропологических признаков приуральского населения, начиная, по крайней мере, с эпохи раннего железа до конца I тыс. н. э. Сопоставление результатов палеоантропологических изысканий с материалами антропологических исследований современных башкир позволяет в предварительном плане наметить основные вехи истории формирования антропологического состава и антропологических типов башкирского народа (Акимова, 1971). В то же время неравноценность краниологических данных по разным периодам и районам Башкирии, особенно отсутствие массового материала с поздних могильников, характеризующего население Башкирии в конце I — первых веках II тыс. н. э., ограничивают возможности исследователей в выявлении антропологических компонентов, вошедших в состав башкирской народности, и в определении их удельного веса в формировании физического типа той или иной группы башкир.

Поздние этапы этнической истории башкир успешно разрабатываются этнографами Башкирии. Наиболее значительными являются историко-этнографические исследования по декоративно-прикладному искусству (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964), народной одежде (Шитова, 1968), терминологии и системе родства башкир (Бикбулатов, 1964). Широкие сравнительно-исторические сопоставления систематизированного материала по этнографии башкир с аналогичными данными по народам Волго-Камья, Средней Азии, Казахстана и Алтая позволили этнографам показать длительный и чрезвычайно сложный процесс формирования башкирской культуры, выделить в ней пласты, которые можно связать с этническими компонентами, в разное время принявшими участие в становлении башкирского народа. Наряду с древними пластами в культуре башкир, восходящими по происхождению к местным, преимущественно финно-угорским, племенам, выявлены многие привнесенные и в конечном итоге преобладающие культурные признаки, этническое определение которых связывается с тюркскими племенами восточных районов страны, в частности с населением Западной и Южной Сибири.

Исследования в области исторического языкознания развивались в основном в плане выяснения возможных башкиро-финно-угорских и, в частности, башкиро-венгерских языковых связей.

Благодаря работам Д. Г. Киекбаева (1956), Н. Х. Ишбулатова (1967), Н. Х. Максютковой (1967), С. Ф. Миржановой (1969), Б. А. Серебренникова (1972), Т. И. Тепляшиной (1972) в языке башкир, равно как и у других тюркских народов Поволжья, установлены некоторые явления в фо-

нетике, лексике, а также морфологии и синтаксисе, общие с финно-угорскими языками Волго-Камья. Эти исследования начаты сравнительно недавно, и пока невозможно определить природу происхождения указанных явлений. Здесь приходится учитывать не только древние контакты тюркских племен с финно-угорскими, но и длительное территориальное соседство башкир, особенно северных, с населением Прикамья и Среднего Поволжья, что могло способствовать смешению представителей различных языковых групп и возникновению языковых и культурных заимствований.

В области башкиро-венгерских языковых связей новые исследования знаменуются возвращением к основному выводу, сформулированному еще в начале нашего столетия патриархом венгерской лингвистики Гомбоцом Золтаном, который писал: «Теория башкиро-венгерского родства — предание, в научном отношении лишенное всякой основы» (Gombóc, 1912, стр. 31). К отрицанию идеи башкиро-мадьярской языковой общности пришли на основе специальных изысканий советский ученый Б. А. Серебренников (1963) и финский тюрколог М. Рясенен (Räsänen, 1960), хотя оба исследователя допускают возможность взаимодействия предков обоих народов в Приуралье или где-то к востоку от Урала. Аналогичные выводы содержатся в недавних работах крупнейших венгерских лингвистов Л. Лигети (Ligeti, 1964), Д. Немета (Németh, 1966) и англичанина Д. Клоусена (Clauson, 1962), которые проводят четкую грань между процессами этнокультурного и языкового развития. Возможное или вероятное взаимодействие и этническое смешение предков венгров и башкир, по мнению этих ученых, вовсе не означает единства происхождения их языков. Попытки многих исследователей доказать последний тезис не увенчались успехом. Особенно ценно в ряду указанных работ исследование академика Д. Немета о венгерских племенных названиях в башкирской этнонимии (1966). Привлечение новых материалов по этнонимии и их анализ в историко-лингвистическом аспекте позволили Д. Немету по-новому осветить древнюю историю венгерских племен, отказаться от ранее отстаиваемой им идеи башкиро-мадьярского родства и сформулировать тезис, согласно которому башкирский и венгерский народы имели самостоятельные пути этнического становления с древнейших времен.

В целом большинство лингвистов в настоящее время придерживается точки зрения, полагающей, что языки венгров и башкир, принадлежащие к двум разным языковым семьям, не дают сколько-нибудь доказательной основы для теории башкиро-мадьярского родства, хотя в характеристике каждого из них содержатся некоторые элементы, свидетельствующие об их контактах и взаимодействии в прошлом.

В общей проблеме этногенеза башкир одной из сложных является тема о башкиро-татарских этногенетических контактах. Известно, что

башкирский и татарский языки в ряду других тюркских языков характеризуются наибольшей близостью. Это недавно подтвердили исследования Ф. С. Фасеева в Казани (1969) и Т. М. Гарипова в Уфе (1972), проведенные методом сравнительно-статистического анализа лексики тюркских языков Урало-Поволжья. Близость языков свидетельствует, и с этим согласно большинство ученых, об общности путей этнического развития башкир и татар на нескольких или многих этапах их истории. Однако в установлении хронологических рамок общих этапов этнической истории башкирского и татарского народов и особенно в определении тех компонентов, которые обусловили близкое родство их языков, существуют различные взгляды, иногда весьма далекие друг от друга.

До недавнего времени вопрос об общности и различиях в этнической характеристике башкир и татар дискутировался в основном в историко-лингвистическом аспекте. Это нашло косвенное отражение в определении места татарскому и башкирскому языкам в классификационной схеме кыпчакской группы (или общности) тюркских языков по этническому (кыпчакско-булгарская подгруппа — Баскаков, 1966) или географическому (волго-камско-западносибирская подобность — Menges, 1968; урало-поволжская подобность — Гарипов, 1972) принципам. В этногенетическом плане определение Н. А. Баскакова правомерно акцентирует внимание археологов и этнографов на ранних этапах этногенеза татар и башкир, связанных с историей Волжской Булгарии. На вероятное участие булгарского компонента в этногенезе башкир указывали С. И. Руденко (1955), А. П. Смирнов (1958). Эта тема специально рассмотрена Г. В. Юсуповым (1960, стр. 111–137), преимущественно на материалах «булгаро-татарских» эпиграфических памятников XIII–XVII вв. Однако история башкиро-татарских этногенетических контактов трактуется Г. В. Юсуповым исключительно в плане «влияния» булгар, а затем казанских татар на формирование башкирского этноса, что, естественно, невозможно принять в качестве единственной исходной позиции в изучении этой темы.

Заслуга широкой и методологически выдержанной постановки вопроса об общих процессах в этногенезе башкир и татар принадлежит А. Х. Халикову (1971; 1971а; 1972). Им выдвинута идея о неоднократной добулгарской тюркизации Волго-Уральского региона, сыгравшей, по мнению А. Х. Халикова, решающую роль в сложении этнической основы татар и башкир (подробно см. гл. VIII). Определенное значение в формировании общих черт в этническом облике татар и башкир А. Х. Халиков придает и последующим этапам этнической истории обоих народов. Основная идея А. Х. Халикова о добулгарской тюркизации Приуралья и Волго-Камья подверглась критике археологов, придерживающихся иных взглядов об этнической принадлежности носителей тех археологических культур, которыми в своих доказательствах оперирует А. Х. Ха-

ликов (Смирнов, Корнилов, 1971). Отмечая резонансность некоторых из этих возражений, заметим, что упомянутое выше определение К. Менгесом и Т. М. Гариповым места башкирского и татарского языков в кыпчакской языковой группе по географическому признаку также правомерно, если оно имеет в виду (кроме других признаков) общность этнических процессов в Волго-Уральской области и активность башкиро-татарских взаимодействий в сравнительно позднее время (XIII–XVI вв.). Этнические процессы в эпоху средневековья сыграли заметную роль в сближении татарского и башкирского языков, и это подтверждается проведенными недавно историко-лингвистическими изысканиями (Гарипов, 1972а).

Как видно из краткого обзора, история башкиро-татарских этногенетических контактов остается во многом неясной, а в ряде случаев — дискуссионной.

В мае 1969 г. в г. Уфе состоялась научная сессия Отделения истории и Башкирского филиала АН СССР по этногенезу башкир. Сессия подвела итоги проделанной работы и наметила основные направления будущих исследований. В итоговом постановлении участники сессии констатировали значительные масштабы исследований по древней истории и этногенезу башкир, расширение хронологических рамок проводимых изысканий, постепенное преодоление крайностей теорий автохтонизма и миграций в трактовке проблемы. Доклады и сообщения, прочитанные на сессии (НСЭБ, 1969), показали сходность взглядов многих ученых по ряду принципиальных вопросов башкирского этногенеза. В частности, участники сессии пришли к выводу, что в чрезвычайно сложных этногенетических процессах на территории Башкирии с древнейших времен участвовали этнические образования разного происхождения как автохтонные, так и пришлые; что проблема этногенеза башкир, несмотря на важное значение выявления первоначальных компонентов этноса, не исчерпывается изучением ранних этапов и предполагает расширение рамок исследования, по крайней мере, до середины II тыс. н. э.; что основным содержанием этногенетических процессов на территории Башкирии во второй половине I тыс. н. э. было взаимодействие и смешение финно-угорских, сармато-аланских и тюркских племенных групп.

В то же время сессия отметила слабую изученность средневековых археологических памятников на территории Башкирии, недостаточный высокий уровень взаимопроникновения дисциплин (в частности археологии и этнографии) в исследовании проблемы этногенеза. Остались нераскрытыми или спорными многие вопросы этнической истории башкир, без выяснения которых создание общей концепции этногенеза невозможно. К ним, в частности, относятся этническое определение большинства археологических культур на территории исторической Башкирии в I тыс. н. э.; время, направление и масштабы проникновения тюрков в Волго-Уральский регион; роль финно-угров вообще и древних венгров

в частности в этногенезе башкир; этническая характеристика племенных групп, явившихся компонентами в сложении башкирского этноса; территория формирования древнебашкирского этноса; общность и различия в этническом развитии башкир и татар; характер взаимодействия местного и пришлого компонентов и удельный вес каждого из них в формировании башкирской народности; значение поздних миграций в этнической истории башкир; социально-экономические и политические предпосылки, обусловившие консолидацию башкирской народности.

Все эти, а также многие другие вопросы затрагиваются и с той или иной полнотой рассматриваются в настоящей работе. Однако, учитывая общее состояние источников, автор не может претендовать на исчерпывающее их решение. Стремясь разработать общую схему этнической истории башкирского народа, он в ряде случаев, особенно при рассмотрении начальных стадий этногенеза, был вынужден ограничиться более или менее вероятными гипотезами и предположениями. В то же время массовость и достоверность материала по этническому составу башкир, достаточно прочная аргументированность средневековых этапов этнической истории башкирского народа не только подкрепляют, но и, на наш взгляд, в определенной степени гарантируют правильность произведенных нами ретроспективных реконструкций.

ИСТОЧНИКИ

Настоящее исследование написано с привлечением широкого круга источников. Автор, в частности, изучил доступные ему сочинения средневековых западных и восточных писателей. Историко-критическая оценка указанных источников, в том числе в свете нашей темы, уже давалась в литературе (Хвольсон, 1869; Аннинский, 1940; Заходер, 1956, 1962; Поляк, 1964; Эрдели, 1967). Кроме того, в списке литературы и опубликованных источников, помещенном в конце книги, дается достаточно полное представление об использованных материалах. Имея в виду эти обстоятельства, автор счел целесообразным сосредоточить внимание на обзоре историко-этнографических и (гл. II) архивных источников, которые в этногенетических исследованиях по башкирам вводятся в научный оборот впервые. В необходимых случаях критическая оценка опубликованных источников и литературы по отдельным дискуссионным вопросам дается в соответствующих главах.

Материалы полевых исследований

В основу исследования легли полевые материалы этнографических экспедиций 1953–1965 гг. За это время Институтом истории, языка и литературы Башкирского филиала АН СССР было организовано 16 экс-

педиций и экспедиционных выездов. Маршруты их были составлены таким образом, чтобы охватить все районы, населенные башкирами ². Кроме Башкирской АССР, этнографические экспедиции работали в башкирских районах Татарской АССР, а также в Свердловской, Челябинской, Курганской, Оренбургской, Куйбышевской, Саратовской и Пермской областях. На Южном Урале (юго-восточная Башкирия) полевые работы проводились дважды (в 1953 и 1958 гг.) ³. За годы экспедиционных работ собран обширный материал по этническому составу и истории расселения башкир, зафиксированы родоплеменные тамги, деревья, птицы (онгоны), записаны исторические предания и легенды, собраны старинные башкирские рукописи. По широкой программе проводилась полевая работа по материальной и духовной культуре башкир. Накоплен также значительный материал, позволяющий исследовать структуру башкирского рода, роль патриархально-родовых институтов в общественной жизни башкир, эволюцию системы башкирского землепользования в тесной связи с процессом распада родоплеменных организаций, соотношение башкирского рода и общины на различных этапах их истории и т. д. Итоги исследования систематически публиковались в многотомной серии «Археология и этнография Башкирии» (1962, 1964, 1968, 1971) и в других изданиях Башкирского филиала АН СССР.

Информаторами, как правило, выступали пожилые колхозники и колхозницы, которым автор, пользуясь случаем, выражает глубокую признательность. В 1950-х годах нередко можно было встретить замечательных сказителей и сказительниц, которые в кругу молодежи любили рассказывать древние предания, услышанные ими в детстве от отцов и дедов. С годами, однако, знатоков древностей становилось все меньше, а вместе с ними навсегда утрачивались своевременно не собранные и не записанные повествования о былой истории и жизни башкир. Если бы наши основные полевые исследования не были проведены в 1950-х — начале 1960-х годов, то большинство материалов, представленных в настоящей работе, не стало бы достоянием науки.

С 1959 г. в Башкирии и башкирских районах соседних областей ежегодно работают фольклорные и диалектологические экспедиции. В дневниках и научных отчетах экспедиций содержится значительный материал, представляющий интерес для нашей темы. Преимущественно это родоплеменные этнонимы, исторические предания, повествования о переселениях или возникновении тех или иных деревень. В процессе работы нами изучены все отчеты фольклорных и диалектологических экспе-

² Материалы экспедиций (дневники, фотографии, рисунки) хранятся в архивном фонде ИИЯЛ БФАН СССР.

³ Постоянными участниками всех экспедиций начиная с 1958 г. были, кроме автора, Н. В. Бикбулатов, С. Н. Шитова, М. В. Сурина.

дий 1959–1969 гг.⁴, что позволило существенно дополнить и обогатить материал, собранный в этнографических экспедициях.

Накопленный полевой материал относится преимущественно к XIX в., а по родоплеменному составу — к XVII–XIX вв. С такой оговоркой он и представлен в книге. В то же время в процессе работы автор учитывал консервативность и традиционность патриархальных институтов и атрибутов родоплеменной жизни и, привлекая документальный материал, прямо или косвенно характеризующий этнические процессы в Башкирии в более ранние эпохи, стремился расширить хронологические рамки исследования.

Башкирские шежере

Изучение многих вопросов этнической истории башкир и расширение хронологических рамок исследования стали возможными благодаря введению в научный оборот башкирских шежере⁵. Шежере — своеобразные письменные памятники XVI–XIX, а иногда и более ранних веков. Слово «шежере» (*шажжара*) означает «родословная» или «родословие» (БРС, 1958, стр. 667). Однако такой перевод не исчерпывает значения, которое термин «шежере» имеет в действительности. В историко-краеведческой литературе XIX в. эти письменные памятники назывались по-разному: хроникой, преданием, летописью или просто исторической за-

⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 1, 2. Фольклор башкир Курганской области. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1959 г., т. I–II; ф. 3, оп. 23, д. 5. Материалы по башкирскому фольклору, 1959; ф. 3, оп. 16, д. 1. Научный отчет диалектологической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР за 1959 г. Говоры восточных районов Башкирии; ф. 3, оп. 21, д. 3, 4, 5. Фольклор башкир Оренбургской области. Материалы фольклорной экспедиции 1960 г., т. I, II, III; ф. 3, оп. 23, д. 7. Башкортостандың Бөрйән, Биләрет райондары башкорт халыҡ ижады буйынса материалдар; ф. 3, оп. 16, д. 3. Научный отчет диалектологической экспедиции за 1960 г.; ф. 3, оп. 21, д. 6, 7. Фольклор башкир Куйбышевской, Саратовской областей. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1961 г., т. I–II; ф. 3, оп. 21, д. 8, 9. Фольклор башкир Челябинской области. Научный отчет фольклорной экспедиции за 1962 г., т. I–II, ф. 3, оп. 16, д. 9. Научный отчет диалектологической экспедиции за 1962 г.; ф. 3, оп. 21, д. 9, 10. Материалы фольклорной экспедиции 1963 г. в Свердловской и Пермской областях, т. I–II; ф. 3, оп. 21, д. 12. Н. Д. Шункаров. Фольклорно-этнографические материалы, собранные в 1964–1965 гг. в Альшеевском, Бирском, Зианчуринском районах Башкирской АССР и Мензелинском районе Татарской АССР.

Отчеты фольклорных и диалектологических экспедиций последующих лет хранятся в архивном фонде ИИЯЛ БФАН СССР.

⁵ Развернутую характеристику башкирских шежере см.: Кузеев, 1960; 1972.

писью (Лоссиевский, 1881, 1883; Юматов, 1848; Соколов, 1898; Назаров, 1890). Ни один из этих переводов нельзя считать точным. Точный перевод, видимо, и невозможен, так как сами шежере, как по форме, так и по содержанию, неодинаковы. Если одни шежере действительно являются родословными, другие — включают сведения, приближающие их к летописям. И все же большинство шежере, во всяком случае наиболее ценные из них, можно, на наш взгляд, называть (с известной долей условности) «генеалогическими летописями».

Шежере не есть явление, присущее только башкирам. На определенной стадии общественного развития, а именно в эпоху разложения родового строя и формирования классовых отношений, составление генеalogий было распространено у многих народов. Устные шежере бытуют среди казахов, туркмен, киргизов, монголов и других народов (Ахинжанов, 1959, стр. 199; Кононов, 1958, стр. 25; Владимирцев, 1934, стр. 46). Эти памятники древней и средневековой истории у различных народов могут называться по-разному (шежере, тайра, тарих и т. д.), но суть их остается примерно одинаковой. У башкир они включают генеalogию племени (рода) с более или менее подробным изложением выдающихся событий из жизни башкир вообще или чаще данной родоплеменной группы. Древность и традиционность генеалогических летописей у тюрко-монгольских народов не вызывает сомнения. В сущности большинство выдающихся исторических работ средневековья, начиная от «Сокровенного сказания» (1240 г.) и кончая сочинениями Абу-л-Гази (XVII в.), в значительной части опираются на кодификацию родоплеменных генеалогий, из века в век устойчиво сохранявшихся в памяти народов (Петрушевский, 1952, стр. 27; Кононов, 1958, стр. 20, 25).

Создание фонда шежере, которым сегодня располагает научный архив Башкирского филиала АН СССР, заняло несколько десятилетий⁶. Изучение и использование шежере в исторических исследованиях началось значительно раньше, более двух столетий назад. Впервые обратились к этим источникам И. К. Кириллов и П. И. Рычков. Так, в «Истории Оренбургской» борьбу башкир с ногайским господством, некоторые моменты из истории присоединения Башкирии к Русскому государству П. И. Рычков описывает, опираясь на шежере племени мин (Рычков, 1896, стр. 69–70). В другой работе — «Введение к Астраханской топографии» П. И. Рычков использует шежере башкир-кыпчаков (Рычков, 1774, стр. 18–19). Некоторый интерес к башкирским шежере сохраняется и в XIX в. В. С. Юматов (1848) и М. В. Лоссиевский (1881) опубликовали варианты шежере башкир племен мин, юматы и фрагменты из родословных других башкирских племен. Позднее П. С. Назаров (1890) издал «историческую запись», сочетающую в себе отрывки текстов из

⁶ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 36. Башкирские шежере.

шежере башкир племен мин и юрматы. Фрагменты или просто фактические материалы из неопубликованных башкирских шежере содержатся в работах Р. Г. Игнатьева (1875) и Д. Н. Соколова (1898).

В конце XIX и особенно в начале XX в. шежере становятся предметом внимания представителей формирующейся национальной интеллигенции. В исторических сочинениях Ш. Марджани (1885, 1900), М. Рамзи (1907), Г. Хасангата (1909), М. Уметбаева (1897) и др. довольно часто используются шежере. Это был период, когда формирующаяся татаро-башкирская национальная историография стремилась наряду с традиционными (обычно мусульманско-богословскими) источниками использовать и новые, а именно шежере, родоплеменные этнонимы, исторические предания, легенды и т. д. Особенно это характерно для такой крупной фигуры в истории татарской культуры XIX в., как Ш. Марджани, в архиве которого недавно обнаружено шежере башкир племени табын, посланное ему одним из его корреспондентов в Башкирии (Усманов, 1966, стр. 82–83). Для М. Уметбаева шежере были объектом специального изучения; ему мы обязаны сохранением и публикацией в книге «Ядкар» полных текстов шежере башкирских родов кальсер-табын, кесе-табын и племени айле (М. Уметбаев, 1897, стр. 39–59). В сочинении М. Рамзи опубликованы фрагменты древнего шежере башкир племени бурзян. В 1913–1914 гг. в журнале «Шура» были опубликованы (в подлинниках или в переложении) девять шежере.

После Октябрьской революции и до конца 1920-х годов сбором башкирских шежере занимались историки-краеведы и экспедиции, организованные местными и центральными научными учреждениями. Собранные шежере сосредоточивались в научно-исследовательском институте национальной культуры. Публикаций шежере в этот период было немного. В 1926–1927 гг. С. Мирасовым в журнале «Башкорт аймагы» были опубликованы три шежере: племен юрматы, кыпчак и рода кара-табын. Наибольшего внимания среди них заслуживает шежере племени юрматы, опубликованное с сохранением особенностей текста оригинала (Мерэсов, 1927а). По выявлению и накоплению новых текстов эти годы были, пожалуй, наиболее плодотворными. В фонде Института национальной культуры было собрано несколько десятков шежере. Из-за небрежного хранения, однако, часть рукописей была утеряна. В 1951 г., когда в связи с образованием Башкирского филиала АН СССР были приведены в порядок и тщательно описаны рукописные фонды, перешедшие в научный архив филиала из других учреждений, башкирских шежере оказалось всего 36. Среди них, к счастью, сохранилось несколько старых текстов, ценность которых в плане темы нашего исследования огромна: это шежере племен мин, кыпчак, бурзян, тамьян и др.

Систематический характер принимает работа по выявлению и сбору новых текстов с середины 1950-х годов. За короткий срок удалось об-

наружить, как во время полевых работ в районах БАССР, так и в рукописных фондах института, более 15 новых шежере, в большинстве случаев до сих пор неизвестных. В 1960 г. автором настоящей работы была опубликована книга «Башкирские шежере», которая обобщила всю собирательскую работу предшествующего периода. Уже в эти и последующие годы шежере довольно плодотворно были использованы для исследования политической истории башкир в XV–XVI вв. и истории культуры башкир в эпоху позднего средневековья (Кузеев, 1957б; Усманов, 1960; Хөсәинов, 1958; Харисов, 1965). В книге «Башкирские шежере» опубликованы фотокопии, транскрипции и переводы на русский язык 25 шежере. Тексты для публикации отбирались с таким расчетом, чтобы возможно шире представить историю различных башкирских племен. С выходом в свет книги работа по выявлению и сбору новых шежере не прекратилась. За истекшее десятилетие найдено и передано в архив ИИЯЛ еще около 20 шежере. Наиболее интересны среди них шежере рода тюбеляс (или кувакан), племени уран, западнобашкирских племен байляр и буляр, общее шежере племен юрматы и юрми, неизвестный ранее вариант шежере племени кыпчак и др. ⁷ Новые тексты подготовлены к публикации и широко используются в настоящей работе.

О достоверности источников типа шежере высказывалось немало сомнений. На первый взгляд они действительно имеют как будто некоторые основания. Шежере записывались (или, точнее, переписывались) муллами, которые обычно часть текста посвящали составлению генеалогии пророков аллаха, выдававшихся, согласно мусульманской традиции, за предков башкир. Иногда шежере начинаются с Огуз-кагана или Чингизхана. Реальные исторические личности генеалогически связывались с легендарными героями мусульманской или тюрко-монгольской мифологии. Составители шежере таким путем стремились доказать «знатное» или даже «божественное» происхождение некоторых представителей башкирской родоплеменной знати. В этом нетрудно усмотреть классовую направленность шежере.

Сказанное, однако, не должно ставить под сомнение достоверность основных фактов и сведений, содержащихся в шежере и во многих случаях поддающихся проверке на основе документальных или историко-этнографических источников. К тому же немало текстов вообще игнорируют представления корана или традиции тюрко-монгольской мифологии о происхождении народов. Эти шежере начинаются непосредственно с описания достоверных событий, а их генеалогии включают только реальных людей.

Ведя речь о достоверности многих сообщений башкирских шежере, надо иметь в виду то, что они не являются плодом индивидуально-

⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6.

го творчества. Любое шежере — результат длительной (многовековой) и коллективной деятельности людей. Составление родословной, начатое одним человеком, продолжалось другими и завершалось третьими. В каждом шежере обязательно содержится переложение или пересказ более старых текстов, а также исторических фактов, сохранившихся в памяти народа. В этом смысле башкирские шежере донесли до нас не только родословные биев и «героические» описания их жизни, но и правдивые страницы летописи народной жизни. Следовательно, по социальному содержанию башкирские шежере также неоднородное явление. В создании шежере племени или рода участвовали многие поколения и много людей. Среди них могли быть представители различных социальных групп башкирского общества. Большое значение имеет преемственность летописания; каждый новый список шежере содержал в себе копию предшествующего или же его синтезированное переложение. А в предшествующих текстах в свою очередь были сведения и факты, социальная природа и возраст которых различны.

Таким образом, башкирские шежере являются ценными историческими источниками. В то же время в связи с историческими и социальными условиями их создания и развития в них наряду со многими достоверными сведениями и фактами содержатся и некоторые искажения. Последние являются также следствием многократного составления новых списков шежере одних и тех же племен. Отмеченные особенности шежере указывают на необходимость внимательного и критического анализа текстов и строгой источниковедческой оценки содержащихся в них сведений. При этом условия шежере как источники по истории средневековья приобретают первостепенное значение.

Башкирский фольклор и историческая действительность

Башкиры, как и многие другие бесписьменные в прошлом народы Восточной Европы, Сибири и Средней Азии, создали богатейший фольклор. В эпических сказаниях, легендах, преданиях, исторических песнях запечатлены исторические события, деятельность отдельных лиц, быт и обычаи башкир, социальная жизнь и этнический облик народа. Во многих памятниках устного народного творчества содержатся сведения о родоплеменном составе башкир, о переселениях башкирских племен, их взаимоотношениях с соседями и т. д. Особенную ценность как историко-этнографический источник представляет народный героический эпос башкир, возникновение которого А. Н. Киреев относит к периоду распада первобытнообщинных и формирования раннеклассовых отношений (Киреев, 1970, стр. 47). Обычно героические сюжеты в башкирском творчестве («Урал батыр», «Кузы-Курпэс и Маян-хылу», «Кара юрга», «Кунгыр буга», «Кусяк-бий» и др.) в поэтических образах воспро-

изводят события, характерные для средневекового кочевого общества. В этом плане эти памятники дают значительный материал не только для восстановления некоторых картин этнической истории башкир, но и для характеристики внутренней социальной структуры и социальной жизни общества. В основе преданий и исторических песен, часто сопровождающихся повествованиями об их происхождении, также нередко лежат реальные исторические события. Конечно, передача этих событий сильно обросла мифологическими сюжетами, кочующими с древних времен из одного сказания в другое, фантастическими образами, гиперболизированной оценкой роли отдельных «батыров» и т. д. Но если исследователю удастся отделить достоверные факты от толстого наслоения, рожденного фантазией сказителей, то в его руках оказываются дополнительные источники, исходящие от самого народа, новые факты, которые никаким другим путем получить нельзя. Таковы, например, историческое предание юго-западных башкир, условно названное позднейшими переписчиками «Последний из Сартаева рода», в котором идет повествование о событиях в Башкирии в период войны Тамерлана с Тохтамышем (конец XIV в.); эпическое сказание «Кусяк-бий», ярко отражающее борьбу юго-восточных башкирских племен за политическую консолидацию (XIII–XV вв.); предание башкир-тангауров «Габдраш-батыр», записанное нами в 1953 г. и рассказывающее о давних башкиро-казахских этнокультурных связях, и многие другие памятники башкирского фольклора. Даже в произведениях с ярко выраженным мифологическим сюжетом («Кунгыр бута», «Сырау торна», «Акбузат», «Бала карга» и др.) разбросаны многочисленные факты и сведения, представляющие интерес в плане этнических исследований: в них имеются упоминания о древних приаральско-среднеазиатских связях ряда башкирских племен, о путях переселения на Урал, о родовых тотемах, тамгах и т. д.

Вовлечение устного народного творчества башкир в широкие историко-этнографические исследования становится возможным благодаря успешной собирательской и публикаторской работе. Еще во второй половине XIX в. появляется серия работ, посвященных как публикации, так и исторической интерпретации башкирских исторических преданий, легенд и эпических произведений (Небольсин, 1852; Лоссиевский, 1883; Нефедов, 1882; Соколов, 1898 и др.). Подавляющее большинство этих публикаций осуществлено без соблюдения научных принципов издания источников такого рода, что, естественно, снижает возможности их использования.

Наиболее плодотворными в плане накопления фольклорного материала были 1930-е годы. Именно в эти годы учеными, писателями, учителями или просто колхозниками были записаны и переданы в фонд Института истории, языка и литературы наиболее выдающиеся образцы устного народного творчества башкир (эпические произведения, преда-

ния, исторические песни, сказания и др.)⁸. В послевоенный период систематический сбор фольклора возобновился в конце 1950-х годов, когда ИИЯЛ БФАН СССР вновь стал организовывать ежегодные фольклорные — экспедиции. Экспедициями более чем за десять лет накоплен громадный материал, однако с точки зрения историко-этнографической ценности он уступает фольклорным памятникам, собранным раньше; эпические произведения, сказания, исторические песни в связи с изменившимися условиями постепенно стираются в памяти народа, а во многих случаях и вовсе исчезают.

Некоторая часть собранного материала опубликована в 1950-х годах (Харисов, 1954, 1959). В настоящее время начато научное издание многотомной серии «Башкирское народное творчество». Вышла в свет первая книга серии, в которую включены наиболее значительные эпические памятники эпохи средневековья (БХИ, 1972). В то же время классификация памятников башкирского фольклора по принятым в современной науке принципам еще не завершена. До недавнего времени не было также специальных исследований, помогающих понять исторические основы башкирского фольклора. В последние годы исследования в этом направлении заметно оживились. Появилось несколько весьма ценных работ, в которых предприняты интересные попытки установить соотношение исторической действительности и некоторых сюжетов из средневековых памятников башкирского фольклора (Харисов, 1965, стр. 80–110; Киреев, 1970, стр. 21–47; Мингажетдинов, 1971). Однако исследование исторических основ башкирских фольклорных произведений в них лишь начато. Датировка, историко-этнографическая характеристика даже основных памятников башкирского народного творчества пока остаются неясными. Причина не только в общей трудности решения проблемы, в излишнем стремлении исследователей те или иные произведения фольклора связать с конкретными историческими фактами и т. д., но главное — в неразработанности теоретических вопросов, связанных с выявлением общих тенденций развития фольклора у бывших кочевников в пору зарождения и формирования наиболее крупных эпических памятников. Между тем историко-этнографический материал, который в определенной части по своей природе является также фольклорным, подсказывает, что степень и глубина связей устного народного творчества с исторической действительностью в разные эпохи различна. Конечно, в любые периоды древности и средневековья в эпических сказаниях, народных преданиях, легендах и т. д. было что-то от действительности, что-то от фантазии. Однако героическая эпоха, совпавшая с распадом родовых и становлением классовых отношений, оставила особенно глу-

⁸ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 222, 223, 227, 230, 233, 242, 269, 276, 277, 292, 294, 298, 300, 303, 336.

бокий след в памяти народа, и люди еще очень долго, многие столетия, жадно слушали повествования о героях и батырах, постепенно дополняя эти предания новыми, более свежими сюжетами и деталями. Несмотря на сильнейший налет фантазии, через рожденные воображением могучие гиперболизированные образы эпических повествований и преданий достаточно ясно просматриваются контуры реальной исторической действительности. Памятники башкирского фольклора еще раз иллюстрируют глубокую справедливость слов К. Маркса о том, что «древние народы переживали свою предисторию в воображении, в *мифологии*»⁹.

Фиксируя внимание на перспективности использования башкирского фольклорного материала в качестве историко-этнографического источника, в то же время подчеркнем, что пока эти возможности все же ограничены. Кроме обстоятельств, отмеченных выше, здесь существенное значение имеет взаимосвязанность изучения истории и фольклора. Фольклор, безусловно, помогает понять историю, но, чтобы постичь исторические истоки самого фольклора и проникнуть в закономерности его генезиса и развития, надо хорошо знать историю народа. Теперь многие признают, что значение фольклорных памятников в изучении истории бесписьменных в прошлом народов велико. Но фольклор не может быть единственной и даже основной источниковедческой базой. Фольклор может широко раскрыть свои возможности как исторический источник только в том случае, когда он интерпретируется уже с позиций достаточно широко и обстоятельно разработанных исторических концепций. Вот почему в нашем исследовании мы избегали, несмотря на многочисленные, казалось бы, возможности, использования материала, почерпнутого из устного народного творчества, в качестве основного источника при решении вопросов этнической истории. Как правило, сведения и наблюдения, извлеченные из фольклорных произведений, выступают в работе как дополнительный материал, помогающий усилить аргументацию тех или иных положений. Но и в такой роли фольклорный материал в этногенетических исследованиях кочевых и бесписьменных в прошлом народов занимает как исторический источник почетное место.

Ономастический материал

Ономастика как специальная дисциплина сравнительно недавно заявила о себе как наука, имеющая широкие возможности в решении главным образом этногенетических, историко-лингвистических и историко-культурных проблем. В Башкирии до недавнего времени ономастика во всех ее проявлениях (этнонимия, топонимия, антропонимия и т. д.) развивалась исключительно как вспомогательная дисциплина. Проводимые

⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1, стр. 419.

ею анализы, хотя и представляли научный интерес, но, как правило, базировались на случайно или произвольно подобранных примерах и мало помогали решению общеоисторических задач. Прошедшая в сентябре 1971 г. в г. Уфе III Поволжская ономастическая конференция вскрыла совершенно новую картину. Она показала, во-первых, глубокий интерес ученых Поволжья (и в частности Башкирии) — этнографов, языковедов, историков — к разработке проблем ономастики; во-вторых, совершенствование методов анализа ономастического материала и расширение филологического фона производимых сравнительно-исторических экспертиз. Доклады, прочитанные на конференции по этнонимии, топонимии и антропонимии Волго-Уральской области, продемонстрировали широкие возможности ономастики в исследовании проблем этнической истории, истории миграций и др. Материал конференции («Ономастика Поволжья», 1973) использован нами.

В то же время успешно начатая работа в области ономастики в историколингвистическом плане требует дальнейшего развития и углубления. Ценность этимологических изысканий, которым историки всегда придавали значение, возрастает при условии установления хотя бы относительной датировки появления данного названия в среде конкретного этноса. Для этого ономастам предстоит основывать свои построения не на фрагментах ономастического материала. Совершенно необходимо накопление данных по всему изучаемому этносу и по всей территории его исторического обитания. Только при этом условии появится возможность историко-хронологического (или стратиграфического) членения материала и далее этимологических и семантических изысканий, опирающихся на системные знания об историческом развитии данной группы названий. В свете указанных требований необходимо отметить работу А. А. Камалова по гидронимии Башкирии (1969). В настоящее время в ИИЯЛ БФАН СССР ведется активная работа по составлению общей картотеки топонимических названий БАСССР.

ГЛАВА II

НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА ПО ЭТНИЧЕСКОМУ СОСТАВУ И ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ БАШКИР. БАШКИРСКАЯ ЭТНОНИМИЯ

СВОД СВЕДЕНИЙ XVIII в. ПО РОДОПЛЕМЕННОМУ СОСТАВУ И ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ БАШКИР

К истории картографирования этнического состава башкир

Этнический состав и история расселения башкир в XVII–XIX вв. для башкирской историографии тема по существу совершенно новая. Специальных исследований по истории расселения башкир и башкирских племен нет вообще. Чрезвычайно лаконичны в этом отношении и письменные источники. Известно лишь несколько карт, относящихся к XVIII в., на которых показаны территория Башкирии, расположение башкирских дорог (административных) и отмечены пределы расселения башкир на восточных, западных и северных границах их земель. Карты включают сведения по исторической географии Башкирии предшествующей эпохи. Последнее имеет существенное значение при изучении истории сложения современной территории башкир, особенно в эпоху после XVI в., когда началась активная крестьянская и правительственная колонизация Башкирии.

Впервые территория башкир отмечена в «Чертежной книге Сибири...» знаменитого русского картографа С. Ремезова (1882). Составленная в 1699–1701 гг., «Чертежная книга...» представляет собой атлас Сибири, однако на картах западносибирских земель («Чертежи земли Тобольского города», «Чертежи земли Верхотурского города» и др.) целиком изображены пределы башкирской территории, сложившиеся к концу XVII в. Ремезовские карты показывают восточные пределы расселения «закаменных башкир» в челябинском Зауралье по рекам Те-

ча, Исеть и др. Карты из «Служебной чертежной книги», составленные С. Ремезовым и его сыновьями в 1702–1730 гг., являются прочным документальным свидетельством широкого расселения башкир в Зауралье в XVII в. (Гольденберг, 1965, стр. 57, см. карту «Чертежи земли Кунгурского города»).

Сравнительно недавно в ЦГАДА обнаружены еще две карты: одна из них — «план-карта Уфимской провинции» — составлена в 1736 г. М. Пестряковым; другая — «Ландкарта Башкирской орды» — неизвестным картографом в 1737 г. (МИБ, 1956, приложения). Наиболее интересным на обеих картах является изображение юго-западных границ башкирских земель по р. Самара, нижнему и среднему течением р. Сок, верховьям рек Черемшан, Шешма и Зай. Затем пределы башкирских земель уходили на северо-восток, к самому устью р. Белой и далее на север по левобережью Камы. Эта граница совпадает на западе с Закамской крепостной линией, построенной в начале XVIII в. В исторической литературе давно утвердилась мысль о том, что Закамская линия была построена царизмом для ограждения беспокойных башкир и башкирских земель от поволжских народов, в частности от казанских татар (ОИБ, 1956, стр. 142–144). Возможность документально доказать распространение пределов башкирских земель на рубеже XVII–XVIII вв. значительно западнее и южнее современных этнических границ (а именно эту возможность дают карты 1736 и 1737 гг.) чрезвычайно важна в плане нашей темы. На обширной территории Бугульминской возвышенности (расположенной на стыке двух республик — Башкирской и Татарской АССР и двух областей — Куйбышевской и Оренбургской) протекали в конце I — начале II тысячелетия этнические процессы, тесно связанные со становлением древнебашкирского этноса.

Ценный материал дают карты Оренбургской губернии, составленные в 1752–1755 гг. геодезистом И. Красильниковым и впервые опубликованные лишь в 1880 г. под названием «Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по ландкартам И. Красильникова и Топографии П. И. Рычкова». Карты были разработаны И. Красильниковым на основе обширных картографических материалов, поступавших с 1741 г. в географический департамент Оренбургской комиссии. Кроме того, были использованы сведения, полученные П. И. Рычковым и И. Красильниковым от башкирских старшин. Карты И. Красильникова наряду с обычными административными данными содержат сведения о расселении некоторых наиболее крупных и известных башкирских племен и родов в середине XVIII в. В этом отношении карты Красильникова на протяжении полутора столетий оставались единственными.

Впервые предпринял попытку составить карту расселения башкирских племен и родов С. И. Руденко. Не имея по существу предшественников, он столкнулся с весьма трудной задачей. Она усугублялась тем,

что С. И. Руденко специально по родоплеменному составу башкир материала не собирал. В то же время обобщение и историко-этнографическая интерпретация накопленных сведений по материальной культуре требовали их корреляции с этническими (родоплеменными) группами. С. И. Руденко воспользовался размежеванием башкирских земель, которое с 1898 г. проводилось царским правительством главным образом в целях выявления «свободных» земельных площадей. В процессе размежевания вотчинные права башкир были проверены администрацией на основании грамот, выданных некогда башкирским родам (или их подразделениям). Земли таких родов (или их частей) подтвержденные вотчинными грамотами, вымежевывали в особые «башкирские дачи». В комиссиях по размежеванию башкирских земель, созданных в Уфимской, Оренбургской и Пермской губерниях, были собраны все материалы и документы о вотчинных правах башкир, на основании которых составлены карты башкирских земельных дач. В 1907 г. С. И. Руденко получил от этих комиссий списки всех башкирских дач с картами земельных участков и с данными по их географическому распределению (Руденко, 1916, стр. 19; 1955, стр. 54). Наименования башкирских земельных дач были сопоставлены им с родоплеменными этнонимами списка «волостей и родов», опубликованном в середине XVIII в. П. И. Рычковым (1762, стр. 93–100). Сопоставление показало совпадение наименований многих земельных дач с названиями «волостей», а также «тюб и аймаков» из списка П. И. Рыčkова. Следуя избранной методике, С. И. Руденко причислил все или почти все башкирские дачи к тому или иному роду (Руденко, 1955, стр. 55–59). В ходе работы обнаружилось, что в XVIII в. вотчинные грамоты на земли получали не только башкиры, но и мишари, и татары, которые в этом случае начинали числиться башкирами-вотчинниками. Башкирские же роды или их части, потерявшие в силу обстоятельств вотчинные права на земли, переходили в разряд припущенников¹ (улу-катайцы, зауральские айлинцы и др.) и, следовательно, в списке земельных дач отсутствовали. В твердо установленных случаях С. И. Руденко, опираясь на свой материал, внес в список башкирских дач соответствующие коррективы: из него были исключены татаро-мишарские дачи и включены названия башкирских родов или их подразделений, перешедших вместе с утратой земельных прав в разряд припущенников. Сгруппировав полученные таким образом «настоящие» башкирские земельные дачи в соответствии со списком П. И. Рыčkова, С. И. Руденко

¹ Припущенники — группа земледельческого населения Башкирии, преимущественно крестьян, формировавшегося в Башкирии в XVI–XIX вв. из представителей народностей Поволжья и Приуралья и селившегося на башкирских землях на различных условиях: владения общинной землей, уплаты оброка, несения определенных повинностей.

на основании полученных им межевых карт синтезировал «Карту родовых групп и земельных башкирских дач», которую впервые опубликовал в 1916 г. В 1955 г. в связи с тем, что новые материалы не были накоплены, карта без всяких изменений была издана вторично.

Карта С. И. Руденко до сих пор не потеряла научной ценности. Названия 124 башкирских земельных дач объединены им в 20 «родовых групп», которые в целом правильно отражают расселение наиболее крупных башкирских племен. Несмотря на небольшой масштаб (1 : 100), карта долгое время успешно использовалась для корреляции родоплеменного расселения башкир с обобщенными данными по распространению диалектов и наречий, явлений материальной культуры, изобразительного искусства и т. д. Однако здесь мы и сталкиваемся с ограниченными возможностями карты, о чем, впрочем, говорил и сам С. И. Руденко. Самое существенное при этом то, что карта эта не является картой расселения башкирских племен; она показывает территориальное размещение «родовых групп и земельных башкирских дач». Это далеко не одно и то же. Так, объединение башкирских дач в 20 родовых групп является условным, в действительности количество башкирских племен и самостоятельных крупных родов достигало 45. Даже в рычковском списке их более 30. К тому же внутренняя структура племен в большинстве случаев отличалась от показанной в таблице С. И. Руденко. Это совершенно естественно, так как башкирские земельные дачи конца XIX в., хотя и были преемственно связаны с родоплеменными вотчинами XVII–XVIII вв., но составляли обычно часть бывшей родовой вотчины и соответственно рода. Приходится учитывать и то, что список П. И. Рыčkова, положенный С. И. Руденко в основу карты, отражает родоплеменную состав башкир, уже успевший в какой-то степени трансформироваться в рамках волостной административной системы. Племя табын, например, П. И. Рычковым (и соответственно С. И. Руденко) расчленено между тремя, катый — между двумя волостями и т. д. В то же время ряд племен, особенно в западной Башкирии, С. И. Руденко произвольно сгруппировал в более широкие объединения. Сочетание племен еней и байлар, таз и ирэкть, илан и киргиз и некоторых других в единых «родовых группах» никакого этнического значения не имеет. Территории расселения «родовых групп» определены весьма обобщенно. С. И. Руденко писал по этому поводу: «Площади башкирских дач нанесены вместе с живущими на них иноплеменными припущенниками» (Руденко, 1916, стр. 19). Такой метод картографирования дает лишь суммарное представление о географическом размещении «родовых групп», он лишает нас возможности судить о характере расселения башкир, о степени родоплеменной смешанности башкирского населения отдельных районов, о направлениях переселения племен и т. д. Немаловажно и то, что на карте С. И. Руденко даны лишь основные территории «родовых групп» и не принято во

внимание расселение подразделений соответствующих родов и племен за пределами родоплеменных земель, что, безусловно, было бы ценно для разработки некоторых аспектов этнической истории. Все это заставляет нас, отдавая должное карте С. И. Руденко и подчеркивая ту крупную роль, которую она сыграла в анализе и картографическом обобщении многих языковых и этнографических явлений, считать, что на современном уровне этнографических исследований возможности этой карты исчерпаны.

Составление карт расселения башкирских племен и мелких этнических групп потребовало проведения огромной предварительной работы. Прежде всего необходимо было разработать по возможности детальные таблицы родоплеменного состава башкир.

Таблицы этнического состава башкир в XVII–XIX вв. (см. раздел «Этническая история башкирских племен») составлены главным образом на основе экспедиционных материалов. Однако только на базе полевых источников невозможно было бы рассчитывать на полное и, главное, достоверное восстановление родоплеменного состава, так как всегда приходится учитывать характер сведений, полученных от пожилых информаторов в середине XX в. Их знаниям в области родоплеменной этнонимии, внутренней структуры башкирских племен обычно сопутствуют представления об административном устройстве данного района в годы их юности, т. е. в конце XIX в. Эти сведения нередко настолько перекликаются и смешиваются в сознании информаторов, что без привлечения дополнительных (архивных) источников и тщательного их анализа трудно, а в ряде случаев невозможно дифференцировать эти данные и восстановить достоверную картину.

Наиболее ценные архивные источники по родоплеменному составу башкир относятся к XVIII в., т. е. к периоду, когда возрос интерес царской администрации к внутренней структуре башкирского общества. К XVII в. восходят лишь упоминания в различных документах о тех или иных башкирских родах. В XIX в. частые изменения административного устройства и постепенная его унификация с общероссийской системой приводят к потере интереса к родоплеменной системе башкир. Письменные источники XIX в. представляют ценность в плане изучения постепенного разрушения родоплеменной системы башкир под воздействием различных социально-экономических и политических факторов, но не добавляют новых сведений по этническому составу. В лучшем случае они целиком дублируют источники XVIII в. Однако это мало затрудняет нашу работу, так как мы считаем методически более целесообразным сопоставление полевого материала, относящегося преимущественно к рубежу XIX–XX вв., с документальными источниками, хронологически отстоящими возможно дальше от этого времени. Именно такими источниками являются материалы XVIII в. Сформулированная методика

позволяет взаимно проконтролировать точность и полноту как полевых, так и архивных источников, хронологически находящихся друг от друга на расстоянии около 200 и более лет, и разработать таблицы этнического состава башкир, которые отражают достаточно полно реальную историческую ситуацию в XVII–XIX вв.

Отмеченные особенности источников и задачи нашей работы побуждают подробнее остановиться на наиболее ярких документах XVIII в. по родоплеменному составу. Это необходимо еще потому, что при анализе этнического состава во втором разделе книги (гл. IV–VII) автор в целях сокращения изложения даёт лишь результаты исследования, не вдаваясь в детали весьма кропотливого процесса восстановления родоплеменной системы башкир путем сопоставительного анализа всех доступных источников.

Обзору архивных источников XVIII в. необходимо предпослать одно замечание: в русских документах этой эпохи родоплеменные образования башкир в большинстве случаев именовались «волостями». Волостная административная система, созданная в Башкирии после ее присоединения к России, вплоть до начала XIX в. совпадала во многих случаях с традиционным родоплеменным делением. В основе волости могли быть родоплеменные организации разного порядка: племя, род или даже часть рода. Следовательно, в перечне волостей рядом оказывались родоплеменные организации разной величины и разной внутренней структуры. Некоторые волости, включавшие группы башкир из разных родов, представляли собой сугубо административно-территориальные образования. Количество таких волостей постепенно увеличивалось, хотя нередко, даже в XIX в., их реальная сущность вуалировалась родоплеменными наименованиями. Корреляция архивных сообщений с полевыми материалами, как правило, достаточно точно раскрывает этническое содержание названий башкирских волостей.

В целом синтез полевых материалов с архивными, а также с данными башкирских шежере и других источников позволил составить детально разработанные таблицы этнического состава башкир и полностью картографировать полученные результаты.

Свод сведений по родоплеменному составу

Самый ранний список башкирских волостей был составлен в 1725–1726 гг. кунгурским бургомистром Юхневым, который действовал по поручению и инструкции начальника Главного правления сибирских и казанских казенных заводов генерал-майора Г. В. Геннина (МИБ, 1949, стр. 483–485). Сведения Юхневым собраны во всех четырех башкирских дорогах; он отмечает лишь семь волостей Ногайской дороги, в которые башкиры его «не пустили» (табл. 1). Сведения о волостях собраны бур-

гомистром на местах, в башкирских волостях, что, безусловно, повышает степень достоверности юхневского списка. Этим же обстоятельством объясняется и полнота списка: в нем зафиксированы все или почти все племенные и многие родовые этнонимы башкир. Такая полнота чрезвычайно важна для документа, относящегося к первой четверти XVIII в. и по существу впервые фиксирующего перечень башкирских волостей. Список сопровождается данными о количестве дворов и ориентировочными расчетами численности взрослого мужского населения, что также имеет существенное значение как для общей оценки численности башкир в первой четверти XVIII в., так и для формирования правильных впечатлений об удельном весе отдельных племен и географических групп в составе башкир. Представляют интерес и другие сведения Юхнева: об этнической смешанности в начале XVIII в. ряда башкирских волостей Казанской и Осинской дорог, о наличии башкирских поселений «за Камою рекой» и др.

Пользуясь списком Юхнева, надо иметь в виду, что русское написание подавляющего большинства наименований волостей им искажено. Впрочем, это относится ко всем спискам XVIII в. Непривычные и сложные для русского слуха родоплеменные этнонимы неизбежно искажались при перенесении на русскую орфографию, в которой к тому же нет букв, соответствующих специфическим башкирским фонемам. Многие искажения при наличии других, более поздних, списков и при широких возможностях сопоставления разночтений с материалами полевых исследований поддаются исправлению. Однако восстановить башкирское звучание названий некоторых волостей (например, Такеинская, Гуляская) пока не удалось.

Около 1730 г. в Уфимской провинциальной канцелярии был составлен «Реестр башкирских волостей» со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева (табл. 2). Этот документ (МИБ, 1936, стр. 135–138) особенно ценен тем, что в нем указано географическое размещение (преимущественно по рекам) волостей. Сопоставление полевых материалов со сведениями реестра позволяет проследить многие существенные изменения в расселении башкирских племен, происшедшие в XVIII–XIX вв. Кроме того, реестр дает возможность реконструировать расселение башкир до начала XVIII в., т. е. в XVI–XVII вв. и ранее. В этом плане заслуживает внимания то, что в реестре указано наличие Кыпчакской, Тамьянской, Тангаурской, Бурзянской, Табынской, Гайнинской волостей на р. Ик, т. е. на крайнем западе Башкирии, где в середине XVIII в. этих волостей уже не было. В других известных нам списках такие сведения отсутствуют.

Таблица 1 *

Сведения о башкирских волостях, собранные в 1725–1726 гг.
кунгурским бургомистром Юхневым

Дороги	Волости	Количество дворов	Число душ «мужского пола, которые могут воевать»
Сибирская	Салаутская	138	414
	Катайская	206	618
	Мекотинская	45	135
	Терсятская	40	120
	Сыгранская	40	120
	Белокатайская	112	336
	Каратабынская	325	975
	Чирлинская	120	360
	Айлинская	530	1590
	Сискинская	152	456
	Сардинская	135	405
	Кубаканская	315	945
	Кудинская	225	675
	Трухменская	217	651
	Тубеляцкая	57	171
	Мурсинская	222	666
	Дуванская	100	300
	Кушинская	79	237
	Уфимская	76	228
	Шигиринская	37	111
Ногайская	Балакчинская	120	360
	Умитская	130	390
	Таныпская	170	510
	Кусинская	120	360
	Всего по Сибирской дороге:	3711	11135
	Емуран-Табинская	500	1500
	Питер-Табинская	700	2100
	Пелевская	700	2100
	Кубеляцкая	600	1800
	Верхне-Тамиянская	1000	3000
	Бурсенская	не пустили	
	Сункипшаская	не пустили	
	Тингаурская	не пустили	
	Усингирская	не пустили	
	Нижняя Тамиянская	1300	3900
	Кипшаская	не пустили	

* В таблицах 1–7 порядок расположения волостей в пределах административных дорог (областей), а также написание названий волостей и входящих в их состав родов («аймаков и тюб») даны в соответствии с источниками.

Дороги	Волости	Количество дворов	Число душ «мужского пола, которые могут воевать»	
Ногайская	Юрматинская	1000	3000	
	Меркитская	700	2100	
	Кси-Табинская	650	1950	
	Карчир-Табинская	600	1800	
	Кумрун-Табинская	650	1950	
	Дуван-Табинская	550	1650	
	Бешанульская	не пустили		
	Такеинская	1150	3450	
	Минская	не пустили		
В семи волостях, в которые Юхнева в 1725–1726 гг. башкиры не пустили, но в которых он по торговым делам побывал ранее		4900	14700	
Всего по Ногайской дороге:		15000	45000	
Казанская	Кайманская	500	1500	
	Дуванская	670	2010	
	Каршинская	700	2100	
	Юрминская	570	1710	
	Шашкадинская	650	1950	
	Шуранская	400	1200	
	Гуляская	500	1500	
	Мушкинская	400	1200	
	Болярская	} кроме башкир в них живут татары, мари,	1000	3000
	Енелчуская		500	1500
	Циргиская	1000	3000	
	Кайнигари	400	1200	
	«Да еще в особых деревнях»	100	300	
	«Еще новокрещенные 25 деревень...»	250	750	
«Еще особо за Камой рекой»	200	600		
Всего по Казанской дороге:		7840	23520	
Осинская	Гарейская	450	1350	
	Терсятская	} кроме башкир в них живут мишари, мари, удмурты, чуваш	200	600
	Уранская		800	2400
	Гайнинская		600	1800
	«Еще... в разных деревнях»	54	162	
Всего по Осинской дороге:		2104	6312	
Всего по четырем дорогам:		28655	85967	

Таблица 2

Реестр и описание башкирских волостей, составленные около 1730 г.
со слов камерира Ф. Жилина и уфимцев С. Третьякова и И. Гавренева

Дороги	Волости	Территория
Ногайская	Минская	по рекам Дема, Уршак, Чермасан
	Курпечь-Табынская	по рекам Белая, Инзер, Илим и «по другим речкам»
	Юрматынская	по рекам Белая, Игень, Ашкадар и «по другим речкам»
	Катайская	по р. Инзер и верховьям р. Белой
	Кипчацкая	по рекам Белая, Большой и Малый Ик, Мендим и верховьям Белой
	Бурзенская	по рекам Белая, Большой и Малый Ик и «по другим речкам»
	Телевская	по рекам Яик, Мендяк, в степях за Уралом
	Сарыж-Кипчацкая	по р. Белой
	Тамьянская	по рекам Белая, Нугуш и «по другим речкам»
	Шуранская	за Уралом «по озерам живут к сибирским слободам»
	Усерганская	по рекам Белая, Большой и Малый Ик, Сакмара, Зилаир
	Тингаурская	по рекам Белая, Сакмара
Сибирская	Бекетинская	за Уралом «по озерам»
	Кара-Табынская	в верховьях р. Белой, а также за Уралом
	Кубеляк-Табынская	в верховьях рек Яик и Уй, по р. Миасс и озерам по рекам Яик, Мендяк
	Кудейская	по рекам Уфа, Сим, Юрюзань, Катав
	Таныпская	в верховьях Таныпа и «близ Уфы реки»
	Кушчинская – Балыхчинская	по р. Ай
	Ялдацкая	по рекам Уфа и Тюй
	Айская	по р. Уфа
	Мекетинская	по р. Ай и «за Уралом в разных местах по озерам»
	Бала-Катайская	«за Уралом по озерам»
	Челжетуцкая	«по обе стороны Урала по озерам и речкам»
	Бекетинская	за Уралом «по озерам и речкам близ Ухтузских заводов»
	Сенирянская	«за Уралом по озерам»
	Кувакайская	«за Уралом по озерам»
	Кара-Табынская	в верховьях рек Ай, Юрюзань; по р. Сатка и «за Уралом по озерам»
Казанская	Бучкурская	в верховьях рек Белая и Яик
	Табынская	«за Уралом по озерам»
	Уиларская	«в тех же местах, где и Кара-Табынская»
	Сызгинская	по р. Уфа и р. Байки
	Сарыш-Кипчацкая	за Уралом по р. Миасс и «по озерам»; по р. Уфа между гор и лесов, «где обретается пристань»
	Тамьянская	по рекам Ик и Сюнь
	Ирехтинская	по р. Ик
	Тингаурская	по р. Ик
	Бурзенская	по р. Ик
	Кипчацкая	по рекам Ик и Сюнь
Казанская	Аская	по р. Ик
	Курпечь-Талбынская	по р. Ик
	Сенирянская	по р. Ик

Таблица 2 (окончание)

Дороги	Волости	Территория
Казанская	Табынская	по р. Ик, «а живут в вышеозначенных волостях по сей Казанской дороге башкирцы разных дорог и волостей»
	Каршинская	по р. Кармасан
	Дуванейская	по р. Чермасан
	Шемшединская	по р. Евбазы
	Ички-Иланская	по р. Белая и р. База
	Гирейская	по р. Белая «по обе стороны»
	Ялдацкая	по р. Куяш
	Янейская	по рекам Ик и Белая «и по Закамью»
	Тышки-Иланская	в верховьях рек Ик и База «и по др. речкам»
	Иланская	«в одних урочищах» с Ички-Иланской волостью
Осинская	Кыргиская	по р. Сюнь и «по другим речкам»
	Балярская	по рекам Кама, Иж, Мензеля и «по другим речкам»
	Гайнинская	по р. Ик
	Тазларская	по р. Кизгень
	Уранская	по р. Буй, «леса превеликия»
	Ганинская	по р. Толва, «леса превеликия»
	Ирехтинская	«около Таныпу и по речкам»

В 1735 г. начальником Оренбургской экспедиции И. Кирилловым была представлена в Кабинет новая «Роспись» разделения башкир «по волостям или по родам» (МИБ, 1949, стр. 495–497). «Роспись» была составлена не только по сведениям, собранным Уфимской провинциальной канцелярией, но и по «сказкам» «башкирского народа знатных старшин». Судя по «Росписи», И. Кириллов не ставил целью выяснение количества и названия башкирских волостей, в этом и не было необходимости, так как ему, очевидно, были известны списки Юхнева и Жилина. И. Кириллов, будучи опытным политиком, понимал необходимость знания внутренней структуры башкирского общества. Именно поэтому была поставлена задача установления не административной, а традиционной для башкир родоплеменной системы. Этот момент совершенно четко обозначен И. Кирилловым. В первой графе (табл. 3) «Росписи» им приводятся названия «настоящих родов, а по-русски волостей», что по нашей номенклатуре соответствует племенам; в другой графе даются наименования «произшедших родов», т. е., по мысли И. Кириллова, — подразделений «настоящих родов». В последнем случае И. Кириллов имеет в виду родовые организации; он даже приводит башкирские термины, обозначающие «род»: «аймаки и тюби». Таким образом, «Роспись» И. Кириллова является по существу первым списком родоплеменного состава башкир. Он, естественно, далеко не полный, родоплеменные этнонимы в нем сильно искажены, немало в списке и ошибок, особенно в характеристике родового состава отдельных племен (юрматы, айле, табын и др.). Несмотря на это, кирилловский список, составленный на основе данных первой половины XVIII в., не только впервые воспроизводит в основных контурах родоплеменной состав башкир XVII — начала

XVIII в., но и в сопоставлении с полевым материалом позволяет с высокой достоверностью проследить происшедшие в XVIII–XIX вв. изменения в расселении и этническом составе башкир.

Т а б л и ц а 3

Роспись разделения башкир Уфимского уезда по волостям, или родам, в 1735 г., составленная статским советником И. Кирилловым

Дороги	«Настоящие роды, а по-русски волости»	«Произшедшие роды называются аймаки и тюби»
Ногайская	Минская	Чюбинский, Яик-Субинцы, Кулил, Слымень, Мяркицкий, Уршак-Минцы, Илкей-Минцы, Саралинцы, Кубовский
	Табынская	Юрматинский, Мещерь, Тяттим, Бакай, Аллар, Макар, Армитъ Пушмас-Кипчаки, Сугун-Кипчаки, Ченким-Кипчаки, Сарыш-Кипчаки, Герей-Кипчаки Джан-Сара, Баюла, Монаш, Жемаш
	Юрматинская	
	Кипчацкая	
	Бурзенская	
	Усергенская	
	Тенгоурская	
	Тамьянская	
Сибирская	Кубелярская	
	Телевская	
	Катайская	
	Кудейская	Кудейский, Дуван-Кудейский, Трухмен-Кудейский, Шайтан-Нарцы, Нагай-Лярцы
	Елтяцкая	Таныпский, Унларский, Кыр-Унларский
	Таныпская	
	Балыкчинская	Айлинский, Упейский, Дуванский, Сызгинский, Чарлынский, Мурза-Ларский, Карата-Улынский, Сартский, Тубеляский, Тарлак-Лынский, Чюблы-Сызгы Ялан-Куаканский, Тау-Куаканский Барын-Табынский Кара-Табын, Аяла-Табын, Кунюрган-Табын, Бекатын-Табын, Капсак-Табын, Музул-Табын, Телев-Табын, Кубеляк-Табын, Акшурас-Табын
	Кушинская	
	Айлинская	
	Куаканская	
	Барын-Табынская	
	Кара-Табынская	
	Мекетинская	
	Катайская	
	Балай-Катайская	
	Бучкурская	
	Синрянская	
	Сызгинская	
	Чирлинская	
	Терсяцкая	
	Сабан	
Катайская	Каршинская	Акбашев, Каргин, Кадраев
	Калнинская	
	Шемшединская	
	Елдяцкая	
	Гирейская Енейская	

Таблица 3 (окончание)

Дороги	«Настоящие роды, а по-русски волости»	«Произшедшие роды называются аймаки и тюби»
Казанская	Балярская Дуванейская Иланская Киргиска Бюлярская	Шево, Аджеево, Расмексево, Бакай
Осинская	Тазлярская Уранская Ирехтинская Гайнинская	

В 1762 г. была опубликована «Топография Оренбургская...» П. И. Рычкова, где дано подробное «Разделение башкирского народа по волостям и родам» (Рычков, 1762, стр. 94–100; 1887, стр. 65–71). Изучение списка П. И. Рычкова (табл. 4) не оставляет сомнения в том, что в его основу положены схема и фактический материал, разработанные и обобщенные в 1735 г. И. К. Кирилловым. Заимствуя схему, П. И. Рычков в то же время не повторил ее. Во-первых, рычковский список наиболее полный из известных; в этом плане он существенно отличается от «Росписи» И. Кириллова (63 родовых названия в списке И. К. Кириллова и 135 — П. И. Рычкова). Во-вторых, П. И. Рычкову удалось избежать многих искажений, которые допустили его предшественники в написании этнонимов. В этом сказалось личное общение П. И. Рычкова с башкирскими старшинами и знатоками традиционного народного быта. В целом рычковский список вплоть до последнего времени оставался наиболее полным и точным сводом башкирских родоплеменных этнонимов. Лишь в начале XX в. С. И. Руденко, как отмечено выше, сделал попытку скоррелировать рычковский список с наименованиями башкирских земельных дач и на этой основе пополнить его.

Таблица 4

Разделение башкирского народа по волостям и родам по П. И. Рычкову

Дороги	«Настоящие роды, или волости»	Количество дворов	«Произшедшие от оных тюбы и аймаки»
Ногайская	Минская	477	Чубинский, Кыркулинский, Яиксубанский, Кули-Минский, Слы-Минский, Ногай-Лар-Минский, Миркитский, Уршек-Минский, Илькей-Минский, Саралинский, Кубовский, Ик-Минский
	Табынская	387	Биш-Аулинский, Кси-Табынский, Юрман-Табынский, Калчир-Табынский, Кумрутский, Дуван-Табынский, Мялля-Табынский
	Юрматынская	521	Мешер-Юрматынский, Тяльтинский, Бакаевский, Арларский, Биш-Казанский, Макаровский

Т а б л и ц а 4 (продолжение)

Дороги	«Настоящие роды, или волости»	Количество дворов	«Произшедшие от оных тюбы и аймаки»
Ногайская	Кыпчатская	1332	Бушмаский, Сунь-Кипчатский, Чанкимский, Сарыш-Кипчатский, Герясь-Кипчатский, Карагай-Кипчатский
	Бурзенская	448	Жанса-Бурзенский, Байулинский, Мушашевский, Емашевский, Карагай-Бурзенский, Дир-Бурзенский, Ногайларский
	Усергенская	381	Ай-Усергенский, Жаутюбя-Усергенский, Шишайларский, Бишайларский, Сурянский, Чурашевский
	Тингаурская	80	Урман-Тингаурский, Ялан-Тингаурский
	Тамьянская	196	Коянецкий, Мылтыцкий, Мясауцкий, Ик-Тамьянский
	Табынская	472	Кубеляцкий, Телевский, Карагай, Кси, Емурантаянский
	Катайская	300	Идиль-Катайский, Кошек-Катайский, Инзер-Катайский, Кузгун-Катайский
Сибирская	Кудейская	475	Урман-Кудейский, Билекей-Кудейский, Кир-Кудейский, Шетань-Кудейский, Ногайларский, Зюбердинский, Усрак-Кудейский, Урусба-Кудейский, Куллар-Кудейский, Дуван-Кудейский, Трухменский, Лямес-Трухменский
	Таныпская	335	Кыр-Таныпский, Балахчинский, Су-Таныпский, Унларский, Кыр-Унларский, Су-Унларский, Байкинский, Кайпанский, Укуншинский
	Айлинская	113	Аршинский, Елан-Айлинский, Упейский, Дуванский, Таз-Дуванский, Сызенский, Еирлинский, Мурзаларский, Тарнаклинский, Каратаулинский, Сартовский, Тюбелясский, Чублысызгинский
	Куваканская, «ведомства Исетской провинции»		Елан-Куваканский, Тау-Куваканский, Сатка-Куваканский, Сагит-Куваканский, Киркули-Куваканский
	Барын-Табынская «в Исетской провинции»		Аила-Табынский, Кукзюрряк-Табынский, Кыпчак-Табынский, Мусюл-Табынский, Акшураз-Табынский
	Кара-Табынская «в Исетской провинции»		Бала-Катайский, Бучкурский, Синрянский, Сызгинский, Баллы-Катайский, Чирлинский, Терсатский, Бекатинский, Чалжаутский, Сартларский
	Катайская «за Уралом»		
Казанская	Каршинская	77	Акбашевский, Карганарский, Кадряевский
	Кайлинская	123	Идиль-Кайлинский, Кир-Кайлинский, Юрактау-Кайлинский, Актау-Кайлинский
	Елдятская	201	Уфа-Елдятский, Кир-Елдятский, Бура-Елдятский
	Гирейская	273	Урман-Гирейский, Идиль-Гирейский
	Тугузларская	400	
	Енейская Байлярская	561	

Таблица 4 (окончание)

Дороги	«Настоящие роды, или волости»	Количество дворов	«Произшедшие от оных тюбы и аймаки»
Казанская	Дуванская	82	Дуванейшев, Аджеево-Дуваней, Рысмейевский, Бакаевский, Талбазинский Кыр-Иланский, Идиль-Иланский, Бад-рацкий
	Иланская	382	
	Зирян-Юрты		
	Киргизская	113	
	Бюлярская	231	
Осинская	Тазларская		Муль-Гайнинский, Туль-Гайнинский
	Уванышская		
	Уранская	218	
	Ирехтинская	148	
	Гайнинская	562	

Несмотря на полноту, список П. И. Рычкова, естественно, не является исчерпывающим. Административная волостная система все же оказала определенное влияние на структуру списка. Об этом в начале XX в. писал Д. Н. Соколов, который первым заметил, что принцип распределения башкирских племен и родов по дорогам заставил П. И. Рычкова расчлнить некоторые племена на несколько частей (Соколов, 1904, стр. 6–7). Он же писал об искажении П. И. Рычковым этнонимов, в частности о «татаризации названий». Добавим к этому, что в списке П. И. Рычкова этнонимы «старых» башкирских родов смешаны с наименованиями «родов», которые возникли лишь в XVII–XVIII вв. в результате дробления традиционных родоплеменных вотчин.

Остается упомянуть еще о трех, менее полных, списках XVIII в., к которым нам, однако, часто придется обращаться.

В 1737 г. был составлен список волостей северо-восточной, в том числе зауральской, Башкирии (МИБ, 1949, стр. 500–501). Список этот (табл. 5) интересен тем, что все родоплеменные группы северо-востока Башкирии группируются вокруг трех наиболее крупных и сильных племен: катая, айле и табын. Племена, которые в списке, например 1735 г. (И. К. Кириллова), фигурируют как «настоящие роды» или самостоятельные волости, здесь включены в состав катаяского, айлинского или табынского объединений. Такая группировка не случайна; она отражает древние этнические или более поздние политические взаимосвязи северо-восточных башкир. Список 1737 г. снабжает нас еще одной весьма ценной информацией: к северо-восточным башкирам (в частности к катаяскому объединению) примыкают некоторые северные и северо-западные племена (танып, уран). Эти сведения, которые в других письменных источниках не повторяются, находят подтверждение и более развернутую характеристику в полевых материалах: оказалось (вопреки установившемуся мнению), что весь север Башкирии (как северо-запад, так и северо-восток) исторически и этнически тесно взаимосвязан.

Т а б л и ц а 5

Список волостей северо-восточной Башкирии (1737 г.)

В Катайской тюбе волостей	В Айлинской тюбе волостей	В Табынской тюбе волостей
Катайская	Дуванская	Кара-Табынская
Салжаутская	Упейская	Барын-Табынская
Косчунская	Сызгинская	Мокеранская
Тарсяцкая	Сартская	Мякотинская
Сыгринская	Мурзаларская	Аяла-Табынская
Бускурская	Каратаулинская	Капчинская
Шуранская	Тюбеляцкая	Куваканская
Шигирская	Айлинская	Трухменская
Балакчинская	Черлинская	Кудейская
Елдятская	Тырнаклинская	Сул-Кудейская
Султаныбская		Теляуская
Кыр-Унларская		Кубеляцкая
Кыртаныбская		

Два других списка интересуют нас главным образом содержащими в них прямыми или косвенными сведениями о численности населения в волостях, а также — изменениями, происшедшими в родоплеменной системе башкир к концу XVIII в. В 1739 г. князем В. А. Урусовым, преемником И. К. Кириллова на посту начальника Оренбургской экспедиции, был начат, но из-за сопротивления башкир не закончен первый в Башкирии административный учет численности башкирского населения (Игнатьев, 1884, стр. 159–160). Перепись эта, которая проводилась по волостям и учитывала количество дворов и число взрослых мужчин, дает возможность судить о размерах башкирских племен (табл. 6). Небезынтересны при этом и наименования волостей. Однако здесь мы имеем дело исключительно с волостями в отличие от списков И. К. Кириллова и П. И. Рычкова. Ценность списка Урусова снижается еще тем, что он охватывает не всех башкир: за его пределами остались большинство волостей Сибирской и многие волости Казанской дорог.

Т а б л и ц а 6

Сведения о башкирах, собранные в 1739 г. по приказу князя Урусова

Дороги	Волости	Количество дворов	Число душ
Казанская	Енейская	40	63
	Иланская	460	1160
	Руман-Гарейская	111	247
	Елдятская	145	389
	Шемшадинская	228	670
	Дуванская	116	326
	Капшинская	48	120
Всего по Казанской дороге:		1148	2975

Таблица 6 (окончание)

Дороги	Волости	Количество дворов	Число душ
Ногайская	Рмуран-Табынская	121	274
	Бешеул-Табынская	59	112
	Курпеч-Табынская	112	224
	Сартская	13	32
	Дуван-Табынская	123	317
	Кси-Табынская	182	453
	Калчир-Табынская	226	612
	Бурдюк-Табынская	25	71
	Кумрук-Табынская	112	297
	Катайская	457	1347
	Тамьонская	150	291
	Урман-Тимгаурская	80	161
	Карагай-Кипчатская	162	349
	Гарей-Кипчатская	112	234
	Карагай-Бурзенская	256	565
	Бай-Бурзенская	41	130
	Елан-Тиргаурская	74	198
	Елан-Усеньская	361	867
	Аслы-Кипчатская	238	615
	Кизиб-Кипчатская	45	128
	Ик-Бурзенская	68	177
	Ар-Усергенская	45	99
	Бушман-Кипчатская	273	689
	Чемкин-Кипчатская	121	344
	Ирматынская	353	888
	Телтим-Юрматынская	368	808
	Бай-Бурзенская	56	133
	Яик-Субуминская	81	146
	Мир-Китлинская	202	389
	Уршак-Минская	95	202
	Минская	62	118
	Чюбиминская	69	124
	Иликей-Минская	21	29
	Кубов-Минская	7	14
Всего по Ногайской дороге:		4821	11566
Осинская	Гайнинская	214	1744
	Иректинская	183	466
	Верхне-Уранская	572	1715
	Нижне-Уранская	106	371
	Тазларская	52	193
Всего по Осинской дороге:		1127	4489
Си-бир-ская	Вунларская	8	17
	Кайпанская	59	152
	Таныбская	29	77
Всего по Сибирской дороге:		96	236
Всего по четырем дорогам:		7192	19266

Несколько более развернут список башкирских волостей в «Историко-административных сведениях о башкирском народе», составленный в 1775 г. по приказанию графа П. И. Панина, хотя и в этом, одном из наиболее поздних списков башкирских волостей, немало пропусков, особенно по Сибирской дороге (Игнатъев, 1884а, стр. 146–147). Как и в урусовском

Т а б л и ц а 7

**Историко-административные сведения о башкирском народе,
составленные по приказанию графа П. И. Панина**

Дороги	Волости	Количество дворов	Дороги	Волости	Количество дворов
Казанская	Енейская	559	Ногайская	Илькейминская	95
	Баиларская	408		Уршаклинская	143
	Дуванейская	131		Миркитминская	128
	Каршинская	74		Кырккулеминская	107
	Иланская	536		Чебиминская	82
	Ерминская	140		Бурзенская	183
	Кыпчатская	87		Гарей-Кыпчатская	108
	Недырова	94		Карагай-Кыпчатская	182
	Саралиминская	143		Угун-Кыпчатская	484
	Киргизская	277		Чанкин-Кыпчатская	198
	Урман-Гарейская	196		Катайская	461
	Сенирянская	83		Калчик-Табынская	309
	Шемшадинская	133		Кси́табынская	199
	Кабнинская	169		Кумрук-Табынская	138
	Карыланская	134		Телтим-Ерматынская	329
Осинская	Елдяцкая	311		Ерминская	733
	Гарейская	315		Каратабынская	211
	Баиларская	604		Емуран-Табынская	244
	Всего по Казанской дороге:	4394		Саралимская	106
	Иректинская	352		Тамьянская	390
Сибирская	Гайнинская	795		Тингаурская	105
	Уранская	226		Бурзенская	343
	Всего по Осинской дороге:	1373		Сартская	39
	Айлинская	131		Усергетская	129
	Тырнаскинская	184		Бушман-Кипчатская	210
	Шайтан-Кудейская	—		Бурзенская	115
	Тебеляцкая	91		Дуван-Табынская	125
	Мурзаларская	244		Бурзенская	204
	Каратабынская	164	Всего по Ногайской дороге:		6100
	Сунларская	284			
	Кущинская	573			
	Сартская	187			
	Дуванская	252			
Всего по Сибирской дороге:		2225			

списке, здесь имеются сведения о количестве башкирских дворов по волостям (табл. 7). Письменные источники по этническому составу башкир в XVIII в. приведенными выше таблицами не исчерпываются. В архивных документах XVII–XVIII вв., а также в трудах русских ученых и путешественников XVIII в. — П. Палласа (1788), И. И. Лепехина (1822), И. Г. Георги (1799) — имеются многочисленные упоминания о «башкирских родах», которые в необходимых случаях нами использованы. Но основными источниками по этническому составу башкир XVIII в. остаются

ся приведенные выше списки. Дополняя друг друга, они в совокупности образуют своеобразный *свод*, из которого можно извлечь сведения не только по племенному и родовому составу башкир в XVIII в., но и по их расселению, численности, административному устройству и т. д. В то же время задачи разработки этнического состава башкир, определения роли и удельного веса тех или иных родоплеменных групп в сложении башкирского народа требуют поиска наиболее целесообразных путей систематизации и картографирования архивного и полевого материала. Необходимой предпосылкой к этому является анализ специфичной структуры родоплеменной организации башкир и характеристика устойчивости различных звеньев башкирской родоплеменной этнонимии.

СТРУКТУРА РОДОПЛЕМЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ БАШКИР. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА БАШКИРСКОЙ РОДОПЛЕМЕННОЙ ЭТНОНИМИИ

Формы родоплеменных организаций башкир

Опираясь на понятия «племя», «род», мы имеем в виду не экономическое содержание этих организаций, а внешнюю форму их строения. Общественные отношения башкир в XVII–XIX вв. уже много столетий не выражали сущности родового строя, но в силу специфики кочевого хозяйства внешняя форма общины оказалась более устойчивой, чем ее экономическое содержание². Отмеченная особенность внутренней организации общества не представляет собой специфически башкирского явления.

В процессе этнического формирования в состав башкир вошли племена, которые участвовали в сложении многих тюркских народов. Кроме общих моментов в этнической истории, народы Восточной Европы, Средней Азии и Казахстана на протяжении многих веков имели хозяйственные и политические связи. Эти обстоятельства не могли не наложить отпечатка на некоторые стороны общественной организации скотоводческих народов, обусловив, в частности, ряд сходных черт в их родоплеменной структуре. Речь, правда, не идет о полной идентичности форм родоплеменных организаций у этих народов. Напротив, различные исторические судьбы, разная степень развития производительных сил и другие факторы вызвали к жизни специфичные для каждой области проявления в общественном строе скотоводческих народов. В то же время наряду с местными особенностями родоплеменная структура кочевых в прошлом

² Специально о социальной истории башкирского рода см.: Кузеев, 1957. В настоящей работе структура родоплеменной организации анализируется лишь в объеме, необходимом для понимания принципов систематизации материала по этническому составу башкир.

народов характеризуется общими чертами, в какой-то степени предопределившими специфику классово-феодальной организации этих обществ.

Одной из главных общих черт внутренней организации кочевых и полукочевых народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы в XVII–XIX вв. является многоступенчатость их родоплеменной структуры. Это легко подтвердить примерами из опытов исследований по истории и этнографии казахов, киргизов, узбеков, каракалпаков, туркмен, а также материалами по этнографии башкир. Из приведенных в табл. 8 данных видно, что число звеньев в родоплеменной структуре указанных народов колеблется от трех до пяти. Однако надо иметь в виду, что таблица отражает не только объективную картину, но и слабую разработанность в историко-этнографической литературе принципов типологизации родоплеменных организаций у поздних кочевников. Число звеньев в родоплеменной структуре и их терминологическое обозначение зависят от объема информации, которым располагает исследователь, и от принятого им метода конструирования общей схемы родоплеменной организации данного народа.

Приведем некоторые примеры. В состав каракалпакского племени ктай, кроме рода бессары, входят еще одиннадцать родов, которые группируются в несколько объединений. Роды анна, куйын, айтеке и шеруши составляют группу родов под общим названием танке (Жданко, 1950, стр. 42). Аналогичные «объединения родов» зафиксированы в составе казахов, туркмен и других народов. Некоторые из них считаются генетическими, и преимущественно на этом основании ряд исследователей называет их фратриями. Включение объединений родов (иногда они обозначаются термином «подплемя») в общую структуру увеличивает в ней количество звеньев. Кроме того, у некоторых скотоводческих народов существует традиционное деление на два крыла, связанное с пережитками дуальной организации: правое и левое крыло у киргизов, бузук и учук — у туркмен, арысы конграт и он-торт-уру — у каракалпаков. Арыс конграт у каракалпаков в свою очередь делится на отделения шулдук и жаунгыр. Особенно часто количество звеньев в родоплеменной структуре увеличивается за счет низших звеньев (см. табл. 8): мелких родов, подродов, разветвлений родов, подразделений родов, семейно-родственных групп и т. д. Иными словами, разработка структуры родоплеменных организаций упомянутых народов по «полной схеме» (от высших звеньев до низших) создает многоступенчатую генеалогию с иерархической соподчиненностью включенных в нее родственных образований различного порядка. Однако в новое время родоплеменная иерархия и сама генеалогическая структура организации общества были не более чем идеологической надстройкой, отражающей былые генетические и политические связи, а также процессы этнической консолидации народа или его составных частей. В XVII–XIX вв. реальное значение имели лишь те звенья родоплеменной структуры, которые сохраняли определенные функции в общественной жизни.

Таблица 8

Структура родоплеменной организации тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы *

Узбеки	Каракалпаки	Туркмены
<p>Узбеки дельты Амударьи Конграт — племя (уруг)</p> <p>↓</p> <p>Ашамайлы — отделение пле- мени (тупз)</p> <p>↓</p> <p>Кият — род (уруг)</p> <p>↓</p> <p>Коштамгалы — родовое под- разделение (болим, ота)</p>	<p>Каракалпаки племени ктай Ктай — племя (уру, улкен уру)</p> <p>↓</p> <p>Бессары — род (уру)</p> <p>↓</p> <p>Жули — родовое подразде- ление (тире)</p> <p>↓</p> <p>Суйиндик — мелкое родовое подразделение — патронимия (коше)</p>	<p>Туркмены Хорезмского оазиса Ата — племя</p> <p>↓</p> <p>Омар-ата — подразделение племени</p> <p>↓</p> <p>Дангрык — род</p> <p>↓</p> <p>Лақырлар — родовое подраз- деление — пат- ронимия (топа)</p>
<p>Узбеки-локайцы Локай — племя</p> <p>↓</p> <p>Бадраглы — род</p> <p>↓</p> <p>Кичи-мерген — разветвление рода</p> <p>↓</p> <p>Кара-кул — подразделение рода</p>	<p>Каракалпаки племени муйтен Муйтен — племя</p> <p>↓</p> <p>Самат — род</p> <p>↓</p> <p>Жолан — родовое подразде- ление</p>	<p>Туркмены-нохурцы Нохурли — племя</p> <p>↓</p> <p>Зертли — отдел племени</p> <p>↓</p> <p>?</p> <p>Безымная ветвь отдела племени или объединения родов</p> <p>↓</p> <p>Огры — род</p> <p>↓</p> <p>Бегляр — подразделение рода</p>

* Таблица составлена по материалам исследований К. Л. Задыхиной, Б. Х. Кармышевой, Т. А. Жданко, Г. П. Васильевой, В. В. Вострова, С. М. Абрамзона, а также по полевым источникам.

У башкир такое значение сохраняли *три звена*, которые в соответствии с принятой терминологией мы называем племенем, родом и родовым подразделением. Имеются основания полагать, что такая структура является достаточно старым институтом ³ и связана с еще одной особен-

³ В этнографической литературе выдвинута, на наш взгляд, конструктивная идея (требующая, однако, дальнейшей разработки) о том, что родоплеменная структура кочевников, фиксируемая источниками XVII—XIX вв., сложилась на поздних этапах истории первобытнообщинного строя, в так называемые героические вре-

Казахи	Киргизы	Башкиры
<i>Казахи Младшего Жуза</i> Алчин — племя или союз племен ↓ Жетыруу — объединение родов или поколение ↓ Табын — род ↓ Таракты-табын — ответвление рода ↓ Акдаулет — подразделение рода — патронимия	<i>Северные киргизы</i> Бугу — племя ↓ Арык — подразделение племени ↓ Эгизей — род ↓ Беш-каман — мелкий род ↓ ? Безымянная семейно-родственная группа (бир атанын балдары)	<i>Вариант 1</i> Кыпчак — племя (уру, иль) ↓ Карагай-Кыпчак — род (уру, тюба) ↓ Таукай — родовое подразделение (ара) <i>Вариант 2</i> Катай — племя (уру, иль) ↓ Кузгун-Катай — род (аймак, уру) Кукубаш — подразделение рода (аймак, ара) ↓ Шамбы — группа родственных семей (аймак, ара, насель) <i>Вариант 3</i> Табын — племя (уру, иль) ↓ Кара-Табын — род (уру) ↓ Кёк-джюргэк — дочерний род (туб, тюба, аймак) ↓ Апсалам — родовое подразделение (аймак) ↓ Кулгилде — группа родственных семей (тармыт, аймак)

ностью многоступенчатой родоплеменной организации башкир, а именно с подвижностью ее звеньев. Особенно наглядно это просматривается,

мена (вероятно, конец I тыс. до н. э. — I тыс. н. э.), и лишь приблизительно отражает архаичную формацию родоплеменного строя. Зафиксированные в XVII—XIX вв. реалии родоплеменной структуры являются, очевидно, пережитками военно-демократического этапа истории кочевников, для которого были характерны общинный принцип во владении землей и принцип частной собственности на скот и другое имущество (Абрамзон, 1951, 1970, 1971; Лашук, 1967).

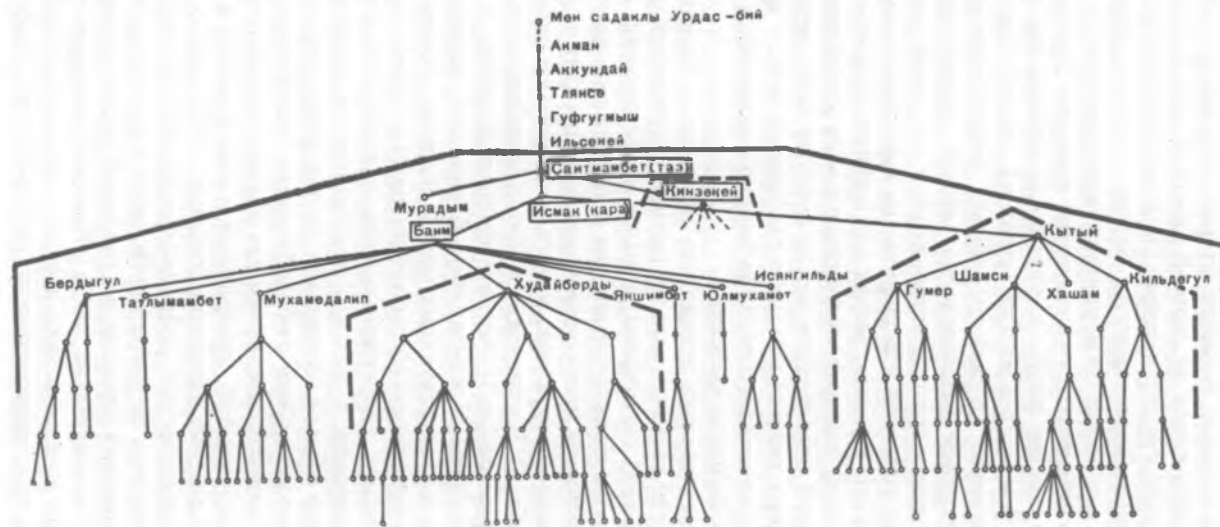
если проследить закономерность образования низших звеньев родоплеменной организации — родовых подразделений.

Родовые подразделения у башкир формировались, по крайней мере в обозримом для наших источников периоде, в процессе сегментации рода. Башкирский род представлял собой совокупность нескольких (до 30–40 и более) родовых подразделений, имевших в свою очередь тенденцию к постоянной дальнейшей сегментации. В рамках разрастающихся родовых подразделений шел процесс обособления групп близкородственных семей, которые постепенно принимали форму и юридические функции новых родовых подразделений. Социально-экономическую основу этой закономерности надо искать в специфике кочевого или полукочевого скотоводческого хозяйства, условия которого требовали строгой регламентации количества скота, который можно было содержать на определенной территории. Это обстоятельство, правда сложным и опосредственным путем, воздействовало на численность населения на той же территории.

Динамика постепенной сегментации родовых подразделений показана в табл. 9. В качестве примера избрано подразделение таз (или сайтмамбет) рода миркит племени мин. Достоверность демонстрируемой схемы иллюстрируется не только старинным шежере рода, откуда взята генеалогия, но и полевыми материалами, которые подтвердили существование в прошлом указанных в таблице родовых подразделений. Сегментация разросшегося родового подразделения начинается с постепенного обособления и более тесного сплочения группы близкородственных семей. В данном случае — это потомки Кытыя — сына Исмака, потомки Худайберды — сына Баима и потомки Кинзекея — сына Сайтмамбета (потомки Кинзекея в таблице опущены). Этот процесс, длительность которого может измеряться жизнью по крайней мере двух-трех поколений, завершается выделением группы близкородственных семей в самостоятельную ячейку. По своим функциям в общественной и хозяйственной жизни рода выделившиеся дочерние ячейки не отличаются от материнских родовых подразделений. Обособившиеся подразделения получают собственные, обычно патронимические, названия по имени одного из предков. В данном случае потомки Кытыя называют свое подразделение по имени его отца Исмака, потомки Худайберды — по имени Баима, потомки Кинзекея — по имени своего основателя. При этом одно из родовых подразделений (при полной сегментации) или оставшаяся после выделения новых групп старая часть подразделения (при неполной сегментации), как правило, преемственно сохраняли традиционный этноним материнской организации. В данном случае потомки Бердыгула, Татлымамбета, Мухамедалипа, Якшимбета, Юлмухамета и Исянгильды по-прежнему объединялись в подразделение таз (или сайтмамбет). Новые образования

Таблица 9

Схема движения границ родовых подразделений башкир дер. Мурадымово миркит-минского рода (составлена на основании шежере этой деревни). В рамки заключены имена предков, потомки которых (или часть потомков) постепенно выделились в самостоятельные родовые подразделения; там же указаны этнонимы родовых подразделений. Сплошной линией показаны границы подразделения таз, пунктирной — отделившихся от него подразделений кара (исмак), банм, кинзекей и кытый.

наряду с патронимическими названиями иногда получали прозвища (лякаб исем), имеющие значение второго этнонима и обычно более прочно закрепляющиеся за данной группой семей (выделившиеся в самостоятельную группу потомки Исмака получили этноним *кара*).

Если родоплеменная структура башкир (и равно других народов) фиксировалась в процессе сегментации старого родового подразделения и выделения из него новых, то количество звеньев в структуре увеличилось на одно или два звена. Эти ячейки на низших звеньях родоплеменной структуры исследователи (стремясь как-то отличить их друг от друга) обозначают по-разному: подрод, ответвление рода, подразделение рода, родовое подразделение, мелкое родовое подразделение, семейно-родственная группа, патронимия и т.п., хотя, конечно, отработанной типологической классификации характеризуемых организаций не существует. Видимо, четкая классификация и невозможна, так как при показанной подвижности звеньев в многоступенчатой структуре родоплеменной организации всегда существовала вероятность возникновения новых звеньев или перехода одного звена в другое. Иначе говоря, вся родоплеменная структура башкир находилась в постоянном, хотя и очень медленном, движении.

Изменчивость звеньев возрастала от высших ступеней генеалогии к низшим, где шел постоянный процесс внутренней сегментации. В свете отмеченной специфики, а также недостаточной изученности проблемы было бы преждевременным пытаться типологизировать по каким-либо признакам (или социальным функциям) те звенья башкирской родоплеменной структуры, которые находятся в нашей схеме ниже рода (см. табл. 8). Например, семейно-родственные группы шамбы и кулгилде (варианты 2 и 3) соответственно отделились от подразделений кукбаш и апсалам. В момент обособления они, являясь дочерними образованиями соответствующих подразделений, находились с ними в отношениях иерархической соподчиненности. Однако это было временным состоянием, характерным лишь для заключительной стадии процесса сегментации. С полным отделением от материнской организации (которое обычно совпадало с выделением в самостоятельную пастбищно-кочевую группу с обособленным поселением, с собственными маршрутами кочевков, своим кладбищем, соответствующим образом измененной тамгой, традициями взаимопомощи и т.д.) новые родовые подразделения начинали сознавать себя частью рода (в данном случае, соответственно, родов кузгун-катай и кёк-джюргэк), но не материнских родовых подразделений, связи с которыми приобретали чисто генеалогический характер, а в реальной жизни практически вовсе утрачивались. Следовательно, когда у башкир фиксируется ниже родовой организации еще несколько звеньев в родоплеменной структуре, мы имеем дело не с принципиально разными образованиями, а с раз-

личной фазой развития ячеек, природа которых в сущности одинакова. Родовые подразделения, хотя и могли находиться по происхождению в близких или дальних родственных отношениях между собой, но как социальные организмы все они являлись частью рода с вытекающими отсюда хозяйственными и общественными функциями, характерными во многом для организаций, описанных в литературе под названием «патронимия» (см. Косвен, 1963; Робакидзе, 1968).

Отмеченная закономерность образования новых родовых подразделений может быть распространена у башкир и на более высокие звенья структуры — на родовые организации, которые в данном случае мы рассматриваем как объединение семей, члены которых (кроме жен) происходили (или считали себя происходящими) от одного общего предка по мужской линии. Правда, такое определение целиком приложимо не только к башкирскому роду, но и к его подразделению. Отличие заключается в степени сложности внутренней структуры указанных организаций. Род представлял собой лишь генеалогическую организацию, т. е. совокупность нескольких родовых подразделений, которые должны были находиться между собой в отношениях родства. В составе разросшегося рода происходило сплочение и обособление группы наиболее близких по генеалогическому родству родовых подразделений, т. е. парадокс заключается в том, что на базе интеграции шел тот же процесс сегментации. В этих случаях мы имеем дело, очевидно, с генеалогической сегментацией, когда происходил распад единой в прошлом организации. Процесс завершался обособлением дочернего рода (например, кёк-джюргэк в составе кара-табынцев, татигас в составе юрматынского рода тальтим; см. табл. 8) и выделением фактически занятых им земель в самостоятельную родовую вотчину. Время постепенно стирало иерархическую соподчиненность основных и дочерних родов; все они становились родовыми организациями в составе племени и имели одинаковые статус и функции. Есть основания утверждать, что таков был путь образования многих родов в составе башкирских племен. На это указывает тождественность начертаний тамг различных родов в составе племен. Например, кыпчакские роды гэрэй и карагай имеют в основе тамгу . Устойчивая преемственность башкирских тамговых знаков (Кузеев, 1957, стр. 75–76, 94–98) доказывает, что эти роды некогда входили в единую организацию. Впоследствии они приобрели все признаки и функции самостоятельных родов и, наконец, постепенно утратили всякие воспоминания о былых генеалогических связях между собой. В XVII–XIX вв. эти роды выступали самостоятельно, имея в составе кыпчакского племени совершенно одинаковый статус.

Племенным организациям тюркских кочевников также была свойственна тенденция и способность к сегментации или, по определению

С. М. Абрамзона, к «воспроизводству» (Абрамзон, 1970, стр. 67). Сегментация могла ускоряться или, напротив, сдерживаться событиями политического характера. Показать графически на достоверных материалах сегментацию племен нет возможности хотя бы потому, что наиболее активный процесс расчленения племенных организаций происходил в эпоху средневековья и он слабо зафиксирован в источниках. Но мы хорошо знакомы с результатами этого процесса: одноименные племена (табын, катый или ктай, кыпчак, канлы и др.) с единым типом основной тамги, с весьма сходными сюжетами этногенетических сказаний и т. д. зафиксированы в составе многих современных народов. Эти образования можно называть по-разному (племя, отделение, поколение, колено, ветвь, род и т. д.), но их сегментацию и участие в этническом становлении ряда народов отрицать невозможно.

Изложенное выше показывает, что племенные организации в составе тюркских народов (и в частности башкир) могут быть различного типа. Не претендуя на исчерпывающую типологизацию, отметим присутствие в XVII–XIX вв. в составе башкир племен: а) сложившихся в соответствии с естественным (имманентным) развитием генеалогической структуры башкирской родоплеменной организации (например, племена бурзян, тангаур, усерган, основные родовые организации которых образовались в результате генеалогической сегментации родительских ячеек); б) организованных по принципу группировки вокруг достаточно мощного племенного образования (кыпчак, катый, ай) родовых организаций, не родственных основным родам, но связанных с ними рядом исторических или политических факторов; в) представляющих союз самостоятельных по этническому происхождению родовых организаций (танып, в значительной степени — табын), отколовшихся от разных племенных образований и объединившихся в условиях Башкирии в силу тех или иных исторических обстоятельств; г) не имеющих внутренней родовой структуры (сальют, сынрян, упей и др.), но представляющих по происхождению самостоятельные этнические образования и сохранивших собственную организационную структуру.

В структуре многоступенчатой родоплеменной организации башкир (и, как мы полагаем, других скотоводческих народов) некоторые звенья отражали переходное состояние тех или иных ячеек структуры. Поэтому количество звеньев, зафиксированных в разное время и в различных условиях, не может быть одинаковым. В настоящее время, конечно, рано говорить об исторической универсальности форм родоплеменных организаций народов, прошедших через стадию кочевого скотоводческого типа хозяйства. В этом направлении необходимы специальные изыскания, успешно ведущиеся по тюркским народам С. М. Абрамзоном (1951, 1970), Т. А. Жданко (1950),

А. П. Латуком (1967), на материале кочевых обществ северной Аравии А. И. Першицем (1971) и др. Но в гипотетической форме можно, на наш взгляд, сформулировать положение о сходстве (или общности) принципов организации многоступенчатой и подвижной родоплеменной структуры кочевников, а также народов, которые сложились в той или иной степени на базе кочевых и полукочевых тюркских или тюрко-монгольских племенных объединений эпохи древности и средневековья. Одинаковый тип хозяйства порождал, очевидно, сходные формы общественных организаций.

Сохранение в родоплеменной структуре башкир реального значения трех звеньев было тесно связано с тем обстоятельством, что Башкирия в середине XVI в. вошла в состав Русского государства и, следовательно, попала в сферу активного влияния более развитого феодального государства, влияния, которое не прошло бесследно и для глубоко традиционных институтов башкирского общества.

Было бы чрезвычайной схематизацией социально-экономических процессов, если бы мы попытались установить применительно к XVII–XIX вв. действительные социальные функции каждого звена родоплеменной структуры башкир. Почти всегда некоторые (особенно высшие) звенья существовали в силу традиций; они лишь по исторической инерции несли некоторые (обычно минимальные) функции в общественной жизни. Другие звенья (особенно низшие), напротив, органически адаптировались к новым социально-экономическим преобразованиям и тем самым сохраняли и надолго стабилизировали себя в иной среде и в иной эпохе. Именно в этом причина и объяснение сложнейшего переплетения генетических классовых и социальных связей в общественных отношениях, которые применительно к таким народам, как башкиры, казахи, киргизы и другие, принято называть патриархально-феодальными.

В башкирском обществе социальные функции различных звеньев родоплеменной структуры изучены нами начиная с XVI в. (Кузеев, 1957, стр. 123–178). Основой сохранения реального значения тех или иных звеньев было преимущественно их отношение к земельной собственности и роль в системе землепользования. Субъектом земельной собственности в башкирском обществе до XVIII в. выступали (формально или фактически) племя или род. По мере углубления социально-экономических отношений к концу XVIII в. племенные вотчины почти повсюду распались на родовые. В пределах юридически сохранявшейся родовой вотчины землепользование осуществлялось в восточной Башкирии по родовым подразделениям (которые одновременно могли выступать пастбищно-кочевыми группами); в западной Башкирии — по отдельным семьям или небольшим группам родственных семей. В том и в другом случаях на традиционно сохранявшиеся ге-

нетические связи наслаивались и становились господствующими связями территориальные.

В соответствии с функциональной ролью племен и родов в системе землевладения, родовых подразделений — в системе землепользования реальное значение в родоплеменной структуре башкир сохранили указанные выше три звена: племя, род, родовое подразделение. Переходные звенья постепенно приобретали функции одного из основных звеньев. В ряде районов западной Башкирии, где удельный вес земледелия в XVIII в. стал весьма существенным, быстро развивалось и становилось господствующим землепользование больших и малых семей, которые находились в соседских связях с другими семьями, объединенных на базе хозяйственных аулов. Поэтому во многих районах запада Башкирии третье звено — родовое подразделение — распалось и выпало из общей цепи родоплеменной структуры. Ослабление генетических и укрепление территориальных связей убыстрялось внедрением в племенную или родовую организацию пришлых групп населения, которые принимали привычную форму рода или родового подразделения, существенно усложняя в то же время этнический состав населения.

О принципах выделения родоплеменных организаций башкир

При разработке этнического состава башкир необходимы критерии, на основе которых можно было бы различать племенную организацию от родовой и родовую от ее подразделений.

Наиболее точным ориентиром могла бы быть терминология, обозначающая различные звенья родоплеменной структуры, однако у башкир она неустойчива и не дает возможности точно определить границы племени или рода. Племенную организацию башкир обычно называют уру (*ыру*). Этот же термин часто используется и для обозначения рода. Юго-восточные башкиры племя в отличие от рода иногда называют *өлкән ыру* (большой или старший род). Северо-восточные башкиры термин «уру» для обозначения племени применяют редко, заменяя его словом *иль* (*ил*). Впрочем, термин «иль» имеет более широкое значение и может быть приложен не только к племени, но и к роду или в целом к стране.

Род в юго-восточной и южной Башкирии башкиры обозначали термином «тюба» (*түб, түба*)⁴, в северо-восточной — «аймак» (*аймак*).

⁴ Термин, кроме башкир, зафиксирован у узбеков и туркмен (соответственно *тупэ, топа*; см. табл. 8). Видимо, это слово в форме *čub* упоминается в древнетюркском тексте в честь Кюль-тегина (Малов, 1951, стр. 31). В. В. Радлов считал возможным переводить *čub* в значении «род» (Кляшторный, 1964, стр. 74–80).

Юго-восточные башкиры не знали слова «аймак», точно так же, как северо-восточным башкирам, за редким исключением, неизвестен термин «тюба». В западной Башкирии, напротив, известны оба слова, но к югу от р. Белой чаще — тюба, к северу — аймак. В то же время почти по всей Башкирии родовые организации могли называться как и племенные: уру или иль.

Особенно показательна своим многообразием терминология, обозначающая родовые подразделения. В северо-восточной Башкирии родовые подразделения назывались, как и роды, аймаками. В некоторых районах в том же значении применяли следующие термины: насель (*насел*), тармыт (*тармыт*), теркем (*төркөм*), ус (*ос*), яур (*яүер*), тюба (*түбә*). На юго-востоке и юге Башкирии для обозначения родовых подразделений применялся только термин «ара́» (*арá*), и лишь изредка — «уру» или «тюба».

Родовые подразделения в западной Башкирии назывались аймак, ара или насель, т. е. здесь была известна терминология как юго-восточной, так и северо-восточной Башкирии. Иногда западные и северные башкиры не знают слова *ара* и *аймак*. В этих случаях родовые подразделения обозначаются терминами, происхождение которых позднее или небашкирское: тамыр (*тамыр* — корень, ответвление) или тармыт; тукум (*током* — потомки одного предка); зат (*зат*); буун (*быуын*); кидяк (*кидэк*); чат (*сат*); тэркэм (*төркөм*); порода (*паруд*) и другие в тех же значениях. Наиболее распространенным для всей западной и северо-западной Башкирии является термин «насель» (*насел* — род, поколение).

Неустойчивость терминологии, обозначающей родоплеменные организации, исключает возможность ее использования при выделении различных форм родоплеменных организаций из общей структуры. Бытующие термины, как показано, зачастую одинаковы для различных организаций и различны для одной и той же организации. Неустойчива и неопределенна также и терминология русских источников XVIII в., которые термином «род» обозначают любое звено родоплеменной структуры башкир. В историко-этнографической литературе по тюркским народам различные звенья родоплеменной организации называются племенем, отделением, поколением, подплеменем, фратрией, коленом, ветвью, линией, родом, подродом и т. д. без четкой характеристики содержания и значимости применяемой терминологии. Отмеченная неустойчивость терминологии башкир и других народов находилась, очевидно, во взаимосвязи с особенностью их родоплеменной структуры. Ее подвижность вызвала нестабильность и высокую мобильность и соответствующей терминологии.

Одним из признаков, способствующих определению границ рода, является принцип родового экзогамии. Однако ознакомление с системой брачных отношений у башкир показывает, что запрет брачных

связей касался у них в разное время различных организаций. В настоящее время пережитком когда-то господствовавшей экзогамии является обычай, запрещающий брак в пределах нескольких поколений по отцовской линии. В XVII–XVIII и даже в XIX в. «поколенная» экзогамия в Башкирии была распространена там, где полностью или в значительной степени потеряло экономическое значение и разложилось родовое подразделение, т. е. на севере и западе. Там, где они сохранились, господствовала экзогамия именно этих организаций. Брак внутри родовых подразделений не разрешался местами вплоть до начала XX столетия.

Если обратиться к системе брачных отношений башкир в целом, можно достаточно ясно проследить у них «скользящий» характер принципа экзогамности браков⁵. В одних случаях наблюдается постепенное разрушение экзогамии от верхних звеньев (племени) к низшим (родовым подразделениям), в других — отсутствие всяких признаков былой экзогамии племени и экзогамность лишь его подразделений — тюб и аймаков, которая сменилась запрещением брачных отношений в пределах родового подразделения или нескольких поколений.

Принцип экзогамии, таким образом, также не может служить у башкир основой для определения границ родоплеменных организаций. Аналогичная картина складывается и с другими признаками родоплеменной жизни. Родовые тамги, птицы, деревья, ураны далеко не всегда можно связать с определенным типом организации. Иногда общность тамг и других родоплеменных атрибутов характерна для той организации, которую мы называем племенем; иногда, напротив, каждый род в составе племени имеет в этом отношении самостоятельные показатели.

Учитывая неустойчивость традиционных показателей, приходится заключить, что сравнительно точным ориентиром для определения границ той или иной родоплеменной организации у башкир, особенно рода или племени, может служить лишь комплекс признаков. Это не находится в зависимости от недостатка материала, а является особенностью многоступенчатой и подвижной структуры родоплеменной организации башкир. Следовательно, когда мы пользуемся общепринятыми в исторической литературе терминами «племя», «род», «родовое подразделение», то делаем это условно, как бы «подводя» родоплеменную структуру башкир под классическую схему племенной структуры древних народов.

Детальная характеристика всех звеньев башкирской родоплеменной структуры дана в ряде работ (Кузеев, 1957, стр. 58–123; Кузеев, Бикбулатов, Шитова, 1962, стр. 175–177, 205–210). Краткий перечень их основных признаков сводится к следующему.

⁵ Более подробно см.: Кузеев, 1957, стр. 38–43.

Родовое подразделение (ара, аймак, насель и др.) является экзогамным объединением группы родственных семей, потомков общего, обычно не очень далекого, предка. Члены родового подразделения обязательно расселялись компактно (отдельным аулом или обособленной улицей в деревне), имели общее название, единую в основе тамгу. Будучи взаимосвязаны общностью некоторых хозяйственных функций, члены родового подразделения вместе выходили на летние кочевки (образуя единую пастбищно-кочевую группу или общину), содержали скот в совместных табунах и стадах, помогали друг другу в ведении хозяйства, участвовали в расходах по организации свадеб, похорон и т. д. В системе землепользования члены родового подразделения долгое время были объединены совместной эксплуатацией части родовой вотчины.

Башкирский род (тюба, аймак, уру) представлял собой совокупность считающихся родственными родовых подразделений. Вплоть до недавнего времени башкирские роды хранили предания и генеалогии (шежере) о происхождении от общего, обычно чем-то знаменитого (или «героического») предка. Члены рода были объединены общим названием, имели единую в основе тамгу, которая модифицировалась по родовым подразделениям и далее по семьям. В ряде случаев прослеживается экзогамность в недавнем прошлом (XVI–XVIII вв.) родовых организаций, однако для большинства родов экзогамность не была свойственна, хотя предпочтительность браков с одним или несколькими чужими родами имела место. Члены рода обычно расселялись компактно на единой территории. Башкирский род долгое время выступал совместным владельцем общей вотчины.

Совокупность нескольких родов составляла племенную организацию. В преданиях и исторических сказаниях сохранились некоторые признаки былого единства племени: кроме этнонима, племенам были характерны такие атрибуты, как общая в основном начертании тамга, дерево, птица и особенно племенной уран — военный клич, восходящий своим происхождением к военно-демократическому этапу родоплеменной организации. Роды в составе племен в известных нам генеалогиях считаются родственными, однако по другим признакам (тамгам, деревьям, птицам, уранам) такая общность зачастую не прослеживается или прослеживается только по отношению к некоторым родам. Племена имели органы самоуправления (советы старейшин, народные собрания), племенную территорию, разделенную, однако, на родовые вотчины.

В ряде случаев трудно или невозможно отличить родовую организацию от племенной. Особенно это касается тех образований, которые не имели внутреннего родового членения, хотя внешне выступали самостоятельно, не входя в другие объединения. При отнесении таких

образований к категории племенных мы руководствовались также более или менее ярко выраженными особенностями в культуре, говоре башкир данной группы, что обычно свойственно для племен. Несмотря на некоторую условность такой градации, в плане разработки вопросов этнической истории она полезна и целесообразна.

Структура родоплеменной организации башкир, в основе которой лежал принцип родства, обладала в то же время специфическими особенностями многоступенчатости, подвижности звеньев (особенно низших) и способностью родоплеменных организаций и их подразделений к сегментации.

Определение границ родоплеменных образований невозможно на основе башкирской терминологии, обозначающей родоплеменные организации, или традиций экзогамных брачных отношений, которые также обнаруживали свойства подвижности и нестабильности. Границы различных форм родоплеменных организаций башкир в новое время определяются на основе совокупности признаков, среди которых ведущее значение придается роли и функциям того или иного образования в системах землевладения и землепользования, а также в общественной жизни.

Реальное значение в башкирской родоплеменной системе имели три звена: племя, род, родовое подразделение. Однако употребление указанной терминологии условно. Она отражает действительную структуру родоплеменной организации башкир, учитывает сохранившиеся социальные функции за этими образованиями, но не имеет в виду того социально-экономического содержания, которое мы привыкли в классическом смысле этих слов подразумевать за этой терминологией.

Общая характеристика родоплеменной этнонимии башкир

В настоящем исследовании одним из исходных является положение о сопряженности этнонима и его носителей. Рождение этнонима, география его распространения, развитие, исчезновение или переходы в другие качественные состояния, иными словами, вся история этнонима прямо или косвенно связана с историей самого этноса. Соответственно изучение совокупности этнонимов (репрезентативной по всему этносу) в синхронном и диахронном аспектах, установление закономерностей поведения этнонимов в различных условиях и в разные эпохи является важным средством проникновения в сложные и многоярусные процессы этнической истории прежде всего тех народов, которые сохранили в памяти этнонимии родоплеменных организаций.

В то же время надо помнить, что «этноним и его объект — не одно и то же», особенно если иметь в виду весь период их существования (Никонов, 1970, стр. 11). Этноним *башкир* в IX в., когда он впервые упоминается в Средней Азии, в XII в. — накануне монгольского нашествия, и в XVI в., когда Башкирия присоединилась к Русскому государству, обозначал различное состояние этноса, хотя в каждую эпоху между этнонимом и этносом были определенные соответствия, выяснение которых чрезвычайно важно для изучения этнической истории народа. Аналогичное развитие могли проходить племенные и родовые этнонимы. Сказанное, очевидно, означает, что по мере продвижения в глубь веков соответствие этнонима и этноса становится более полным. Напротив, по мере приближения к современности этнос, при сохранении этнонима, в результате различных взаимодействий, включений в его состав новых компонентов и т. п., может измениться, иногда коренным образом. Закономерности этих изменений (иными словами, закономерности ассимиляционных процессов) слабо изучены. Варианты могут быть различными: при сохранении этнонима старый этнос может существенным образом изменить физический облик (антропологический тип), однако сохранить в основе язык и культуру; или утратить этноним, вместе с ним прежний разговорный язык, многие черты культуры, но сохранить физический тип и т. д. В условиях Башкирии преобладал, видимо, первый из отмеченных двух вариантов. Несмотря на то что археологические и антропологические материалы указывают на определенную роль в этническом формировании башкирского народа местных финно-угорских и сармато-аланских племен, в родоплеменной этнонимии башкир эти процессы представлены чрезвычайно слабо. Из сказанного следует, что для определения степени соотношения этнонима и этноса важно установить эпоху возникновения этнонима, исторические условия его развития, время и обстоятельства появления этнонима и его носителей на данной территории или в составе данного этноса.

В. А. Никонов отмечает у этнонимов значения «доэтнонимическое (этимологическое), часто утраченное полностью или частично; собственно этнонимическое — само реальное содержание этнонима, т. е. соотносительность с обозначаемым им объектом» (Никонов, 1970, стр. 12). Соответственно этнонимы изучаются лингвистами с целью установления их этимологии и этнографами — в плане реконструкции этнического состава и этнической истории народа. Очевидно, наиболее плодотворным обещает быть изучение родоплеменной этнонимии с учетом достижений и методов как лингвистики, так и этнографии. В нашем исследовании сделана такая попытка, однако, учитывая относительность подавляющего большинства этимологических экспертиз, автор стремился осмотрительно использовать этот мате-

риал, ориентируясь главным образом на авторитет ученых-лингвистов. Основной акцент сделан на историко-этнографическое изучение этнонимии, при применении методов, близких к тем, которые давно используются в языкознании. Прежде всего, и об этом уже сказано, в работе мобилизован массовый материал. Это позволяет иметь дело не с изолированными этнонимами, информативная способность которых невысокая, а с совокупностью этнонимических обозначений, которые можно распределить по типологическим рядам. Та же массовость материала служит основой для стратиграфического членения этнонимов с выделением пластов названий, связанных с определенным этническим миром и появившихся в составе башкирского этноса в ту или иную эпоху. Однако вовлечение родоплеменной этнонимии в типологические группировки и в историко-стратиграфические схемы (см. гл. VIII–X) требует определенного их отбора на основе общей характеристики, которая дана ниже.

Одним из важных является вопрос об устойчивости этнонимов различных звеньев родоплеменной структуры башкир.

Наиболее устойчивым был племенной состав башкир; это хорошо иллюстрируется сравнительным анализом башкирской племенной этнонимии с родоплеменной этнонимией других (тюркских, монгольских) народов. Этот анализ показал, что независимо от исторической судьбы самого племенного образования, племенные этнонимы на всем протяжении средневековья, как правило, бесследно не исчезали. В случае распада или упадка племени они становились родовыми этнонимами, переходили в названия родовых подразделений, реже — сохранялись в топонимах, фиксировались в преданиях, шежере, исторических сказаниях и эпических произведениях, но так или иначе откладывались в памяти народа. Это важный момент, так как совокупность материала по племенной этнонимии создает основу для разработки истории формирования этнического состава башкирского народа.

Несколько иначе обстоит дело с родовыми этнонимами и особенно с этнонимами родовых подразделений. Устойчивость племенного этнонима вовсе не означала стабильность самого племенного организма. Здесь в полной мере сказывались те особенности подвижной многоступенчатой родоплеменной структуры, о которых шла речь выше. В эпоху крупных исторических событий, сопровождавшихся обычно активизацией этнического взаимодействия народов, в состав многих башкирских племен влились на правах «родов» или чаще «родовых подразделений» группы ногайцев, казахов, каракалпаков, сартов, туркмен, татар (в том числе мишарей и типтярей), чувашей, марийцев, удмуртов и др. Еще более усложнило этнический состав башкир углубление социально-экономических процессов в недрах самого общества.

Они в ряде случаев ослабили различия между родами и родовыми подразделениями, противопоставив ставшие в новых условиях сильными и многочисленными родовые подразделения пережившим упадок родам. Поэтому порой бывшие подразделения родов фиксируются как родовые организации, а некоторые роды исчезают, оставив память о себе лишь в этнонимах родовых подразделений или в преданиях. Существенное значение имели также внутренние передвижения различных групп башкир, что вело к взаимопроникновению и взаимосмешению башкирских племен и родов и соответственно к утрате былой четкости в этнонимических обозначениях родовых организаций.

Все эти процессы протекали, конечно, чрезвычайно медленно. В каждый данный момент родоплеменной состав народа был стабилен, а в сохранении древних этнонимов сила традиций была еще велика. Масштабы разрушительного воздействия отмеченных процессов на родоплеменную этнонимию измерялись столетиями. Но в плане основных задач нашей темы важно подчеркнуть, что такие изменения в родоплеменном составе (и соответственно — в этнонимии) башкир все же имели место. Как бы медленно они ни протекали, именно им в конечном итоге мы обязаны сложностью и пестротой родового состава большинства башкирских племен, разнообразием родовых тамг, противоречивостью их генеалогий и исторических преданий, а в ряде случаев — даже специфической особенностью культуры различных частей населения одного и того же племени (катай, табын и др.). Нет необходимости доказывать, что все эти обстоятельства, чрезвычайно усложняя процесс работы, в то же время расширяют перспективу исследования, так как дают возможность изучить изменения в этническом составе башкир и определить масштабы этих изменений на протяжении многих столетий.

Итак, реконструируя этнический состав башкир, можно быть уверенным, что *племенные этнонимы* отражают этническую историю башкир, уходящую корнями далеко в глубь веков. *Родовая этнонимия* в этом отношении более сложное явление; в ней отложились этнические процессы разных времен и эпох, в том числе и самых поздних. Многие родовые этнонимы восходят, как и племенные, к древней и средневековой эпохам башкирской истории, по крайней мере к I — началу II тыс. н. э., но часть их возникла в ходе этнических процессов на территории Башкирии в XIII–XVI вв., а в некоторых случаях и позднее. *Этнонимы родовых подразделений* отражают этнические и социально-политические процессы в хронологическом отношении еще более обширной эпохи. В связи с тем, что процесс выделения родовых подразделений шел постоянно и реальное функционирование этих социальных организаций измеряется в среднем 1,5–2 столетиями, большинство этнонимов родовых подразделений надо отнести к ново-

образованиям (XVII–XIX вв.). В то же время нельзя упускать из виду и установленную нами (Кузеев, 1957, стр. 98–99) устойчивую преемственность в наследовании одним из родовых подразделений этнонима и тамги материнской патронимии. Это означает, что часть этнонимов родовых подразделений древнего происхождения. В целом же устойчивость традиционной родоплеменной этнонимии у башкир (так же как и у других тюркских народов) падает от высших звеньев родоплеменной структуры к низшим; соотношение древних этнонимов и вновь образовавшихся меняется в пользу последних на низших ступенях родоплеменной системы.

В родоплеменной этнонимии башкир выделяются различные типы наименований. Принципы этнонимообразования — тема специальная и малоизученная. Оставляя эту тему для будущих изысканий, ограничимся общей группировкой башкирской этнонимии среднего и низшего звеньев по внешним признакам.

Преимущественно к поздним образованиям относятся этнонимы *патронимического* характера. Как правило, это имена (патронимы) далеких или более близких предков, которые закрепились в качестве наименований родов (например, у юрматынцев — татигас) или чаще родовых подразделений (кинзебулат, миндегул, байназар, бурангул и т. д.). В то же время некоторые родовые названия (кармыш, мунаш, ямаш и др.), хотя внешне и похожи на патронимичные, в действительности таковыми не являются.

Большую группу составляют этнонимы, которые в этнографической литературе принято называть *тотемистическими*; к ним относятся названия животных, птиц, рыб, насекомых, растений и других реалий (например, названия родов — волк, медведь, змея; родовых подразделений — журавль, коршун, сокол, филин, стервятник, ворон, заяц, собака, бык, волк, олень, мышь, пескарь, сом и т. д.). Не без оснований многие исследователи считают, что тотемистические этнонимы отражают период, когда животные, птицы, деревья и другие реалии выступали в роли культов у языческих предков современных народов (Абрамзон, 1949; Потапов, 1958; Зуев, 1970). У башкир к тотемистическим этнонимам могут быть отнесены характерные для всей древней Центральной Азии тотемы «волк», «собака» и др. Однако было бы неправильно все этнонимы такого рода считать древними. Надо иметь в виду, что существенное значение при возникновении новых этнонимов имели принципы преемственности и аналогии. Поэтому нет оснований связывать все этнонимы, носящие названия животных, птиц и растений (а их у башкир несколько сот), с древними тотемными культами, а не с обычаями, которые лишь слабо отражают давно забытые традиции.

Особенный интерес для нашей темы представляют *этнические* названия родов и родовых подразделений. В башкирской этнонимии от-

ложились наименования тех народов и племен, которые в той или иной степени приняли участие в формировании этнического состава башкир (например, роды ногай-юрматы, мишар-юрматы, сарт-калмак, туркмен-кудей; родовые подразделения казах, киргиз, каракалпак, кызылбаш, тажик, узбек, татар, чуваш, мокша, черемис, ар и т. д.). К этой же группе относятся *племенные* названия родовых подразделений; они возникали в результате взаимного смешения тюркских или позднее башкирских племен (тугус, тау, аргын, ун, бурзян, кыпчак, канглы и т. д.).

Значительную группу составляют *топографические* этнонимы, указывающие обычно на характер местности, на которой проживает род, в отличие от остальной части племени: ялан-катай 'степные катайцы', тау-каналы 'горные канлинцы', су-танып 'речные таныпцы', урман-кудей 'лесные кудейцы'. К топографическим примыкают этнонимы с *цветовой* основой: кара-табын, ак-кыпчак, сары, кызылбаш и т. д. Как считают многие тюркологи, цветовые определения часто связаны с символической цветовой характеристикой стран света: *кара* 'черный' — север; *һары* или *ак* 'желтый' или 'белый' — запад; *кызыл* 'красный' — юг; *күк* 'голубой' — восток.

Кроме указанных, выделяются этнонимы родов и родовых подразделений, в которых отражаются *род занятий* или какая-либо *особенность в характеристике* данной группы (охотник, медвежатник, рыболов, найденыш, толстые, пришедшие, взбирающийся на луну и т. д.). В основе некоторых этнонимов лежат *числительные*, которые, по всей вероятности, в прошлом имели сакраментальное значение (бишул, ете-уру и др.).

Названия родовых подразделений довольно часто повторяются в пределах рода или племени. Во многих случаях повторяемость этнонимов свидетельствует о процессе сегментации родовых подразделений и их расселении по разным деревням в пределах единой вотчины. Одни и те же этнонимы могли, однако, возникнуть у подразделений, генетически между собой не связанных. Особенно это относится к таким названиям, как 'калмак', 'казах', 'татар', 'чуваш' и др., появление и распространение которых в Башкирии было связано с этноисторической обстановкой XVI–XIX вв.

После присоединения к Русскому государству в Башкирии появлялся ряд новых факторов, разрушающе воздействующих на родоплеменную систему и соответственно на родоплеменную этнонимию. Создание и постепенное укрепление волостной административной системы, постоянно нарастающая тенденция к дроблению родоплеменных вотчин между сельскими общинами подрывали первичную структуру башкирского общества, расшатывали устоявшиеся представления народа о принадлежности к определенным племенам и родам. В этих условиях сопротивляемость племенных и родовых образований внешнему

этническому воздействию быстро падала; принадлежность к определенному роду становилась условной; мобильность населения росла и, следовательно, возрастала межплеменная и межродовая смешанность. Таков был путь к полному разрушению родоплеменной системы, удерживавшейся в XVIII–XIX вв. лишь на некоторых традициях, реальное значение которых в новых социально-экономических условиях было ничтожным. Внешним выражением этого процесса в XIX в. было забвение населением многих родовых этнонимов, особенно характерное для северо-запада Башкирии; подмена родовых этнонимов в сознании молодого поколения названиями волостей, сельских «обществ» (обычно патронимичных) или в ряде мест наименованиями земельных дач; вытеснение древних родовых этнонимов более поздними, возникшими в XVI–XVII вв. на базе имен, известных и чем-то отличившихся родоплеменных вождей. Наиболее разрушительное вторжение в родоплеменную систему башкир оказали те социально-экономические и административные мероприятия Русского государства, которые были связаны с перераспределением родовых земельных вотчин или с изменением самой системы традиционного родоплеменного землепользования. Нарушение вотчинных границ неизбежно разрушало или сильно изменяло внутреннюю структуру племени, приводя иногда к полному исчезновению рода, как такового, и к забвению его этнонима. И, напротив, группа родственных аулов (составлявших часть рода), объединившись во владении единой земельной дачей (частью бывшей родовой вотчины), могла выступать в новых условиях в привычной роли «рода» и с временного расстояния в 2–3 столетия далеко не всегда легко различить такие «роды» от настоящих и соответственно традиционные этнонимы от псевдоэтнонимов.

В процессе работы над восстановлением корпуса башкирской родоплеменной этнонимии все эти обстоятельства учитывались. Исходя из основных задач темы, автор в первую очередь стремился восстановить племенные этнонимы, а также родовой состав племен в том виде, в каком они зафиксированы архивными источниками и башкирскими шежере XVI–XVIII вв. Все племенные и родовые этнонимы (их соответственно установлено 46 и 128), включенные в таблицы этнического состава башкир в XVII–XIX вв. (см. главы IV–VII), взаимно подтверждены письменными и полевыми источниками. Изменения в родовой этнонимии, происшедшие в XVII–XIX вв. и отражающие главным образом не этнические процессы, а явления окончательного распада родоплеменной системы, в таблицы не включены. Все случаи, нарушающие этот принцип, специально оговорены в таблицах или в тексте. Названия родовых подразделений (их собрано более двух тысяч) в таблицы не включены; общая характеристика этой группы этнонимов дана в тексте соответствующих глав. Разработка систематизирован-

ной сводки родоплеменной этнонимии башкир в XVII–XIX вв. явилась подготовительным этапом для сравнительно-исторических изысканий, а также необходимой предпосылкой для осуществления тех методических принципов в историко-этнографической интерпретации этнонимического материала, которые изложены в начале раздела.

Башкирские тамги

Наряду с этнонимией определенное значение в этногенетическом исследовании имеют родоплеменные атрибуты: тамги (и их названия), деревья, птицы, ураны. Этот материал особенно интересен и полезен при сопоставлении башкирской этнонимии с этнонимами других тюркских, а также монгольских и сибирских народов. Совпадения этнонимов, особенно при значительных территориальных разрывах их носителей, могут быть (и часто бывают) случайными созвучиями. Этнонимические сопоставления правомерно проводить лишь в контексте тщательно изученных исторических условий, но и при этом этногенетическая значимость установленных параллелей требует дополнительной аргументации материалами из области языковых или этнографических явлений. В этом свете генетическое происхождение этнонимических параллелей можно, кажется, считать доказанным, если, кроме этнонимов, совпадают другие родоплеменные показатели — тамга, птица, дерево, уран — или хотя бы часть их.

Особенно ценно изучить башкирские тамги. Во-первых, по ним имеется возможность собрать массовый материал (как архивный, так и полевой), во-вторых, тамги у башкир в своей эволюции подчиняются тем же законам сегментации, что и этнонимы. Эта тема специально исследована нами (Кузеев, 1957, стр. 75–80, 95–112), поэтому здесь ограничимся иллюстрацией к сказанному примером:

тамга племени усерган	—
тамга рода бишей племени усерган	—
тамга родового подразделения ибанай рода бишей	—
тамга семей, входящих в родовое подразделение ибанай	—

Иллюстрация приведена, конечно, в «чистом» виде; в реальной жизни из-за этнической смешанности племен и пестроты тамг эту закономерность установить довольно сложно. Но она, эта закономерность,

существует; в свое время ее заметил и Д. Н. Соколов (1904, стр. 24–34). Эта же особенность свойственна тамгам и других тюркских народов. Устойчивая преемственность тюркских тамг создает возможность для установления первоначальных или древних начертаний родоплеменных тамговых знаков и соответственно для сравнительных сопоставлений, которые в пределах одного или соседних этносов довольно часто проводятся (см., например, Абрамзон, 1971, стр. 31–32; Вайнштейн, 1972, стр. 79). Более широким сопоставительным экспертизам препятствует отсутствие достаточного репрезентативного и сконцентрированного материала по большинству тюркских и монгольских народов. С этим, очевидно, связано и то, что интересно начатые еще в конце XIX — начале XX в. исследования о происхождении тюркских тамг и закономерностях их дальнейшего развития (Аристов, 1894; Соколов, 1904) остались незавершенными. В последующие годы, кроме публикации Г. Акчукраклы тамг крымских татар (1926) и исследований Г. И. Карпова по туркменским тамгам: (1925, 1945), других специальных работ по тюркским тамгам не выходило.

Таким образом, современное состояние изученности тамг тюрко-монгольских народов (разная степень выявленности тамг, отсутствие ясности в вопросе о происхождении тамговых знаков и т. д.) пока не позволяет представить тамги как самостоятельный корпус источников по этногенетической проблематике и в полной мере вовлечь этот материал в исследования. Однако такая задача, безусловно, стоит перед этнографами. Она может быть решена совместно с лингвистами, работающими в области истории происхождения орхонского письма.

Еще В. Томсеном в конце XIX в. была сформулирована гипотеза о генетической связи орхонского рунического алфавита с арамейским и о формировании орхонского письма при определенном иранском посредничестве. Несмотря на то что В. Томсену удалось обнаружить в арамейском алфавите близкие или отдаленные соответствия лишь 23 из 38 знаков орхонского алфавита, его гипотеза получила широкое распространение и находит в той или иной форме поддержку в работах ряда современных исследователей.

Другая точка зрения о генезисе тюркских рун восходит к А. Шефнеру, который в середине XIX в. высказал мысль о происхождении еще не прочитанных в то время енисейских письмен из тамг. На конкретном материале гипотезу о происхождении орхонского алфавита из тюркских тамг впервые разработал Н. А. Аристов. Он установил сходство «29 из 38» орхонских знаков с тюркскими тамгами (Аристов, 1894, стр. 418–419). К сожалению, результаты сопоставительных исследований Н. А. Аристовым не были опубликованы. В какой-то степени этот пробел восполнил Н. Г. Маллицкий. В статье «О связи тюркских тамг с орхонскими письменами» он повторил основные тезисы иссле-

дования Н. А. Аристова и проиллюстрировал их таблицей, в которую включил 20 соответствий орхонских знаков в основном с казахскими тамгами (Маллицкий, 1897–1898, стр. 43–46). Сопоставления Н. Г. Маллицкого далеко не во всех случаях удачные: исследователь располагал небольшим материалом. Упомянутая выше работа Д. Н. Соколова является интересной попыткой обосновать гипотезу Н. А. Аристова на материале башкирских тамг. В «Сравнительной таблице башкирских тамг со знаками орхонско-енисейской письменности» показаны в составе башкирских тамг параллели большинству знаков древнетюркского алфавита (Соколов, 1904, приложение).

В то же время Д. Н. Соколов по-новому подошел к проблеме происхождения орхонского письма: допуская вслед за В. Томсеном возможность его генетической связи «с одним из видоизменений арамейского алфавита», он предположил, что древнетюркский алфавит «был, так сказать, национализирован путем изображения букв хорошо знакомыми тюркам их тамгами» (Соколов, 1904, стр. 85). В связи с накоплением в последние годы материала по древнетюркской письменности к идее, высказанной Д. Н. Соколовым, в различной форме приходят и некоторые современные исследователи. Любопытным, например, является предложение А. Аманжолова рассматривать тамги как идеограммы и логограммы. Если эту идею удастся доказать, то можно будет совершенно правомерно предположить, что у истоков орхонских рун находится не только арамейский алфавит или его поздние модификации, но и значительно более древнее слоговое или логографически-слоговое письмо⁶. В этом свете некоторый интерес могут представить названия башкирских тамг. Эти названия образовывались, очевидно, по ассоциации изображения тамги с каким-либо реальным объектом или с зрительным образом из окружающего мира (месяц, змея, дербник, стрелена, лук со стрелой, острога и т. д.).

В каком бы направлении ни развивались будущие исследования, кажется, нет сомнения в том, что тамги — ценный и малоразработанный источник по этнической истории тюркских народов. При нынешнем уровне изученности тамги могут быть плодотворно использованы для выяснения этнических связей, направлений миграций в эпоху средневековья. Обрисованный выше аспект исследования тамг в связи с происхождением орхонского алфавита будет способствовать проникновению в более древние пласты этнической истории тюркских народов Евразии. Учитывая эти обстоятельства и то, что тамги имеют перспективу стать ценными источниками не только по этнической, но и по социальной истории, автор, во-первых, счел необходимым соб-

⁶ См.: А. Аманжолов. Ранняя алфавитная письменность тюркоязычных племен. Сб. «Казак тили және әдебиеті мәселелері», VIII шығуы. Алматы, 1971.

рать и систематизировать возможно большее количество тамг по всем родоплеменным образованиям башкир (общее число собранных тамг 3500), во-вторых, широко использовать башкирские тамги в качестве вспомогательного источника при этнонимических сопоставлениях и исследовании этнических процессов.

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКИХ ПЛЕМЕН

ГЛАВА III

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БАШКИР В XVII–XIX вв.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Географические группы в составе народностей или наций¹ являются обычной нормой функционирующих этносов. В зависимости от специфики исторического развития этноса и физико-географических

¹ Теоретические вопросы, касающиеся дефиниций этнических общностей и их типологии, в настоящей работе специально не рассматриваются, так как они освещены в ряде статей, опубликованных в связи с известной дискуссией о нации (Токарев, 1964; Чебоксаров, 1967; Козлов, 1967, 1968; Бромлей, 1970, 1972). Несмотря на имеющиеся разногласия по некоторым аспектам отмеченных проблем, точки зрения большинства этнографов довольно близки. У историков, философов, социологов и других в определениях «этнической общности» имеются различия (см. статью «К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации». ВИ, 1970, № 2), но объясняются они во многих случаях не столько расхождениями в понимании сущности самого явления, сколько субъективными предпочтениями в детерминативной характеристике тех или иных его сторон. Пользуясь принятой в советской этнографической науке «этнической» терминологией, мы исходили из следующих общих моментов:

1. Этнические общности всех типов являются категориями историческими, которые формируются на базе общности ряда постоянно развивающихся признаков (главные из них — язык, территория, культура, хозяйственно-экономическая жизнь), значение и выразительность которых на различных стадиях социально-экономического развития общества неодинаковы. Если на ранних этапах истории этнических общностей ведущие консолидирующие функции принадлежали языковому, культурным и территориальным связям, то со вступлением общества в эпоху классового развития возрастающее значение приобретают экономические связи, которые дополняются обычно связями политическими. При всем этом этническая общность характеризуется не как организация, обладающая лишь той или иной суммой признаков, а как «целостная система», «сознающая эту свою целостность» (Бромлей, 1970, стр. 34), т. е. с ясно определившимся чувством этнического самосознания.

особенностей территории его расселения очертания географических групп могут быть более четкими или едва заметными. Особенности историко-географического положения на стыке различных зон как природных (степной, горной, таежной), так и этнокультурных (финно-угорской,

2. Основными типами этнических общностей, исторически последовательно сменявшими друг друга, являются племена, народности, нации (буржуазные и социалистические), возникновение, существование и развитие которых тесно связано с уровнем и характером социально-экономического и политического состояния общества. В этом смысле этнические общности всех порядков являются социальными образованиями, обладающими, кроме собственно этнической, социальными (социально-экономическими, политическими) характеристиками.

3. Реальная типология этнических общностей, особенно в эпоху формирования раннеклассовых обществ в мире кочевников, выглядела сложнее (Лашук, 1968). Общественный строй кочевников, характеризующийся сложным сочетанием патриархально-родового уклада с развивающимися или господствующими феодальными отношениями, существовал на протяжении многих столетий и составлял в их истории целую эпоху. В соответствии с этим в среде ранних тюркских кочевников формируются и в течение длительного времени проявляют устойчивость переходные (от племен к народностям) типы этнических общностей, которым свойственны различные комбинации родоплеменных и территориальных связей. В качестве пережитка родоплеменные деления сохранялись даже у окончательно сформировавшихся народов (казахов, киргизов, туркмен, башкир и др.) в новое время.

В историко-этнографической литературе упомянутые раннесредневековые этнические общности обозначаются по-разному («группа племен», «племенная общность», «улусная общность», «этнолингвистическая общность», «племенной союз», «древняя народность», «этнос»), что, с одной стороны, свидетельствует о стремлении исследователей зафиксировать различные этапы развития этнической общности и ее консолидации в народность, с другой — показывает недостаточную разработанность типологии этнических образований, предшествовавших народностям.

4. История любого типа этнической общности проходит стадии формирования, стабилизации и более или менее длительного существования и, наконец, конечного развития, которое может заключаться либо в полном исчезновении общности (в результате, например, ассимиляции в составе других образований), либо в дальнейшей консолидации в следующий, более высокий тип общности. Длительность этих стадий измеряется столетиями, и этнические общности (в частности народности) на разных полюсах своего развития могут существенно различаться как по этнической, так и по социальной характеристике. В литературе, например, упоминаются народности «рабовладельческие», «феодальные» (или просто «древние»), «буржуазные», «социалистические». Однако степень социально-этнической консолидации народностей может различаться и в пределах одной, скажем феодальной, формации, тем более в тех странах, которые не знали рабства как способа производства. В литературе,

сармато-аланской, тюркской, с XVI в. — восточнославянской), обусловили отчетливую специфику в направлениях этнического развития различных частей башкирского народа. Это обстоятельство делает удобным рассмотрение этнического состава и истории расселения башкир по географическим группам. Однако выделение географических групп должно опираться на определенные критерии, которые, к сожалению, пока не разработаны. С этим связаны и различия в терминологии, применяемой для обозначения этнических групп характеризуемого типа: «географические», «областные», «территориальные», «территориально-этнографические», «историко-культурные». Уже в этой терминологии заложены нечеткие грани между географическими и этнографическими группами. На трудную уловимость их различий в литературе уже указывалось; в недавнее время — на примере венгерских материалов (Morvay, 1970, стр. 410–413). На самом деле признаки, которые считаются основными при выделении этнографических групп (региональное своеобразие культуры, отличающееся от культуры основного этноса; сознание обособленности), в одинаковой степени характерны и для географических групп. Главным критерием, различающим этнографические группы от географических, является, видимо, наличие самона-

однако, не существует терминологии (кроме описательной) для обозначения народностей на различных этапах их формирования в рамках одной формации.

5. В процессе исследования этнической истории башкир, к которым целиком относятся указанные выше особенности, преимущественно применяются следующие термины, отражающие различное этноязыковое и социально-политическое состояние этноса:

«группа племен», «племенное объединение» или, по удачному определению Ю. В. Бромлея, «семья племен» (1972, стр. 67) — с момента появления (по письменным источникам) этнонима *башҡорт* до активного смешения башкирских племен с родоплеменными образованиями нетюркского происхождения на территории современной Башкирии (VIII–X вв.);

«древнебашкирский этнос» — в период существования многоплеменного образования под общим названием (*башҡорт*), внутри которого шел процесс этнической интеграции в направлении тюркизации всего объединения и формирования некоторых этнических признаков, характерных для современной башкирской народности (XI–XIII вв.);

«формирующаяся народность» — в эпоху, когда ярко и отчетливо проявились сложение и вызревание хорошо известных нам кипчакских этнических признаков башкирской народности, а также социально-экономические процессы внутренней консолидации (XIII–XVI вв.);

«народность» — когда отмеченное выше развитие дополнилось территориально-политической консолидацией башкир (XVI–XVII вв.).

Несмотря на условность или описательность некоторых терминов, применение их оказывается целесообразным для характеристики различных стадий становления башкирского народа.

звания у первых (например, типтяр, мишар, кряшен, ногайбак и т. п.) и отсутствие такового у вторых. Другое различие, на наш взгляд, заключается в том, что этнографические группы обладают большей степенью «автономности» по отношению к основной этнической общности, чем группы географические (например, сибирские татары или мишари в составе татарского этноса).

Какие же признаки свойственны географической группе и каково значение их выделения для разработки проблем этнической истории? В основу выделения географических групп в составе башкир автор кладет совокупность признаков, отчетливость которых хорошо воспринимается лишь в сравнении с аналогичными показателями по этносу в целом. Географической группе должны быть присущи компактное расселение, своеобразие в культуре и быте, отражающие специфику этнической истории, условия природного окружения, а чаще всего синтез того и другого. Нередко географическим группам свойственны своеобразие в разговорном языке. Но основным критерием при выделении группы остается специфичность хозяйственно-культурных связей, так как в ряде случаев при сохранении особенностей в культурно-бытовых традициях различия в языке в пределах одной народности не обнаруживаются.

Как и любой другой тип этнической общности географическая группа — категория историческая. Облик ее складывается в течение длительного времени под воздействием многих факторов: природно-географических, хозяйственных, этнических, исторических, демографических, политических. Существенное значение для оформления географической группы имеет практика эндогамных браков, которая становится реальной традицией в рамках определенной этнической территории (Бромлей, 1969). Но в плане разработки этнической истории важно выяснить культурные контакты группы с другими народами, ее этнический состав, историю расселения и т. д. Соответственно сложившиеся этнокультурные признаки географической группы можно условно подразделить на «генетические» и «приобретенные». Условность такого деления определяется хотя бы тем, что применительно к географическим группам XVII–XIX вв. под «генетическими» подразумеваются признаки вообще древнего происхождения, причем в древности или в эпоху раннего средневековья признаки, воспринимаемые сегодня как «генетические», могли сложиться исторически. Под «приобретенными» удобно подразумевать те стороны этнокультурной характеристики, которые сложились сравнительно недавно, в новое время, под влиянием преимущественно взаимодействия с соседними народами и адаптации данной группы к местной природно-географической среде. Несмотря на условность такого деления, оно помогает расширить характеристику географической группы и использовать полученный материал при изучении этнической истории

народа. В зависимости от соотношения и сочетания «генетических» и «приобретенных» признаков можно делать заключения о времени сложения географической группы, о компонентах, которые оказали определяющее воздействие на ее формирование, о направлении и силе культурных контактов в разные периоды и, наконец, о природе или происхождении самой группы.

Географические группы башкир по происхождению подразделяются на два типа. К первому относятся группы, в основе образования которых лежат древние родоплеменные объединения; их ассимиляция в пределах более широкой этнической общности (народности) не завершилась в силу тех или иных исторических причин. В этих случаях преобладают или четко просматриваются «генетические» признаки. К таким географическим группам относятся юго-восточные башкиры, в культуре, быте и языке которых до недавнего времени фиксировались признаки, восходящие к племенам Центральной и Средней Азии. Ко второму типу относятся географические группы, которые сформировались сравнительно недавно. Это обычно часть уже сложившегося народа, этнокультурный облик которой в определенных исторических условиях и, как правило, под воздействием внешней этнической среды претерпел заметную трансформацию, в той или иной степени отклонившись от общего направления культурного развития народности. В группах второго типа четко просматриваются «приобретенные» признаки, как, например, у северо-западных башкир, которые в течение последних двух-трех столетий испытали сильное влияние татарской культуры и татарского языка. Само собой разумеется, что далеко не во всех случаях можно четко определить природу географической группы, так как ее обычно характеризует сложнейшее переплетение «приобретенных» и «генетических» признаков. Однако исследования в этом направлении дают плодотворные результаты в плане изучения проблем этнической истории.

Географические группы как этнические образования не есть нечто законченное; они постоянно развиваются либо в направлении полной консолидации в составе народности, либо напротив — в большей степени обособления от нее (в последнем случае процесс рано или поздно может завершиться ассимиляцией группы в составе другой народности, как это часто наблюдается в зонах этнического контакта). Это означает также, что географические группы могут в принципе возникнуть и исчезнуть на любой стадии существования этноса, а не обязательно в древнюю или средневековую эпоху. Следовательно, географические группы, выделенные в составе народа применительно к конкретным, исторически обозримым периодам, нельзя без специального анализа интерполировать на другие, более ранние эпохи, так как при известных обстоятельствах на протяжении всего лишь одного столетия об-

щие очертания географической группы и те или иные ее признаки могут существенным образом измениться.

В целом изучение географических групп у башкир имеет большую ценность для исследования этнической истории народа как на ранних, так и на поздних ее этапах. Хозяйственно-культурная и языковая характеристика географической группы, установление соотношений «генетических» и «приобретенных» признаков, выяснение времени ее формирования и т. д. открывают перспективы глубокого исследования этнической истории народа. Анализ этнического состава географических групп и последовательное изучение их истории с момента становления до современного состояния дает возможность установить рост и удельный вес различных этнических компонентов в формировании башкирского народа и в процессах дальнейшей его консолидации.

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ ОБЛАСТИ БАШКИРИИ

Разнообразие территориальных особенностей в хозяйстве, культуре и физическом типе башкир привлекло внимание исследователей еще в XVIII–XIX вв. Известный антрополог Н. Малиев разделял башкир на степных и лесных (Малиев, 1876, стр. 15). П. Небольсин, Ф. Нефедов и другие различали башкир оседлых и кочевых (Небольсин, 1850, стр. 67; Нефедов, 1882). Несмотря на ценность этих наблюдений, они не отражали в действительности гораздо более сложной картины историко-этнографической характеристики башкирского народа.

Впервые работу по историко-этнографическому районированию Башкирии выполнил С. И. Руденко (Руденко, 1925, стр. 320–325). В соответствии с профилирующим типом хозяйства и особенностями материальной и духовной культуры территория расселения башкир разделена им на четыре области, которым дана следующая характеристика:

1. **В о с т о ч н а я** область — зауральские и южные степи с прилегающими предгорьями. На рубеже XIX–XX в. восточные башкиры вели преимущественно скотоводческое хозяйство и сохраняли традиции летнего кочевания. Широко были распространены охота гоном и с помощью ловчих птиц. Культура в определяющих чертах соответствовала хозяйству. В пище преобладали молочные и животные продукты. Повсюду была распространена кожаная посуда. Постоянные жилища в связи с отсутствием глубоких традиций оседлости были примитивными: обычно это была небольшая бревенчатая изба без крыши, с полом над самой землей. В безлесных местах были известны плетневые, пласовые и саманные избы. Из переносных летних жилищ типичными для восточных башкир были решетчатые юрты как монгольского, так и тюркского типов. В пределах области по некоторым особенностям материальной культуры выделяется *северная* подобласть. Здесь быто-

вал монгольский тип решетчатой юрты и отсутствовал тюркский; более широко были распространены пластовые и саманные избы.

2. Горная область — центральная часть Южного Урала. Культура и быт горных башкир, весьма близкие к образу жизни восточных, имели некоторое своеобразие, обусловленное территориальной замкнутостью горной области и значительной ролью в хозяйстве лесных промыслов. В пище горных башкир преобладали молочные продукты. Еще в конце XIX в. широко была распространена кожаная посуда, но в начале XX в. стала преобладать деревянная утварь. Зимой горные башкиры жили в бревенчатых избах, покрытых драницей, пол расположен над самой землей; летом на кочевьях — в срубах (*бурама*) и лубковых шалашах.

3. Юго-западная область — обширная, преимущественно лесостепная территория к западу от горных башкир и среднего течения р. Сакмары. В начале XX в. башкиры здесь были оседлыми; повсеместно занимались земледелием. Культура сохраняла многочисленные элементы сравнительно недавних скотоводческих традиций, но в то же время находилась в стадии постепенной перестройки в соответствии с успехами земледелия и навыками оседлости. В пище преобладали молочные и растительные продукты. Кожаная посуда, обычная в XIX в., в начале XX в. была вытеснена деревянной. Жили юго-западные башкиры в бревенчатых избах, покрытых преимущественно соломой, пол расположен невысоко от земли. В степных районах строили плетневые дома. Семьи, еще выходившие на летние кочевки, пользовались войлочными юртами тюркского типа или (на западных склонах Южного Урала) лубковыми балаганами. Южную часть области, где сохранялись традиции летних кочевек и более отчетливые элементы скотоводческой культуры, С. И. Руденко выделяет в *южную* подобласть.

4. Северная область — территория к северу от широты. г. Уфы и к западу от Уральского хребта. Северные башкиры были издавна оседлыми земледельцами. В культуре много общих черт с культурой соседних татар и финских народов. Кожаной посуды здесь почти не было; изготавливали многочисленные виды деревянной посуды, а также изделия из бересты, лыка, мочалы. Жили в бревенчатых избах, пол в которых расположен высоко от земли; на востоке области дома покрывались тесом, на западе — соломой. В бассейне р. Ай в начале XX в. сохранялись значительные признаки былой скотоводческой культуры, что дало С. И. Руденко основание выделить этот район в *восточную* подобласть.

Новые исследования в области этнографии башкир, в частности изучение декоративно-прикладного искусства и народной одежды, позволяют расширить хронологические рамки историко-этнографического районирования, разработанного С. И. Руденко. Из итогов исследова-

ния С. И. Руденко видно, что при выделении этнографических областей в пределах территории давно сформировавшегося народа границы между соседствующими областями неизбежно будут расплывчатыми. Неопределенность границ этнографических областей может также являться показателем незавершенности активно происходящей здесь в данный период хозяйственной и культурной перестройки. С такого рода явлением мы сталкиваемся при попытке очертить пределы этнографических областей на территории расселения башкир в XVII–XIX вв. Так, башкиры восточной подобласти северной области и южной подобласти юго-западной области (по классификации С. И. Руденко) по своим культурно-бытовым признакам в конце XIX в. в равной степени тяготели как к восточным башкирам, так и к населению своих областей. В момент изучения (начало XX в.) в указанных подобластях происходил процесс активного проникновения и утверждения культуры, характерной для западной и северной Башкирии. Основываясь на этой нарастающей тенденции, С. И. Руденко отнес эти территории соответственно к северной и юго-западной областям, но, учитывая сохранение там еще значительных общих культурных черт с восточными башкирами, выделил их в самостоятельные подобласти. Если же подойти к вопросу ретроспективно, то логично полагать, что в сравнительно недалеком прошлом (как увидим ниже, даже в середине XIX в.) башкирское население упомянутых подобластей характеризовал хозяйственно-культурный комплекс, значительно более близкий к восточным башкирам, нежели к северным или к западным. С точки зрения хозяйственно-культурной характеристики выделение горных башкир в самостоятельную область также является условным; их близость к восточным башкирам настолько очевидна, что возникает мысль о целесообразности их отнесения, пользуясь терминологией С. И. Руденко, к особой, горной подобласти восточной области.

Обратимся к конкретным материалам. Картографирование характерных видов башкирской народной одежды, бытовавших в конце XIX — начале XX в., позволили С. Н. Шитовой (1968, стр. 160) выделить семь костюмных комплексов, каждый из которых характерен для соответствующего района: юго-восточного, северо-западного, юго-западного, северо-восточного, самаро-иргизского, центрального и восточного (зауральского). Перечисленные комплексы сложились в разное время: в одних случаях истоки их формирования теряются в глубине веков, в других — являются позднейшим сочетанием элементов костюма тех групп башкирского и небашкирского населения (преимущественно татар), которые в условиях относительной территориальной изоляции обособились в самостоятельные группы. Наиболее своеобразными являются юго-восточный и северо-западный комплексы башкирской одежды. Это хорошо подтверждается материалом. Юго-восточный комплекс

(верхняя одежда — *казэки, елэн, сэкман*; обувь — *ката*, сапоги; головные уборы мужчин — меховые шапки, малахай; женщин — *кашмау, таштар*; женские нагрудные украшения из кораллов, бисера и монет), воспринимаемый сегодня как наиболее типичный для башкир, многочисленными элементами связан с кочевническим миром.

В северо-западном комплексе (верхняя одежда — *бишмэт, сыба*, головные уборы — шляпы, меховые шапки-*бурк*; у женщин — колпачки, платки, тканевые шали; женские украшения — ожерелья из монет и блях, перевязи, косники) наряду с древними, по определению С. Н. Шитовой, «гуннскими» чертами преобладают элементы, общие с земледельческими народами Среднего Поволжья, в частности с татарами.

Из других комплексов специфичностью некоторых элементов костюма выделяются северо-восточный и юго-западный. В северо-восточном комплексе много общего с северо-западным, однако северо-западные элементы в нем не преобладают. В костюме пермских и соседних с ними северных башкир наблюдаются особенности, характерные для северо-восточного комплекса (например, в женских нагрудных украшениях). В костюмном комплексе северо-восточных башкир немало и самобытных черт древнего происхождения (кожаная и меховая обувь с холщовым верхом, женские покрывала — *кушь-яулык*, налобные повязки — *каш ука* и другие женские украшения). В юго-западном комплексе преобладают черты, общие с юго-восточными башкирами, но одновременно значительна примесь элементов северо-западной одежды. В то же время в юго-западном комплексе, по характеристике С. Н. Шитовой, «много своеобразного» (в женских и девичьих украшениях, в сочетании различных элементов одежды, в способах их ношения).

Остальные комплексы одежды представляют собой различные сочетания признаков: в первом случае юго-западного и юго-восточного, во втором и третьем — северо-восточного и юго-восточного комплексов.

Таким образом, выделенные костюмные комплексы не равнозначны ни в смысле историко-этнической оригинальности истоков их формирования, ни по времени сложения. С учетом обрисованной характеристики комплексов народной одежды, которые, как видим, имеют либо древние, генетические корни, либо сложились сравнительно недавно в результате взаимодействия на местной почве различных культурных традиций, представляется обоснованной их группировка на территории исторической Башкирии по следующим четырем историко-этнографическим областям, очертания которых отличаются от областей, выделенных С. И. Руденко:

а) юго-восточная; ей соответствует юго-восточный костюмный комплекс;

б) северо-восточная; ей соответствуют северо-восточный и примыкающие к нему центральный и восточный костюмные комплексы;

в) юго-западная; ей соответствуют юго-западный и самаро-иргизский комплексы;

г) северо-западная, в пределах которой выделен один — северо-западный костюмный комплекс. В материальной культуре северо-западных башкир в историческом плане просматриваются явления, общие в северном подрайоне с северо-восточными, в икском подрайоне — с юго-западными башкирами.

Предлагаемая группировка костюмных комплексов по историко-этнографическим областям опирается также на результаты исследования прикладного искусства и народной орнаментики башкир (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, 1968). Наиболее контрастными и своеобразными с точки зрения особенностей народного искусства являются опять же юго-восточная и северозападная историко-этнографические области. Для юго-восточных башкир характерны виды искусства и производство изделий, необходимые в условиях полукочевого быта, для северо-западных башкир — в условиях оседлого земледельческого хозяйства. На юго-востоке изготавливали шерстяные паласы с рисунком в полоску (*буй балаҫ*) на ткацких станках без рамы, вышивали косой сеткой узоры «кускарного» типа, широко распространенные в кочевническом мире. Здесь мало были известны или совсем не бытовали браное и закладное ткачество, характерные для северо-западной Башкирии. Северо-западная область по материалам прикладного искусства четко подразделяется на три подобласти: северную, нижнебельскую и икскую. Браная (или выборная) техника тканья распространилась здесь как раз в тех северных местах, которые находились в тесной этнокультурной связи с северо-восточной областью, где эта техника сохраняется до настоящего времени. В бассейне р. Ик и в низовьях р. Белой получила развитие выделка ковров (*килем*) с геометрическим орнаментом. Центром наибольшего развития ковроделия является юго-западная область (бассейн р. Демы). Специфику прикладного искусства юго-запада, кроме производства ковров с геометрическим орнаментом, составляли закладное ткачество (известное также в икском бассейне), украшение женской одежды тамбурной вышивкой и резьба по дереву (выделка ковшей для кумыса), распространенная также на всем юге и юго-востоке Башкирии. В северо-восточной области в особую подобласть выделяется территория бассейнов рек Ай и Юрюзань; здесь женскую одежду богато украшали красочной тамбурной вышивкой. В то же время на всей территории северо-востока Башкирии просматриваются явления, которые позволяют объединить все ее подобласти — айско-юрюзанскую, горную и зауральскую — в единую область. Так, распространенное на рубеже XIX–XX вв. в горной и зауральской

Башкирии искусство аппликации в прошлом было известно и в долине р. Ай (Руденко, 1955, стр. 161). В основных чертах аналогичную картину можно проследить в территориальном распределении орнаментальных комплексов (см. Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 235–240).

Границы распространения видов искусства, так же как и костюмных комплексов, почти всегда расплывчаты; к тому же они медленно, но постоянно менялись под воздействием различных факторов. Устанавливаются, собственно, не границы распространения тех или иных культурных явлений, а районы преимущественного их бытования. Применительно к XVII–XIX вв. подчеркнем решающее воздействие двух взаимосвязанных факторов. В направлении с северо-запада на восток и юго-восток распространялись земледелие и земледельческая культура, вызывая существенные изменения в соотношении различных видов традиционной культуры и привнося в нее новые отрасли. В направлении с запада на восток активно действовали миграционные волны, причем на северо-западе преобладали переселения различных групп татар, на северо-востоке, в том числе в горных и зауральских районах, — русских крестьян. Эти процессы, конечно, разрушали чистоту ранее существовавших комплексов народной одежды, украшений, прикладного искусства, орнаментики и т. д.; способствовали формированию новых сочетаний элементов культуры, изменяли территорию их распространения. В этом свете можно считать установленным, что очертания этнографических областей окончательно оформились сравнительно недавно, в XVII–XIX вв., хотя сквозь нагромождения культурных явлений последних столетий явственно просматривается традиционное своеобразие культуры каждой территории.

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БАШКИР В XVII–XIX вв. И НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ ИХ ФОРМИРОВАНИЯ

Башкиры до Октябрьской революции не относились к народностям с высоким уровнем консолидации. Это обстоятельство, однако, объясняется не только слабым развитием капиталистических отношений в башкирском обществе. Существенное значение имели социально-политическая обстановка в условиях царской России и миграционные процессы, которые особенно отчетливо стали сказываться на этническом облике башкир с середины XIX в. Географические группы башкир важно рассматривать с учетом этих обстоятельств, так как к началу XX в. в этнографической характеристике значительной части башкир в результате хозяйственной, культурной и языковой эволюции произошли настолько заметные сдвиги, что они создали новую ситуацию в их территориально-этнографическом членении.

В середине XIX в. территория Башкирии в хозяйственном отношении подразделяется на три области: а) земледельческую (север и северо-запад); б) земледельческо-скотоводческую (юго-запад, северо-восток и северное Зауралье); в) скотоводческую (восток и юг)². Все три области к северу и востоку от р. Белой пересекала широкая полоса лесных и горно-лесных районов, где значительное развитие получили лесные промыслы. В северо-западной Башкирии и в низовьях р. Уфы занятия лесными промыслами башкиры сочетали с ведением земледелия: на востоке и юго-востоке (в горах Южного Урала) — с полукочевым скотоводством.

Распространение различных комплексов культуры (жилище, одежда, народное искусство) следующим образом коррелируется с хозяйственными областями: северо-западные комплексы в середине XIX в. существовали на основе оседлого земледелия, юго-восточные — полукочевого скотоводства. Особенности культуры юго-западных башкир зависели от смешанного скотоводческо-земледельческого хозяйства, в котором занятия земледелием сочетались с летними кочевками. При этом в юго-западной Башкирии в направлениях с запада на восток и с севера на юг значение земледелия в хозяйстве уменьшалось. В долине Ашкадара и в самаро-оренбургских степях башкиры, как и на юго-востоке, вели полукочевое скотоводство. Северо-восточные культурные комплексы, сами по себе не однородные, базировались на различных формах хозяйства. Типичным в середине XIX в. здесь было также смешанное скотоводческо-земледельческое хозяйство (бассейн р. Ай и Челябинское Зауралье), причем удельный вес земледелия падал с севера на юг. В горно-лесном районе полукочевое скотоводство сочеталось не с земледелием, где его развитие затруднялось природно-климатическими условиями, а с лесными промыслами.

Основные направления хозяйственного развития наложили заметный отпечаток на культурный облик различных групп башкир. Прежде всего это коснулось поселений и жилищ, но в значительной степени также народной одежды, изобразительного искусства и других сторон культуры. В конечном итоге хозяйственные преобразования отразились на этнографическом облике населения в целом. Следовательно, выделенные комплексы и территориальные особенности были не только культурными, но и хозяйственно-культурными.

Хозяйственно-культурные комплексы на определенных территориях сложились исторически; в XIX в. в культуре любой области Башкирии наряду с древней субстратной основой был значителен слой, приобретенный в период формирования этноса на данной территории. В этом плане полезно кратко проследить эволюцию башкирского хозяйства

² Карты по истории хозяйства башкир см.: Кузеев, 1968а.

во II тыс. н. э., на протяжении которого существенным образом менялись не только территория распространения тех или иных занятий, но и сам тип хозяйства.

В X в. башкиры были кочевниками-скотоводами. Расселяясь главным образом в лесостепях Бугульминской возвышенности, они сохраняли обычаи дальних перекочевков.

Расселение башкир в последующие столетия (X–XV вв.) на большей части современной территории обитания имело следствием усложнение структуры башкирского хозяйства, в котором наряду с сохранением преобладающих южносибирских черт (кочевое и полукочевое скотоводство, степная охота) появились и стали значительными черты волжско-камского происхождения (таежная охота, бортничество, лесные промыслы). Уже в это время складываются предпосылки отмеченного для середины XIX в. хозяйственного районирования территории Башкирии. В северо-западной Башкирии, в то время сплошь покрытой густыми лесами, ведение традиционного кочевого скотоводства в прежних масштабах было невозможно. Там получают развитие таежная промысловая охота, бортничество, которые сочетались в небольших размерах с полукочевым скотоводством.

После присоединения Башкирии к Русскому государству (XVI–XVIII вв.) в основном завершается эволюция кочевого скотоводства в полукочевое. На фоне постепенного упадка кочевого скотоводства в хозяйстве многих групп башкир еще больше поднимается удельный вес промысловой охоты и лесных занятий. В северо-западной Башкирии на базе охотничьего и лесного хозяйств возникают очаги оседлого земледелия, которое стало наиболее перспективным направлением хозяйственного развития.

К середине XIX в. эти тенденции быстро углубляются; земледельческие, смешанные земледельческо-скотоводческие³ и скотоводческие районы получают совершенно отчетливые очертания.

Во второй половине XIX в. в силу ряда исторических причин происходит резкая ломка традиционных форм хозяйства. Кочевое и полукочевое скотоводство как тип хозяйства исчезает. Полукочевое скотоводство на юго-востоке Башкирии сменяется смешанным земледельческо-скотоводческим, а в бывших районах смешанного хозяйства прочно утверждается оседлое земледелие. Таким образом, к началу XX в., когда С. И. Руденко вел исследования среди башкир, повсюду (кроме

³ Смешанными скотоводческо-земледельческими или земледельческо-скотоводческими районами обозначаются территории, башкирское население которых, будучи полукочевниками, отдавали предпочтение скотоводству или земледелию. Смешанная форма ведения хозяйства является стадией, иногда длительной, перехода от кочевничества и скотоводства к оседлому земледелию.

юго-востока и горно-лесной зоны Южного Урала, где лесные промыслы получили дальнейшее развитие) ведущей формой хозяйства стало оседлое земледелие. Это обстоятельство, естественно, отразилось на проведенном им этнографическом районировании.

Обзор эволюции хозяйства позволяет сделать важный вывод, о том, что культура башкир возникла и формировалась преимущественно на основе кочевого скотоводческого хозяйства. Юго-восточные, северо-восточные, горные, юго-западные башкиры в конце XIX в. сохраняли в той или иной степени скотоводческую основу культуры. Культура северо-западных башкир постепенно перестраивалась: сначала (до XVI в.) на основе лесного хозяйства и промысловой охоты, а затем — оседлого земледелия. Сформировавшийся на новой основе северо-западный хозяйственно-культурный комплекс уже в период формирования приобрел сильную тенденцию вместе с навыками земледелия распространяться дальше на восток. В лесостепной зоне юго-западной Башкирии и в оренбургско-самарских степях это нарастающее влияние вплоть до середины XIX в. как бы поглощалось обширным, сравнительно редконаселенным пространством, и поэтому культура юго-западных башкир еще долго сохраняла отчетливые скотоводческие черты. Во второй половине XIX в. картина меняется, и юго-запад вместе с переходом к оседлости и земледелию теряет многие традиции кочевнической культуры. На северо-востоке, особенно в северной части, где колонизационное движение активно развивалось уже с XVI–XVII вв., воздействие переселенцев и земледельческой культуры сказалось к середине XIX в. сильнее, чем на юго-западе. В этом же направлении оказывало влияние и заводское строительство на Урале. Однако в отличие от северо-запада Башкирии здесь не столь мощной была волна переселенцев-татар, смешение с которыми было одним из существенных факторов перестройки культуры северо-западных башкир. Все группы северо-восточных башкир, в том числе горно-лесные, сохранили в XIX в. ряд специфических особенностей культуры, восходящих в основе к древнему и средневековому миру кочевников Средней Азии и Южной Сибири.

Интересным является вопрос о соотношении древних и более поздних черт в культуре различных групп башкир. Развитие даже таких устойчивых форм культуры, как одежда и декоративное искусство, хотя и с некоторым отставанием, следует общему направлению хозяйственных изменений. В соответствии с изменением типа хозяйства постепенно трансформируются и формы культуры; исчезают или ослабевают традиционные ее элементы, появляются новые. В первую очередь эти изменения охватывают орудия производства, жилища, поселения, затем одежду, украшения, декоративно-прикладное искусство. Новшества вместе с вещами проникают даже в такую область, как

орнаментика. Все это означает, что существующие региональные хозяйственно-культурные комплексы окончательно сложились здесь, на современной территории Башкирии, и решающим этапом в их формировании был период после присоединения края к Русскому государству. До XVI в. областные различия в хозяйственно-культурном развитии были, но они еще территориально четко не оформились. Вместе с тем в культуре всех групп башкир прослеживаются древние черты. Но всегда трудно установить, каково происхождение и каковы были в прошлом масштабы бытования специфических особенностей культуры той или иной группы башкир, каково в их культуре соотношение древних («генетических») и поздних («приобретенных») черт. Выяснение этих вопросов означало бы проникновение в самую суть этнической истории данной группы. Современное состояние изученности позволяет сказать, что в культуре юго-восточных башкир отчетливо прослеживаются черты южносибирского и среднеазиатского происхождения, а в культуре северо-восточных башкир, кроме среднеазиатских элементов, просматриваются признаки, связывающие их с тюрко-монгольским миром кочевников. Но одновременно в культуре как юго-восточных, так и северо-восточных башкир, замечены общие, порой более древние, центральноазиатские и южносибирские черты. Сложнее характеризовать в этом же плане культуру северо-западных башкир. Те древние элементы в их культуре, которые зафиксированы и в конечном итоге также связаны со скотоводческой культурой, подсказывают довольно неожиданный вывод: культура и быт северо-западных башкир несколько столетий назад (до XVI в.) были близки к культуре восточных башкир. Начиная с XV–XVI вв., вследствие исторических (близость Казанского ханства и политическая зависимость от него части западных башкир), хозяйственных и демографических причин, постепенно нарастал процесс татарского влияния, с активным продолжением которого мы сталкиваемся в XIX в. Таким образом, образование северо-западной хозяйственно-культурной обособленности — результат позднейших процессов, хотя в то же время вопрос о былой этнической характеристике башкирского населения этой области требует специального изучения.

По классификации Н. А. Баскакова, башкирский язык относится к тюркским языкам, в которых «членение диалектов основано главным образом на территориальных признаках, хотя в этническом составе сохранились следы родоплеменной структуры» (Баскаков, 1964, стр. 7). При этом языковые признаки внутри территориального диалекта нередко находят объяснение в родоплеменной принадлежности данной группы населения. Такая особенность диалектов башкирского языка отражает сложное переплетение древних и поздних явлений в этнической истории народа. Следовательно, изучение диалектов и говоров дает

обширный материал для познания многих этапов этнической истории башкир. Корреляция с диалектной системой хозяйственно-культурных областей позволяет не только очертить контуры географических групп башкир в XVII–XIX вв., но и дает возможность вплотную приблизиться к детальному изучению этнической истории составных частей башкирского народа.

В башкирском языке два основных диалекта (Максютова, 1966, стр. 42–43; Киекбаев, 1958, стр. 44–66): южный с говорами ик-сакмарским (по Дж. Киекбаеву — икско-юшатырским), средним и демским (по Дж. Киекбаеву — демско-караидельским); восточный с говорами айским, миасским (Дж. Киекбаев объединяет эти говоры в один — айско-яикский), аргаяшским, сальзегутским (по Дж. Киекбаеву — синаро-карабулакским), кизильским (по Дж. Киекбаеву — сакмаро-кизильским). В составе южного диалекта Дж. Киекбаев выделяет северо-западный говор, который, по его же заключению, башкирским можно назвать лишь условно, в историческом плане, так как северо-западные башкиры своим родным языком считают татарский. Действительно, по данным недавних переписей северо-западные башкиры в большинстве своем родным языком считают татарский (в 1959 г. около 42, в 1970 г. более 38 процентов башкирского населения БАССР родным языком назвали татарский). Однако разговорный язык северо-западных башкир сохранил целый ряд специфических черт башкирской фонетики и лексики. Это дало основание другим лингвистам считать живую речь башкир северо-западных районов республики самостоятельным «западным» (Баишев, 1955, стр. 39) или «северо-западным» (Юлдашев, 1968) диалектом башкирского языка. В аспекте исторического прошлого, даже сравнительно недавнего, эти определения не вызывают никаких возражений; окончательное же решение вопроса о современной языковой ситуации в северо-западной Башкирии требует специальных изысканий, в том числе полевых. Учитывая, что настоящее издание посвящено этноисторическим сюжетам, мы будем разговорный язык северо-западных башкир вслед за А. А. Юлдашевым называть северо-западным диалектом башкирского языка.

Сопоставление хозяйственно-культурных комплексов с районами распространения диалектов и говоров обнаруживает много совпадений. Юго-восточные башкиры говорят на ик-сакмарском говоре, а юго-западные — на демском говоре южного диалекта, что подтверждает отмеченные по данным материальной культуры устойчивые исторические и территориальные взаимосвязи между этими двумя географическими группами. Смешанное башкирское население Оренбургской, Саратовской и Куйбышевской областей (самаро-иргизские башкиры) пользуется ик-сакмарским и демским говорами южного диалекта. Северо-восточные башкиры говорят на восточном диалекте, причем башкиры доли-

ны р. Ай (северный район области) — на айском говоре, а зауральские башкиры, родоплеменной состав которых исключительно сложен, — на аргаяшском, сальзегутском (башкиры Челябинской и Курганской областей), миасском и кизильском говорах. Особняком стоят горные башкиры. В хозяйственно-культурном отношении они сочетают в себе особенности обеих областей, исторически — более близки к северо-восточным башкирам, но в то же время говорят на среднем говоре южного диалекта. Однако Н. Х. Максютова считает средний говор по языковым особенностям «связующим звеном» между двумя диалектами, так как лексика горных башкир обнаруживает много общего с северо-восточной группой говоров восточного диалекта⁴. Северо-западные башкиры говорят на северо-западном диалекте, причем северная и восточная части этой группы имеют в разговорном языке признаки, характерные для восточного диалекта и среднего говора южного диалекта башкирского языка, а на юге северо-западной области (в частности в долине р. Ик) диалектологами зафиксированы многочисленные рудименты, восходящие к южному диалекту (демскому говору). Если говоры южного и особенно восточного диалектов сохранили некоторые признаки бывшего родоплеменного состава башкир этих районов, то местные языковые особенности северо-западных башкир бытуют исключительно на территориальной основе.

1. В составе башкир могут быть выделены следующие географические группы, расселение которых совпадает с границами историко-этнографических областей Башкирии (карта 1):

Юго-восточная.

Северо-восточная, подразделяющаяся на подгруппы: северная (айско-юрюзанская), зауральская и горная.

Юго-западная с подгруппами демской и южной (оренбургские, саратовские и куйбышевские башкиры).

Северо-западная с подгруппами северной, нижебельской и икской.

2. Географические группы формировались постепенно и сложились в современных очертаниях сравнительно поздно, в XVII–XIX вв. Их этнический облик в разной степени и в разных соотношениях отражает как древние черты, так и поздние, сложившиеся в результате территориального взаимодействия различных групп башкирского и небашкирского населения.

⁴ Максютова Н. Х. Научный отчет о предварительных результатах диалектологической экспедиции 1964 г., стр. 2. Рукопись. Хранится в секторе языка ИИЯЛ БФАН СССР.

3. Сила воздействия различных факторов (хозяйственных, политических, демографических, этнических, культурных) на формирование географических групп в разные эпохи менялась. Если после XVI в. наиболее сильным было воздействие оседло-земледельческого хозяйства и мощной волны переселенцев, то в более раннее время в сложении региональных особенностей культуры и языка решающее значение имела родоплеменная принадлежность составных частей складывающихся географических групп. Поэтому важно изучить этнический состав и историю формирования каждой географической группы башкирского народа; синтез результатов таких исследований позволяет внести ясность во многие вопросы этнической истории не только башкир, но и других древних и современных народов Южного Урала и сопредельных территорий.

ГЛАВА IV

ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ БАШКИРЫ

ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ И РАССЕЛЕНИЕ В XVII–XIX вв.

В юго-восточную географическую группу башкир входят племена юрматы (*юрматы*), бурзян (*бөрйән*), усерган (*үсәргән*), тангаур (*түңгәүер*), тамьян (*тамъян*) и кыпчак (*кыпсак*).

Юрматы

Родовой состав племени юрматы показан в табл. 1¹. В прежних работах (Кузеев, 1957, стр. 50; 1960, стр. 67; БШ, стр. 186) в составе племени юрматы нами указаны роды азнай и ильсектимер. В действительности они оказались подразделениями рода тальтим. В XIX в. потомки родовых вождей XVI в. Азня и Ильсектимера образовали земельные дачи, которые были зафиксированы в материалах межевой комиссии (Руденко, 1955, стр. 55) и приняты за самостоятельные роды. Упомянутые в списке «тюб и аймаков» П. И. Рычкова (гл. II, табл. 4) юрматынские «роды» бакай и биш-кадак (у Рычкова ошибочно — бишказан), как показали полевые материалы, являлись соответственно подразделениями родов мишар-юрматы и тальтим.

В составе юрматынцев зафиксированы названия более 100 родовых подразделений, из них 39 названий — патронимические, 21 — этнические и племенные, 10 — тотемистические, 20 — топографические, цветные и посвященные другим реалиям. Этнические и родоплеменные

¹ В таблицах, помещенных в гл. IV–VII, показаны результаты исследования: а) по племенному и родовому составу; б) по типологическому анализу тамг (с выделением основных или наиболее распространенных тамговых знаков и с фиксацией их названий).

названия юрматынских родовых подразделений ²: калмык (3), мокша, чуваш (или чувашай), узбек, бурзян (3), бишул, макар (2), табын, таз (2), юрматы (4), кармыш.

Тамги юрматынцев, несмотря на кажущееся разнообразие, исходят из двух основных типов (табл. 2). Из 75 зафиксированных тамг 26 являются вариациями тамги № 1, 22 — тамги № 2. Указанные типы тамг преобладают во всех юрматынских родах (см. табл. 1), кроме мишар-юрматынского. Основа мишар-юрматынской тамги — черта и ее вариации: | 1 X X.

В XVII–XVIII вв. юрматынские роды расселялись (карта 2) по р. Белой и ее притокам — Сухайля, Ашкадар, Куганак, Зиган, Селеук (МИБ, 1936, стр. 135). Часть юрматынцев занимала течения рек Ток и М. Уран в пределах нынешней Оренбургской области. Численность юрматынцев в начале XVIII в. приближалась к 1 тыс. человек ³. По занимаемой территории и численности населения юрматынцы входили в число наиболее крупных башкирских племен.

Бурзян

Родовой состав племени бурзян показан в табл. 3. Расселение бурзян в XVII–XIX вв. (карта 2) отличается от сложившихся в историко-этнографической литературе представлений. Основные бурзянские территории находятся на Южном Урале, в верхнем течении р. Белой, с широким выходом в Зауралье вплоть до р. Урал. На юге бурзяне кочевали в бассейнах рек Б. и М. Ик, Юшатырь. В таких очертаниях бурзянская территория сложилась, по крайней мере, к началу XVIII в. (МИБ, 1936, стр. 136). Значительная часть бурзян расселялась в долине р. Демы и да-

² Объем книги не позволяет опубликовать весь имеющийся материал по этнонимии родоплеменных подразделений. Поэтому автор в гл. IV–VII ограничивается лишь количественной группировкой зафиксированных названий. Исключение составляют этнические (в том числе родоплеменные) наименования, которые в связи с их значением для темы приводятся полностью. Цифры в скобках показывают повторяемость названия в пределах племени.

³ Статистических сведений о численности населения в башкирских племенах в XVII–XIX вв. нет. В XIX в. в литературе появились оценочные данные о численности восточнобашкирских племен, которые нами используются. Во всех остальных случаях численность населения в племенах определяется применительно к XVIII в. на основе сведений о дворовом учете, содержащихся в списках башкирских волостей и родов, составленных Юхневым, Рычковым, Урусовым и Паниным. О методике расчета численности башкирского населения на основе данных дворового учета см.: Кузеев, 1968б, стр. 335–336.

лее на юг, по течениям рек Ток, Б. и М. Уран, Иргиз, Каралык и Камелик (в пределах Оренбургской, Куйбышевской и Саратовской областей). В XVI–XVII вв. бурзяне жили и на крайнем западе Башкирии, по течению р. Ик — южного притока Камы (МИБ, 1936, стр. 138). Однако к XIX в. там их уже не было, и нам не удалось обнаружить достаточно достоверный материал для картографического показа былого расселения бурзян в Прикамье.

В составе бурзян записано более 260 названий родовых подразделений, из них 60 — антропонимических, 45 — тотемистических; в основе 75 названий — этнонимы. Этнические названия бурзянских родовых подразделений: казах (11), калмык (13), каракалпак (2), киргиз, кизил-ногай (ногаи долины р. Кизил), туркмен (4), сарт (3), мишар, татар (12), черемис, чуваш (5); родоплеменные: баюлы (2), иштяк, карагай-бурзян, катый, кара-табын, таз (2), тумá (4), тау (7).

Из зафиксированных 490 бурзянских тамг более 400 составляют вариации трех основных типов (табл. 4). Наиболее древними тамгами являются № 1 и 2 (зафиксировано соответственно 260 и 100). Тамга № 3 (более 40) известна преимущественно среди бурзян рода байулы в бассейне р. Б. Ик; среди горных бурзян встречается редко. Она тождественна тамге байулинских казахов Малого Жуза (Соколов, 1904, стр. 50). Совпадение башкирских и казахских этнонимов и тамг указывает как на происхождение рода байулы-бурзян, так и на источник появления указанной тамги⁴.

Остальные тамги и их вариации, известные среди бурзян (Г I X O — // Y > <), принадлежат другим башкирским племенам или пришедшим этническим группам; распространенность этих тамг среди бурзян свидетельствует об их значительной этнической смешанности.

Бурзянские тамги, несмотря на внешнюю пестроту, не потеряли древней основы. Об этом, кроме типологического анализа, свидетельствует и терминология, используемая для обозначения тамг. На Урале и в Зауралье — в районах наиболее компактного расселения бурзян — основную тамгу (табл. 4, № 1) называли *ягылбай* (дербник); термин *сүкеш* (молоток) здесь почти не был известен. Напротив, бурзяне, живущие в этнически смешанных районах бассейнов рек Дема, Ток, Б. и М. Уран, Иргиз, Камелик, называли эту же тамгу *сүкеш* (молоток) и за очень редким исключением забыли ее прежнее название. Байулинские бурзяне знали оба термина, но уже в XIX в. не могли объяснить значение диалектного слова *ягалбай* (Соколов, 1904, стр. 49).

⁴ Тамга № 3 сходна с одной из юрматынских тамг (табл. 2, № 2). Однако этнические связи между юрматынцами и байулы-бурзянами по другим источникам не прослеживаются.

Очевидно, бурзяне, оторвавшиеся от основного массива племени, оказавшись в иноплеменной этнической среде, забыли древнее наименование тамги и обозначали ее по ассоциации с окружающими их быт внешними реалиями.

Основная бурзянская тамга повсюду изображалась одинаково. Количественное ее преобладание в общей сумме бурзянских тамг (260 из 490), а также тотемистическое название подтверждают мысль о древнем происхождении тамги, в основе которой, видимо, действительно было изображение тотемного животного. А. Игнатович, несколько раз побывавший среди горно-лесных бурзян, пишет, что старики-бурзяне сравнивали свою тамгу с изображением летящего ястреба или дербника (Игнатович, 1863, стр. 47). Среди уральских бурзян тамгу типа № 2 (табл. 4) также нередко называют дербником. Единое название для внешне различных тамг нередко указывает на общность их более древней основы. Тамги № 1 и 2 имеют общее происхождение; они трансформировались по следующей схеме: . Это заключение означает, что все бурзянские роды (кроме байулы) имели в основе единую древнюю тамгу.

По оценочным данным второй половины XIX в., бурзянских башкир насчитывалось около 50 тыс. человек (Уйфальви, 1877, стр. 119). Племя бурзян, судя по историческим и этнографическим данным, одно из наиболее крупных и древних в составе башкир.

Усерган

Усерганы имеют другое, более древнее племенное название — муйтен (*муйтэн*). По преданию, вождь племени Усерган был сыном Муйтен-бия. Правнук Усергана Урал-бий выбрал имя своего прадеда в качестве урана племени (БШ, стр. 85, 91). В истории тюркских племен известны превращения племенного названия в уран (например, уран «токсоба» у кипчаков) и, напротив, урана — в племенной этноним. Этноним усерган может иметь аналогичное происхождение.

Родовой состав племени представлен в табл. 5. Наиболее древними сами башкиры считают роды сураш, медведь и волк; бишей⁵ и шишей — дочерние роды, отделившиеся от рода сураш (Назаров, 1890, стр. 166). В генеалогиях структура племени изображается обычно так:

⁵ Варианты башкирского произношения; а) *бишэй*, б) *бишөй* — *биш* — 'пять', *ей* 'дом', в смысле «род», «страна»; *бишөй* — пять родов (Полевые записи 1953 г.).

Основная территория усерганских родов в XVII–XIX вв. (карта 2) — бассейн р. Сакмары, а также долины рек Таналык, Б. и М. Ик (МИБ, 1936, стр. 136–137). Небольшие группы усерган расселялись по Ирги-зу и Камелику, а в XVIII в. — на юге Саратовской губ., в долинах рек Б. и М. Узень (БШ, стр. 202).

В составе усерган записано около 100 названий родовых подразделений, в том числе 30 — антропонимических, 28 — этнических, 19 — тотемистических, 17 — прочих реалий. Этнические названия усерганских родовых подразделений: казах (4), каракалпак (3), калмык (3), туркмен (2), ногай, тажик, татар, казанцы; родоплеменные: кыпчак (4), найман, сураш, таз, тау, кубалык-теляу, медведь (2), волк.

Из 120 зафиксированных среди усерган тамг 80 являются вариациями тамги № 1 (табл. 6), что свидетельствует об ее устойчивости. Сами башкиры основной считают тамгу (БШ, стр. 88), однако из таблицы 6 хорошо видно, что она является лишь устойчивой вариацией тамги № 1. Тамгу № 2 усерганы также считают древней, но небольшое число собранных тамг этого типа (7) и отсутствие аналогий пока не позволяют достоверно определить их родоплеменную принадлежность. Остальные 33 тамги являются вариациями бурзянских, тангаурских и кыпчакских тамг.

По данным конца XIX в., башкирское население усерганских волостей насчитывало 42 тыс. человек (Соколов, 1904, стр. 44).

Тангаур

Племя тангаур родового членения не имеет. Территориально оно подразделяется на северных и южных (карта 2). Соответственно первые расселяются в верховьях р. Белой и узкой полосой выходят в Зауралье; вторые — по р. Сакмаре также с выходом в степное Зауралье севернее усерганской территории. Небольшая группа тангауров переселилась в XVIII в. на р. Каралык. В источниках XVIII в. (Рычков,

1762, стр. 95). северных тангауров называют лесными (урман-тангаур), южных — степными (ялан-тангаур).

Основная тамга племени — фигура в виде полумесяца. Она исключительно устойчива в обеих тангаурских группах: из 160 учтенных тамг 144 оказались вариациями полумесяца (табл. 7).

Названий родовых подразделений в составе племени тангаур зафиксировано около 60, в том числе 14 — этнических и родоплеменных: казах (3), калмык (4); кыпчак, волк, упей (2), имес, юрми. Последние три этнонима представляют особенный интерес, так как они свидетельствуют о тесных взаимосвязях и смешении башкирских племен разных районов Башкирии. Этноним упей соответствует названию племени на крайнем севере, юрми — на крайнем западе Башкирии; имес — согласно башкирским преданиям — название неизвестного народа, который был родственным черемисам⁶. В этом свете приобретает интерес и сообщение С. Мирасова о подразделении *бай* (ср. западнобашкирское племя *байлар*) в составе тангауров (Мирасов, 1924, стр. 23) и П. С. Назарова — о пребывании булгар и мишарей в этническом составе усерган и тангауров (Назаров, 1890, стр. 156).

В конце XIX в. тангауров было 6 тыс. человек, однако эта цифра, приведенная Д. Н. Соколовым (1904, стр. 48), относится только к южной группе.

Тамьян

В XVII–XIX вв. племя тамьян, как и тангаур, расселялось двумя крупными массивами (карта 2): северные тамьянцы жили в верховьях р. Белой и в Зауралье, южные — по среднему течению р. Белой и в низовьях р. Нугуш. В XVI–XVII вв. земельные вотчины тамьянцев были значительно обширнее: они кочевали в долинах рек Дема, Уршак, Ток, Каралык, где тамьянские поселения были еще в XIX в., и далее на западе. В бассейне р. Ик, где-то в его низовьях, в начале XVIII в. была Тамьянская волость (МИБ, 1936, стр. 137).

Воспоминаний о родовом членении тамьянцы, сильно смешавшись с окружающим населением, не сохранили. О тамьянских родах имеются сведения в списке П. И. Рычкова (гл. II, табл. 4) и в публикации С. Мирасова (1924, стр. 23–24). Достоверными являются сведения о трех тамьянских родах: мулют (*мөлөт*), заяц (*куян*) и мясагут (*мәсәгөт*)⁷.

⁶ В исторических сказаниях башкир черемисами (*сирмеш*) называются не только собственно марийцы, но и вообще народы нетюркского или конкретно финно-угорского происхождения.

⁷ В списке П. И. Рычкова соответственно «тюбы» Мылтицкая, Коянецкая и Мясауцкая.

В рычковском списке, кроме того, упоминается Ик-Тамьянская тюба на западе Башкирии. Территориальное размещение тамьянских родов из-за их смешанности установить невозможно.

Из 92 зафиксированных тамьянских родовых подразделений 26 имеют этнические и родоплеменные названия: казах (3), киргиз, каракалпак, татар (2), типтяр (2), казан, сарт; кара-табын, таз, сыняян, медведь (4), тау (2), бурзян, тамьян (4). Этнонимы сыняян, кара-табын и таз соответствуют названиям башкирских родоплеменных организаций в северо-восточном (челябинском) Зауралье и в северо-западной Башкирии.

Тамьянские тамги, в отличие от тангаурских, разнообразны. Среди 46 записанных тамг можно выделить восемь типов, но не равноценных по степени распространенности. Наиболее характерными для тамьянцев являются три типа тамг (табл. 8).

Тамга № 1 за пределами племени тамьян не встречается, что позволяет считать ее собственно тамьянской и древней по происхождению. Второй тип тамги (№ 2) внешне схож с тамгой западнобашкирского племени канлы, а в некоторых начертаниях — с кара-кыпчакской. Однако вариации этой тамги у тамьянцев глубоко своеобразны, и Д. Н. Соколов был, очевидно, прав, отнеся ее к числу основных (Соколов, 1904, стр. 47). Тамга № 3 в основном начертании и в вариациях тождественна одной из бурзянских тамг (табл. 4, № 2).

В начале XVIII в. численность тамьянцев составляла примерно 21 тыс. человек (МИБ, 1949, стр. 484). В эпоху средневековья племя тамьян находилось в ряду наиболее мощных и многочисленных объединений башкир.

Кыпчак

Восстановление родового состава кыпчаков — сложная задача и не только потому, что былая структура племени давно утрачена. Кыпчаки в Башкирии устойчивую и стройную внутреннюю структуру никогда не имели. С момента миграции в Приуралье и на Южный Урал они представляли собой не племя, а совокупность родов и родовых групп, этническая история которых восходила к средневековому Дешт-и-Кыпчаку. Установленный нами перечень кыпчакских родов (табл. 9) требует хотя бы краткого комментирования.

В «Своде...» XVIII в. имеются сведения о следующих кыпчакских родах: бушман (пушмас, бушмас, бусмаш, бусман), суун (сугун, сунь, угун), санкем (чамкин, чанким, ченким, чемкин), сарыш (сарыжь, сарыш, сараш, сураш), гэрэй (геряс, гарай, гарей), карагай. Эти образования, этнически связанные между собой, составляют первую группу кыпчакских родов.

Самый крупный кара-кыпчакский род не упоминается ни в одном из известных нам списков XVIII в. Сопоставление архивных и полевых материалов показало, что кара-кыпчаки фигурируют в источниках под другими названиями, а именно: сарыш-кыпчаки (или сарыжь) (МИБ, 1936, стр. 136; 1949, стр. 495), аслы-кыпчаки (или слы, ислы, асылы) (гл. II, табл. 6; БШ, стр. 102, 104) и сайкан-кыпчаки (БШ, стр. 104, 207). Кара-кыпчаки представляли, таким образом, не обычный род, а самостоятельную ветвь башкирских кыпчаков и сами имели внутреннюю родовую структуру, из которой нам известны пока три звена: сарыш, аслы и сайкан. Сложность внутренней структуры кара-кыпчаков нашла отражение в их шежере, в котором предок кара-кыпчаков Атагай-бий назван «отцом трех тюб народа» (БШ, стр. 102). Таким образом, кара-кыпчаки составляли вторую группу родов башкирских кыпчаков. В источниках XVII–XVIII вв. этноним «кара-кыпчак» также не упоминается, так как в различного рода земельных актах, купчих договорах и т. п. субъектами права выступали подразделения кара-кыпчаков. Однако по мере расселения кара-кыпчаков и их смешения с окружающим населением названия старых родов были забыты. Лишь небольшая группа кара-кыпчаков еще помнит свою принадлежность к роду сарыш; этнонимы аслы и сайкан окончательно утрачены. Древний и объединяющий группу родов этноним «кара-кыпчак» оказался наиболее стабильным.

В нашем списке имеются еще три кыпчакских рода, названия которых отсутствуют в источниках XVIII в.

Небольшой род ак-кыпчак не входил ни в первую, ни во вторую группы кыпчакских родов и представлял собой самостоятельное образование. Сами себя башкиры этого рода называют туркмен-башкирами (*төрөкмән-башҡортты*) (Соколов, 1904, стр. 55). Из старых преданий, однако, известно, что древнее их название ак-кыпчак (Лоссиевский, 1883, стр. 18–20). Некогда могущественный и многолюдный род ак-кыпчаков играл крупную роль в этнической и политической истории Башкирии. По сообщениям шежере и исторических сказаний предки ак-кыпчаков владели совместно с ногайцами всей южной Башкирией. С этой эпохой связано еще одно название рода — ногай-кыпчак (Мирасов, 1924, стр. 24). Одним из знатных предков ак-кыпчакского рода был Кузы-султан (или Кузый), власть которого простиралась до р. Зилим в центральной Башкирии⁸. Часть ак-кыпчаков действительно расселяется в центральной Башкирии (род туркмен в составе племени кудей). С присоединением Башкирии к Русскому государству ак-кыпчаки оказались в этнически смешанном районе и постепенно растворились, главным образом в составе кара-кыпчаков.

⁸ Полевые записи 1957 г., стр. 71.

Название рода сары-кыпчак восстановлено по сведениям кыпчакских шежере. В прошлом сильный и многочисленный сары-кыпчакский род распался, и в процессе полевых исследований удалось обнаружить лишь слабые следы его существования.

Род джете-уру в состав кыпчаков включен условно. В XVII–XIX вв. башкиры этого рода, расселявшиеся на кыпчакской земле, были не только смешаны с кыпчаками, что неотделимы от них. В то же время род джете-уру исторически и этнически тесно связан с племенами Дешт-и-Кипчака. Сами кыпчаки эту группу долгое время считали не башкирской, а казахской, хотя в XIX в. с центром в дер. Ташлы существовал смешанный татаро-башкирский джете-урусский кантон. В южной Башкирии широко бытует предание о существовании в эпоху ногайского господства или раньше союза семи башкирских племен — *ете-ырыу*. Разные информаторы включают в объединение джете-уру различные племена; в связи с присутствием в названии сакраментальной цифры перечисляются обязательно семь (обычно юго-восточных) племен или родов. Старое предание передает и П. Небольсин, но он в союз джете-уру включает, кроме тамьянцев, только кыпчакские роды (Небольсин, 1852, стр. 3). Судя по данным исторического фольклора (эпос «Бабсак и Кусяк»), племенной союз (объединявший прежде всего племена бурзян, усерган, тамьян и тангаур) в юго-восточной и южной Башкирии в XIV–XV вв. действительно существовал, однако наименование «джете-уру» он получил лишь впоследствии. Народное воображение приложило к «героическим» временам своей прошлой истории привычные этнонимы, придав им совершенно новый, соответствующий историческому повествованию, смысл. На самом деле этноним «джете-уру» имел смысл этнический, в том числе и на башкирской почве. Роды джеты уруу, еди-уруг или жети-урук входили в состав киргизского племени сарыбагыш (Абрамзон, 1960, стр. 37), туркменского племени салор (Винников, 1962, стр. 27), казахов Малого Жуза (Востров, 1962, стр. 81). Родоплеменные организации с аналогичным названием имеются в составе других народов.

Башкирский род джете-уру этнически восходит к казахскому роду жетыруу Малого Жуза. П. Небольсин передает рассказ «кочующих на Тоболе киргизов» о том, что «башкирцы Джиди-ру... потомки нескольких семей киргизов кыпчакского рода, с весьма давних времен перешедших из Сибири через Урал» и «вступивших в родственные связи с башкирцами» (Небольсин, 1852, стр. 17). Предки башкир рода джете-уру могли переселиться в Башкирию и с более близких земель; казахи рода Джеты-ыру, по описанию В. В. Радлова, еще в XIX в. кочевали «около Оренбурга и Уральска» (Радлов, 1887, стр. 23), т. е. по соседству с современной территорией рода. Таким образом, в сознании башкир имело место смешение (перешедшее на страницы некоторых

исследований) союза из семи или нескольких племен эпохи эпического сказания «Бабсак и Кусяк» и небольшого рода джете-уру на самом юге Башкирии, этнически тесно связанного с кыпчаками.

В XVII–XIX вв. кыпчаки, компактно или небольшими группами, жили на огромной территории от верховьев р. Белой на севере до течения Сакмары на юге (карта 2). На западе и юго-западе кыпчакские аулы были разбросаны в долине рек Дема, Б. и М. Уран, Ток, Иргиз и Камелик. На Южном Урале кыпчакские роды образуют три группы. В северную входят роды карагай и гэрэй; расселяясь в горно-лесном районе, они несколько оторваны от основного кыпчакского населения. По обоим берегам р. Белой на участке, где она течет в широтном направлении, и в низовьях р. Нугуш расселены роды, составляющие центральную группу: суун, бушман и санкем. Южная группа, основу которой составляют кара-кыпчаки, но куда входят также роды сарыш, ак-кыпчак и джете-уру, занимает бассейн р. Б. Ик и прилегающие земли.

В XVII в. кыпчаки расселялись на более обширной территории. Еще в конце XIX в. кыпчакские аулы встречались в северо-западной Башкирии по левобережью рек Белой и Камы до впадения в последнюю р. Мензели. В XVIII в. источники отмечают «Кипчацкую» или «Сарыш-Кипчацкую» волость в пределах Казанской дороги «по рекам Ик и Сюнь» (МИБ, 1936, стр. 136). Где-то на западе Башкирии обитал кара-кыпчакский род сайкан, один из биев которого жил и умер в Казани (БШ, стр. 104). Следы пребывания кыпчаков в западной Башкирии связаны с эпохой кыпчакской миграции, значение которой в этнической истории башкир рассмотрено ниже.

Основными тамгами кыпчаков (табл. 10) являются «две черты», «ворота» и «вилы» (№ 1, 2, 3). Из 400 зафиксированных тамг вариации этих трех составляют 330, из них № 1 — 140, № 2 — 103, № 3 — 87. У северных (лесных) кыпчакских родов (карагай и гэрэй) господствует тамга № 2. Среди трех кыпчакских родов центральной группы (санкем, суун, бушман) в равной степени распространены тамги № 2 и 3, но тамга № 2 является для них основной. Тамга № 3 является единственной для рода ак-кыпчак. Это было подмечено еще Соколовым (1904, стр. 55). Добавим, что многочисленные родовые подразделения с этнонимом туркмен, зафиксированные в составе кара-кыпчаков, за редким исключением, также обладают вариациями тамги № 3. Тамга «вилы», будучи в основе ак-кыпчакской, распространялась среди кыпчакских родов с юга на север, по мере их смешения с туркмен-башкирами.

Господствующей тамгой у кара-кыпчаков (и соответственно рода сарыш) была тамга № 1. Кара-кыпчакская тамга широко распространена за пределами рода — во всей северной и западной Башкирии. Тамги этого же типа характерны также для типтярской этнографической

группы татар. Эти факты хорошо увязываются с упомянутыми известиями источников о былом расселении кара-кыпчаков и сарыш-кыпчаков на реках Ик и Сюнь.

Среди кыпчаков записано около 240 названий родовых подразделений, в том числе патронимических — 71, тотемистических — 30, этнических и родоплеменных — 81, прочих реалий — более 30. Этнические названия: казах (4), калмык (7), татар (4), мишар, ногай (2), черемис, чуваш (2); родоплеменные: медведь, булекей, баймак, байулы (2), имес (3), санкем (3), сарыш, суун (4), хунá (2), тумá, таз (2), тангаур (2), тангор (3), туркмен (9), юрматы (4), тау (4), кара или карый, юмран (4), курпес, дуван, карагай (2), сынрян, монаш, кыпчак (4) и бурзян. Перечень свидетельствует о высокой степени смешанности кыпчакских родов между собой, с другими башкирскими племенами, а также с соседними и пришлыми этническими образованиями. Существенный интерес представляют этнонимические параллели кыпчаков с отдаленными, в частности с северными, башкирскими родоплеменными группами (таз, булекей-кудей, дуван, юмран и курпес-табын, сынрян).

Численность кыпчаков по противоречивым данным XVIII в. установить невозможно. Однако по сообщению П. И. Рычкова, кыпчаки в юго-восточной Башкирии составляли самое крупное родоплеменное образование (1887, стр. 65–66).

В заключение полезно сформулировать несколько общих моментов:

1. Несмотря на этническую смешанность юго-восточных башкирских племен и сложность их родового состава, отчетливо прослеживается общность тамг по племенам (усерган, тангаур, бурзян) или группам родов (кыпчак). Имеющиеся некоторые отклонения (юрматы, тамьян) не нарушают общей тенденции. Единство тамг племен или групп родов юго-восточных башкир невозможно объяснить внутриплеменным их смешением и интеграцией. Здесь мы имеем дело с явлением, которое важно учитывать при изучении этнической истории. Многоступенчатая и подвижная родоплеменная структура тюркских кочевников, опирающаяся на принципы преемственности и генеалогической связи, была своеобразным механизмом устойчивой трансляции из эпохи древности и средневековья многих атрибутов родоплеменной жизни, в первую очередь этнонимов и тамг.

2. Смешанность юго-восточных башкир между собой и с другими башкирскими племенами чрезвычайно высокая. Об этом свидетельствуют взаимное проникновение этнонимии на юго-востоке, а также названия родовых подразделений, восходящих по происхождению

к северо-восточным (кудей, дуван, катай) или к западным (юрми, таз, байлар) племенам.

3. В XVII–XIX вв. имело место смешение юго-восточных племен с другими народами: с ногайцами, казахами, каракалпаками, калмыками, татарами — на Урале, в Зауралье и в бассейне р. Б. Ик; с татарами, мишарями, типтярями, чувашами, мари — в бассейне р. Дема, в оренбургских и саратовских степях.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ И ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ ПЛЕМЕНИ ЮРМАТЫ

История расселения

История расселения племени юрматы (карта 3) поддается реконструкции с XIII–XIV вв. В это время юрматынцы кочевали западнее современной их территории, в междуречье верховьев рек «Зай и Шешма», в лесостепном районе водораздела Бугульминской возвышенности (БШ, стр. 27, 31). Исторические предания упоминают «старинные» юрматынские земли еще западнее, «в стороне Волги и Симбирска»⁹. В конце XIV в., в связи с «великими бедствиями», вызванными борьбой Тимура с Тохтамышем, юрматынцы во главе с Тухал Шагали-бием — «одним из сыновей знатных юрматынцев» — покинули земли по рекам Зай и Шешма и переправились «за Большую реку»¹⁰, т. е. на правобережье Камы (БШ, стр. 31). Переселение связывается с событиями 1391 г., когда огромные армии обеих враждующих сторон, опустошая все на своем пути, прошли через территорию южной Башкирии и в июне встретились в кровопролитном сражении на р. Кундурча — совсем рядом с юрматынскими кочевьями. В те времена не только юрматынцы, но и другие уцелевшие от разгрома и разорения племена оставили свои земли и устремились на север и северо-восток (ОИБ, 1956, стр. 51–52). На новых землях юрматынцы некоторое время кочевали по р. Черной (*Кара йылга*), а затем перебрались в долину р. Шадлык (*Шадлык*). В 811 г. по хиджре (1408–1409 гг.)¹¹ племя юрматы или его часть обитало еще за Камой. Только после смерти Тухала Шагали, когда «великим бием» стал «Гали Шэйех, прозванный

⁹ Полевые записи 1953 г., стр. 7.

¹⁰ В тексте оригинала цитируемого шежере «Большая река» читается «*Олуз Идел*» (БШ, стр. 27). Так вплоть до XIX в. в источниках на языке «тюрки» обозначались Волга или Кама в отличие от *Ак Идел* — р. Белой.

¹¹ Здесь и далее даты по хиджре переведены на современное летосчисление по «Синхронистическим таблицам...» И. Орбсли (1961).

Дэрвишем», юрматынцы вновь «переселились в юрты дедов, на [реки] Зай и Шешма» (БШ, стр. 32).

Дальнейшая судьба племени юрматы тесно связана с ногайцами. С возвышением Ногайской орды юрматынцы стали подвластны ногайским мурзам. На древних юрматынских землях, рассказывает летописец, «стали кочевать бесчисленные ногайцы» (БШ, стр. 28). Основная часть юрматынцев навсегда оставила свои старинные кочевья и, двигаясь на юго-восток, «достигла рек Сакмара, Яик и Белая» (БШ, стр. 32), т. е. занимаемой ныне территории.

Перемещение юрматынцев на восток не было внезапным; долгое время кочуя по соседству с ногайцами, юрматынцы смешались с ними. Летопись рассказывает, что Чачли-Дэрвиш, ставший «великим бием» после смерти отца Гали Шэйеха, выдал свою единственную дочь замуж за ногайца и воспитал двух внуков: Бурнака и Ядкара (БШ, стр. 43). Браки между юрматынцами и ногайцами, ногайское происхождение Бурнака и других родовых вождей отмечаются и другими источниками (БШ, стр. 36, 181, 185). Передвижение племени юрматы в начале XV в. на юго-восток сопровождалось, следовательно, известными изменениями в его этническом составе, а именно: инфильтрацией в среду юрматынцев ногайского (кыпчакского) этнического компонента. С этой эпохой связано появление не только названия рода ногай-юрматы, но, вероятно, и рода кармыш. Наименование «кармыш» известно в родоплеменной этнонимии локайцев, киргизов и казахов (Кармышева, 1954, стр. 16–17, табл. 2; Абрамзон, 1971, стр. 44). Локайцы, которые свою родословную ведут от Кармыша, считают его братом Чингизхана. Если мысль о позднем происхождении этнонима кармыш верна (Кармышева, 1954, стр. 14–32), то на башкирскую почву он мог проникнуть только через ногайцев в XIV–XV вв.

В XIV–XV вв. не все юрматынцы покинули свою старую родину. В непосредственном восточном соседстве от древней территории племени юрматы, по среднему течению р. Ик, в XVII–XIX вв. жили башкиры племени *юрми*. С. И. Руденко, который обнаружил эту группу по материалам межевой комиссии, ошибочно назвал ее *юр-мин* (юрминская дача) и включил в состав племени мин (Руденко, 1955, стр. 55), хотя в некоторых источниках XVIII в. она упоминалась как самостоятельная волость под названием «ерми» (Игнатъев, 1884, стр. 146). В действительности группа юрми, судя по этнониму, преданиям и тамгам (см. гл. VII), являлась некогда частью племени юрматы или родственным ему образованием. Это хорошо иллюстрируется распространенным среди юрматынцев на Урале повествованием о Юрми-хане: однажды на охоте единственный сын хана хотел подстрелить лебедя, который обернулся прекрасной девушкой. Юноша женился на ней и их потомки образовали племя юрма-

ты ¹². Взаимосвязь этнонимов юрми и юрматы просматривается в предании совершенно отчетливо. Этногенетическая связь племен юрматы и юрми особенно хорошо доказывается недавно обнаруженным общим шежере юрматынцев и юрмийцев. В генеалогии шежере Юрми-бий (другой вариант написания имени в том же тексте Юрма-Халар-бий) показан сыном Юрматы-бия ¹³.

В конце XIV в. племя Юрми под давлением исторических событий также передвинулось восточнее, в долину р. Ик (карта 3). Оставшись здесь, они постепенно утратили контакты с ушедшими на Урал юрматынцами. Вскоре юрмийцы включились в общую волну движения икских племен на север и северо-запад, где они добрались до верховьев Таныпа и среднего течения р. Тюй ¹⁴.

Группы юрмийцев вместе с юрматынцами и другими племенами проникли и на Южный Урал. Родовое подразделение юрми зафиксировано, например, в составе племени тангаур.

Юрматынцы, достигнув р. Белой, перешли на ее правобережье и заняли территорию не очень удобную для кочевников, но в стороне от тревожных и беспокойных событий тех времен. Границы юрматынских земель долго оставались неопределенными: в суровые зимы они выгоняли стада тебеневать на степное левобережье Белой, что почти всегда было сопряжено с опасностью набегов ногайцев и подвластных им кочевников.

Правобережье р. Белой оставалось основной территорией племени до середины XVI в. Здесь кочевья и охотничьи угодья юрматынцев простирались, особенно к северу, далеко за современные пределы их обитания: до низовьев Зилима и даже Инзера. Они добирались на летние кочевки, добывать пушнину или сватать невест до Юрюзани в северо-восточной Башкирии. Некоторые из юрматынских групп остались здесь навсегда. Потомками юрматынцев, например, считает себя часть башкир дер. Ахун. «Первые поселенцы в деревне Ахун, — говорится в их предании, — юрматынцы» ¹⁵. Достоверность народных повествований подтверждается источниками XVIII в. В северо-восточной Башкирии, по сообщению П. И. Рычкова, в середине XVIII в. была «еирлинская» (т. е. юрмийская) тюба (Рычков, 1887, стр. 67).

В XVI в. (по шежере — в 953 г. хиджры, или в 1546–1547 гг.) мурзы «во главе бесчисленных ногайцев» покинули Башкирию и «перекочевали на Кубань» ¹⁶. Древние башкирские земли по левобережью р. Белой

¹² Полевые записи 1953 г., стр. 253.

¹³ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Шежере племен юрматы и юрми.

¹⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 21, л. 138.

¹⁵ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, стр. 139.

¹⁶ Политика ногайских феодалов в середине XVI в. в отношении к Русскому государству не была единой. Часть ногайцев по главе с князем Исмаилом за-

остались малонаселенными и, по словам летописца, «лежали забытыми» (БШ, стр. 33). С этого момента движение юрматынцев на север и северо-восток Башкирии прекращается. Башкиры, оттесненные ранее в горы и леса, вновь передвигаются на запад. Юрматынцы заняли обширную территорию по левобережью р. Белой. Процесс нового освоения старых земель совпал с добровольным присоединением башкирских племен к Русскому государству и получением ими царских жалованных грамот на вотчинное владение землями. Юрматынские вотчины на левобережье Белой в соответствии с их грамотами стали простираться до р. Уршак (БШ, стр. 34).

XVI–XVIII века явились периодом постепенного сложения современной карты расселения юрматынцев. В XVI в. перемещения в основном ограничивались переходами на зимнюю тебеневку в степи; затем, нарастая, процесс переселения юрматынцев на левобережье Белой наиболее активным стал в конце XVII — начале XVIII в. и к середине столетия завершился. Начавшийся приток русского (и нерусского) населения в Башкирию, строительство городов, крепостей, заводов, сопровождающиеся изъятием башкирских земель, слухи о ликвидации вотчинного права башкир — таковы причины, заставившие юрматынцев поторопиться с заселением левобережных территорий.

Новое переселение окончательно расстроило и без того нарушенную родовую структуру племени. Только род макар (или кармыш) сохранил относительно компактное расселение, целиком оставшись на правобережье. Остальные роды: тальтим, татигач, юрматы, мишар-юрматы и ногай-юрматы — частью остались на левобережье, частью переселились на правый берег (БШ, стр. 34).

Этническая история

Происхождение и этническая история племени юрматы привлекает исследователей в связи с башкиро-мадьярской проблемой. Возникновение и развитие этой проблемы, кроме упомянутых противоречивых сведений средневековых арабо-персидских и западноевро-

ключила союз с Москвой и формально признала ее верховную власть. Другая часть ногайцев, подвластная брату Исмаила, ногайскому князю Юсуфу, заняла враждебную позицию. Ногайцы, господствовавшие в Башкирии, также были враждебно настроены к московской власти. Успехи восточной политики Русского государства угрожали многим привилегиям ногайских феодалов и вообще их положению в Башкирии. Поэтому активизация политики России на восточных границах государства вызвала тревогу и опасения ногайской аристократии, а затем уход части ногайцев на юг — Северный Кавказ, Кубань и другие районы (специально об этом см.: Кузеев, Юлдашбаев, 1957).

пейских источников, в немалой степени способствовали параллели в родоплеменной этнонимии башкир и древних венгров. Константином Багрянородным среди семи венгерских племен эпохи завоевания родины (IX–X вв.) названо племя Герматов (1934, гл. 40). Следы этой этнонимии сохранились «в многочисленных названиях населенных пунктов» современной Венгрии (Németh, 1966, стр. 8). Многие исследователи считают, что племя юрматы (древневенг.: Gyarmot, Gyormot, Gyurmot, Gyermat) по происхождению угорское; точнее, предки юрматынцев — древние венгры, которые в эпоху средневековья (XIII–XIV вв.) подверглись тюркизации (Мольнар, 1955, стр. 115). В последние годы появились новые взгляды на происхождение этнонима и его носителей. По мнению В. Ф. Генинга, в основе этнонима юрматы (и соответственно юрми) лежит этнооснова *юр* самодийского происхождения (Генинг, 1967, стр. 73–75). Сформулирована также гипотеза о сармато-аланских корнях как этнонима, так и самих юрматынцев (Гордеев, 1969, стр. 165; 1969а, стр. 11). В 1962 г. в совместной статье с Т. М. Гариповым (Гарипов, Кузеев, 1962, стр. 341) мы допускали возможность заимствования этнонима юрматы «из угорских языков», хотя не подвергли сомнению идею о тюркском происхождении самого племени. Венгерские лингвисты, интерес которых к проблеме Ungaria Major в последние годы вновь заметно повысился, этимологию слова юрматы возводят к тюркскому корню, хотя не считают, что изыскания в этом направлении завершились (Ligeti, 1964, стр. 234). К более определенным выводам пришел академик Д. Немет: этноним юрматы, пишет он, «происходит из того же тюркского языка с чувашским отпечатком, из которого происходят остальные наши заимствования из древнетюркского языка» (Németh, 1966 стр. 19). Ниже мы убедимся, что это очень важный вывод.

Попытаемся подойти к решению вопроса об этнической принадлежности племени юрматы в свете историко-этнографических данных.

Во всех сохранившихся юрматынских шежере (БШ, стр. 27–29, 173–174; Мирасов, 1927, стр. 4–5) генеалогия и древняя история племени неизменно связываются с тюркским миром. Одна из родословных возводится к библейскому родоначальнику всех тюрков Яфесу и его сыну Тюрку, а далее следует имена: Тутек, Илжэ, Бакты, Кийек, Илтэзэр, Ильбарыс, Юлбарыс, Акегет, Сулун, Дэрбэш, Хамат, Амат и, наконец, Юрматы. В другом шежере Юрматы-бий показан родным братом Бурзяна (БШ, стр. 174). Сами по себе шежере, конечно, ничего не доказывают. Однако напомним: все исследователи, которые считают юрматынцев тюркизированными уграми, относят решающий этап их тюркизации к XIII–XIV и даже к XV вв. Но после встречи мадьяр с монахом Юлианом в XIII в., который говорил с соотечественниками на венгерском языке (ИА, 1949, стр. 81), потребовалось бы не менее сто-

летия-двух, чтобы их потомки полностью забыли язык предков и главное утратили всякие воспоминания о бывшей этнической принадлежности. Между тем в самом старом шежере племени юрматы, написанном в первоначальном варианте в середине XVI в. (БШ, стр. 177–178), нет никаких намеков на угорские (древнемадьярские) или вообще нетюркские этнические связи юрматынцев, хотя описание событий из истории племени начинается в нем с XIII–XIV вв. Напротив, в юрматынских шежере имена древних предков в генеалогиях обычно соответствуют антропонимии старотюркских преданий и мифологии (ср. БШ, стр. 27–29; Рашид ад-дин, 1952, стр. 76; Кононов, 1958, стр. 39–40) или же отражают имена реальных исторических личностей средневекового Поволжья. Так, на реках Зай и Шешма юрматынцы «пребывали под властью ханов Амата, Самата» (БШ, стр. 31), «кочевых ханов» XIV в., упомянутых также в анонимном сборнике XVII в. «Дафтар-и Чингиз наме» (Усманов, 1972, стр. 113).

В конце XIX в. П. С. Назаров, одним из первых изучивший местные исторические предания, высказал убежденность в том, что некоторые имена из башкирских генеалогий восходят к болгарской ономастике (Назаров, 1890, стр. 7). Применительно к юрматынцам это наблюдение является весьма вероятным и заслуживает специального изучения (см., например, Ильбарыс, Юлбарыс, Дэрбэш — в юрматынском шежере и болгарские имена Барас или Барс — у Ибн-Фадлана; Ковалевский, 1954, стр. 16; имя Дарваш на болгарских эпиграфических памятниках; топонимы — Дербишево, Дербешка — в Прикамье и в Башкирии). Особое значение в этом плане имеет установленный выше факт расселения юрматынцев в XIII–XIV вв. на юго-восточных границах болгарской территории.

В изучении связей юрматынцев с булгарами неожиданно большую роль может сыграть этническое родство племен юрматы и юрми. Этноним юрми (в форме *ерми*) перечисляется среди названий «древних родов» дунайских болгар: согласно славяно-болгарскому именнику, некий Гастун «из рода Ерми... был наместником 2 года» (Куник, 1878, стр. 128). Есть и другой важный для нас источник. Это надпись на колонне IX в., найденной во время раскопок близ древней столицы дунайских болгар города Плиски (Успенский, 1905, стр. 192). Надпись сделана греческими буквами и четвертое слово текста, указывающее на родовую принадлежность лица, в честь которого воздвигнута колонна, читается *ермиарис* (*ερμιάρης*). Уже автором раскопок Ф. И. Успенским это название было сопоставлено с этнонимом *ерми* из славяно-болгарского именника, установлено, что они «совершенно совпадают» и что это название одного из тех пяти племен, «генеалогия которых идет в глубокую даль болгарской истории» (Успенский, 1905, стр. 215). «Глубокая даль» этой истории могла уходить в Приазовье,

где протекала история великих болгар. Есть основание думать, что великоболгарское племя *ерми* было представлено не только на Дунае, но и в Волго-Камье. Кроме башкирской родоплеменной этнонимии (племя *юрми*), доказательства этому можно найти в составе чувашских языческих имен с аналогичной основой: Юрмекей, Юрмет. Весьма показательно, что имя *Юрмекей* В. К. Магницкий упоминает в числе «тавраш», т. е. чувашских языческих родовых фамилий (Магницкий, 1905, стр. 10).

Итак, образуется интересная цепь аналогий: великоболгарское и дунайско-болгарское племя *ерми*, чувашская родовая фамилия *Юрмекей*, башкирский племенной этноним *юрми*. Эти наблюдения придают исследованию этнической принадлежности раннесредневековых юрматынцев новое направление, которое возможно дополнить данными топонимики, фольклора и сопоставительным анализом некоторых явлений культуры. Древние этнические контакты предков юрматынцев с волжскими булгарами подтверждаются, в частности, материалами по оронимии и гидронимии с юрматынской территории на Урале. Названия гор Тура-тау (Бог-гора или Гора-святилище), Курман-тау (Укрепленная гора), рек — Эсем (сим — древний напиток чуваш), Уран (лощина, русло реки; то же на башк.-татарск. — *үзән*) прозрачно этимологизируются, как показал еще Н. И. Ашмарин, с позиций болгарского и чувашского языков (Ашмарин, 1902, стр. 51–66). Архаические памятники устного народного творчества юго-восточных башкир (например, кубаир «Ай Уралым, Уралым») находят неожиданные и в то же время поразительные параллели в болгарском фольклоре (МК, 1960, стр. 103; Харисов, 1954, стр. 55–56). По-новому звучат наши прежние выводы об обширной зоне общности в древних слоях культуры башкир, чувашей и татар, сделанные на материалах народного искусства и орнаментики (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 242–243). Ряд сходных элементов в изобразительном творчестве башкир и татар непосредственно объясняется их общей болгарской основой. Проиллюстрируем это примером: А. П. Смирнов к «специфически болгарским» изделиям относит серебряную ладанку (*капторга*), украшенную изящным орнаментом в виде трилистника (Смирнов, 1951, стр. 122, табл. IV, рис. 71). Орнамент этого типа унаследован от болгар казанскими татарами. Юго-восточные башкиры вплоть до XIX в. сохранили не только орнамент, но и форму предмета с композицией рисунка. Башкирские кожаные охотничьи подвесные сумки (*каптырға*) формой и тисненым орнаментом в точности копируют болгарские ладанки (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 195, 198; табл. XXXI). Истоки орнамента-трилистника уходят в глубь веков и теряются где-то в степях Средней Азии и в предгорьях Алтая, однако к башкирам он проник и распространился через болгарский мир. Аналогично про-

исхождение старинных женских головных уборов башкир, имеющих ближайшие параллели у чувашей (Шитова, 1968).

В башкирских преданиях о юрматынцах и юрмийцах также улавливаются сюжеты, свидетельствующие о присутствии булгаро-чувашских мотивов в этнической истории этих племен. В северной Башкирии записано сказание о борьбе башкир с народом юрми (*юрми халкы*), которые происходили «из черемисов или чувашей»¹⁷. Горные башкиры в прошлом нередко называли юрматынцев «черемисскими башкирами» (*сирмеш-башкорт*)¹⁸, т. е. считали их принадлежащими генетически к иноязычному Волго-Камскому финно-угорскому миру народов, к которым они, естественно, относили и чувашей.

В то же время остается твердо установленной этнонимическая параллель древневенгерского *Gyarmot* и башкирского *юрматы* (ср. чув. языческое имя *Юрмет*; Магницкий, 1905, стр. 96). Эти параллели могли возникнуть только на основе реально существовавших в прошлом этнических связей между мадьярскими и башкирскими племенами. Но они, эти связи, могли быть прямыми или опосредованными; в настоящее время это трудно установить, так как в этнонимические сопоставления вовлекаются родоплеменные названия нескольких народов: башкир, чувашей, болгар, венгров, в ранней этнической истории которых еще очень много лакун. Но в последнее время накопление идей и материалов в этом направлении идет довольно активно. Долгое время, например, было загадкой присутствие в составе племени юрматы рода мишар. О поздней инкорпорации в состав племени на правах рода татар-мишарей говорить не приходится, так как к моменту присоединения Башкирии к Русскому государству мишар-юрматынский род, судя по историческим преданиям и другим источникам, уже существовал (БШ, стр. 173). Кроме того, отличие мишар-юрматынских тамг от общеюрматынских (табл. 1) не может не наводить на предположение об иных, не юрматынских истоках происхождения рода. Еще в 1929 г. С. П. Толстов выдвинул гипотезу о мадьярском этногенезе мишарей и преемственной связи этнонимов мишар и мадьяр (Толстов, 1929, стр. 158). Эта идея на антропологическом материале получила поддержку Т. А. Трофимовой (1949, стр. 240), а на основе историко-этнографических изысканий — Р. Г. Мухамедовой, которая считает, что этноним *мишар* является закономерным развитием средневекового этнонима *мажар* (*можар*) (Мухамедова, 1972, стр. 13). Признавая солидность аргументации общей идеи, заметим, что новейшие этимологические экспертизы позволяют внести в нее некоторые любопытные дополнения и уточнения.

¹⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 21, л. 138.

¹⁸ Полевые записи 1957 г., стр. 81.

Ко времени завоевания венграми родины исследователи отмечают три слова из семейства *madyar* в разных значениях: *mod'er* — в значении 'страна мадьяр'; *mod'ar* — в значении антропонима (имени вождя); *med'er* — в этнонимическом значении; так называлось одно из древневенгерских племен (Lotz, 1956, стр. 679—680). Таким образом, мы видим здесь два корня: *mod*, относящийся к стране или к венграм в целом, и *med* — основу этнонима одного из крупных племен, по имени которого впоследствии получила название вся народность (ИБ, 1971, стр. 93). Подчеркнем, что, по мнению лингвистов, убедительно доказывается угорский корень взаимосвязанной основы *mod'* — *med'*, так как эквиваленты им находятся во всех угорских языках (Lotz, 1956, стр. 681). Как могло происходить развитие угорской этнонимии в условиях Поволжья и Приуралья? На этот вопрос можно найти ответ в исследовании Д. Немета, который также различает формы *modyar* и *medyer*. Развитие обоих вариантов, по словам Д. Немета, «мы наблюдаем в древней России». Из варианта *modyar*, который имел древневенгерскую форму *modyer*, появляется *možer* (соответственно — *можар*, *мажар*), из варианта *medyer* развивается *mezer* и далее *miž(š)ern mišar* (Németh, 1966, стр. 17–18).

Из сказанного мы можем сделать некоторые заключения. Во-первых, топонимы с основой *можар*, *мажар*, известные также и на территории Башкирии, не находятся в прямой связи с этнической историей мишарей и с происхождением их этнонима. Более вероятным является предположение, что топонимы с этой основой оставлены населением угорского или финно-угорского происхождения, часть которого оказалась в составе мадьярского союза. Трудно также согласиться с попытками связать топонимы с основой «маджар», распространенные в эпоху позднего средневековья на Северном Кавказе и в Средней Азии, с этнонимом мадьяр. Очевидно, действительно, мы в данном случае имеем дело с этнонимическими созвучиями (Волкова, 1972, стр. 42; Ртвеладзе, 1972, стр. 155) и реальное значение многочисленных этнонимов, топонимов и антропонимов с основой «маджар», известных в тюрко-монгольском мире эпохи средневековья, еще предстоит раскрыть. Во-вторых, этнически к одному из древних угорских племен мадьярского союза восходят своим происхождением мишари, этноним которых также имеет угорско-мадьярскую основу. В-третьих, башкиры рода мишар-юрматы являются далекими потомками оторвавшейся от племени *medyer* группы древних венгров и влившейся в состав племени юрматы. Время мадьярской инкорпорации в состав юрматынцев установить трудно, но, судя по историческим преданиям и другим косвенным данным, это произошло сравнительно поздно, во всяком случае незадолго до миграции племени юрматы с западных земель на Урал. Однако исторически это вполне объяснимо. Не будем забывать, что

Юлиан застал венгров на Волге еще в XIII в. и, следовательно, завершение ассимиляции венгерских групп в тюркской среде могло относиться лишь к XIV–XV вв.

Итак, основные моменты из этнической истории племени юрматы — расселение в XIII–XIV вв. в восточном Закамье в ближайшем соседстве от волжских булгар, этническое родство с великоболгарским родом юрми, пребывание рода юрми в составе приазовских и дунайских болгар, болгарская оронимия и гидронимия на новой южно-уральской территории юрматынцев, параллели в материальной и духовной культуре и, наконец, происхождение этнонима «юрматы» на базе болгарско-чувацкого языка — дают основание выдвинуть идею о древнетюркском происхождении этнической основы юрматынцев. Второй вывод, вытекающий из тождественности башкирского и древнемадьярского этнонимов, присутствия в составе племени рода мишар-юрматы заключается в том, что юрматынцы пережили этап этнического общения и смешения с уграми — предками венгров. Вопрос о принадлежности древних юрматынцев к собственно булгарам мы оставляем открытым. Имея в виду расселение юрматынцев в XIII в. на периферии основной территории Волжской Булгарии, сформулируем наше заключение более осторожно: средневековые юрматынцы — угризированные тюрки, вместе с булгарами переселившиеся в свое время из Приазовья на Волгу. О последнем свидетельствует история племени юрми (ерми), которое, очевидно, разделилось в период пребывания болгар на юге: часть юрмийцев ушла на запад, на Дунай, остальные вместе с родственным племенем юрматы (если под этими этнонимами не подразумевается единое образование) последовали на Волгу.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕН БУРЗЯН, УСЕРГАН И ТАНГАУР

Территория племен бурзян, усерган и тангаур на Южном Урале образует единый массив, лишь в западной части несколько нарушаемый кипчакскими поселениями. Историческая судьба этих племен, по крайней мере в обозримом для наших источников периоде, всегда была тесно переплетена.

Этнические связи племен бурзян, усерган и тангаур со Средней Азией и Приаральем

Древние предания племен усерган, тангаур и бурзян связывают их первоначальное местопребывание до переселения на Урал с долиной Сырдарьи и Приаральем. «Прадед башкирского народа» Муйтен, — рас-

сказывает усерганское шежере, — жил «со своим родом на Сырдарье». Внуков родоначальника бурзян Бурзян-бия звали Арал-бий и Урал-бий: Урал-бий перекочевал в долину р. Яик, Арал-бий остался на старой родине и вместе с братьями Апэком и Бусыном кочевал «в восточных степях... вокруг Аральского озера» (Мирасов, 1930, стр. 73) ¹⁹. Эти повествования перекликаются с многочисленными сказаниями юго-восточных башкир о переселении их предков на Урал с Сырдарьи или с берегов легендарного моря Мбуф (варианты Уф, Уп, Муф), которое ассоциируется сказителями с Аральским морем ²⁰. Предание о переселении гласит: «В те далекие времена, когда предки башкир жили на Сырдарье, они по велению судьбы вынуждены были покинуть свою прежнюю родину. Однако башкиры заблудились в безбрежных степях; когда их гибель казалась неизбежной, в некотором отдалении от кочевников появился волк. Волк не подпускал к себе людей, но и не покидал их, все время держась в некотором отдалении от них. Тогда аксакалы сказали: „Следуйте за волком; пусть волк будет вашим предводителем (*ырыубашы* — предводитель рода. — Р. К.)“. Предки башкир шли много дней и много ночей за волком. Если волк шел, шли за ним и люди; если волк останавливался, останавливались и люди. Когда они дошли до Уральских гор, волк неожиданно исчез. И поняли аксакалы, что горы Урала, плодородные его долины и степи станут новой роди-

¹⁹ Некоторые варианты преданий: а) «В очень давние времена в некоем городе Макине у Белого [Аральского] моря жил хан, у которого была красавица дочь Кулямялек-Курклык. Отец спрятал ее от посторонних глаз в темнице, где она забеременела от солнечных лучей. Тогда рассерженный хан посадил ее в серебряную лодку, которая затерялась в Аральском море. Лодку увидели деды бурзян и тангауров и еще с берега поделили между собой добычу: лодка достанется бурзянскому батыру, а то, что в лодке, — тангаурскому. Выловив лодку, батыры увидели в ней ханскую дочь. Батыр тангауров женился на красавице, и от них пошло племя тангауров» (Полевые записи 1953 г., стр. 245–246. Аналогичный сюжет записан у казахов, см.: *Потанин*, 1916, стр. 46; о проникновении сюжетной линии предания в татарскую письменную традицию см.: *Усманов*, 1972, стр. 108); б) «Тангауры, когда начиналась их история, жили на Сырдарье. Там они собрали войско, чтобы прогнать с Урала северный народ, который не пускал башкир на их новую родину» (Полевые записи 1953 г., стр. 106); в) «Предки урман-тангауров пришли из Бухары. Деды наши кочевали у подножия гор, которые и сейчас называются Башкирскими» (Полевые записи 1953 г., стр. 116–117); г) «Около Бухары жили четыре брата: Туркмен, Найман, Башкорт и Таджик. Тесно стало братьям, и Башкорта вытеснили с тех земель; он ушел на Урал» (Полевые записи 1958 г., тетрадь 1, стр. 38).

²⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 292, л. 12.

ной башкир»²¹. В аналогичных сказаниях всегда превалирует главная идея: усерганы, тангауры и бурзяне приобрели новую родину благодаря волку — тотему-покровителю древних башкир.

Волк как тотем занимал большое место в мифологии древних тюрков и монголов Центральной Азии и Восточной Европы. В тюрко-монгольской мифологии волк выступает в качестве прародителя и покровителя всех тюрков и монголов (Потанин, 1899, стр. 29; Кононов, 1947, стр. 47; Гумилев, 1959, стр. 105; Артамонов, 1962, стр. 103). С. П. Толстов, обобщивший огромный материал по тотемизму тюрко-монгольских народов, пришел к выводу, что образ «голубого» или «небесного» волка является «древнейшим пластом в средне- и центральноазиатском тотемизме», в котором волк выступает как предок «целого ряда народов Средней и Центральной Азии» (Толстов, 1935, стр. 15).

Особенный интерес для нашей темы представляют аналогичные сюжеты в огузском и туркменском фольклоре. По заключению В. В. Радлова в цикле легенд о мифическом прародителе туркмен Огуз-кагане «голубой волк — *как Bəri*» выступает как *путеводитель* и *покровитель* тюрков. В сказании об Огуз-кагане имеются строки, вызывающие ассоциации с башкирским преданием: «...и увидел [Огуз-каган], что в его войске снует туда и сюда сивошерстный, сивогривый волк, служа ему. Следуя за этим волком, двинулись все они далее. По прошествии нескольких дней остановился этот сивошерстный, сивогривый, высокий волк, и Огуз со своим войском тоже остановился...» (Радлов, 1893, стр. 24). Отзвуки этого сюжета до сих пор существуют в фольклоре туркмен: Т. А. Жданко записала легенду о переселении туркмен из низовьев Сырдарьи на юго-запад, к Теджену и Атреку под предводительством собаки (Жданко, 1971, стр. 162). Для сравнения приведем еще одно башкирское предание: «В незапамятные времена очень сильный туркменский хан (вариант: могущественный Огуз-хан) победил и поработил всех башкир. Хан взял в жены четырех башкирских девушек, но лишь пятая забеременела. И хан сказал: если родится сын, то воз-

²¹ Предание рассказывается во многих, но сходных вариантах. Исключение составляет легенда о происхождении рода волк племени усерган: «Молодой охотник из племени усерган встретил во время охоты волчицу и хотел убить ее. Но волчица сказала человеческим голосом: „О, юноша! Возьми меня за хвост и ударь об землю“. Охотник так и сделал, и волчица обернулась красивой девушкой. Юноша женился на ней. Соплеменники, возмущенные нарушением законов племени, прогнали юношу и его молодую жену-волчицу. Девушка-волчица знала дорогу в страну, где им предстояло жить. Они шли долго и пришли на Урал. Здесь их потомство до сих пор зовется родом волка (*бүреләр токомо*). Живет оно в деревнях Вашбуре, Уртабуре, Сакмарбуре и в других» (Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 6, стр. 242).

вращу башкирам свободу. Ханская жена-башкирка родила сразу двух сыновей. Ушли башкиры из-под власти хана, но где-то в безбрежных песках (варианты: в песках Туркмении; в песках около Бухары) потеряли дорогу. Тогда-то перед ними явилось удивительное животное. Не то волк, не то собака. Шли башкиры за животным три месяца. Наконец, пришли к большой реке; тут зверь и пропал»²².

Упоминание Огуз-хана, Бухары, Башкуртских гор, Туркмении, туркменских ханов, волка или собаки является обычным для исторических повествований юго-восточных башкир. Замечание же В. В. Радлова и новые материалы по историческому фольклору привлекают внимание тем, что в башкирских этногенетических преданиях волк (иногда собака), как и в огузо-туркменском фольклоре, выступает в роли путевода и покровителя древних башкир. В целом предания юго-восточных башкир о волке как тотеме-путеводителе и покровителе наиболее близки к аналогичным сюжетам в огузской мифологии.

До недавнего времени у алтайских тюрков, якутов, бурят а также у туркмен, узбеков, казахов, татар и других народов сохранялись многочисленные поверья и приметы, связанные с волком (Толстов, 1935, стр. 12–15; Потапов, 1958, стр. 136–140; Потанин, 1916, стр. 171, 172; Насыров, 1880, стр. 266; Карпов, 1929а, стр. 56). Характерной чертой «культы волка» у тюркских народов являются представления, рисующие волка как защитника от всяких несчастий (болезней, сглаза и т. д.) и покровителя рода. Волк оберегал благополучие и само существование рода, а позднее — выступал «тотемом-покровителем» отдельной семьи.

В этнографических материалах по юго-восточным башкирам роль волка как тотема-покровителя выступает весьма явственно. Еще в начале XX в. сохранялся обычай закапывать под порог строящегося дома волчий череп или же волчью шкуру. Делалось это, по словам информаторов, чтобы оградить род, семью от злых сил, чтобы «род и семья благоденствовали и размножались»²³. Широко был распространен обычай ношения амулетов из волчьих зубов или клыков. Амулеты вешали в виде ожерелья на шею детей, привязывали к колыбели или нашивали на детскую одежду от «сглаза». «От исцеления болезни, — писал в XVIII в. В. Н. Татищеву капитан Г. И. Стрижевский, — башкиры привязывали на шею или к рукам, или к ногам волчьи зубы» (1909, стр. 173). Еще несколько десятилетий назад юго-восточные башкиры лечили туберкулез волчьей желчью, а многие другие болезни — отваром волчьего мяса или волчьих когтей²⁴. Почитание волка как тотема-покровителя

²² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 6, стр. 242; Полевые записи 1953 г., стр. 186, 260–261.

²³ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, д. 5, стр. 254.

²⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 47, д. 1–2, стр. 121–122.

нашло отражение в этнонимии (род волка в составе усерганов, подразделения волк — в составе многих племен), топонимии (на усерганской территории четыре населенных пункта *Башбуре* или *Буребаш* — Волчья голова), ономастике (мужское имя *Буребай*).

Юго-восточные башкиры более отчетливо, чем другие народы, сохранили пережитки древних тотемистических представлений о происхождении тюрков от волка. Это хорошо иллюстрируется народной этимологией этнонима *башкорт*. Усерганы и тангауры связывают происхождение этнонима с упомянутым преданием о переселении предков под предводительством волка с Сырдарьи на новую родину. В соответствии с преданием этноним расчленяется на слова *баш* 'голова' и *корт* или *горт* — на юго-западных (огузских) языках 'волк' (в смысле: *башы корт* 'во главе с волком' или 'волчья голова')²⁵.

Итак, историко-этнографические материалы свидетельствуют о центральноазиатских истоках этнической истории племен усерган, тангаур и бурзян. Этногенетические сказания этих племен возводят древнейших предков к легендарной эпохе, когда на знамени «древнего тюрка» Ашина в Центральной Азии красовалось изображение головы волка. Захваченные волной кочевников, хлынувших в первой половине и в середине I тыс. н. э. на просторы Западной Сибири и Средней Азии, предки башкир перекочевали и в течение нескольких столетий пребывали на обширной территории, включающей течение Сырдарьи, прилегающие с севера и юга степи, а позднее — обширные районы Приаралья.

Баджгарды и бурджаны в Азии

Пребывание в I тыс. н. э. предков юго-восточных башкирских племен в Средней Азии, а точнее в присырдарьинских областях и в Приаралье, имеет принципиальное значение для понимания этногенеза башкир. Поэтому важно сопоставить этнографический материал с другими источниками.

Предки усерган, тангаур, а также некоторых других башкирских племен в эпоху раннего средневековья в арабо-персидских источниках

²⁵ Характерное предание этого цикла: «Усерганы в древности жили в теплых краях: во время перекочевок им встретился волк. Гонят волка, но он не уходит. Если люди останавливались, волк тоже; когда люди шли дальше, волк — с ними. Так шли и шли, но однажды заблудились в песках пустыни. Тогда волк своим воем дал знать людям, куда идти. Идя вслед за волком, усерганы нашли дорогу. Волк стал этим людям главой (*баш* — предводителем). Этого волка они называли *башбуре*. В те времена усерганы волка называли словом *корт*. Поэтому и волка стали называть *башкорт*. Постепенно и самих усерганов стали называть *башкорт ами*» (Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 6, стр. 242).

были известны под общим названием баджгард, баджгурд, басджирт или башхарт. Бурзьяне под своим собственным именем (араб, бурджан, борджана) с конца I тыс. н. э. до XIV в. постоянно упоминаются на территории от Прикаспия до Византии. Сведения о баджгардах и бурджанах имеются у Ал-Бируни, Ал-Масуди, Гардизи, Ал-Идриси и в сочинениях других восточных писателей.

По Ал-Бируни, «область, занимаемая седьмым климатом» и населенная «различными разрядами тюрок... проходит через горы Башхарт, через пределы печенегов, города Сувар и Булгар..» (Заходер, 1962, стр. 95). Сообщение Ал-Бируни, которое опирается на более раннюю традицию (Ибн-Хордадбех, IX в.), повторяется во многих арабо-персидских источниках. Почти без изменений оно было заимствовано космографом-компилятором XIII в. Ал-Казвини, из сочинения которого это сообщение перешло в труды восточных авторов XIV–XV вв. Так, в первой половине XV в. Абд ар-Рашид ал-Бакуви писал, что седьмой климат «проходит по горам Башкырт, к пределам ал-Баджанак, городам Сувар и Булгар и кончается у моря ал-Мухит» (Ал-Бакуви, 1971, стр. 111). В исторических исследованиях «горы Башхарт» издавна идентифицируются с Уральскими горами, однако опирается этот тезис единственно на факт современного расселения башкир в области Южного Урала. Автор, у которого Ал-Бируни заимствовал цитированное сообщение, имел в виду, очевидно, иную ситуацию, отражающую историко-этнографическую карту VIII–IX вв. или более раннего времени. Прочно утвердившийся в науке тезис о расселении печенегов во второй половине IX в. в междуречье Эмба — Яик — Волга едва ли может быть поколеблен (Kurat, 1937, стр. 28–30). В последние годы он нашел убедительное подтверждение в археологических исследованиях, в которых отмечается, что печенежско-торческие древности в Поволжье не распространялись севернее широты Жигулевских гор (Плетнева, 1958, стр. 154; Федоров-Давыдов, 1966, стр. 141). Следовательно, «пределы печенегов» не могли оказаться между Уральским хребтом и городами Сувар и Булгар. Согласно арабской географической традиции, седьмой климат «начинается на востоке, где леса и горы, в которых обитают некие [группы] людей из тюрок, похожие на дикарей» (Ал-Бакуви, 1971, стр. 111). «Горы Башхарт», которые Ал-Бируни и его компиляторы упоминаются до печенежских пределов, могли находиться где-то на востоке, скорее всего в восточном соседстве от печенегов, кочевавших на рубеже VIII–IX вв. по среднему течению Сырдарьи и в прилегающих к нему с севера и юга степях. Как убедимся ниже, аргументацию этого вывода имеется возможность расширить с привлечением других материалов.

В источниках есть и прямые указания, свидетельствующие о пребывании древних башкир на Сырдарье и в Приаралье. Ал-Масуди (X в.),

говоря о причинах движения тюркских кочевников с востока на запад, упоминает битву «четырех тюркских племен» «у моря Гурганча» (Аральского. — *Р. К.*) с гузами, карлуками и кыпчаками. Масуди приводит названия этих «тюркских племен»: баджанак, баджане, баджгард и наукерде (Гаркави, 1870, стр. 148). Эти же сведения Ал-Масуди повторяет в «Китаб ат-танбих ва-л-ишраф» со ссылкой на другое, не дошедшее до нас сочинение и с некоторыми новыми деталями: «...а мы упомянули в книге „Китаб фунун ал-ма’ариф ва маджера фи-д-дух-ур ас-савалиф“ причины переселения этих четырех тюркских племен с востока и то, что было между ними, гузами, карлуками и кимаками из войн и набегов на Джурджанийском озере» (МИТТ, 1939, стр. 166). Сомнения в достоверности сообщения Ал-Масуди, высказанные в свое время И. Марквартом и А. Ю. Якубовским, отпали после того, как была доказана возможность контакта в VIII–IX вв. на Сырдарье и в Приаралье огузов, карлуков и кимако-кыпчакских племен с печенегами (Кляшторный, 1964, стр. 177). Известно, что упомянутые Ал-Масуди племена (по крайней мере три из них: баджанак, баджане и баджгард) после поражения у «Джурджанийского озера» (Аральского моря. — *Р. К.*) переселились на Северный Кавказ, в среду хазар и алан (Kurat, 1937). Для нашей темы весьма важно установить время этих событий. Опираясь на общую хронологию печенежской истории в IX в., исследователи относят их к эпохе между серединой и концом IX в. (Агаджанов, 1969, стр. 129; Кумеков, 1972, стр. 58). Более раннюю и, вероятно, достоверную дату называет Н. Курат. Ссылаясь на неизвестное нам сообщение Ал-Балазури (IX в.), он пишет, что печенеги и союзные им племена потерпели поражение и покинули Приаральские степи во времена халифа Абдуллаха ибн-Гахира, т. е. в 830–844 гг. (Kurat, 1937).

После передвижения из Приаралья к западу башкиры упоминаются в сочинении Гардизи (XI в.). По его словам, «Башгирд был из высших чинов хазар. Он расположился между хазарами и кимаками с 2000 всадниками. Хазарский хахан послал к Башгирду человека с предложением вытеснить саклаба...» (Macartney, 1930, стр. 37). Но в XI в. башкиры жили к северу от кыпчаков и никак не могли оказаться «между хазарами и кимаками». Гардизи отражает ту эпоху в истории башкирских племен, когда они кочевали к востоку (или к северо-востоку) от хазар и к западу от кимаков, т. е. где-то в степях Прикаспия и Приаралья. Строго придерживаясь обычной для арабо-персидской литературы преемственности традиций, Гардизи включил в свое сочинение сведения о башкирах, заимствованные у предшественников, не считаясь с тем, что к XI в. этническая карта в этом районе мира существенно изменилась.

Из сообщений Ал-Бируни, Ал-Масуди и Гардизи можно представить постепенное смещение района кочевания башкирских племен с востока на запад. Районами наиболее длительного пребывания башкирских

племен были, вероятно, степи по среднему течению Сырдарьи, а позднее — степи Приаралья. Обратимся к источникам.

Интересующие нас сведения содержатся в сочинении Ал-Идриси (XII в.). «Ниже г. Хиама, — пишет он, — впадает в реку Руза большая река, текущая с севера от этой реки с больших гор, отделяющих страну гузов от страны басджиртов. Эти горы называются горы Мур-гар» (МИТТ, 1939, стр. 221). Приведенный отрывок заимствован у Ал-Джайхани (начало X в.), который сообщает, что р. Руза впадает в Хорезмское (Аральское) озеро²⁶. Цитированные сведения Ал-Идриси и Ал-Джайхани восходят к еще более старым сочинениям, возможно к Ибн-Хордадбеку (IX в.), или даже к его предшественникам, так как огузы представлены живущими к северу от Сырдарьи, т. е. в ранний период их продвижения в Среднюю Азию. Следовательно, башкиры, страна которых находилась в соседстве со «страной гузов», обитали, по крайней мере в VII–VIII вв. где-то в районах к северу или, точнее, северо-востоку от среднего течения Сырдарьи.

Восточные источники содержат сведения, которые, кажется, позволяют более точно определить время и территорию пребывания предков башкир в Азии в самый канун их передвижения в Восточную Европу. Таково описание путешествия Саллама ат-Тарджумана, организованного халифом Ал-Васиком в 842 г. Сведения о путешествии в изложении самого Саллама сохранились в сочинении Ибн-Хордадбека, у которого они заимствованы Ал-Идриси. Русский перевод доклада Саллама халифу в извлечениях из Ал-Идриси опубликовал Н. П. Пантусов (1909). Из столицы Хазарии Итиля посланцы халифа двинулись в сопровождении пяти проводников, которые, по словам Саллама, «довели нас через 27 дней до пределов страны башкир» (Пантусов, 1909, стр. 96). Большинство исследователей, изучавших доклад Саллама халифу Ал-Васику, утверждают, что из Хазарии Саллам и его спутники направились на восток. И. Ю. Крачковский вслед за Де-Гуе считает вероятной целью путешествия Великую Китайскую стену (Крачковский, 1957, стр. 140). Н. П. Пантусов доказывает, что, судя по описанию Салламом увиденных им стран и народов, он побывал где-то в районе Алтая, в верховьях Иртыша. «Азиатский» маршрут Саллама является верным еще и потому, что обратно в халифат он вернулся через 28 месяцев (в 844 г.), через Хорасан, побывав в городах «Барсхан, Тараз (Талас) и Самарканд» после того, как «предпринял путешествие через Кавказ и землю Хазар на Восток» (Kurāt, 1937).

Исходя из маршрута, можно определить район, где Саллам вступил со своим отрядом в «страну башкир». Если в среднем считать дневной

²⁶ Река Руза отождествляется с рекой Чу, которая, однако, впадала не в Аральское море, а в Сырдарью в ее нижнем течении (Агаджанов, 1969, стр. 65–66).

переход равным 30 км, то за 27 дней отряд Саллама мог продвинуться из столицы Хазарии на восток примерно на 800 км, т. е. достичь района северо-западного Приаралья. Следовательно в 842–844 гг. башкирские племена кочевали намного западнее прежних земель, в степях между Аралом и Каспием, на восточных окраинах возвышающегося Хазарского каганата.

Таким образом, вся совокупность источников, историко-этнографических и письменных, свидетельствует, что тюркские племена под общим названием «баджгард» обитали на широком пространстве при-сырдарьинских степей, постепенно продвигаясь к западу. Основным районом расселения башкирских и бурджанских племен непосредственно перед их массовым продвижением на запад было Приаралье, где они входили в состав печенежского объединения, или, будучи этнически близки к печенегам, находились с ними в союзных отношениях.

Башкиры (или племена их составившие) на земли Сырдарьи и Приаралья пришли с востока, с верховьев Иртыша, с Алтая, из Южной Сибири или частью из Центральной Азии. В. И. Филоненко еще в 1915 г. обратил внимание на то, что два притока верхнего Иртыша носят названия Большая и Малая Башкурка (*Оло Башкорп*, *Кесе Башкорп*). Он связывал этот факт с преданиями о приходе башкир из Сибири (Филоненко, 1915, стр. 3). Имеется ли возможность подтвердить этот тезис на основе письменных источников?

Ценный материал в этом плане дает анализ карты М. Кашгари. И. Умняков, посвятивший карте специальное исследование (1940), пришел к выводу, что ее автором был не М. Кашгари, а другое лицо, которое находилось под влиянием более ранних географов. Сомнения, что авторство карты принадлежит самому Кашгари, высказывал и И. Ю. Крачковский (1957, стр. 268). Карта Кашгари, по заключению И. Умнякова, отражает расселение племен и народов не в XI в., а предшествующей эпохи. На карте вблизи Волги (Итиль), где показаны булгары, сувары и другие племена, башкиры не обозначены. Они расселены значительно восточнее, в междуречье верховьев Иртыша и р. Или. По обоим берегам р. Или указаны племена йагма, тухси, часть джикилей и в непосредственной близости от них «степи башкир» (Умняков, 1940, стр. 108, 115, 118; МК, 1960, стр. 64, см. карту). Другие исследователи, которые позже И. Умнякова анализировали карты М. Кашгари, пришли к близким выводам. Узбекский ученый Х. Хасанов установил, что карта М. Кашгари синтезирует этнические и географические сообщения Ал-Бируни, анонимного Худуд ал-алам'а (X в.) и, вероятно, более ранние источники. На реконструированной им «карте племен» «степи башкир» размещены в междуречье верховьев Иртыша и Ишима (Хасанов, 1963, стр. 69). Еще более определенную интерпретацию карте дает А. Н. Курат, который пишет, что верховья Иртыша носили

название «емек'ские степи», а земли к западу от них — «башкурт'ские земли» (Kurat, 1937).

Этнографические материалы также подтверждают вывод о восточных, тюрко-монгольских корнях рассматриваемой части башкирского этноса. Тангаурские башкиры генеалогию своих предков возводят к Кюль-Тегину (умер в 732 г.) — брату тюркского кагана Могеляна (Мерэсов, 1927, стр. 2). В устных повествованиях юго-восточные башкиры своей древней родиной обычно называют Алтай («*беззең боронго илебез Алтай таулары*») ²⁷ или долину р. Иртыш. В старинном предании, опубликованном в начале XX в., говорится, что древние башкиры долгое время кочевали между Иртышом и Аральским морем, в соседстве с печенегами и кимаками (Фэхретдинов, 1909, стр. 617). Поражают сходством некоторые мотивы и бытовые сцены из башкирского эпоса «Бабсак и Кусяк» и якутского героического сказания «Олэнгир» (Харисов, 1954, стр. 100; Олэнгир, стр. 161).

Восточные (алтайско-южносибирские) этнические корни юго-восточных башкир иллюстрируются также сравнительно-историческим анализом материальной культуры башкир (Руденко, 1955) и, особенно, орнаментики башкирского народного искусства. Наиболее древний орнаментальный комплекс в народном искусстве башкир включает простейшие геометрические фигуры, представленные в резьбе по дереву и коже, росписи, отчасти — в вышивке и аппликации. Узоры этого комплекса, распространенные в восточной Башкирии, главным образом в юго-восточной ее части, находят точные аналогии в орнаментике тюрко-монгольских народов Южной Сибири. Особенно четко просматриваются параллели в резьбе по дереву. Украшенная резьбой долбленая посуда башкир и алтайцев (башк. *күнәк*, алт. *кóбнóк*) порой настолько сходна, что принадлежность их тому или иному народу определить невозможно. Стилизованные изображения птиц с раскнутыми крыльями на башкирских кадках, орнаментация, напоминающая внешнюю сторону шаманского бубна, восходят к древнетюркским узорам, которые еще недавно были характерны для алтайцев и хакасов (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 151–153, 236–237, 241; Иванов, 1954, стр. 606–608).

Племена тангаур, бурзян и усерган до переселения в Восточную Европу

Т а н г а у р. Этноним тангаур сопоставляется с названием монгольского рода *тангаур* из местности «Корцинъ и Моо Гя Тунь» (Лебедева, 1958, стр. 211). В формах *тангур*, *тангор* оно известно и у башкир; так

²⁷ Полевые записи 1958 г., стр. 138.

называются несколько родовых подразделений тангауров и других юго-восточных племен. Генеалогии тангауров восходят к Дингауру — сыну Кунграт-бия (Назаров, 1890, стр. 169). В преданиях рассказывается об их предках на Алтае, об уходе с Алтая под предводительством волка или родовых вождей Иртыша и Ныртыша, о монгольских предках, в том числе, как обычно, о Чингизхане²⁸. Совокупность этих фактов позволяет происхождение этнической основы племени тангаур связать с кунгратами (конграт, конгират) — древним монгольским племенем, которое впоследствии (в XIII–XV вв.), подвергнувшись тюркизации, приняло участие в формировании этнического состава многих народов Средней Азии и Казахстана, прежде всего узбеков (Владимирцев, 1934; Задыхина, 1952). Монгольское происхождение подтверждается и морфологической структурой этнонима *тангаур*; окончание *-р*, редкое в тюркских родоплеменных названиях, характерно для группы монгольских родовых этнонимов: татар, гунгир, чжамур, дунгор, тангур (или тангор) и др. Конечное *-р* с позиций тунгусо-маньчжурских языков является формантом множественности (Лебедева, 1958, стр. 225). Тангауры, однако, рано оторвались от монгольских племен на востоке; их тюркизация, очевидно, произошла еще в недрах Тюркского каганата, а позже завершилась в древнепеченежской среде. История тангауров является одним из примеров раннего (задолго до XIII в.) проникновения монгольских этнических образований на Сырдарью и в Приаралье и участия их в составе тюркских племен в этногенезе племен и народов обширной территории от верховьев Иртыша до Волги.

Б у р з я н . В составе тюрко-монгольских народов Алтая и Южной Сибири родоплеменных названий, которые можно было бы сопоставить с этнонимом бурзян, обнаружить не удалось. Судя по имеющимся источникам, формирование этнокультурного облика древних бурзян, а также их этнонима шло после ухода их предков из алтайско-минусинского региона на запад.

В литературе становится традицией идентификация бурзян с *бурджан* 'ами арабо-персидских источников (Рамзи, 1907, стр. 242). Эти сопоставления представляются обоснованными, хотя в истории бурджан много неясного. Большинство востоковедов под бурджанами имеет в виду дунайских болгар. К этому также есть основания: Ал-Бакри, Абу-л-Фида, Якут сообщают о бурджанах как о «соседях румийцев» (Куник и Розен, 1878, стр. 64; Гаркави, 1870, стр. 15). Но соседство бурджан с Византией и этническое отождествление бурджан с дунайскими болгарами является, как прослеживается по источникам, результатом исторического развития. Бурджаны были тюрками, и их происхождение связано со Средней Азией и более восточными областями.

²⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 118–124, 252.

Предположение о тюркском происхождении бурзян впервые было высказано Н. А. Аристовым (1896, стр. 132), который опирался при этом на анализ этнонима и исторические предания. В настоящее время появилась возможность привлечь к доказательству нарративные источники. В VI в. н. э. бурджаны, согласно Ибн-ал-Асиру (XII в.), участвовали в районе современной Хивы в борьбе против Ануширвана (Рамзи, 1907, стр. 241). Имеются в виду, очевидно, события 60-х годов VI в., когда государство эфталитов было разгромлено алтайскими тюрками, включившими в созданный ими Тюркский каганат земли Приаралья до Амударьи (см. Гафуров, 1972, стр. 216). Тюркские кочевники, сначала пользовавшиеся поддержкой Сасанидского Ирана в борьбе против эфталитов, вскоре убедились во враждебности к ним Хосрове I Ануширвана и его преемников, которые к тому же не разрешили транзитный провоз шелка из Средней Азии на Ближний Восток. Тогда тюрки заключили союз с извечным врагом Ирана Византией. В конце VI в. (588 г.) бурджаны участвовали в крупном нашествии тюрков на иранские владения, о чем упоминает Ибн-ал-Асир²⁹. Бурджаны могли участвовать в борьбе каганата против Сасанидского Ирана только в том случае, если они (или племена, составившие основу этих образований) издавна обитали на Сырдарье или продвинулись сюда в середине VI в. в составе тюркской кочевой экспансии. Последнее является весьма вероятным, так как бурджаны активно участвовали в политической жизни каганата; в последующие столетия они довольно тесно были связаны с Византией, с которой тюркские каганы, как отмечено, впервые вступили в договорные отношения в конце VI в.

Бурджаны в VII в. еще оставались в Средней Азии. Известно, что после распада Тюркского каганата на бывших его территориях оседают значительные группы тюркского населения, и «тюркский элемент прочно входит в состав среднеазиатского общества VII–VIII вв.» (Гафуров, 1972, стр. 223). В числе других племен воинственные бурджаны и баджгарды в конце VI и в VII в. уходили далеко на юг, достигая долины Мургаба и подножий Хорасанского хребта. В «Китаб-ал-ансаб» Ас-’Сам’ани пишет, что одно из селений Мерва в 3 фарсах от него называлось *Бурсанджурд* (МИТТ, 1939, стр. 327). Проникновение тюрков на юг было связано не только с военными походами. В значительной степени этому способствовали кризис и распри в Тюркском каганате. Особенно массовым был приток с конца VI в. тюрков-переселенцев в плодородный Бухарский оазис (Толстов, 1948, стр. 248–249).

²⁹ Имеются основания полагать, что в этом походе участвовали и племена, которые на Сырдарье были известны под общим названием «баджгард». В долине Атрека за Хорасанскими горами есть городок Баджжурд (Бажжёрт), напоминающий интересующий нас этноним.

В составе тюркского населения Бухарского оазиса в течение какого-то времени пребывали, очевидно, предки бурзян и башкирских племен. Именно в этом мы видим объяснение частым упоминаниям в исторических преданиях и шежере «Бухары», «окрестностей Бухары» или «Башкурт'ских гор близ Бухары», откуда предки юго-восточных башкир «под водительством волка» переселились на новую родину. Однако эти сведения не только предание: «Башкуртские горы» расположены к юго-востоку от Бухарского оазиса на западных отрогах Памира, а местность Вашгирд — несколько северо-восточнее от них, в Вахшской долине (Гафуров, 1972, стр. 216, 328).

В 40-х годах IX в. главный поток бурджан устремляется в Прикаспий и далее на запад, где начинается новый, европейский этап их истории. В Средней Азии с этого момента этноним бурджан ни в одном источнике не упоминается. Означает ли исчезновение родоплеменного этнонима бурджан к востоку от р. Урал, что бурджанские племена целиком и бесследно покинули свою азиатскую родину? Ответ на этот вопрос затрагивает этническую историю не только башкир: бурджаны в Средней Азии и Приаралье были не одним из многих племен, а крупным племенным объединением, сыгравшим определенную роль в этническом становлении целого ряда народов Азии и Европы. Абу-л-Фида сообщает об «ал-бурджанах»: «это большой народ, более того, несколько народов, непокорных [воинственных]» (Рамзи, 1907, стр. 241). Известно, что приаральские печенеги и союзные им племена вели комплексное скотоводческо-земледельческо-рыболовческое хозяйство (Толстов, 1947). Часть печенегов и соответственно бурджан, успевших стать полуоседлыми жителями Приаралья, осталась на прежних местах жительства, ассимилировавшись позднее в среде огузо-кыпчакских племен. Историко-этнографические материалы по башкирским бурзянам позволяют обнаружить далеких предков бурджан к востоку от Урала.

Древними родами в составе племени бурзян были *мунаш* и *ягалбай* (*ягылбай* — дербник). Последний этноним отложился у башкир в названии основной бурзянской тамги, форма которой, как рассказывают старики, напоминает стремительный полет дербника. Киргизская родоплеменная этнонимия сохранила оба названия, причем в близком к башкирским бурзянам сочетании: род *жагалмай* входит в подразделение *мунгуш* (Абрамзон, 1971, стр. 284). Этноним *монуш* зафиксирован в составе тувинцев (Вайнштейн, 1969, стр. 12–13), *жагалтай* — каракалпаков (Жданко, 1950, стр. 36), *жагалбайлы* — казахов (Востров, 1962, стр. 80). Добавим к этому точное совпадение тамг и сходное их развитие у башкирских бурзян (рода мунаш), казахского рода жагалбай и киргизского жагалмай: > → + — . С. М. Абрамзон со слов

информаторов передает, что эта тамга является у киргизов «древней» и «во многих вариантах представляет собой изображение летящей птицы» (Абрамзон, 1971, стр. 285). Указанным тамгам нетрудно найти аналогии среди тамговых знаков, извлеченных из китайского сочинения VIII–X вв. «Танхуйяо»: они принадлежали древнетюркским племенам чиг, упомянутым в орхонских памятниках, и енисейским кыргызам (Зуев, 1960, стр. 103, 113, 132). Широкая распространенность тамги типа ягалбай среди тюркских народов, а также другие приведенные выше факты являются дополнительной аргументацией древнетюркского и центральноазиатского происхождения основных ее носителей, в частности башкирских бурзян.

Центром, откуда этноним ягалбай (жагалбай, жагалмай, жагалтай) распространился и попал в среду башкир, казахов, киргизов, каракалпачков, были, очевидно, приаральские степи. Об этом свидетельствуют не только события из истории бурджанов, но и предания казахских жагалбайлинцев о том, что их род «некогда жил где-то на юге Аральского моря». Сообщивший это предание исследователь этнографии казахов В. В. Востров находится, на наш взгляд, на пути правильной и крупной догадки, когда пишет, что некогда могущественные «жагалбайлы» «подверглись когда-то разгрому и были рассеяны на огромной площади» (Востров, 1962, стр. 76). Дело лишь в том, что предки «жагалбайлинцев» назывались бурджанами.

Этимология этнонима бурджан неясна. Само написание слова бурджан арабскими источниками заимствовано из иранской литературной традиции (Заходер, 1962, стр. 37–39), следовательно, этноним в живой речи мог звучать несколько иначе. Немногие языковеды, пытающиеся этимологизировать этноним (Гордеев, 1969а), считают возможным сделать это с позиций тюркского и иранского языков. Например: тюрк. *джан*, *йан*; чув. *сьын*; монг. *джан* — ‘человек’, ‘народ’, ‘племя’; семантика основного корня (*бур*) остается неясной, но предполагается его иранское или сармато-аланское происхождение. Однако весьма вероятным является иранское происхождение как раз окончания: *ан* — суффикс имени прилагательного в иранском языке нередко выступает в этнонимах (ср.: *алан* и башк. *тамйан*, *дуван*, *уран*, *усерган*, *бурджан*). Высказывая такое предположение, надо учитывать исторические обстоятельства пребывания тюрков в VI–VIII вв. в Средней Азии. Разгром и покорение эфталитов, язык которых «несомненно был восточно-иранским» (Гафуров, 1972, стр. 208), проникновение во внутренние области Средней Азии с ее ираноязычным населением не прошли бесследно и для завоевателей. Не исключена также возможность взаимодействия и смешения с сармато-аланскими племенами, границы расселения которых археологическими исследованиями последних лет отодвигаются все дальше на юго-восток в приаральские степи. Неко-

торые косвенные следы этих контактов обнаруживаются в материалах о башкирах. Известно, что тюрки называли эфталитов *абдел*'ами (Артамонов, 1962, стр. 105). Названия башкирских родовых подразделений *абдел*, *антал*, возможно, не являются простыми созвучиями с древним этнонимом. Некоторый интерес представляет также старое башкирское предание в передаче М. Уметбаева, в котором нашли, видимо, отражение события эпохи арабских завоеваний в Средней Азии (вторая половина VII–VIII в.). Завоеватели «от Хатая (?) шли к уйгурам, которые были сородичами башкир; от них направились в Туркестан, оттуда в Хаверстан (?), оттуда к *алан-бурджанам*» (Уметбаев, 1897, стр. 40; курсив наш. — Р. К.).

Итак, вся совокупность приведенных материалов позволяет утверждать, что бурджаны были тюркскими по происхождению племенами, родственными печенегам, испытывшими определенную инкорпорацию в свой состав, а также этнокультурное влияние ираноязычного компонента в одной из основных зон формирования южносибирского антропологического типа.

Усерган. Усерганские названия родов имеют параллели в этнонимии каракалпаков, узбеков и киргизов. Подразделение чураш зеравшанских кыпчаков (Гребенкин, 1872, стр. 108) соответствует усерганскому роду сураш; киргизские родоплеменные этнонимы бешей и кара-бешей (Абрамзон, 1960, стр. 47, 77) — названию усерганского рода бишей. Для установления этнических связей башкир с Приаральем важно провести сопоставительный анализ этнической характеристики племени усерган с каракалпакским племенем муйтен (ДАХХ, стр. 100, 218). Родоначальником усерганов и всех башкир (*башкорт халкы бабасы*), согласно шежере, считается Муйтен-би (БШ, стр. 84). В старинной «Песне о Муйтен-бие» усерганы называются «детьми Муйтена» или «муйтенами»:

Все башкиры подчинились муйтенам,
Усерганы стали многочисленными,
Би бурзян, кыпчаков покорились им.
Стотамговые башкиры переселились на Урал ³⁰.

Этноним муйтен зафиксирован в родоплеменной номенклатуре только башкир, каракалпаков и узбеков, причем узбекские муйтены переселились из Каракалпакии. Совпадения этнонимов, а также усерганские предания о переселении предков из Приаралья и долины Сырдарьи позволили еще в 1950-х годах высказать мысль об общности

³⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, д. 6, стр. 79 (подстрочный перевод).

древней этнической основы племен усерган и муйтен (Кузеев, 1956). В этнографической литературе о каракалпаках эта мысль была поддержана, и в научный оборот введен новый материал, позволяющий существенно расширить выводы (Жданко, 1962, 1971; Толстова, Утеми-сов, 1963, 1963а; Толстова, 1966, 1968, 1971).

В составе каракалпакских и зеравшанских муйтенов зафиксированы роды *байлар* и *бишул*; оба названия имются в родоплеменной этнонии башкир: *байлар* — племя в западной Башкирии, *бишул* — в центральной. Этнонимические аналогии подкрепляются соответствующими параллелями в топонимии районов расселения зеравшанских муйтенов, с одной стороны, и башкирских племен байлар (см. соответственно Бишбулак → Бишбулак) и бишул (Бишкент → Бишаул) — с другой. Параллели в этнонимии и топонимии оказались не случайными. Как показано в последующих главах, башкирские племена байлар и бишул родственны усерганам.

Дополнительным аргументом, свидетельствующим об общности этнической истории усерганов и муйтенов, является единая основа их тамг. Тамга каракалпакских муйтенов — острога «шанышкы» (Жданко, 1950, стр. 53) — представляет собой сравнительно позднюю модификацию древней тюркской тамги, сохранившейся у башкир. Развитие тамг могло идти следующим образом:

в кочевников-усерганов	× × × ×
у кочевников-усерганов	× × × × ...
у рыболовов-муйтенов	× × + Ψ ...

их каракалпакских пле-

мен. Этнические корни племени, как считают исследователи истории муйтенов, восходят к массагетам; позднее муйтены испытали воздействие эфталитов и особенно тюркских кочевников каганата. С древним этапом этнической истории племени связано и происхождение этнонима, который, по мнению Т. А. Жданко, поддается объяснению с позиции иранских языков (ср. муйт-ан, усерг-ан, бурдж-ан...).

Этническая история муйтен-усерганов в конце I тыс. н. э. была связана с волжскими булгарами. Участие булгар в этническом оформлении башкир-усерган, правда в весьма общем виде, было отмечено еще П. С. Назаровым (1890). Материалы о былых связях среднеазиатских муйтенов с волжскими булгарами и башкирами (предания о расселении на Волге, каракалпакско-булгарско-башкирские фольклорные параллели и т. д.) опубликованы Т. А. Жданко (1950, стр. 55) и Л. С. Толстой (1966, стр. 63). Однако характер и масштабы этих связей остаются во многом неясными. Л. С. Толстова считает, что они являются результатом этнического сложения муйтенов в I тыс. н. э. в степях Причер-

номорья, Северного Кавказа, Нижнего и Среднего Поволжья в среде последовательно сарматов, аваров, хазар, булгар и башкир с последующей их миграцией в золотоордынскую эпоху в Приаралье (Толстова, 1966а, стр. 65). В этом случае следы болгарского этнического воздействия на каракалпакских муйтенов привнесены с запада и восходят к сравнительно позднему времени. Такие связи действительно имели место. Этнические контакты населения Южного Урала и Приуралья с Приаральем с конца I до середины II тыс. н. э. не вызывают сомнения. В эту эпоху происходили активные урало-аральские передвижения родоплеменных групп в обоих направлениях. Некоторые этнонимические параллели у башкир и каракалпакско-узбекских муйтенов (бишул, байлар, сураш) могут быть объяснены этими передвижениями. Однако описываемые события этнической истории в Поволжье и Приуралье на рубеже I и II тыс. н. э. не могут пролить свет на происхождение башкиро-булгарских и каракалпакско-булгарских этнических связей. Древние этапы усергано-муйтенских этнических контактов с булгарами связаны, вероятно, с периодом тюркизации их ираноязычных предков в Средней Азии. Рассматривать эти события необходимо в тесной связи с общим контекстом исторических событий в Средней Азии, Приаралье и в южнорусских степях, где в определенный момент ведущую роль начали играть тюркские образования.

Предки юго-восточных башкир в Восточной Европе

Чтобы представить последующую этническую историю предков юго-восточных башкир, необходимо установить историческое соотношение этнонимов *бурджан* и *болгар*, которые в научной литературе обычно идентифицируются.

Этноним *бурджан* в переводах с арабско-персидских текстов IX–XIV вв. почти не варьируется: бурджан (Ал-Джарми, Худуд-ал-Алам, Ал-Масуди, Ибн-ал-Асир, Якут), ал-бурджан (Ал-Казвини, Абу-л-Фида), борджан (Ал-Бакри), бурджана (Ал-Фазари). Лишь Ал-Масуди дает еще форму написания этнонима: баджны (или баджане). Предположение о том, что Ал-Масуди под этим этнонимом имел в виду собственно печенегов, исключается, так как наряду с баджны он перечисляет народ баджанак. А. Я. Гаркави, комментируя Ал-Масуди, замечает, что этноним баджане (баджны) встречается у Ал-Казвини (XIII в.) и может означать название одного из кыпчакских племен. Однако это сомнительно: напротив, согласно Ал-Масуди, баджане участвовали в борьбе против гузов, карлуков и кимаков, т. е. тех же кыпчаков или их ветвей. Впрочем, сам А. Я. Гаркави скептически относился к собственным сопоставлениям и не исключал возможности и вероятности идентификации этнонимов баджане (баджны) и бурджан (Гаркави, 1870,

стр. 127, 148). На то, что баджанак и баджане различные племена, ясно указывает Ал-Вакуви (XV в.), сообщения которого заимствованы у Ал-Казвини и его предшественников. Прочитируем Ал-Бакуви: «Страна баджанак — тюркский народ, живущий на севере шестого климата»; «Страна бадж[н]а... тюркский народ», живут они там, где «много винограда, инжира и черного кизила» (Ал-Бакуви, 1971, стр. 102–103). Очевидно, в сочинении Ал-Бакуви нашел отражение период пребывания бурджан в Средней Азии.

Доказательство идентичности этнонимов баджане и бурджан может опираться на тексты самого Ал-Масуди. Выше приводилось его сообщение о «четырех тюркских племенах с востока», у Аральского моря: баджанак, баджане, баджгард, и наукерде³¹. А вот как говорит Ал-Масуди о пребывании трех из этих четырех племен в южнорусских степях: «Должно быть, по мнению тех астрономов, которые составили астрономические таблицы, и других древних [мудрецов], что море Бургара, Руса, Баджны, Баджнака и Баджгурда — они же суть три рода из турка — есть море Нейтас» (Гаркави, 1870, стр. 127). Ал-Масуди «три рода из турка» упоминает у Черного моря («море Нейтас») в том же сочетании, что и у Аральского, исключая отсутствующее в Причерноморье племя наукерде, очевидно, оседлых жителей новых селений, оставшихся на азиатской родине. Соотносимость разных сообщений Ал-Масуди о пребывании одних и тех же племен у Аральского и позднее Черного морей вместе с представленным выше очерком истории бурджан в Средней Азии, кажется, доказывают, что *баджане* (*баджан*, *баджны*) те же *бурджана* (*бурджан*) восточных источников. Следовательно, бурджаны и баджгарды после передвижения на запад расселились вместе с печенегами в степях Приазовья и Причерноморья.

Несколько сложнее выглядит вопрос об идентификации этнонимов бурджан и болгар. Арабские источники обычно помещают бурджан рядом с границей Рум'а (Византии) или же упоминают о бурджанах в связи с борьбой последних с византийцами. Это послужило основным аргументом для отождествления бурджан с дунайскими болгарами (Бартольд, 1924; стр. 28; Крачковский, 1957, стр. 132; Ковалевский, 1954, стр. 34; Dunlop, 1954, стр. 12 и др.). Однако историко-этнографическая характеристика бурджан восточными писателями мало дает

³¹ В. Ф. Минорский наукерде читает как наугарда и отождествляет с новгородцами (1963, стр. 151, 209). Более убедительна, однако, интерпретация С. П. Толстова: *нау* — иранское 'новый', *kerd* — одна из древних индоевропейских основ для обозначения понятия 'город', 'селение'. Т. А. Жданко древнюю форму *kerd* заменяет иранским синонимом *kent* (Толстов, 1948, стр. 247; Жданко, 1950, стр. 103). В такой интерпретации *наукерде* может означать жителей новых городов (селений).

оснований для такого отождествления. Бурджаны, если суммировать описания Ал-Масуди, Ал-Бакри, Ал-Казвини, Ал-Фазари (XIII в.), — язычники и «придерживаются веры магов»; страна их обширна; кони их, которых они выращивают для войны, свободно пасутся на лугах и на военных лошадях под страхом смерти в мирное время никто не может ездить; «если у бурджан умирает кто-нибудь, то они собирают всех его слуг и свиту, говорят им известные мудрые изречения, сжигают их за тем мертвецом» (Ал-Масуди). Бурджаны не имеют монет, все покупки и свадьбы они оплачивают коровами и овцами; страна бурджан на север углубилась настолько, что ночь у них сокращается до 4 часов; они постоянно воюют с рум'ами, славянами, хазарами и тюрками (Гаркави, 1870, стр. 9, 11, 126; Куник и Розен, 1878, стр. 64; Рамзи, 1907, стр. 242). Это описание, как видим, не только не соответствует, но во многом противоречит этнической и политической характеристике болгар и Болгарского царства в VIII–X вв. (см.: ВСИ, III, 1957, стр. 223–231). Это заметил и А. Я. Гаркави, который, отмечая путаницу в источниках, писал: «Неверно, что они (бурджаны. — *Р. К.*) язычники, так как именно в это время среди дунайских болгар процветала богословская литература»³²; непонятным считал Гаркави сведения о борьбе бурджан (дунайских болгар!?) — *Р. К.*) с хазарами (Гаркави, 1870, стр. 125). Невозможно также с этих позиций объяснить кочевническое хозяйство бурджан (дунайских болгар?) в IX–X вв. и тем более сведения о расположении их земель в северных странах. Трудно представить, что для арабской географической науки Причерноморье и границы Рум'а представлялись далеким севером. Между тем эти сведения позднее повторил и конкретизировал Абу-л-Фида, который писал о бурджанах: «Их страна расположена на крайнем севере, и обстоятельства их нам неизвестны из-за дальности расстояния и злобности их нравов» (Рамзи, 1907, стр. 241). Не менее затруднительным применительно к дунайским болгарам является объяснение обычая сжигать знатных покойников и его свиту. Известно, что своих покойников сжигали алтайские тюрки. Появление в степях к западу от Волги погребений с трупосожжением, которое фиксируется только в послегуннское время, связывается с пришлым тюркским элементом (Артамонов, 1962, стр. 101). Сомнительным является распространение этого обычая даже среди приазовских болгар, которые в погребальных обрядах (трупоположение в подбойных могилах) продолжали сарматскую традицию (Смирнов, 1951, стр. 183).

Противоречия и путаница в сведениях о бурджанах объясняются тем, что бурджаны и болгары были разными, хотя и родственными

³² Ал-Масуди между тем ясно указывает что бурджаны «не имеют священной книги» (Гаркави, 1870, стр. 126).

этническими образованиями. Восточные писатели, заимствуя согласно традиции передаваемые ими сведения у своих предшественников, дополняли их новыми фактами, нисколько, однако, не заботясь о хронологии. Вот почему в характеристике бурджан авторами X–XIV вв. фиксируются черты, свойственные различным стадиям их истории. Арабы, сообщения которых восходят к более раннему периоду, неизменно различают болгар и бурджан; обычно они упоминаются как отдельные народы в числе других племенных конфедераций, занимавших пространства от Северного Кавказа до границ Византии. Историк Хишам ибн-ал-Калби (VIII — начало IX в.), известный благодаря Якуту, перечисляет следующие народы «из числа сыновей Яфета»: «Юнан, Саклаб, Абдар (т. е. болгары по Ф. Ф. Шармуа и А. Я. Гаркави. — *Р. К.*), Бурджан, Бурджас и Фарс» (Гаркави, 1870, стр. 15). Ко времени не позднее 845 г. относится сообщение Ал-Джарми. Описывая Византию и византийцев, он упомянул также «тех, кто с ними соседит из государств бурджан, аваров, болгар, славян, хазар и других» (Крачковский, 1957, стр. 131). Ал-Джарми, как видим, не только различает бурджан и болгар, но не помещает их «государства» даже рядом. Особенно ярко различаются бурджаны и болгары в сочинении Ал-Масуди. Вероятно, вслед за Ал-Калби, но уточняя и дополняя его, Ал-Масуди перечисляет народы — потомков библейского Яфета: «Ашбань, Рус, Бурджан, Хозрадж, Фарс, Модян, обитатели островов моря и Булгар» (Гаркави, 1870, стр. 125). Обращает внимание, насколько далеко друг от друга помещаются бурджаны и болгары: первые рядом с хазарами (хозрадж), вторые — близ обитателей «островов [Средиземного] моря». Когда бурджаны передвинулись на запад, к границам Византии, Ал-Масуди различает их от дунайских болгар с еще большей определенностью. Он пишет: «В 223 г. (837–838 гг. — *Р. К.*) выступил император Феофил, сын Михаила, с войском и с ним цари бурджан и албаргар» (Ковалевский, 1954, стр. 59).

Итак, ученые халифата под болгарами и бурджанами в начальные периоды их миграции к границам Византии имели в виду разные этнополитические образования. Это косвенно подтверждает сформулированный выше вывод о том, что бурджаны по происхождению ранние тюрки-мигранты, сложившиеся в районах Средней Азии в родственную группу племен на базе взаимодействия и смешения с местным ираноязычным населением. Зафиксированные источниками тесные связи бурджан с болгарами в Восточной Европе, пребывание бурджан в соседстве с болгарами в Причерноморье, а также данные этнографии подсказывают еще одно заключение: истоки этнических взаимосвязей болгар и бурджан восходят к доевропейскому этапу их истории. В момент миграции в Восточную Европу баджгарды и бурджаны в этническом отношении принадлежали к печенежскому миру, но их более древние

этноисторические связи с ушедшими на запад болгарами, вероятно, не были утрачены.

Попытаемся реконструировать основные этапы истории бурджан и баджгардов в Восточной Европе до их миграции на территорию Башкирии.

Наиболее сложным является вопрос о времени проникновения бурджан и баджгардов в северокавказские степи. Из арабских писателей, пожалуй, лишь Ал-Масуди указал конкретную дату присутствия бурджан у границ Византии. В 837–838 гг., как упомянуто, бурджаны и болгары участвовали в походе византийского императора Феофила. Однако известно, что печенеги в Европе появились не ранее конца IX в. Константин Багрянородный, писавший свои сочинения в 948–952 гг., говорит о появлении печенегов за пять десятилетий до этого. По мнению М. А. Артамонова, опирающегося на хронику Регино, печенеги к востоку от Днепра появились несколько раньше, в 889 г. (Артамонов, 1962, стр. 350–351). Чрезвычайно интересны в плане разработки новых представлений о времени миграции печенежских или союзных им племен из Азии в Европу сведения из «Алфавитного перечня стран» Якута. Он сообщает: «Бурджан — это страна в краях хазар» (Рамзи, 1907, стр. 241). Уже в этом отрывке содержатся сведения, которые поражают точностью. Бурджаны, так же как и в сообщении Ал-Масуди, расселены в «краях хазар», т. е. далеко к востоку от границ Рум'а, где-то в районе Северного Кавказа. Это очень важная деталь, так как приазовских (так же, как и волжских) болгар источники называют *бургар*, *булгар*, *булкар*, *болкар*, *баргаз*, но не бурджан (Генинг, Халиков, 1964, стр. 102–117). Из этого следует, что под именем бурджан на Северном Кавказе в «краях хазар», в упомянутых источниках имеются в виду не великие болгары, а собственно бурджаны. Далее Якут продолжает: «Говорит [поэт] Абу-Нахил ат-Тамими: — Мы начали с Гиляна и рухнул их трон. Войска [наши] отражали в кровопролитных сражениях всадников... И они отступили примерно между Рум'ом и [страной] Бурджан» (Рамзи, 1907, стр. 241). Судя по ссылке на Абу-Нахил ат-Тамими³³ и упоминанию Гиляна (юго-западный Прикаспий), Якут мог иметь в виду ранние арабские походы на Кавказ, когда арабы в 654 г. дошли до Тифлиса. Это в свою очередь означает, что бурджаны, оставаясь в VII в. на Сырдарье и проникая в южные области Средней Азии, не прерывали с болгарами связей с момента переселения последних (не позднее VI в.) из Азии в Европу. Иначе трудно было бы объяснить присутствие в VII в. бурджан (бурзян) к востоку и западу от р. Урал.

³³ Вероятно, имеется в виду Абу-Джарир ат-Тамими (653–733 гг.).

Примерно в это же время начинается проникновение в Поволжье баджгардов. В «Армянской географии», написанной не ранее последней четверти VII в. (Патканов, 1883, стр. 28), сообщается, что на острове в низовьях Волги племя баслов укрывается от сильных народов хазар и бушков (или бутков). *Бушки*, прикочевавшие к Волге на зимние пастбища, по мнению М. И. Артамонова, те же башкиры (или «баджгурды»), а *баслы* — болгарские племена, которые в армянских источниках называются еще барсилами, а у арабов — берсула (Артамонов, 1962, стр. 234). Сопоставления М. И. Артамонова не противоречат другим источникам. Вспомним сведения Ал-Гардизи о Башгирде — подданном хазарского кагана, который во главе 2000 всадников жил в восточном соседстве от хазаров.

Итак, исторические пути бурджан и баджгардов были тесно переплетены, и их продвижение с северного Приаралья и Прикаспия в северозакавказские степи и Причерноморье³⁴ происходило постепенно, в диапазоне VII–IX вв. Следовательно, упомянутая Ал-Масуди битва в 40-х годах IX в. печенегов, баджгардов и бурджан с объединенными силами гузов, карлуков и кимаков и уход потерпевших поражение печенегов с союзными племенами из Приаралья на запад были лишь заключительной фазой длительной борьбы и многовековых миграционных традиций. Пребывание в VII–IX вв. баджгардов и бурджан одновременно на Сырдарье, в Приаралье, в нижневолжских и приазовских степях может означать, что все эти области представляли в ту эпоху огромный, но взаимосвязанный этнокультурный мир. Другими слова-

³⁴ Древние башкиры неоднократно упоминаются восточными источниками в районах Причерноморья. Наиболее точным является цитированное сообщение Ал-Масуди о пребывании баджгурдов вместе с печенегами у «моря Нейтас» и об их совместных походах на Византию (*Гаркави*, 1870, стр. 127). По Ал-Балхи, баджгарды «разделяются на два племени». Одно из них живет в лесах «близ болгар», и эта часть баджгардов «подвластна болгарам»; «другие баджгарды граничат с печенегами. Они и печенеги — тюрки, близкие соседи Румийцев» (ИТДМ, 1937, стр. 33). По сведениям Якута, «страна башгирд лежит между Константинополем и Византией» (*Хвольсон*, 1869, стр. 711). Среди народов, живущих у Черного моря, упоминают башкир Ал-Димашки, Абу-л-Фида, Ал-Бакуви и некоторые другие позднесредневековые писатели арабского Востока (*Хвольсон*, 1869, стр. 711, 713; *Macartney*, 1930, стр. 34). В литературе существует мнение, высказанное еще А. Л. Шлецером (1813) и развитое позже другими исследователями, согласно которому под «баджгардами», «баджгурдами», «башгирдами» в Европе во всех случаях следует иметь в виду мадьяр. Однако новые материалы заставляют отказаться от этой концепции и признать возможность и вероятность пребывания части предков башкир в Причерноморье вплоть до границ Византии.

ми, применительно к раннему этапу очерченной эпохи речь может идти не столько о миграции баджгардов и бурджан с Сырдарьи и Приаралья в Нижнее Поволжье и северокавказские степи, сколько о постепенном и медленном сдвиге на запад центров их расселения в пределах одного, но очень обширного региона. Можно предполагать, что бурджаны и баджгарды двигались в авангарде (в смысле и территориальном и временном) печенегов, кочевья которых достигли Волги, вероятно, несколько раньше, чем принято думать в исторической науке. На Балканском полуострове бурджаны, издавна находясь в этноисторических контактах с болгарами, быстро смешались с ними. Основная волна печенегов, достигшая Дуная примерно через пять десятилетий, к концу IX в., застала здесь смешанное население, которое активно развивалось в направлении славянизации.

Этническую историю баджгардов и бурджан в эпоху пребывания на Северном Кавказе можно реконструировать в самых общих чертах. VII–VIII века — период становления Хазарского каганата — были сложными и тяжелыми временами для народов и племен Северного Кавказа и прилегающих степей. Именно в эти века активно формируется позднее проявившаяся особенно ярко, тенденция политической экспансии Хазарского каганата. Приазовская Великая Болгария, пережившая разные этапы взаимоотношений с хазарами, в конечном итоге распалась под ударами каганата (Артамонов, 1970, стр. 19). Часть болгар устремилась на запад, в Причерноморье и низовья Дуная; часть — на север, где в начале X в. сложилось государство Волжских Булгар. События в предкавказских степях, вызвавшие крупные передвижения болгар, коснулись не только их. Вокруг болгар «на берегу моря Нейтас, — сообщают восточные источники, — живет несчетное число тюркских народов» (Ал-Бакуви, 1971, стр. 111). Новые археологические исследования также позволили довольно четко определить этнический облик Булгарской орды, отошедшей на север, в Поволжье, как многоплеменной и даже неродственной по составу (Смирнов, 1962, стр. 167).

Входили ли баджгарды и бурджаны в число «тюркских народов», находившихся под эгидой великих болгар в Приазовье, или же башкиро-булгарские этнические контакты сложились позже, уже на Волге? А. П. Смирнов в монографии «Волжские булгары» относил появление булгар на Волге к концу VII в. (Смирнов, 1951, стр. 3). В более поздних работах А. П. Смирнов уточнил датировку: «Можно считать установленным, что булгары пришли в Среднее Поволжье в VIII—IX вв.» (1962, стр. 160). Эта датировка подтверждается недавними исследованиями А. Х. Халикова: основная масса захоронений Больше-Тарханского могильника относится к VIII — первой половине IX в. (Генинг, Халиков, 1964, стр. 63, 65, 76). Таким образом, дата миграции булгар

на Волгу, с одной стороны, и время появления основной массы баджгардов и бурджан на Северном Кавказе — с другой (VIII–IX вв.) перекрываются. Это означает, что баджгарды и бурджаны находились с приазовскими болгарскими в этнополитических контактах и, вероятно, участвовали в событиях, вызвавших крупные сдвиги болгарских племен на запад и север. Именно здесь возобновились или активизировались древние связи баджгардо-бурджанских кочевников с болгарскими. Находясь в союзных отношениях с болгарскими или пребывая под властью болгарских князей, бурджаны и баджгарды выступали нередко под общим именем болгар. Хотя имена бурджан и баджгардов, как показано выше, также были известны средневековому миру, но эти названия в южнорусских степях постепенно растворились в болгарской, общетюркской и частично в угорской этнонимии, пока наименование *бурджан* не стало в представлениях некоторых средневековых хронистов вторым названием дунайских болгар, а под *баджгардами* не стали подразумевать то собственно башкир, то венгров-мадьяр.

Сказанное, естественно, не означает, что бурджаны и баджгарды полностью слились с болгарскими. Напротив, несмотря на отдаленное (восходящее еще к гуннской эпохе) генетическое родство с болгарскими, бурджаны и баджгарды сохранили в культуре специфику, связывающую их с Алтаем, Центральной Азией, а также с периодом пребывания в Средней Азии. В этом плане весьма интересны наблюдения А. Х. Халикова, который особенности керамики Танкеевского могильника с левобережья Среднего Поволжья (форму кувшинов, состав теста) связывает с гончарной посудой северных областей Средней Азии (Генинг, Халиков, 1964, стр. 83–84). Культура Танкеевского могильника (конец VIII — первая половина IX в.) свидетельствует о том, что вместе с булгарами (или вслед за ними) на Среднее Поволжье из южных степей пришли племена, которые в этнокультурном отношении были связаны со Средней Азией и Приаральем. Можно полагать, что именно эти племена, в числе которых были баджгарды и бурджаны, внесли в многоплеменную болгарскую среду тенденции языкового и культурного развития, характерные для печенежского мира.

Язык, на котором говорили баджгарды и бурджаны в VIII–IX вв., может быть определен сугубо гипотетически. Махмуд Кашгари отмечает родство языков булгар, сувар и печенегов (МК, 1960, стр. 66). В историческом плане язык баджгардов и бурджан, входивших в печенежский союз, был, вероятно, близок к языку булгар. Однако к VIII–IX вв. он приобрел в своем развитии новое направление, определившееся под влиянием тех тюркских племен, которые в ту эпоху группировались в степях Сырдарьи и Приаралья для грядущих миграционных походов на запад. Аналогичный вывод сделан и на основе анализа языкового материала: А. П. Ковалевский указывает на трансформацию этнонима

приазовских болгар в восточных источниках (болгар, балкар > брҮз, баргаз, бургаз) под влиянием «тюркских языков 3-группы» (Ковалевский, 1954, стр. 34).

В процессе миграции разделились не только болгары, но и бурджанские и баджгардские племена. На запад, на Дунай, ушел болгарский род *ерми*, часть которого оказалась вместе с Булгарской ордой на Волге и вошла впоследствии в состав башкир (племя юрми). Бурджан, ушедших на запад и успевших вместе с дунайскими болгарями подвергнуться славянизации и христианизации, имел, очевидно, в виду Абу-л-Фида, писавший, что народ «ал-бурджан» происходит «из [числа] христиан» и что «среди них распространено учение о троичности» (Рамзи, 1907, стр. 241). Аналогичные события из истории баджгардов рисует Ал-Бакуви, когда пишет, что «башкырты» живут «между Кустантинией и булгарами» и что «большинство их — христиане» (Ал-Бакуви, 1971, стр. 111). Некоторые группы баджгардов и бурджан влились в последующие волны тюркских кочевников в южнорусские степи. Следы древнебашкирских образований обнаруживаются в Половцком мире: по источникам известны половецкий хан XI в. Башкырт (ПСРЛ, I, стр. 395; IX, стр. 213), кипчакский род *башкыр*д (Навширванов, 1929, стр. 83). Бурджанские группы, смешавшиеся с огузами и кыпчаками, в эпоху позднего средневековья приняли участие в формировании тюркских народов Причерноморья и Крыма. Имеются основания предполагать, что к числу этнических образований, в сложении которых роль бурджан была заметна, относятся гагаузы. Еще в начале XVIII в. путешественники и ученые отмечали присутствие в Европе будзянских (Strahlenberg, 1730, стр. 34) или будзинских татар (ПКИМ, 1935, стр. 151), имея в виду гагаузов.

Другая часть баджгардов (прежде всего усерганы и тангауры) и бурджан (бурзяне) направилась на север. Судя по тому, что до начала X в. башкиры на Волге или на Южном Урале не упоминаются, баджгарды и бурджаны составили арьергардную часть булгарской миграции, по времени, кстати, довольно продолжительной. Передвижение бурджан на Волгу и в Приуралье было зафиксировано в восточных источниках. Очевидно, Ал-Казвини и Абу-л-Фида имели в виду именно эти события, когда писали, что бурджаны «углубились» «на крайний север» (Рамзи, 1907, стр. 242).

Расселившись в южном и восточном соседстве от волжско-болгарских племен, воинственные кочевники — баджгарды и бурджане — стали консолидирующей этнической силой в этом районе.

Историко-этнографические материалы о южных связях башкир

Этнические связи предков башкир с Северным Кавказом и Причерноморьем отложились в историко-этнографических материалах. В сказаниях башкир имеются многочисленные сведения о приходе предков с Каф-тау, о древних «башкирских» кочевниках у Кавказских гор, о «родственных» племенах у Черного моря или «в стороне» Крыма. В середине XVI в., накануне присоединения Башкирии к Русскому государству, башкирская и ногайская родовая знать, обеспокоенная падением Казанского ханства, обсуждала вопрос о возвращении башкир на земли «предков», на Кубань. Эта весьма существенная деталь из истории этногеографических представлений башкир зафиксирована в нескольких шежере. В юрматынском шежере говорится: «Наши деды пришли с Кубани из-за земли и воды» (БИТ, стр. 28). Исследователями уже высказывалась мысль, что печенеги, занявшие главным образом южнорусские степи, могли частью осесть значительно южнее Дона (Щербак, 1971, стр. 79). Территорией «южнее Дона» был бассейн Кубани, куда проникла, очевидно, и часть баджгардов. Кроме историко-этнографических материалов, это подтверждается установленными А. А. Камаловым (1969, 1971) близкими соответствиями в оронимии и гидронимии Башкирии и Северного Кавказа (Кубау, Машак, Иргиз, Каран и др.). В XVI в. часть башкир действительно покинула Башкирию и вслед за ногайцами ушла на юг, на Кубань, хотя большинство ушедших вскоре вернулось на Урал (БШ, стр. 33, 108, 206).

Специального изучения заслуживают некоторые аналогии в тотемистической мифологии башкир и в древних сюжетах северокавказского происхождения. Предание о волке в мифологии тюркских народов имеет два основных элемента: волк — прародитель тюрков и волк — покровитель и путеводитель тюрков. Последний сюжет особенно хорошо сохранился, как мы видели, в башкирском фольклоре. Тотем — покровитель и путеводитель — хорошо известен также в мифологии и в преданиях древних венгров. Д. Дьёрффи передает рассказ старых венгерских хроник о том, как Hunog и Mogog, сыновья предка венгров Menrot'a, преследуя во время охоты молодого оленя, открыли путь через болота Меотиды (Азовские лиманы) на свою новую родину — в Лебедию или Ателькузу (Györfy, 1948, стр. 181–182). Вариант этого предания с любопытными деталями содержится в сочинении Прокопия Кесарийского (середина VI в.). В древности, рассказывает Прокопий из Кесарии, когда «великое множество гуннов» занимало обширные территории Северного Кавказа и прилегающих равнин, у гуннского царя «было двое сыновей, один по имени Утигур, другому было имя Кутригур». Однажды юноши во время охоты «гнали лань; она, убегая

от них, бросилась в эти воды. Юноши... последовали за этой ланью и не отставали от нее, пока вместе с ней не достигли противоположного берега». Особенно примечателен следующий сюжет: как только юноши достигли другого берега Меотиды, «преследуемое животное тотчас же исчезло» (Прокопий из Кесарии, 1950, стр. 385–386). Аналогичный рассказ содержится в сочинении византийского историка VI в. Агафия (1953, стр. 147–148). В связи с гуннами приводит это предание и Иордан (VI в.): «Охотники из этого племени, выискивая однажды, как обычно, дичь на берегу внутренней Мэотиды, заметили, что вдруг перед ними появился олень, вошел в озеро и, то ступая вперед, то приостанавливаясь, представлялся указующим путь. Последовав за ним, охотники пешим ходом перешли Мэотийское озеро, которое [до тех пор] считали непроходимым, как море. Лишь только перед ними, ничего не ведающими, показалась скифская земля, олень исчез» (Иордан, 1960, стр. 90). Сюжетная линия предания, в котором животное служит чудесным проводником, была известна в сочинениях западных писателей уже в V в.: Созомена (Латышев, 1893, стр. 763), Зосима, Евнапия (Скржинская, 1960, стр. 271–273) и др.

Северокавказские предания о «чудесном» или «священном» животном-проводнике поразительно напоминают сказания юго-восточных башкир о переселении на родину вслед за волком, который, подобно северокавказской лани, исчезает, как только предки башкир, преодолев пустыню и безбрежные степи, достигают Урала. Совпадения и параллели центральноазиатского по происхождению предания с образом волка — прародителя и покровителя тюрков и монголов с северокавказским сказанием о чудесном животном — проводнике и путеводителе гуннов, болгар или мадьяр являются существенным дополнением к письменным источникам о взаимосвязанности этнической истории древних племен на территории Азии и Восточной Европы. Сочетание и синтез центральноазиатских мотивов о волке-покровителе и восточноевропейского сюжета о чудесном животном-проводнике особенно явственны в историческом фольклоре юго-восточных башкир. Образ волка, культ волка принесены предками юго-восточных башкир с азиатской родины. Композиция башкирских сказаний о нахождении новой родины, характерные детали предания — северокавказского происхождения.

История расселения племен бурзян, усерган и тангаур на Южном Урале

На рубеже I и II тыс. н. э. баджгарды и бурджаны кочевали на южной и юго-восточной периферии Волжско-Булгарского мира, постепенно продвигаясь к востоку в направлении предгорий Южного Урала.

В центральных районах Бугульминской возвышенности бурзяне, усерганы и тангауры (древние башкиры) стали южными, а позднее и восточными соседями юрматыно-юрмийских племен.

В преданиях юго-восточных башкир сохранилось немало следов или прямых свидетельств былого расселения их предков на юго-западе современной Башкирии. Бурзяне «древними племенными кочевьями» считают степи в верховьях р. Ик и долину р. Демы³⁵. В сказании, записанном в начале 1920-х годов С. Мирасовым, «бурзянской родиной» названы земли по рекам Ик, Б. и М. Кинель, Дема (Мирасов, 1930, стр. 74–75). В одном из утраченных шежере, содержание которого передает тот же С. Мирасов, тангауры, бурзяне и усерганы считаются «выходцами с берегов Кармасана и Чермасана» — левых притоков Белой, а также — Демы, в долине которой якобы погребен древний бурзянский батыр Бускын-бий (Мирасов, 1930, стр. 76–79). На юге границы кочевий башкир всегда были неопределенными. Источники очень часто упоминают их в Волго-Яицком междуречье, в районах бассейна Б. Ирги́за, верховьев рек Б. и М. Узень, Чижинских разливов. В XVI–XVIII вв. бурзяне и усерганы имели общие вотчины по верховьям обеих Узеней и в Чижинских долинах (БШ, стр. 77, 80, 199).

Расположение центра древнего расселения бурзян, усерган и тангауров на Бугульминской возвышенности может быть проиллюстрировано и на некоторых аналогиях из исторического фольклора башкир. В середине XIX в. А. Игнатович записал среди бурзянских башкир сказочный сюжет о том, что со дна озера Гышма, которое находится недалеко от знаменитой пещеры Шульган на Южном Урале, чудесным образом вышли табуны прекрасных лошадей (Игнатович, 1863, стр. 39–40). В этом сюжете нетрудно угадать эпическое сказание «Заятуляк и Хыу-хылу», наиболее яркий вариант которого сложился в юго-западной Башкирии и связан с «древним бурзянским озером» Асылы-куль. Бурзяне принесли с собой на Урал этот, по выражению Г. И. Потанина, «степной эпос о дочери моря», сильно упрощенную и позднейшую переработку которого записал среди горных бурзян А. Игнатович.

История принятия юго-восточными башкирами мусульманства также связана с их расселением на Бугульминской возвышенности. В недавно найденном шежере есть такие строки: «Три бурзянских сподвижника, получив знания в Булгарах, вернулись и склонили народ на путь истины»³⁶. Топография могил мусульманских проповедников из башкир, получивших духовное образование в Булгаре, целиком ограничивалась западной Башкирией и никогда не распространялась на Южный Урал — нынешние территории расселения бурзян (Вельяминов-Зернов,

³⁵ Полевые записи 1953 г., стр. 95; 1958 г., тетрадь 3, стр. 8, 31.

³⁶ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Шежере племени бурзян.

1859, стр. 257–259; Юсупов, 1960», стр. 111). Бурзяне, усерганы, тангауры стали мусульманами через болгарское посредство в XI–XII вв., т. е. в период, когда они обитали в непосредственной близости от границ Волжской Булгарии.

Бугульминская возвышенность оставалась центром расселения бурзян, усерган и тангауров вплоть до XIII в., хотя кочевые и охотничьи тропы в горах Южного Урала им были уже давно знакомы. Постоянный приток с юга новых групп кочевников активизировал проникновение древнебашкирских племен как на север, в бассейн Таныпа, так и на восток, в направлении Уфимского плато (карта 4).

Существенный сдвиг в расселении бурзян, усерган и тангауров произошел в XIII в. По мере углубления монгольской экспансии эти племена уходили с юго-западного Приуралья в предгорья Южного Урала, вклинившись широкой полосой между верхними течениями рек Урал и Белая. На новых землях юго-восточные племена включили в сферу своего (теперь уже «башкирского») этнического влияния группы кочевников, которые, составляя тогда часть огромного степного мира, постоянно передвигались в пространстве между Южным Уралом и Приаральем. Переходя время от времени на правобережье р. Урал, они проводили жаркое лето на прохладных и сочных лугах предгорий, чтобы осенью вновь уйти зимовать в Приаралье и на Сырдарью.

Бурные и жестокие события XIII–XIV вв. заставили башкирские племена с южноуральских предгорий продвигаться дальше в горы. Лишь усерганы навсегда остались в южном Приуралье. В XVI–XVII вв. по царским жалованным грамотам за усерганами была закреплена в основном та же территория (БШ, стр. 73). В благоприятные годы, когда степь была относительно спокойной, усерганы проникали на правый берег р. Урал и их кочевья достигали верховьев Илека, Ори, Эмбы и степного Иргиза, откуда они в составе других кочевников на зимние месяцы нередко уходили в Приаралье и на Сырдарью. В периоды, когда набеги, междоусобицы становились ожесточенными, особенно в эпоху становления ногайской феодальной государственности на рубеже XIV и XV вв., усерганы отходили, как за естественную линию обороны, на правый берег р. Урала и по течениям рек Сакмары, Зилаира, Касмарки, Б. Ика поднимались на север в горные долины Южного Урала. Часть усерган из рода бишей направилась еще дальше: по западным склонам Урала они достигли рек Юрюзани и Ая. Следы этой группы до сих пор сохранились в северо-восточной Башкирии: в составе племени мурзалар есть дер. Бишевлярово (*Бишэй*), старожилы которой рассказывают о приходе предков с Сакмары³⁷. Два родовых подразделения в деревне

³⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, стр. 102.

называются *бишэй* и *бүрес*; второй этноним также легко сближается с названием усерганского рода *бүре* 'волк'.

Бурзяне и тангауры, продвигаясь вверх по Нугушу и Белой, расселились в горно-лесных районах. Письменных источников, точно датирующих эти передвижения, не сохранилось. Расчеты, сделанные по генеалогиям (и совпадающие с датировкой, которую дают предания), показывают, что бурзянские аулы, находящиеся на самой кромке южноуральской тайги и поэтому на наиболее старой части здешних бурзянских земель (Киекбаево, Акбулатово, Максютново, Атиково и др.), были основаны в XIV — начале XV в.³⁸ Аналогичные результаты дали подсчеты генеалогий усерганских шежере (БШ, стр. 85–86, 201). Согласованность между собой различных источников позволяет с доверием отнестись к полученному результату. Следовательно, период активного продвижения юго-восточных башкир во внутренние районы Южного Урала совпадает со временем переселения на восток юрматынцев, т. е. с эпохой борьбы Тимура с Тохтамышем и возвышением в обстановке жестокого и беспощадного феодального соперничества золотоордынских ханов и царевичей нового политического образования — Ногайской орды. Это был конец XIV — начало XV в.

В горно-лесных районах Южного Урала невозможно было вести традиционное скотоводческое хозяйство в прежних масштабах. Лесное хозяйство в XIV–XV вв. не могло иметь товарного значения, и его подъем относится лишь к XVIII в. Охота и бортничество также не могли целиком компенсировать занятия скотоводством. Поэтому бурзяне и тангауры уже в XIV–XV вв., т. е. с момента переселения на Южный Урал, ищут и находят пути в зауральские лесостепи и степи. На первых порах, не переселяясь туда, башкиры организуют в малоснежных зауральских степях зимнюю тебеневку скота³⁹. Постепенно большая часть бурзян и тангауров навсегда поселяется в верховьях Сакмары и в Зауралье, возвращаясь в горы лишь на весенне-летние кочевки. Движение горных башкир в Зауралье и постройка там постоянных аулов продолжались и позже, в XVII–XVIII вв. (МИБ, 1949, стр. 584–586). Оставшиеся в горах башкиры вели комплексное скотоводческо-охотничье-лесное хозяйство, в котором начиная с конца XVII в. заметно повышается удельный вес лесных промыслов.

В конце XVI — начале XVIII в. имело место обратное движение горно-лесных башкир в южном и западном направлениях. Большая группа сакмаро-зауральских бурзян направилась в бассейны рек Б. и М. Ик,

³⁸ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 16, д. 3, стр. 8; Полевые записи 1953 г., стр. 83; 1958 г., стр. 50.

³⁹ Полевые записи 1958 г., тетрадь 2, стр. 440, 446.

Саелмыш, Юшатырь⁴⁰. По определению Д. Соколова, в те времена переселилось «более половины племени» (Соколов, 1904, стр. 63). В новом районе бурзяне существенно осложнили этническую карту, расселившись смешанно с кара-кыпчаками. В XVIII в. здесь образовалась общая Бурзян-Кыпчакская волость; двадцать лет назад лишь редкие старики помнили, какие из здешних аулов «бурзянские», какие «кыпчакские».

Крупные передвижения бурзян в XVII в., т. е. в сравнительно позднее время, когда активные и далекие перемещения в пределах одной страны, казалось, должны были бы прекратиться, можно объяснить еще устойчивой внутренней тенденцией к традиционным формам скотоводческого хозяйства. На Сакмаре и в Зауралье, где численность населения возросла, а степные просторы были ограничены, скотоводам-кочевникам становилось тесно. Стремление расширить пастбища по-прежнему вызывало довольно значительные сдвиги в размещении населения. Другая причина — ожесточившиеся, при подстрекательской роли царизма, взаимные набеги башкир и казахов. Речь идет не столько об изнурительности этих набегов (что, конечно, тоже имело значение), сколько о том, что башкиры в целях освоения новых пастбищ не могли перейти на левобережье р. Урала, не рискуя вступить в открытую борьбу с казаками. В бурзянских преданиях миграция предков с Сакмары и из Зауралья обычно объясняется их стремлением уйти от частых столкновений с казаками. И, наконец, немаловажную роль играло и то, что в XVII в. среди бурзян еще не были забыты воспоминания о «старой» родине, ее «необозримых просторах», как всегда в таких случаях сильно идеализированных. Горные и зауральские бурзяне не могли не знать, что после ухода ногайцев произошли существенные изменения в границах племенных земель в центральной и юго-западной Башкирии. Бурзянские роды считали себя «законными» наследниками своих прежних земель, и не случайно основные потоки новой бурзянской миграции направились именно на эти старые территории: в южную Башкирию, откуда бурзяне когда-то начали отступление в лес и горы, в долину р. Демы, в Волго-Яицкое междуречье. Едва ли бурзяне склонны были считаться с тем, что земли по Б. и М. Ику, Саелмышу, Юшатырю и другие были уже давно заняты кыпчаками. Даже в XIX в. горные бурзяне, считавшие себя «настоящими башкирами», кыпчаков относили к «нугаям» (Назаров, 1890, стр. 351). Появление здесь бурзян первоначально сопровождалось многочисленными конфликтами, которые в XVIII в. переросли в судебно-административную тяжбу бурзян и кыпчаков за земельные вотины (Назаров, 1890, стр. 359). Еще

⁴⁰ Полевые записи 1957 г., стр. 33, 36; 1958 г., тетрадь 1, стр. 29; тетрадь 2, стр. 40.

в конце XVIII в., в 1789 г., кыпчаки настаивали на своей давней жалобе на бурзян, «самовольно» поселившихся на принадлежавших им «по грамоте» землях (Соколов, 1904, стр. 61). Однако это было уже лишь инерцией прежних противоречий. В конце XVIII–XIX в. бурзяне сильно смешались с кыпчаками и с другими юго-восточными башкирами. Племенное самосознание и воспоминания о бывшей межплеменной борьбе стали у них не более чем историческим анахронизмом.

Продолжением миграции бурзян из Зауралья в южную Башкирию было переселение бурзянских групп в долину р. Демы, в бассейны рек Б. и М. Уран, Ток и далее на юго-запад (карта 4). На р. Деме бурзяне поселились в 16 аулах. Часть их стала здесь вотчинниками и владела в XVIII в. значительными участками земель. Многие вотчины оказались вблизи Асылы-куля — района древних бурзянских кочевий. Однако большинство бурзянских переселенцев на Дему попало в положение припущенников к башкирам-минцам, которые в посленогайское время опередили юго-восточных башкир в освоении демской долины.

Другие группы бурзян, а также усерган и тангауров поселились в долинах рек Ток, Б. и М. Уран, Б. Иргиз и ее притоков Каралык и Камелик. Переселения в этом направлении начались в XVII в. и продолжались в XVIII в. (БШ, стр. 73, 79–80, 95, 223–224)⁴¹. В XVII в. бурзяне и усерганы появились еще южнее, в долинах рек Б. и М. Узень, Чижи и в районе Чижинских разливов. Здесь башкиры кочевали вплоть до XX в., хотя с начала второй половины XIX в. администрация Саратовской губ. осуществляла политику насильственного переселения «чижинских» башкир в верховья Б. Иргиза и Камелика (Степанов, 1940, стр. 211–212). В результате в Ирги́зо-Камели́кском бассейне возникло двойное определение родоплеменной принадлежности. С одной стороны, башкиры еще помнили, правда не совсем отчетливо, племенную принадлежность и соответственно называли себя бурзянами, усерганами, тангаурами, юрматынцами и т. д. С другой стороны, это была дань традиции, почти разрушившейся. Реальное значение имело подразделение всего иргизо-камеликского населения на «новых» — *яңылар* и «старых» — *искеләр*. К «старым» относили тех, кто в XVII–XVIII вв. переселился на Б. Иргиз с Южного Урала, Приуралья и вообще из Башкирии. Эту же группу иногда называли *бишул*, очевидно, по преобладанию в ее составе переселенцев племени бишул из центральной Башкирии. Башкир, которые были переселены на Б. Иргиз с юга, с Б. и М. Узень и Чижинских разливов, называли «новые» или *сәзеләр* (т. е. чижинцы). На Чижинских разливах редкие башкирские поселения существовали еще в 1911 г., однако после этого они там уже не упоминаются.

⁴¹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 7, стр. 286.

Изменения в этническом составе племен бурзян, усерган и тангаур в XIV–XIX вв.

Пребывание бурзян, усерган, тангауров в Приуралье и на Южном Урале в XIV–XV вв. характеризуется активным взаимодействием с теми кыпчакскими и кыпчакизированными образованиями, которые сначала пребывали в составе Золотой Орды, затем были подвластны ногайцам и, наконец, позднее сыграли немалую роль в формировании татар, башкир, казахов и других народов. В эту эпоху в составе юго-восточных башкир появились этнонимы родов байулы-бурзян, ногай-бурзян; родовых подразделений — кызыл-ногай, ногайлар, ногай и др.

История бурзянского рода *байулы* особенно наглядно иллюстрирует направления этнических процессов в юго-восточной Башкирии в XIV–XV вв. Отделение *бай-улу* входило в состав Младшего Жуза казахов и включало роды адай, тана (или тама), маскар и тастар (Радлов, 1887, стр. 23). В XIX в. казахи-байулинцы кочевали между реками Урал и Эмба (Востров, 1962, стр. 83). Род байулы зафиксирован и в составе каракалпаков (ДАХХ, стр. 212, 231). Тождество этнонимов (байулы, бай-улу) и тамг (табл. 4, № 3), предания бурзянских байулинцев о родстве с казахами, их расселение в южной Башкирии, т. е. непосредственно к северу от казахских соплеменников, достаточно ясно указывают на происхождение рода байулы-бурзян.

Литература о происхождении этнонима байулы обобщена В. В. Востровым (1962, стр. 77). Из нескольких вариантов толкования этнонима он отдает предпочтение гипотезе С. А. Аманжолова, который считает, что байулинцы потомки тюрок племени *бекулы* (бегулы — бегулы). В XII в. племя бегулы кочевало на границе с киданями (Аристов, 1896, стр. 304). Согласно С. А. Аманжолову, бегулинцы (или байулинцы) с усилением киданей ушли на запад, в современный Западный Казахстан (Аманжолов, 1959, стр. 68). Проникновение байулинцев на Южный Урал и инкорпорация их в среду бурзян имели место в XIV–XV вв., примерно в одно время с миграцией в Башкирию кыпчакских родоплеменных групп. Одновременно на Южный Урал проникли и другие компоненты объединения бай-улы: этнонимы маскар (маскара), тастар зафиксированы в разных частях Башкирии.

В XVI–XIX вв. взаимодействие бурзян, усерган и тангауров с южными и восточными соседями продолжается, однако характер его постепенно меняется. В эпоху, когда башкирский этнос уже сформировался, укрепилось этническое самосознание, традиционная родовая или поколенная экзогамия у башкир сочетается с достаточно отчетливой этнической эндогамией. Конечно, и в этот период в юго-восточную Башкирию проникали инородные группы, однако этническое взаимодействие носило уже характер ассимиляции последних в башкирской

среде. В то же время продолжающиеся этнические контакты юго-восточных башкир с казахами и каракалпаками питали и поддерживали традиционный скотоводческий быт, степные черты культуры башкир и, возможно, способствовали стабилизации южносибирских антропологических черт в их физическом облике.

В составе племен бурзян, усерган, тангаур родовых подразделений *казах, каракалпак, туркмен* зафиксировано более 30. История появления этих этнонимов в башкирской среде разная и не всегда связана с миграцией на Южный Урал инородного населения. Во многих случаях распространность этнонимов *казах, каракалпак, туркмен* объясняется продолжающимися (хотя и редкими, а к середине XIX в. вовсе прекратившимися) брачными связями башкир с соседними кочевниками, а также захватом во время набегов в плен женщин, девушек, детей, потомство которых, как и в первом случае, получало этническое наименование своего народа.

Следы казахского этнического проникновения наиболее явственны у усерган, которые на протяжении ряда столетий были непосредственными соседями казахов Младшего Жуза. Но до яйцких и орских степей добирались и казахи Среднего Жуза. В составе усерган зафиксировано несколько родовых подразделений *мамбет*, генеалогии которых восходят к Сары Купады из казахского племени аргын Среднего Жуза⁴². Усерганы родовых подразделений *аргын* в южной Башкирии считают себя по происхождению казахами, оставшимися среди башкир в конце XVII в. Племя аргын в XIII в. расселялось где-то в Семиречье; на рубеже XIV–XV вв. аргыны перекочевали к северу и начиная с XVI в. хорошо известны на Ишиме, Ори и западнее (Муканов, 1972, стр. 8, 23). Аргыны сыграли крупную роль в формировании казахов; в эпоху своего возвышения аргынские группы достигали Среднего Поволжья и даже Крыма (Маркевич, 1928, стр. 11). В XVII–XVIII вв. они были южными и восточными соседями башкир.

В XVII–XVIII вв. близко от границ Башкирии кочевали калмыки (ойраты). Взаимные набеги башкир и калмыков сменялись довольно редкими периодами мира. Брачные связи башкир с калмыками едва ли были активными. Кроме враждебных отношений, этому препятствовали различия в религии. Этнонимы *калмак* (в составе бурзян, усерган и тангауров их зафиксировано 17) закрепились за потомством некоторых калмыцких семей, перешедших от ламаизма в ислам и оставшихся среди башкир. В большинстве же случаев, если следовать башкирским преданиям, эти этнонимы сохранились в названиях групп калмыцкого населения, захваченных в плен в периоды многочисленных набе-

⁴² Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Шежере башкир деревень Мамбет, Калтай и Тунгатар.

гов, оставшихся в Башкирии и затем полностью ассимилировавшихся в среде башкир.

В XVIII–XIX вв. в этнических процессах юго-восточной Башкирии формируется новая тенденция, особенно ярко проявляющаяся у населения, живущего на стыке степи и леса. С запада, из-за Волги и Камы начинается движение колонизационного потока крестьян-переселенцев пестрого этнического состава.

Преобладали в нем русские и татары, но значительными по численности группами были чуваши, марийцы и др. Особенно заметным было проникновение в башкирскую среду родственных по языку, культуре и религии татар: в составе бурзян, тангауров и усерган подразделений *татар*, *мишар*, *казанцы* зафиксировано 15. Характер этнического проникновения колонистов с запада был совершенно иной; набеги и захваты пленных навсегда ушли в прошлое. Земледельческие народы Волго-Камья пришли сюда в поисках свободных земель, и они поселялись на башкирских землях в качестве припущенников, арендаторов и покупателей. Немало было и таких пришельцев, в том числе из татар, которые во имя приобретения башкирского «вотчинного» права переходили в «башкирское звание», женились на башкирках, выдавали дочерей замуж за башкир и в конечном итоге действительно ассимилировались. Те же процессы, но в меньших масштабах были характерны для взаимодействий башкир с чувашами и марийцами (родовых подразделений *чуваш* и *черемис* в составе трех юго-восточных башкирских племен зафиксировано около 10).

Новый этап этнических процессов на юго-востоке Башкирии в XVIII–XIX вв. означал ослабление и по существу постепенное исчезновение древних этноисторических связей бурзян, усерган, тангауров со Средней Азией, Приаральем, казахстанскими степями и, напротив, активизацию контактов с тюрко-финским Поволжьем и Приуральем, т. е. с населением области, где они обитали в ранний период своей истории в Волго-Уральском регионе.

Происхождение и история расселения племени тамьян

Н. А. Аристову принадлежит мысль об этническом родстве башкир племени *тамьян* с казахским племенем *тама* Младшего Жуза (Аристов, 1896, стр. 405), в XIX в. обитавшим в верхнем течении Сырдарьи, где-то близ Ташкента (Радлов, 1887, стр. 23). Н. А. Аристов был, вероятно, прав в этом сопоставлении, но аргументация его гипотезы связана с некоторыми трудностями. Одна из них в различии окончаний этнонимов: башк. *тамьян* или *тамйан*; казахск. *тама*; каракалп. *тама*;; узб.-кураминцы *тама*; узб.-локайцы *кара-тума*; кирг. *каратума*, *ак-тума*; алт. *каратума*, *тумат*; тув. *тумат* (Гродеков, 1889,

стр. 4; ДАХХ, стр. 194; Кармышева, 1954, табл. 2; Файзиев, 1963, стр. 46; Потапов, 1969, стр. 23). Этноним в форме, бытующей у башкир (с окончанием *-ан*), у других народов не записан. Сравним тамги: по Д. Н. Соколову и Н. И. Гродекову у казахских тама тамги / || . В. В. Востров корректирует эти данные: у тама в Тургайской области тамга | , сырдарьинских — || (1962, стр. 88). Тамги башкирских тамьянцев | ⊙ ⊥ (табл. 8). Третья тамга является следствием бурзянского проникновения в состав племени тамьян; следовательно, основными тамьянскими тамгами являются первые две. Как видно, в тамгах наряду с очевидным совпадением имеются и различия: тамга-подкова у казахских тама не зафиксирована. В связи с этим появляется возможность сравнить этноним тамьян с названием казахского рода *тана* поколения байулы Младшего Жуза. Род тана (родственный племени тама) в XIX в. кочевал рядом с башкирами, между Уралом и Эмбой, и имел тамги ○ и | , т. е. аналогичные тамьянским, если иметь в виду, что круг и подкова являются модификацией единой фигуры (Аристов, 1896, стр. 384). Подразделение *тана* входит также в состав туркмен-йомудов.

Тамьянские предания древней родиной предков называют «Алтайский край» (*Алтай яктары*)⁴³. В. В. Востров и М. С. Муканов сформулировали гипотезу о генетической связи казахского рода *тама* (и соответственно *тана*) с монгольским племенем *тума*, ответвлением баргутов (Востров и Муканов, 1968, стр. 100). Племя *тума* (тумат)⁴⁴ расселялось «в пределах страны киргизов», где-то в районе верховий Енисея (Рашид ад-дин, 1952, стр. 122). Сопоставления казахских этнографов представляются обоснованными: аналогичная картина нами показана выше в отношении преемственности этнонимов башк. *тангаур* и монг. *тангур* (*тангор*). Оба этнонима до недавнего времени были известны монголам; в начале XVII в. в их составе зафиксированы роды *тангут* и *тумэт* (Лебедева, 1958, стр. 221–222).

Племена тангаур и тамьян в ряду других юго-восточных башкирских племен выделяются взаимной близостью, особенно в лесной зоне их расселения, где в XVIII–XIX вв. существовала объединенная Тамьян-Тангаурская волость — явление малохарактерное для восточных башкир. Эта близость является следствием общности этнических основ обоих племен, восходящих к саяно-алтайской прародине их предков. Кроме сказанного, древнемонгольские истоки обоих племен подтверждают-

⁴³ Полевые записи 1953 г., стр. 132, 148; 1958 г., тетрадь 1, стр. 93, 101.

⁴⁴ В. Востров и М. С. Муканов дают этноним в форме *туматэ*. Тумат и туматэ имеют одинаковое значение, так как монгольский суффикс множественности — *т* соответствует аналогичному показателю в маньчжурском языке — *та* (см.: Лебедева, 1958, стр. 225).

ся довольно широкой распространенностью в юго-восточной Башкирии этнонимов тангаур и тамьян в их первоначальных формах: *тангор* (*тангор*) и *тума*. Небезынтересным является и следующий факт: северная группа тамьянцев в Зауралье расселяется по течению рек Б. и М. Кизил (*кызыл*), что вызывает ассоциации с древней родиной племени тама — тума в верховьях Енисея, в частности с одним из верхних рукавов этой реки — малым Енисеем, или Кызыл-Хем (qisil — теснина, ущелье; ДТС, стр. 447).

Таким образом, истоки этнической истории тамьян, как и других юго-восточных башкирских племен, уходят в сложный этногенетический мир Алтайско-Саянского региона. Если бурзяне и усерганы являются этническими наследниками древних тюрков, то тангауры и тамьянцы восходят к столь же древним монгольским племенам.

Рассматривая историю племенного союза алчин Младшего Жуза, в состав которого входило казахское племя тама, В. В. Востров и М. С. Муканов следующим образом реконструируют его передвижения. В I тыс. н. э. предки алчинцев пребывали на Алтае. В X–XI вв. часть алчинцев уже жила в Северном Причерноморье и южнорусских степях; в их составе кочевали и таминцы. В XIII в. объединение алчин передвинулось в низовья Волги и далее на восток, а в XIV в. — составило ядро Ногайской орды (Востров и Муканов, 1968, стр. 75).

При детализации этой схемы можно установить примерное время проникновения предков племени тама в Восточную Европу. Ранние проникновения тюркизированных монгольских племен в Семиречье и далее на запад имели место, по крайней мере, начиная с эпохи тюркских каганатов. В то время они растворялись в составе крупных тюркских племенных объединений. Косвенно это подтверждается тем, что в восточных источниках племя тама (та-ма юй-сунь) упоминается в среде усуней — раннесредневековых жителей Семиречья (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185). Следовательно, на территорию к западу от рек Урал и Волга племя тама могло попасть раньше X в., в печенежском потоке кочевников вместе с баджгардами и бурджанами или вслед за ними. Эта версия дает возможность объяснить развитие этнонима *тама* в форму *тамьян*. Этнонимическая метаморфоза могла произойти поблизости или в составе племен, этнонимы которых имели аналогичные окончания (бурзян, усерган), т. е. в Средней Азии. В IX в. предки тамьянцев оказались к западу от Волги; именно отсюда они направились в Приуралье вслед за баджгардо-бурджанскими образованиями, в сферу влияния которых они включились еще в районе Приаралья.

Этнические контакты тамьянцев с соплеменниками из казахского племени тама в эпоху Золотой Орды не прерывались. В этих контактах участвовали как группа тама из Тургайских степей — восточные

соседи башкир, так и группа тана, расселявшаяся в южном соседстве, в междуречье Урала и Эмбы. Казахские исследователи идентифицируют этнонимы тама и тана и считают их носителей различными ветвями единого в этническом отношении образования. Имея в виду закономерность перехода *м* в *н*, идентификация, очевидно, правомерна (Востров, 1962, стр. 88). Подтверждается это и тем, что группы тама и тана наряду с различиями в тамгах обладали и общей тамгой, идентичной с одной из основных тамьянских тамг.

В Приуралье тамьянцы первоначально расселялись на Бугульминской возвышенности, точнее «в верховьях Ика», «в верховьях Демы», «в краях Белебея»⁴⁵. Отсюда они, примерно на рубеже XII–XIII вв., переместились на южную излучину р. Белой. Переселение тамьянцев в этот район произошло несколько раньше миграции бурзян, так как в исторических сказаниях последних всегда упоминается, что их предки «заняли земли народа тамьян», «прогнали их с Нугуша»⁴⁶ и т. д.

Хронологический разрыв в движении тамьянцев и бурзян был незначительным. Об этом говорят не только предания, но и реальные следы пребывания тамьянцев в западной Башкирии. В период переселения значительная часть тамьянцев, как и бурзян, усерган, осталась в долинах Ика и Демы (карта 2). В XVI–XVII вв. тамьянцы получили жалованные грамоты на «старинные» вотчины; в XVIII в. они подтвердили свои земельные права в пределах Казанской дороги «царскими указами» (БШ, стр. 154). Даже в начале XVIII в. в западной Башкирии существовала «волость Тамьянская по Ику» (МИБ, 1936, стр. 137).

Большинство тамьянцев вместе с бурзянами и тангаурами в XIV в. углубилось в горно-лесную зону Урала. Остальные закрепились на южной излучине Белой, в устье Нугуша, где подверглись сильной кыпчакизации. В дальнейшем направления тамьянских передвижений были аналогичны бурзянским и тангаурским. Примерно в одно время с ними они выходят в Зауралье (XV–XVI вв.) и одновременно с ними (XVI–XVIII вв.) образуется тамьявский поток ремиграции на Нугуш, Дему, Уршак и далее на юг. Вернувшиеся на Нугуш, Дему и Уршак тамьянцы еще в XIX в. активно общались с зауральскими соплеменниками, ездили за десятки и сотни километров друг к другу в гости; небольшие группы или семьи вновь переселялись в Зауралье, так как на Деме они оказались на положении припущенников⁴⁷.

⁴⁵ Полевые записи 1953 г., стр. 132; 1958 г., тетрадь 2, стр. 68; тетрадь 3, стр. 4–5, 8.

⁴⁶ Полевые записи 1958 г., тетрадь 3, стр. 8.

⁴⁷ Полевые записи 1957 г., стр. 88–90, 97, 101.

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКИХ КЫПЧАКОВ

Кыпчаки и Дешт-и-Кипчак

Известия о кыпчаках (половцах, куманах) разбросаны в многочисленных письменных памятниках средневековья как восточных, так и западных (библиографию см.: Бартольд, 1968а; Плетнева, 1958). Постоянно растет число научных публикаций средневековых текстов, содержащих новые факты и сведения о кыпчакских племенах. В последние годы накоплен значительный археологический материал, который исследователи более уверенно, чем прежде, связывают с кыпчаками. На основе существенно расширенной и обновленной фактологической базы создан и опубликован ряд исследований, обобщающих историю кыпчаков в одном из крупных регионов их расселения в эпоху средневековья: в Средней Азии, Поволжье и на Северном Кавказе или в южнорусских степях (новую сводку источников и исследований о кыпчаках см.: Кумеков, 1972). И все же было бы чрезвычайным оптимизмом считать, что в истории кыпчаков все ясно. Напротив, более чем через полстолетия после известных работ В. В. Бартольда, И. Маркварта и других исследователей возникает необходимость вновь обобщить огромный материал по истории кыпчаков и оценить их роль в этнической и политической истории целого ряда народов. Историческая лингвистика своей классификацией тюркских языков, а также выделением в их западной ветви обширной кыпчакской группы шире других дисциплин оценила место кыпчаков на завершающих стадиях этнического оформления многих народов Восточной Европы и Средней Азии. Создание исследования по этнической и политической истории кыпчаков с эпохи древности до позднего средневековья — одна из нерешенных задач исторической науки. Изучение кыпчакских родоплеменных образований в отдельных регионах или в составе тех или иных этносов, надо надеяться, поможет будущей разработке общей истории кыпчаков.

Древняя история кыпчаков теряется в глубине веков. Вероятно, первое достоверное известие о них относится к середине VIII в.: в надписи на памятнике уйгурскому кагану Моюн-Чуру (другая транскрипция имени — Баянчора) упоминаются «тюрки-кыпчаки» (*türk kybčak*), которые «властвовали [над нами] пятьдесят лет» (Малов, 1959, стр. 34, 38). Следовательно, по крайней мере с конца VII в. кыпчаки были жителями Саяно-Алтайского нагорья или же пришельцами сюда с соседних областей. Еще Г. Е. Грумм-Гржимайло доказывал, а позже его поддержал М. И. Артамонов, что предки кыпчаков представляли собой западную ветвь алтайских динлинов и в конце III в. до н. э. были покорены «хуннами» (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 57–59; Артамонов, 1962,

стр. 420). Эта гипотеза опирается на идентификацию «страны *кыпчаков*» из сообщений средневековых мусульманских авторов с «владением... Кюеше», «покоренном» хуннами, из древнекитайских источников (Бичурин, 1950, стр. 1, 50). Если предложенная идентификация верна, то родина кыпчаков — верхнее и среднее течение Иртыша и прилегающие к нему степи.

В восточных источниках кыпчаки впервые упоминаются Ибн-Хордадбехом (IX в.); позже известия о них и кимаках становятся обычными в арабо-персидской и тюркской литературе. Основная территория расселения кимако-кыпчакских племен до конца X в. большинством источников очерчивается в границах среднего течения Иртыша и смежных с юга областей. Кыпчаки и кимаки были родственными племенами, однако, согласно новейшим исследованиям, полностью их отождествлять не следует. Кыпчаки в VIII–XI вв. политически связаны с кимаками, возможно, зависимы от них; кыпчаки и кимаки говорили, вероятно, на различных диалектах одного языка (см. МК, 1960, стр. 66). В то же время политическая зависимость кыпчаков от кимаков не была стабильной, а в этнокультурной характеристике тех и других имелись своеобразие, связанные, может быть, с различиями в истоках их этногенеза (Кумеков, 1972, стр. 42–44).

В X в., а возможно и раньше, начинается движение кыпчаков в южном (на Сырдарью) и западном (в Поволжье, южнорусские степи) направлениях. Кыпчакская миграционная тенденция, нарастая, достигает кульминации в XI в. Именно в это время сырдарьинские и приаральские степи получают наименование Дешт-и-Кыпчак. По мере расселения и возвышения кыпчаков новое название распространяется на запад; к концу XI — началу XII в. «кыпчакскими степями» (Дешт-и-Кыпчак) становится огромная полоса территории Евразии — от Иртыша до Дуная.

В многочисленных контактах кыпчаков в процессе их миграции на юг и запад наибольшее значение в плане формирования их собственного этнического облика имели взаимодействия с печенегами и огузами. Печенегов кыпчаки знали еще в период пребывания в Азии: кыпчакские племена в VIII–IX вв. были северными соседями печенегов, кочевавших на Сырдарье и в Приаралье. Не лишены основания предположения о том, что в волнах кочевников, которые докатились в VIII и тем более в IX в. до Северного Кавказа, был кыпчакский компонент (Поляк, 1964, стр. 42). Речь, конечно, не идет о массовой миграции, но более раннее, чем принято считать, проникновение кыпчаков на запад не следует недооценивать. Появление в Приаралье и в южнорусских степях кыпчакских групп в период этнического преобладания там печенегов свидетельствует об активности кыпчаков и о начавшемся возвышении одного из мощных степных объединений средневековья.

Взаимоотношения кыпчаков с огузами не очень ясны. Этническая близость их отмечается в ряде источников. М. Кашгари говорит о близости языка огузов и кыпчаков (МК, 1960, стр. 66); по Рашид ад-дину, кыпчаки происходят от народа, который «смешался» с родом Огуза (1952, стр. 83). В некоторых исследованиях кыпчаки перечисляются среди 24 колен огузов. По преданию, очень широко распространенному и в подробностях переданному Рашид ад-дином (1952, стр. 84) и Абу-л-Гази (Кононов, 1958, стр. 43–44), Кипчак был сыном одного из погибших в битве «нукеров» или «беков» Огуз-хана. Мальчика, родившегося в походе, Огуз-хан усыновил и назвал Кипчаком, а когда он вырос и возмужал, дал ему «много илей и нукеров» и послал покорить края «Тина, Итиля, Яика», где Кипчак царствовал «триста лет». В шежере башкирских кыпчаков передается (с некоторыми нюансами) та же легенда: «...Кыпчак из рода Лукман Хакима; его отец был военачальником в орде Огуз-хана; после того как его войско было побеждено, а он сам [отец Кыпчака] умер, Кыпчака, родившегося на дорогах войны, Огуз-хан взял на свое попечение» (БШ, стр. 95; другие варианты — БШ, стр. 104, 115). Эти предания и легенды напоминают, вероятно, об этнических связях кыпчаков и огузов, о взаимном их проникновении в эпоху, когда огузы жили на Сырдарье и были южными соседями кыпчакско-кимакских племен. Несмотря на древние связи, истоки происхождения огузов и кыпчаков были, кажется, разные. Кыпчаки, по Абу-л-Гази, относятся к тем «нескольким илям», которым Огуз-хан дал имя, «но которые не происходят из его рода» (Кононов, 1958, стр. 51). При движении на запад кыпчаки вобрали в себя огузо-печенежские племена западноказахстанских и прикаспийско-причерноморских степей; в XI–XII вв. они представляли собой по существу конгломерат преимущественно тюркских племен, при кипчакской политической и этнокультурной гегемонии.

Политическое возвышение кыпчаков относится к XII — первым десятилетиям XIII в. Хотя они и не создали единого государства, но, господствуя на огромной территории, так или иначе участвовали во многих крупных исторических событиях той эпохи.

Главные политические устремления кыпчаков были направлены на южнорусские степи и богатое Причерноморье. Башкирия была периферией на этом пути и мало интересовала кочевников в период их возвышения. Это, естественно, не исключает проникновения кыпчакских групп в Башкирию в X–XI вв. и даже раньше, так как традиционные связи башкир с Сырдарьей, Приаральем и Северным Кавказом не прерывались. Когда в X в. кыпчакско-кимакские племена стали господствовать на Сырдарье и в Приаралье, северо-западные пределы их кочевий достигали Южного Урала (Кумек, 1972, стр. 60). В это время отдельные группы кыпчаков могли проникать на север, вплоть до

районов Приуралья. Но все же нет оснований полагать, что кыпчакское проникновение в Башкирию до начала XIII в. было массовым. Крупные вторжения кочевников-кыпчаков не прошли бы незамеченными в переживавшем тогда пору расцвета Булгарском государстве; отложился бы эти события и в башкирских шежере. Между тем на этот счет пока не обнаружено никаких сведений.

Первые сообщения о появлении кыпчаков в Башкирии относятся к эпохе начала завоевательного похода монголов в Восточную Европу. Слух о страшной угрозе, опережая монгольский авангард, проник в Дешт-и-Кипчакские степи, и уже одно это привело в движение кочевников. В Лаврентьевской летописи (1229 г.) говорится о массовом движении кыпчаков на болгарские земли «перед татары». Аналогичные сведения содержат восточные источники: по Ибн-ал-Асиру, «кыпчаки бежали без всякого боя» перед приближением монгольских войск; «одни укрылись в болотах, другие в горах, а иные ушли в страну русских» (Тизенгаузен, 1884, стр. 26). Значительная часть кыпчаков направилась в Приуралье и Поволжье. Об этом сообщает Абу-л-Гази; нарисовав страшную картину разгрома войсками Джучи-хана кыпчаков, он завершает рассказ словами: «Те из них, которые спаслись, ушли к иштякам»⁴⁸ (Кононов, 1958, стр. 44).

Таким образом, массовая кыпчакская миграция в Башкирию совпадает по времени с кануном и началом монгольских завоеваний в Восточной Европе.

Об этническом составе средневековых кыпчаков

Названия кыпчакских племен со ссылкой на летопись XIII в., составленную при мамлюкском эмире Байбарсе, сообщает Ан-Нувайри (XIV в.): токсоба, иета, бурджоглы, бурлы, кангуоглы, анджоглы, дурт, карабароглы, джузнан, карабиркли, котян. Позже перечень Ан-Нувайри повторил Ибн-Халдун (Тизенгаузен, 1887, стр. 540–541). В восточных источниках названы наиболее крупные племена кыпчаков. Менее значительные племена, не говоря уже о подразделениях племен, за редким исключением, не привлекли внимания хронистов. Лишь Ад-Димашки (XIII — начало XIV в.), отмечая приход части кыпчаков в Хорезм, перечисляет их разветвления: тау (*mağ*), бузанки, башкырды и др. (Навширванов, 1929, стр. 83–84)⁴⁹. Анализ родоплеменного состава народов кипчакской группы также выявляет неизвестные ранее этнонимы, восходящие к основному на-

⁴⁸ Иштяки, т. е. башкиры (см. гл. V).

⁴⁹ З. Ш. Навширванов воспользовался татарскими переводами из сочинения Ад-Димашки, выполненными известным историком XIX в. Ш. Марджани.

селению Дешт-и-Кипчака. Таким, для примера, является байбакты, название казахского рода Младшего Жуза, в древней части генеалогии которого имеется имя Токсаба, соответствующее названию наиболее крупного половецкого племени (Востров, Муканов, 1968, стр. 94–95).

К средневековым кыпчакам в историко-этнографической литературе возводят обычно те родоплеменные образования, в названиях которых присутствуют элементы «кыпчак» или этнонимы, перечисленные в списке Ан-Нувайри. Родоплеменные группы кыпчак (и их тамги) зафиксированы в составе следующих народов:

1 Ногайцы — племя кыпчак (кыпшак) в составе кара-ногаев и ак-ногаев	 (Баскаков, 1940, стр. 133, 136, 188–189)
2 Крымские татары — племя кыпчак	(Навширванов, 1929, стр. 83)
3 Башкиры — племя кыпчак и род кара-кыпчак в составе племени кыпчак	(см. табл.10)
4 Казахи — племя кыпчак в составе Среднего Жуза	Тамги: // \ \ = (Соколов, 1904, стр. 91; Аманжолов, 1959, стр. 12; Востров, Муканов, 1968, стр. 75) или (Левшин, 1832, стр.135; Гродеков, 1889, стр. 5)
5 Киргизы — племя кыпчак в составе группы ичкилик	—+ (Абрамзон, 1960, стр. 104)
6 Каракалпаки — племя кыпчак (кыпшак) в составе арыса Он торть уру	(Жданко, 1950, стр. 37)
7 Узбеки — «главный род» кыпчак в составе зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 59, 100)	Тамга не указана
8 Алтайцы — род (сеок) кыпчак (Потапов, 1969, стр. 23–24)	Тамга не указана

Топонимы *Кыпчак* зафиксированы в районах расселения османских турков (Еремеев, 1971, стр. 94) и гагаузов (Баскаков, 1964, стр. 49).

Если считать ногайскую и киргизскую тамги вариациями тамги | то все приведенные кыпчакские тамги сводятся к двум древним и близким между собой типам: черта и две черты. Тамга | была печенежской и воспринята от них канглами, сформировавшимися на основе кыпчакско-печенежского смешения; тамга ||, являясь ее удвоением, стала знаком многих более «молодых» кыпчакских образований. Возможно, единообразию кыпчакских тамг на огромной территории мы обязаны той иллюзии кыпчакского этнического единства, которая порой просматривается в некоторых работах.

Этнический состав средневековых кыпчаков, если вспомнить историю их продвижения от Иртыша до Причерноморья, был не менее сложным, чем многих современных тюркских народов. Выше уже шла речь о смешении кыпчаков с печенегами и огузами. В перечне Ан-Нувайри, однако, немного этнонимических следов кыпчакско-печенежско-огузского смешения, хотя Ибн-Халдун делает весьма важное добавление о том, что «все перечисленные племена не от одного рода» (Тизенгаузен, 1887, стр. 542). *Кангуоглы*, очевидно, те же канглы, которые многими исследователями отождествляются с кангарами (самоназвание печенегов) и кенгерес орхонских надписей начала VIII в. (Голубовский, 1884, стр. 55; Гумилев, 1967, стр. 143)⁵⁰. В то же время канглы рассматриваются как смешанные печенежско-кыпчакские племена, сохранившие в Дешт-и-Кипчаке старый этноним. Точно так же печенежско-огузское племя *баяут* (*баут*, *баят*) в XII в. выступает в составе кыпчаков или канглы (Толстов, 1947, стр. 93). Огузскими по происхождению, но появившимися в Восточной Европе в связи с движением кыпчаков, являются, как увидим ниже, этнонимы *туркмен* в составе башкир и ногайцев, монгольскими — *герей* (*гэрэйле*, *гэрэй*, *гэрэ*) в составе башкир.

О наличии в составе кыпчаков монгольского компонента писал еще И. Маркварт, и в этом поддержал его В. В. Бартольд (1968, стр. 400). Ибн-Халдун оставил на эту тему следующее сообщение: «Ход рассказа... указывает на то, что племя Дурут из кыпчаков, а племя Токсоба из татар» (Тизенгаузен, 1884, стр. 541—542). В этом аспекте происхождение кыпчаков обстоятельному исследованию, кажется, еще не подвергалось, хотя сравнительно недавно была вновь высказана мысль о том, что кыпчаки, а в их составе и монгольские группы проникали на Северный Кавказ еще в VIII в. (Поляк, 1964). Вопрос о древнем монгольском компоненте в составе кыпчаков является чрезвычай-

⁵⁰ В. В. Бартольд скептически относился к идентификации названий *кангар* и *кенгерес* (Бартольд, 1968а, стр. 404–405).

но сложным, но постановка его, как видим, совершенно обоснована. В этом свете не могут не привлечь внимания некоторые археологические открытия последних лет. Реконструкция канов в кимакских жилищах на Сырдарье показала, что аналогии им восходят к системе отопления жилищ, распространенной в древнемонгольских городах. Эти наблюдения дали повод археологам С. Ахинжанову и Л. Ерзаковичу обновить гипотезу И. Маркварта о монгольском или, по крайней мере, центральноазиатском происхождении кимаков (Ахинжанов и Ерзакович, 1972, стр. 67–68). В Поволжье, в г. Булгары, раскопаны жилища, тип которых «характерен для монгольских городов» (Смирнов, 1971, стр. 496). Хотя монгольское происхождение кимаков невозможно считать доказанным (см. об этом Кумек, 1972, стр. 35–46), накопленный к настоящему времени материал показывает, что центральноазиатский компонент (в том числе, вероятно, и монгольский) сыграл определенную роль в этнокультурном сложении кимако-кыпчакских племен. Со временем, надо надеяться, появится возможность доказать этот тезис и на материалах тюрко-монгольской этнонимии. Присутствие в составе кыпчаков монгольских групп в более позднее время аргументируется легче. Известно, что в XII в. (1125 г.) часть населения бывшей империи киданей (китаев) передвигается на запад в пределы Туркестана и образует государство кара-китаев (мусульманское название киданей), западные границы которого простираются до Каспийского моря. Однако кыпчаки столкнулись с киданями значительно раньше: восточные источники сообщают о движении китаев в районе Баласагуна в самом начале XI в. (Бартольд, 1968а, стр. 396). Взаимодействие кыпчаков с китаями, а позднее с кара-китаями сопровождалось инфильтрацией в кыпчакскую среду и тюркизацией монгольских родоплеменных групп, что нашло отражение в этнонимах *ктай-кыпчак* у казахов, узбеков и каракалпаков.

В Нижнем Поволжье и в Причерноморье кыпчаки по мере укрепления их влияния и могущества в степи поглощали и ассимилировали другие местные группы населения. Иначе трудно было бы объяснить ту «быструю победу» кыпчакского языка в Золотой Орде, которую отмечают многие источники. Приведем известное сообщение Ал-Омари (XIV в.): «В древности это государство было страной кыпчаков. Но когда им завладели татары, то кыпчаки сделались их подданными. Потом татары смешались и породнились с ними [кыпчаками], и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их [татар], и все они стали точно кыпчаки как будто бы одного с ними рода...» (Тизенгаузен, 1887, стр. 235). Сравнительно легкая кыпчакизация завоевателей объяснялась не только тем, что монголов в составе пришельцев было меньше, чем тюрков, как обычно подчеркивают в исторических исследованиях. Инерция кыпчакизации монгольских групп определи-

лась раньше, и включение завоевателей-монголов в этот процесс было продолжением этнической традиции. Едва ли лишь дипломатическими соображениями руководствовались монголы, когда, стремясь расколоть совместную алано-кыпчакскую оборону, по словам Ибн ал-Асира, заявляли кыпчакам: «Мы и вы — один народ и из одного племени...» (Тизенгаузен, 1941, стр. 32–33).

В конгломерате кыпчакских племен, несмотря на единый тюркский язык и степную культуру, не было мира и согласия. Монгольское завоевание Дешт-и-Кипчака в 1222–1230 гг. было облегчено противоречиями и междоусобицами, которые раздирали половецкую степь. Ибн-Халдун объясняет межплеменные распри кыпчаков разностью происхождения племен (Поляк, 1964, стр. 42–43). В. Г. Тизенгаузен публикует простран- ный отрывок из сочинения Ан-Нувайри о «старинном соперничестве» между кыпчакскими племенами токсоба и дурут, которое завершилось переходом токсобичей на сторону завоевателей и разгромом дурутов (Тизенгаузен, 1887, стр. 541). Война между кыпчаками не только облегчила монголам их завоевательные походы, но и создала ситуацию, при которой кыпчакские племена искали спасение от жестоких завоевателей или в дальних откочевках с половецкой степи, или покорялись монголам и с их помощью, подобно токсобичам, стремились расправиться со своими давними противниками. Такова была сложная этни- ческая и политическая обстановка в Дешт-и-Кипчаке в период начав- шейся массовой миграции кыпчаков в Приуралье.

Этническая история башкирских кыпчаков

В составе башкирских кыпчаков (точнее, в составе родов, объеди- ненных общим названием «кыпчак») выделяются три родовые группы, четко отличающиеся тамгами.

Основой п е р в о й г р у п п ы является род кара-кыпчак. Относи- тельно написания и произношения этнонима *кара-кыпчак* существуют два мнения. Большинство исследователей до недавнего времени писали кара-кыпчак (*кара* — черный). Д. Н. Соколов, опираясь на источники XVIII в. (Вельяминов-Зернов, 1864, приложение), высказал мнение, что правильное название рода *карый-кыпчак* (Соколов, 1904, стр. 5). Поле- вые материалы и шежере подтвердили заключение Д. Н. Соколова (БШ, стр. 102). Обычно информаторы этноним произносят в утвердившей- ся форме — кара-кыпчак, но наиболее сведущие старики еще твердо знают, что «древнее» название рода *карый*, что, по их представлению, означает «исконный, самый старый»⁵¹. На древнетюркском языке *qarï* действительно означает «старый, старик» (ДТС, стр. 426), однако на-

⁵¹ Полевые записи 1958 г., тетрадь 3, стр. 9, 13, 20.

родное объяснение является, видимо, поздним осмыслением значения слова. В примечаниях к «Книге моего деда Коркута» А. Н. Кононов приводит различные значения слова *kara* в тюркских языках: 'черный', 'плохой', 'дурной', но в то же время — 'северный', 'главный', 'большой', 'могучий' (Кононов, 1962, стр. 259). Следовательно, кара-кыпчак (карый-кыпчак) мог быть этнонимом «могучих», «многочисленных» или «больших» кыпчаков. В этом плане любопытны и некоторые монгольские аналогии. В «Сокровенном сказании» термин *qari* [*xari*] мн. ч. *qarin* встречается в значениях род, племя, страна (Козин, 1941, стр. 524, 526). Б. Я. Владимирцев считал, что этот термин обозначает «большой род», «колено». Карый-кыпчак мог означать, таким образом, «большой род кыпчаков», «страну кыпчаков» — термин, который персидские писатели передали как Дешт-и-Кипчак. Если идти дальше по предлагаемому пути анализа этнонима, уместно еще раз вспомнить замечание И. Маркварта о том, что кимаки, согласно мусульманским известиям, произошли от монголов, и особенно цитированное выше сообщение Ибн-Халдуна, что «племя Токсоба из татар». Окончательная оценка этих известий — не задача настоящей работы; в данном случае она сводится к тому, чтобы показать древность кара-кыпчакского рода, его далекие этногенетические связи с тюрко-монгольским этническим миром Алтай-Саянского нагорья и прилегающих областей.

Этноним кара-кыпчак, кроме башкир, зафиксирован у крымских татар (Маркевич, 1928, стр. 11), синьцзянских киргизов (Абрамзон, 1959, стр. 338) и казахов, причем в составе казахов кара-кыпчакские роды являются «самыми разветвленными и многочисленными» (Востров, Муканов, 1968, стр. 75). Эта важная особенность целиком относится и к башкирским кара-кыпчакам, включавшим роды *сарыш*, *аслы* (*ислы*), *сайкан* (табл. 9). Некоторые родовые названия кара-кыпчаков имеют аналогии в этнонимии других народов. В составе зеравшанских кыпчаков зафиксирован род *чарыш*, или *сарыш* (Гребенкин, 1872, стр. 100). В составе ногайцев также был род *сарыш*: в исторической песне «Ормамбет-бий» имеется образ дочери ногайского бия Айым или Сарыша-Айым (Толстова, Утемисов, 1963а, стр. 43). Топоним *Сарыш-Кыпчак* зафиксирован в географической номенклатуре Крыма (Маркевич, 1928, стр. 11).

Происхождение кара-кыпчакского рода в башкирских шежере описывается в основных чертах так же, как в сочинениях Рашид ад-дина и Абу-л-Гази. Видимо, степная фольклорная традиция не знала границ. На башкирской почве средневековая концепция о происхождении кыпчаков несколько детализирована: Кыпчак-хан (или Кычак-хан) был приемным сыном Огуза, который послал его завоевывать «долину реки Итиль» (БШ, стр. 95). Триста лет царствовал Кыпчак-хан в своем государстве, и «все кыпчакские роды состоят из [его] потомков»

(БШ, стр. 104). Что касается башкирских кыпчаков, то они — потомки Лач-бия (или Лаж-бия) — сына Кыпчак-хана. Сын Лач-бия, Кулсарыбий, является «отцом трех тюб Карый-Кыпчаков», а другие кыпчакские роды — потомки другого сына Лач-бия — Алымлы или Алмай-бия (БШ, стр. 104, 116). В этих сообщениях обращают внимание, во-первых, четкие представления о различиях в происхождении кара-кыпчаков и остальных кыпчакских родов и, во-вторых, полное отсутствие в шежере и преданиях не кара-кыпчакских родов мотива об усыновлении Кыпчака Огуз-ханом и других сюжетов из традиционного кыпчакско-огузского фольклора.

В целом изложенное выше, а также кара-кыпчакский уран Токсаба указывают на этническое происхождение башкирских кара-кыпчаков от средневекового половецкого племени Токсаба — одного из древних племен Дешт-и-Кипчака, имевших тюрко-монгольское происхождение. Об этом же свидетельствует и типологическое единство тамг у большинства кыпчакских племен в составе разных народов (в случае с каракалпаками совпадают и ураны).

Вторую группу образуют роды гэрэй и карагай с тамгами . К ним примыкают роды санкем, бушман и суун, у которых, кроме указанных, зафиксирована тамга . Для рода бушман тамга-вилы является основной, а тамга-ворота — заимствованной (табл. 9).

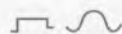
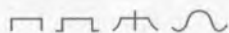
Вопрос о происхождении рода *бушман* решается благодаря рассказу Ад-Джувайни и Рашид ад-дина о борьбе кыпчаков с монголами в период усмирения последними все еще сопротивляющегося населения захваченных половецких земель. Наиболее ожесточенным «на берегу Итиля» было сопротивление «Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних эмиров, из народа кыпчаков, из племени олбурлик», который собрал вокруг себя «скопище других беглецов» (Рашид ад-дин, 1960, стр. 38). Пойманный Бачман был жестоко казнен Менгу-кааном. Соплеменники Бачмана были истреблены или покорены завоевателями. Часть людей из окружения Бачмана бежала на север по Волге и к концу первой половины XIII в. присоединилась к башкирам. Но это переселение могло произойти и несколько позже, в золотоордынский период. У казахов род *бушман* входил в состав племени кунграт (Левшин, 1832, III, стр. 10); известно, что монгольское племя кунграт в процессе тюркизации вобрало в себя многие кыпчакские роды. Название кыпчакского племени олбурлик, из которого происходят бушманы, является, очевидно, производным от этнонима бурлы из списка Ан-Нувайри.

Судя по тому, что предание об эмире Бачмане и его борьбе с монголами было известно татарам (БТЭ, стр. 174–175) и проникло в татарскую письменную традицию (Усманов, 1972, стр. 116), кыпчаки-бушманы участвовали в этническом формировании и татарского народа. Подразделение *бушман* (*бычман*) входит также в состав киргизского

племени азык, которое С. М. Абрамзон относит к этническим группам алтайского происхождения (Абрамзон, 1971, стр. 39). Это последнее обстоятельство может означать, что *бушман-бычман* — тюркский этноним древнего происхождения, трансформировавшийся в преданиях согласно степной традиции в имя эмира бушман-кыпчаков (ср. Бурзян-бий, Кыпчак-бий и т. д.).

Несколько иначе выглядит этническая история гэрэй-кыпчаков. Тамгами племени кунграт казахов Среднего Жуза являются фигуры, совершенно аналогичные гэрэй-, карагай- и суун-кыпчакским тамгам. Учитывая, что в составе казахских кунгратов зафиксированы, по крайней мере, два башкирских этнонима — бушман и байляр, может возникнуть мысль о кунгратских истоках этнической истории некоторых родоплеменных групп башкир. Однако, как обычно, зигзаги истории были сложнее, чем представляется с первого взгляда. Тамга-ворота — довольно сложная фигура и среди тюркских племен встречается редко. Примечательно, что в буквах орхонского алфавита, в которых можно найти аналогии большинству тюркских тамг, нет знака, напоминающего тамгу-ворота (Малов, 1951, стр. 17; Соколов, 1904, приложение). Тем более должны привлечь внимание параллели, которые следуют ниже:

- 1 Тамги башкирских родов гэрэй-, карагай- и суун-кыпчак (табл. 9)
- 2 Тамги казахского племени кунграт (Аристов, 1894, стр. 417)
- 3 Тамга казахского рода кара-гирей Среднего Жуза (Гродеков, 1889, стр. 5)
- 4 Одна из тамг казахского племени керей (Гродеков, 1889, стр. 5)
- 5 Тамга рода хаджа Малого Жуза (Соколов, 1904, стр. 91)
- 6 «Султанская» тамга казахов Малого Жуза (Соколов, 1904, стр. 91)
- 7 Тамги ханов Золотой Орды, которые «походили формой на стремя» (Аристов, 1897; стр. 13)

(вариация от тамги
□□)

Тождественность тамг сомнения, кажется, не вызывает. Бросается в глаза следующая особенность: одна и та же тамга была распространена у золотоордынской аристократии, казахских «султанов» (если это не род?), кунгратов и, наконец, родоплеменных образований гэрэй, каракирей, керей. Есть ли здесь связь? Оказалось, что распространение этой тамги связано с почти одновременным приходом в XIII в. в центр золотоордынского государства племен кунграт и керейт, их тюркизацией с последующей миграцией уже тюркизированных (кыпчакизированных) групп в состав некоторых народов Средней Азии и Восточной Европы.

Соотношение керейтов и казахского племени керей и обширную литературу по этому вопросу подробно рассмотрели В. В. Востров и М. С. Муканов (1968, стр. 57–59, 90–92). Дискуссию о тюркском или монгольском происхождении керейтов, начатую еще в XIX в. Н. А. Аристовым, Г. И. Грумм-Гржимайло, В. В. Бартольд, Х. Ховорсом и другими, видимо, рано считать завершенной, хотя число сторонников идеи тюркской принадлежности керейтов увеличивается (см., например, Аманжолов, 1959, стр. 47–52). Если керейты — могущественное и многолюдное объединение, еще в домонгольскую эпоху создавшее свое государство на границе с Китаем, — и были тюрками⁵², нет сомнения и в том, что их движение в XIII в. на запад, вызванное разгромом их государства в 1202 г. монголами, происходило в составе войск завоевателей и, следовательно, сопровождалось в самом начале XIII в. проникновением и смешением в их среде монгольского компонента. Косвенным свидетельством этого может быть наличие рода *кирэй* в составе монголов XVII в. (Лебедева, 1958, стр. 221).

По мнению В. В. Вострова и Н. А. Аманжолова, часть керейтов устремилась на запад, вплоть до Волги, где они сохранили свой этноним *керейт* и вошли позднее под этим названием в состав узбеков, киргизов, а небольшая группа — в состав казахов (Абрамзон, 1971, стр. 47; Муканов, 1972, стр. 6). Этноним керейт (керейд, кириет, кирийет) зафиксирован также в топонимии причерноморских степей (Баскаков, 1964, стр. 48). Другая часть керейтов осталась в Северном Казахстане и влилась в Средний Жуз казахов под названием *керей* (*кара-керей*, *абак-керей*), утратив окончание *-т* в прежнем этнониме. На наш взгляд, эта схема построена с учетом имеющихся материалов и выглядит убедительно⁵³. Однако едва ли правомерно, если иметь в ви-

⁵² Рашид ад-дин относит керейтов к числу племен, которые «не столь давно получили имя монголов» (1952, I, стр. 77).

⁵³ Другую точку зрения отстаивает А. Джикиев (1961, стр. 20–30): опираясь на то, что одного из шести сыновей Огуза от наложниц звали Герейли, А. Джикиев связывает происхождение туркменского рода герей с огузскими тюрками

ду постоянные и далекие передвижения средневекового степного населения в эпоху монгольских походов, резко отгораживать керейтов и кереев, не допуская возможности их контактов, обратных миграций западных керейтов на восток или дальнейшего движения отдельных групп киреев на запад. Такие перемещения, как хорошо известно из этнической истории среднеазиатских народов, были довольно обычным явлением. Появление этнонимов *гэрэй* (*гэрэй-кыпчак*), *гэрэ* — у башкир, *герей* — у крымских татар объясняется хотя бы частичной миграцией киреев на запад. В составе Золотой Орды керейты и керей имели определенные контакты с кунгратами. Монгольское племя кунграт было весьма влиятельным в Золотой Орде. Как писал Н. А. Аристов, кунгратаы «несомненно имели большое значение при дворе джучидов и в управлении подвластными народами» (Аристов, 1897, стр. 370). Известно, что жена золотоордынского хана Токты была из племени кунграт (Греков, Якубовский, 1950, стр. 100). В этой обстановке, очевидно, распространилась и утвердилась, в том числе и среди «подвластных народов», кунгратская тамга. Привилегированным положением кунгратов объясняется также и то, что кунгратская тамга становится тамгой золотоордынской аристократии, она же позднее — «султанская» тамга у казахов. Кунгратаы были одним из немногих монгольских племен, которые не потеряли в условиях Золотой Орды своего племенного единства, даже полностью подвергнувшись тюркизации (Греков, Якубовский, 1950, стр. 298). Кунгратаы включили в свой состав немало тюркских групп: в подавляющем большинстве случаев этнонимы родов племени кунграт в составе среднеазиатских народов носят тюркские названия (Жданко, 1950, стр. 37, таблица). Совершенно естественно предположить в этой ситуации тесные контакты между кунгратами и керейтами, связанными участием в монгольских походах, еще свежими воспоминаниями об оставшихся далеко на востоке племенных землях. В этом, на наш взгляд, основная причина сочетания кыпчакских, кунгратских и керейских (или керейтских) этнонимов в одних и тех же образованиях, а также сходства тамг, казалось бы, между различными образованиями. В пестроте и сложности кыпчакских признаков достаточно четко просматривается сходство тамг (и этнонимов) башкирского рода *гэрэй-кыпчак*, казахского — *кара-гирей* и керей.

Итак, появление *гэрэй-кыпчаков* и соответственно других кыпчакских родов с аналогичной тамгой тесно связано с этническими процессами в Золотой Орде в XIII — начале XIV в. Башкиры этих родов яв-

VIII в. Учитывая, однако, что сочинение Абу-л-Гази составлено значительно позднее, нам представляется более аргументированной точка зрения казахских этнографов.

ляются потомками кыпчаков Дешт-и-Кипчака, смешавшихся с киреями (ответвлением керейтов) и кунгратами. Находясь, возможно, в числе подвластных кунгратам племен, они восприняли от них некоторые этнонимы и тамги.

В третьей группе этническая история рода *ак-* или *туркмен-кыпчак* (тамга — ви́лы) не связана с закаспийскими туркменами, как это представлялось М. В. Лоссиевскому и П. Назарову. Впрочем, в своих предположениях они ориентировались лишь на этноним *туркмен*, который среди юго-восточных башкир, особенно кыпчаков, часто встречается в названиях родовых подразделений (только в составе кара-кыпчаков 10 случаев). Народная фантазия создала предания о женитьбе юноши-башкира на красавице из далекой Туркмении, однако это не более чем позднее осмысление присутствия «туркменских» этнонимов.

Родоплеменные названия *туркмен* зафиксированы в составе ногайцев (Баскаков, 1940, стр. 135), узбеков (Мошкова, 1950, стр. 136) и некоторых других народов. Если миграции небольших групп населения в XVI–XVIII вв. между казахами, каракалпаками и башкирами документально можно подтвердить, то в отношении аргументации аналогичных связей башкир и туркмен возникнут непреодолимые трудности. Остается полагать, что этноним *туркмен* в башкирскую среду проник значительно раньше.

Впервые в арабской литературе слово «туркмен» появляется в X в. в сочинении географа Ал-Мукаддаси, и обозначало оно часть огузов на Сырдарье (Бартольд, 1963в, стр. 548). В этой связи интересны предания, собранные В. Г. Мошковой среди группы узбеков Самаркандской и Бухарской областей, которые называют себя туркменами. Одно из преданий гласит, что предки нуратинских туркмен жили на Сырдарье, откуда в XII в. из-за ссоры с шейхом Ходжа Ахмедом Ясави переселились на Амударью и далее в Закаспий. Однако ушли не все; всякий бедный люд, которому не по силам были далекие переходы, остался в междуречье и осел в Нуратинских горах. В предании есть любопытная деталь о возвращении на Нуратау части ушедших «на запад» туркмен, которых прислали их вожди Акман и Караман (Мошкова, 1950, стр. 136–145). Таким образом, сырдарьинские туркмены X–XII вв. — это в основном огузские племена, которые в какой-то мере смешались с карлуками. В начале XI в. мощное движение, начавшееся в степи под давлением кара-китаев и кыпчаков, завершилось известной миграцией сельджуков и передвижением огузов-туркмен в Закаспий (Агаджанов, 1970, стр. 196–197). Но часть туркмен осталась на Сырдарье и постепенно продвигалась на Нуратау. В начале XIII в. монголы на Сырдарье застали еще довольно многочисленное туркменское население (Бартольд, 1963в, стр. 585, 589). Туркмены были вовлечены в монгольское

движение и вновь направились на запад. Но туркмены XIII в. уже отличались от своих предков туркмен-огузов XI в.; с конца XI в. и особенно в XII в. они смешались с кыпчакскими племенами. Кыпчакизация сырдарьинских туркмен завершилась в центре Золотоордынской империи, в Волго-Яицком междуречье, хотя и здесь они сохранили старый этноним. Башкирские туркмен-кыпчаки являются потомками одной из этих групп. Кроме этнонима, об этом свидетельствуют фольклорные параллели: родовые вожди Акман и Караман фигурируют во многих преданиях и шежере башкир, особенно племени мин, этнические связи которого с Мавераннахром в XIII–XIV вв. подтверждают на основе письменных источников (см. гл. VI). Об огузском происхождении некоторых кыпчакских родов, в том числе башкирских, дает повод говорить и этноним *тау*, имеющий наибольшее количество параллелей у башкир (записано 25 названий *тау*, *таулы*, *караттаулы*), туркмен, каракалпаков и узбеков. Этноним *тау* изредка, но встречается и на востоке, например, у тубаларов Горного Алтая (Потапов, 1972, стр. 52). Древние предания связывают этноним *тау* с огузами: одного из шести легендарных сыновей звали *Таг* (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 86). Наконец, башкиры туркмен-кыпчаки имеют специфичную для них «туркменскую» тамгу, широко распространенную у упомянутых выше народов. У башкир тамги этого типа (табл. 9) называются *һуһыр аяк* (ножки глухаря) или *казаяк* (гусиные лапки). Последнее название, казаяк, в форме *казаяклы* известно и в качестве этнонима у башкир, каракалпаков (ДАХХ, стр. 98), ногайцев и, вероятно, гагаузов (Баскаков, 1964, стр. 48), у узбеков. Таким образом, появление в Башкирии этнонимов туркмен, тау, казаяклы связано с кыпчакским этапом этнической истории башкирского народа.

Расселение кыпчаков в Башкирии

Кыпчаки двигались в Башкирию с юга и юго-запада. В преданиях и шежере говорится, что «отцы и деды наши [ата-бабалар] пришли с Азовского моря» и поселились на новой родине, «перейдя через [реку] Итиль» (БШ, стр. 95). Среди части башкирских кыпчаков еще недавно было распространено представление, что древняя родина их предков — кубанские степи (БШ, стр. 108). В XIII–XIV вв. кыпчаки широко расселились по всему Приуралью, концентрируясь в междуречье Белой и Ика. Границы их кочевий на юге были неопределенными; все Волго-Яицкое междуречье, включая долины рек Б. и М. Уzenь и Чижинские разливы, входило в зону кыпчакских передвижений. Однако уже в XIII–XIV вв. под давлением новых волн кочевников они были вынуждены отодвинуться далеко на север и восток. В сказаниях южноуральских кыпчаков и в шежере обычно рассказывается о переселе-

нии предков в горы «с верховьев Демы», «с долины Кинели», «с верховьев Самары, из Ток-Чуранского кантона», «с реки Ик, что впадает в Каму» и т. п.⁵⁴ Весь этот район совпадает с южной частью Бугульминской возвышенности и бассейном р. Самары. Продвигаясь с этих земель на север, кыпчаки переправились и на правобережье Белой в ее верхнем и среднем течении (карта 5). В XIV в. кыпчаки господствовали в нижнем течении р. Демы⁵⁵, на левобережье Белой и в долине р. Зилим (БШ, стр. 116).

Большая часть кыпчаков устремилась в бассейн западного Ика. Еще в начале XVIII в. «по рекам Ик и Сюнь» располагалась «Сарыш-Кыпчацкая» волость, а «по обе стороны» нижнего течения р. Белой, у ее впадения в Каму была «Гирейская» волость (МИБ, 1936 стр. 137). Где-то на востоке Бугульминской возвышенности, в районе озера Асылыкуль, кочевали кыпчаки рода аслы. В верхнем течении западного Ика жили ак- или туркмен-кыпчаки: их предание рассказывает, как три брата пришли с Ика на Саелмыш охотиться на бобров; старый бобёр, которого хотел убить один из братьев, на курае сыграл старинную мелодию; «поняли братья, что настоящая их родина на Саелмыше и со всем родом перекочевали с Ика сюда»⁵⁶.

К концу XIV в. кыпчаки кочевали почти на всей территории, на которой обитали племена, носившие к этому времени общий этноним *башкурт*. Весьма вероятно, что фронт кыпчакского проникновения захватил и юг современной территории Татарии.

Движение кыпчаков на север и восток с Бугульминской возвышенности особенно активным становится в конце XIV — начале XV в. и было связано с событиями в переживавшей распад Золотой Орде. Кыпчаки или кыпчакизированные родоплеменные группы расселились в эту эпоху в разных районах современной Башкирии или частью остались в Приуралье. Гэрэй-кыпчаки расселились по р. Зилим, откуда позже были оттеснены дальше на восток, в горы. От гэрэй-кыпчаков отделился род карагай, который занял горные долины. Остальные роды — кара-, ак-, санкем-, суун- и бушман-кыпчак поселились на территории от южной излучины Белой до низовьев Сакмары. В XV–XVI вв. под напором ногайцев они углубились к северу по течению Нугуша и восточнее — в лесные районы левых притоков Б. Ика. Но основным районом расселения и «старинными землями» южные кыпчаки всегда считали низовья Сакмары (Соколов, 1904, стр. 62).

Дальнейшие направления и этапы передвижения южноуральских кыпчаков в XVI–XIX вв. аналогичны миграциям других юго-восточ-

⁵⁴ Полевые записи 1953 г., стр. 271; 1957 г., стр. 21–22, 29.

⁵⁵ ЦГАЛИ, ф. 2175, оп. 2, д. 344, л. 2.

⁵⁶ Полевые записи 1957 г., стр. 21–22.

ных племен. Одновременно с бурзянами и тангаурами карагай-кыпчаки вышли в Зауралье. Полевые материалы, которые здесь не приводятся, позволяют проследить постепенное передвижение на восток и в Зауралье кыпчаков начиная с самых западных пределов гэрэй-кыпчакской территории. С переселением бурзян на юг в XVII в. кыпчакские территории здесь оказались расчлененными. В XVII–XVIII вв. в едином потоке с бурзянами и другими юго-восточными башкирами кыпчаки устремились на запад⁵⁷, чтобы занять после ушедших ногайцев старинные земли по правым притокам Самары, и далее на юг — в долины рек Б. и М. Узень и на Чижинские разливы. Отсюда они вместе с башкирами других племен во второй половине XIX в. были переселены на Б. Ирғиз.

1. Родоплеменной состав и история расселения юго-восточных башкир отражают различные этапы их этнической истории.

Племя юрматы принадлежит к раннему (булгаро-угорскому) этническому слою башкирского этноса, образовавшемуся на базе смешения тюркского и угорского (древнемадьярского) населения на территории формирующейся Волжской Булгарии и сопредельных областей. Вывод подтверждается расселением племени в XIII–XIV вв. в восточном Закамье в ближайшем соседстве от волжских булгар, тождественностью башкирского этнонима *юрматы* с древневенгерским этнонимом *Gyermat*, этническим родством юрматынцев с болгарским родом *ерми* (юрми), пребыванием рода ерми в составе приазовских и дунайских болгар, болгарской оронимией (Тура-тау, Курман-тау) и гидронимией (Эсем, Уран) на новой южноуральской территории юрматынцев, параллелями в материальной и духовной культуре башкир, волжских булгар, татар и чувашей и, наконец, происхождением этнонима *юрматы* «из того же тюркского языка с чувашским отпечатком, из которого происходят остальные наши (т. е. венгерские. — Р. К.) заимствования из древнетюркского языка» (Németh, 1966, стр. 19).

Племена усерган и тангаур (раннесредневековые баджгарды), племя бурзян (раннесредневековые бурджаны), сыгравшие в этнических процессах Приуралья консолидирующую роль, имели (так же как и племя тамьян) центральноазиатское (тюркское — усерган, бурзян, или монгольское — тангаур, тамьян) происхождение. История этих *древнебашкирских* племен развивалась в иранской, угорской и особенно в тюрко-печенежской этнической среде Приаралья, позже — в этнополитической орбите приазовских болгар. В момент миграции в Восточную

⁵⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 4, стр. 407; Полевые записи 1955 г., стр. 94; 1957 г., стр. 47–49.

Европу баджгарды и бурджаны в этническом отношении принадлежали к печенежскому миру, но их более древние этноисторические связи с ушедшими ранее на запад болгарами, судя по сообщениям восточных источников и некоторым историко-этнографическим данным, не были окончательно утрачены.

Кыпчакские роды восходят к тюркским, частично — к монгольским племенам Центральной Азии и Алтая, прошедшим этап этнической интеграции в Дешт-и-Кипчаке.

2. Миграция племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян с Северного Кавказа и Нижнего Поволжья имела место в IX в. Баджгардо-бурджанская группа племен, так же как и юрматынцы, переселилась в Приуралье в составе или вслед за булгарским потоком.

3. Центром первоначального расселения племен юрматы, усерган, тангаур, бурзян, тамьян была Бугульминская возвышенность от района водораздела рек (восточные районы современной ТАССР и северо-восточные — Куйбышевской области) до левобережья р. Белой. Племя юрматы занимало территорию по рекам Степной Зай и Шешма в юго-восточном соседстве булгар; усерганы, бурзяне, тангауры, тамьянцы кочевали на территории между юрматынцами на западе и р. Белой на востоке.

4. Начало собственно кыпчакской миграции в Башкирию относится к XI–XII вв., но наиболее массовым проникновение было в XIII–XIV вв. Кыпчаки первоначально заселили всю территорию западной Башкирии к югу от нижнего течения р. Белой. Смешавшись с местными и ранее пришедшими племенами, кыпчаки сыграли крупную роль на завершающих стадиях формирования этнического облика башкир.

5. XIII–XV века стали периодом наиболее крупных передвижений башкирских племен с Приуралья на Южный Урал и в Зауралье. Здесь юго-восточные племена ассимилировали тюркских кочевников, приток которых из юго-восточных районов страны не прекращался со второй половины I тыс. н. э. Этнические связи Южного Урала и Приаралья, имевшие глубокие исторические традиции, развиваются и в последующие века, способствуя стабилизации степной культуры и традиционных форм хозяйства юго-восточных башкир.

6. Этническая основа юго-восточной географической группы башкир сложилась на базе синтеза местного (финно-угорского), булгаро-угорского (юрматы) и древнебашкирского (усерган, бурзян, тангаур) компонентов при ведущей культурно-языковой роли последнего. Существенную роль в этническом развитии юго-восточных башкир сыграли кыпчаки, которые, однако, и сами восприняли немало черт, характерных для древних башкир. Разговорный язык юго-восточных башкир составляет ик-сакмарский говор южного диалекта башкирского языка.

Т а б л и ц а 1

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название	
1	Тальтим (Талтем)	У	Вилы (һэнэк)
		└┐	Гребенка (тарак)
2	Татигас (Тэгэгас) отделился в XVI–XVII вв. от рода Тальтим	└	
3	Кармыш (Кармыш); другое название Макар (Макар)	У	Гусиные лапки (казаяк)
4	Юрматы (Юрматы)	└┐	Ребро (кабырга)
		┐└	Ведро на нарах (һикэ өстендә бизрә)
		У	
5	Ногай-Юрматы (Нугай-Юрматы); другое название (предположительно) Ар или Арлар	У	
		└	
6	Мишар-Юрматы (Мишәр-Юрматы); другое название Карагай-Мишар (Карагай-Мишәр)		Прут (сыбык)
		└	Крюк (ыргак)

Т а б л и ц а 2

№	Основная тамга	Вариации
1	У	У У У У У У У У
2	└	└┐ └┐ └┐ └┐ └┐ └┐ └┐ └┐

Т а б л и ц а 3

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название	
1	Мунаш (Монаш)	└┐	Дербник (яғылбай); молоток (сүкеш)
		└	Дербник (яғылбай)
		└┐	Ворота (капка);
		└┐└┐	дом-тамга (йорт-тамга)
2	Ногай-Бурзян (Нугай-Борйән)	└┐	Лапки глухаря (һуйыр аяк)

Т а б л и ц а 3 (окончание)

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
3	Ямаш (Ямаш)	↑ Дербник (яғылбай)
4	Янсары (Янһары); другое название Жанса (Жанса)	┐
5	Байулы-Бурзян (Байулы-Бөрийән)	┐ ↑ Т < Вилы (һәнәк)

Т а б л и ц а 4

№	Основная тамга	Вариации
1	↑ Т	┐ ┐ ┐ ┐ ┐ ↑ ↑
2	<	∨ ∨ ∨ ∨ ∨ ∨ ∨
3	┐	┐ ┐ ┐ ┐ ┐ ┐ ┐

Т а б л и ц а 5

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Сураш (Сураш)	✕ Мотовило (әүернә) ✕ Подхвостник (койошкан)
2	Медведь (Айһу)	✕ ✕ ┐ Вилы (һәнәк)
3	Волк (Бүре)	✕
4	Бишей (Бишәй)	✕ ✕
5	Шишей (Шишәй)	✕ ✕

Таблица 6

№	Основная тамга	Вариации
1	×	× × × × × × ×
2	↑	↑ ↑ ↑ ↑ ↑ ↑

Таблица 7

Основная тамга	Вариации
↪	↪ ↪ ↪ ↪ ↪ ↪ ↪ ↪

Таблица 8

№	Основная тамга	Вариации	Названия основных тамг или их вариаций
1	U	U U U U U	U Подкова (дага) U Кускар (кускар)
2		1 1 → ⇨ //	
3	<	✓ ✓ ✓ ✓ ✓	✓ Деревянный крюк для выделки кожи (ирэк)

Таблица 9

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Бушман-суун-кыпчак (Бошман-хуун-кыпсак, Бошман-хууын-кыпсак) суун (хуун или хууын) бушман (бошман)	 Кожаная петля на поясе для ношения топора (шэлтэу)
2	Санкем-кыпчак (Сэнкем-кыпсак)	
3	Гэрэй-кыпчак (Гэрэй-кыпсак)	 Ворота (капка) Лук (йэйэ)
4	Карагай-кыпчак (Карагай-кыпсак)	 Весы, коромысло (мынгал) Кускар (кускар)

Т а б л и ц а 9 (окончание)

№	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название	
5	Кара-кыпчак (кара или карый-кыпсак)		Две черты (ике-һызык); две палки (ике тайак); ребро (кабырга)
		└	Подхвостник (койошкан)
6	Сарыш-кыпчак (Сарыш-кыпсак)	ʏ	Вилы (һәнәк)
7	Ак-кыпчак; другие названия: Туркмен-кыпчак, Ногай-кыпчак (Ак-кыпсак, Төрөкмән-кыпсак, Нугай-кыпсак)	ʏ ʏ	Ножки глухаря (һуйыр аяк); гусиные лапки (казаяк)
8	Сары-кыпчак (һары-кыпсак)	ʏ T	
9	Джете-уру (Ете-ырыу)		

Т а б л и ц а 10

№	Основная тамга	Вариации
1		= // F L H // H H J I #
2	└	└ └ └ └ └ └ └ └
3	ʏ	ʏ ʏ ʏ ʏ ʏ ʏ ʏ ʏ

ГЛАВА V

СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ БАШКИРЫ

Северо-восточная группа башкир распадается, как указывалось, на подгруппы северную (или айско-юрюзанскую), зауральскую и горную. В этой части Башкирии издавна сложились три родоплеменных объединения — айлинское, катайское и табынское, которые составляют соответственно основу северной, зауральской и горной подгрупп.

АЙЛИНСКИЕ БАШКИРЫ

Этнический состав

Айлинская группа башкир включает семь племен (табл. 1), из них только два — *ай*¹ и *кудей* — имеют сложный состав. Остальные — *мурзалар*, *дуван*, *кошсы*, *сызгы* и *упей* — внутреннего членения не имеют. История образования айлинского объединения восходит к XIV–XV вв. (см.: Кузеев, 1957, стр. 60–63). Кочевники, занявшие бассейн р. Ай, зачастую не связанные между собой ни исторически, ни этнически, первоначально представляли конгломерат различных родовых и племенных организаций. Позднее, когда улеглась эпоха массовых передвижений и стабилизировались родоплеменные территории, подобные конгломераты родов и племен объединялись в группы или союзы, которые принимали привычную для кочевников форму племени. Айле, или айлинцы, — одно из таких «территориальных» племен или, точнее, родоплеменных объединений.

В списках XVIII в. племена мурзалар, дуван, кошсо, сызгы и упей обычно перечисляются в составе айлинцев наряду с собственно айлинскими родами (гл. II, табл. 3, 4). Но в их правовом положении было существенное различие. Айлинские роды — ай, тырнаклы, каратав-

¹ Ряд айлинских племен и родов имеет по несколько названий (см. табл. 1).

лы, туркмен, сарт-айле владели частью общей айлинской вотчины. Племена дуван, мурзалар, кошсы, сызгы и упей, напротив, выступали перед царской администрацией самостоятельно и являлись владельцами оставленных «дедами и пращурами» родоплеменных вотчин. В состав айлинской тюбы (МИБ, 1949, стр. 500) они входили лишь политически, по инерции давних союзных отношений. Впрочем, уже в XVIII в. это было анахронизмом, данью навсегда утраченным традициям. П. Паллас и И. Лепехин, например, зафиксировали в северо-восточной Башкирии положение, которое отчетливо просматривается и по нашим материалам: айлинцами считали себя лишь собственно айлинские роды и небольшие группы башкир по среднему течению р. Ай. Остальные башкиры Уфимского плато называли себя по имени того племени или рода, к которому они фактически принадлежали, что отражено в табл. 1.

Район расселения айлинской группы башкир в XVII–XIX вв. был обширным: крайние западные айлинские аулы находились в долине р. Демы и в верховьях р. Усень, восточные — в нескольких десятках километров от Тобола. Основной территорией айлинского расселения оставались долины рек Уфа (на северной ее излучине), Ай, Юрюзань, Сим, Лемеза (карта 6). В XVIII в. собственно айлинцы кочевали по течению р. Ай вплоть до верховьев рек Б. и М. Ик, Ока и др. Дуванцы занимали обширную территорию по всему течению Б. Ика, а сызгинцы и упейцы когда-то жили южнее, по берегам Ая и ее притоков (БШ, стр. 79).

Общая численность айлинской группы башкир, подсчитанная на основании сведений уфимского бургомистра Юхнева, составляла в первой половине XVIII в. около 15 тыс. человек (МИБ, 1949, стр. 488–489).

В айлинском объединении зафиксировано 275 родовых подразделений. Из них патронимические и этнические (в том числе родоплеменные) наименования составляют примерно по одной трети (соответственно 90 и 86). Названия животных, птиц, рыб — около десяти процентов (26). Этнонимов, обозначающих прочие реалии, — 34.

Этнические наименования: казах (7), киргиз (5), калмак (5), каракалпак, бухар (4), кызылбаш (2), туркмен (2), узбек, сарт (3), мангол, ногай, аксуваш (белый чуваш), чуваш, черемис (3), мишар (3), типтяр (3), татар. Этнонимы казах (или киргиз), калмак, татар, мишар, типтяр известны на всей территории расселения айлинской группы, однако в зауральских районах родовые подразделения казах (киргиз) или калмак встречаются чаще. Названия бухар, сарт, узбек, кызылбаш, каракалпак, туркмен зафиксированы преимущественно среди собственно айлинцев, но отдельные из них (туркмен, бухар) знакомы кудейцам и башкирам племени кошсо. Редкий у башкир этноним *мангол* записан у мурзаларцев.

Родоплеменные названия: ай или айле (вариант: *этимгэн айзе* — айлинец, вскормленный собакой) (3), бишэй, волк (*буре* или *бурес*) (5), кудей (2), кувакан, салют, табын, таз (7), тунгатар, кукюргек, сырзы, таулы (3), тугыз (3), кумый (6), алтыш кулак (60 ушей), медведь (*айыу*), этимгэн (3), кусок (*көсөк*) (4).

Этнонимы кувакан, кукюргек, салют, табын, тунгатар, сырзы свидетельствуют о смешанности айлинцев с табынской и катaysкой группами северо-восточных башкир. Бросается в глаза преобладание у айлинских башкир табынской этнонимии; этнические связи с катаяцами были слабее. С юго-восточными и западными башкирами айлинцев связывают этнонимы: волк (*буре*), медведь (*айыу*), бишэй (названия трех родов племени усерган), бурес, таулы и тугыз (родовые подразделения, многократно зафиксированные на Южном Урале), таз (племя в северо-западной Башкирии и родовые подразделения кыпчаков, усерган, бурзян и др.). Этнонимы алтыш кулак 'шестьдесят ушей', кумый, кусок, этимгэн, тунгатар, так же как ай и кудей, приаральского или среднеазиатского происхождения.

Родоплеменные тамги у айлинских башкир, как и следовало ожидать, заметно различаются (табл. 1), хотя внутри большинства племен или родов типологическое единство тамг прослеживается достаточно отчетливо. На примере айлинских башкир можно проследить еще одну особенность башкирских тамг: общая в основе тамга в процессе развития приобретает в пределах различных племен, родов или даже территориальных групп различные направления (или разный стиль) варьирования (табл. 2). У айлинских башкир зафиксировано 215 тамг (племя ай — 88, кудей — 52, кошсы — 26, дуван — 16 и т. д.) Тамги собственно айлинцев (родов ай, каратавлы), несмотря на вариации, исполненные с большим воображением (табл. 2, № 1), в целом единообразны (43 из 88). У большинства айлинцев зауральских районов вариации основной тамги несколько отличаются. Аналогичная в основе тамга у племени мурзалар.

У зауральских сартов единство тамги выступает совершенно отчетливо: у них тамгой является фигура в виде восьмерки. Идентифицировать ее с тамгой айлинцев невозможно; айлинская тамга не имеет таких вариационных изменений. У основной части сартов, живущих на р. Ай, тамга имеет форму круга, причем ее вариации в ряде случаев напоминают табынские тамги. Сарты до переселения в долину Ая долгое время жили в верховьях р. Урал на табынской земле. Многие сарты направлялись в Зауралье также с табынской территории. Их тамгой стал двоясанный круг — один из распространенных у башкир способов образования новой тамги. Изображение двоясанного круга постепенно стилизовалось, превратившись в обычную восьмерку. Таким образом, сарт-айлинские тамги, будучи в основе табынскими, имели свой, оригинальный путь варьирования.

Тамга № 3 — вилы — принадлежит кудейским родам и туркмен-айлинцам. Тождество этой тамги с туркмен-кышчакской тамгой (гл. IV, табл. 9) весьма показательно. Вариационные формы тамги № 3 у кудейцев, среди которых она особенно широко распространена (25 из 52), чрезвычайно сложны и разнообразны.

Тамг типа № 4 немного, и зафиксированы они главным образом у дуванцев и в нескольких случаях — у племени кошсы. Встречаются они, как будет показано ниже, у западных табынцев. Среди последних еще в конце прошлого века М. В. Лоссиевским записана легенда, что «Чингизхан одарил» табынцев птицей, деревом, ураном и тамгой (Лоссиевский, 1883, стр. 81). Название тамги приведено в форме «срка»; вероятно, *срка* — крюк для выделки кожи. Общность тамги № 4 с западнотабынской указывает на этноисторические связи дуванцев и, возможно, кошсинцев с табынцами.

Тамга № 5 хорошо известна трем кудейским родам (22 из 52), а также распространена у племен дуван (8 из 16) и сызгы (9 из 13). Напомним, что эта тамга является одной из основных у кыпчаков (гл. IV, табл. 9). В изменениях тамги у кудейцев и дуванцев, с одной стороны, и сызгинцев — с другой, прослеживаются некоторые различия, показанные в таблице.

Тамга № 6, в основном начертании аналогичная юрматынской и байулы-бурзянской, у племени кошсы (15 из 26) имеет совершенно оригинальные вариации, которые на юго-востоке почти не встречаются. Остальные тамги (№ 7, 8) зафиксированы в небольшом числе и приведены в табл. 9, чтобы дать представление об упейских тамгах.

Происхождение и история расселения айлинских башкир

Айлинские родоплеменные группы заселяли северо-восточную Башкирию как с востока, из Зауралья, так и с запада. Племена дуван, кошсы и кудей расселялись в древности в западной Башкирии и двигались оттуда в восточном и северо-восточном направлениях. История племен сызгы и упей также тесно связана с западным Приуральем. Племена ай (роды ай, каратавлы, тырнаклы, сарт) и мурзалар, напротив, до переселения в долину Ая обитали юго-восточнее, за Уралом.

Племена ай и мурзалар. Происхождение племени ай в литературе часто связывается с родоплеменной группой аялы в составе сибирских татар. Основной (и, кажется, единственный) аргумент, которым оперируют авторы этой точки зрения, — внешнее сходство этнонимов: *ай* (*эйзе*) — *аялы* (Ахатов, 1963, стр. 15–16). Несостоятельность сближения этнонимов *ай* — *аялы* с позиции тюркских языков убедительно показала Д. Г. Тумашева (1968). Интересной представля-

ется точка зрения В. Ф. Генинга, считающего, что многие этнонимы башкирских айлинцев находят «объяснение из самодийских и финно-угорских имен» (Генинг, 1967, стр. 66). Древнеугорское, или самодийское, происхождение некоторых айлинских этнонимов в свете историко-этнографических данных может оказаться вполне вероятным, хотя и не всегда обязательно связанным с Западной Сибирью. Но в то же время нет оснований преувеличивать эту линию этнического развития северо-восточных башкир. Заключение о переселении группы айле в Башкирию из Западной Сибири, где «на своей изначальной территории по среднему течению Иртыша» осталась основная часть племени (Генинг, 1967, стр. 65), базируется в основном на том же недоказанном тезисе об идентичности двух этнонимов: башкирского *ай* (*эй*, *эйзе*) и западносибирских татар *аялы*. Имеющиеся у нас исторические и этнографические материалы рисуют истоки этнической истории айлинцев несколько иначе.

Предания и легенды собственно айлинских родов: ай, тырнаклы, каратавлы, сарт², а также племени мурзалар содержат рассказы о приходе их предков на Урал с Сырдарьи или с отрогов уже известных нам «Башкуртских гор» близ Бухары. Предания имеют множество вариантов: отцы и деды потеряли на прежней родине «на Сырдарье», «в Башкуртских горах», «в Узбекистане» отару овец и в поисках ее, идя по следу, пришли на Урал — на свою новую родину³; один из бухарских биев «за Сырдарьей» потерял косяк лошадей во главе с рогатым жеребцом, в поисках которого сарт-айлинцы пришли в Башкирию, и т. д.⁴

² Пятый айлинский род — *туркмен* — не является собственно айлинским. Это потомки туркмен-кудейцев, поселившихся в XV–XVI вв. на айлинской вотчине (Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, стр. 42–44).

³ Полевые записи 1956 г., стр. 19, 28, 30. Аналогичные предания содержатся в шежере: предок айлинцев Юлбуга из Средней Азии, с отрогов «Башкуртских гор» пришел в поисках потерявшей отары овец в местность Миадак на северных отрогах Южного Урала; сарт-айлинцы совершили трудное путешествие «из-за Сырдарьи» на Урал вслед за отарой овец, в связи с чем получили название «чернохвостых сартов» — *каракойпок харт* (БШ, стр. 66, 218).

⁴ Полевые записи 1953 г., стр. 370–371. В сарт-айлинских преданиях нередко фигурируют имена предков: Делбахун-бий (*Дэлбахун*) — родом туркмен — пришел на р. Ай из Хивы; на Урал из Бухары пришел Малекхужа; у него от старшего сына Каракусюка (*каракөсөк*) было шесть внуков, от которых разросся род сартов из шести деревень: *алты ауыл харт* или *алтаузар* (Полевые записи 1956 г., стр. 23–24; 1959 г., стр. 27). Сарт-айлинские исторические сказания часто связывают переселение в Башкирию предков-мусульман с их миссионерскими задачами (Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, л. 51; Полевые записи 1956 г., стр. 19).

Наиболее выразительным является следующее айлинское сказание, известное также мурзаларцам: «В старину мы назывались сырдарьинскими башкирами. Предки наши жили в местности Каип [*Kaien*] на берегу Сыра. У одного из богатых предков потерялся серый конь [*бузат*], резвая кобылица [*байтал*] и красавица дочь Гаделбану. На поиски отправились трое юношей. Они долго шли по следу и недалеко от Тургояка нашли девушку. Следы лошадей вели дальше на Урал; юноши прошли верховье Яика и пришли на р. Ай. Здесь они были очарованы красотой и богатством природы: густыми лесами, реками, долинами. Людей в тех местах не было. Юноши одну реку назвали Ай, другую — Узьян (т. е. Юрюзань. — *Р. К.*), гору между ними — Благословенной [*Көдрәт-тау*]. На берегу небольшой речки они нашли обеих лошадей и вернулись на Сырдарью. Юноши рассказали об увиденных землях и весь род, все сырдарьинские башкиры переселились на Урал. Среди переселившихся был Мырзабек [*Мырза-бәк*] — предок мурзаларцев, Имса — предок тырнаклинцев, его брат Тумса — предок айлинцев»⁵. Хотя предания заметно варьируются, все они называют древней родиной айлинских башкир берега Сырдарьи или другие районы Средней Азии. Лишь в некоторых исторических сказаниях племени мурзалар упоминается о приходе предков с Алтая или из Монголии⁶.

Предания юго-восточных башкир о приходе на родину вслед за волком и айлинские предания о переселении на Урал вслед за отарой овец (воронным конем, рогатым жеребцом или косяком лошадей) имеют общие корни. Сюжеты преданий айлинских башкир являются более поздней переработкой в соответствии с изменившимися религиозными представлениями древней тотемистической легенды о волке как прародителе и путеводителе тюрок. Эта переработка произошла, видимо, в X–XI вв. в Приаралье и южнее, в долине Сырдарьи, под воздействием довольно активного в тот момент исламского влияния на кочевническую периферию. Развитие сюжета предания о переселении на новую родину в среде предков башкир было длительным и сложным. Широкое распространение предания произошло, вероятно, в середине I тыс. н. э., когда массовое вторжение кочевников с востока захватило Сырдарью, Приаралье и смежные области. С конца I тыс. н. э., по мере формирования различных племенных объединений и в соответствии с характером воздействия на те или иные этнические группы хозяйственных, политических, территориальных и других факторов, сюжет предания повсюду приобретает местные, специфические черты. Башкирские племена усерган, тан-

⁵ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, лл. 3–4.

⁶ Полевые записи 1953 г., стр. 157.

гаур, бурзян (юго-восточная группа), рано покинувшие Сырдарью и Приаралье, принесли в Восточную Европу наиболее древнюю сюжетную структуру предания, обогащенную, кроме того, некоторыми деталями северокавказского происхождения. Те родоплеменные группы (в частности айлинцы), которые еще долгое время оставались на востоке, сохранили в своих сказаниях лишь модификации древних сюжетов. Несмотря на различия, общность основной сюжетной линии юго-восточных и северо-восточных башкирских преданий о переселении на новую родину просматривается отчетливо. Из этого следует, что хотя юго-восточные и айлинские башкиры расселились на Урале в разное время и разными путями, предки тех и других были родственными образованиями и входили в состав печенежско-огузско-кыпчакских племен сырдарьинских и приаральских степей VII–IX вв.

Анализ айлинской родоплеменной этнонимии подтверждает южные этнические связи их предков. Названия бухар, сарт, узбек, кызылбаш, туркмен, каракалпак сами по себе хорошо иллюстрируют это заключение. Но появление перечисленных этнонимов у айлинских башкир могло по историческим условиям относиться и к сравнительно позднему периоду. Обратимся к этнонимам, аналогии которым одновременно у нескольких народов указывают на древние связи.

Этноним *ай* (*айле*) зафиксирован в формах: *айнлы* в составе узбеков Туркмении (Винников, 1962, стр. 99), *алты-ата-айтамгалы* — нуратинских туркмен (Мошкова, 1950, стр. 148), *айы* — туркмен-нохурлы (Васильева, 1954, стр. 91), *ай* — киргизов (Винников, 1956, стр. 150). Почти повсюду, где встречается этноним с основой *ай*, обязательно присутствует и название *сарт*. У нуратинских туркмен роды *сарт-топи* и *сарт-айтамгалы* входят в состав племени алты-ата-айтамгалы, у киргизов *сарттар* — племя в ветви адигине (Абрамзон, 1971, стр. 26).

Непременное сочетание этнонимов *ай* и *сарт* в пределах единых родоплеменных образований башкир, нуратинских туркмен и киргизов (при этом, подчеркнем, во всех случаях с одинаковыми тамгами в виде полумесяца — *ай*)⁷ доказывает давность исторических, а вероянее всего, этнических связей между предками айлинцев и сартов. Связи эти должны были возникнуть на территории, откуда родоплеменные группы *ай* и *сарт* могли попасть в состав практически всех

⁷ Тамги киргизских племен *ай* и *сарт* опубликованы С. М. Абрамзоном (1960, стр. 99, 101; 1971, стр. 32). Тамги нуратинских туркмен В. Г. Мошкова не публикует, однако этнонимы интересующих нас родоплеменных образований — *айтамгалы* — сами по себе говорят об их формах. Названия тамг (*ай-тамга* — *полумесяц-тамга*) во всех приведенных нами случаях также одинаковые.

среднеазиатских народов и, кроме того, на Южный Урал и в Западную Сибирь. Такой территорией были сырдарьинские и приаральские степи.

В Средней Азии и Казахстане имеются аналогии и другим айлинским родовым названиям: ср. башк. *мырзалар* и род *мырзагул* в составе казахского племени аргын (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185), подразделение *мурзагул* — локайского рода эсен-ходжа (Кармышева, 1959, стр. 9). В составе того же локайского рода имеется подразделение *алтмыш* — очень редкий этноним у тюркских народов, имеющий в данном случае аналогию у айлинских башкир: *алтмыш-колак*. Особенно выразительны аналогии айлинской этнонимии с туркменской. Кроме упомянутых, приведем следующие примеры. Туркменское племя имрели подразделяется на отделы *кумлы* и *даглы* (Васильева, 1954, стр. 98). Одно из крупных айлинских подразделений (в прошлом — род или отделение племени) называется *кумлы*. Этноним *тау*, связанный, как уже отмечено, с огузо-кыпчакской средой, хорошо известен и айлинским башкирам (род *каратаулы*, родовые подразделения *тау*, *таулы*). Г. П. Васильева сближает названия айлинских (особенно сарт-айлинских) родовых подразделений *тәкеш*, *абдел* и *кызылбаш* с этнонимами туркменского племени *теке*, родов *абдал* и *кызыл-баш* в составе хорезмских и ставропольских туркмен-игдыров; названия *этимгэн* (вскормленный собакой) и *көсөк* (щенок) — с этнонимом туркменского племени *йомут*, название которого в туркменских народных сказаниях трактуется так же, как и у башкир, и родом *кодджук* (щенок) в составе тех же йомутов (Васильева, 1971, стр. 202–203). Естественно, что реальность некоторых из приведенных параллелей нуждается в дополнительной аргументации (прежде всего в лингвистической). Однако возможность тех или иных поправок не меняет общего положения. Огузо-туркменское и в целом среднеазиатское происхождение этнонимов ай (или айле), таулы (или каратаулы), этимгэн (вариант — этимгэн-айле), кусюк (варианты — эткусюк, каракусюк), алтмыш и других, тем более — бухар, кызылбаш, сарт, туркмен, узбек, каракалпак, зафиксированных в пределах компактной (айлинской) родоплеменной группы, т. е. существовавших комплексно и взаимозависимо, сомнений не вызывает.

Кроме преданий и этнонимии, этническая история айлинцев нашла отражение в повествованиях об исторических связях Туркмении и Башкирии, в генеалогических построениях о происхождении айлинцев, а также в некоторых туркмено-башкирских фольклорных параллелях. В одном из старинных башкирских шежере, в котором в подражание арабо-персидской средневековой традиции дана картина происхождения многих народов и племен, приводится следующая генеалогия айлинцев с небольшим сопроводительным текстом:

Тогланыш — был во главе Туркестана

↓
Тогланыш — был во главе Туркестана

↓
Афлах — предок киргизов (т. е. казахов. — Р. К.), был кочевником

↓
Мард (в другом варианте шежере Морад. — Р. К.)

↓
Туркмен

↓
Кинзя — подчинил Бухару

↓
Иштяк — был башкирским ханом; у Иштяка было много сыновей.
Древняя его родина на реке Гомод (Гомод-Дарьясында).

↓
Бикатун — умер язычником

↓
Сарт

↓
Тырнаклы

↓
Айле — в стране отца своего, в долине Миасса, после его смерти в течение 50 лет был бием и умер в долине Миасса в 90 лет⁸.

сет, естественно, с разн. имен. предками или, напротив, с дополне-
ниями. Независимо от различий, все варианты одинаково ясно пока-
зывают представления айлинцев о своем среднеазиатском происхож-
дении. Любопытно перекликается с башкирскими шежере предание,
записанное С. М. Абрамзоном в Киргизии. Согласно преданию, «у Бу-
рута были сыновья Кабыран и Усунь; у Кабырана — Эштек и Нурку-
нан. От Усуны произошли все казахи, от Нуркунана — ойгут, кыргыз
и джедигер, а от Эштека — башкиры» (Абрамзон, 1971, стр. 64). В при-
веденных родословной и предании можно видеть различные варианты
очень старой легенды о происхождении и генеалогическом соотноше-
нии различных тюркских племен и народов. Естественно, что в каж-
дой этнической среде, в зависимости от исторических обстоятельств
и фольклорных традиций, генеалогия народов и племен принимала спе-
цифические формы.

⁸ Уметбаев, 1897, стр. 45.

Если попытаться синтезировать изложенные выше материалы, правомерным будет вывод о том, что ранняя этническая история собственно айлинских родов развивалась на Сырдарье и в Приаралье. Следовательно, этнические взаимосвязи айлинских башкир с каракалпаками и туркменами в золотоордынскую и последующие эпохи были лишь инерцией более ранних процессов. Происхождение же айлинцев было связано с огузами. В генеалогической структуре древних огузов, составленной Рашид ад-дином, племена яраз, дукер, дургэ и яирлы объединяются в отделение *ай* — луна (или полумесяц), получившего название по имени второго сына Огуза (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 76, 86). Тамга-полумесяц (ай-тамга), характерная для родоплеменных образований ай и сарт-ай в составе ряда народов, также, вероятно, является древнеогузской. С. П. Толстов, например, считает ай-тамгу тотемом туркменского племени али-эли, к которому восходит происхождение рода *айы* (Толстов, 1935, стр. 8). Следовательно, племена (или роды) ай в составе всех тюркских народов имеют в основе огузское происхождение. В случае с башкирами это подтверждается еще одной параллелью: одним из внуков Огуз-хана был *Кумы* (Кононов, 1958, стр. 51): это имя сохранилось в названиях айлинского рода (БШ, стр. 168), а также шести родовых подразделений (*комый* — кумый). Имеет значение в наших доказательствах и такой момент: наиболее близки совпадения в родовых названиях башкирских айлинцев с нуратинскими туркменами, происхождение которых от сырдарьинских огузов доказала В. Г. Мошкова: ср. *алты-ата-айтамгалы* — у нуратинцев и *алтаузар* — у башкир; соответственно *тогуз* и *тугыз*. Этноним *тугыз*, *тугызак* распространен почти во всей айлинской группе. Кроме башкир и нуратинских туркмен, этноним тогуз известен тубаларам (тогус — Потапов, 1972, стр. 53, 64), киргизам (тогузак, тогуз уул — Абрамзон, 1960, стр. 130), каракалпам (тогызак — Жданко, 1950, стр. 167), ногайцам (токуз); в форме *Токуз* этноним зафиксирован также в географической номенклатуре Причерноморья — в области расселения гагаузов (Баскаков, 1964, стр. 49). Н. А. Баскаков установил на основе лингвистического анализа преемственность тубаларского этнонима Тогус с тогуз-огузами орхонских надписей (Баскаков, 1958, стр. 28). Этот вывод, очевидно, можно распространить с соответствующими коррективами, учитывающими историю расселения тюркских племен, на этнонимы *токуз* у других народов, в том числе у айлинских башкир.

Принадлежность башкирских айлинцев к огузскому этническому миру на Сырдарье не означает, однако, что все айлинские роды имели огузское происхождение, тем более, что этническая история самих огузов была тесно связана с Семиречьем, Алтаем и Центральной Азией. На Сырдарью и в Приаралье в последних веках I тыс. н. э. были на-

правлены маршруты многих кочевников Востока. В составе объединения ай могли оказаться группы пришельцев из восточных областей: кыпчаков, тюркизированных монголов и др. Что этническая ситуация была именно такой, говорят предания мурзаларцев о Монголии как о родине их далеких предков, родовое подразделение мангол в их составе, распространенность этнонима токуз от Алтая до Дуная, сказания тырнаклинцев и каратавлинцев о сравнительно недавних связях с родичами на Алтае и т. д.⁹ В. Г. Мошкова, анализируя этническую историю нуратинцев, приходит к еще более определенному выводу: племя ай-тамгалы — «брахицефалы, ярко выраженного монголоидного типа» — было «инородной группой» среди потомков сырдарьинских угوزов (Мошкова, 1950, стр. 151).

Племена ай, которые мы можем теперь применительно к VII–IX вв. рассматривать в этническом отношении как смешанные с преобладанием угузо-печенежского компонента, на Сырдарье и в северном Приаралье какое-то время находились в контактах и с уграми — северными соседями тюркских кочевников. Есть основания полагать, что в этом районе во второй половине I тыс. н. э. произошло смешение части угров в тюркской среде, в частности в составе предков башкир. Второе название башкир — *истяк*, *иштяк* — связано как раз с этими событиями. В Башкирию это название принесли айлинские башкиры, хотя оно было известно и некоторым «древнебашкирским» племенам: усерганам и тамьянцам (БШ, стр. 174–175).

Во многих шежере и преданиях Айле, Сарт, Тырнаклы как легендарные основатели соответствующих родов показаны потомками или сыновьями «Иштяка — башкирского хана» (БШ, стр. 171). Этноним *иштяк* возник в эпоху раннего средневековья на Сырдарье, в Приаралье и прилегающих степях. Отсюда это название в качестве родоплеменных этнонимов или имен предков в генеалогиях попало к башкирам, каракалпакам (*иштек*, *естек* — род племени кыпчак; ДАХХ, стр. 127, 293, 307), киргизам (*эштек* — Абрамзон, 1960, стр. 137) и впоследствии к тобольским и барабинским татарам (Strahlenberg, 1730, стр. 321). У киргизов Иштяк — дядя легендарного Манаса по материнской линии (по Ч. Валиханову — Истяк, С. М. Абрамзону — Эштек) — является, согласно генеалогиям, родоначальником племени солто, в состав которого, кстати, входят роды ай-туу (рождающаяся луна?) и сарт. Еще более поразительно совпадение там: все солтинские роды имеют ай-тамгу (Абрамзон, 1960, стр. 24, 27; 1971, стр. 364). В совокупности с приведенным выше преданием в записи С. М. Абрамзона эти факты свидетельствуют о несомненной связи в прошлом башкирских и киргизских этнонимов *иштяк* (*эштек*), *ай*, *сарт* и их носителей. То обстоятельство,

⁹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, л. 147.

что в состав истяков башкирские источники наряду с айлинцами включают и юго-восточные племена усерган и тамьян (БШ, стр. 174), говорит о древности как самого названия, так и башкиро-угорских связей. Отсюда следует еще одно заключение: предки айлинцев на Сырдарье и в Приаралье находились в составе или в тесных контактах с группой племен, которую арабо-персидские источники называли «баджгард», а в более позднее время некоторые среднеазиатские писатели (Насир-эд-дин ар-Рабгузи, Абу-л-Гази) — «иштяк»¹⁰.

После ухода баджгардов и бурджан на запад предки айлинцев, в том числе сартов¹¹, некоторое время оставались на Сырдарье и в Приара-

¹⁰ Специально об этнониме *истяк* (*иштяк*) см.: Кузеев, 1968, стр. 241–248.

¹¹ Происхождение этнонима *сарт* имеет некоторые особенности, затрагивающие этническую историю сарт-айлинцев. Значение слова «сарт» менялось в зависимости от времени и географических широт. Не вдаваясь в специальный анализ этого вопроса (литературу см.: Кармышева, 1960), обратим, однако, внимание на то, что точка зрения, согласно которой термин «сарт» означает оседлых жителей городов преимущественно северных районов Средней Азии (Гребенкин, 1872, стр. 2–3), совершенно верная применительно к XIX в., едва ли исчерпывает существо вопроса в целом. В. В. Бартольд пишет, что слово «сарт» (в формах сартагул, сартаул или сартол) в монгольских и тибетских сочинениях употреблялось первоначально для обозначения туркестанцев вообще, а позднее — всех туркестанских мусульман независимо от этнической принадлежности. Это последнее значение распространилось в X–XII вв. и к началу монгольских завоеваний, по словам В. В. Бартольда, «было окончательно установлено» (Бартольд, 1964в, 310). С проникновением мусульманства в среду кочевников племена, принявшие новую религию, стали называться сартами, по крайней мере, со стороны тех тюрков, которые оставались верными древним религиозным культам. Это не означает, что в ту весьма нестабильную эпоху отдельные группы оседлого населения — сартов — не могли быть увлеченными сильными миграционными потоками в далекие путешествия. Обилие элемента «сарт» не только в башкирской этнонимии, но и в топонимии (деревни Сарты, Сарт-Батраково, Сарт-Смирново, Сарт-Чишма, Сарт-Наурузово, Сарт-баш, Сарт-Лобово и т. д.) как раз говорит о возможности различных вариантов. Однако ничто не доказывает, что предки сарт-айлинского рода были «оседлыми горожанами». Этнографические наблюдения над айлинцами в XVIII–XIX вв. также не дали таких материалов. Башкиры в верховьях и среднем течении Ая еще в конце XVIII в. были скотоводами-полукочевниками (Лепехин, 1822, стр. 243). Напротив, имеются сведения, хотя и косвенные, что сарт-айлинцы были принявшими ислам тюрками-кочевниками: в цитированном выше шежере сказано, что Бикатун, отец Айле, «умер язычником», а брат его Сарт был мусульманином. Следовательно, предки сарт-айлинцев, судя по аналогиям в этнонимии разных народов, этногенетическим сказани-

лье. Уже тогда они включились, вероятно, в цикл кочевания, с давних пор сложившийся на этой территории: зимой стада содержались в малоснежных степях за Сырдарьей и в Приаралье, а на лето отгонялись далеко на север — на Тургояк, Тобол, Уй и в предгорья Урала. Когда обстановка в Дешт-и-Кипчаке осложнилась, часть айлинских родов уже по знакомым кочевым путям направилась на Южный Урал, который стал их новой родиной.

История расселения племен ай и мурзалар. Характер постоянных этнокультурных и хозяйственных связей Южного Урала и Приаралья был таким, что установление конкретной даты переселения айлинских башкир — задача чрезвычайно трудная. На хозяйственные и этнические связи Хорезма и Двуречья с Зауральем еще в скифо-сарматскую эпоху не раз обращали внимание многие исследователи (Толстов, 1948; Сальников, 1952). Движение тюркских кочевников в последующие эпохи (примерно с середины I тыс. н. э.) было продолжением и расширением древних связей. При этом Арало-Уральский цикл кочевания, когда, по словам Абу-л-Гази, лето кочевники проводили «при вершине Яика, а зиму при устье Сыра», вскоре стал для них хозяйственной необходимостью. Исследованные памятники кочевников с азиатскими чертами культуры на Южном Урале датируются археологами VIII–IX вв. (Мажитов, 1964; 1966). Однако у нас нет оснований именно этими веками определять время массовой миграции айлинцев, хотя проникновение отдельных групп кочевников могло иметь место уже тогда. Наиболее активные и массовые передвижения кочевников с Приаралья на запад и частично на север имели место в IX–XII вв., когда в связи с передвижениями печенегов, огузов и кыпчаков быстро менялась этнографическая карта целых областей. В диапазоне этих веков, скорое всего во второй половине периода, произошло перемещение основной, «базовой» территории башкирских айлинцев с Сырдарьи на Урал, хотя в зависимости от обстановки в степях они продолжали свои зимние перекочевки на юг. Миграция айлинцев не могла произойти позже, так как в их преданиях и сказаниях совершенно не фигурируют обязательные в таких случаях имена Чингизхана или его сыновей и сподвижников. Невозможно также и слишком удревять дату, так как этноним сарт и исламская религия едва ли могли утвердиться хотя бы среди части приаральских кочевников намного ранее X в.

ям и тамгам, те же айлинцы или близкая им другая тюркская кочевая группа, одна из первых среди кочевников принявшая ислам. Отголосками этого обстоятельства являются значительно позднее оформившиеся в преданиях мотивы о миссионерских функциях далеких предков, включение в генеалогию мусульманского вероучителя Сайда и т. п.

Племена ай и мурзалар первоначально заняли на Южном Урале территорию водораздела рек Ай, Белая, Яик, Уй и Миасс (карта 7). Характер расселения древнебашкирских кочевников в суровой для скотоводов зауральской Башкирии также находился в тесной зависимости от физико-географических условий осваиваемой страны. Степные и предгорные возвышенности, со склонов которых раньше стаявал снег и в пределах которых не было широких разливов, а пастбища из-за малоснежности были удобны для зимней тебеневки и уже ранней весной покрывались травой, стали первыми и основными местами зимовок древних башкир, когда далекие традиционные передвижения кочевников на Сырдарью и в Приаралье были ограничены или временами вовсе прекращались.

Из района водораздела территория айлинцев простиралась к югу по верхнему течению Урала. В нынешнем Абзелиловском районе БАССР недалеко от дер. Ярлыкапово есть гора Айлегэн (*эйзегэн*). По преданию, именно сюда впервые пришел «айлинский народ»; на вершине горы якобы было кладбище, где айлинцы хоронили своих батыров¹². С уральских вершин айлинцы продвигались к северу «в долину реки Миач [Миасс]» и далее на Ай. «У истока реки Ай есть горы, — рассказывает летописец. — На той горе была ставка Сейдаш-хана» (БШ, стр. 171). Сарт-айлинцы и мурзаларцы кочевали на той же территории. Еще в XVIII в. к востоку от Урала, где-то в верховьях Миасса, была «Сартинская волость» (Паллас, 1788, стр. 18). Мурзаларские предания помещают старинные земли предков поблизости от табынской дер. Тунгатар, также в верховьях р. Урал.

Дальнейшее движение айлинских родов миграцией можно называть лишь условно. Это было постепенное перемещение центра айлинской территории в долину р. Ай, т. е. на соседние земли. Их уход с верховьев Яика и Миасса был вызван давлением, особенно сильным с конца XIV в., более многочисленных и сильных табынских родов. Сарт-айлинцы некоторое время оставались на табынской земле. Лишь в XV в. часть сартов направилась вслед за другими айлинскими родами на р. Ай. К этому времени вся долина реки была уже довольно плотно заселена. Сарты заняли небольшую территорию на западных пределах айлинских земель и оказались зажатыми между ранее пришедшими айлинскими родами, дуванцами и мурзаларцами. Сарты, оставшиеся на Урале, были постепенно вытеснены в зауральские степи¹³. Небольшие группы сартов кочевали в приозерных степях между Тоболом, Миассом и р. Уй уже в XVI в. Однако большинство зауральских сарт-айлинцев переселилось туда лишь в XVIII в. С переселением сартов в За-

¹² Полевые записи 1958 г., тетрадь 3, стр. 60.

¹³ Подробно об истории заселения башкирами Зауралья см.: Кузеев, 1962, стр. 180–202.

уралье¹⁴ образовался второй центр их расселения. Небольшая часть сартов по-прежнему оставалась в верховьях Яика, но она этнически полностью растворилась в среде табынцев. Впрочем, сарты, которые ушли в долину Ая или в Зауралье, также оказались сильно смешанными с табынцами. Длительное взаимодействие сартов (и вообще айлинцев) с табынцами и, видимо, политическая зависимость от них не прошли бесследно. К этой эпохе относится формирование некоторой общности материальной культуры, а также говора айлинских и табынских башкир (Руденко, 1955, стр. 157–199; Кисебаев, 1958, стр. 55–57). Многие сарты даже заимствовали табынскую тамгу. Свообразным памятником принадлежности сартов к племени ай и к сырдарьинскому этническому миру до сих пор остается на табынской территории дер. Сарт-Наурузово, в составе которой родовое подразделение тубал сохранило старинную сарт-айлинскую ай-тамгу.

В XVI–XVIII вв. в Зауралье переселилась и значительная часть айлинцев с верховьев р. Ай. В XVIII в. поток айлинцев в Зауралье усилился в связи с башкирскими восстаниями и их последствиями. Особенно широкие масштабы приняло переселение айлинцев на восток в связи с изъятием огромных площадей их земель под горнозаводское строительство (Паллас, 1788, стр. 114). В Зауралье айлинцы заняли преимущественно верховья Миасса и междуречье Миасса и Течи. Здесь они образовали две группы: северную и южную, которые различаются временем переселения и незначительными вариациями тамги. Северные айлинцы пришли позже южных и вынуждены были расселиться в качестве припущенников на табынских землях; обычно их называют *атам-бай-айзе*, т. е. малоземельные айлинцы¹⁵. Южные айлинцы более многочисленны; они в основном расселились на древних айлинских землях и в ряде случаев сумели закрепить свои вотчинные права. Эту часть айлинцев называют *асаба-айзе*, т. е. айлинцы-вотчинники. В середине XVIII в. начинается отлив части айлинцев дальше на восток, в приуйские и притобольские степи. Там они расселились рядом с катаяцами, а частично — на землях сартов в одних с ними деревнях.

¹⁴ Пребывание сартов в Зауралье послужило причиной для их отождествления с бухарцами, появившимися в Западной Сибири в XVII в. («Народ, называемый сарты, название сие берет от бухарских купцов, которые с 80 лет вышли из Бухары в Башкирию»; ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100). Однако бухарцы в XVII–XVIII вв. в Западной Сибири были настолько малочисленны, что не могли образовать многолюдный род, члены которого расселялись бы, как сарт-айлинцы, в шести деревнях по Аю и в семи — в Зауралье. Невозможность отождествления сартов с западносибирскими бухарцами отмечал Г. Ф. Миллер (1937, стр. 201).

¹⁵ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 9, стр. 269.

Начиная с конца XVI в. небольшие группы айлинцев (особенно сарт-айлинцев) проникли и в западную Башкирию. Группы сартов осели на левобережье среднего течения р. Белой (карта 7); именно там зафиксировано наибольшее число «сартских топонимов» (Киекбаев, 1956, стр. 234). Часть сартов направилась дальше на запад, в район устья р. Ик, где они были отмечены в «Сарт-Минской» волости источниками XVIII в. Среди сарт-айлинцев на р. Ай существуют предания, что «в Мензелинском уезде» есть старинное кладбище сартов¹⁶.

Айлинцы в западной Башкирии поселились по р. Деме и верховьям Усени. В начале XVIII в. айлинские поселения появились даже «на Казанской дороге в Енейской волости», куда они «сошли жить... по некоторому разорению», т. е. бежали с Айской долины в связи с подавлением башкирских восстаний (МИБ, 1955, стр. 325).

П л е м я к у д е й (происхождение и расселение). В кудейских этногенетических сказаниях выделяются три темы. Первая из них ведет происхождение племени кудей на Кавказ. «Наши предки, — рассказывает предание шайтан-кудейцев, — ушли с Кавказа, где была большая борьба», и прикочевали на эти земли, где «никого не было»¹⁷. Вторая тема чаще развивается туркмен-кудейцами, считавшими своей родиной Среднюю Азию. Вариант этого предания был записан Н. Малиевым, которому почти 100-летний старик из дер. Нижние Лемезы рассказал, что они «выходцы из Средней Азии, из степей Туркмении» (Малиев, 1901, стр. 127). При этом туркмен-кудейцы, как, впрочем, и все кудейцы, резко отличают себя от соседей — куваканцев и мурзаларцев, которые, по их мнению, «пришли из Сибири».

Третья группа преданий, наиболее древняя, считает кудейцев пришельцами из западной Башкирии: «из Белебея», «из Мензелинского уезда», «с р. Ик» и т. п.¹⁸ Подразделение ювэй в составе рода туркмен переселилось «со стороны Казани». К этому циклу примыкает сказа-

¹⁶ Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 52.

¹⁷ Полевые записи 1953 г., стр. 150.

¹⁸ Полевые записи 1961 г., тетрадь 1, стр. 47; Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, л. 78. Ниже приводится полный текст одного из преданий урман-кудейцев: «Нашим предком был Урман (вариант — Юрман); его отца звали Кукан, а деда Кокбуре (т. е. Голубой или Сивый волк). Урман со своим родом в древности кочевал далеко от Урала, в местности Кысындык. Но там началась большая борьба. Урман вместе со стариком Калманом перекочевал на р. Мензелю. Там они жили долго. Однажды башкир по имени Кыдрас по пути в Казань, увидев белые юрты Урмана и его родичей, гостил у них. Кыдрас сообщил Урману, что его соплеменники живут далеко на Урале. Вскоре Урман со своим родом перекочевал на Асылы-куль, а оттуда на Сим» (Полевые записи 1955 г., стр. 62).

ние, записанное у урман-кудейцев: «...наши предки были мари́йцами и пришли сюда охотиться со стороны Казани». Первыми добрались сюда якобы три брата — Тэкэш, Туйыш и Кутуш, по именам которых до сих пор называются самые старинные урман-кудейские деревни.

Различные и противоречивые сюжеты кудейских сказаний отражают пестроту этнического состава племени. Это хорошо подтверждается и сложностью этнографической характеристики кудейцев. На глубокие скотоводческие и лесные различия в хозяйстве и быту соответственно туркмен-кудейцев и урман-кудейцев обращали внимание еще Ф.-Л. Берхгольц (1893) и Н. Малиев (1901). Смешанность племени кудей, многочисленные наслоения в историческом фольклоре и культуре сами по себе свидетельствуют о длительности формирования этнического состава племени и древности происхождения, по крайней мере, основных кудейских родов. С ранней миграцией в Башкирию надо связывать отсутствие параллелей кудейским этнонимам в составе тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Известны лишь две аналогии: на крайнем востоке Средней Азии, в составе киргизского племени бугу род *кедей* (Абрамзон, 1960, стр. 17) и на Алтае, в Хемчикском тувинском хошуне подразделение *кеде* (*кеде оорчак* — Потапов, 1969а, стр. 48). Киргизское племя бугу, в которое входит род кудей, С. М. Абрамзон относит «к кругу древнетюркских и раннесредневековых племен», формирование и развитие которых датируется им VI–XI вв. (Абрамзон, 1971, стр. 38). Отпочкование башкирских кудейцев от древнекудейской (кедейской) общности произошло, очевидно, в Саяно-Алтайском регионе еще в ранний период миграции тюркских кочевников на запад. Такая предпосылка, сопоставленная с этнонимическими аналогиями у тувинцев и киргизов, с преданиями о приходе племени с Кавказа, а также с другими данными, свидетельствующими о восточных и южных связях кудейцев (имена предков — Голубой или Сивый Волк; наблюдения о ярко выраженных понтийских чертах в антропологическом типе горно-лесных башкир; Малиев, 1891), подводит к следующему заключению: собственно кудейцы принадлежали к древнетюркскому миру, они прошли, как и баджгарды (или в их составе), путь от Алтая до Северного Кавказа. Из южных степей в Волго-Камье кудейцы двигались в общем потоке баджгардо-бурджанских племен. Здесь они поселились в Приуралье или, как указывают предания, на реках Ик, Мензеля, позднее — на Асылы-куле (карта 8). В Приуралье кудейцы, сохранив древнее племенное наименование, пережили существенную этническую метаморфозу. Продолжалось смешение с составлявшими основу башкирского объединения племенами усерган, тангаур и бурзян. Это отчетливо отложилось в этнонимах кудейских родовых подразделений: сураш, волк (*буре*), тамá, тау и др. Вероятно, кудейцы попали в такие условия на Ике и Мензеле, в которых проник-

новение в их среду угорских (возможно, древнемадьярских) элементов оказалось особенно высоким. Предания о предках-«марийцах», булгаро-угорское имя Юрман (ср. Юрми) отражают эти события, так как собственно марийцев, по крайней мере до XVI в., не было ни на Ике, ни на Мензеле, ни тем более восточнее (Сепеев, 1967). Переселение же кудейцев на нынешнюю территорию на Южном Урале произошло на два столетия раньше. С этническим смешением с уграми или другими местными племенами связана, на наш взгляд, легенда о женитьбе кудейского батыра на дочери шайтана (*шайтан* — бес). Этноним шайтан — позднего происхождения, и возник он для обозначения иноплеменных или, точнее, иноверческих групп в составе башкир, в данном случае кудейцев. Подразделения шайтан зафиксированы у ряда племен и родов горно-лесных башкир; повсюду они сопровождаются рассказами, как шайтанов, поскольку они «из породы бесов», не хоронили на общем мусульманском кладбище. В дер. Старое Минево Иглинского района БАССР (на кудейской территории) еще в XIX в. старики помнили существование обособленного кладбища для «шайтанов» (Мингажетинов, 1971, стр. 306).

В XIII–XIV вв. племя кудей, хотя и сдвинулось на восток, но в основном расселялось еще на левобережье Белой. В этот период кудейцев, как и все население западной Башкирии, захватила сильная волна кыпчакского воздействия. С кыпчаками связано появление туркмен-кудейского рода, подразделений туркмен, тамги которых совершенно идентичны туркмен-кыпчакским (гл. IV, табл. 9, № 7; гл. V, табл. 2, № 3). К ним восходит вторая группа преданий о среднеазиатской или туркменской родине кудейцев. В кыпчакскую эпоху (XIII–XIV вв.) появился широко распространенный среди кудейцев этноним таз. Тазларцы в древности составляли самостоятельное образование на реках Катав и Юрюзань и только в XVIII в., в связи с заводским строительством, были согнаны с родовых земель и влились в состав северо-восточных башкир, в том числе — кудейцев¹⁹.

В конце XIV в. кудейцы занимали оба берега среднего течения р. Белой у устья р. Уфы и южнее. Ставка кудейского бия находилась в то время в устье Залима (БШ, стр. 116). Здесь кудейцы кочевали вместе с минскими башкирами, с которыми поддерживали тесные контакты и в последующие столетия. С активизацией ногайской экспансии кудейцы и минцы на рубеже XIV–XV вв. почти целиком переправились на правобережье Белой. Часть кудейцев расселилась в лесных районах нижнего течения р. Уфы. Остальные направились вверх по р. Сим, а оттуда позднее — на Юрюзань и Лемезу. Кудейцы на р. Уфе и в низовьях Симы (роды булякей и урман) особенно сильно смешались с мин-

¹⁹ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, лл. 144–145.

цами. Кудейцы этих районов сегодня говорят на языке, который, по мнению диалектологов (Максютова, 1967), является частью демского говора минских башкир. Кудейские роды на Юрюзани (шайтан, кыр) в результате длительного общения и смешения с башкирами айского бассейна по языку и культуре оказались в составе айлинской группы. Постепенно связь и контакты между западной и восточной частью кудейцев ослабли, и исторические сказания и даже шежере северо-восточных башкир стали «вписывать» близких им юрюзанских кудейцев в традиционные генеалогии, идеологически обосновывая вновь возникшее «родство» (БШ, стр. 171).

П л е м е н а д у в а н и к о ш с ы (происхождение и расселение). Племя дуван шесть-семь столетий назад было одним из крупных образований в Башкирии. В XVII–XIX вв., кроме дуванского племени на р. Ай, был род дуван в составе племени табын, а в XVII–XVIII вв. на р. Белой в районе г. Бирска была обширная Дуванская волость (карта 8). Дуванские сказания обычно сообщают, что предок дуванцев ба-тыр Кормый пришел «с Алтая», «с Иртыша», «с юга», «со стороны Мекки» и сначала жил на Ике, затем на Белой, а потом с 13 сыновьями переселился в долину Ая. По пути они нашли якобы четырнадцатого ребенка, «назвали его Табынды [Табын] и взяли с собой на Ай»²⁰. В составе айлинских дуванцев есть родовые подразделения табынды и табын. Эти предания и этнонимические совпадения, отмеченная выше общность тамг дуванцев и некоторых западнотабынских родов говорят о существовании в прошлом этноисторических связей племени дуван с крупным племенным объединением табын.

Дж. Киекбаев предложил (основываясь на закономерности звукового перехода гласного *а* в *у*) трактовать этнонимы дуван и табын как тождественные; давань > табын > дуван (Киекбаев, 1956, стр. 240–241). Судя, однако, по историко-этнографическим материалам, дуван и табын родственные, но самостоятельные образования. Этноним дуван зафиксирован в форме *дубан* в составе киргизского племени черик (Абрамзон, 1960, стр. 50), *дувана* — племени тама узбеков-кураминцев (Файзиев, 1963, стр. 46), *джуван* или *джуван таяк аргын* — казахов Младшего Жуза (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185). Во всех случаях этнонимы существовали параллельно с названием табын. Сами башкиры-дуванцы в своих преданиях считают табынцев потомками Майкы-бия, а его брата Юлбугу — своим предком (БШ, стр. 218).

Этноним дуван можно идентифицировать с названием монгольского племени дурбан (*дүрбэн*), который, по Рашид ад-дину, вместе с племенами салджиут, татар и катакин был сначала во враждебных отношениях к Чингизхану (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 78, 101). Б. Я. Вла-

²⁰ Полевые записи 1956 г., стр. 42, 51–52, 79.

димирцев отождествляет дурбан'ов Рашид ад-дина с монгольскими племенем *döbgen* других источников (Владимирцев, 1934, стр. 47, 49). Персидский историк сообщает, что дурбаны «близки к племени баарин: они разветвились из одного корня» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 187). Если баарин закономерно отождествить с башкирским родом барын в составе табынцев, что, как увидим ниже, совершенно очевидно, то мы получим новое доказательство родства, но не тождественности табынского и дуванского образований. Роль дурбанов в формировании ряда тюркских народов не раз отмечалась историками и этнографами (Задыхина, 1952, стр. 32). Миграция дурбанов (дуванов) на запад относится к XIII в. и связана с монгольскими походами. Сами дуванцы, однако, растворились в кыпчакской среде, не утратив при этом древнего этнонима. В дуванских тамгах (табл. 1) количественно преобладают кыпчакские тамги (ворота, вилы), хотя сохранилось несколько старинных.

Дуванцы первоначально кочевали в долине р. Самара; двигаясь отсюда к северу, они постепенно заняли обширные земли по р. Белой. В период общего движения племен с Бугульминской возвышенности часть дуванцев через северо-западную Башкирию направилась во второй половине XIV в. в долину р. Ай. Дуванские кочевники расселились в айском бассейне не позднее конца XIV в., так как сарты, переселившиеся на Ай в XV в., застали дуванцев довольно давними аборигенами и были вынуждены просить у них пастбища для своих стад²¹. Другая часть дуванцев направилась вместе с табынскими родами выше по р. Белой, в район устья Инзера. Как дуван-табынцы, так и дуван-айлинцы вплоть до XVIII в. имели вотчинные права на старинные земли по р. Белой, где оставалось еще небольшое число их соплеменников (МИБ, 1949, стр. 53, 79, 189 и др.).

Кошсы — племя с давних времен, еще до расселения в Башкирии, связано с дуванцами. Кошсинцы рассказывают предания о приходе в Башкирию «с Алтая» или «с юга... двух стариков» — Дувана с 14 сыновьями и Кошсы. В кошсинских вариантах преданий стариков иногда становится трое: с ними был еще Балыксы (название племени к западу от р. Уфы) — родной брат Кошсы²².

По сообщению Рашид ад-дина, «эмир Мазук-кушчи», который находился «на службе у (монгольского. — Р. К.) каана» и «был старшим начальником сокольников [кушчиан]», происходил из племени дурбан (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 187). Кажется, именно это замечание средневекового историка побудило некоторых исследователей выдвинуть тезис о «монгольском происхождении» не только племени дурбан, но

²¹ Полевые записи 1956 г., стр. 42–43.

²² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451, стр. 413.

и племени кушчи (Магидович, 1926, стр. 214). Однако в действительности кушчи не монгольское, а тюркское племя.

Племя кушчи упомянуто (и снова вместе с племенем дурман > дурбан > дуван) в источнике XVI в. в числе племен, которые «выдвинули» ханом кочевых узбеков Абулхайра — потомка Шейбана (Семенов, 1954, стр. 21). Есть и более раннее упоминание племени кушчи в составе кочевых узбеков: об этом сообщает Ал-Харави (Биной), автор написанного во второй половине XV в. сочинения «Футухат-хани» (Ибрагимов, 1960, стр. 5). В общем потоке кочевых узбеков кушчинцы двинулись на юг: В. В. Бартольд, по источникам XVII в., упоминает кушчиев среди узбеков (Бартольд, 1964, стр. 394). Племя кутчи, зафиксированное А. Д. Гребенкиным у зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 59), является искаженным написанием названия тех же кошсинцев. В такой же форме — кутчи — записана родовая организация у туркмен Амударьи и верховьев Кашка-Дарья, которая в Туркмению «переселилась из Узбекистана» (Винников, 1962, стр. 80–81). Кроме того, род кушчи входит в состав туркменского племени салор (Карпов, 1925, стр. 3). В XVI в. родоплеменная группа кучши была в составе и казахов. В 30–40-х годах XVI в., уже после ухода кочевых узбеков с Сырдарьи на юг, в казахских степях оставалось подразделение кушчи; в середине XVI в. сведение о нем было включено в сочинение Масуда ибн-Кухистани, автора посвященного шейбанидам сочинения «Тарихи Абулхайр-хани» (Ибрагимов, 1960, стр. 4–5). Род *кѳушсы* записан также среди кара-ногаев Северного Кавказа (Баскаков, 1940, стр. 136). У киргизов племя кушчу относится к числу «основных» и «древних» (Абрамзон, 1960, стр. 10, 71). Н. И. Гродеков, который приводит название племени в форме *коще*, публикует тамгу киргизских кушчинцев — круг, по форме тождественную с табынской (Гродеков, 1889, стр. 7). На Кавказе и в Малой Азии этноним отложился в топонимах; А. Гусейнзаде приводит более 10 названий в Азербайджане, Иранском Азербайджане и в Турции с основой Кушчу: Кушчулар, Ашагы Кушчу, Кушчу Али и др. (Гусейнзаде, 1971, стр. 89).

Значение этнонима *кошсы* или *кушчу* все исследователи определяют с позиции тюркских языков (*qıŋŋı* — птицелов; ДТС, стр. 471): «птичники» (Толстов, 1935, стр. 8), «охотник с ловчими птицами» (Абрамзон, 1949, стр. 129), «специалист по ловчим птицам» (Гусейнзаде, 1971, стр. 92). Аналогично или близко к этому («охотники на птиц») толкуют значение племенного названия сами башкиры. Одно это ставит под сомнение идею монгольского происхождения племени. Рашид ад-дин, если внимательно вчитаться в приведенную выше цитату, говорит о происхождении из племени дурбан не вообще «кушчиан» — сокольничих, а только их начальника, эмира Мазук-кушчи, который был братом дурбанского эмира Пулада. Судя по смыслу текста Рашид

ад-дина, *кушчи* — покоренная монголами, в частности племенем дурбан, тюркская родоплеменная группа, которая несла под начальством своих покорителей-эмиров службу при дворе каана. Это заключение подтверждается историей киргизских кушчу: по мнению В. В. Радлова, киргизский род *кучу* (*кушчу*) и некоторые другие указывают «на связь между киргизами Тянь-Шаня и енисейской долины» (Радлов, 1887, стр. 22). Если идентификация этнонима *кушчу* (*кошсо*) с племенем *гэшу* китайских источников правильна (Бичурин, 1950, I, стр. 288–289), то в VI–VII вв. кушчинцы участвовали в тюркской экспансии в Среднюю Азию и составляли одно из образований Западнотюркского каганата. С. М. Абрамзон относит киргизское племя кушчу к числу групп, происхождение которых связано с древнетюркской эпохой на Алтае, Прииртышье и Восточном Притяньшанье (Абрамзон, 1971, стр. 60). Заметим в связи с этим, что тюркский хан Мутань (VI в.) наряду с ханским титулом имел родовое имя Кушу (Гумилев, 1967, стр. 28).

Итак, кушчу — кошсы — одно из древнетюркских, центрально-азиатских по происхождению племен. Во второй половине I тыс. н. э. кушчинцы участвовали в тюркских походах на запад. В XII в. племя кушчу попало в зависимость к дурбанам. К западу от Урала кушчинцы мигрировали в общей волне монгольских завоевательских походов. Известно из средневековых источников, что кушчинцы составляли крупное подразделение войск Батыхана (Гусейнзаде, 1971, стр. 91). Вместе с дурбанами они постепенно растворились в безбрежных степях Дешт-и-Кипчака, впитывая кипчакский язык и культуру. В XIII–XVI вв. дурбаны и кушчи были разбросаны инерцией бесконечных походов и передвижений на различные земли и оказались в составе разных народов (киргизов, узбеков, туркмен, казахов, ногайцев, башкир, азербайджанцев, турок).

История расселения племени кошсы на территории Башкирии развивалась параллельно с дуванскими передвижениями, хотя кошсинцы кочевали западнее их (карта 8). Предания рассказывают, что первоначально племя расселялось «по рекам Самара и Мелекас» (речка Мелекас в Ульяновской области)²³. В дальнейшем кошсинцы поднялись к устью р. Ик, а оттуда по левобережью Камы перешли в северную Башкирию и далее на восток, в айскую долину. Предания сообщают, что местности в низовьях Ика, на правобережье Белой, где какое-то время расселялись кошсы, также получили традиционные названия Мелекас (*Мәләкас*)²⁴. Действительно, на Каме напротив Елабуги и выше, примерно в устье р. Б. Пизь до наших дней сохранились поселения с названиями *Мелекас*. Деревня *Мялькас* на берегу Камы существовала

²³ Полевые записи 1956 г., стр. 54.

²⁴ Полевые записи 1956 г., стр. 63, 69, 89 и др.

в конце XIV в. В ней побывал «мир-Тимур» в годы борьбы Тохтамыша с Тимуром (ИТДМ, 1937, стр. 44). Наиболее древнее село племени кошсы (*təp ауыл*) на р. Ай до сих пор называется *Мелекас*.

В бассейне Ая племена кошсы и дуван заняли удобные для кочевников лесостепные земли севернее айлинцев, в сферу влияния которых они здесь попали. Кошсинцам принадлежали территории значительно севернее и восточнее их современного обитания. Косшинские предания даже утверждают, что племена сызгы и упей поселились на их землях, хотя такие мотивы в исторических сказаниях являются обычно поздним наслоением, вызванным земельными спорами. Но родоплеменные вотчины кошсинцев и дуванцев действительно были большие: в XII–XVIII вв. общины этих племен, в отличие от других, часто и много припускали на свои земли переселенцев, сдавали в аренду или продавали. Вслед за миграцией кошсинцев и дуванцев на р. Ай еще долго продолжался приток переселенческого населения с запада. Кошсинцы припускали, например, на свои земли башкир из западных племен еней, ельдят (МИБ, 1936, стр. 77); Мало-Кушинская волость, которая образовалась в XVIII в., целиком была татарской. Миграционный поток с запада, то усиливаясь, то спадая, продолжался до второй половины XIX в. и сыграл существенную роль в этническом формировании айлинских башкир и их культуры, в которой отчетливо выделяется слой, общий с культурой поволжских татар (Авижанская, Бикбулатов, Кузев, 1964, стр. 238–242; Шитова, 1968, стр. 171–181).

О происхождении племен сызгы и упей. Племена сызгы и упей — древние образования в составе башкир, но в этнической истории этих племен много неясного. Сызгинцы в преданиях подчеркивают родство с племенем айле: нашим предком, рассказывают старики, был Энгильды, а у айлинцев — Ай (или Айгильды), и они были братьями²⁵. Зауральская часть сызгинцев, переселившаяся туда в XVI–XVII в. и занимающая территорию, смежную с айлинцами (карта 6), действительно по языку и культуре ближе к айлинцам, чем, например, к катаяйским или табынским башкирам. На западной стороне Урала, на Уфимском плато сызгинцы «в старину» жили южнее, на р. Ай. Затем «со стороны Белебея» пришли «наши братья» (?), и сызгинские аулы перебрались к северу, где они стали соседями кунгурских татар (МИБ, 1955, стр. 133). Но к концу XVIII в. сызгинцев на правобережье р. Уфы почти не было: частично у них земли были отобраны под заводы и расширение г. Красноуфимска; на остальные земли сызгинцы припустили татар и пришедших с запада гайнинских башкир, которых они считали, кстати, родственниками (МИБ, 1936, стр. 133–134). Сами сызгинцы очень сильно смешались с татарами и,

²⁵ Полевые записи 1965 г., стр. 41, 59.

возможно, с довольно многочисленной здесь группой марийцев, переселенческий поток которых по северному пути Пермского края не иссякал с XV–XVI вв. («Татары Поволжья...», 1967, стр. 43–44; Сепеев, 1967). Очевидно, поэтому среди татаризированных сызгинцев нередко можно услышать рассказы о том, что предки племени сызгы пришли «из Казани»²⁶.

Упейцы к XVIII–XIX вв. утратили компактность расселения: они жили отдельными островками среди сплошного массива русского и татарского населения. Часть племени занимала правобережье р. Уфы в районе Михайловского завода, который построен на бывших упейских землях. В XVII — начале XVIII в. кочевья упейцев, как и сызгинцев, достигали Кунгура.

Упейские башкиры также сильно смешались с татарами, которые частью восприняли башкирский язык. В районе их расселения в XVII–XIX вв. возникла своеобразная смешанная культура из сочетания традиционных культурных элементов обоих народов. Именно поэтому в преданиях упейцев трудно отличить мотивы башкирской истории от татарской. Лишь в наиболее старом упейском ауле Шокурово записано предание, к которому можно отнестись с вниманием. В нем говорится о приходе «в самой глубокой древности» предков шокур-упейцев «из Сибири или с Иртыша»²⁷, хотя, конечно, ни подтвердить, ни опровергнуть эти сведения пока невозможно.

Н. Л. Скалозубов, побывавший среди упейских башкир в конце прошлого столетия, писал, что они «не устраивают сабантуя, столь любимого степными башкирами; язык шокуровских башкир несколько отличается от азигуловских (т. е. сызгинских. — Р. К.), которые считают шокуровский язык грубым, а их самих называют то калмаками, то кунгурами» (Скалозубов, 1893, стр. 10). Взаимодействие и смешение упейцев с калмыками, тем более с кунгурскими татарами вполне вероятно, однако это не решает вопроса об их происхождении. Заманчивой является идея о местном, финно-угорском, происхождении племени сызгы и упей. В последнее время этнонимам этих племен находят аналогии в самодийских или даже древнебалтийских языках. Этноним сызгы (*һызгы*, *сысқы*) сопоставляется, например, с самодийским словом *сыски* ‘лодка’ (Генинг, 1967), а упей (*өпәй*) — со словом *ире* ‘река’ в балтийских языках (Камалов, 1968). В последнем случае из одного корня объясняются названия не только племен упей, но также — города и реки Уфа (ср.: Уфа — *Өфө* > *Өнө* > *Өнәй*; Уфалей — *Өпәле*). Несмотря на возможность обрисованных выше решений, приходится отметить, что историко-этнографические данные противоре-

²⁶ Полевые записи 1965 г., стр. 38, 44, 65.

²⁷ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 24.

чат им. С позиций «самодийской», тем более «балтийской» гипотез трудно, например, объяснить распространенность этнонима упей среди юго-восточных башкир (подразделение упей зафиксировано в составе племени тангаур); существенные трудности создают также исторические сказания сызгинцев, в которых настойчиво повторяются сведения о миграции предков из Приуралья или Бугульминской возвышенности, о «родстве» с гайнинцами или другими западнобашкирскими племенами. В то же время отсутствие этнонимических аналогий в тюрко-монгольском мире не позволяет ставить вопрос о тюркском или тюрко-монгольском происхождении племен сызгы и упей и их этнонимов. Совокупность имеющихся данных, а также приведенные соображения позволяют высказать в гипотетической форме положение о том, что племена сызгы и упей были древними жителями Приуралья, увлеченными в XIII–XIV вв. или несколько раньше общим потоком движения на север и северо-восток. Будучи финно-уграми по происхождению, они тюркизировались еще в древнебашкирской среде, под которой надо скорее всего понимать этнический синтез юрматыно-юрмийских и баджгардо-бурджанских племен. На вероятность такого заключения, хотя и косвенно, указывают аналогии северо-восточным башкирским этнонимам среди «языческих» чувашских «имен и фамилий»: ср. башк. *бүләкәй, бүләк* — чув. Мелекей, Мелек; башк. *өпәй* — чув. Опай (Теплоухов, 1924, стр. 94–96).

КАТАЙСКИЕ БАШКИРЫ

Этнический состав и расселение в XVII–XIX вв.

Этнический состав китайской родоплеменной группы представлен в табл. 3. Во всех списках XVIII в., кроме рычковского, волости Салютская (Салаутская, Челжетуцкая, Чажаетская, Салжаутская), Бикатинская (Мекетинская), Сырнянская (Сыгранская, Сенирянская), Терсякская (Терсятская, Терсутская) выступают наряду и наравне с Китайскими. П. И. Рычков все эти образования включил в качестве «тюб и аймаков» в состав зауральских китайцев и тем самым отразил в своем перечне те сведения об этноисторических связях этих племен, которыми снабдили его башкирские старшины. Однако салюты, бикатинцы, сырнянцы, терсяки никогда китайскими родами не были, хотя исторически были тесно с ними связаны.

В наш список добавлены территориально-этнические образования *калмак* и *башкирские казаки*, которые, расселяясь в Зауралье смежно с китайцами, сильно смешались с ними и в этническом отношении формировались под их влиянием.

Ядром китайской группы башкир являются собственно китайцы. Племя *катай* включало шесть родов. Три рода — инзер-, кузгун- и идель- — составляли западную, или горно-лесную, часть катаяцев; еще три рода — улу-, бала- и ялан-катай — восточную, или зауральскую. Западнокатайские роды в начале XVIII в. занимали северные отроги Южноуральского хребта «по Инзерю и вверх по Белой». Восточнокатайские роды располагались «по обе стороны Урала, по озерам и речкам» (МИБ, 1936, стр. 135). Большая часть восточных катаяцев в XVIII в. расселялась в Зауралье, по рекам Синара, Теча и Караболка. Катаяцев, оставшихся в верховьях рек Уфа, Б. и М. Ик в северо-восточной Башкирии, именуют обычно (по названиям наиболее старых аулов или крупных родовых подразделений) белян-катайцами или маскара-катайцами. Катаяцы к западу и востоку от Урала в XVIII–XIX вв. оказались разделенными не только горами, но и широкой полосой горнозаводского района (заводы Нязепетровский, Верхне- и Нижне-Уфалейский, Кыштымский, Карабашевский и др.) с русским населением. Ялан-катайцы (степные катаяцы) расселялись вокруг многочисленных озер севернее р. Уй, притока Тобола. Основу ялан-катайского рода составляют те же улу- и бала-катайцы, переселившиеся в XVII–XVIII вв. на просторы приустьевых и притобольских степей.

Сальюты в конце XIX в. занимали крайнюю северо-восточную часть башкирской территории в Зауралье, по рекам Караболка, Синара и многочисленным озерам. Примерно на той же территории «за Уралом, по озерам и по речкам близ Ухтузских заводов» они жили и в начале XVIII в. (МИБ, 1936, стр. 136).

Башкиры племен *бикатин*, *сынрян* и *терсяк* в XIX в. расселялись «за Уралом, по озерам» (МИБ, 1936, стр. 136) смежно с зауральскими катаяцами и сальютами. Сынрянцы и терсяки смешались с сальютами, и их аулы на карте выделены преимущественно на основании архивных источников и литературных данных начала XIX в. (Попов, 1813, стр. 5, 8).

Общая численность племен китайской группы (без калмаков и башкирских казаков) в начале XVIII в. равнялась примерно 7 тыс. человек, из них около 3 тыс. составляли собственно катаяцы, сальюты — около 1,5 тыс. человек (МИБ, 1955, стр. 484). «Аюкинских калмыков» в 1782 г. в «Челябинской округе» было 362 человека²⁸. Однако цифра эта приуменьшенная, так как даже раньше, в середине XVIII в., многие зауральские калмыки учитывались в составе башкир.

По всей китайской группе зафиксировано 160 названий родовых подразделений, при этом подавляющее большинство (132) — собственно катаяские. Структура этой части китайской этнонимии мало

²⁸ ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100.

отличается от аналогичной картины у айлинских башкир: патронимических и тотемистических названий примерно по 20; этнических и родоплеменных — 56; наименований, обозначающих различные реалии, — более 30. В территориальном распределении этнических и родоплеменных названий есть своеобразие. Этнонимы бухар и сарт зафиксированы лишь по одному разу и только в смешанных с айлинцами районах, т. е. эти названия для катайцев не характерны. Довольно широко распространены этнонимы калмак (10), казах (4), мишар (3). Особенно они свойственны этнонимии зауральских катайцев, которые в XVII–XVIII вв. имели активные контакты как с казахами и калмыками, так и с татарами. Большая группа этнонимов свидетельствует о взаимном смешении катайских родов и довольно заметном влиянии на катайцев соседних табынских родов: катай (8), сальют, сынрян (3), терсяк, табын (3), барын, кукюргек. В то же время в катайской этнонимии сохранились следы их этнического взаимодействия с юго-восточными и западными башкирскими племенами: тамьян, тумá, таз, хунá, илан и др.

Среди катайских башкир зафиксировано 155 тамг (табл. 4), преимущественно у собственно катайцев (116) и сальютов (19). Господствующей (90 из 116) у племени катай является тамга № 1. В прежних работах (1962) мы считали основной катайской тамгой фигуру в виде буквы Т, однако она оказалась лишь вариацией тамги № 1. Устойчивое ее название — *балга* также указывает на первоначальную фигуру тамги; этим словом башкиры обозначали изогнутый в одну сторону инструмент, применяемый главным образом для выдалбливания бортей. В западной Башкирии катайскую тамгу стали называть по внешней ассоциации словом *сүкеш* — молоток. Подчеркнем, что катайцы тамгу Т, совершенно идентичную бурзянской, никогда не называют дербником (*ягылбай*). Это означает, что в древнейшей основе бурзянские и катайские тамги были различными.

Тамга № 2 у улу-катайцев является, вероятно, привнесенной айлинцами, часть которых, будучи припущенниками катайцев, смешалась с ними. Оригинальные тамги у сальютов (№ 3). Названия тамг — «лук со стрелами», «лук» — указывают на первоначальную ее форму, которая в процессе развития обрела сложные очертания. Острогой (*halday*) одна из вариаций тамг стала называться позднее, когда сальюты, живя в окружении зауральских озер, приобщились к рыболовству.

Бикатинские тамги записать не удалось. Сынрянские и терсякские записаны в небольшом количестве. Определение принадлежности тамг сынрянцам или терсякам затруднено в связи с отсутствием в архивных документах XVIII в. изображений тамговых знаков этих племен. Терсякскую тамгу (№ 4), известную и сальютам, мы определили ориентируясь на сальютские сказания, которые тамгу-гребенку

(*тарак-тамга*) называют «терсякской». Сырнянская тамга определена предположительно: из пяти записанных у сырнянцев тамг три имеют в основе форму тамги, показанную на табл. 3; остальные две — салютские. Тамга № 5 распространена у кузгун-катайцев и калмаков, но у последних она записана только в двух населенных пунктах. Калмакам известны и другие формы тамг.

Этническая история

П л е м я к а т а й (происхождение и формирование этнического состава). Этноним катый (ктай, кытай, китаи, китань, хтай, хытай) хорошо известен в историко-этнографической литературе. В состав казахов Среднего Жуза входит род *кытай* или *ктай аргын* (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185). Объединение *ктай* является одним из четырех племен каракалпаков арыса Он торт уру (Жданко, 1950, стр. 39). Несколько раз название *кытай* или *минг-кытай* упоминается в списке родоплеменного состава киргизов (Гродеков, 1889, стр. 7; Винников, 1956, стр. 138). Родовые группы *ктай* известны также среди зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 59) и узбеков дельты Амударьи (Задыхина, 1952, стр. 329). Род *кътай* входит, наконец, в состав ногайцев (Баскаков, 1940, стр. 184). Этноним в форме кара-катый (*кара-катай*) зафиксирован, кроме башкир, лишь у киргизов (*кара-кытай*; Абрамзон, 1971, стр. 48). Этнонимы ктай, китаи отложились также в названиях населенных пунктов гагаузов и болгар: Кара-Китай, Киргиз-Китай, Катай и др. (Баскаков, 1964, стр. 48), а также в Крыму: Ой-Китай, Орта-Китай, Кара-Китай, Сары-Китай и др. (Маркевич, 1928, стр. 10).

В историко-этнографической литературе распространенной является точка зрения, связывающая происхождение родоплеменных групп ктай (кытай, катый) с кара-китаями или киданями. Но о происхождении самих киданей высказывались различные мнения. Большинство исследователей XIX–XX вв. считали и считают киданей монголами (Васильев, 1857, стр. 3–26; Pelliot, 1920, стр. 14; Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 375 и др.). По мнению некоторых исследователей, киданский язык лег в основу общемонгольского (Викторова, 1958, стр. 51). Другие свое отношение к этнической принадлежности киданей формулируют более осторожно, называя их, например, племенами «нетюркского происхождения» (Бернштам, 1946, стр. 80). В этом случае, возможно, имелось в виду замечание В. В. Бартольда, опиравшегося на современную ему лингвистическую традицию о «тунгусском происхождении» китаев «с примесью некоторых монгольских элементов» (Бартольд, 1963а, стр. 48). В последние годы все чаще появляются идеи (преимущественно среди языковедов) о принадлежности кара-китаев

к тюркам; эта гипотеза основывается прежде всего на этимологическом анализе имен и титулатуры (Аманжолов, 1959, стр. 59).

Кидани и их преемники кара-китаи известны на протяжении более чем тысячелетия: с III–IV вв. до монгольских завоеваний и позже. По происхождению кидани — монголы: они относились к южной группе племен сяньби (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 375). Жили киданьские племена на юго-востоке современной территории Внутренней Монголии, где оставались до X в. Борьба с образовавшимся в VI в. Тюркским каганатом окончилась для киданей неудачно и, по сведениям орхонских памятников, они были вынуждены платить дань тюркским каганам (Малов, 1951, стр. 38, 43). До X в. кидани имели контакты и смешивались с тюрками каганата, а до них — с племенами конфедерации хунну, но это не изменило их монгольского облика, хотя тюркская инкорпорация в их среду была, вероятно, значительной.

В X в. возникает государство киданей (Ляо), которое просуществовало до XII в. Киданям удалось совершить ряд удачных походов и подчинить себе многие племена и огромную территорию от берегов Японского моря до Восточного Туркестана. Однако им пришлось упорно бороться с многочисленными внутренними и внешними врагами созданной ими империи и в конечном итоге государство киданей в 1125 г. пало. Значительная часть киданей, стремясь на другой территории восстановить былую мощь империи, направилась на запад, в Семиречье, где они средневековыми авторами стали называться кара-киданими или кара-китаями. Здесь с центром в Баласагуне кидани создали государство Си Ляо (Западное Ляо) или кара-китаев. Императоры нового государства приняли титул гур-ханов. «Гур-ханы, которые были в Мавераннахре и Туркестане, — сообщает Рашид ад-дин, — [происходят] из народа кара-хитай» (1952, I, стр. 130). В период расцвета политическое влияние Каракитайского государства «на западе доходило до Каспийского моря» (Бартольд, 1964б, стр. 291).

Империя кара-китаев просуществовала до начала XIII в., когда она, раздираемая внутренними противоречиями, была завоевана Чингиз-ханом. Часть кара-китаев, очевидно, влилась в армию монголов, остальные бежали в степи. Выразительно описывает эти события Ибн-ал-Асир: «Чингиз-хан [между тем] уже пришел в Туркестан и овладел Кашгаром, Белясагуном и всею странюю. Он выгнал из нее прежних татар; и не осталось от них следа, а разбрелись они, как это случилось с хатайцами» (Тизенгаузен, 1884, стр. 6).

Источники об этнической истории самих кара-китаев свидетельствуют о том, что в кара-китайском государстве произошла их существенная тюркизация. В Семиречье еще в середине XI в., как сообщает Ибн-ал-Асир, переселилось 16 тыс. кибиток киданей (Бартольд, 1963а,

стр. 49). Если это соответствует действительности ²⁹, то до нашествия на Семиречье в XII в. основного потока кара-китаев их ранее пришедшие соплеменники должны были смешаться в местной среде и тюркизироваться. Едва ли бесследно для кара-китаев могли пройти покорение ими уйгуров, длительное соседство с кыпчаками (Голубовский, 1884, стр. 52), создание 10-тысячного войска, в которое входили «конные отряды канглов и карлуков» (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 395). М. Кашгари довольно точно отразил процесс тюркизации китаев, который в XI в. был, видимо, достаточно глубоким, но еще далеким от завершения: «...Хитай имеет отдельный язык и письменность. Тюркским языком они владеют не полностью» (МИТ, 1948, стр. 184).

Башкиры-каитайцы этнически восходят к кара-китаям, создавшим в XII в. государство в Туркестане. Существенным, но не единственным аргументом является полная аналогия этнонима восточных катайцев (*кара-камай*) со средневековым названием потомков киданей в Семиречье. Исторические предания катайцев подтверждают их восточное происхождение: родиной предков они считают Алтай, долины Иртыша, озеро Байкал и т. д. ³⁰ Этническая преемственность башкирских кара-катайцев со средневековыми кара-китаями доказывается и анализом «ктайских» тамг в составе разных народов:

1 Башкиры: катай; кара-катай		балга
2 Киргизы: кытай; кара-кытай		(Гродеков, 1889, стр. 7; Абрамзон, 1960, стр. 103)
3 Узбеки: род балгалы зеравшанского племени ктай		балга (Гребенкин, 1872, стр. 100)
4 Каракалпаки:		
а) род кайшылы племени ктай		(Жданко, 1950, стр. 39, 41)
б) ктай		шомыш (половник)
5 Ногаи: кътай		шоъмиш (ковш) (Баскаков, 1940, стр. 184)

Тамги в форме ковша (половника) у каракалпакских и ногайских ктаев по происхождению дулато-табынские; к истории проникновения этой тамги в ктайскую среду и к ктайско-табынским отношениям мы вернемся ниже. Сейчас подчеркнем совершенно четко просматриваемую аналогию тамг башкирских и киргизских ктаев, а также ктайских

²⁹ Г. Е. Грумм-Гржимайло считал такое раннее переселение киданей маловероятным (1926, стр. 396).

³⁰ Полевые записи 1953 г., стр. 231, 234; 1959 г., тетрадь 2, стр. 46, 63.

родов балгалы и кайшылы в составе соответственно узбеков и каракалпаков. Одновременная общность этнонимов и тамг ктайских образований у киргизов, башкир, узбеков, каракалпаков должна указывать и на общность их этнических корней. Между тем еще Н. А. Аристов доказал, что «зеравшанские кытай», в том числе род балгалы, являлись «потомками последней части киданей» (Аристов, 1896, стр. 432). Установлена также этноисторическая связь с кара-китаями киргизских кытаев (Абрамзон, 1971, стр. 48). Таким образом, идентичность этнонимов и тамг, близость этногенетических преданий ктайских родоплеменных образований в составе разных народов указывают на общность их этнической судьбы, тесно связанной с историей средневековых кара-китаев.

Этническая история ктайских родоплеменных групп, в частности башкирских кара-катаев, может быть полнее понята в свете взаимоотношений средневековых кара-китаев с *найманами* (или *секиз-огузами* восточных источников). Найманы не позднее XI в. расселялись по Хангайскому нагорью и в долине Черного Иртыша. Они были настолько могущественными, что найманский хан Буйрук не признавал растущей экспансии дома Чингиза. В самом конце XII в. (1198–1199 гг.) Чингизхан вместе с Онг-ханом выступил против найманов, которые были разбиты, несмотря на поддержку ряда племен, в частности меркитов и салджиутов (Таварих-и-Гузида, 1967, стр. 89). Найманы и, очевидно, группы кочевников из союзных им племен бежали на запад к кара-китайам. Здесь они одержали верх над кара-китаями и стали господствовать. Кучлук-хан, преемник Буйрука, стал даже правителем империи гурханов (Бартольд, 1963а, стр. 53–55). Через 20 лет, в 1218 г., войска Кучлука были вновь разбиты монголами; одновременно прекратило существование государство кара-китаев. Этническое взаимодействие и смешение найманов и кара-китаев было, очевидно, активным (кстати, сам Кучлук женился на знатной кара-китайке). За 20 лет политического господства найманов в империи гурханов влияние их языка, по крайней мере на территории Семиречья, надо полагать, стало определяющим.

Вопрос об этнической характеристике найманов долгое время остается дискуссионным (см. литературу: Викторова, 1958; Murayama, 1959). Многие исследователи (Васильев, 1857; Бартольд, 1963б; Владимирцев, 1934; Петрушевский, 1952; Шастина, 1957) считают найманов западными монголами. Однако уже в XIX в. высказывалась мысль о возможной тюркской этнической принадлежности найманов, которая в последние годы получает все более широкую аргументацию (Аристов, 1896; Howorth, III 1888; Грумм-Гржимайло, 1926; Аманжолов, 1959). Японский исследователь С. Мураяма на основе анализа этнонима найман (по его мнению, в основе этнонима тюркское *inap* ‘до-

верить', 'полагаться', но не монгольское 'восемь'), имен, титулатуры, а также некоторых исторических сведений пришел к убеждающему выводу, что найманы говорили по-тюркски (Muraуama, 1959, стр. 191–197). В этом свете приобретает новое значение замечание Рашид ад-дина, что найманы лишь в результате пребывания в империи Чингизхана стали «причислять» себя к монголам, хотя «в древности они не признавали этого имени» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 102). Но в сообщении Рашид ад-дина имеется возможность подразумевать и другой процесс: тюрки-найманы, будучи соседями и неудачными соперниками монголов, в X–XII вв. подверглись монгольскому влиянию или, не исключено, частичной монголизации, вследствие чего стали причислять себя к монголам. Только в такой противоречивой ситуации могли формироваться факторы, которые до настоящего времени одинаково служат аргументами сторонникам как тюркской, так и монгольской концепций этнической принадлежности найманов.

После разгрома монголами найманские группы постепенно влились в состав многих формирующихся народов — казахов, узбеков, ногайцев, башкир и др. В родоплеменном составе этих народов ктай и найманы взаимосвязаны: они или являются близкими и равноправными частями единого образования, как у узбеков, киргизов и ногайцев, или ктай входят в состав найманов, как у казахов. Соотношение ктаев и найманов в составе казахов особенно показательно, так как наиболее крупные группы наймано-ктайского населения бежали в монгольскую эпоху на Сырдарью, в казахские степи и приняли активное участие в становлении казахского народа. В опубликованной С. А. Аманжоловым (1959, стр. 58) и В. В. Востровым (1961, стр. 122–123) найманской генеалогии ктай показаны потомками легендарного Наймана (Найман → Сугурш → Курманай → Толегетай → Кытай...). Отчетливо отразились смешанность и вновь возникшее «родство» найманов и ктаев в их тамгах (см. стр. 228).

Сопоставление найманских тамг с приведенными выше ктайскими тамгами (в том числе с тамгами башкирских катайцев — табл. 4) показывает, что найманские и ктайские тамги в древней основе идентичны. Пока невозможно сказать, является ли эта тамга найманской или кара-китайской. Можно предполагать, что по происхождению она кара-китайская, так как найманские роды, имея в качестве общеплеменной тамгу-балга, одновременно используют тамги и других форм (Муканов, 1972, стр. 8). Как бы то ни было, единая основа общеплеменных наймано-ктайских тамг подчеркивает высокий уровень их смешанности в XII — начале XIII в. и, очевидно, означает окончательное завершение процесса тюркизации кара-китаев. В ходе расселения устойчивое сочетание ктайской и найманской этнонимии было донесено до западных пределов движения этих племен: в Крыму и Причер-

номорье «найманские» топонимы постоянно сопутствуют «ктайским»: Ктай-Найман, Кара-Найман, Найман, Онгар-Найман и др. (Маркевич, 1928, стр. 10; Баскаков, 1964, стр. 48). В целом наймано-ктайские родоплеменные сочетания в составе разных народов, тождество древней основы наймано-ктайских тамг, общность генеалогий и сюжетов исторических предааний³¹ с поразительной закономерностью доносят до современности раннесредневековые взаимосвязи этих племенных образований. Башкирских катайцев в свете приведенных выше признаков надо считать потомками кара-китаев, сильно смешанных с найманами и говорившими, по крайней мере к моменту их первого разгрома монголами в конце XII в., на одном из восточнотюркских языков.

1	Тамги общие для казахских найманов		(Востров, Муканов, 1968, стр. 47)
	Эта же тамга приобретает форму		
2	Тамга узбекских найманов		(Гребенкин, 1872, стр. 59)
3	Тамги ногайских найманов		(Баскаков, 1940, стр. 132–133, 184)

В этническом формировании киданей (кара-китаев) заметную роль сыграли племена, известные в древнетюркских рунах (памятники в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука) под названием *аз* (Малов, 1951, стр. 41, 67). Этнонимы с основой *аз*, *ас* известны на огромной территории от Алтая до Урала: род *байлак ас* в составе алтайцев, *тёрт ас* — телеутов (Кызласов, 1969, стр. 50), племя *азык* — киргизов (Абрамзон, 1971, стр. 39), подразделения *ас*, *ассы* в составе башкир-катайцев. Еще шире география распространения топонимов: Ас, Асса, Ош, Талас и др. в Семиречье, Фергане и Северной Киргизии; Аса, Асар, Аснас, Ясы и др. на Сырдарье; Ассы, Асылы, Асы, Аша, Ош — на Урале и в Волго-Камье; Ассы, Асса — на Кавказе; Асе, Биюк-Асс, Темес-Асс, Ассы-Джорочки — в Крыму. Взгляды, существующие в литературе, на происхождение этнонимов и топонимов с основной *аз*, *ас* весьма противоречивы. Этнонимы с территории Кавказа и Причерноморья возводятся к *ас*’ам-

³¹ Эпическая поэма «Кузы-Курпяс и Маян-хылу» хорошо известна как башкирам, так и казахам. Эпос, по мнению казахских исследователей, возник в среде казахов-найман (Аманжолов, 1959, стр. 62). Башкирский вариант эпоса записан среди зауральских башкир, главным образом катайцев. Вероятно, поэма или основа ее сюжета принесена башкирскими катайцами с территории, где она возникла в эпоху раннего средневековья на общей наймано-кара-китайской этнической почве.

алан'ам, которые, как принято считать, оставили на путях своих передвижений гидронимы и топонимы с основной *ас*. Недавно предпринята интересная попытка доказать с привлечением археологических материалов преемственность древних этнонимов *ас* — алан и среднеазиатской топонимии (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, стр. 185–187). В соответствии с этими построениями, асы — предки алан, занимавшие до середины I тыс. н. э. степи от Прикаспия до Приаралья и Сырдарьи (государство Яньцай по Н. Я. Бичурину), сами были этническими наследниками усуней. Расселяясь с сырдарьинских и приаральских степей усунь — асы (ассии, асианы) — аланы внедрились свое название в топонимию как к востоку, так и к западу от древних районов обитания. Однако с историко-этнографическими материалами эта гипотеза мало согласуется. Попытки идентификации асов (ассиев, асиан) с усунями в литературе уже не раз отвергались, и совсем недавно эти сопоставления вновь признаны «простой догадкой, не имеющей серьезного основания» (Гафуров, 1972, стр. 131). Более аргументированы параллели, которые устанавливают некоторые исследователи между народом аз орхоно-енисейских памятников и алтайскими родами *төрт ас*, *байлак ас*, киргизским племенем *азык* (Кызласов, 1969, стр. 50; Абрамзон, 1971, стр. 39). О народе аз известно, что в начале VIII в. он расселился на Алтае и Саянах, что в это время и позднее азы находились под протекторатом тюркешей Семиречья. Возможно, азы являлись, как считал В. В. Бартольд, ветвью тюркешей (1963а, стр. 485). По мнению других ученых, народ *аз* относился к числу племен, близких по происхождению к кыпчакам (Kurat, 1937). И в том и в другом случае азы в VIII–IX вв. были тюркоязычными племенами, тем более в период их включения в XI–XII вв. в состав продвигавшихся на запад киданей — кара-китаев. В XIII в. или несколько раньше азы вместе с другими кочевниками расселились по всему Дешт-и-Кипчаку, включая Северный Кавказ, Причерноморье и Приуралье. Вот почему этнонимы и топонимы с основой аз, ас в Восточной Европе нет необходимости во всех случаях связывать с аланами. Кстати, на самом Кавказе словом «Ассы» осетины издавна называли Балкарию, а ее жителей — ассиаг'ами (Калоев, 1972, стр. 23). Иными словами, если когда-то (в I тыс. н. э.) этноним *ас* и был полностью эквивалентен этнониму алан, к XII–XIII вв. эта взаимосвязь в значительной степени утрачена. Волны кочевников приносили с собой новые этнонимы, нередко созвучные древним, но по происхождению совершенно различные. Может быть, именно в этом аспекте появляется возможность толковать одно из сообщений Ал-Джувайни (вторая половина XIII в.), в котором он среди покоренных монголами народов в Восточной Европе наряду с кыпчаками, русами и другими перечисляет отдельно аланов и асов (Тизенгаузен, 1941, II, стр. 22). В целом можно заключить, что этнонимы *ас*, *ассы* у башкир появи-

лись в Волго-Камье и на Южном Урале вместе с миграцией катайцев. Проникновение этнонимов и их древних носителей в среду катайцев восходит, очевидно, к различным этапам взаимодействия кара-китаев с тюркоязычными племенами. Восточнотюркское происхождение башкирских этнонимов ас и ассы иллюстрируется, кроме сказанного, тем, что названия двух родов киргизского племени азык (асык) имеют аналогии в катайской родоплеменной этнонимии: кирг. *кузугуна-азык* — башк. *кузгун-катай*; кирг. *бёрю-азык* — подразделение *бөрө* в составе племени салют.

Собственно кыпчакское влияние на кара-китаев пережило несколько этапов. О вероятности значительного кыпчакского воздействия на кара-китаев в период их расселения в Семиречье писал еще Г. Е. Грумм-Гржимайло (1926, стр. 411). Среди башкир-катайцев ранний этап кыпчакско-кара-китайского взаимодействия отложился в многочисленных этнонимах и топонимах с основой *сары* (*һары*): родовые подразделения *сары* в составе бала-катайцев; группа *сарылар* и старинный аул *Сары* у катайцев Зауралья. В качестве этнонима или его составной части слово *сары* известно и в других башкирских родоплеменных группах, в частности в кыпчакской. Катайцы рассказывают об этнониме различные предания: когда предки катайских башкир кочевали где-то на востоке, их называли *һары халкы* (желтый народ); возвышенность на Волге, на которой тебеневал скот катайцев, называлась *Һары тау* (Желтая гора), и это имя закрепилось за частью народа и т. д.³²

Этноним *сары* широко распространен у тюркских народов: у тувинцев — *сарыг*, *сарыглар*; казахов — *сары-кыпчак*, *сары-аргын*, *сегиз-сары*, *сары-усунь*; туркмен — *сары* и *эрсары*; каракалпаков — *бессары*, *арсары*, *сары*; киргизов — *саруу*, *сары*; хакасов (сагайцев) — *сарыг*; уйгуров — *сары-уйгур*, *сарыг-уйгур* и т. д.

Происхождение племен (и этнонима) *сары* пока не совсем ясно, и материалов на этот счет недостаточно. Т. А. Жданко пишет о тяготении предков рода бессары племени ктай по этнокультурным признакам «к восточной части Средней Азии» (Жданко, 1950, стр. 44). Это соответствует сообщениям Ал-Бируни и Ауфи о «стране Сары» или «Сари», которую В. В. Бартольд располагает в «западной части Семиречья, в долине Чу» (Бартольд, 1968а, стр. 395). Он, видимо, был прав также, отождествляя народ *сары* (или — жителей страны Сары) с кыпчаками. Восточные источники сообщают, что в XI — начале XII в. тюрки-сары, опасаясь насильственной исламизации, покинули свои земли и бежали в государство кара-китаев (Kurat, 1937), где они, естественно, могли внести свой вклад в процесс тюркизации кара-китайского населения. Кроме известий восточных авторов, правда далеко не всегда ясных,

³² Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 103, 106.

о кыпчакском происхождении племен сары дает повод говорить сам этноним, который может трактоваться как древнетюркское название хотя бы части кыпчаков (ср. половец — половый — светло-желтый; *sağıy* — желтый, бледный; ДТС, стр. 488). Эти сопоставления опираются на гипотезу, сформулированную еще И. Марквартом и поддержанную другими исследователями, что средневековые кыпчаки-половцы были светловолосым народом. Распространенность этнонимов, топонимов, гидронимов с элементом сары (Сары-тау, Сары-Кехер, Сары-юрт, Сары-су, Сары-куль и др.) на всей огромной территории Дешт-и-Кипчака также позволяет связывать этот этноним с эпохой возвышения кыпчаков.

С переселением в начале и середине XIII в. уже тюркизированных кара-китаев в Дешт-и-Кипчакские степи сила кыпчакского влияния заметно возрастает. Своеобразными памятниками этих процессов являются образования с парным этнонимом — ктай-кыпчак или кыпчак-ктай — в составе казахов (Востров, Муканов, 1968, стр. 73), зеравшанских узбеков, каракалпаков (Гребенкин, 1872, стр. 59). Это явление, отмеченное многими исследователями и обстоятельно изученное Т. А. Жданко (1950, стр. 114–116), отражает в данном случае процесс кыпчакизации кара-китаев, хотя, конечно, нельзя исключать возможности этнического сближения и смешения кыпчаков и ктаев на основе предпочтительности брачных связей между ними. Этноним кыпчак-ктай имеет обычно смысл, переводимый как «ктай, ставший кыпчаком» (ср. кыпчак-минг, кыпчак-табын, ногай-кыпчак и др.). В этнонимии башкирских катайцев парных кыпчак-катайских названий нет. Позднее кыпчакское воздействие на башкир-катайцев отложилось в «кыпчакских» названиях родовых подразделений (кыпчак, туркмен, тау) и «кыпчакских» тамгах.

Таким образом, этническая история кара-китаев, по крайней мере начиная с первой четверти XII в., развивалась в тюркской среде, в которой преобладали найманы, азы, кыпчаки, хотя значительным могло быть влияние уйгуров и карлуков. В то же время в этнической характеристике башкирских катайцев до настоящего времени отчетливо просматриваются черты, связывающие их с Алтаем и Центральной Азией. Два старинных кара-катайских аула называются Маскара; такое же название носит одно из подразделений рода катайцев. Этноним маскара имеется также у казахов: в Младшем Жузе в составе отделения байулы есть род маскар (Радлов, 1887, стр. 23). Аналогия им обнаруживается в Западной Монголии. В составе племени хотон монгольской народности дэрбэт (дурбэт) есть род маскар. В этом же аспекте надо рассматривать общие черты в культуре катайских башкир и народов Алтая и Южной Сибири. В народном изобразительном искусстве башкир выделяются два наиболее древних орнаментальных комплекса, проис-

хождение которых восходит к населению Саяно-Алтайского нагорья, Южной Сибири и Центральной Азии (Авижанская, Бикбулатов, Кузев, 1964, стр. 125, 151, 241). И, наконец, ярким показателем древних связей предков башкир-китайцев с тюрко-монгольским миром Азии является их разговорный язык. Специфические фонетические комплексы *лт*, *нт*, *мт*, *мк*, *нк*, свойственные западным (горно-лесным) катаяцам, представлены в орхоно-енисейских памятниках древнетюркской письменности. Основываясь на этом, Дж. Киекбаев называл башкир-китайцев «выходцами с берегов Орхона и Селенги» (Киекбаев, 1956, стр. 234). Может быть, такая формулировка слишком категорична, но в смысле азиатских истоков этногенеза китайских башкир она совершенно правильна.

Племя *сальют*. Происхождение *сальютов* (*һальот*, *сальюһут*, *сальюгут*, *сальот*) Дж. Киекбаев связывал с сельджуками (Киекбаев, 1959, стр. 4). Историко-этнографическими материалами эту точку зрения подтвердить невозможно. Башкиры-сальюты, очевидно, этнически восходят непосредственно к салджиутам — монгольскому племени, игравшему активную роль в борьбе тюрков и монголов в первых столетиях II тыс. н. э. Кстати, А. Н. Кононов (1958, стр. 102) считает «заманчивым» самих сельджуков, точнее имя основателя сельджеукской династии Сельджука, сопоставить с Салджи — с именем легендарного начальника салджиутов (ср. Салджи+ут = салджи+к; показателю монгольского множественного числа — *ут* соответствует тюркский аффикс — *к*).

Монгольское происхождение салджиутов ясно показано Рашид ад-дином: племя салджиут «ответвилось от среднего сына Алан-Гоа, имя которого было Букату-Салджи»; «Алан-Гоа была из племени куралас, а племя куралас есть ветвь монгол-дарлекинов» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 178; II, стр. 14). Описывая победы Чингизхана, Рашид ад-дин вновь замечает, что салджиуты «были родичами» монголов (1952, I, стр. 179). Судьба салджиутов с XII в. была тесно связана с найманами и кара-китаями. Салджиуты вместе с племенами татар, дурбан и катакин, враждебно настроенные к устремлениям Чингизхана, выступили против него. В то время салджиуты и союзные им племена занимали территорию «по низовьям рек», из слияния которых «образуется Ан-кара-мурэн» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 101–102). Борьба салджиутов была безуспешной: частью они были перебиты Чингизханом, «оставшиеся» «подчинились и явились к стопам Чингизхана», став «ему послушными рабами» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 148, 179). Но салджиуты, сделавшись «рабами», не стали приверженцами хана-завоевателя. Когда в самом конце XII в. Чингизхан направил основной удар против найманов, на стороне найманского хана Буйрука вместе с другими племенами выступили и салджиуты (Таварих-и-Гузида, 1967, стр. 89).

Потерпевшие поражение найманы бежали «к Гур-хану, Кара-Хитаю» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 106). Вместе с ними были и салджиуты.

Салджиуты вместе с наймано-катайскими племенами, в недрах которых они подверглись тюркизации, ушли из Семиречья в Дешт-и-Кипчак после нового разгрома монголами. Вероятно, они в основном растворились в общей тюркской среде. Лишь небольшая часть салджиутов, переселившаяся вместе с кара-китаями в Башкирию, сохранила на северной периферии тюркского мира древний этноним. На территории Башкирии племена салют и катый всегда расселялись на смежных территориях (карта 6); этот факт вместе с преданиями, в которых салюты и катыйцы называются «братьями», свидетельствует о глубокой традиционности их взаимосвязей.

Древнемонгольские этнические истоки башкирского племени салют доказываются и более поздними этнонимическими параллелями. Потомками средневековых салджиутов на монгольской родине является племя салчжот, которое в XVII в. расселялось в местности Аохань (Лебедева, 1958, стр. 221). В состав Салчакского хошуна тувинцев входит род салчак, название которого Л. П. Потаповым также сопоставляется с этнонимом салджиут (Потапов, 1969, стр. 53). Этноним салютского родового подразделения *борэ* (*бөрө*), которое некогда было самостоятельным родом, звучит так же, как и название монгольского рода XVII в. *боро* из местности Чжарут и Ару-Карцинь (Лебедева, 1958, стр. 220–221), и бурятского рода *боро* (бурский род; Асалханов, 1960, стр. 70). Не может быть случайным в этом свете присутствие в составе казахских найманов рода *бура* (*бора*) -*найман*, (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185). Происхождение казахского рода бура-найман, видимо, такое же, как башкирского борэ-салют. Этническая судьба тех и других восходит к древнемонгольскому миру, а позднее была тесно связана с кара-китайскими и найманскими племенами.

Разговорный язык салютов составляет самостоятельный салвегутский (или синара-карабулакский) говор северо-восточного диалекта. Особенностью его фонетической системы является употребление звука *h* вместо *з* и *с* в любых позициях: *kahmar* ‘гуси’ вместо *kazzar*; *kyhыл* ‘красный’ вместо *кызыл*; *toh* ‘соль’ вместо *тоз*. По лексическому составу говор салютов (в пределах северо-восточного диалекта) наиболее близок к аргаяшскому, который охватывает преимущественно восточных катыйцев в Зауралье (Ишбулатов, Максютлова, 1962, стр. 6–8). В то же время салзегутский говор, по наблюдениям лингвистов, имеет среди других говоров башкирского языка наибольшее число лексических параллелей в монгольском языке (Максютлова, 1972, стр. 32).

История расселения катыйцев и салютов. Домиграции в Башкирию предки катыйцев и салютов кочевали где-то «близ

Кавказа», «по рекам Волге и Дону и в степях до Крыма». Цитаты взяты из предания, зафиксированного еще в конце прошлого века среди западных (горно-лесных) катайцев Ф.-Л. Берхгольцем (1893, стр. 75). В преданиях, записанных нами, настойчиво повторяется сюжет о том, что предкам древних катайцев на пути в Башкирию пришлось перейти Волгу, т. е. древний маршрут в Башкирию рисуется в направлении с юго-запада на северо-восток. На Волге, продолжают сказания, катайцы и сальюты «во времена Чингизхана» кочевали где-то в районе «Желтых гор»³³. Захваченные волной монгольских походов, средневековые кара-китай и салджиуты (или часть их) проникли, очевидно, за Волгу, в южнорусские степи. Топонимы Сиджеут, Саджеут зафиксированы рядом с «ктайскими» и «найманскими» названиями к западу от Азовского моря и в Крыму (Маркевич, 1928, стр. 11).

На территории Башкирии предки катайцев и сальютов могли поселиться не ранее середины или начала второй половины XIII в. в общем потоке движения кыпчакских кочевников. В Приуралье катайские и салютские роды в XIII–XIV вв. кочевали в междуречье Ика и Белой (карта 9). Это хорошо подтверждается размещением катайских аулов и распространением древней «катайско-салютской» топонимии и гидронимии по всей западной Башкирии: речка Катай-йылга — приток Демы в Альшеевском районе; деревни Катай и Сальзегут по рекам Ик, Сюнь, Дема, Белая. Следы пребывания катайцев обнаруживаются и западнее: подразделение катай (*катай нәселе*) зафиксировано на надгробном памятнике XVIII в. в с. Парау Куйбышевской области (Юсупов, 1971, стр. 223). В башкиро-татарских деревнях левобережья р. Ик (на территории ТАССР) записано множество преданий о том, что земли по Ику и его притокам, долина р. Сюнь в «очень давние времена были катайскими»³⁴. На Урале среди катайцев и сальютов еще не угасли сказания о пребывании их предков «далеко за Уфой», «на Асылы куле» и т. д., откуда они ушли в связи «с большой войной»³⁵. Горные катайцы рассказывают о катайском бие Арыпе, похороненном в «Мензелинском кантоне» на берегу Ика. Долину Ика катайцы называли «*Иске йорт*» (Старый юрт, Древняя родина), в отличие от Нового юрта (*Яңы йорт*), т. е. земель, занятых ими в настоящее время (Мирасов, 1930, стр. 74). Следствием длительного пребывания в юго-западной Башкирии, где катайцы успели войти в тесные контакты с древнебашкирскими племенами, является присутствие в катайской этнонимии названий юго-восточных и особенно западных племен: тамьян, таз, илан и др.

³³ Полевые записи 1953 г., стр. 39; 1959 г., тетрадь 2, стр. 44–45.

³⁴ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451, стр. 53–54.

³⁵ Полевые записи 1953 г., стр. 39, 220.

Время массовой миграции катайцев с Приуралья относится к периоду «большой войны» Тохтамыш и Тимура, т. е. к концу XIV в., хотя далекие проникновения кочевников на север и восток в более раннее время вовсе не исключаются. Часть катайцев и сальютов направилась на восток, в горно-лесную область среднего течения р. Белой и низовьев Инзера. С этих времен на побережье средней Белой осталась салютская топонимия. Позднее катайцы и смешавшиеся с ними небольшие группы салютов были оттеснены табынцами на среднее и верхнее течение Инзера и вышли оттуда к верховьям Белой. Катайцы, достигшие Белой (роды кузгун и идель), сильно смешались с тамьянцами и зауральскими табынцами. К кузгун-катайцам присоединились, кроме того, группы тюркоязычных кочевников, пришедшие из Западной Сибири и Казахстана; этим объясняется бытование среди части кузгун-катайцев (дер. Нижнее Серменево) преданий о приходе их предков с востока, с Иртыша, с сибирских просторов и т. д. В целом смешение кузгун- и идель-катайцев с зауральским табыно-тамьянским и другим населением заметно сказалось на их языке и культуре. Эта часть катайцев по этноязыковым признакам ближе стоит к своим восточным соседям, чем к сородичам на Инзере, которые сохранили многие архаичные черты в этнической характеристике, прежде всего упомянутые выше фонетические особенности в языке.

Основной поток катайцев и салютов направился на север и северо-запад. Согласно преданиям, их предки «очень долго шли на север от реки по названию Сюнь, пока не добрались в Сибирь Пермскую»³⁶. Катайцы и салюты двигались, как обычно делают кочевники, по маршруту, на котором было меньше крупных водных преград. Такой путь пролегал вдоль основного течения Быстрого Таныпа, а в его верховьях переходил на известный с древних времен северный путь через Урал в районе рек Бисерти, Сылвы, верховьев Чусовой и др. Миграция катайско-салютских башкир на северо-восток, происходившая примерно в одно время с передвижениями дуванцев и кошсинцев, увлекла с Приуралья и Бельской долины немало других родоплеменных групп, в составе которых были племена бикатин, сынрян, терсяк, сызгы, упей и др. В этом же потоке находились и оставшиеся в верховьях Таныпа (в долине р. Тюй) башкиры племени балыксы (см. гл. VII).

Районы первоначального расселения (в XIV–XV вв.) племен катай и салют на севере устанавливаются как на основании башкирских сказаний, так и документальных данных. Центр салютского расселения был в верховьях Исети и в долине р. Сысерть (Миллер, 1941, стр. 105), хотя их кочевья в XVI–XVII вв. встречались по всему течению Исети вплоть до ее устья. Катайцы занимали верховья р. Чусо-

³⁶ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 44.

вой; «наши предки», рассказывают китайские предания, «жили там, где сейчас станция Билимбай»³⁷.

История миграции и расселения китайцев и сальютов в Зауралье детально обрисована нами в работе «Зауральские башкиры» (Кузеев, 1962, стр. 182–189). Здесь дается лишь краткий обзор этих событий. Переселение китайцев и сальютов в Зауралье было постепенным. Дорогу в зауральские озерные степи они знали давно, но первоначально ограничивались лишь отгоном туда стад на летовки или зимние тебеневки. В XVI–XVII вв. китайско-салютские кочевья еще обычны на Чусовой, Сылве, Бисерти и даже достигали левобережья Камы (МИБ, 1936, стр. 79, 163, 196, 206, 231, 244 и др.). Даже в конце XVII — начале XVIII в. не все башкиры оставили прежние земли в Пермской Сибири. О башкирской волости, расположенной «вверх Чусовой реки», упоминается, например, в «Деле о спорных землях башкир на Сибирской стороне Урала» от 1695 г. (МИБ, 1936, стр. 90). Длительное пребывание китайцев и сальютов на северных территориях имело определенные последствия для их этнического состава. Башкиры ассимилировали здесь часть местного угорского (вогульского) населения. Совместные выступления башкир и вогулов, пребывание башкирского и вогульского населения в общих поселениях зафиксированы многими источниками (Миллер, 1937, стр. 211 и др.). В документах XVII в. башкир нередко называют вогулами (вогуличами, вогулятинами), а вогулов, напротив, башкирами. Некоторые исследователи на основании этих сведений высказывают даже мысль об угорском происхождении сальютов (Ишбулатов, 1969). Однако в языке и культуре сальютов отсутствуют точно установленные и значительные по масштабам явления, которые можно было бы толковать в этом направлении. Предания и исторические сведения показывают, что контакты и смешение китайцев и сальютов с местным угорским населением в XVI–XVIII вв. действительно были, но развивались они в плане ассимиляции вогулов в башкирской среде. С перемещением основных районов китайско-салютского расселения на юг и юго-запад и уходом вогулов в северное Зауралье эти контакты в XVII в. постепенно ослабли, а затем и вовсе прекратились.

Уход китайцев и сальютов с Чусовой, с верховьев Исети и вообще с северных земель находится в тесной связи с двумя крупными событиями: с одной стороны, с активизацией русской политики по освоению Пермского края и Сибири, что поставило башкир перед необходимостью покинуть старые кочевья; с другой — с ослаблением и падением Сибирского ханства, что расширило возможности башкирского продвижения в зауральские степи. Башкиры, кочующие по Сылве и Чу-

³⁷ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 48–49. Станция Билимбай на р. Чусовой северо-западнее г. Первоуральска.

совой, с первой половины XVI в. периодически подвергались нападениям со стороны русских военных отрядов. Под давлением этих обстоятельств уже тогда определились направления дальнейшего движения катаяйских и салыуотских башкир на юг и юго-восток. Массовый уход башкир с северных земель относился, однако, ко второй половине и даже к концу XVI в. и был вызван деятельностью Строгановых в этом районе и особенно походами Ермака и покорением Западной Сибири. Вероятно, под «сильным избиением», которое заставило, согласно преданиям, салыуотов и катаяйцев покинуть Чусовую, Сылву и Бисерть, подразумевалось неудачное восстание в 1572 г. черемисов и «присоединившихся к ним башкиров, вотяков и остяков, которые подошли к Каме и грабежами и убийствами причинили там много разорения» (Миллер, 1937, стр. 211). Походы Ермака и окончательное освоение Русским государством Пермского края ускорили процесс, приведя к довольно значительным на севере передвижениям башкир, которые, по словам Г. Ф. Миллера, «не признавая больше русскую власть, ушли... в отдаленные места» (Миллер, 1937, стр. 288).

Первыми откочевали на юг салыуоты. Они поселились к югу от Исети, локализуясь в бассейнах рек Синара и Теча. Катаяйцы вновь разделились. Основная их часть сдвинулась на юг, в долину р. Уфы и в верховья Б. и М. Ика — правых айских притоков. Другая часть катаяйцев вслед за салыуотами направилась в Зауралье; там они в основном заселили междуречье Синары и Течи в их верхних течениях. Катаяйские башкиры на р. Уфе оказались зажатыми между горами на востоке и дувано-кошсинскими кочевьями на западе. Недостаток земель заставляет и их постепенно мигрировать в Зауралье. Однако на рубеже XVII–XVIII вв. катаяйские переселенцы уже не могли найти свободных земель и там. Многие из них оказываются на положении припущенников у салыуотов и табынцев. Стремясь оградить себя от постоянных притеснений со стороны салыуотской феодальной аристократии, катаяйцы в 1717 г. добились получения жалованных грамот на вотчинное владение землями в верховьях р. Теча. Однако получение грамоты не намного изменило положение малоземельных катаяйцев. Это обстоятельство обусловило постепенный отлив значительной части катаяйских башкир (как улу-, так и бала-катаяйцев) далее на восток, в притобольские и приуйские степи, где они получили название ялан-катаяйцев (степных катаяйцев).

Племена сынрян, терсяк и бикатин. Племя *сынрян* в XVII в. играло активную роль в политической жизни Западной Сибири. Вместе с башкирами-табынцами в начале XVII в. сынрянцы были главной опорой Кучумовичей в степях к западу от Тобола (Миллер, 1941, стр. 27, 29, 167 и др.). Территория сынрянцев в XVII–XVIII вв. неоднократно менялась (карта 9). В конце XVI — начале XVII в. они кочевали вместе с царевичем Алеем в «семи днях от Тюмени на так

называемых боровых пяти озерах» (Миллер, 1941, стр. 28). Вскоре сынрянцы ушли из-под Тюмени; в 1623 г. они числились уже в Верхотурском уезде (МИРМО, 1959, стр. 117). Здесь они заняли территорию по левобережью верхнего и среднего течения р. Исети. Б. О. Долгих предполагает, что в Бачкырской волости (Бучкурской — по спискам И. Кириллова и П. И. Рычкова; Бускурской — по реестру 1737 г.), расположенной между Исетью и Пышмой, в районе течения р. Беяковки и озера Атяж, также жили сынрянцы (Долгих, 1960, стр. 42, 44, 47). При этом он ссылается на мнение Г. Ф. Миллера, который указывает: «...юрты бачкырцев находились у озера Утеше или Устюме» (Миллер, 1941, стр. 357). Сведения эти полностью совпали с полевым материалом: сынрянские предания рассказывают, что на современные места расселения в верховья Синары или в междуречье Синары и Теча их предки пришли с севера с озера Атяж (*Өктәс*)³⁸. Уход сынрянцев с левобережья Исети и переселение их на юг имели место в конце XVII в., когда на Пышме и Исети башкирское и татарское население постепенно сменилось русским. В начале XVIII в. к северу от Исети башкирских селений, за очень редким исключением, уже не было. Переселившиеся на правый берег Исети сынрянцы не нашли там свободных земель, поэтому вынуждены были поселиться на правах припущенников на землях опередивших их салъяотов. Численность сынрянцев к этому времени составляла лишь несколько сот человек. Стремясь пользоваться вотчинными правами на земли, они в XVIII в. стали зачастую причислять себя к салъяотам и вскоре действительно смешались с ними.

Происхождение сынрянцев остается пока неясным. Б. О. Долгих предполагает, что сынрянцы, как и терсяки, могли быть «потомками старого угорязычного населения... лишь впоследствии тюркизированного», хотя допускает возможность «тюркоязычности» сынрянцев и терсяков и «по происхождению» (Долгих, 1960, стр. 22). Сынрянцы, как и салъяоты, действительно сильно смешались с местными приуральскими уграми, но вопрос об угорском или финском происхождении их предков остается дискуссионным главным образом потому, что сынрянцы не коренные жители Среднего Урала или прилегающих с запада пермских областей, а выходцы с Бугульминской возвышенности. Сынрянские поселения еще в XVII–XIX вв. зафиксированы далеко на западе и юге Башкирии, что трудно, а точнее невозможно, связать с гипотезой их местного финно-угорского происхождения. В списке П. И. Рычкова род «зирян» или «зирян юрты» числится на Казанской дороге (гл. II, табл. 4). В других источниках XVII–XVIII вв. башкиры этой же группы называются «зырянцами», «зарницами» или «сырянцами» (Миллер,

³⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 12.

1937, стр. 12, 288; Руденко, 1955, стр. 59; Долгих, 1960, стр. 42). Было бы неправильно развивать и дальше эти не очень точные русские транскрипции башкирского этнонима сынрян (*һеңрән*), как в некоторых недавно опубликованных работах, вести речь об участии собственно зырян в формировании этнического состава башкир. В действительности П. И. Рычков под зырян'ами имел в виду сынрян, потомки которых до сих пор живут в дер. Сынгаряново на р. Ик и в других аулах западной и южной Башкирии (карта 9). Из этих юго-западных районов сынрянцы вместе с катаяскими башкирами переселились в Пермскую Сибирь, а позднее — далее на восток, в Зауралье. О приходе сынрянцев в верховья Чусовой с запада писал и Г. Ф. Миллер, называя их «перебежчиками из Уфимского уезда» (Миллер, 1941, стр. 42).

История сынрянских переселений исключает, таким образом, постановку вопроса об этнической принадлежности их предков к уральским уграм (в частности к вогулам). В то же время названию сынрян нет параллелей в тюрко-монгольском мире, хотя его специфическое окончание характерно для некоторых древнебашкирских этнонимов (ср. *һеңрән*, *бөрйән*, *үсәргән*, *тамйан* и др.). Примечательно в этом свете присутствие родового подразделения сынрян в составе племени тамьян, территориально, по крайней мере с XIV в., не соприкасавшегося с современными сынрянцами.

Имеющийся материал позволяет считать аргументированными следующие моменты в этнической истории племени сынрян: а) первоначальной родиной предков сынрянцев были Бугульминская возвышенность и юго-западное Приуралье, где вплоть до начала XX в. оставались их соплеменники, сохранявшие древнее родоплеменное название; б) сынрянцы обитали на территории юго-западного Приуралья задолго до прихода катаяцев и сальютов; здесь они активно взаимодействовали и, вероятно, смешались с древнебашкирскими племенами. Следствием такого взаимодействия являются сынрян'ская этнонимия в составе тамьянцев и, вероятно, морфологическая структура самого названия сынрян; в) в XIII–XIV вв. сынрянцы были вовлечены в крупные передвижения на север и северо-восток. Оказавшись в орбите влияния сильных в то время катаяцев и сальютов, они повторили в процессе расселения маршрут их движения из юго-западной Башкирии на северо-восток. Из-за недостатка материала остается неясным, являлись ли предки сынрянцев тюркизированными уграми или сармато-аланами Бугульминской возвышенности и ее периферии, или же они уже по происхождению принадлежали к тому сложному, но преимущественно тюркскому миру, выходцами из которого были бурзяне, усерганы, тамьянцы, тангауры и другие древнебашкирские племена.

Небольшое племя *терсяк* также было весьма подвижным. В XVI — начале XVII в. терсяки жили «вверх [по] Чусовой», где была Терсяц-

кая волость (карта 9). Здесь земли терсяков простирались до р. Уфы. И. Лепехин сообщает, что «Сергинские заводы... построены в 1740 г. Иваном Демидовым на р. Серга, впадающей в р. Уфу, на земле, купленной у башкир Терсяцкой и Упейской волостей» (Лепехин, 1822, стр. 219). В начале XVII в. большая часть терсяков бежала в Тюменский уезд. Там также в 1630 г. появилась Терсяцкая волость рядом с Бачкурской волостью по р. Исети, в районе впадения в нее р. Терсюк (Долгих, 1960, стр. 21–26, 47). Примерно в одно время с сынрянцами терсяки покинули междуречье Пышмы и Исети и поселились южнее Исети, на сальютских землях.

Вопрос о происхождении терсяков сложен. Древние этапы этнической истории терсяков едва ли развивались параллельно сынрянской истории. Предположение Б. О. Долгих, что терсяки и сынрянцы — «потомки старого угроязычного населения» Среднего Урала, применительно к терсякам имеет, кажется, большие основания. Этому не противоречат, например, предания терсяков о том, что они — «потомки черемисов» (*без сирмешлар населеннэн*)³⁹, и историко-лингвистические этюды В. Ф. Генинга, который этнонимы с основой *тур*, *тор*, *тер* (в том числе *терһәк*) возводит к коми-зыр. *тури*, манс. *тари*, венгр. *daru* — журавль (1967, стр. 78–79; см. также Лыткин, 1953, стр. 55). И тем не менее было бы преждевременным считать вопрос об урало-угорском происхождении терсяков решенным. Дело в том, что совсем недавно, в начале XVIII в., терсякские поселения находились значительно западнее, далеко за пределами угроязычного населения Пермской Сибири и Среднего Урала. «Терсяцкая волость» числилась в Осинской дороге «з деревнями во оной башкир, мещеряков, черемис, водан» (МИБ, 1949, стр. 485; воданы, т. е. удмурты). Наряду с другими данными это сообщение означает, что миграция терсяков в пределах самой Башкирии шла с запада на восток.

Угорское происхождение терсяков весьма вероятно, но в этом случае речь может идти не о поздних процессах тюркизации угорского населения на р. Чусовой и прилегающих землях (в XV–XVII вв.), а о древних этнических связях в эпоху, когда рано тюркизированные угры где-то на грани леса и степи в южносибирских и казахстанских просторах перешли к кочевому скотоводству и фактически стали частью тюркского мира. Терсяки в XVI–XVII вв. были кочевниками; иначе трудно было бы представить, чтобы угры-терсяки могли в 1603 г. «промышлять» на реках Уй, Тогузак (Миллер, 1941, стр. 148). Такие далекие передвижения были естественными лишь для давних кочевников, но не для пермских вогулов, с которыми терсяков (хотя и предположительно) отождествля-

³⁹ Полевые записи 1953 г., стр. 108. О значении термина *сирмеш* в башкирском языке сказано выше.

ют. На наш взгляд, истоки этнической истории терсяков надо искать среди азиатских или сибирских групп тюркизированного угорского населения, вовлеченного в общий поток движения на запад еще в конце I тыс. н. э. В Актюбинской области, например, есть р. Терсаккан — название, которое, возможно, является топонимическим памятником былых передвижений предков терсяков. На территории северной Башкирии терсяки расселялись в XIV–XVII вв. в областях, где дальнейшее смешение и ассимиляция ими местных угорских и финно-угорских групп населения были неизбежными. Наиболее явственные следы лексического влияния финно-угорских языков на башкирский язык лингвисты прежде всего обнаруживают среди северных башкир (Ишбулатов, 1967).

Бикатинцы, которых в начале XIX в. насчитывалось «867 человек в 5 деревнях» (Попов, 1813, стр. 5), переселились в Зауралье из района расселения катайцев в верховьях р. Уфы. Сами бикатинцы считают себя родом, родственным катаям. Смежное расселение бикатинцев с катаями, как к западу, так и к востоку от Урала, давнее стремление бикатинцев считать себя составной частью катайского племени свидетельствуют о реальности былых этноисторических связей между ними. Но бикатин более древнее образование в Башкирии, нежели катайцы. Башкирские шежере представляют Бикатуна — родоначальника бикатинцев — четвертым сыном легендарного Иштяка, давшего второй этноним башкирам (БШ, стр. 174). Но еще более интересным является сообщение, что Бикатун был отцом Байлара и Юрми, в последнем случае названия одного из болгарских племен. Шежере отражает, вероятно, тот период в истории бикатинцев, когда они кочевали в западной Башкирии по рекам Ик и Сюнь, находясь в родственных или территориальных связях с предками икских башкир. В свете этих данных племя бикатин этнически восходит к тем тюрко-угорским образованиям конца I тыс. н. э., которые на юге Западной Сибири или в Северном Приаралье получили название истяк или иштяк. Миграция бикатинцев в юго-западную Башкирию произошла, вероятно, одновременно с движением булгарских (в том числе племени юрми) или древнебашкирских (в том числе племени байлар) племен. Несколько столетий бикатинцы, так же как и сынрянцы, терсяки, сызгинцы, упейцы, кочевали в юго-западном Приуралье рядом с племенами юрми, юрматы, байлар, усерган, тамьян, бурзян и другими, пока в XIII–XIV вв., подхваченные сильной волной катайского движения, они не оказались в Пермской Сибири и позднее в Зауралье.

В целом вопрос о происхождении племен сынрян, терсяк и бикатин решается со значительной долей гипотетичности. Объясняется это не только недостатком материала, но и вообще слабой изученностью тюрко-угорских, тюрко-сарматских этнических связей в степях Приаралья, Западной Сибири и Поволжья во второй половине и в конце

I тыс. н. э. Однако один из важных моментов, касающихся башкирско-го этногенеза, в данном случае решается достаточно прочно: племена сырян, терсяк и бикатин обитали на Бугульминской возвышенности задолго до прихода катайцев и сальютов; они были активными участниками тех этнических процессов, в которых, по нашим источникам, главная роль принадлежала племенам юрматы, юрми, усерган, бурзян, тамьян, тангаур и которые привели к сложению этнической основы башкирской народности. Будучи покоренными воинственными катаяцами и сальютами, они вместе с ними двинулись на север и северо-восток, где участвовали во многих выступлениях и акциях башкир. Однако направление этнических процессов на севере и северо-востоке определялось во многом давними жителями Приуралья — сырянцами, терсяками, бикатинцами (а также упейцами и сызгинцами), которые принесли с Бугульминской возвышенности инерцию этнического развития древнебашкирских племен.

В XVI–XVII вв. сырянцы, терсяки, бикатинцы, как и катайцы с сальютами, активно общались с сибирскими татарами. Временами (в зависимости от обстановки в степи) эти племена оказывались в орбите политического влияния и власти Кучумовичей и участвовали в их бесперспективной борьбе за возрождение славы и могущества степных ханов. В источниках зырянцы, терсяки, бикатинцы (или беляковцы), да и сами катайцы часто именуются «татарами» (Миллер, 1937, стр. 105). Вопрос о характере этнического взаимодействия башкир и сибирских татар в XVI–XVII вв. нуждается в специальном и широком изучении. Прежде всего, недостаточно ясным остается этнический состав и этническая история самих сибирских татар и их различных этнографических групп. Однако нетрудно представить специфику этнической картины башкирского Зауралья в XVI–XVII вв. Это был период, когда процесс консолидации башкирской народности, еще не завершившийся на периферии расселения различных ее групп, в силу воздействия разных факторов мог принять новые направления развития. Часть тюркского населения северо-восточной Башкирии, и особенно Зауралья, еще не определила прочно своих политических позиций по отношению к Русскому государству, в состав которого добровольно вошла подавляющая часть башкирских племен, и к Сибирскому ханству, поражение и кризис которого вырисовывались ясно, но на стороне которого были традиционные симпатии некоторых кочевников. В этих условиях вполне допустима и неопределенность этнического тяготения тех или иных родоплеменных групп к башкирам или сибирским татарам. Лишь окончательное падение Сибирского ханства решило эту проблему, и все оставшиеся в Зауралье тюркские родоплеменные группы вошли в состав башкир. Но часть зауральского населения, и это прежде всего касается активно участвовавших в набегах Кучумовичей сырянцев и терсяков,

вместе с сибирскими татарами откочевала на восток, вплоть до Алтая. На Чулыме среди кызыльцев, пишет Л. П. Потапов (1969, стр. 89), были группы населения, пришедшие с Ишима, Тобола. Среди зауральских и северо-восточных башкир есть предания о «возвращении» некоторых предков на Алтай, о закреплении там земельных вотчин и даже получении с этих вотчин арендной платы⁴⁰. Малочисленность некогда активных сырянцев, терсяков и бикатинцев в Башкирии, потеря ими племенной самостоятельности объясняются, видимо, тем, что население этих племен в том или ином масштабе вместе с татарами Кучумовичей ушло в Сибирь и далее на восток.

Калмаки и башкирские казаки. Родоплеменные группы *калмак* (калмак, сарт-калмак), кроме башкир, входят в состав казахов, каракалпаков, киргизов и других народов. Некоторые языковеды связывают появление этнонима *калмак* не с именем ойрат-монголов, как это принято в этнографической литературе, а с тюркским словом *калмак* или *калыу* 'оставить' или 'оставаться'. На этом основании родоплеменные группы *калмак* относятся к «исконным тюркам как по языку, так и по другим признакам» (Аманжолов, 1959, стр. 53). Возможность такого толкования этнонима, видимо, не исключается, однако вопрос об этнической принадлежности групп *калмак* в большинстве случаев достаточно ясно решается на основании исторических сведений. К тому же многие исследователи считают весьма вероятным образование второго этнонима ойратов *калмык* от тюркского слова «калмак» 'оставаться' (см.: Номинахов, 1958, стр. 99–101).

Башкиры-калмаки считают своим родоначальником Буранягарака, который, по преданию, пришел сюда с Иртыша. Родовые подразделения буран, буранягарака, зафиксированные в составе башкирских *калмаков*, генеалогически связываются с Буранягараком. В предании, как совершенно очевидно, идет речь о *калмыках*, появившихся в Западной Сибири в начале XVII в. Среди зауральских башкир можно услышать рассказ, что *калмаки* еще при жизни их дедов были шаманистами, за что их называли *кяфер-калмак* (*кяфер* — неверный). После принятия ислама их стали именовать сарт-калмаками⁴¹. В «Ведомости о количестве башкирского и мишарского населения...», составленной в 1872 г., говорится, что «калмаки, называемые аюкинскими, ведут наименование от хана Аюка, который прежде кочевал между Уралом и Волгой», и что показанные в ведомости аюкинцы «отошли в Башкирию с 80 лет и приняли закон магометанский со исправлением вообще башкирской службы»⁴².

⁴⁰ Полевые записи 1959 г., тетрадь 2, стр. 18–19.

⁴¹ Полевые записи 1959 г., тетрадь 3, стр. 58.

⁴² ЦГАДА, разряд XVI, д. 932, л. 100.

Калмыки (ойраты) появляются в Сибири в конце XVI в. В это время Западная Сибирь находилась уже в составе Русского государства. Однако крушение Сибирского ханства, еще не укрепившиеся позиции Русского государства облегчают продвижение калмыков, которые по отношению к башкирам начинают выступать с претензиями на наследование прав и функций ногайских ханов. Претензии калмыков и их экспансионистские устремления определили в основном враждебные отношения калмыков и башкир, хотя в истории их взаимоотношений были периоды мира и даже совместных выступлений в различных политических акциях. В верховьях Тобола калмыки впервые показались в 1606 г.; в последующие годы они не раз разоряли башкирские кочевья, доходя до Исети и даже Пышмы. В 1621 г. калмыцкий тайша нанес поражение башкирам; в 1629 и 1633 гг. калмыки нападали на Кайтайскую волость (Миллер, 1941, стр. 19–30, 99, 105). Взаимные набеги калмыков и башкир, которые сопровождались угоном скота, захватом пленных, продолжались вплоть до конца XVII — начала XVIII в. В ходе этих событий в Зауралье осталась группа калмыков, которая, поступив на службу к русскому царю, получила вотчинные права и положила начало новому «роду». Расселяясь смежно с ялан-кайтайцами, калмыки довольно сильно смешались с ними.

Башкирские казаки составляют смешанную башкиро-татарскую этническую группу, образовавшуюся из переселенцев-башкир из различных волостей Урала, а также татар, которые ради получения вотчинных прав на землю поступали в XVIII–XIX вв. в служилое сословие. Среди башкирских казаков немало башкир и татар, бежавших в Зауралье от царских карателей в период подавления пугачевского восстания. В начале XIX в. сюда переселились безземельные башкиры и татары, которые за свой счет несли службу царской администрации. Постепенно удельный вес татарского компонента в составе башкирских казаков стал преобладающим; в конце XIX в. они называют себя по преимуществу татарами, хотя в их этнической характеристике сохраняется немало башкирских черт.

ТАБЫНСКИЕ БАШКИРЫ

Этнический состав и расселение табынских башкир в XVII–XIX вв.

Родоплеменная группа, которая в источниках XVIII в. объединяется под общим названием табынской, в составе башкир самая крупная по численности и наиболее сложная по составу. В табынском объединении шесть племен — *табын, кувакан, сырзы, бишул, бадрак* и *кумрук*, при этом само племя табын включает девять родов, кувакан — шесть,

бишул — два. Общая численность табынских башкир в начале XVIII в. равнялась примерно 60 тыс. человек (МИБ, 1949, стр. 484), что составляло почти четвертую часть всего башкирского населения. Табынские башкиры подразделяются на западных и восточных.

Западные табынцы компактно расселяются в центральной Башкирии, на прибельской низменности, окруженной с востока Уральскими горами, с севера — Уфимским плато, с запада — Бугульминской возвышенностью (карта 6). Благодаря плотности расселения на сравнительно небольшой территории численность западных табынцев в начале XVIII в. (более 31 тыс. человек) несколько превышала численность восточной группы.

Восточные табынцы расселяются преимущественно в Зауралье: компактно — в верховьях Яика и в районе водораздела уральских и западносибирских рек; отдельными группами и смешанно с другими племенами — в озерных степях Зауралья. Исключением было племя кувакан: оно занимало горные районы в верховьях Белой и горно-лесные — в междуречье Юрюзани и Ая. Численность восточных табынцев в начале XVIII в. достигала 26,5 тыс. человек.

Значительные группы табынских башкир живут в западной и южной Башкирии, по рекам Ик, Черемшан, Ток, М. Уран, а также в Иргизо-Камеликском бассейне.

Этнический состав табынских башкир восстановлен на основе полевых материалов, скорректированных с привлечением архивных источников и шежере. Все племенные и родовые названия табынской группы, представленные в табл. 5, подтверждены источниками XVIII в., если, конечно, иметь в виду «Свод...» в целом, а не сведения отдельных списков, которые применительно к табынским башкирам особенно фрагментарны и противоречивы.

Самым крупным в составе табынских башкир является племя табын. Из девяти табынских родов четыре — кара-табын, барын, теляу и кубалаяк — находятся в Зауралье (восточнотабынские роды); остальные пять — кесе, юмран, кальсер, дуван и сарт — в центральной Башкирии (западнотабынские роды). Принадлежность указанных девяти родов к племени табын не означает общности их происхождения. Роды барын, теляу и кубалаяк в прошлом были самостоятельными, хотя и родственными табынцам образованиями. В ряде списков «Свода...» «Барынская», «Телевская», «Кубалаякская» волости перечисляются отдельно от «Табынской». Однако это было лишь отражением давних отношений. В XVIII в. И. Кириллов и П. Рычков включают телевскую, барынскую, кубалаякскую «тюбы и аймаки» в состав табынцев. Прочным показателем реального существования табынского объединения родов является совместное владение ими вотчинами в Зауралье. Роды кара-табын, теляу, барын и кубалаяк, а также племя кувакан не имели

оформленных жалованными грамотами самостоятельных вотчин. На рубеже XVII–XVIII вв. углубление социальной поляризации в башкирском обществе, растущие у феодализирующейся верхушки тенденции к концентрации владельческих прав на земли вызывали бесконечные трения и споры у «совладельцев». Но даже в этих условиях инерция вековых традиций давала себя знать. Очередной конфликт в 1728 г. табынских и куваканских родов закончился, например, тем, что они «полюбовно о вотчинах своих договорились» и определили «жить... по-прежнему на той своей земле, как жили прадеды, и деды, и отцы наши» (МИБ, 1955, стр. 252).

Наиболее многочисленным и, очевидно, наиболее сильным среди восточнотабынских родов был род кара-табын. Царская жалованная грамота на все табынские земли была выдана кара-табынскому роду. В 1692 г. тархан Акинзя Таникеев, стремясь оградить табынские земли от посягательств многочисленных в то время кочующих групп, следующим образом описывает в челобитной пределы земель «Кара-табынской волости»: на юге — до вершины р. Кизыл, где на горе Аикар «поставлен знак Бурзенской волости»; на западе — до Белой и вверх по ее течению до верховьев р. Ай; на севере — с самых «вершин Миасса» вниз по ее течению в Зауралье и далее на юго-восток «до устья р. Уя и до степи, состоящим за рекою Тоболом» (МИБ, 1936, стр. 80–81). В челобитной показана территория, на которой в XVIII в. и позже жили все восточнотабынские роды.

Кара-табынцы имели сложную внутреннюю структуру. В нашем списке (табл. 5) показан род кёк-джюргек (по И. К. Кириллову — кунюрган, П. И. Рычкову — кукзюррак), который по отношению к кара-табынскому роду является дочерним образованием. Источниками XVIII в. в составе кара-табынцев названы роды (по нашей номенклатуре — подроды или родовые подразделения): аяла (или айла) -табын, кыпчак-табын, карагай-табын, айле-табын, санкем-табын, кудей-табын, кыргыз-табын, мусюль (музул) -табын, акшураз-табын (МИБ, 1955, стр. 496–497; Рычков, 1887, стр. 65–71; Мирасов, 1924, стр. 23–24). Названия показывают, что в большинстве случаев это были группы башкир-кыпчаков (кыпчак-санкем, карагай-табын), кудейцев, айлинцев и других, которые присоединились к кара-табынцам или были подчинены ими в период участия табынцев в XVI–XVII вв. в борьбе на стороне Кучумовичей. Кара-табынцы тогда были активной силой в западносибирских степях. Не случайно источники упоминают кара-табынские «роды» аяла-табын и кыргыз-табын: инкорпорация в состав табынцев отдельных групп сибирских татар (*аялы*) и казахов (*кыргызы*) в то время была вполне обычным явлением. Аналогичное происхождение имеют и названия мусюль и акшураз. Но в XIX в. ни одна из перечисленных групп в составе кара-табынцев не зафиксирована. Это

естественно: с изменением обстановки политическая активность табынцев упала; точнее, она была подавлена в ходе разгрома царизмом башкирских восстаний XVII–XVIII вв., в которых табынские башкиры были неизменными участниками. Присоединившиеся к кара-табынцам кыпчакские, кудейские, айлинские и другие группы отошли от них, вернувшись в свои вотчины и племена, или бесследно ассимилировались в табынской среде.

Среди западнотабынских родов наиболее крупными были кесе, юмран, кальсер. П. И. Рычков перечисляет роды кесе (кси) и юмран (емуран, юрман) и на востоке табынской территории, что свидетельствует о тесных в прошлом связях между западными и восточными табынцами. Род дуван, исторически связанный с табынцами, территориально присоединился к западным табынцам сравнительно недавно, в XV–XVI вв. Башкиры небольшого рода сарт (род сарт-табын отмечен в списках 1739 и 1775 гг. «Свода...») являются потомками сартов, переселившихся на табынские земли с долины р. Ай.

В некоторых списках XVIII в. (гл. II, табл. 2) в числе западнотабынских родов упоминается род курпеч (*күрпәс*). Сейчас этот этноним забыт, хотя еще в конце XIX в. была небольшая курпеч-табынская земельная дача (Руденко, 1955, стр. 55). До переселения в долину р. Белой курпеч-табынцы жили в западной Башкирии: в начале XVIII в. на р. Ик была Курпеч-табынская волость (МИБ, 1936, стр. 137). На р. Ик сохранились два табынских аула, жители которых считают своих предков табынцами, но родовую принадлежность не помнят. Возможно, это потомки курпеч-табынцев, сильно смешавшиеся с окружающим татарским населением. Родовое подразделение курпеч зафиксировано также среди табынцев Ток-Чуранской долины.

Из пяти других самостоятельных племен два — кувакан (по источникам XVIII в. — кубакан, кувакай, куакан) и сырзы (чирли) примыкают к восточнотабынским родам (карта 6). Кувакан в XVI–XVII вв. — крупное и сложное по составу племя. В XVIII–XIX вв. оно в значительной части распалось, расселившись мелкими группами в Зауралье и в других районах Башкирии. Вызвано это было интенсивной горнозаводской колонизацией куваканской территории в междуречье верховий рек Юрюзань и Ай, по течению Б. и М. Сатки. Огромные участки земель отошли к заводчикам, а куваканцы перекочевали на периферию своей бывшей территории или совсем покинули горные долины. Редкие куваканские поселения остались в верховьях р. Белой. Относительно компактное расселение сохранили куваканские роды кыркулье и тюбеляс, занимавшие территорию по Юрюзани и Аю в их среднем течении. Род тюбеляс частично расселился на айлинских землях. В связи с этим в большинстве списков XVIII в. его ошибочно причисляли к айлинским родам. Племя сырзы в XVI в. занимало территорию, смежную с кува-

канцами где-то в верховьях р. Ай. Позднее сырзинцы перекочевали в Зауралье и заняли территорию в междуречье рек Теча и Миасс.

Племена бишул, кумрук и бадрак в состав табынских башкир не входили, хотя П. И. Рычков бишульцев (в источниках XVIII в. — бешанул, бит-аул, бешеул) и кумрукцев (кумрун, кумрут) перечисляет в составе западных табынцев. Родоплеменная группа бадрак в «Своде...» не упоминается, кроме списка 1739 г., где она названа «бурдюк-табын». В преданиях, а также информаторами при определении родоплеменной принадлежности всегда подчеркивается самостоятельность этих трех образований. Включение их в состав табынских башкир является следствием исторических событий, в ходе которых в сферу табынского влияния попали многие группы населения Башкирии как пришлые, так и местные.

Этнонимия родовых подразделений табынских башкир отличается некоторыми своеобразиями. Всего зафиксировано 260 названий, в том числе 190 собственно табынских, 70 — остальных пяти племен. В отличие от айлинских и катаянских башкир и особенно от юго-восточных в табынской этнонимии мало «тотемистических» названий: в составе племени табын их из 190 всего девять. Сравнительно мало патронимических названий, а также обозначающих различные реалии: из 260 — 35 и 25. Зато высок удельный вес этнических (в том числе родоплеменных) наименований (около 100 из 260) и этнонимов, значение которых пока установить не удастся (70).

Большое количество этнических и родоплеменных названий свидетельствует об этнической активности табынцев и высоком уровне их смешения. Этнические названия восточных табынцев: казах (5), киргиз (4) калмак (5), мангол, мишар, чуваш, сарт (2), узбек, кахас; родоплеменные: актамак-кувакан, айле (2), карагай (название кыпчакского рода), кудей, кыпчак, кызылбаш-катай, мэскэу (название рода в западной Башкирии), санкем (название кыпчакского рода), таз (2), тугыз или тугызак, сары (2), сундук (кыпчакский этноним), хунны (2), ун (племя в северо-западной Башкирии), субэй (суби — название минского рода) (3). Этнические названия западных табынцев: ар (или удмурт), казантатар (казанские татары) (2), калмак (3), киргиз, кахас (кахас?) (4), мангол, мишар, туркмен (2), черемис (3), чуваш; родоплеменные: баюлы (бурзянский род), миркит (минский род) (2), бишул (в том числе в формах янбишул, сяглян-бишул) (3), имел (или имес — этноним в юго-восточной Башкирии), катаян, тау, таз, тугыз, тырнак или тырнаклы, уран (племя в северо-западной Башкирии) (2) и т. д. В западной и особенно в южной Башкирии в табынских аулах наиболее распространенными являются этнонимы юмран (6), дуван (2), курпес (2), табын (2), а также юрматы, санкем, кыпчак, мин, канлы и др. В этнонимии зауральских табынцев преобладают названия, сви-

детельствующие об их смешении с восточными и южными соседями. В составе табынцев центральной Башкирии больше этнонимов, связанных с народами Среднего Поволжья и с западнобашкирскими племенами. Однако и в той и в другой группе просматривается слой, указывающий на общность более ранних периодов этнической истории табынских башкир.

Этническая смешанность табынских башкир отразилась и на тамгах. Особенно велика пестрота в тамгах западных табынцев, у которых основные типы оказалось возможным выделить, только опираясь на материал, полученный из документальных источников (МИБ, 1936, 1955, приложения). Всего собрано более 230 тамг, из них 150 принадлежат племени табын, 80 — остальным пяти племенам. Результаты анализа показаны в табл. 6. Тамги восточнотабынских родов, а также племен кувакан и сырзы имеют общую основу (№ 1), которая, однако, развивалась двумя путями. В родах теляу и кубалая преобладала тамга-круг и ее вариации; в родах кара-табын, барын и в племенах кувакан и сырзы — тамга-ковш. Но это различие было не слишком строгим; в среде всех восточных табынцев достаточно хорошо известны обе вариации тамги. В количественном отношении среди восточных табынцев тамга № 1 является абсолютно преобладающей. Из 63 зафиксированных тамг четырех восточнотабынских родов 54 являются ее вариациями. Тамга № 1 известна, правда, всего в пяти экз., среди табынцев центральной Башкирии. Устойчиво сохраняется тамга-круг или тамга-ковш среди табынцев западной и южной Башкирии (долины р. Демы, Ток, Б. и М. Уран). В целом из 230 тамг вариации тамги № 1 составляют около 90. Среди башкир рода теляу распространена тамга (№ 9), тождественная с катаяской или бурзянской. Хотя сами телевцы считают ее древней, унаследованной «от отцов и дедов», появление тамги указанного типа является, очевидно, следствием табыно-катаяских или табыно-бурзянских взаимодействий.

В составе табынских башкир центральной Башкирии выделяется несколько типов тамг. Характерной для рода кесе-табын является тамга № 2 (13 тамг из 18 зафиксированных). Эта же тамга хорошо известна дуван-табынцам (8 из 24), но у них она, вероятно, является следствием смешения с кесе-табынцами, так как традиционной дуванской тамгой является тамга-ворота (№ 5). Заметим, что кесе-табынская тамга (№ 2) в основном начертании напоминает одну из юрматынских тамг, но выполненную несколько в иной вариации.

Оригинальной (в основной форме и вариациях) является тамга № 3, известная примерно в равной степени родам кесе, кальсер и юмран (соответственно 4 из 18, 5 из 10, 3 из 8). Тамга эта не имеет аналогий в тюркских тамгах, и ее изобретательные вариации скорее напоминают абстрагированные изображения реальных объектов (например,

дерева), свойственные некоторым финно-угорским народам (Симченко, 1965, стр. 20, табл. 5, 7). Тамга № 4, характерная в основном для кальсер-табынцев, также оригинальна, хотя изредка она встречается в других районах Башкирии. Тамга этого типа устанавливается только в основном начертании и в некоторых вариациях. Чаше она переходит в фигуры, ничем не отличающиеся от многих других тамг (например, кыпчакских). Тамга № 6 является наиболее распространенной у племен бишул, кумрук и бадрак (соответственно 18 из 34, 9 из 19, 4 из 8). Вероятно, тамга № 7 у бишульцев (5 из 34) также является ее вариацией (ср.). Основное начертание тамги № 6 является глубоко традиционным и аналогии ей легко найти в знаках орхонской письменности и в тамгах других тюркских народов. Среди кумруков хорошо известна тамга-вилы (№ 8), заимствованная ими у соседних кудейцев.

Этническая история восточных табынцев

П л е м я т а б ы н . Основным носителем табынского этнонима является род *кара-табын*. Аналогии табынскому племенному названию имеются лишь в родоплеменной этнонимии казахов. Казахское племя *табын*, входившее в состав Малого Жуза, также было многочисленным и сложным по структуре образованием (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185; Востров, Муканов, 1968, стр. 96 и др.). В XIX в. казахи-табынцы обитали на обширной территории от Сырдарьи и плато Устюрта до Тобола и Оренбургских степей. Еще в XVIII—XIX вв. привычным маршрутом перекочевок казахских табынцев были Устюрт и дельта Амударьи зимой и южное Приуралье, степное Зауралье летом (Викторов, 1971, стр. 445). Поблизости от границ Башкирии табынцы-казахи частью кочевали в районе Оренбурга и Уральска, частью — по Тоболу и южнее, по Эмбе (Радлов, 1887, стр. 23).

О древних этноисторических связях башкирских и казахских табынцев свидетельствует тождество не только этнонимов, но и тамг. Основной тамгой казахских табынцев, как и башкирских, был круг и его вариации: (Гродеков, 1889, стр. 4; Аманжолов, 1959, стр. 13). У казахов-табынцев исследователями отмечены и другие тамги: (Соколов, 1904, приложение; Востров, Муканов, 1968, стр. 96–97), также имеющие устойчивые аналогии у табынских башкир.

Некоторые аналогии наблюдаются и в уранах казахских и башкирских табынцев, а также в названиях тамг. Уран сырдарьинских табынцев (по Н. И. Гродекову) — серке. Так же называется тамга у кальсер-табынцев. Значение слова «серке» применительно к тамгам неясно.

Предположение, что оно эквивалентно термину *һәрғә, сөрғә* ('крюк для выделки кожи' на южном диалекте башкирского языка), может быть лишь поздним осмыслением иного, более древнего значения слова. Но независимо от расшифровки слова в приведенном примере мы видим обычный для кочевников случай перехода названия урана на тамгу и наоборот. У тех же сырдарьинских табынцев термин тастаган⁴³ служил и ураном, и обозначением тамги (Гродеков, 1889, стр. 4–5). Но боевое значение, которое придавалось кочевниками уранам, обязательно подразумевает в них определенный заряд экспрессии, призыва, например: уран у башкир племени кувакан *һандал* — наковальня; у части табынцев *салауат* — упорство, непреклонность (БШ, стр. 155). Поэтому слово «тастаган» едва ли могло быть ураном и представляло, очевидно, древнее название тамги. Именно в этой функции (*туҫтаҡ*) оно зафиксировано у башкирских табынцев и обозначало тамгу-круг. Следовательно, можно предположить, что термин серке первоначально был ураном табынцев как башкирских, так и казахских, и имел значение, соответствующее понятиям 'наступать, гнать' (ср. башк. *һөрөү* — изгонять, гнать, сослать; БРС, стр. 634). На башкирской почве этим словом позднее стали обозначать тамгу, в ряде случаев ассоциативно связав его с внешней формой скребкового орудия: см. тамгу племени бишул *сөрғә* (табл. 5).

Итак, этническое родство и связи башкирских и казахских табынцев устанавливаются по нескольким признакам — этнонимам, тамгам и их названиям, уранам. Н. А. Аристов, придававший табынцам крупную роль в этнической истории башкир, ориентируясь на тождество башкирского и казахского этнонимов, высказал мысль о происхождении башкирских табынцев в этнической среде казахов Малого Жуза (Аристов, 1896, стр. 287, 406). Однако в настоящее время появляется возможность поставить вопрос о происхождении табынцев вообще.

Каковы свидетельства самих башкир-табынцев о происхождении предков? Кроме многочисленных преданий, в нашем распоряжении имеется семь табынских шежере (БШ, стр. 155–165, 215). В отличие от генеалогий других башкирских племен табынские шежере почти не имеют текстового сопровождения. Обычно это сложные пирамиды имен, которые в большинстве случаев венчаются именем Майкы-бия, полулегендарной личности, одного из современников и военачальников Чингизхана (Рашид ад-дин, 1952, II, стр. 274). Майкы-бий получил от Чингизхана, согласно преданиям и шежере, страну (*ул*), птицу — орла-стервятника, дерево — лиственницу, уран — салават (БШ, стр. 156). Реальный смысл предания в том, что Майкы-бий был в числе покоренных или, вероятнее, покорившихся монголам степных владе-

⁴³ Тастаган, башк. *туҫтаган, туҫтаҡ* — деревянная чаша для питья кумыса.

телей, получивших от завоевателей подтверждение прежним привилегиям. Впрочем, об этом имеется прямое сообщение средневекового хрониста: Майкы-бий, «принеся подарки Чингизхану, стал его спутником, ездил вместе с Чингизханом в одной повозке» (БШ, стр. 165). Правнуком Майкы-бия был Кара-табын-бий (другое имя Кара-Газиз), который и дал якобы начало кара-табынскому роду (БШ, стр. 163, 165). Казахские табынцы Малого Жуза свою генеалогию также возводят к Майкы-бию (Аманжолов, 1959, стр. 32).

Древние легенды и предания табынцев указывают, что родиной их предков был Алтай. Вот одно из преданий: «В очень давние времена табынцы жили на Алтае. Даже само имя табын означает Алтай (?). Когда-то на Алтае жили и уйгуры; наши предки (*оло атайзар*) были уйгурами. Однажды предводитель (*рәис*) табынцев повел сородичей с Алтая на Иртыш. У раиса был струнный инструмент, и он под звуки волн Иртыша сочинял мелодии, которые и сейчас поют табынцы. Когда на Иртыше стало много народа, табынцы ушли на р. Белую»⁴⁴. Алтай, Монголия или р. Курулен называются в табынских сказаниях странами, в которых якобы Майкы-бий стал подданным Чингизхана⁴⁵.

Мысль о южносибирском или вообще азиатском происхождении табынцев высказывалась и раньше, но она основывалась лишь на толковании этнонима табын (табун) в значении 'пять' с позиции монгольского языка. При этом обычно ссылаются на название одной из высоких гор монгольского Алтая: Табын-Богдо-Ола — Гора пяти богов, или же приводят этнонимическое сопоставление с названием монголо-бурятского племени табунутов-табангутов (Рона-Таш, 1964). Как ни заманив такой путь решения «табынского вопроса», он не кажется правильным. Вспомним попытки аналогичной этимологизации с позиции монгольского языка этнонима найман в значении 'восемь' и убедительные доказательства лингвистами тюркского происхождения слова. В данном случае древнетюркский язык также дает немало возможностей для различных построений: древнетюркские *tabiñ*, *tapin*, башк. *табыны* 'служить', 'поклоняться', 'молиться'. Не исключено, что слово табын является поздней трансформацией или поздним осмыслением более древнего тюркского названия племени, которое могло звучать иначе, например, в форме несколько раз упоминающегося в надписи Кюль-

⁴⁴ Полевые записи 1953 г., стр. 201.

⁴⁵ Там же, стр. 263, 283. Аналогичный сюжет в начале XX в. записан среди казахских табынцев Г. Н. Потаниным: «Чингизхан, когда был ребенком, убежал вверх по р. Курлен на Алтае. Двенадцать биев во главе с Майкы пошли искать его, чтобы убедить стать ханом. Наконец, нашли Чингиза, построили телегу, в которую впряглись 11 биев, а Майкы-бий сел рядом с ханом и стал первым бием» (Потанин, 1916, стр. 50–51).

Тегину этнонима та-табы, татабы (Малов, 1951, стр. 36, 38, 40, 43). Иными словами, монгольское происхождение этнонима табын и соответственно самого племени, на чем настаивает ряд исследователей, на наш взгляд, рано считать доказанным. В свете историко-этнографических материалов более вероятным представляется тюркское происхождение племени табын. В одном из башкирских шежере (БШ, стр. 158) указано имя предка Майкы-бия — *Төмән-бий* (Тумэн-бий). В предании, записанном К. Л. Задыхиной в 1947 г. в Кунгратском районе Каракалпакии, Майкы-бий также назван потомком Тумэна (Задыхина, 1952, стр. 343). Эти сведения весьма существенны. Тумэн (или Бумын) — внук легендарного Ангина, был реальной исторической личностью. В русской транскрипции с древнекитайских источников это имя передается в форме *Тумынт*; в легенде о возвышении тюрков-тюкю говорится, что при Тумыне «аймак сей несколько размножился» (Бичурин, 1950, I, стр. 222). В другой легенде Тумэн — Тумынь — Бумын выступает создателем в VI в. н. э. государства древних тюрков — тюкю. Имя Тумыня, или Бумын-кагана, упоминается и в орхонских памятниках (Малов, 1951, стр. 36). В источниках Тумынь выступает как деятель, которому удалось поднять могущество своего племени и положить начало политическому возвышению тюрков-тюкю. Последний мотив соответствует башкирским и казахским преданиям о Тумэн-бие, находившемся у истоков табынской генеалогии. Таким образом, предания об алтайской прародине предков, гипотеза о тюркском происхождении племени получают подтверждение в номенклатуре древнетюркских имен из табынских генеалогий.

Основной тип табынской тамги (тамга-круг) устойчив как у казахов, так и у башкир. Тамга этого типа (табл. 6, № 1) совершенно идентична основной тамге племени дулат — крупного родоплеменного образования Старшего Жуза казахов. В основе дулатской тамги — (Гродеков, 1889; Аманжолов, 1959) — тот же круг, а ее вариациям легко найти аналогии среди табынских тамг. Вопрос о происхождении дулатов (по Рашид ад-дину — дуклатов) решался по-разному. Многие исследователи, в том числе В. В. Бартольд, опираясь, очевидно, на данные Рашид ад-дина, в этом случае очень неясные (1952, I, стр. 193), считали их монголами. Но еще в конце XIX в. Н. А. Аристов и Н. Ф. Катанов почти одновременно выступили с доказательствами тюркского происхождения дулатов. Н. Ф. Катанов отождествил дулатов с древними тюрками. Дулатское «царство существовало с VI в. до VIII в. по Р. Х., — писал Н. Ф. Катанов, — в Тарбогатае и южной Монголии. Столица этого царства находилась у подошвы Алтая» (Катанов, 1894, стр. 12). Современные исследования, преимущественно казахских ученых, подтвердили и конкрети-

зировали выводы Н. А. Аристов и Н. Ф. Каганова. Дулаты — «прямые потомки древних орхоно-енисейских тюрков VI–VII вв.»; по мнению автора этой цитаты С. А. Аманжолова, этноним дулат восходит к домонгольскому *дулу* (*ду-лу*), появление которого связано с историей тюркских каганатов (Аманжолов, 1959, стр. 13). Общность дулато-табынских тамг, древнетюркское происхождение дулатов и их роль в истории тюркского каганата, возведение табынской генеалогии к основателю древнетюркской державы Тумэну — все это достаточно убедительно показывает не только древние этнические связи предков табынцев с дулатами, но и тюркское происхождение этнической основы племени табын⁴⁶. В этом аспекте становится понятным присутствие в этнонимии башкир дулатских названий. Одним из дулатских родов является суюндук. Этноним суюндук в разных формах зафиксирован у туркмен (племя теке), узбеков-локайцев, каракалпаков (племя кыпчак). В. В. Востров и М. С. Муканов, очевидно, правы, утверждая, что приведенные выше факты являются сохранившимися в течение многих веков доказательствами активного участия дулатов или их этнических преемников в становлении туркмен, узбеков (кочевых), каракалпаков и других тюркских кочевников (Востров и Муканов, 1968, стр. 40). У башкир подразделения суюндук (*һөйөндөк*) имеются в составе рода кесе-табын, а также племен бишул и кыпчак (БШ, стр. 118, 156). В какую бы эпоху этноним суюндук ни появился в Башкирии, его носители унаследовали свое имя от древних тюрков.

⁴⁶ Иную точку зрения о происхождении казахских табынцев высказали В. В. Востров и М. С. Муканов. По их мнению, «в степях Западного Казахстана и Зауралья» табынцы были «местным племенем», которое в силу каких-то причин раскололось, и часть племени переселилась на север к башкирам. Оставшиеся в Западном Казахстане табынцы «в послемонгольский период приняли в свой состав выходцев из племен Старшего Жуза», в том числе некоторые группы дулатов, чем авторы склонны объяснить присутствие «дулатских» тамг у табынцев (Востров и Муканов, 1968, стр. 96). В подтверждение этой схемы со ссылкой на С. И. Руденко (Руденко, 1955, стр. 50) говорится, что в составе башкир племя табын относится к числу домонгольских. Однако это недоразумение, так как С. И. Руденко передал лишь содержание предания, из которого никакого вывода не сделал. «Местное» (западноказахстанское или зауральское) происхождение племени табын аргументировать невозможно, хотя бы потому, что дулатская тамга как у башкирских, так и у казахских табынцев является не привнесенной и второстепенной, а основной. В то же время надо иметь в виду, что пришлые табынцы ассимилировали или включили в свой состав в качестве самостоятельных групп (родов, подродов, подразделений) многие местные этнические образования.

В этнокультурной характеристике кара-табынцев имеются бросающиеся в глаза монгольские признаки: роды и родовые подразделения у табынцев обозначаются только монгольским словом *аймак*; решетчатые войлочные юрты у них (как, кстати, и у катайцев) были островерхие, монгольского типа (в отличие от сферических «казахских» или тюркских юрт в юго-восточной Башкирии). Наиболее характерные орнаментальные узоры у табынцев — центральноазиатского и алтайского происхождения. Они близки к современному орнаменту монгольских народов Южной Сибири, а среди табынцев распространены преимущественно (а некоторые мотивы — исключительно) в восточнотабаньской группе (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 242). Считать, что табынцы приобрели монгольские черты в культуре в золотоордынскую эпоху, было бы неправильно, так как преобладающее направление этнических процессов в Дешт-и-Кипчаке в XIII–XIV вв. было совсем другим: как свидетельствуют источники, сами монголы стали «словно кыпчаки». Следовательно, монгольское воздействие на табынцев, а точнее, тюрко-монгольское смешение имело место значительно раньше.

В этом свете не могут пройти незамеченными древние связи табынцев и катайцев — потомков киданей. Табынцы и катайцы с момента их миграции в Башкирию всегда расселялись смежно. В табаньской и катаньской культуре много сходных черт: вместе с айлинцами они образуют северо-восточную группу башкир, говорят на близких говорах единого северо-восточного (или куваканского) диалекта башкирского языка. Следы былой этноисторической близости племен табын и кара-китай прослеживаются на этническом облике родоплеменных групп *ктай* в составе ряда других народов. Так, у каракалпакских и ногайских ктаев тамги по типу табаньские: . Общие черты в этнической характеристике табынцев и катайцев являются следствием весьма давних контактов древних табынцев — одного из ответвлений мощного объединения дулу (дулат) в период политического возвышения тюрков — с кара-китайской ветвью киданей, в то время южных соседей тюркских племен.

Вопрос о ранних тюрко-монгольских контактах выше затрагивался. Из приведенных данных очевидно, что они были различными в разное время и на разных территориях, причем этнические последствия этих контактов могли колебаться от тюркизации монголов до монголизации тюрков. И все же, если от современной этнической карты Евразии бросить ретроспективный взгляд на тысячелетие, начиная примерно с IV до XIV в., инерция тюркизации не только монгольских, но и многих других племен на огромной территории от Алтая до Дуная представится более сильной. В образовании этой инерции существен-

ную роль сыграли политические факторы, связанные с возвышением и историей тюркских каганатов. В данном случае один из северных флангов киданей также оказался, вероятно, в зависимости от древних тюрков и воспринял не только тамгу одного из правящих племен (дулатов), но и многие признаки тюркской культуры. Уже в ту эпоху где-то в недрах тюркского каганата начался процесс тюркизации киданей. Только в этом аспекте возможно толковать те сведения из надписи на памятнике Кюль-Тегину, в которых ктай (кытай) упоминаются в числе племен, подвластных тюркам (Малов, 1951, стр. 40, 43). В то же время проникновение в древнетюркскую среду и ассимиляция в ней монгольских групп неизбежно и надолго оставляло на новотюркских образованиях отчетливые культурные признаки монгольского происхождения, которые еще и сейчас обнаруживаются в облике как дулатов (и их подразделений), так и башкиро-казахских табынцев.

Дальнейшая история табынцев связана с их постепенным передвижением на запад. Табынцы (в составе дулатов или вслед за ними) еще в эпоху каганатов продвинулись сначала на Черный Иртыш (о котором упоминается в сказаниях башкирских табынцев), затем в Семиречье. С пребыванием табынцев в Семиречье и последующим их движением на запад связан еще один момент в их этническом формировании. Речь идет о роли средневековых усуней в этногенезе табынцев.

В кара-табынском шежере о Майкы-бие говорится: «имя его Уйшин Майкы-бий» (БШ, стр. 164). Генеалогия казахских табынцев также восходит к Уйшину или Уйшун Майкы-бию. Некоторые казахские исследователи появление этого эпитета приписывают влиянию усуней на предков табынцев (Аманжолов, 1959, стр. 32). Действительно, Майкы (или Майку, Вайку) — эмир тысячи в войске Джучи-хана, согласно Рашид ад-дину, происходил из племени уйсун (ушин, хушин) (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 78; II, стр. 274). Казалось бы, это свидетельство персидского историка, подтверждающее предположение о древних табыно-усуньских связях, исчерпывает поставленный вопрос. Однако проблема оказалась значительно более широкой; здесь затрагивается одна из неясных страниц истории ряда тюркских народов. Дело в том, что Майкы-бий стоит у истоков родоплеменных генеалогий не только башкирских и казахских табынцев. К Майкы-бию ведут родословную все казахи Старшего Жуза, которые в большинстве считают себя потомками уйсун. Генеалогия казахов Старшего Жуза, воссозданная по преданиям Ч. Валихановым, выглядит, если отбросить боковые линии, так: Тобей → Уйсун → Майкы (Востров, Муканов, 1968, стр. 25–26). В генеалогиях, опубликованных Т. А. Жданко (1952, стр. 342–343), узбеки и каракалпаки представлены родственными народами, так как у них общий предок — Майкы-бий. В предании, записанном в Кунгратском районе Каракалпакии, дана генеалогическая

схема, в которой Майкы-бий показан общим предком четырех народов: узбеков, каракалпаков, казахов и ногайцев. В составе узбеков, каракалпаков и ногайцев родоплеменных групп с этнонимом табын нет. Майкы-бий у этих народов считается родоначальником главным образом тех образований, которые имеют названия уйшин, ушин, уйшун, уйсун, усунь. Племя уйшун входило в состав кочевых узбеков (Семенов, 1954, стр. 21), а затем — зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 59, 84). Род уйшун-митан зафиксирован также в составе каракалпаков. Родоплеменные образования сары-уйсунь, усон имеются в составе киргизов. Племя сары-усунь — одно из крупных образований казахов Старшего Жуза.

Прежде чем оценить эти факты в свете табынской (и соответственно башкирской) истории, в самой общей форме коснемся вопроса об этнической принадлежности усуней. Во-первых, правомерно ли отождествлять этнонимы хушин — уйшин — ушин — уйшун — уйсунь — усунь? Очевидно, да; казахские исследователи (как языковеды, так и этнографы) в этом не сомневаются. Более того, в литературе уже высказана мысль не только об идентичности упомянутых этнонимов, но и об общности происхождения средневековых усуней с киргизскими сары-уйсунами, узбекскими уйшунами, казахскими усунями Старшего Жуза (Pelliot, Hambis, 1957, стр. 71–72). Таким образом, замечание Рашид ад-дина о происхождении Майкы-бия из племени ушин (хушин) приобретает новый аспект, заключающийся в том, что табынцы, будучи тюрками по происхождению (близкими к дулатам) и смешавшиеся еще на Алтайской родине с монгольскими племенами, могли позднее (например в Семиречье) включить в свой состав и группы усуньского населения.

Из множества гипотез о происхождении усуней заслуживают, на наш взгляд, внимания те, которые допускают определяющее участие в их этногенезе племен сакского союза, а позже — монголов и особенно тюрков. В литературе все более широкую поддержку находит идея о тюркоязычности усуней, высказанная в конце прошлого столетия Н. А. Аристовым. В недавнее время эта концепция получила развитие в работах Ю. А. Зуева, который, основываясь на сведениях китайских летописей, отождествляет усуней с гуннами и высказывает предположение, что «усуньский путь» был самым ранним направлением «распространения тюркского массива на запад» (Зуев, 1960, стр. 18). Интересная идея Ю. А. Зуева может получить подтверждение в том случае, если будет более точно установлен этнический состав самих гуннов (хунну) на рубеже нашей эры. Участие монгольских элементов в формировании усуней (и напротив, усуньских — в сложении этнического состава монголов), судя по сведениям Рашид ад-дина (1952, I, стр. 78, 122, 171) и родовому составу усуньских (уйшунских) образо-

ваний, представляется все же довольно вероятным. Исследователям усуньской проблемы нельзя также сбрасывать со счета местные племена Семиречья. В целом же определение этнической принадлежности усуней не должно происходить безотносительно ко времени. Если ранние этапы усуньской истории теряются пока в малоразработанных этнических процессах древности, то доказательства тюркоязычности поздних усуней в Семиречье выглядят убедительными.

История усуней до их расселения во II в. н. э. в Семиречье (в долине р. Или) не очень ясна. Если гипотеза Ю. А. Зуева о роли гуннов в формировании усуней подтвердится, то древние усунь заняли территорию Семиречья, продвигаясь с востока. Однако до середины I тыс. н. э. роль восточной миграции в этнической истории усуней, кажется, нет оснований преувеличивать.

Генетические связи памятников усуньского и сакского времени, отмеченные многими археологами, свидетельствуют скорее об определяющей роли местных ираноязычных сакских племен в формировании сако-усуньского населения (Заднепровский, 1971, стр. 30–34; Гафуров, 1972, стр. 139). В то же время движение кочевников в Семиречье с первых веков нашей эры становится постоянным, и поэтому логично предположить постепенное изменение этнического облика усуней, которые развивались в направлении дальнейшей тюркизации. С VI в. н. э. этноним усунь в прежнем смысле (как конфедерация племен) источниками не упоминается. Но усуньские племена не исчезают. Они становятся частью тюркского кочевого мира каганата, подчинившего своему политическому влиянию огромные территории и различные племена. В Семиречье, в частности, на одной земле с усунями расселяются дулаты, для которых, как утверждает В. В. Востров и М. С. Муканов, эти земли становятся «этнической территорией племен» (1968, стр. 37). Дальнейшая история дулатов и их активное смешение с усунями подтверждает правильность вывода казахских этнографов: дулаты и усунь Семиречья становятся в конечном итоге этнической основой казахского населения Старшего Жуза.

Вернемся к истории табынцев. Их предки вместе с дулатами в эпоху подъема Тюркского каганата продвигаются в Семиречье, где в течение ряда десятилетий, а может быть и столетий, живут рядом и в тесном общении с усунями. Еще будучи в Семиречье, семиречинские племена к концу I тыс. н. э. должны были вступить в этнические контакты с кимако-кыпчакскими племенами, сила и влияние которых возрастали. Это был период начавшейся и очень активно развивающейся кыпчакской интеграции. Образование кыпчакской группы тюркских языков (и соответственно народов) в XIV–XV вв. было не только следствием дифференциации племен Дешт-и-Кипчака и их участия в заключительных стадиях этногенеза башкир, ногайцев, татар, казахов, киргизов, ка-

ракалпаков и узбеков. Этой стадии предшествовал длительный и мощный процесс интеграции, кульминация которой падает на XI–XII вв., на период высшей политической активности кыпчаков, хотя они и не создали единого государства. Кыпчакская культурно-языковая интеграция, подготовленная огузо-печенежско-канглийским этапом тюркской истории, охватила широкую территорию и многие племена. Семиречье и его племена оказались в сфере уже раннего периода кыпчакского влияния. Когда произошла массовая миграция кыпчаков на запад, в приаральские степи и далее в Поволжье, вместе с кыпчаками устремились в новое путешествие многие другие кыпчакизированные племена. Волной этого движения были захвачены и оторваны от дулато-усуньского этнического массива и предки табынцев.

Правильность нарисованной выше схемы требует, естественно, доказательств в той части, в которой она касается племени табын. Некоторые материалы для этого можно извлечь из истории государства караханидов. Столица Караханидской империи (X–XI вв.) Баласагун находилась в Семиречье. Во главе государства, тюркские правители которого впервые приняли в качестве официальной религии ислам, стояла династия илек-ханов (Бартольд, 1964б, стр. 288). Основу этнического состава Караханидского государства составляли, видимо, карлуки, а также тюркские кочевники, тесно связанные как с Алтаем, так и со степями Дешт-и-Кипчака. Усуни, дулаты и табынцы оставались в ту эпоху в Семиречье и, вероятно, вслед за караханидами приняли, точнее принимали, ислам, так как окончательное утверждение мусульманства в среде кочевников заняло еще немало времени. Основателем династии караханидов был Кара-хан, который, по рассказу Ибн-ал-Асира, первым принял ислам. Сыном Кара-хана был Богра-хан, его преемником Илек-хан — в начале XI в. наиболее упорный распространитель ислама среди тюрков-язычников. Массовое обращение тюрков в ислам произошло в 1043 г., когда 10 000 шатров кочевников приняли ислам (Ибн-ал-Асир) и в праздник курбана закололи 20 000 голов скота (Бартольд, 1964б, стр. 290). Имена караханидов с поразительной закономерностью сохранились в шежере кара-табынцев, в которых, однако, произошли обычные для источников этого типа хронологические смещения: поздние, и потому более яркие реальные личности (Майкы-бий), оказались на вершине генеалогии, а ранние, полулегендарные и забываемые, — их потомками. В генеалогии кара-табынцев сыном Майкы-бия является» Илек-бий, его потомком — Булга (Богра) или Булгаир-бий, а его сыном — Кара-Газиз (Кара-хан), который, по словам летописца, стал основателем кара-табынского рода (БШ, стр. 165). Эпитет «газиз» (святой) указывает на принятие Кара-Газизом — «родоначальником» кара-табынцев — ислама, подобно его прототипу — Кара-хану. Судя по этим аналогиям, в составе 10 000 шатров, упоминаемых

Ибн-ал-Асиром, были табынцы, так как «эти тюрки летом кочевали по соседству с землей болгар, зимой — около Баласагуна» (Бартольд, 1964б, стр. 290). Уже тогда, в середине XI в., некоторые родовые группы табыно-усуньских образований могли оставаться на территории «по соседству с землей булгар». Об этом свидетельствуют параллели в этнонимии. В. В. Востров к числу древнеусуньских относит род *кырк* в составе казахских сары-усуней (Востров, 1968, стр. 31). У башкир родовые подразделения кырккузяк (*кырккүзәк*) и кырк-тар (*кырктар*) входят в состав рода кесе-табын и племени сырзы, а род кырк-уйле (*кыркүле, кырк-өйле*) — в состав племен кувакан и мин. К этому же периоду истории восходит, очевидно, этноним *илекаймагы* (род илека), зафиксированный у табынцев дважды.

Перекочевки на дальние расстояния (в данном случае из района Баласагуна к «земле болгар»), как обычно, у кочевников были началом переселения на новые территории. Указанная Ибн-ал-Асиром дата, 1043 г., совпадает с временем кыпчакской оккупации территории Западного Казахстана, Волго-Яицкого междуречья и движения кыпчаков в южнорусские степи. Табынцы и группы усуней, оторвавшиеся от дулато-табынских и усуньских племен Семиречья и оказавшиеся в землях Дешт-и-Кипчака, не просто испытывали кыпчакское влияние, а превратились, как, впрочем, и немало других племен, в органическую составную часть этой степной политической системы, пестрой в этническом отношении, но достаточно целеустремленной и единой в организации опустошительных походов и набегов. Табынцы и «уйшуны» дошли в составе кыпчакского движения до Причерноморья. В историческом фольклоре табынцев сохранилось немало прямых указаний о пребывании предков «у берегов моря» или приходе их на Урал «со стороны моря» или «с берегов Черного моря»⁴⁷. Заметим также, что племя алчин Малого Жуза, в состав которого входят казахские табынцы, в XI в. кочевало в причерноморских степях (Востров, 1962, стр. 75–76). В географической номенклатуре Крыма сохранилось название Уйшун — топонимический памятник той эпохи (Маркевич, 1928, стр. 8).

В пределах самого Дешт-и-Кипчака в XI — начале XIII в. происходили постоянное движение и перегруппировка племен, которые, пребывая в обширной кыпчакской конфедерации, представляли в то же время и определенную внутреннюю политическую силу. В сложных взаимоотношениях между кыпчакскими племенами это имело существенное значение. Табынцы и сплотившиеся вокруг них родоплеменные группы достигли в своих походах Причерноморья, но основной территорией, где они локализовались, как установили В. В. Востров и М. С. Муканов, были степи Западного Казахстана, включая Устюрт. В преданиях

⁴⁷ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 21, д. 4, стр. 416.

табынцев рассказывается, что они, двигаясь «со стороны моря», пришли «на Иргиз», «на Узень», «на Актюбу» или «переправились через Волгу»⁴⁸. На этой территории табынцы и вместе с ними группы усуней, поддерживая традиционные связи с соплеменниками в Семиречье и находясь, видимо, с ними в военном союзе, играли в Дешт-и-Кипчаке видную и крупную роль. Объединив вокруг себя ряд родоплеменных образований, в том числе и местные племена, среди которых могли быть и остатки тюркизированных аланов и угров, табынцы стали на какое-то время могущественной силой в Дешт-и-Кипчаке. Известно, что Дешт-и-Кипчак не был единым государством, хотя тенденции к централизации власти существовали весьма явственные. Завершению этого процесса, кроме всего прочего, мешали отсутствие этнической монолитности в Дешт-и-Кипчаке и центробежные силы племенной аристократии. Имея в виду именно эти особенности Дешт-и-Кипчака XII в., Б. Д. Греков и А. Ю. Якубовский писали, что «можно говорить о существовании здесь нескольких княжеств» (1950, стр. 18). Одним из таких «княжеских» образований было табынское. К сожалению, из-за недостатка источников наши представления пока схематичны, но все же совокупность имеющихся материалов и логика развертывания событий той эпохи не дают повода не доверять тем фрагментарным данным, в том числе сведениям шежере и исторического фольклора, на основании которых мы пытаемся восстановить картины политической истории табынцев. Источники по интересующей нас проблеме были, но они не дошли до нас. Башкирский ученый XIX в. М. Уметбаев, ссылаясь на «старые рукописи», которые он читал, пишет: «Табынское ханство было могущественным» и включало 17 племен; «Уйшин-Майкы-бий» сначала «владел Крымом и Кубанью», а затем «с позволения Чингизхана» управлял страной «от вершины реки Урал до реки Иртыш»⁴⁹. Конечно, и здесь могут быть обычные для степной фольклорной традиции преувеличения, но не в них сейчас дело. Главное в том, что в основе этих сведений была историческая реальность: примерно к концу XII — началу XIII в. табынцы, подчинив или объединив вокруг себя ряд племен, создали в недрах Дешт-и-Кипчака племенную конфедерацию, собирателем и вождем которой был Майкы-бий. Усуни были наряду с табынцами важной составной частью табынской конфедерации или «княжества». Сам Майкы-бий, как отмечено, был по происхождению «уйшуном», хотя общая генеалогия табынцев, как мы видели, восходит к Тумэну — основателю государства Тюку — и включает имена из караханидской династии илек-ханов. О сильном табыно-усунском

⁴⁸ Полевые записи 1953 г., стр. 281, 290, 301.

⁴⁹ «События в Уфимском крае до основания г. Уфы». Рукопись. Хранится в рукописном фонде ИИЯЛ БФАН СССР, л. 3 об.

смешении в пределах объединения Майкы-бия свидетельствует еще одно старинное предание, опубликованное Н. А. Аристовым. Чингизхан однажды позвал «бия уйшинов Уйшин Майкы-бия» и сказал ему: «Пусть твое дерево будет вяз, твоя птица — орел, твой клич — салават» (Аристов, 1896, стр. 28). Аналогичное предание записано и среди башкирских табынцев, причем в двух показателях (уран — салават, птица — орел-стервятник) родоплеменные атрибуты «уйшинов» и башкирских табынцев полностью совпадают.

Заканчивая анализ табынской истории, вернемся к тем преданиям, с которых было начато изложение: Майкы-бий был «сподвижником Чингизхана», ездил с ним «в одной повозке» и т. д. Эти сюжеты в исторических повествованиях табынцев связаны с тем, что Майкы-бий с началом монгольского вторжения в Дешт-и-Кипчак встал на сторону завоевателей. Это обусловлено было уже описанными выше неурядицами и соперничеством в Дешт-и Кипчаке и присутствием, хотя и тюркизированного, но по происхождению монгольского компонента в табыно-уйсунском объединении. Следы монгольской этнонимии достаточно хорошо просматриваются в названиях табынских родовых подразделений, анализ которым дан в начале настоящего раздела.

Кыпчакизированные табынцы, усуни составили вместе с собственно кыпчакскими племенами основу населения Золотой Орды, пока оно не было расчленено и развезено по разным территориям известными событиями в золотоордынской истории XIII–XV вв. Табынцы, оставшись на своей территории, в основном влились в состав казахов и башкир (и частично, видимо, ногайцев); усуни, оказавшись восточнее, растворились преимущественно среди племен и народов Средней Азии и Казахстана.

Роды теляу-табын и кубалык-табын. Роды теляу и кубалык наиболее близки к кара-табынцам. Территориально кубалык-телевцы — южные соседи кара-табынцев. Оба рода считают друг друга родственниками: по преданию, Теляу и Кубалык были братьями⁵⁰. Предание отражает этноисторическую близость телевцев и кубалыкцев. Эти роды по всем признакам принадлежали к восточным табынцам, в то же время имеют некоторые особенности в языке и культуре. Говорят они на так называемом кубалык-телевском подговоре, еще несколько столетий назад сильно ассимилированном табынским говором. В кубалык-телевском подговоре имеются некоторые лексические различия в языке телевцев и кубалыкцев. В разговорном языке кубалыкских башкир, в частности в терминах родства, чувствуется влияние их южных соседей — тамьянцев. Самобытны народная одежда и украшения кубалык-телевских женщин. Кубалык-телевцы, будучи

⁵⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 16, д. 1, стр. 45.

самой южной группой северо-восточных башкир, на фоне соседних бурзян, кыпчаков и тамьянцев заметно отличаются принадлежностью к другой этнографической зоне.

Этноним *теляу*, кроме башкир, известен казахам, каракалпакам (в форме *тилеукусии*; см.: Жданко, 1950, стр. 167) и узбекам-кураминцам (Файзиев, 1963, стр. 45). Н. А. Аристов сближал казахов-теляу с раннесредневековыми тюркскими племенами *теле* (Аристов, 1896, стр. 297–298). В этом же аспекте анализируют происхождение казахского рода *теляу* В. В. Востров и М. С. Муканов; они считают, что предками казахов-теляу являются тюрки племени теле, которое «еще в VI в. входило в состав тюркского каганата» (Востров, Муканов, 1968, стр. 106). Этнонимы в форме *теляу* (а не *теле*!) зафиксированы только у башкир, казахов, узбеков и каракалпаков. Родство телевцев (точнее — теляувцев) в составе перечисленных народов еще не совсем забыто в исторических сказаниях и преданиях. Об этом же свидетельствуют и некоторые особенности их расселения: казахи рода теляу еще в XIX в. кочевали летом на Яике и Эмбе рядом с табынцами (Радлов, 1887, стр. 23). Каракалпакское подразделение тилекусуши входит в состав племени ктай, этнически близкого табынцам. В золотоордынскую эпоху роды теляу были в орбите табынской конфедерации; отсюда в силу сложившихся исторических обстоятельств они, оказавшись расчлененными, попали в состав башкир, казахов и кочевых узбеков. То, что предки башкирского и казахского родов теляу входили некогда в единую организацию, показывает сходство их тамг: второй тип тамги башкирских телевцев (табл. 5) совпадает с тамгами казахских теляу, известными нам из сообщения Н. И. Гродекова (1889, стр. 4): ✓ — †.

По истории племен теле существует обширная литература (см. библиографию в работах: Бернштам, 1946; Гумилев, 1967). Недавно Л. П. Потапов в своей новой работе о происхождении алтайцев представил обобщенный очерк истории теле (Потапов, 1969, стр. 147–157). В этногенетическом плане древние племена теле сопоставляются Л. П. Потаповым с телеутами, теленгитами и телесами. Из этих трех образований башкирские (и казахские) теляу восходят к телеутам. Это вытекает, во-первых, от близости этнонимов (если в этнониме телеут формант *т* является окончанием, то этнонимы телеут и теляу тождественны), во-вторых, из некоторых обстоятельств исторического порядка. Племена под общим названием теле в первых веках нашей эры кочевали главным образом в восточной части Центральной Азии и к северу от Гоби. В хрониках северных китайских династий (IV–VI вв.) племена теле называются гао-гю. Гаогюйцы в самом начале I тыс. н. э. пребывали, видимо, в составе северных гуннов, которые в свою очередь сильно смешались с преимущественно монголоязычными пле-

менами сяньби. Смешение тюркских и монгольских родоплеменных групп в конфедерациях, которые существовали в первой половине I тыс. н. э. в Центральной Азии, Монголии и на Алтае, приняло, очевидно, значительные масштабы. Но в ту эпоху постоянными были также вражда и соперничество древнетюркских и монгольских кочевников. Гаогуйцы вели давнюю борьбу с племенами жужань, которая особенно обострилась во второй половине V в. Вождь племен гао-гю (теле) Афучжило, не желая быть зависимым от жужаней, «увел свой народ численностью в 100 тыс. кибиток на запад через Монгольский Алтай на территорию современной Джунгарии». Среди этой части племен теле, которые стали кочевать в долине Черного Иртыша, как полагает Л. П. Потапов, «уже тогда были ранние исторические предки современных телеутов» (Потапов, 1969, стр. 150). Племена теле сыграли крупную роль в истории древнетюркского каганата (VI–VIII вв.). В этот период телевцы (преимущественно та их часть, которая кочевала в Джунгарии) расселились группами далеко на западе, вплоть до Аральского и Каспийского морей.

Изложенное не только достаточно определенно указывает на происхождение рода теляу (и родственного ему образования кубалек), но и соответствует этапам табынской истории, намекая на весьма вероятную возможность установления этноисторической связи между предками табынцев и телевцев еще в эпоху каганата или в период передвижения значительных групп этого населения в Семиречье. Впрочем, Н. А. Аристов прямо указывает на это обстоятельство, когда пишет, что племена теле западных склонов Монгольского Алтая входили в объединение дулу (Аристов, 1896, стр. 298). Этническое родство табынцев и телевцев (и родственников им кубалекцев), восходящее к истокам древнетюркской истории в Центральной Азии, сохранялось и развивалось в периоды их пребывания в конфедерации дулу (дулатов), взаимодействия с монгольскими племенами Западной Монголии, миграции на запад в Семиречье и смешения с усуньскими образованиями. Этноисторические связи кубалек-телевцев и табынцев еще более укрепились в эпоху табынского возвышения в Дешт-и-Кипчаке. Косвенным подтверждением правомерности нарисованной схемы является присутствие обоих названий (в формах телес, тёлёлс и кубулек) в киргизской родоплеменной этнонимии (Абрамзон, 1960, стр. 121; 1971, стр. 27).

Род б а р ы н - т а б ы н. Кроме башкир, этноним *барын* (в форме *баарын*) зафиксирован в этнонимии киргизов: племя баарын вместе с племенами кытай и найман входит в группу багыш (Винников, 1956, стр. 145). Тамга киргизских баарынов (по С. М. Абрамзону —) тождественна с тамгой башкирских барын-табынцев (табл. 5). В составе барын-табынцев есть подразделение с этнонимом тунгатар

(*туңгатар*); такой же этноним записан у киргизских бааринов (Аб-разон, 1960, стр. 63).

Барын, баарын (по Грумм-Гржимайло — барин, байрин) — коренные монголы. В конце XIII в. монгольский род барин кочевал в бассейне Селенги (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 501). Рашид ад-дин подробно описывает племя баарин, которое «близко к (монгольскому. — Р. К.) племени дурбан» и «ответвилось от их корня». В борьбе Чингизхана с Джамухой баарины сначала были на стороне последнего, но вскоре перешли «на службу к Чингизхану» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 187). Впоследствии из «монгольского племени» баарин вышло много эмиров, «приближенных Чингизхана» (Таварих-и-Гузида, 1967, стр. 86). Монгольское происхождение барын-табынцев иллюстрируется также их поздней генеалогией, которая начинается с Барына и Дули (Тули) — одного из энергичных чингизидов в правящей династии Ак-Орды в XIV в., отца Тохтамыша⁵¹.

Миграция барынцев на запад и включение их в табынскую группу произошли, видимо, в XII–XIII вв. Известно, что в 1206 г. Чингизхан, покорив енисейских киргизов, отдал их в удел баарину Хорчи. Следовательно, баарины могли тюркизироваться в киргизской среде. Однако это слишком поздняя дата, которая не дает возможности удовлетворительно объяснить общность некоторых этнонимов и тамг башкирских и киргизских барынов, территориально столь удаленных. Более вероятно другая схема: в период борьбы Чингизхана и Джамухи часть бааринов бежала к кара-китаям; этот путь кочевникам-бааринам был знаком и раньше. В Семиречье баарины оказались в этническом окружении кара-китаев, найманов, а также дулатов и усуней, не потерявших тесных связей с ушедшими в западные степи табынцами. Часть бааринов примкнула к набиравшему силы табынскому объединению, часть осталась в Семиречье, а позднее присоединилась к киргизам. С Семиречьем связывается происхождение тюрко-согдийского топонима *Тун-катаи* (*тун* ‘ночь’; *катаг* ‘стража’), заимствованного позднее телевцами и сохранившегося в этнонимии и топонимии киргизов и башкир в форме тунгатар (Щербак, 1959, стр. 381).

Племена кувакан и сырзы. Этническая история племен кувакан и сырзы тесно связана с историей кара-табынского рода. На это указывает не только полное тождество тамг, но и предания, генеалогии, в которых сами куваканцы и сырзинцы объявляют себя близкими и родственными табынцам образованиями. Племя сырзы до переселения в Зауралье расселялось в долине Юрюзани, где еще недавно в окрестностях дер. Чулпан записаны топонимы *Сырзы-йорт* (Сырзинский юрт), *Сырзы-зиярат* (сырзинское кладбище). Сырзинцы жи-

⁵¹ Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Шежере рода барын-табын.

ли рядом с куваканцами: высохшее русло одной из рек в этом (ныне Салаватском) районе до сих пор называется Куваканской речкой (*Кыуакан йылгаһы*).

В преданиях куваканцев рассказывается о приходе предков «с Алтая», «из Монголии», «с озера Байкал», «из Казахстана»⁵². Башкиры куваканского рода тюбеляс или тубалас (по С. Мирасову — *түбәс*) одним из своих предков считают Таймас-бия, земли которого находились «в Алтайских горах». По этим же рассказам, еще в конце XIX в. у тюбеляс-куваканцев не прерывались связи с сородичами, которые уговаривали их «вернуться на родину» на Алтай⁵³. Предания дополняются весьма выразительной этнонимией. Куваканские родовые названия кыркуле (кыркүйле) и кырктар, как упоминалось, имеют аналогии на Алтае, в частности у челканцев (Потапов, 1969, стр. 70). Зарегистрирован в составе куваканцев и этноним *монгол*. Но особенно поразительно сохранение у двух подразделений рода тюбеляс названий *хунн* — гунн. При этом старики-информаторы, рассказывая предания, подчеркивают: «наш род из гуннов» (*беззең ырыубыз хундарзан*)⁵⁴.

В связи с выяснением этнических истоков куваканского племени привлекает внимание трактовка рядом исследователей тюркского слова *ку* в значении 'лебедь' (Radloff, 1884, стр. 211–212; Аристов, 1897, стр. 5; Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 209). *Ку* (*кыу*) — древнетюркское название реки Лебедь на Северном Алтае; *ку-киши*, *куу-кижи* — «люди с р. Лебедь», название лебединцев или челканцев Северного Алтая, с которыми у куваканцев имеются и другие, упомянутые выше этнонимические параллели. Родоплеменные группы *куу* или *куулар* входят в состав тувинцев (Вайнштейн, 1969, стр. 12). В преданиях башкир-куваканцев рассказывается, что первыми в верховья Юрюзани пришли двое юношей-охотников. Они искали земли для переселения соплеменников. Места им понравились, и две самые высокие горы они назвали Кукши-тау и Башыташ-тау⁵⁵. Эти аналогии восходят к древним этническим связям куваканцев (и родственных им сырзинцев) с северными алтайцами, с которыми у куваканцев и в целом у табынских башкир немало общих черт в материальной культуре, изобразительном искусстве, системе родства и пр.

Рашид ад-дин имел в виду, очевидно, предков куваканцев, когда перечислял в составе племен, «которых в настоящее время называют монголами», но название которых вначале «не было таковым», племя *кукан* или *куркан* (Рапшд ад-дин, 1952, I, стр. 77, 125). Судя по кува-

⁵² Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 11, д. 6, стр. 76, 88, 92, 132–133.

⁵³ Там же, стр. 88.

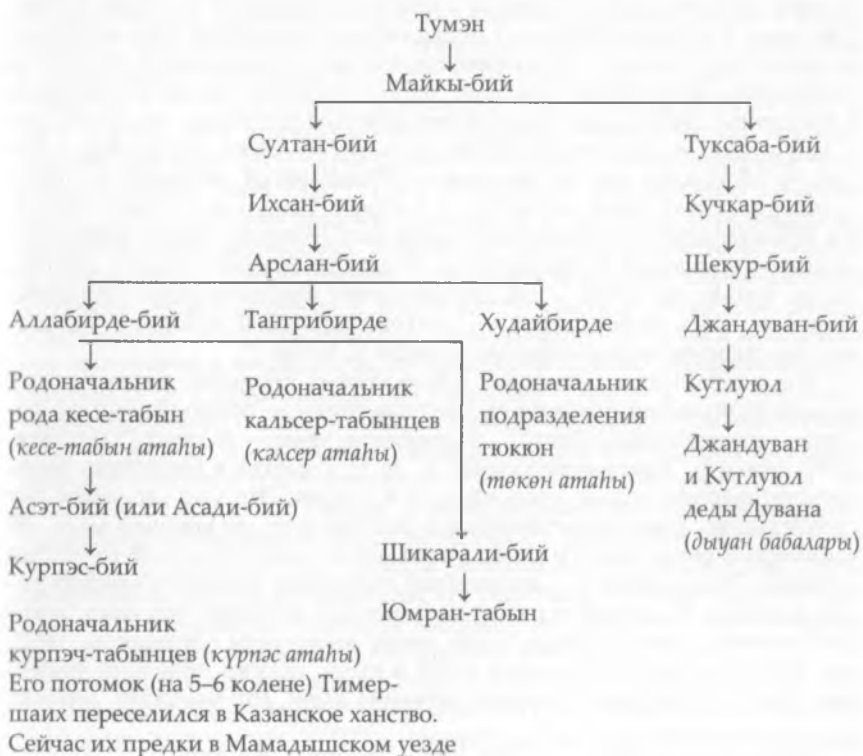
⁵⁴ Там же, стр. 85.

⁵⁵ Там же, стр. 60–63.

канской этнонимии, это племя, будучи древнетюркским и древнеалтайским по происхождению, восходящим к племенам теле еще в древности, тем более в процессе поздних передвижений, включило в свой состав родоплеменные группы монгольского и, возможно, угорско-самодийского происхождения. Последнее замечание вызвано древними этногенетическими связями северных алтайцев с угорскими и самодийскими племенами верховьев Енисея и Оби, отмеченными в свое время еще В. В. Радловым и Н. А. Аристовым и недавно с привлечением новейших данных обстоятельно рассмотренными Л. П. Потаповым (1969).

Этническая история западных табынцев

О происхождении табынских родов кесе, кальсер, юмран. В публикуемом ниже фрагменте шежере представлена генеалогия западнотабынских башкир (Уметбаев, 1897, стр. 48–49).

Нет нужды доказывать, насколько эти генеалогические построения тщательно разработаны в целях придания стройности структуре западных табынцев и обоснования единства их происхождения. Достаточно обратить внимание на имена трех братьев — Аллабирде, Тангрибирде и Худайбирде, которые в каждом случае означают одно и то же: «данный богом». В то же время генеалогия отражает этнические и исторические связи, которые на определенном этапе консолидации западнотабынских родов обусловили необходимость создания такой родословной. Этническая история этих родов чрезвычайно сложна. В языковом и культурном отношении западные табынцы являются переходной группой между юго-западными (демскими) и табынскими (а по ряду признаков — северо-восточными) башкирами. Эта особенность в этнической истории западных табынцев имеет множество подтверждений в родоплеменном составе, тамгах и преданиях.

Среди западнотабынских родов нас прежде всего интересует этническая история рода кесе-табын — основного образования в этой группе, а также тесно связанных с ним родов кальсер- и юмран-табын. Сведения о западнотабынских родах немногочисленны. Их старинные предания составлены в духе приведенной выше генеалогии и во многом совпадают с восточнотабынскими, хотя в этнонимии и тамгах западных и восточных табынских родов более заметны различия, чем сходство. Предки кесе- и кальсер-табынцев пришли, согласно сказаниям, с Алтая, из Монголии или из местности Ябыккарагай, которая, по представлению сказителей, находится в Сибири, там, «где станция Тайга». На Ябыккарагае кесе-табынским бием был батыр по имени Байчыгур. Этнонимия родовых подразделений западнотабынских родов — мангол, кахас, тукус, таз (тас) — не противоречит историческим сказаниям. Впрочем, сами информаторы — знатоки народной истории — уверены, что перечисленные «роды» пришли с Алтая ⁵⁶.

Кесе-табынским башкирам принадлежит предание о том, что их предок Майкы-бий получил от Чингиза тамгу — ребро (*кабырга*), дерево — лиственницу, птицу — стервятник, уран — салават (Уметбаев, 1897, стр. 49). Тамга-ребро (табл. 6, № 3) известна в Башкирии лишь трем табынским родам: кесе, кальсер и юмран. Это уже серьезное обстоятельство, свидетельствующее о родстве или, по крайней мере, об этнической смежности западнотабынских родов на какой-то стадии истории. Этнонимических параллелей названиям западнотабынских родов немного. В составе туркмен-салоров был крупный род *кичи*, который включал мелкие роды, в том числе кырк-уйли (Винников, 1962, стр. 39). Сочетание этнонимов кичи и кырк должно привлечь внимание, так как в составе табынцев название кырк, как показано, доволь-

⁵⁶ Полевые записи 1953 г., стр. 209; 1961 г., тетрадь 2, стр. 49–51.

но распространенное. Этноним туркменского рода кичи Г. И. Карпов передает в форме *кесе*, т. е. в совершенно тождественном башкирскому написанию (Карпов, 1925, стр. 3). Небольшой род кичи-мерген имеется у гиссарских локайцев в составе племени бадраглы (Кармышева, 1954, стр. 10). Здесь снова примечательным является сочетание в пределах одного образования этнонимов кичи и бадраглы, подобно тому, как в Башкирии род *кесе* и племя бадрак расселены смежно и имеют давние этноисторические связи. В состав группы ичкилик киргизов входит племя *кесек* (Абрамзон, 1971, стр. 27), тувинцев-тоджинцев — род *кезек-куулар* (Вайнштейн, 1961, стр. 3).

Означает ли тождественность этнонимов *кесе* у башкир, *кесе* (или кичи) у туркмен-салоров, кичи-мерген у локайцев, *кесек*, *кезек* у киргизов и тувинцев общность происхождения или общность каких-то древних этапов этнической истории этих образований? Вероятно, да, но появление этнонима *кесе* (кичи) в Средней Азии и Восточной Европе можно объяснить лишь раннетюркскими миграциями на запад. Академик Д. Немет этноним *кесе* отождествляет с одним из семи древних венгерских племен, название которого К. Багрянородным передано в форме *Κασή*. Д. Немет находит около 50 случаев присутствия этнонима *кесе* в современной топонимии Венгрии: *Kesz, Keszí, Kesző, Keszű...* (Németh, 1966, стр. 11). Относительно происхождения этнонима венгерский ученый склоняется к признанию его тюркской основы. По его мнению, древняя форма от *kesző* звучала *kesey* и означала «отделившуюся часть рода» (Németh, 1966, стр. 17). Сопоставление башкирского этнонима *кесе* с названием венгерского племени X в. на фоне установленных древнебашкиро-магьярских контактов представляется естественным и правомерным. Сейчас становится ясным, что древние тюрко-угорские контакты были широкими и имели место в разное время и на разных территориях. Этнонимы *кальсер* и *юмран* могут получить историческое толкование в аспекте этих же контактов. Родовое название *кальсер* (*калсер*) В. Ф. Генинг выводит из корня *кал* — *кол* — *кул* — *куль*, очень распространенного в этнонимии сибирских народов, в том числе тюркских, угорских, самодийских. Происхождение этноосновы *кал* автор склонен относить к древнетюркскому языку (Генинг, 1967, стр. 76). В данном случае В. Ф. Генинг, увлекательные сопоставления которого башкирских родоплеменных названий с угорскими и самодийскими нередко представляются слишком рискованными, кажется, находится на правильном пути. Косвенными аргументами в пользу этих построений могут послужить гидроним Калджыр на Южном Алтае и этноним *калджыр* в составе киргизов (Абрамзон, 1971, стр. 59).

Этноним *юмран* является поздней трансформацией названия, корнем которого был элемент *юр*. В списке П. И. Рычкова и в некоторых архивных источниках XVIII в. наименование рода записано в форме

юрман — очень близком к сочетанию *юрмин*, *юрмий*, а в корне слова — и к этнониму *юрматы*. Территория западнотабынских родов находилась в северном соседстве от юрматынских земель. Некоторые топонимы этой территории языковеды объясняют с позиций булгарского или финно-угорских языков (Ишбулатов, 1969). Особенно серьезным моментом является специфика разговорного языка части западнотабынских башкир. В нем присутствуют реликтовые фонетические комплексы (*нк*, *ңт*, *мк*, *лт*, *нт*), характерные в древнетюркском языке и сохранившиеся в современной речи уйгуров, якутов и чувашей.

В целом схема этнической истории западнотабынских родов на основе приведенных материалов представляется следующей. Как и у восточных табынцев истоки этнической истории родов *кесе*, *кальсер*, *юмран* теряются в древнетюркской среде Центральной Азии и Алтая. Этот тезис подкрепляется сведениями исторических сказаний, которые в данном случае нет оснований отвергать, так как они не противоречат общему направлению развития истории всех табынцев. Кроме того, присутствие названия *кесе* в этнонимии не только башкир, но и венгров, а также туркмен и *локайцев* само по себе говорит о его древности. Происхождение этнонимов *кесе* и *кальсер* и их древних носителей надо искать в тюрко-монгольском мире Центральной Азии, а также племен Алтая, тесно связанных в начале I тыс. н. э. в северных частях этого региона с угорско-самодийским населением (Потапов, 1969).

В начале и первой половине I тыс. н. э. древние тюрки (в составе, как правило, объединений в этническом отношении неоднородных) устремились на запад, вовлекая в свой состав тюркских и угорских кочевников степей Приаралья и Западного Казахстана. Уже в ту эпоху одни и те же этнонимы (в результате образования и распада различных племенных сочетаний кочевников) могли принадлежать племенам, говорящим как на тюркских, так и на угорских языках. В VI–VII вв. в составе приволжских оговов, которых М. И. Артамонов (1936, стр. 41) считает *уграми*, было племя *кочагир* (или *кичи-гир*); этническое взаимодействие тюрков-кичи с *уграми*, начавшееся еще далеко на востоке, могло в VI–VII вв. переживать период кульминации в Поволжье.

Предки башкир родов *кесе*, *кальсер* и *юмран* поселились в Башкирии во второй половине I тыс. н. э. в общем потоке движения булгарских племен. До расселения на р. Белой они длительное время жили на Бугульминской возвышенности в соседстве с юрматыно-юрмийскими племенами или на той же территории. *Кесе-табынцы* в своих преданиях считают «старым юртом» окрестности Нарыш-тау (Нарыс-тау) в верховьях р. Демы или долину р. Ик. Именно на этой территории наиболее активным было общение и смешение тюркских и угорских (древневенгерских) племен.

Переселение родов кесе, кальсер, юмран на современную их территорию на средней Белой произошло в XIII–XIV вв., когда они, захваченные и покоренные сильной табынской волной кочевников, вошли в это объединение и стали «табынскими» родами. Влияние на них табынских кочевнических традиций в хозяйстве и культуре, степного фольклора и языка, судя по историко-этнографическим данным, было преобладающим. Отсюда у западных табынцев общетабынские предания о Майки-бие, цитированная выше генеалогия и т. д. О сильной этнической смешанности западнотабынских родов говорит и пестрота их тамг, хотя тамговых знаков восточнотабынского типа в западных родах ничтожно мало. Напротив, у кесе-табынцев зафиксированы тамги, которые в основных начертаниях тождественны юрматынским (табл. 6, № 2). Эти наблюдения могут означать, что роды кесе, кальсер и юмран, подвергнувшись табынскому культурному и языковому влиянию, в то же время мало смешались с ними, сохранив свои родовые организации, тамги и традиционные связи с юрматыно-юрмийскими племенами.

Племена бишул, бадрак, кумрук. Племена бишул, бадрак и кумрук с XII–XIII вв., а возможно, и раньше оказались в сфере табынского влияния, хотя в этническом отношении никогда в состав собственно табынцев не входили.

Наиболее крупным является племя *бишул*. Между тем оно не зафиксировано ни в одном источнике XVIII в. Лишь в списке П. И. Рычкова в состав табынцев занесена «биш-аулинская тюба», которая представляла в действительности небольшую часть племени бишул. Отсутствие в источниках XVII–XVIII вв. сведений о племени бишул объясняется тем, что бишульцы не имели жалованных грамот на вотчины и поэтому не образовали самостоятельной родоплеменной волости. Возможно также, что в период башкирских восстаний XVII–XVIII вв. они полностью потеряли свои бывшие земельные привилегии. В XVIII в. основная масса бишульцев расселялась южнее, в районе Белого озера, в непосредственном северном соседстве от юрматынцев. Предания бишульских башкир рассказывают, что «со старинных земель у Белого озера» их предков согнали за участие в восстании Салавата. Передвинувшись на север, бишульцы расселились (в основном на правах припущенников) частично на землях дуван-табынцев и кумрукцев, частично — рода миркит племени мин⁵⁷. Отсутствие у бишульцев самостоятельной земельной вотчины было для старшин достаточно веской причиной, чтобы в своих «сказках» не перечислять это племя в числе башкирских «тюрб и аймаков».

⁵⁷ Полевые записи 1957 г., стр. 3, 5, 11–12, 17.

В бишульских этногенетических преданиях просматривается сильный налет мифологических сюжетов, правда порядком выветрившихся из народной памяти или модернизированных в духе исламских представлений. Обычно рассказывают, что у башкирки, зачавшей чудесным образом (от луча света, от брака с лешим — шурале и т. д.), родилось пять мальчиков-близнецов, которые положили начало роду бишул. Этот сюжет является далеким отзвуком древнетюркского (гуннского?) предания, с различными вариантами которого мы встречаемся то на востоке, то на западе. Ал-Джувайни в подробностях передает древнеуйгурскую легенду, которую он узнал из «исписанного камня», найденного на берегу Каракорума. У слияния двух рек, Селенги и Тогла, стояли два дерева, между которыми появилась гора. Когда уйгуры подошли, «гора разверзлась», и они увидели «пять прекрасных мальчиков», которые питались молоком, стекавшим с корней деревьев. Детям дали имена, и один из них, Буку-хан, став главным ханом, «завоевал восток и запад» и, двигаясь на запад вместе и в союзе с братьями-близнецами, построил город Бешбалык (Радлов, 1893, стр. 56–62). Тот же сюжет о пяти братьях, от единства и дружбы которых зависит благополучие народа, мы находим в древнебулгарских сказаниях. Когда умер Кубрат, «обладатель Болгарии и Катрагов», он завещал пятерым сыновьям «никогда не расходиться, ибо таким только образом могли они всегда владычествовать» («Летопись византийца Феофана», 1884, стр. 184). Эта легенда о пяти сыновьях, по мнению В. Ф. Каховского (1965, стр. 271), отражает «реальный факт», но в данном случае может идти речь лишь о совпадении легенды и реальности, так как сюжет о пяти братьях значительно старше эпохи образования Болгарской державы. Впрочем, башкиры-бушульцы также не раз пытались назвать во время полевых работ имена всех пятерых братьев, но никому не удалось это сделать. Истоки происхождения этнонима бишул теряются, следовательно, в древнетюркской мифологии Центральной Азии, откуда ее отзвуки достигли Северного Кавказа, Причерноморья и Урала. Еще шире область распространения этнонимов (и топонимов) с элементом *биш*: в Старшем Жүзе казахов зафиксирован род *бес-тэнь бала* (Радлов, 1887, стр. 23); у каракалпакских ктаев — род *бес-сары* (Жданко, 1950, стр. 39, таблица); в составе узбеков записаны этнонимы *бишул*, *бишкалы*, *биш-юс*, *бишкул*, *бишбала*, *бишсары*, *бишсарт* (Гребенкин, 1872), *бешогул*, *бешуру куштамгалы* (Файзиев, 1963); ногойцев — *бесавыл урув* (Баскаков, 1940). Примеры можно увеличить так же, как привести множество соответствующих топонимических названий (Бешбалык, Бишбуляк, Бештау). Если многие из этих названий можно объяснить народным отражением в окружающей среде сакраментального значения цифры 5, то генетическую связь этнонимов *бишул* ‘пятеро сыновей’ — у башкир, *бишул* и *бишбала* ‘пятеро

детей' — у зеравшанских узбеков, *бешогул* 'пятеро сыновей' — у кураминских узбеков, *бесъ-теңь бала* 'пятеро близнецов' — у казахов отрицать невозможно.

На фоне широкой распространенности древних мифологических сюжетов о пяти братьях в тюркском фольклоре можно заключить, что и в данном случае этнонимические параллели свидетельствуют об общем древнетюркском этническом компоненте в составе перечисленных народов. Этнической основой указанного компонента был, вероятно, союз племен на Алтае или в Западной Монголии, где числовые родоплеменные наименования (секиз-огуз, ун-уйгур и т. д.) были довольно распространенным явлением. На этот счет есть и указания источников; племена теленгит, урасут и коштеми (урянкат) были известны под названием *биш кавм* — пять племен. Эти племена были покорены Чингизханом «во время войны с киргизами» (Таварих-и-Гузида, 1967, стр. 83).

Обстоятельства древней истории бишульцев не исключают, конечно, участия в их этногенезе и монгольских групп, и даже «лесных племен», к которым относятся упомянутые биш кавм. Но по происхождению племя или, точнее, племена бишул были тюркскими. В этом еще раз убеждают основные формы бишульских тамг (табл. 6, № 6), которые имеют множество аналогий в тамгах других тюркских народов, а также в орхоно-снисейских знаках (ДТС, XV).

Племя бишул в прошлом имело родовое членение. Сейчас, однако, оно забыто, кроме рода бишул-унгар или, как чаще его называют, бишаул-унгар. Под впечатлением трансформированного названия некоторые информаторы считают, что унгаров было пять аулов (*бишауыл*), хотя названий всех деревень никто не помнит. Наиболее сведущие старики, однако, помнят, что правильное название рода *бишул-унгар*⁵⁸. Постоянным вниманием исследователей пользуется этноним *унгар*, который в большинстве случаев идентифицируется с названием угров и связывается с древним мадяро-башкирским взаимодействием (Киекбаев, 1956; Мажитов, 1968). Такое направление анализа было бы заманчивым, тем более что этноним унгар локализуется в районах распространения булгаро-чуваших языковых признаков (средний говор с характерным для него архаическим явлением консонантизма) и финно-угорских гидронимов (Инзер, Сим, Юрмаш). Однако непосредственное сопоставление башкирского *унгар* со средневековой формой *угор* невозможно, так как *унгар* — *ungar* — *hungar* является «специфической немецкой формой, которая сводится к *ongur*» (Németh, 1966, стр. 11). Вопрос о происхождении башкирского этнонима унгар пока

⁵⁸ Память о древних родовых названиях сохранилась в наименованиях подразделений янбишул, сягляянбишул и др.

останется, видимо, открытым. Обратим лишь внимание будущих исследователей на большое число башкирских этнонимов с основой *ун*. В XIV–XV вв., еще задолго до основания г. Уфы, бишул-унгары были соседями с башкирами племени *ун*, которые и сейчас расселяются севернее, в междуречье Белой и Уфы (см. гл. VII). В XVI–XVII вв. с образованием вокруг г. Уфы обширного района, заселенного переселенцами с запада, башкиры племени *ун* на севере и бишул-унгары на юге оказались территориально разделенными. Этноним *унгар* в этом аспекте расчленяется на элементы *ун* (наименование племени) и *гар* (*гор*, *гур*), как полагают некоторые исследователи (Сейидов, 1965, стр. 195), древнетюркское обозначение понятия ‘племя’, ‘народ’, ‘род’. Следовательно, *унгары* являются ответвлением племени *ун*, оказавшегося в иной среде и влившегося в качестве автономного образования (рода) в состав древнебашкирского племени бишул и смешавшегося с ним. Кроме башкир, этноним *унгар* зафиксирован в сочетании *онгар-найман* в Крыму (Маркевич, 1928, стр. 10).

Итак, бишул — одно из древнетюркских родоплеменных образований, этническая история которых на территории Башкирии начинается в эпоху миграции сюда древнебашкирских племен. В XIII–XVI вв. или несколько раньше бишульцы попали в сферу влияния китайских и табынских родов, что определило дальнейшее направление их этнической истории и истории расселения.

Об этнической истории племен *кумрук* и *бадрак* материалов немного. *Кумруки* называют своей родиной Монголию, но чаще указывают на местность Ябыккарагай в Южной Сибири, откуда их предки якобы двинулись на запад. Переселение в Башкирию кумруков произошло примерно в одно время с табынцами, в XIII–XIV вв., так как в преданиях они связывают свой уход «с иргизских степей» (имеется в виду р. Иргиз в северном Приаралье) с «большой войной», которая там развернулась между ханами Ак-Орды. Позднее, уже на территории Башкирии, кумруки, судя по тамгам (табл. 5), заметно смешались с соседними кудейскими родами.

Племя *бадрак*, в составе которого в XIX в. было всего три деревни, некогда было многолюдным. До переселения в центральную Башкирию племя *бадрак* расселялось в районе верховьев Ика, где и сейчас есть несколько деревень с названием *Бадрак* (*Базрак*). Следы этой же этнонимии обнаруживаются и на севере Башкирии, где в Янаульском районе есть деревня *Бадраш* (*Базерэш*). Родоплеменные группы *бадрак* имеются в составе казахов Старшего Жуза (*бадрак-канлы*), гиссарских локайцев (*бадраглы*), туркмен-йомудов (*бадраг*), ногайцев (*бадырак*) и др. Башкирская группа *бадрак* наиболее близка к ногайской. Башкиры-бадраки в числе своих предков называют *Акмана*, о котором в шежере минцев сказано, что он «был из рода мурз», т. е. ногайцев

(БШ, стр. 52). Оригинальная по форме бадракская тамга (табл. 5) соответствует тамге ногайского рода бадырак в передаче Н. А. Баскакова (1940, стр. 132). Широкая распространенность названия бадрак на территории Башкирии также может быть связана с проникновением ногайских групп. В то же время присутствие родоплеменных групп бадрак в составе нескольких народов (башкир, казахов, узбеков, туркмен, ногайцев), а также уходящая корнями в древность взаимосвязь башкирских бадраков с племенами бишул и кумрук указывают, что истоки происхождения племени бадрак надо искать на востоке, в районе формирования тюрко-монгольских племен.

История расселения табынских башкир на Южном Урале

Проникновение собственно табынских родов в Башкирию относится примерно к середине XIII в. На первых порах монгольского завоевания табынцы сохраняли положение, которое они имели в Дешти-и-Кипчаке, и поэтому оставались на старых кочевьях «от Иргиза до Иргиза»⁵⁹. Но обстановка быстро менялась: монгольская военно-феодальная система повсюду устанавливала жесткий режим. Табынское объединение распалось. Часть родов перекочевала к северу, где на периферии золотоордынского государства стремились укрыться в то время многие кочевники. В Башкирии табынцы расселились в восточной части Бугульминской возвышенности (карта 10). Еще и сейчас как зауральские, так и горнолесные табынцы помнят, что их предки жили «в долине р. Самады», «в верховьях Ика», «у озера Асылы-куль». Асылы-куль табынцы в своих преданиях называют «Кара-табынским» озером; это название в XVIII–XIX вв. было настолько распространено, что проникло во многие издания, в том числе и капитальные (Черемшанский, 1859). В 1958 г. в кубалакской деревне Муракаево нам показали старинную рукопись, в которой было сказано: «Кубалакские предки (*Кубәләктәрзең төн атайзары*) пришли со стороны р. Самары»⁶⁰. Активный этап расселения башкир с Бугульминской возвышенности на восток и север — в горы и таежные леса — был связан с эпохой начавшегося распада золотоордынского государства в XIV в. Табынцы, будучи более сильной и многочисленной родоплеменной группировкой, дольше других оставались в долинах Ика, Демы, на берегах Асылы-куля. Когда в конце XIV в. табынцы вынуждены были покинуть лесостепи демской и икской долин, Башкирия в со-

⁵⁹ Полевые записи 1953 г., стр. 191. Имеются в виду р. Иргиз в северном Приаралье и р. Б. Иргиз — левый приток Волги.

⁶⁰ Полевые записи 1955 г., стр. 48; 1958 г., тетрадь 2, стр. 86, 92.

временных границах оказалась уже в основном освоенной племенами, опередившими табынцев. Восточные табынские роды, племена кувакан и сырзы двинулись в Зауралье, обходя с севера южноуральский хребет. Здесь они заняли северные отроги хребта, верховья Яика и район водораздела рек. Отсюда табынские башкиры по Миассу, Увельке и Ую постепенно проникали в Зауралье, хотя долгое время не уходили далеко от предгорий. Напротив, табынская территория еще в XVII–XVIII вв. глубоко вклинивалась в горы: здесь на западных пределах новой табынской территории, по среднему течению Юрюзани, кочевали куваканцы и сырзинцы.

Табынцы оттеснили айлинцев из района водораздела рек к северу, однако по всей территории от Юрюзани до верховьев Миасса оказались южными соседями айлинских башкир, а с сарт-айлинцами расселились на общей вотчине в «Яйских вершинах». Табынцы и айлинцы установили тесные соседские отношения и брачные контакты. Табынцы нередко называют айлинцев «сватами» (*коза*). Территориальное соседство и активные брачные контакты обусловили сравнительно большую языковую близость табынцев с айлинцами, нежели с катаяцами, западная группа которых была в труднодоступном горном районе, а северная — долгое время оставалась на севере, на правобережье р. Уфы. Сближению табынцев и айлинцев способствовали и постоянные связи, которые последние все еще поддерживали с Приаральем, присырдарьинскими степями, где в XV в. локализовались кочевые узбеки. Судя по табыно-айлинским этнонимам (узбек, сарт и др.), в XV–XVI вв. с востока продолжался приток кочевых групп, которые растворялись в айлинской или табынской среде. Реальность этих миграционных процессов подтверждают сообщения о том, что кочевые узбеки в начале XVI в. «зиму жили в устье Сырдарьи», а на лето «уходили в верховья Яика» (Задыхина, 1952, стр. 321). Западные табынские роды остались в центральной Башкирии: сначала они расселились на левобережье Белой, оттуда, тесня инзер-катайцев, продвинулись в горы, заняв низовья рек Инзер, Сим и Зилим.

Табынские башкиры, как восточные, так и западные, не теряли связей с территорией юго-западного Приуралья, где, как обычно бывает при переселениях, осталось немало табынских групп. С изменением в этом районе политической обстановки, в частности с возникновением Казанского ханства и укреплением власти казанских ханов, некоторые группы ушедших на Урал табынцев вернулись на запад. Взаимоотношения башкирских племен с Казанским ханством малоизучены и во многом неясны. Обычно в исторических работах присутствует традиционный тезис, что вся Башкирия или западная ее часть (Казанская дорога) была «под властью» казанских ханов (Витевский, 1897, стр. 125–126). Однако этот тезис, не подкрепленный

документами, вовсе не является само собой разумеющимся и требует доказательств. Казанские ханы, целиком занятые западной политикой и борьбой с набиравшим силу и мощь Русским государством, едва ли добивались непосредственной «зависимости» башкир (ОИБ, 1956, стр. 52), тем более что в этом стремлении они столкнулись бы с влиятельными тогда ногайскими правителями. Каких-либо сведений о военных походах казанских ханов в Башкирию, о внедрении здесь казанской административной или фискальной системы в источниках не обнаружено. Зато имеются документы, свидетельствующие о всяческом стремлении казанских ханов привлечь к себе на службу башкирскую родоплеменную знать (Усманов, 1960, стр. 53–54). Казанские ханы, пытаясь продолжать в отношении Русского государства традиционную золотоордынскую политику, использовали в походах и набегах привычных к военной жизни башкирских кочевников и весьма нуждались в них. Именно этим обстоятельством объясняется переселение в конце XV — начале XVI в. групп табынцев снова на запад, ближе к Каме, в низовья Ика. Выше сказано о переселении курпеч-табынцев на запад, потомки которых остались «в Мамадышском уезде Татарии». Примерно в то же время в низовья р. Ик ушла часть кара-табынцев. «Кара-Табын-бий, — говорится в шежере, — бросив старинные земли» по р. Миасс, «переселился в долину р. Чулман»⁶¹, где стал служить казанскому хану Чуртмаку» (БШ, стр. 165). На службу к казанским ханам шли, как правило, не собственно западные башкирские племена, сильно смешавшиеся с местным населением и утратившие боевые традиции кочевников. Это были бывшие коренные жители Бугульминской возвышенности, башкирские кочевники, которые, еще не совсем забыв службу предков в составе Булгарского государства, поддерживали эту традицию. Вот почему в долине Ика еще в XVIII в. были волости Бурзянская, Кыпчакская, Тамьянская, Табынская, Катайская и др. Изложенное показывает, что было бы бесполезным пытаться установить территориальные границы влияния или господства Казанского ханства в Башкирии. Взаимоотношения казанских ханов, башкирской аристократии и рядовых кочевников носили совсем другой характер, которые, впрочем, вполне укладывались в рамки феодализирующихся отношений в башкирском обществе.

Заключительным этапом табынской миграции в Башкирии было их продвижение в Зауралье. История расселения табынцев в Зауралье изложена в одной из наших работ, к которой мы отсылаем читателя (Кузеев, 1962, стр. 192–194, 201–202). Здесь целесообразно остановиться на нескольких общих моментах, связанных с формировани-

⁶¹ Чулман — тюркское название р. Камы.

ем зауральской географической подгруппы башкир. Это необходимо и потому, что в литературе по средневековой истории Башкирии издавна укоренился нуждающийся в пересмотре или уточнении тезис, что башкиры уже в X в. обитали в Зауралье вплоть до Тобола (ОИБ, 1956, стр. 7) и являлись исконными или древними жителями этого района, мигрировавшими в притобольские степи непосредственно из Южной Сибири.

В истории заселения башкирами Зауралья в XVI–XVIII вв. выделяются два периода: а) XVI — начало XVII в., б) конец XVII–XVIII в., хронологически, как видим, почти смыкающиеся, но различающиеся причинами, которые в ту или иную пору обуславливали башкирские передвижения. Первый этап активной миграции башкир в Зауралье был вызван русским продвижением в «Пермскую Сибирь», походами Ермака, разгромом Сибирского ханства и Кучумовичей, подъемом колониционной политики «царства» Строгановых. В этот период в степное Зауралье, как показано во втором разделе настоящей главы, переселились главным образом родоплеменные образования катаянской группы — салюты, катаяцы, сырянцы, терсяки, бикатинцы. Табынская миграция в Зауралье в эту пору носила, как и до этого, характер постепенного проникновения из района водораздела рек и верховий р. Урал в глубь степей по течениям рек Миасс, Увелька и Уй.

Вопрос о взаимоотношениях башкир в эту эпоху с ханом Кучумом и его наследниками малоразработан. Из башкир, которые в XVI в. оказались в Зауралье, с сибирскими татарами исторически и этнически наиболее тесно связанными были табынцы. Некоторое смешение сибирских групп татар в составе табынцев и, наоборот, табынцев в составе татар имело место не только в XVI в. Родство и исторические контакты табынцев и предков сибирских татар восходили к гораздо более раннему периоду, когда в степях Дешт-и-Кипчака табынцы представляли мощное объединение, а их аристократия соперничала за власть и влияние с другими племенными объединениями. Трудно сказать, что было в действительности, но в преданиях и хрониках башкир-табынцев остались весьма неприятные воспоминания о былых контактах со знатью иртышо-ишимских племен. Одна из хроник рассказывает, что табынские бии Асади и Шикарали бежали «к западу от Урала» в период жестокого соперничества на Иртыше и Ишиме двух ханов — Ибака и Шибака. Видимо, Асади и Шикарали сами не прочь были воспользоваться междоусобицей и захватить власть. Во всяком случае они бежали, узнав, что Ибак, не терпевший конкуренции, приказал их убить (Уметбаев, 1897, стр. 51–53). Если шежере имеет в виду хана Ибака (Ибрагима) из дома шейбанидов, то хронист повествует о событиях второй половины XV в., когда отношения табынцев с сибирскими ханами (шейбанидами, за-

тем с Кучумовичами), судя по нашим материалам, дружественными никак не назовешь.

Преувеличенными также являются представления о том, что Сибирская дорога Башкирии находилась под властью Сибирского ханства и что башкиры этой дороги «признали свою зависимость» от сибирских ханов (ОИБ, 1956, стр. 59). Как ни странно, в этом случае действует гипноз общности названия Сибирской дороги с Сибирским ханством. В действительности же здесь в XV в. целиком хозяйничали еще ногайские мурзы, и эпизодические набеги сибирских татар едва ли могли изменить общую картину. Г. Ф. Миллер был прав, когда писал, что «нельзя поверить» тому, что башкиры «состояли под властью хана Кучума», так как в то время «они еще не жили в пределах Сибири» (Миллер, 1937, стр. 198). В источниках XVII–XVIII вв. довольно часто можно прочесть: башкиры в Сибирь «пришли из-за Камня и не владельцы здешних мест»; «прежние их, башкир, жилища и всякие их угодья за Каменем, на уфинской стороне» (МИБ, 1936, стр. 86, 88). Чтобы пересмотреть точку зрения крупного знатока истории Сибири Г. Ф. Миллера, подтвержденную к тому же сведениями Ремезовской летописи, нужны новые серьезные источники, которые пока не обнаружены.

Более или менее активные контакты башкир с Кучумом и Кучумовичами начались лишь в конце XVI в., уже после присоединения (в 1555–1557 гг.) основной части Башкирии к Русскому государству. Это «сотрудничество» башкирской знати с татарской аристократией Сибири было обусловлено совпадением двух основных причин. Башкиры, в данном случае прежде всего катаяские, бежавшие с насиженных мест в Пермской стороне на восток, в Зауралье, надеялись укрыться в степях от бурных событий, которые их захватили на прежних землях. Эти обстоятельства их переселения нашли отражение в документах XVII в.: «И как они, башкирцы, великим государям изменили, не хотя ясаку платить на Уфу, по Каме реке многие русские деревни войною разорили и от того воровства бежали... на сибирскую сторону и на угодных местах почали жить» (МИБ, 1936, стр. 87). На новых местах башкиры готовы были отстаивать себя от колониционного натиска царизма и видели в лице Сибирского ханства неизбежного союзника. Кучумовичи же в своей безнадежной попытке собрать обломки былого величия стремились привлечь башкир и активно включить их в борьбу против Русского государства. Табынские башкиры, прекрасно осведомленные о событиях, с опаской следили за успешным продвижением русских отрядов; их, естественно, встревожила массовая вынужденная миграция в Зауралье сальютов, катаяцев и др. В этой обстановке табынцы также постепенно включились в борьбу на стороне Кучумовичей, хотя давняя вражда и неприязнь не были забыты.

Однако, даже вступив на путь сопротивления русской политике, башкиры явно тяготились союзом с Кучумовичами, и их «сотрудничество» зачастую принимало форму насилия. В документах то и дело указывается, что тот или иной Кучумович «по неволе взял с собой» башкир (см.: Усманов, 1960, стр. 121). Г. Ф. Миллер резонно замечает, что набеги отрядов Кучумовичей на башкирские аулы и их разорение объяснялись нежеланием башкир поддержать борьбу с Русским государством (Миллер, 1941, стр. 31). И все же дольше других не покидали Кучумовичей табынцы. Объяснялось это тем, что до основных табынских земель власть Русского государства докатилась позже и часть табынцев еще держалась за Кучумовичей, «дружба» с которыми то и дело переходила во взаимную борьбу.

Таковы основные моменты первого этапа массовой миграции башкир в Зауралье. В этот период башкиры (табынцы, сынрянцы, катайцы, терсяки и др.) упоминаются у Тюмени, на берегах Тобола или Ишима, хотя основные центры их расселения в Зауралье находились между Пышмой на севере и реками Уй и Тогузак — на юге. Кочевья зауральских башкир уже тогда имели тенденцию постепенно локализоваться по рекам Синара, Теча, Караболка, Миасс, Увелька и «по озерам».

В свете изложенного попытаемся более точно оценить этническое воздействие сибирских татар на формирование северо-восточных башкир. В широком этноисторическом плане между сибирскими татарами и северо-восточными башкирами (преимущественно табынцами) немало общего. Нельзя забывать, что те и другие прошли через кыпчакский этап этногенетического развития в степях Дешт-и-Кипчака. Параллели и аналогии в языке и культуре северо-восточных башкир и западносибирских татар недавно привлекли внимание ряда исследователей и в определенной степени ими освещены (Ахатов, 1963; Тумашева, 1968; Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964; Бикбулатов, 1964). Однако дискуссионными остаются вопросы о времени и месте этнического взаимодействия предков северо-восточных башкир и западносибирских татар. Давно утвердившееся в литературе и, казалось бы, ставшее естественным положение о том, что активные контакты происходили в зоне соприкосновения башкир и сибирских татар в XV–XVI вв. в Зауралье, ни историческими, ни этнографическими источниками подтвердить невозможно. Конечно, в зауральских степях этнические контакты башкир и сибирских татар имели место, и они нами выше охарактеризованы, однако основные черты их этнической общности (особенно языковые) восходят к тому этапу истории табынцев, когда они представляли собой одно из сильных объединений Дешт-и-Кипчака, т. е. до их расселения в Башкирии. В XVI в. этноисторические связи катайцев, табынцев и некоторых других северо-восточных башкир с сибирскими татарами возобновились, но ничто не указывает на то, что это направ-

ление этнического развития зауральских башкир было основным или даже сколько-нибудь существенным.

Второй этап активной миграции башкир в Зауралье в конце XVII–XVIII в. был связан со строительством крепостей и заводов на территории горной Башкирии и изъятием башкирских земель. Это коснулось всех северо-восточных башкир, но на этот раз в большей степени табынцев. На табынских землях по Миассу, Увельке, Ую и верхнему Яику были построены десятки крепостей (Июфа, 1951, стр. 139–157), которые были призваны облегчить управление беспокойными и часто восставшими башкирами и изолировать их от казахов и казахских степей. В крепостях и вокруг них поселились казаки. В горной части табынских и айлинских земель один за другим возникли железодельные, медеплавильные и другие заводы — Миасский, Златоустовский, Кусинский, Саткинский, Миньярский и т. д. Попытки башкир отстоять свои земельные вотчины не дают результатов, и они постепенно углубляются в зауральскую степь (карта 10). К концу XVIII в. исчезли табынские поселения по Ую и Увельке, мало осталось башкир в горных районах верховий Ая и Юрюзани. В то же время прибавилось число табынских и айлинских аулов по верховьям Миасса и Течи, а вслед за этим табынцы появились и дальше на востоке, в озерных степях Притоболья. Переселения табынцев в зауральские степи продолжались и в XIX в.

Таким образом, в XVI–XVIII вв. образуются два основных потока движения башкир в Зауралье: с севера шли салтыуты, катайцы и связанные с ними племена и роды; с юга и запада двигались табынцы и айлинцы. В более позднем продвижении в пределы современной Курганской области участвовали родоплеменные группы всей северо-восточной Башкирии. В этом процессе исключением является род *калмак*, ядро которого сложилось здесь же из калмыков, отколовшихся в XVII в. от основной массы народа.

Главным направлением этнического развития в башкирском Зауралье в XVI–XIX вв. было взаимодействие, взаимопроникновение и взаимосближение разноплеменных (катайских, айлинских, табынских) башкирских групп и образование на этой основе своеобразного этнографического района, население которого составляет в настоящее время зауральскую географическую подгруппу северо-восточных башкир с общими чертами культуры. Особенно явственно этнографическая интеграция выступает среди башкир Курганской области, в составе которых есть катайцы, табынцы, айлинцы, сарты, калмаки и др. И все же именно в Зауралье, на более ограниченной, чем весь северо-восток Башкирии, территории до сих пор наглядно просматриваются те языковые и этнографические различия, которые в соответствии со спецификой их этнической истории имели катай-

ские, табынские и айлинские башкиры. В разговорном языке зауральских башкир диалектологи выделяют три говора: салзегутский (или синара-карабулакский), аргаяшский и миасский, которые соответственно совпадают с основными районами расселения сальютов, катайцев и табынцев с айлинцами. Миасский говор, включающий уйский, собственно миасский и кубалак-телевский подговоры, имеет ряд общих черт с айско-юрюзанским говором айлинских башкир. Это полностью соответствует историко-этнографическим данным, показывающим давнее взаимодействие и сближение между табынскими и айлинскими башкирами, миграционные потоки которых сомкнулись и смешались в Зауралье. Особенности материальной культуры зауральских башкир также отражают сложившуюся этническую картину. В северной части башкирского Зауралья, т. е. в районе расселения катайско-салютских родоплеменных групп, в материальной культуре преобладают черты, сходные с культурой башкир северной Башкирии. На юге Зауралья материальная культура по существу едина с культурой табынских башкир верхнего течения Яика. В Зауралье, особенно в Курганской области, в районах расселения айлинских переселенцев, фиксируются особенности культуры, характерные для башкир бассейна р. Ай.

В XVII–XVIII вв. значительный поток табынцев направился на запад, на Асылы-куль, и юг Башкирии — в долины рек Ток, Б. Иргиз, Камелик (карта 10). Табынцы, которых с занятых ими земель выталкивали теснота или политические обстоятельства, связанные с жестоким подавлением башкирских восстаний, стремились принять участие в «разделе» и освоении «старинных земель» на юго-западе. В движение на запад и юг Башкирии включились как восточные (роды кара-табын и барын), так и западные (племя бишул, роды юмран, дуван) табынцы. Небольшая группа кара- и барын-табынцев переселилась на Асылы-куль в конце XVII в., когда кара-табынский тархан Акунчык получил вотчинные права за службу «на старинных землях» предков (БШ, стр. 163). Когда в XVIII в. численность табынцев на Асылы-куле за счет нового притока возросла, тарханные права их предков не были признаны, и табынским деревням пришлось поселиться на правах припущенников на землях башкир племени канлы.

У табынцев издавна, возможно со времени их миграции в Башкирию, существовала традиция ранней весной на все лето перетонять стада в присамарские и иргизо-камеликские степи. У западных табынцев эта традиция в XVI в. возобновилась. Постепенно в XVI–XVII вв. часть табынских башкир (племена бишул; рода юмран) навсегда поселилась на юге, в долинах рек Ток, Б. и М. Уран и др. Генеральным межеванием башкирских земель в XIX в. эти переселения были закреп-

лены. Восточные табынцы в долине р. Ток появляются позже, в основном в XVIII в., и поселяются зачастую в качестве припущенников на землях юрматынских башкир. В 1764 и 1765 гг. группы кара-табынцев поселяются «по припуску» на землях дер. Ст. Юлдашево, куда они переселились из Верхнеуральского уезда «за утеснением на прежнем их жилище»⁶². В западной и южной Башкирии табынцы расселялись не компактно, а жили в смешанных аулах с родоплеменными группами юрматынцев, кыпчаков, минцев и др.

1. Родоплеменной состав северо-восточных башкир включает компоненты — тюркские, монгольские, финно-угорские, отражающие различные этапы этнической истории башкирского народа на протяжении более чем одного тысячелетия.

2. К ранним этапам этнической истории башкир, которые характеризуются взаимодействием и смешением тюркских и финно-угорских (преимущественно угорских) племен, восходят родоплеменные образования кесе-, кальсер-, юмран-табын, урман-, шайтан-, булякей-кудей, бишул, сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин. Тюрко-финно-угорское взаимодействие и смешение имели место на разных территориях и в разное время.

а) Истоки этнической истории западнотабынских родов кесе-кальсер, юмран (юрман) — восходят к древнетюркскому миру Центральной Азии и Алтая. В составе общего миграционного потока кочевников они в середине I тыс. н. э. переселились на запад, где в лесостепной полосе Западной Сибири и в казахстанских степях смешались с угорскими племенами. Уже тогда эти или аналогичные этнонимы могли принадлежать племенам, говорившим как на тюркских, так и на угорских языках.

б) Племена кудей и бишул — тюркские по происхождению образования, которые находились в составе или в этническом окружении древнебашкирских (баджгардо-бурджанских) племен до их миграции в Башкирию. Расселившись в VIII–IX вв. в юго-западном Приуралье, кудейцы, в меньшей степени бишульцы смешались с остатками древнемадьярского населения, а позднее — с другими местными финно-угорскими и пришлыми тюркскими племенами, что отложилось как на внутриплеменной этнонимии кудейцев и бишульцев, так и на особенностях их исторического фольклора и некоторых черт культуры.

в) Племена сызгы, упей, сынрян, терсяк, бикатин являются пришельцами в северо-восточную Башкирию из юго-западного Приура-

⁶² Подлинный акт о припуске скопирован в 1963 г. в дер. Ст. Юлдашево Оренбургской обл. (см. Полевые записи 1963 г., стр. 74).

ля — основного района формирования древнебашкирского этноса. По происхождению эти племена — местные, финно-угорские (сызгы, упей) или, вероятно, потомки тюркизированных еще в Западной Сибири угров (сынрян, терсяк, бикатин). В юго-западном Приуралье все эти племена были вовлечены в конце I тыс. н. э. в процесс формирования древнебашкирского этноса и в первых веках II тыс. н. э. передвинулись в общем потоке движения катаяских или айлинских племен в северную и северо-восточную Башкирию, где они вновь пережили этап этнического смешения с местным населением.

3. К сравнительно раннему тюркскому этническому слою северо-восточных башкир принадлежит племя ай (айле) и связанные с ним или входящие в его состав родовые группы тырнаклы, каратавлы, сарт. Имея центральноазиатские корни происхождения, айлинцы, а также мурзаларцы формировались в основном в печенежско-огузской среде присырдарьинских степей. После ухода основной части баджгардов и бурджан из Приаралья на запад айлинцы подпадают под преимущественное влияние этнического мира огузо-кыпчакских племен.

В древней истории айлинцев определенную роль сыграло их взаимодействие с уграми на пограничной зоне степей и лесостепей Приаралья и Западной Сибири. Имеются основания предполагать, что баджгарды представляли во второй половине I тыс. н. э. тюркское племенное объединение, инкорпорировавшее в свой состав группы верхнеобских или западносибирских тюркизированных угров. Айлинцы — одно из образований, которые принесли на Урал в X–XII вв. второе название башкир — истяк или иштяк, связанное с древним этапом башкиро-угорского смешения.

4. Катай и сальют — племена монголо-тюркского происхождения, вышедшие из этнической среды средневековых киданей, найманов и салджиутов. Этническая история катаяцев и сальютов развивалась параллельно, по крайней мере с начала II тыс. н. э., и тесно связана с политическим возвышением и падением кара-китайской и найманской конфедераций.

5. Собственно табынцы (род кара-табын) и входившие в табынское объединение образования (роды теляу-, кубалаяк-табын; племена кувакан, сырзы) имеют древнетюркское происхождение. Ранняя этническая история предков табынских башкир развивалась в рамках тюркских племенных конфедераций Алтая. Табынцы сильно смешались с монгольскими родоплеменными группами, в частности с киданями и их тюркизированными потомками — кара-китаями. Этническая история табынских родов накануне их движения на запад, в Поволжье, развивалась в дулато-усуньской и кыпчакской среде.

Племя табын в Дешт-и-Кипчаке в XII в. явилось основой одного из значительных этнополитических образований, которое объединяло

различные по происхождению, но преимущественно тюркские и монгольские (барын, дуван) племена и роды.

6. В этническом формировании северо-восточных племен крупную роль сыграли кыпчаки, влияние которых прослеживается начиная с XI–XII вв., но наиболее сильным было в XIII–XIV вв. К этому позднему этапу кыпчакизации относится миграция в северо-восточную Башкирию ряда кыпчакских и кыпчакизированных родоплеменных образований: рода туркмен-кудей, племен кошсы, дуван, родоплеменных групп таз, таулы и др.

7. Заселение северо-восточной Башкирии шло как с востока, из Зауралья (айлинцы — в X–XII вв.), так особенно с запада, через Приуралье (катайцы, табынцы — в XIII–XIV вв.). Миграционная волна с запада разделилась на два потока: катайские башкиры направились через северо-западную, табынцы — через центральную Башкирию. В XIV в. на северо-востоке Башкирии образовались контуры трех родоплеменных групп: на севере — катайской, на территории Уфимского плато — айлинской, в южном соседстве от них — табынской. Позже, в XVI–XVIII вв., башкиры всех трех родоплеменных объединений заселили степное Зауралье, где образовался этнографический район на базе смешения катайцев, айлинцев и табынцев с местными и вновь пришлыми группами населения (калмаки, сибирские татары, казахи, уральские и зауральские угры).

8. Вместе с айлинцами табынцы и катайцы составили основу северо-восточной географической группы башкир, разговорный язык которой является восточным диалектом башкирского языка.

В этническом формировании северо-восточных башкир существенное значение имело сравнительно длительное пребывание большинства племен и родов, прежде всего табынских и катайских, в юго-западном Приуралье. Именно там произошло смешение, этнокультурное сближение различных племен и интеграция основных этнических показателей катайцев, табынцев и древнебашкирских племен. Отсюда этнические признаки формирующегося народа были перенесены на новые территории северо-восточных районов современной Башкирии.

Таблица 1

№	Племя	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Ай (Әй, Әйзе, Айзы)	Ай (Әй, Әйзе)	 Луна-тамга (ай тамга)
		Тырнаклы (Тырнаклы)	 Шея верблюда (дөйә муйын)
		Каратавлы (каратаулы, Табылгызар)	Тамга не зафиксирована
		Туркмен (Төрөкмән)	
		Сарт-Айле (һарт-Әйзе)	
		алтаузар (шесть сартов)	 Ковш (сумес)
		сарты в Зауралье	 Восьмерка (һигезле)
2	Мурзалар (Мурзалар, Өләште)		 Лук со стрелой (ук-йәйә)
3	Дуван (Дыуан)		 Кожаная петля на поясе для топора (шәлтәү)
4	Кошсы (Кошсо)		
			 Заяц (куян)
			
5	Кудей (Көзәй)	Шайтан-Кудей (шайтан-көзәй)	 Вилы (һәнәк)
		Кыр-Кудей (кыр-көзәй)	
		Урман-Кудей (Урман-Көзәй, казаяк)	 Гусиные лапки (казаяк)
		Туркмен-Кудей (Төрөкмән-Көзәй)	 Стремена (өзәнке)
		Булякей-Кудей (Буләкәй-Көзәй)	 Грабли (тырма)
6	Сызгы (һызгы, Ҙыҗкы)		 Вороб (кәләп)
7	Упей (Өпәй)		

Т а б л и ц а 2

№	Основная тамга	Распространение тамги	Вариации
1	У	Айпинцы на р. Ай; тырнаклы; мурзалар; северная группа зауральских айлинцев	
		Южная группа зауральских айлинцев; ялан-айлинцы	
2	О	Сарты на р. Ай	
		Сарты в Зауралье	
3	У	Туркмен-айлинцы	
		Кудейские роды	
4	Г	Дуван и кошсы	
5	Г	Кудейские роды и дуванцы	
		Сызгы	
6	Г	Кошсы	
7	У	Упей	
8	И		

Т а б л и ц а 3

№	Племя	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название	
1	Катай (Катай)	Катай в горнолесной Башкирии		
		Инзер-Катай (Инийэр-катай)		Молот, кувалда (балға)
		Кузгун-Катай (Козгон-катай)		Молот (балға)
		Идель-Катай (Изел-катай)		
		Кара-Катай (кара-катай) в северной и зауральской Башкирии		
		Улу-Катай (Оло-катай)		Подкова (даға)
				Молот-полумесяц (ай-балға)
2	Сальют (һалътот), Сальюһут, Сальюгут	Бала-Катай (Бала-катай)		Грабли (тырма)
				Рога козла (тәкә мөгөзе)
		Ялан-Катай (Ялан-катай)		
3	Сынрян (һенрән)			Лук (йэйә)
				Острога (һалдау)
				Лук со стрелой (ук-йэйә тамға)

Т а б л и ц а 3 (окончание)

№	Племя	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
4	Терсяк (Терһәк)		
5	Бикатин (Бәкатин, Мәкатин)		Тамги не зафиксированы
6	Калмак (калмак)		
7	Башкирские казаки (Казачий башкорттар)		

Т а б л и ц а 4

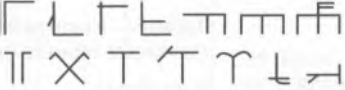

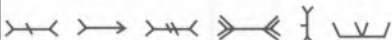
№	Основная тамга	Распространение тамги	Вариации
1		Все катайские роды	
2		Улу-катайцы	
3		Сальюты	
4		Терсяки, сальюты	
5		Кузгун-катайцы, калмаки	

Таблица 5

№	Племя	Род и территориально-родовая группа	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Табын (Табын)	<p>Табын — в Зауралье (восточные табынцы)</p> <p>Кара-Табын (кара-табын); в составе кара-табынцев подрод Кёк-джюргек (күк-йөргәк)</p> <p>Барын (барын)</p> <p>Теляу (теләу)</p> <p>Кубалаяк (күбәләк, кубалак)</p> <p>Табын — в центральной Башкирии (западные табынцы)</p> <p>Кесе (кесе)</p> <p>Юмран (йомран)</p> <p>Кальсер (кәлсер)</p> <p>Дуван (дыуан)</p> <p>Сарт (һарт)</p> <p>Табын — в южной и западной Башкирии</p>	<p> Ковш (сүмес)</p> <p> Ковш (сүмес)</p> <p> Чаша (туҫтаҡ)</p> <p> Круг (тунгәләк)</p> <p> Ребро (кабырға)</p> <p> Вилы (һәнәк)</p> <p> </p> <p> Серкә?</p> <p> Ворота (капка)</p> <p> Гусиные папки (казаяк)</p> <p>Тамга не зафиксирована</p> <p> </p>

Т а б л и ц а 5 (окончание)

№	Племя	Род и территориально-родовая группа	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
2	Кувакан (кыуакан)	<div>Елан (йылан)</div> <div>Сагит (сәгит)</div> <div>Тау (тау)</div> <div>Сатка (сатка́)</div> <div>Кыркуйле (кыркөйлө)</div> <div>Тюбеляс, Тубалас, (түбәләс, түбалас)</div>	<div> Ковш (сүмес) </div>
3	Сырзы (һырзы)		<div> Ковш (сүмес) </div>
4	Бишул (бишул)	<div>Бишул (бишул)</div> <div>Бишул-Унгар (бишул-унгар, бишауыл-унгар)</div>	<div> Сөй (крюк) или сөргө (крюк для выделки кожи) </div> <div> Подкова (даға) </div> <div> Ковш (сүмес) </div>
5	Бадрак (Бәзрәк, Бузәрәк, Йәрембәт)		<div> Полозья (сана табаны) </div>
6	Кумрук (Кумрык)		<div> Вилы (һәнәк) </div>

Таблица 6

№	Тамга	Распространение тамги	Вариации
1	○	Преимущественно табынские роды теляу, кубалаяк; встречается изредка в центральной Башкирии (бишул), а также в табынских деревнях западной и южной Башкирии	
	○	Преимущественно табынские роды кара-табын, барын; реже — кубалаяк, теляу; племена — кувакан, сырзы; в табынских деревнях западной и южной Башкирии; единичные экз. — в племени бишул	
2	∨	Кесе- и дуван-табын	
3	≡	Кесе-, юмран- и кальсер-табын	
4		Кальсер-табын; единичные экз. — у дуван-табынцев	
5	┐	Дуван-табын, единичные экз. — у племени кумрук	
6	→	Племена бишул, кумрук и бадрак	
7	△	Бишул	
8	Υ	Кумрук и в единичных экз. у западнотабынских родов	
9	—	Теляу	

ГЛАВА VI

ЮГО-ЗАПАДНЫЕ БАШКИРЫ

Этнический состав и история расселения

Юго-западные башкиры подразделяются на подгруппы — демскую и южную. Основу демской подгруппы составляют башкиры племени мин. Минские башкиры в XVII–XIX вв. расселились на обширной территории бассейна р. Демы от ее верховьев до устья. Кроме того, они занимали течение р. Уршак и верховья Чермасана между озерами Кандры- и Асылы-куль. На севере минские земли включали нижнее течение р. Уфы (карта 11). Южную подгруппу составляли башкиры долин рек Ток, Б. и М. Уран (в XVIII в., кроме того, Самары и Бузулука), а также верховий рек бассейна Б. Ир-гиза. В литературе XIX в. южных башкир обычно называли ток-чуранскими и иргизо-камеликскими. В последнее время их называют по административной принадлежности: оренбургские, саратовские, куйбышевские. В этническом отношении башкиры южной подгруппы — конгломерат родоплеменных образований, переселившихся на юг со всей Башкирии, с заметным преобладанием, однако, юго-восточных племен и их соседей с северо-запада — минцев, юмран-табынцев и бишульцев.

Реконструкция родового состава племени *мин* (табл. 1) оказалась трудной задачей. Подобно табынцам, племя включало роды, различные по происхождению. Кроме того, бассейн Демы явился в XVI–XVIII вв. объектом «нового заселения старой родины» многими группами башкир с Урала, с севера и даже из Зауралья. В XVII–XVIII вв. с запада надвигалась волна миграции (преимущественно татарская) с Поволжья. Демская долина оказалась этнически чрезвычайно смешанным районом. В этнографическом отношении она сложилась в своеобразную переходную зону, которая, тяготея по основным культурно-языковым признакам к юго-восточной Башкирии и в то же время имея немало об-

щих черт с центральными (горно-лесными) и северо-восточными районами, приобретала возрастающую тенденцию культурной интеграции с западными башкирами. В развитии этой тенденции была и историческая основа: этнические взаимосвязи минцев с западнобашкирскими племенами в прошлом были очень тесными.

Этническая смешанность населения демской долины — одна из причин сравнительно раннего разделения племенной вотчины минцев между родами (юридически оформлено в 1671 г.), а родовых вотчин между сельскими общинами, которые нередко стали выступать в форме «новых» родов (БШ, стр. 223). Этим объясняется перечисление в некоторых источниках XVIII в. в составе племени мин до 17 и более «родов» (в списке П. И. Рычкова 13 родов), хотя в действительности их было меньше. Основными минскими родами являются: куль (или иль-куль), кырк (или кырк-уйле), суби, миркит, кубоу, собственно мин и сарылы, т. е. всего семь родов. В табл. 1 их указано 9. Иль-куль-мин и куль-иль-мин — разветвления одного рода; еще в XVIII в. у них были совместные земельные владения¹. Однако основные вотчины куль-иль-минцев в XVII в., а возможно и раньше, обособились от общеродовых. Начиная с XVIII в. во всех списках куль-иль-минцы фигурируют в качестве самостоятельного рода (БШ, стр. 41). Уршак-мин — «территориальное» название рода, расселившегося по течению одноименной реки. Судя по тамгам и историческим сказаниям, это один из «новых родов», образовавшийся в результате объединения выходцев из различных мест демской долины.

В таблице родового состава племени мин показаны подроды. Многоступенчатая родоплеменная структура башкир допускает возможность присутствия подродов практически в составе любого племени. Но на примере минцев особенно наглядно можно проиллюстрировать процесс, который в общем-то характерен для всех кочевников, но далеко не всегда ухватим, а точнее, ухватим лишь в определенный (можно сказать, в качественный) момент развития. Речь идет о таком моменте, когда происходит «забывание» древних родовых названий и «утверждение» новых. Новые названия соответствуют образованиям, возникшим в результате членения старого рода, выделения из него 1–2 или более дочерних организаций или, наконец, заново сгруппировавшимся на развалинах полностью распавшегося прежнего рода. Первоначально в названиях вновь возникших образований удерживался в качестве составной части этноним старого рода, например: азнай-иль-куль-мин, кункас-иль-куль-мин, илсекей-иль-куль-мин. Затем появляется второе название, в котором, естественно, основным элементом становится новый этноним: азнай, кункас-илькей, илсекей-мин. Как

¹ Полевые записи 1957 г., стр. 114–115.

видим, элемент куль (или иль-куль) во всех трех случаях исчез. Аналогичная картина с родом суби: в новых названиях — яксы-мин, суби-мин, дистан-мин — этноним старого рода унаследовал только один подрод. Но во всех случаях составной частью новых названий остается племенной этноним мин. Завершение этого процесса не трудно представить на приведенных примерах: вместо двух родов — куль и суби — в составе племени появляется шесть новых и лишь один из них сохраняет название старого рода. Новые названия и организации, их носящие, постепенно приобретают самостоятельность. Включив в свой состав те или иные компоненты, новые роды могут несколько изменить этнический состав, обрастают преданиями, генеалогиями, тамгами и т. д., словом, как социальные организмы, ведут себя подобно «настоящим», старым родам. Естественно, что сравнительно быстро происходит лишь завершающий момент процесса, когда его сущность просматривается особенно отчетливо. Но и эта быстрота относительная, измеряемая многими десятилетиями, на фоне же двух тысячелетий кочевнической истории несколько десятилетий действительно не очень большой срок. В табл. 1 структура племени мин представлена во всей той сложности, которую она приобрела к XVII–XVIII вв. Названия новых родов в основном патронимические. Имена Кункас, Дистан, Азнай, Илчикей — потомков княжеских семей из племени мин — присутствуют в башкирских шежере и часто упоминаются в преданиях (БШ, стр. 53, 60, 67).

Род сарылы-мин (в источниках XVIII в. — саралинский, сараминский, саралыминский, сарат-минский) в конце XVIII в. не существовал. В середине XVIII в. остатки сарылы-минцев жили в низовьях Ика: земля их «лежит между речек Мензели и Итили» (МИБ, 1955, стр. 463). Правильное название рода — сарылы-мин — восстановлено по полевым материалам.

Численность минцев в XVIII в. составляла около 15 тысяч человек.

Сложная этническая структура минских родов отражает основные этапы расселения минцев в Башкирии. В XII–XIII вв. предки минцев были частью многоплеменного кыпчакского мира. В XIV в. они тесно взаимосвязаны с племенем катый. В это время они вместе кочевали в западной Башкирии, преимущественно по нижнему течению р. Ик, а также по рекам Степной Зай, Мензеля и Сюнь (карта 12). Башкиры рода кубоу-мин считают себя (как катыйцы и кошсинцы) выходцами из местности Мелекес, или Мелякач, которая, по их представлению, находится «за р. Ик». Один из кубовских подродов называется мелекес-кубоу. Сказания родов куль и суби помещают «старинные земли» предков на р. Ик; с икской долины на Дему, согласно преданиям, куль-минцы переселились предводительствуемые аксакалами

Кункас и *Иштәкә* ² — имена, часто встречаемые и в китайских генеалогиях.

В XIV в., в период активной миграции башкирских племен с Бугульминской возвышенности, минские роды, перейдя вслед за катаяцами р. Белую, заняли южную часть белско-уфимского междуречья, постепенно локализуясь в районе слияния рек Уфы и Демы с Белой. Весь район центра современной Башкирии, включая территорию г. Уфы и прилегающих земель вниз и вверх по Белой, был, по преданиям, минской вотчиной. В пределах этой территории, в 50 км южнее г. Уфы на берегу р. Демы вокруг мавзолея мусульманского проповедника Хусейн-бека (XIV в.) сохранилось древнее кладбище минцев, на надмогильных плитах которого до сих пор отчетливо видны минские тамги (типа № 2 на табл. 2). Северные и южные пределы минских кочевий в то время едва ли были определенными. В период катаяско-табынских миграций на Урал часть минцев переселяется в верховья Миасса; упоминаются они и в районе г. Златоуста (БШ, стр. 70).

Основным направлением, в котором развивалось расселение минцев в дальнейшем, был юг, долина р. Демы — в природном отношении чрезвычайно удобная для кочевников. В XV в. демская долина была уже заселена минцами, по крайней мере в нижнем и среднем течении реки, однако в условиях господства ногайцев и постоянных междоусобиц их положение здесь едва ли было стабильным. Но к середине XVI в. минские башкиры настолько усиливаются, что в союзе с юрматынцами и другими племенами вступают на путь открытой борьбы с ногайцами (БШ, стр. 52–53). В процессе этой борьбы минские роды заселяют долины Демы и Уршака от низовьев до верховьев рек. С присоединением к Русскому государству, в XVI в., минцы получают жалованные грамоты на владение практически всей юго-западной Башкирией (Юматов, 1848; БШ, стр. 52).

Представленный очерк истории заселения минцами демской долины подтверждается как сказаниями, так и сложившейся в XVII–XVIII вв. картой расселения минских родов. Предания самого крупного минского рода куль неизменно подчеркивают, что «настоящие, древние минцы» живут «за Уфой, в горах» ³. К северу от г. Уфы, в нижнем течении одноименной реки до настоящего времени сохраняется кульская топонимия: там расположены деревни Старо-Кулево, Ново-Кулево — старинные минские села. В XVIII в. переселившиеся на Дему куль-минцы сохраняли вотчинные права на правобережье р. Белой. В 1723 г. илсей-иль-куль-минские башкиры, уже давно расселявшиеся по Уршаку, «припускают» татар на свои «вотчинные земли» на правобережье Бе-

² Полевые записи 1955 г., стр. 67–68, 90.

³ Там же, стр. 116–117.

лой (МИБ, 1955, стр. 202). Позднее других покинули старинные земли на севере (и то частично) башкиры рода кубоу-мин. Ко времени их расселения на юге, когда, по преданию, «пять юношей-кубовцев» пришли на Дему, земли были уже распределены. Кубовские башкиры с согласия кандинцев расселились на юге их обширных земель в верховьях Чермасана.

В XVII–XVIII вв. в юго-западную Башкирию устремились потоки кочевников с гор и из лесов. Лесостепные холмистые долины юго-запада вновь притягивают скотоводов, еще не утративших воспоминаний о «привольных» просторах «древней родины» предков. Сюда переселяются кочевники не только из соседних районов юго-восточной Башкирии, но и с дальних земель Зауралья и с севера. Куль-минские башкиры, например, в начале XVIII в. (1706 г.) припускают на свои земли даже сальютов, вернувшихся на «старинные вотчины» из Исетской провинции (МИБ, 1949, стр. 26–27). К концу XVIII в. демская долина перестает быть преимущественно минской. Численность иноплеменных башкирских групп в ряде районов юго-запада стала превышать или, во всяком случае, приблизилась к численности самих минцев. Другими словами, это были уже не минские, а демские башкиры со специфическим сочетанием различных признаков в языке и культуре, характерным для юго-западной географической группы.

Обзор истории расселения во многом объясняет специфику минской этнонимии. В составе минцев зарегистрировано 164 родовых подразделения, из них 60 (более трети) имеют этнические и родоплеменные названия. В этнонимии минцев преобладают названия, общие с восточными башкирами: бурзян (2), катай (3), кукджюргек, кыпчак (2), сураш, тау (3), тамьян, тумă, туркмен, тугыз, киргиз (3), калмак (5), сарт (3). По понятным причинам в составе минцев много подразделений ногай (7). В то же время на Деме значительно больше, чем на востоке, этнонимов западно-башкирского происхождения: канлы, каратай (4), таз, ваклар, юламан, мин, а также черемис (3), чуваш (5), татар, мишар, типтяр и др.

Собранные из разных источников 330 минских тамг также отражают пестроту и смешанность башкирского населения демского района (минцам знакомы тамги более 10 основных типов). В то же время совершенно отчетливо просматриваются специфически минские тамги или же тамги по происхождению не минские, но свойственные им с древних времен. Наиболее распространенной (86 из 330) была тамга № 1 (табл. 2), которая имела два направления развития. Вторая линия развития тамги является особенно характерной для яик-суби-минцев. В основном начертании тамга № 1 напоминает одну из кыпчакских тамг, но своеобразие и специфика вариационных изменений (особенно яик-суби-минских тамг) позволяет считать ее оригинальной для

минцев, по крайней мере на средневековом этапе развития. Тамга № 2 (67 из 330) по происхождению кыпчакская. Своеобразие вариационных изменений легко объяснить длительным развитием тамги в среде минцев в условиях уже известного отрыва от собственно кыпчакских родов. Тамга № 3 (36 из 330), распространенная в родах кырк, куль-иль-мин, уршак-мин, изредка встречается также в кункас-минском подроде. Аналогичные тамги известны юрматынцам и бурзянам. Тамга № 4 (33 из 330) — род мин, кубоу-мин — в основном начертании тождественна усерганской, хотя многие вариационные изменения минских тамг своеобразны. Присутствие в составе рода мин подразделения сураш (название одного из крупных усерганских родов) подтверждает усерганское происхождение тамги. В родах миркит, кубоу и кырк наиболее распространенной является тамга Т (32); вариационные изменения тамги совершенно аналогичны китайской (так же, как и название — *балга*).

Перечисленные пять типов тамг составляют три четверти всех известных минских тамг. В остальных тамгах можно выделить кудейские (19, тамга-вилы), табынские (13, тамга-ковш), кесе-табынские (5), айлинские (8) и бурзянские (4). Обзор минских тамг показывает тесную этническую связь минцев с кыпчаками и высокий уровень смешанности с юго-восточными башкирами, западнотабынскими родами и в меньшей степени с северо-восточными племенами.

Этническая история племени мин

Племя мин выше мы характеризовали как совокупность разных по происхождению родов, но это вовсе не означает, что можно сбрасывать со счета такой очевидный факт, как общее минское название всего объединения. Следовательно, важно выяснить этническую историю рода мин, который выступал ядром союза минских родов. В минских преданиях присутствуют два слоя. Один — очень древний, теперь еле уловимый, но в XVIII–XIX вв. еще достаточно отчетливый; другой — яркий и реальный, повествующий о недавних событиях XIV в., достоверность которых подтверждается историческими источниками. Основная тема древних исторических сказаний — пребывание предков минцев на родине, в Монголии, эпические подвиги на Алтае далеких предков Тюклю-ата (*Төклө-ата*), Чачле-ата (*Сәсле-ата*), Корчоба-ата (*Корсоба-ата*), вынужденная откочевка из-за «больших войн» на новые земли ⁴. В XIX в. С. Мирасовым было найдено шежере, в котором

⁴ Полевые записи 1955 г., стр. 120–121; Рукописный фонд ИИЯЛ БФАН СССР. Шежере племени мин.

минцы вели свою родословную к гуннскому хану Баламиру (Мирасов, 1926, стр. 7). Поздние средневековые сюжеты минского исторического фольклора рассказывают о приходе предков минцев из Мавераннахра (БШ, стр. 52, 58, 190). Родоначальник минцев Санаклы, прозванный «Урдас-бием с тысячью колчанов» (*Мең hazakly Uradas-biy*), был одним из правителей в Мавераннахре после того, как ушли с политической арены ханы из дома Чагатаев, т. е. примерно в середине или в начале второй половины XIV в. Не выдержав жестокой междоусобицы, повествует шежере, Санаклы (или Урдас-бий, Урадас-бий, Уродач-бий) вместе со своим родом переселился на Урал. В устных преданиях имя Урдас-бия также обычно связывается со Средней Азией, долиной р. Сырдарьи. В одном из шежере говорится: «Да будет известно, из рода Чататая 25 человек в Мавераннахре были царями» (БШ, стр. 190). Последним ханом из дома Чагатая на Мавераннахре был Казан-хан (в шежере *Казан хан*). В 1346 г. Казан-хан был убит и до 1358 г. правил эмир Казаган (*эмир Кызгын*). После смерти Казагана страна находилась в состоянии феодальной раздробленности. Мавераннах распался на несколько враждующих друг с другом владений. Описание событий минское шежере заключает словами: «Затем Санаклы стал ханом» (БШ, стр. 54).

Жестокая междоусобица в середине и во второй половине XIV в. в Мавераннахре подтверждается источниками и нашла отражение в исторических исследованиях (Бартольд, 1964, стр. 34–35). Накануне создания государства Тимура Санаклы (Урдас-бий) был, видимо, одним из мелких владетелей в Мавераннахре, вероятнее всего, где-то в долине Сырдарьи. Позднее минцы приняли участие в междоусобицах в возвышающейся державе Тимура и в его борьбе с Тохтамышем. Не исключено, что именно в этот период некоторые минские группы, покинув Сырдарью, переехали в Приуралье. Как сообщают источники, в 1384 г. «несколько знатных» отложились от Тимура и «перешли к Тохтамышу». Вслед за ними на запад стали перекочевывать «отряд за отрядом» (Тизенгаузен, 1941, стр. 131–132).

Этноним мин (минг) зафиксирован в составе ногайцев, киргизов и узбеков. Н. А. Баскаков передает название ногайского рода в форме «*мынь куйп*» (Баскаков, 1940, стр. 136); «минское родство» — в составе ногайцев зафиксировано и источниками XVII в. (АИ, 1842, IV, стр. 3). *Минг-кытай* является родом в составе киргизского племени джедигер (Винников, 1956, стр. 150). Кстати, сочетание в одном этнониме названий двух племен — минг и кытай — отражает бывшие связи и взаимодействие двух образований. Наиболее значительную роль минги сыграли в этнической истории узбеков. Они были в числе воинственных племен кочевых узбеков, причем, заметим, и здесь минги выступали совместно с племенем хитай (Семенов, 1954, стр. 21). В XVII в. мин-

ги — одно из узбекских племен к юго-востоку от Самарканда (МИТТ, 1938, стр. 328), а В. В. Радлов замечает, что «ханы кокандские из племени минг» (Радлов, 1887, стр. 19). Позднее минги часто упоминаются в составе различных групп узбекского населения: зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 59), среди узбеков Афганистана.

Г. Е. Грумм-Гржимайло относил минг к племенам «неизвестного» происхождения (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 533). Г. Н. Потанин высказал мысль, что минги — потомки монгольского народа *мынг*, известного в позднее время под названием *мингат* (1881). В настоящее время живущие в Кобдосском аймаке Монголии мингаты говорят на диалекте ойротского языка (Рона-Таш, 1964, стр. 128). Г. Е. Грумм-Гржимайло, хотя и считал правомерным установление преемственной связи между этнонимами минг и мингат, в то же время скептически относился к идее монгольского происхождения мингов (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 534). Сомнения эти были резонными хотя бы потому, что в эпоху кочевнического средневековья не было ничего невероятного в образовании тюркских этнонимов на основе монгольских или, напротив, монгольских этнонимов на основе тюркских. Этноним мингат, являясь формой мн. ч. от минг (или мынг), мог быть одним из таких случаев. Если принять эти соображения, то минги представляли одно из древнетюркских образований, которые, будучи частью тюрко-монгольского мира, некогда частично ассимилировались в монгольской среде. По аналогичной схеме решает Л. П. Потапов вопрос о происхождении небольшого тувинского хошуна *мингат*, который «был по своему происхождению тувинским, но подвергшимся монголизации по языку» (Потапов, 1969, стр. 51).

Аргументацию идеи о древнетюркской основе племени мин (минг) можно несколько расширить, опираясь на факты средневековой истории минцев. По сообщению Абу-л-Гази, хан Узбек разделил кочевые узбекские племена во имя мира между ними и устранения соперничества на четыре группы. Минги при этом были отнесены к уйгурам. Позднее сын Узбека Дженибек послал уйгура по имени Санклы-Син усмирить непокорных туркмен в Ургенч, Балхан и Мангышлак (Кононов, 1958, стр. 74). Санклы-Син, по Абу-л-Гази, и Санаклы — родоначальник минцев, называемый башкирскими шежере *Мең һазаклы Урадас-бий* и ставший впоследствии одним из правителей Мавераннахра (БШ, стр. 190), одно и то же лицо. Отнесение мингов к уйгурам и уйгурская принадлежность Санаклы — существенные моменты, помогающие внести некоторую ясность в вопрос о тюркской этнической принадлежности предков этого племени. Нельзя, видимо, полностью сбрасывать со счета и древнетюркскую мифологию: одного из восьми сыновей легендарного родоначальника тюрков Яфеса звали Минг (Кононов, 1958, стр. 39).

Итак, родоплеменные образования мин (минг, мингат) в составе башкир, узбеков, киргизов, ногайцев, тувинцев и монголов, предания о древней родине в Монголии или на Алтае, сведения об уйгурской принадлежности племени и племенного вождя (Санаклы), предположение о тюркском происхождении самого этнонима⁵ дают достаточно оснований, чтобы сформулировать гипотезу о древнетюркском происхождении минцев, этнически близких к уйгурам, которые в свою очередь в VII–VIII вв. входили в конфедерацию токуз-огузов.

Миграция мингов на запад, в Среднюю Азию, на Сырдарью произошла задолго до монгольской экспансии. Некоторые параллели в историческом фольклоре нуратинских туркмен-узбеков и башкир-минцев дают основание предполагать, что предки минцев были в VII–VIII вв. в составе сырдарьинских огузов. Среди нуратинских туркмен, происхождение которых связано с сырдарьинскими огузами, распространено уже упомянутое предание о том, что после ухода основной части огузов на запад племенные вожди откочевавших огузских племен Акман и Караман присылали к нуратинцам людей, приглашая их последовать за ними (Мошкова, 1950, стр. 143). Имена Акмана и Карамана (как и известного нуратинцам Борак-хана) часто фигурируют в минских преданиях, где выступают героями событий самых различных эпох (БШ, стр. 52–53, 67).

Этническая история других минских родов подтверждает правильность нарисованной выше общей картины и в то же время существенно дополняет ее.

Башкиры минских родов *куль* (иль-куль-мин, куль-иль-мин) называют родиной предков Монголию или Алтай⁶. География распространения этнонима подтверждает предания. Роды или подразделения *куль* известны в составе туркменских племен йомудов и эрсари (Карпов, 1929, стр. 70), в составе узбеков — в форме *коль* (*каль*), *локайцев* — *куль* (Кармышева, 1954, стр. 16–17), казахов — *куль*, *кули* (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185), тувинцев — *куль*, *коль* (Потанов, 1969, стр. 47, 48), хакасов (сагайцев) — *куль* и т. д. Как видим, по направлению к востоку плотность распространения этнонима повышается. Г. И. Карпов был склонен искать его основу в монгольском языке: туркменские родовые названия *куль* он сближал с родовыми

⁵ А. Вамбери (1865, стр. 160), анализируя слово Мангышлак (минг-кышлак — тысяча зимних стоянок), корень мин (минг) производил от тюркского мең — тысяча. В этом свете интерес может представить сообщение Н. Я. Бичурина об обычае хуннов во II в. до н. э. приносить до похода и после успешного его завершения искупительные и благодарственные человеческие жертвы, расстреливая их тысячьо стрел (*Бичурин*, 1950, I, стр. 46, 76).

⁶ Полевые записи 1957 г., стр. 31, 38–40 и др.

названиями куль в составе сойотов или торгоутов, причем значение этнонима, по его мнению, было тождественным или близким к понятиям «сброд», «конгломерат» (Карпов, 1929а, стр. 70). Другая точка зрения, высказанная в свое время Л. П. Потаповым (1957) и поддержанная В. Ф. Генингом (1967), этнонимы с корнем *каль* — *коль* — *куль* склонна этимологизировать с позиции койбальского языка: *куле* — *ворон* (предки койбалов еще в XVII в. говорили на самодийских и кетских языках). Иную гипотезу сформулировал Л. Р. Кызласов: тувинский этноним *куль* он сопоставляет с названием уйгурского рода *кулин* и на этом основании тувинцев-кульцев считает по происхождению уйгурами (Кызласов, 1969, стр. 83). Так или иначе все исследователи согласны в том, что истоки происхождения этнонима *куль* находятся на Алтае или в Южной Сибири, т. е. в районе сложения племени мин. Участие в этническом оформлении племени мин угорско-самодийских компонентов, крупную роль которых в этногенезе северных алтайцев недавно еще раз убедительно показал Л. П. Потапов (1969, стр. 57), представляется вероятным. Однако в данном случае широкое распространение этнонимов *куль*, *коль* среди народов Средней Азии (узбеки, туркмены, казахи) трудно увязывается с идеей их самодийского происхождения. Этноним *куль* (в формах *куль*, *саба-куль*) был известен в качестве родовых названий волжским булгарам (Юсупов, 1971, стр. 222). Все это заставляет отдать предпочтение идее тюркского происхождения этнонима *куль* и его носителей. Родоплеменные группы *куль* переселились на Сырдарью в составе ранних миграционных волн тюрков. В последующем кульские образования приняли участие в формировании этнического состава народов Средней Азии и Восточной Европы.

Происхождение родов *суби* и *кубоу* связано со Средней Азией. Этноним *суби* (в формах *суба*, *саба*) зафиксирован в составе казахского рода *кзылкурт* (Востров, Муканов, 1968, стр. 99). Этноним *кубоу* известен киргизам: род *куба* входит в состав племени *черик* (Абрамзон, 1960, стр. 49). У башкир *суби-минские* и *кубоу-минские тамги* восходят к общеминской тамге (табл. 2, № 1).

Это обстоятельство позволяет считать их собственно минскими ответвлениями. Родовые названия *суби* и *кубоу*, видимо, возникли на сырдарьинском этапе минской истории. В сообщении «Анонима Искандера» есть сведения о том, что ак-ордынский хан Эрзен, сын Сасы-Буки (имя этого золотоордынского правителя в формах *Сасбуга*, *Сашбуга* неизменно присутствует в минских шежере; БШ, стр. 53, 59), в непродолжительные годы своего правления (1320–1321 гг.) много людей и родов сделал «участниками общих милостей», раздав им уделы — *куби* и области — *субе* (Тизенгаузен, 1941, стр. 129). *Куби* (по А. А. Рамаскевичу и С. Л. Волину, от монгольского *хуби* — доля, удел)

и субе (тюркские *субэ, суйбу* — область, край) в формах суби-мин, куби (кубоу) -мин могли означать «край (область) минцев», «удел минцев», «страну минцев». Вероятность этой версии подтверждается общей историей минцев, в частности сырдарьинским ее этапом, когда минцы, согласно их собственным сказаниям, вместе с издавна связанными с ними группами кара-китаев, активно участвовали в политических событиях в переживавшем распад Золотоордынском государстве.

Топонимы и гидронимы с основой *куба* распространены на всей территории от Алтая до Кавказа. Их распространение связывается с кыпчакской эпохой этнической истории ряда народов Средней Азии и Восточной Европы (Гусейнзаде, 1971а, стр. 120–122). Установленные нами основные этапы истории расселения минских родов не противоречат этому заключению.

Роды *кырк-уйле* и *миркит* по происхождению не минские. Это видно и по тамгам: в указанных родах нет собственно минских тамг. Этнонимы с основой *кырк* известны у многих народов: *кырк* — в составе зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 4); *кырк уул* — киргизского племени саруу (Абрамзон, 1960, стр. 142); *кыркуйли* — салорских туркмен (Винников, 1962, стр. 61); *кырк* — казахского племени сары-уйсун (Востров, Муканов, 1968, стр. 30); *кырк* — каракалпакского племени ктай (ДАХХ, стр. 141, 227); *къырк шоьмуьши* — ногайцев (Баскаков, 1940, стр. 134). Эти же названия в формах *кыркты*, *кырктар* отложились в этнонимии ряда других башкирских племен. В. В. Востров и М. С. Муканов, как упоминалось, считают род *кырк* по происхождению усуньским на том основании, что он входит в состав племени сары-уйсун (Востров, Муканов, 1968, стр. 31). Их заключение, в историческом аспекте, очевидно, нуждается в дополнительной аргументации. Родоплеменные образования *кырк* у киргизов, туркмен, башкир, казахов и других народов входят, как видим, в состав разных племен. Но особенно отчетливо выступают этнические и исторические связи родов *кырк* с китайскими (ктайскими) и табынскими родоплеменными образованиями, взаимодействие и смешение которых с усуньями выше рассмотрены. Здесь ограничимся некоторыми примерами, показывающими устойчивые этно-исторические связи (усуньских по происхождению) родов *кырк* с китайскими (ктайскими) образованиями. У каракалпаков род *кырк* входит в состав племени ктай. Одной из распространенных тамг у *кырк-уйле-минцев* является китайская по типу тамга — *балга* (табл. 1). Поразительно, что за тысячи километров, у киргизского рода *кырк уул* господствует та же тамга и с тем же названием (Абрамзон, 1960, стр. 103–104). У ногайского рода *кырк*, судя по названию, была тамга-ковш (*шоьмуьши*), т. е. такая же, как у ногайских ктаев (Баскаков, 1940, стр. 136), а по происхождению дулато-табынская. Таким образом, если идея об усуньском происхождении рода

кырк остается гипотезой, хотя и весьма вероятной, этноисторическое взаимодействие предков рода кырк (как и в целом минских образований) с кара-китайскими и дулато-табыно-усуньскими образованиями в присырдарьинских степях сомнения не вызывает.

Монгольское происхождение миркитов бесспорно. Рашид ад-дин относит миркитов к народам, которые «славны под именем монголов» (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 75). Кроме башкир, миркиты входят в состав туркмен-салоров. Примечательно, что туркменские роды миркит и кыркуйле так же, как и соответствующие роды у башкир, находятся в пределах единого образования (Винников, 1962, стр. 23, 39). Группы миркитов встречаются также в составе других народов: ногайцев, южных киргизов, узбеков. В XIV в. миркиты входили в армию Тимура (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 425). К востоку, на Алтае и далее, этот этноним встречается чаще. Секи миркит имеются у южных алтайцев и телеутов (Потапов, 1969, стр. 195); племя миркит (моркит) в XVII–XVIII вв. входило в состав монголов «в местности Чжарух» (Лебедева, 1958, стр. 221). На западе, в Крыму, этноним отложился в географических названиях: Миркит, Карамеркит (Маркевич, 1928, стр. 11).

Продвижение миркитов на запад связано с их борьбой против Чингизхана. О вражде и борьбе миркитов с Чингизом рассказывают многие источники: «Сокровенное сказание» (Козин, 1941, стр. 50, 55, 83), Рашид ад-дин (1952, I, стр. 114), Абу-л-Гази (Кононов, 1958, стр. 52), но время и место завершения этой борьбы и судьба миркитов остаются не совсем ясными. Против миркитов организовывались походы еще в начальный период возвышения Чингизхана (Таварих-и-Гузида, 1967, стр. 89). Миркиты были в войске Чжамухи, которое он в 1201 г. выставил против Чингиза. Вместе с Чжамухой они потерпели неудачу, но окончательный их разгром Г. Е. Грумм-Гржимайло относит к 1216 или даже 1219 г. (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 424). В процессе борьбы миркиты были расчленены и рассеялись. Часть их осталась на Алтае и на прежней родине в Монголии. Здесь они или влились в состав алтайских тюрков, или сохранили самобытность, но утратили былую могущественность. Остальные миркиты, отступая на запад, дошли до северного Приаралья и западноказахстанских степей, где они, по мнению В. В. Бартольда, были окончательно разгромлены на берегу р. Ир-гиз. С этого момента миркиты как самостоятельное образование не упоминаются; отдельными группами они вливаются в состав других племен и племенных объединений, а позднее упоминаются в составе ряда народов.

Миркиты во враждебном Чингизу лагере находились «вместе с найманами» (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 409). Миркиты и найманы длительное время сохраняли этот союз, который перерос в тесные этни-

ческие взаимосвязи. Общность исторической судьбы племен (борьба с Чингизханом и поражение) сблизила и сроднила их. Найманское влияние, как более многочисленного и сильного племени, было, очевидно, господствующим: у башкирских миркитов основной тамгой является наймано-каитайская. Таким образом, движение, точнее бегство, на запад, в степи Дешт-и-Кипчака, найманов, кара-китаев, миркитов, а также многих других племен в начале XIII в. было всеобщим и сопровождалось возникновением множества новых родоплеменных комбинаций и смешением племен.

1. Племя мин древнетюркского происхождения. В процессе расселения и исторического развития оно смешалось с тюркскими и монгольскими группами. Особенно важен этап кыпчакизации, в который минцы вступили, когда достигли области Черного Иртыша и более западных земель. Распространенность среди минцев кыпчакской тамги показывает значительные масштабы и глубину кыпчакского проникновения в среду минцев. Существенно способствовало развитию минских родов в направлении кыпчакизации и их смешение в начале XIII в. с кыпчакизированными кочевниками, рассыпавшимися по степи после разгрома монголами найманов, кара-китаев, миркитов и других племен.

2. В XIII–XIV вв. минцы составили одно из образований Золотой Орды, которое локализовалось по мере распада золотоордынского государства в пределах Белой орды. Минцы участвовали в междоусобной борьбе в Мавераннахре накануне возвышения Тимура. Миграция некоторых минских родов с Мавераннахра на Урал связана с укреплением власти Тимура и начавшейся враждой с Тохтамышем. Оставшиеся на Сырдарье минцы влились в основном в состав узбекского народа.

3. В Приуралье минские роды расселились в западной Башкирии, в соседстве или на одной территории с кайтаями. Это был период, когда шел процесс активной миграции башкирских племен на север и восток Башкирии, в горы. Минцы были захвачены этим движением и передвинулись в район слияния рек Уфы и Демы с Белой. В XV–XVI вв. минские роды заняли весь бассейн р. Демы, ассимилировав в своем составе оставшиеся здесь группы ногайцев.

Разговорный язык юго-западных башкир совпадает с демским (или демско-караидельским) говором южного диалекта башкирского языка.

Таблица 1

№	Род	Подрод и территориально-родовая группа	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Иль-куль-мин (Ил-кул-мең); другое название Илькей-мин (Илкэй-мең)	Азнай-иль-куль-мин (Азнай-ил-кул-мең); другое название Азнай-мин (Азнай-мең)	 Ворота (капка)
			 Кожаная петля на поясе для ношения топора (шәлдәу)
			 Ребро собаки (эт кабырғасы)
		Кункас-иль-куль-мин (Кункас-ил-кул-мең); другое название Кункас-илькей-мин (Кункас-илкэй-мең)	 Ворота (капка); дом-тамга (йорт-тамга)
			 Гусиные лапки (казаяк)
		Илчекей-иль-куль-мин (Илсекэй-ил-кул-мең); другое название Илчекей-мин (Илсекэй-мең)	 Ворота (капка)
2	Кырк-уйле-мин (Кырк-өйлө-мең)		 Гусиные лапки (казаяк)
			 Мотушка (кәләп)
			 Молоток (балға)
3	Куль-иль-мин (Кул-ил-мең)		 Гребенка (тарак)
			 Вороб (кәләп)
4	Суби-мин (Сыбы-мең)	Яик-суби-мин (Яйык-сыбы-мең); другое название Яиксы-мин (Яйыксы-мең)	
			 Окно (тәзрә)
			 Ребро (кабырға)
		Суби-мин (Сыбы-мең)	 Ребро (кабырға)
			
			 Вилы (сәнәк)
		Дистан-суби-мин (Дистан-сыбы-мең); другое название Дистан-мин (Дистан-мең)	

Таблица 1 (окончание)

№	Род	Подрод и территориально-родовая группа	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
5	Уршак-мин (Өршәк-мең)		 Вороб (кәләп)
6	Миркит-мин (Мөркет-мең)		 Молоток (сүкеш)
7	Кубоу-мин (Кыбау-мең)	Асылы-кубоу (Асылы-кыбау)	 Окно (тәзрә); подхвостник (койошкан)
		Мелекес-кубоу (Мәләкәс-кыбау)	 Топор (балға)
8	Мин (Мең, Меңләр)		 Окно (тәзрә)
9	Сарылы-мин (Сарылы-мең); другое название Сарат-мин (Сарат-мең)		

Таблица 2

№	Тамга	Распространение тамги	Вариации
1	 	Иль-куль-мин (преобладает в подроде Кункас), Куль-иль-мин, Суби-мин (подроды Суби и Дистан), Уршак-мин, Кубоу-мин и Мин	
2		Суби-мин (подрод Яик-суби); единичные экз. — в древних минских родах	
3		Иль-куль-мин (подрод Кункас), Кырк-уйле-мин, Куль-иль-мин, Уршак-мин	
4	 	Мин; несколько экз. у Кырк-уйле-мин Кубоу-мин, Мин	

ГЛАВА VII

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ БАШКИРЫ

ИКСКИЕ БАШКИРЫ

Долина р. Ик — издревле заселенный район. В середине I тыс. н. э. на ее берегах, особенно в лесных районах среднего и нижнего течения, обитали финно-угорские племена волжско-камского этнического мира. Но сюда очень рано нашли пути и кочевники с юга. Во второй половине и конце I тыс. н. э. поблизости от бассейна Ика находились районы расселения угров-мадяр и волжских булгар. Икская долина стала родиной, по крайней мере, части тех тюркских кочевников, которые составили вместе с булгаро-угорскими племенами основу древнебашкирского этноса. В верховьях Ика, в районе водораздела приуральских рек, находились те «ворота», через которые уже по давней традиции вливались в Приуралье новые волны пришельцев с юга. Позднее, в XIII–XIV вв., через икскую долину лежал путь многих племен на р. Белую и далее на восток и север. С образованием Казанского ханства, когда достаточно четко определились этнические пределы башкирского Приуралья и татарского Волго-Камья, р. Ик на всем протяжении стала постепенно приобретать значение этнографической границы между Башкирией и Татарией, хотя башкиры еще долго продолжали жить значительно западнее реки. Начиная с XVI в. по Бугульминской возвышенности, где некогда шли караванные пути торговцев из России и Булгар в Среднюю Азию, проходила знаменитая Казанская дорога (затем тракт), которой суждено было стать одним из основных миграционных каналов с запада на восток. По ней в Приуралье, прежде всего в икскую долину, в XVI–XIX вв. потянулись новые «караваны» — караваны русских, татарских, чувашских, марийских, мордовских крестьян-переселенцев, мечтавших на привольных, по слухам, башкирских землях скрыться от феодально-крепостнического гнета.

В этническом составе башкир долины р. Ик сохранились следы многих страниц предшествующей, более чем тысячелетней истории. Но анализ этого материала чрезвычайно труден. Свидетельства различных эпох настолько смешаны в этом районе, что на основании только историко-этнографических материалов многие из них невозможно дифференцировать хронологически и этнически. Сбор этнографического материала осложняется еще тем, что башкиро-татарское смешение здесь в XIX–XX вв. достигло уровня, когда переходы между национальностями зачастую не улавливаются. Поэтому при изучении этнического состава икских и вообще всех северо-западных башкир в разработанные нами таблицы включены в подавляющем большинстве случаев только те этнонимы и тамги, которые удалось подтвердить архивными источниками XVIII в., когда различия между башкирами и татарами в долине Ика были еще достаточно четкими.

Этнический состав и история расселения

В XVII–XIX вв. основными жителями долины р. Ик были племена буляр, юрми, байлар, ирэкте (табл. 1). Источники XVIII в. (гл. II, табл. 2) фиксируют на Ике волости Кыпчакскую, Тамьянскую, Тангаурскую, Бурзянскую, Табынскую, Курпеч-Табынскую, Сырянскую и др., но к концу XVIII в. остатки этих родоплеменных групп ушли в пределы основных племенных вотчин на Урале или растворились в составе икских башкир.

Племя *буляр* включает два рода — мышыга и кадыр, сейчас полностью забытые. Полевыми материалами подтверждается древность рода мышыга. Род кадыр относится к числу образований, возникших лишь в XVIII–XIX вв. вследствие выделения части булярцев в самостоятельную земельную вотчину. Аналогичное происхождение имели в северо-западной Башкирии многие «роды», однако в одних случаях они наследовали старинные родоплеменные этнонимы (например мышыга), в других — создавали новые.

Племя *байлар* включает три рода: сураш, салагуш, калмаш. Существование двух первых родов подтверждается как источниками XVIII в. (в формах «Салагушева тюба», «Чураева» или «Чурашева»¹ тюба), так и полевым материалом. Калмаш, судя по очень широкой распространенности, также древнее название, но в земельных актах XVIII в. по Байларской волости этот этноним обнаружить не удалось.

Племена байлар и буляр расселены на р. Ик смежно, однако центром байларского расселения в прошлом была р. Мензеля (карта 13).

¹ В списках земельных дач С. И. Руденко транскрипция этнонима иная: «Тураева дача» (Руденко, 1955, стр. 58).

В начале XX в. здесь были деревни Верхний Байлар, Подгорный Байлар, Старый и Новый Байлар, Горный Байлар и др. (Ахмаров, 1908, стр. 340–344). Некоторые из этих названий сохранились и сейчас. Часть байларцев рода салагуш расселялась по правобережью Камы, в низовьях р. Иж и «по другим речкам» (МИБ, 1936, стр. 137). Байларские земли на западе достигали Степного Зая, где еще в XIX в. были байларские аулы. Булярские поселения, напротив, от икской долины вытягиваются на восток до среднего течения р. Сюнь. Большая группа байларцев расселяется южнее, в верховьях Ика.

Племя *юрми* родового деления не имеет. Оно компактно расселяется по среднему течению р. Ик, однако юрмийцы отлично помнят, что их старые родоплеменные вотчины находились на левом берегу реки. Это же подчеркивается и в исторических сказаниях: «р. Ик была границей, к западу от которой жили юрмийцы, а к востоку — ногайцы; через реку они стреляли друг в друга из луков»². Некоторые правобережные аулы еще в конце XIX в. хоронили своих умерших на кладбищах, которые находились на левом берегу. Далеко на левобережье, например, находилось кладбище древнего юрмийского аула Урманай (Юрманай). К западу от реки юрмийцы были соседями юрматынцев (или жили с ними на одной территории по рекам Степной Зай и Шешма) и, как сказано в гл. IV, в XIII–XIV вв. сдвинулись к Ику. В юрмийских сказаниях настойчиво повторяется мысль, что на р. Ик юрмийцы жили рядом с катаяцами, которым тогда (XIII–XIV вв.) эти земли принадлежали. Это полностью соответствует картине средневековой истории катаяцев, воссозданной нами выше. В тех же преданиях юрмийцы рассказывают, что многие из их предков ушли вместе или вслед за катаяцами на север и восток, «за Белую». Широкая распространенность на путях предполагаемого движения и на территориях расселения юрмийцев топонимов с элементом *юрми* заставляет с доверием отнестись и к этому сюжету³. Таким образом, те юрмийцы, которые вместе с юрматынцами не ушли на Южный Урал, попали в зону катая-

² Полевые записи 1960 г., стр. 24.

³ Приведем некоторые примеры. Гидронимы: в бассейне Ика речка *Юрмат* — левый приток реки в ее верховьях; речка *Юрмый* — приток Усени, впадающей в Ик южнее основного района юрмийского расселения; речки *Юрма-килер* («килер» от башк. *килеу* ‘приходить’, ‘являться’) и *Юрмиаз* в Бирском уезде (Игнатъев, 1881, стр. 127); реки *Юрюзань* (ср. *Юрми-үзән*) и *Юрмаш* — левые притоки р. Уфы в ее среднем и нижнем течении. Оронимы: гора *Юрми-тау* и хребет *Юрмый-тау* — на Южном Урале. Микротопонимы и ойконимы: *Юрмиаз* (ср. *Юрми-аяз* ‘Поле юрми’) — в Татышлинском районе БАССР, деревни *Юрми* в Ичкииланской волости в XVIII в. (МИБ, 1955, стр. 302) и *Юрмин* в Дюртюлинском районе БАССР и т. д.

ской миграции. В процессе этих событий юрмийцы вновь разделились: многие из них небольшими группами в общем потоке переселенческого движения направились на север и северо-восток Башкирии; небольшая часть сконцентрировалась на территории по р. Ик, где сохранила компактное расселение и племенную форму организации.

Башкиры племени *ирэкте* являются, как сказано выше, потомками восточных (кара-табынских) и западных табынцев, переселившихся в XV — начале XVI в. на границы Казанского ханства, где они поступили на службу к хану. Это подтверждается ирэктинскими шежере⁴. Родоначальниками ирэктинцев считаются Майкы-бий и его потомок Кара-табын-бий (БШ, стр. 165). При сыне Кара-табын-бия *Чулман-бие* предки ирэктинских башкир переселились с долины р. Миасс на берега Камы (*Чулман*) или Ика. Как генеалогиями (в расчете на число поколений), так и преданиями без существенных расхождений устанавливается дата переселения: конец XV — начало XVI в.: В ирэктинских шежере имеются сюжеты, раскрывающие некоторые интересные страницы их собственной этнической истории. Одним из предков ирэктинцев был Ахмат-Шайех-бий (или Шайех-Ахмат-бий), который являлся вождем рода в период его расселения на Ике. В шежере имеется любопытная запись: «Ахмат-Шайех-бий имел другое имя — Ирэкте». Каким образом этноним табын (или кара-табын) после переселения на запад, к границам Казанского ханства, мог замениться другим — ирэкте? Это было связано со службой башкир казанскому хану. В недавно найденном ярлыке казанского хана термин *ирэк* употребляется в значении «крепость», «укрепленное место», «кремль» (Госманов, Мөхәммәдъяров, Степанов, 1965, стр. 148). Следовательно, ирэкте (*ирэкте*, *ирэктеләр*) означало «несущие службу в крепости» или «обязанные оборонять крепость (кремль)». Подтверждается такое заключение старинной копией с грамоты 1523 г., которая была выдана казанским ханом Сахиб-Гирем Шейх-Ахмеду-тархану, его семи товарищам и «близким огланам». Шейх-Ахмед, его товарищи и родичи наделялись казанским ханом землей и «тарханским званием» (Юсупов, 1960, стр. 24). Очевидно, Шайех-Ахмат-бий (или Ахмат-Шайех-бий) из ирэктинской генеалогии

⁴ Известны три ирэктинских шежере. Одно из них обнаружено в 1956 г. в Еркееевском районе БАССР научными сотрудниками ИИЯЛ БФАН СССР Б. Г. Калимуллиным и Т. Г. Баишевым и частично опубликовано Г. В. Юсуповым (1960, стр. 24–25). Второе шежере в 1955 г. скопировано нами во время полевых работ в Альшеевском районе (Полевые записи 1955 г., стр. 74–75). Третье — самое подробное и ценное — дважды записано в пересказе информаторов в Татышлинском районе БАССР в 1959 г., а позже, по нашей просьбе, полностью скопировано со старой рукописи в д. Верхне-Кудашево того же района местным учителем. Копия хранится в ИИЯЛ БФАН СССР.

и Шайех-Ахмед-тархан из ханской грамоты — одно и то же лицо. Казанский хан жаловал тарханные права и привилегии тем башкирским биям, которые вместе с «огланами» и «товарищами» шли к нему на службу. Отношения Казанского ханства и башкир не исчерпывались, таким образом, формулой «господства» и «подчинения», как это рисуется в некоторых исторических сочинениях. Это была сложная феодальная система вассальной зависимости с предоставлением земельных вотчин, тарханных привилегий, но с одновременной обязанностью вассала нести военную службу. На такой службе у сюзерена — казанского хана и находились кара-табынец Шейех-Ахмат-бий (тархан), его «товарищи» и «огланы», которые в соответствии с новым положением получили новое «родовое» название *ирэкте*. С падением Казани и присоединением Башкирии к Русскому государству ирэктинцы, которые были чужаками в икской долине, к тому же очень обжитой и плотно населенной, ищут новые земли и большей частью уходят «за Белую», на лесное правобережье Быстрого Таныпа (карты 13, 14). Переселение произошло в конце XVI в. На Таныпе ирэктинские башкиры, боевые традиции которых были еще свежи, сильно потеснили племя таз, заняв в основном его территорию. Позднее ирэктинцы «идеологически обосновали» захват земель сказаниями с обычным в таких случаях сюжетом о женитьбе ирэктинских батыров на дочерях Таз-баба, за которыми в приданое они получили обширные земли⁵. В XVI или XVII в. ирэктинцы закрепили занятые на севере земли получением жалованных

⁵ Ниже приводится одно из преданий: «Наш предок Исэн-баба (*Исэн-баба*) был охотником на р. Ик. Он часто ходил с сыновьями охотиться на Танып, так как там охота была богатой. Однажды в лесу Исэн-баба встретил аксакала племени таз Таз-баба и подружился с ним. Таз-баба пригласил Исэн-баба навсегда поселиться на Таныпе и вместе с ним охотиться, ловить рыбу. Исэн-баба так и сделал, а его сыновья женились на дочерях Таз-баба. Таз-баба из бескрайних земель своих, покрытых густым лесом, обильных животными и дичью, отдал ирэктинцам в приданное большую вотчину» (Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 2–6). В других вариантах предание имеет продолжение: «Исэн-баба ходил в Москву [или в Казань] к великому Белому бию, отвез ему подарки — кадушку меда и лыжи, обитые бобровым мехом, и получил грамоту на земли» (Там же, стр. 17, 28). Из сведений, приведенных в преданиях, документально подтверждаются переселение ирэктинцев с Ика на Танып (еще в начале XVIII в. таныпские ирэктинцы имели «общие вотчины» с соплеменниками на Ике и даже участвовали с ними в оформлении «припускных» договоров; МИБ, 1955, стр. 39) и реальность личности Исэн-баба. Во всех ирэктинских шежере и генеалогиях Исэн-баба представлен потомком легендарного Кара-табын-бия, жившим во второй половине XVI в. Могила Исэн-баба находится в окрестностях дер. Ст. Чукурово Татышлинского р-на и еще во время проведения наших

царских грамот. Судя по историческим сказаниям, ирэктинцам пришлось отстаивать новые вотчины в борьбе не только с тазларами, но и с «пришельцами» с севера, которых предания называют по-разному: сирмеш, мари, ар. Особенно глубокий след в памяти народа оставило «жестокое нашествие марийских женщин» (*мари катын-кызлар яуы усал яу булган* ⁶). С длительной и упорной борьбой башкир с местными племенами и «нашествием» пришельцев, с «войной с черемисами и арами» связывают исторические сказания северных ирэктинцев многие микротопонимические названия: *кала-урын* — городище или укрепленное место на возвышенности берега речки Сикашта; в том же районе и в тех же значениях *кала-тау*, *Ирэк-тау*; в окрестностях дер. Верхне-Кудашево *Тимерсе болон* — «Поляна кузнеца», где «деды ирэктинцев ковали оружие», *Урман-ятык* — «Лесное убежище», где прятались во время набегов женщины и дети, и т. п. ⁷

Сведений о численности икских башкир нет. Бургомистр Юхнев зафиксировал дворовое число и «годных к службе» башкир лишь в «Юрминской» и «Балярской» (Байларской) волостях: в начале XVIII в. (в соответствии с названной выше методикой расчета) юрмийцев было около 6 тыс., байларцев — 9 тыс. человек. Ирэктинцы на р. Ик ни в одном списке XVIII в. не упоминаются; на Осинской дороге (т. е. на Таныпе) в 1775 г., по данным графа Панина, их насчитывалось 352 двора (гл. II, табл. 7). Булярцев на Ике по списку П. И. Рычкова в середине XVIII в. был 231 двор, однако сведения Панина и Рычкова явно заниженные. Впрочем, в XVIII в. посредством дворового учета установить численность башкир в икских волостях было чрезвычайно трудно, так как, по словам Юхнева, «кроме башкир, в них живут татары, мари, чуваши» (МИБ, 1955, стр. 489).

Представленный выше анализ истории расселения икских башкир помогает понять их внутреннюю структуру и особенности икской микроразноимии. В северо-западной Башкирии вообще и в икском бассейне в особенности родовые подразделения в социальном смысле мало чем напоминали аналогичные организации восточных башкир. Собственно, на западе родовых подразделений в XVIII–XIX вв. уже не было; они распались здесь так же, как исчезли родоплеменные вотчины. Формально родовые вотчины кое-где продолжали существовать, но фактически некогда единые племенные или родовые земли были разделены на

полевых работ содержалась в порядке и была объектом паломничества ирэктинских стариков (Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 6–7).

⁶ Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 3–4 и др. Предание, которое пока не поддается историко-этнографической интерпретации, бытует в многочисленных вариантах и на большой территории севера Башкирии.

⁷ Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 4–5, 14–16, 25.

множество частей. Основой сельской общины был хозяйственный аул с прилегающими землями. В пределах аула-общины быстро формировалось посемейное владение наделами (повытьями), которое с введением в Башкирии ревизского учета (с 1833 г., VIII ревизия) перерастало в периодические переделы общинных земель по «ревизским» душам. В этих условиях всякая связь патронимии с системой землепользования терялась (тогда как в районах устойчивого сохранения полукочевого скотоводства члены родового подразделения продолжали совместно эксплуатировать часть родовой вотчины). В некоторых уголках северо-запада (особенно на севере, в лесных районах) еще существовало сознание принадлежности к мелкой родственной группе с особым названием, тамгой, традицией взаимопомощи, обособленным расселением и т. д., но оно сохранялось исключительно силой инерции. Значение этих пережиточных организаций находилось в сфере общественных взаимоотношений в пределах микромира одного аула; никакой роли в экономической жизни общества они уже не играли.

И все же наименования, которые в икских деревнях имели группы родственных семей или просто часть аула, представляют интерес. Они примечательны прежде всего тем, что в большинстве случаев указывают на этническую смешанность деревень в XVIII–XIX вв. Из 50 названий, зафиксированных нами по всем четырем икским племенам, 35 — этнические (точнее социально-этнические) или родоплеменные, в том числе *башкорт* или *асаба* в значении «вотчинники» (9), *типтәр* в значении «малоземельные» (8), *казан халкы*, *казанлар*, *казан кеше-се* (8) — ‘казанские люди’, ‘казанцы’, ‘казанский человек’ — также обычно с подразумеваемым смыслом: малоземельные или безземельные. Многие деревни так и подразделялись на три части: башкир или вотчинников, типтярей и казанских людей. Это членение было довольно устойчивым, так как между указанными группами различия в размере земельного душевого надела сохранялись вплоть до XX в. Например, в юрмийской деревне Суяндуково душевой надел у башкир в конце XIX в. был около 40 десятин, у типтярей — 10–12, у казанских людей — 1–1,5 десятины⁸. Другими словами, в икской долине этническое определение приобретало одновременно и социальный оттенок и становилось, если правомерна такая формулировка, этносоциальным определением. Царизм и классовая верхушка башкирского общества использовали эту особенность, всячески подчеркивая «социальные» (в данном случае — земельные) различия между этническими группами и тем самым затушевывая глубокие классовые градации и социальные противоречия внутри этих групп. Впрочем, переход из одной этнической (или этносоциальной) группы в другую был вполне возможен

⁸ Полевые записи 1960 г., стр. 57–58.

и зависел от изменения размеров земельного надела. Можно было бы привести многочисленные факты, показывающие, как богатые типтяри или мишари, увеличивая тем или иным путем свой надел, становились «башкирами». Так, в ирэктинской деревне Мялля-Тамак башкиры делятся на «настоящих», ирэктинских, и тех, которые 100–150 лет назад «стали башкирами, приобретя земли» (*жир алып башкорпт булып киткәннар*)⁹. В то же время немало башкир, потерявших земли или не получивших наделы (в последнем случае так называемые «новорожденные», т. е. родившиеся после ревизского учета и передела земель), становились «типтярями». Таков был механизм этнического смешения населения икского бассейна в XVIII–XIX вв., который обусловил неопределенность этнического содержания этнонимов башкир и типтяр. Подчеркивая смешанность икского населения и особенно возрастающую с XVII–XVIII вв. тенденцию башкиро-татарской взаимной ассимиляции, мы не склонны приуменьшать и противоположное значение этих процессов. Различия в системе землепользования и в размерах наделов башкир, типтярей и татар были до поры до времени сдерживающим фактором на пути окончательного смешения этих родственных народов. Именно эту сторону процесса отражает тот факт, что различные части икских аулов имели этнические названия.

Тамги икских башкир, разнообразные по типам, являются исключительно семейными и отражают не только этническую смешанность населения, но и глубокие процессы социальной дифференциации. По четырем икским племенам собрано 145 тамг, которые группируются более чем в 10 типов. Однако через мозаику тамг достаточно ясно просматриваются основные фигуры древних племенных тамг. Из 145 тамг пять типов, показанных на табл. 2, составляют 120. Оригинальной на Ике является лишь тамга племени буляр (№ 1). Остальные (№ 2, 3, 4, 5) мы видели у тех или других восточных племен. Но как раз этим они интересны. Среди юрмийцев преобладает тамга № 3, совершенно аналогичная одной из юрматынских тамг (см. гл. IV, табл. 2, № 2). Это еще один и весьма существенный аргумент в пользу юрматыно-юрмийского этнического родства. Ирэктинцам, как и следовало ожидать, хорошо известна кара-табынская тамга (№ 4). Однако их у ирэктинцев сравнительно немного. Очевидно, кара-табынцы составили лишь небольшую верхушку, ядро ирэктинцев, вокруг которого сплотились этнически разнородные группы. В ирэктинской деревне Мялля-Тамак из 300 (примерно) семей кара-табынская тамга лишь у 60; старики здесь убеждены, что тамга-кольцо (или ковш) принадлежит «настоящим» ирэктинцам, «пришедшим с Миасса». Ирэктинцам известны и некоторые западнотабынские тамги. У племени байлар тамга в основном

⁹ Там же, стр. 50.

начертании и в вариациях тождественна с усерганской (№ 2). Напомним, что название одного из байларских родов — сураш — повторяет этноним усерганского рода.

Из других типов икских тамг укажем, как на наиболее распространенные, катаяскую (№ 5) и кара-кыпчакскую (две черты); вариации последней ничем не отличаются от приведенных в предшествующих главах (см. гл. IV, табл. 2, № 1). Распространенность катаяских и кыпчакских тамг среди икских племен отражает этническую историю XIII–XIV вв., когда после длительного пребывания на Бугульминской возвышенности катаяские роды направились в центральную и северо-восточную Башкирию, а кыпчаки локализовались в западных и юго-восточных районах.

Этническая история племен буляр и байлар

Племя буляр. Рассматривая этническую историю племени буляр, важно убедиться в идентичности этнонима *булар* с названием одного из городов и крупного племени Волжской Булгарии — *Билер*, *Биляр*. Это тем более необходимо, что в восточных и западных средневековых источниках под билерами подразумеваются вообще волжские булгары. *Биларами* называет булгар Абу-л-Фида (Хвольсон, 1869, стр. 711), *билерами* — Плано-Карпини (ПВС, стр. 47, 57); так же назывались, согласно сообщению венгерского Анонима, выходцы из Волжской Булгарии в средневековой Венгрии — *bileres* (Эрдели, 1967, стр. 177). Тождественность и взаимозаменяемость этнонимов *буляр* и *биляр* доказываются как историческими источниками, так и лингвистическими исследованиями¹⁰. Н. И. Ашмарин обратил внимание на то, что в китайских источниках столица волжских булгар упоминалась под именем *Buliarh*. Название же чувашской керемети Полярда Н. И. Ашмарин рассматривал как местное и обновленное произношение древнего *поляр* — *пүлер* — *биляр* (Ашмарин, 1902, стр. 19). В связи с этим Н. В. Денисов приходит к заключению, что в г. Биляре находилась какая-то языческая святыня, почитаемая предками чувашей (Денисов, 1957, стр. 82). Еще до Н. И. Ашмарина с аргументацией идентичности этнонимов билер и буляр выступил Н. И. Золотницкий, который распространил свои доказательства и на собственно булгарский этноним. В этимологизации слова булгар Н. И. Золотницкий исходил из формы билер¹¹. Этноним

¹⁰ Взаимозаменяемость указанных форм косвенно подтверждается уже тем, что башкирские *буляр*'ы иногда называли себя *биляр*'ами (*билэр* — Полевые записи 1963 г., стр. 46), хотя при этом надо учитывать, что произношение архаичного варианта (билер) остается неизвестным (*билэр*, *билер*, *биляр*, *бигер*?).

¹¹ Бигер — так называли татар удмурты (*Тепляшина*, 1970, стр. 184).

бигер (или *бийгер*), по Н. И. Золотницкому, состоит из татаро-булгарского *бийик* ‘большой, главный, великий’ и *әр* — *ер, ерь*, тат. *ирь* — ‘земля, страна’; таким образом, в древности этноним имел форму *бийй-әр* или *бийуг-ар* ‘великая страна’. Далее Н. И. Золотницкий пишет: «Последующими, по закону развития звуков, изменениями в названии страны должны были быть тонкозвучное *Билиг-әр*, *Бульг-әр*, а по народному выговору (чувашско-булгарскому) за выпуском гортанного *г* — *Бил-әр*, *Буләр*; толстозвучное *Булгар*, народное *Бул-ар*» (1884, стр. 47). В данном случае нас интересует не сама этимологизация слова булгар; в литературе, как обычно бывает в таких сложных проблемах, существует немало других вариантов. Главный и важный для нас момент в доказательствах Н. И. Золотницкого, так же как и в цитированных фрагментах Н. И. Ашмарина, — взаимосвязанность и взаимозаменяемость ряда *булгар* — *буляр* — *билер*. Следовательно, этноним башкирского племени буляр имеет булгарское происхождение.

Впервые мысль об этническом родстве икских буярьцев с «древними булгарами» высказал Г. Н. Ахмаров (1908, стр. 361). Он опирался при этом на установленную Н. И. Ашмариным тождественность этнонимов буляр и биляр и на исторические сказания, которые им упомянуты, но, к сожалению, не опубликованы. В нашем распоряжении имеется копия старинного буярьского шежере, озаглавленного «Предки буярьского юрта» (*Бүләр йортоңың бабалары*)¹². Родословная начинается с Буярь-хана — потомка некоего Динис Бикбрача «из народа буляр». Бикбрач жил «на берегу реки Буляр», которая, по представлению составителей шежере, находится «в стороне Степного Зая и Шешмы». Содержание (к сожалению, не текст) еще одного буярьского сказания передает Д. Н. Соколов, который указывает, что икские башкиры «считают себя переселенцами с древнего Булгара» (Соколов, 1904, стр. 3). Переселение буярьцев и других булгарских групп описано в «Дафтар-и Чингиз-наме» — анонимной рукописи XVI в. В рукописи идет речь о миграциях булгарского населения, вызванных событиями в Золотой Орде в конце XIV в. После разгрома г. Биляра, рассказывает Аноним, часть населения перебралась на правобережье Волги, часть — ушла в устье р. Зая (Усманов, 1972, стр. 113, 176). Если связать все эти разрозненные сведения, икские буярьцы являются потомками той части билярских жителей, которая бежала в прикамские леса, в низовья Зая, а оттуда на Ик и Сюнь.

Время переселения буярьцев и события, которыми оно сопровождалось, указывают на одновременность миграции буярьских и юрмийских групп. На Ике племена буляр и юрми расселялись смежно; лишь пришедшие позднее ирэктинцы вклинились между ними. В предшест-

¹² Хранится в рукописном фонде ИИЯЛ БФАН СССР.

вующую эпоху, как показано в гл. IV, юрматынцы также обитали на западе в долинах рек Зай и Шешма. Следовательно, в Волжской Булгарии предки булярцев, юрмийцев (и соответственно юрматынцев, кесе и др.) входили в единое этнополитическое образование. Об этом, кроме приведенных, соображений, свидетельствуют некоторые моменты из ранней истории буляров-билеров. Анонимный летописец венгерского короля Белы (Notariy Bela), живший, вероятно, на рубеже XII–XIII вв., пишет, опираясь на более ранние, не дошедшие до нас хроники, что в 819 г. Угск, один из «знатных вождей Скифии», «взял в жены в Дентумогере дочь вождя Эунедубелиана по имени Эмешу» (Эрдели, 1967, стр. 174). Венгерский исследователь Д. Дьёрффи считает, что имя *Эунедубелиан* является сочетанием трех родовых имен: *ене* (башк. *еней*) + *дула*¹³ + *белар* (бияр). Такая трактовка сложного антропонима была принята многими исследователями (Генинг, 1967, стр. 77; Эрдели, 1967, стр. 180). Д. Дьёрффи далее полагает (в этом, однако, далеко не все согласны с ним), что «Дентумогер» является древним названием прародины венгров на Волге и в Приуралье (Győrffy, 1948, стр. 15–16). В данном случае неважно, к какой территории правильнее привязать эти три этнонима: к «Дентумогеру» на Волге или Северном Кавказе. Принципиальное значение имеет другое: сложный антропоним, сочетающий три этнонима, указывает на то, что предки *белар'ов* (или *бияр'ов*), так же как и их северных соседей *еней'цев*, входили в этнический мир булгаро-угорских племен, активное взаимодействие которых в VIII–IX вв. можно считать твердо установленным.

По сообщению того же Notariy Bela, около 970 г. в Венгрию пришла группа волжских булгар-мусульман во главе с братьями Билла и Боксу; несколько позже на Дунай переселилась другая группа *bileres* под начальством Хесена (Эрдели, 1967, стр., 176). По мнению Д. Хвольсона, переселение билеров в Венгрию было «следствием страшного набега руссов при Святославе в 968 г. на страны Болгар и Хазар» (1869, стр. 712). Конечно, события, на которые указывает Д. Хвольсон, действительно могли иметь значение в передвижениях населения Волжской Булгарии, однако возникает вопрос, почему билеры выбрали именно Паннонию — очень далекую страну, путь в которую был нелегок и, учитывая обстановку той эпохи в южнорусских степях, небезопасен? Ответ надо искать в событиях, которые имели место, по крайней мере, за 150–200 лет до описываемых: в булгаро-угорских контактах и в миграции на запад на «Ателькузу» и далее в Паннонию вместе с мадьярскими племенами тюрко-булгарской группы, оставшиеся части которых

¹³ Ене, дула (jenő, gyula) — древневенгерские племена (Németh, 1966); *еней* — западнобашкирское племя (см. стр. 326).

впоследствии явились существенным компонентом в сложении этнической основы башкир. Таким образом, в X в. билеры бежали в Паннонию к сородичам, и благодаря Константину Багрянородному нам хорошо известны названия двух родственных им «венгерских» племен *д'ярмат* (*юрматы*) и *ене* (*еней*). Недавнее исследование Д. Немета показало, что в Венгрии находились и другие группы переселенцев с Приуралья.

Таким образом, башкиры-буляры не только этнически восходят к волжским булгарам, но, будучи тесно связаны с другими башкирскими образованиями той эпохи (*юрматы*, *юрми*, *еней*), они принадлежали, вероятно, к той части населения Булгарского государства, которая прошла этап этнического взаимодействия с древнемагьярскими племенами.

П л е м я б а й л а р . В прошлых работах племя байлар мы вслед за С. И. Руденко (1955, стр. 329) отнесли по происхождению к болгарским образованиям (ОИБ, 1956, стр. 32; Кузеев, 1960, стр. 64). Однако это заключение, повторенное, к сожалению, другими исследователями, оказалось неточным. Этноним *байлар* известен далеко за пределами Приуралья. Кроме башкир, он зарегистрирован в составе казахского племени кунграт Старшего Жуза (Семенюк, Моржанов, 1961, стр. 185), зеравшанских узбеков (Гребенкин, 1872, стр. 90), а также в форме *байлы* — среди кочевых узбеков XV в. Этот же этноним в форме *байдар* был известен монголам в XVII в. (Лебедева, 1958, стр. 222) и крымским татарам (Навширванов, 1929, стр. 83). Еще более широко распространены среди тюркских народов этнонимы, включающие элемент *бай*: *бай* (уйгуры); *байбакты*, *бай-киргиз-аргын* (казахи); *байандур* (туркмены); *байулы* (башкиры, казахи); *байтопи* (узбеки) и т. д. Этнонимы с основной *бай* встречаются в рунических памятниках и восточных источниках. В малой надписи в честь Кюль-Тегина говорится о походах тюрок на север «вплоть до страны Йир-Байырку» (Малов, 1950, стр. 34). Гардизи упоминает племя *байандур* в составе кимаков. О народе (иль) *байындыр* и племени (уруг) *байат* в числе огузских образований сообщает Абу-л-Гази (Кононов, 1958, стр. 55, 56).

География перечисленных названий показывает, что этнические истоки байларского племени находятся в среде тюрко-монгольских племен в периоды их пребывания в Центральной Азии, на Алтае и массовой миграции на запад, в Среднюю Азию, Казахстан и Восточную Европу. Ряд исследователей этноним байандур — байдар генетически связывает с монгольским племенем баяут (или байат), подробно описанным Рашид ад-дином (1952, I, стр. 78, 150; II, стр. 10, 87). Обоснованность этих сопоставлений подтверждается присутствием этнонима байдар в родоплеменной этнонимии позднесредневековых монголов. Если эта гипотеза правомерна, речь безусловно идет о ранних тюрко-монгольских контактах.

Не исключена возможность и древнейших связей предков байларцев с самодийскими племенами Южной Сибири и Северного Алтая. К такому выводу пришел В. Ф. Генинг на основе анализа этнонимии сибирских народов, среди которых названия с элементом *бай* распространены не менее широко, чем у тюрков. Вслед за Б. О. Долгих В. Ф. Генинг полагает, что *бай* было «древнейшим самоназванием энцев» (Генинг, 1967, стр. 70). В I тыс. до н. э. названием одной из групп народа динлинов было «Бай-ди» (Бичурин, 1950, I, стр. 43). Этноним бай-ди, по мнению Г. М. Василевича (1946, стр. 44) и В. Ф. Генинга (1967, стр. 71), образовался в результате скрещения в Алтайском регионе центрально-азиатской группы *ди* с местной, очевидно самодийской, группой *бай*. Общее развитие древней истории тюрков и их взаимодействие с южносибирскими и североалтайскими народами заставляет признать эту гипотезу вероятной. В этом случае происхождение этнонима байлар (бай-ди — байдар — байлар) восходит к сложной монголо-тюрко-самодийской смешанной этнической среде конца I тыс. до н. э.

В Среднюю Азию и степи Казахстана группы байлар попали будучи органической частью тюркских образований. Предки башкирских байларцев находились в составе или этническом окружении племени усерган и прошли вместе с ним все этапы его истории и расселения. В этом плане важными аргументами являются основная байларская тамга (табл. 2, № 2), совершенно идентичная усерганской, и наличие в составе племени байлар усерганского по происхождению рода *сураш*. Род сураш в период переселения племени усерган с Бугульминской возвышенности на Южный Урал разделился: часть сурашевцев осталась в составе родственных байларцев и позднее передвинулась в низовья Ика, остальные ушли в присакмарские степи. Небольшие же группы байларцев переселились на Южный Урал: подразделение или род бай, байлар отмечались в составе юго-восточных башкир, в частности — тангауров (Мирасов, 1924, стр. 23). Основная часть байларцев навсегда осталась в долине Ика.

Нарисованная картина этнической истории племени байлар не противоречит и собственным преданиям байларцев. Предками их, согласно генеалогиям, являются Салман-баба, Сабир-баба и Сынян-баба¹⁴. Последнее имя может быть истолковано как свидетельство былых этнических или исторических связей племен байлар и сынян. Первоначально байларцы жили в верховьях Демы и Ика, т. е. в районе основного расселения усерган, бурзян, сынян, тангаур и других древнебашкирских племен. В это время бием байларцев был Дэрбэш — антропоним, ко-

¹⁴ Научный отчет фольклорно-этнографической экспедиции ИИЯЛ БФАН СССР в 1964 г. в Бугульминский и Мензелинский районы ТАССР, стр. 38 (хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

торый часто повторяется в башкирских генеалогиях, в том числе в шегере юрматынцев. Байларцы на р. Ик являлись, таким образом, частью древних башкирских племен, мигрировавших в конце I тыс. н. э. на Бугульминскую возвышенность и вступивших в активный контакт с булгаро-угорским и другим местным населением края.

Современная форма этнонима *байлар* является развитием в XV–XVIII вв. под влиянием татарского языка более архаичной и характерной для башкирского языка формы *байдар*. Эта последняя форма племенного названия, кроме родоплеменной этнонимии монголов и крымских татар, отложилась в топонимии и средневековой антропонимии Волго-Камья: языческое чувашское имя Байдар, деревни Байдар, Байдера в Камско-Вятском крае и т. д. (Теплоухов, 1924, стр. 96). Имея в виду ранние контакты и смешение древнебашкирских племен с булгаро-угорским населением Среднего Поволжья, можно предполагать, что распространение этнонима байдар в Волго-Камье произошло в X–XIV вв. через булгарское посредство.

НИЖНЕБЕЛЬСКИЕ И СЕВЕРНЫЕ БАШКИРЫ

Долина нижнего течения р. Белой с впадающими в нее с юга реками Дема, Кармасан, Чермасан, База и Сюнь, с севера — Бирь и Быстрый Танып была в середине и во второй половине I тыс. н. э. зоной контакта различных племен: финно-угорских, сармато-аланских, тюркских. По мере продвижения тюркских племен на север, в речные долины бассейна Камы (Буй, Пизь, Тулва, Сылва), зона этнического смешения расширяется. Но многие этнические процессы, последствия которых мы обнаруживаем сейчас в физическом типе и культуре северных башкир, протекали здесь сравнительно недавно — в XIV–XVI вв. и позднее.

Казанская и Осинская административные дороги, составлявшие основу нижнебельской и северной Башкирии, примыкали к знаменитому пути, проложенному еще новгородцами из внутренних областей России в земли пермские и закамские. Охотничьи тропы в северное Закамье, в Пермь Великую были известны и народам Среднего Поволжья. Небольшими группами они приходили сюда на промысел и нередко навсегда оставались жить в бескрайних и богатых лесах Приуралья. Особенно оживленной дорога в Сибирь стала в XV в.: молодое, набирающее силы Русское государство проводило активную и настойчивую восточную политику. После падения Казани и присоединения Среднего Поволжья и Приуралья к Русскому государству по северному пути с Волги и Вятки двинулась, быстро нарастая, волна колонистов — русских, татарских, марийских, мордовских, чувашских, удмуртских крестьян. Организованная (правительственная) и стихийная колонизация

изменила не только этнографическую карту северо-западной Башкирии. В новом направлении и более быстрыми темпами стало развиваться хозяйство: земледелие и лесные промыслы постепенно отодвигают на второй план традиционные занятия башкир — скотоводство, охоту, бортничество. Все это сопровождается крупными социально-экономическими сдвигами в башкирском обществе.

Наиболее существенным последствием этих процессов, с точки зрения нашей темы, было разрушение родоплеменной системы. Так же как и в икском бассейне, здесь сохранились лишь внешние контуры бывших родоплеменных организаций, которые во многих случаях оказалось возможным восстановить только на основе документальных источников XVIII в.

Этнический состав в XVII–XIX вв.

В составе нижнебельских башкир десять племен: еней, гэрэ, киргиз, елан, ельдяк, канлы, дуваней, каршин, таз, уваныш; северных башкир — пять племен: уран, гайна, балыксы, ун, танып (карта 13). Правильное произношение большинства племенных названий восстановлено в процессе полевых работ, так как источники XVIII в. (в названиях соответствующих волостей), как правило, искаженно передают башкирское звучание этнонимов (вместо гэрэ — гарей, гирей, кайнигари; еней — яней, енелчу; киргиз — циргис; канлы — кайман и т. д.). Название дуваней (в источниках «Дуванейская» волость) является русифицированной формой башкирского дуван. В нескольких случаях племенные названия даны в двух или даже в трех вариантах главным образом потому, что среди самих башкир утрачены воспоминания о первоначальном (или основном) звучании этнонима. Башкиры племени ун обычно называют себя суннарсы (*һунарсы* ‘охотник’ — народная этимология этнонима), хотя в источниках XVIII в. чаще встречаются формы *ун* или *су-ун* (в списке П. И. Рычкова, например, «унларская» и «су-унларская» тюбы). Название суннарсы является позднейшей трансформацией древнего этнонима ун. Переосмыслению значения этнонима способствовало соседство племен кошсы и балыксы, названия которых самими башкирами расшифровываются в значениях ‘птицелов’ и ‘рыболов’. Основное звучание племенных названий ельдяк (или ельдят), уваныш (маныш) восстановить не удалось, поэтому в таблице даны по два варианта их произношения.

Многие родовые названия нижнебельских и северных башкир имеют признаки сравнительно недавнего образования, скорее всего в период окончательного расселения на современной территории в XIII–XVI вв. Из 34 зарегистрированных родовых этнонимов девять включают названия рек (гидротонимы), на берегах которых рассе-

лены или расселялись в прошлом башкиры данной группы: камбарсней (*Камбарка* — правый приток Камы); идель-елан, идель-канлы (*Ак-Изель* — башкирское название р. Белой); уфа-ельдяг; тул-, тур-, мул- и бисер-гайна (по названиям рек Тулва, Тор, Мулянка и Бисерть) и др. Распространенными являются этнонимы, связанные с особенностями географического ландшафта или природных условий занимаемой территории: *урман-гэрэ* ‘лесные гэрэ’, *эске-йылан* ‘внутренние еланцы’; *кыр-йылан* ‘степные еланцы’; соответственно — *кыр-елдэк*, *кыр-канлы*, *кыр-танып* и др. Эти роды в большинстве случаев надо рассматривать не как генетические образования, а как части племен, обособившиеся в процессе расселения, или многосоставные группы, расселившиеся на их территории. В то же время в перечне родовых этнонимов нижебельских и северных башкир немало и древних наименований: *буре* ‘волк’; *карга* ‘ворона’; *йылан* ‘змея’; *тугыз*, *кайпан*, *казанчи*, *байкы* и др. Эти роды не всегда являются генеалогическими ответвлениями тех племен, в состав которых они входили. В условиях этнической смешанности древние этнонимы проявляли повышенную устойчивость как раз в составе или в окружении иноплеменных групп. Род тугыз в составе енейцев, например, является оставшейся в западной Башкирии группой усерганских башкир. Роды кайпан и казанчи с таныпцами были связаны лишь участием во владении общей вотчиной, но не происхождением. Племя танып, в состав которого источники XVIII в. часто включают балыкчинцев, уннарцев и других (Рычков, 1767, стр. 69), является «территориальным» племенем, объединившим различные по происхождению роды таныпской долины и прилегающих земель.

Этнонимов родовых подразделений зарегистрировано 177, в том числе 95 по нижебельским башкирам и 82 — по северным. Названия прежде всего отражают этническую смешанность северо-западных башкир: *башкорт төбәгә* ‘башкирская тюба’¹⁵, татар, типтяр, казанские люди, казанцы, мишар, сирмеш, ар, мари, мукшы. В отличие от восточной Башкирии здесь преобладают этнонимы народов Волго-Камья. В составе гайнинцев, например, четыре подразделения ар (удмурт). По преданиям самих гайнинцев, подразделения *кушык гэрэ* ‘присоединившиеся гэрэ’, нукшы, аримэс, максей составляют башкиризированные потомки удмуртов, которые стали «башкирами», приобретя право участия во владении вотчинными землями¹⁶. Аналогично объясняют происхождение подразделений шэрдэк, юда, кэлтэу таныпцы, с той лишь разницей, что здесь башкирами становятся не только

¹⁵ В этнически смешанных деревнях башкиры селились обычно компактно; такая группа башкир и соответствующая часть поселения получала это название.

¹⁶ Полевые записи 1965 г., стр. 68, 70–71.

удмурты, но и марийцы. Подразделения, носящие названия народов Поволжья и Прикамья, составляют пятую часть всей микроэтнонимии, что является прочным показателем сильной смешанности северо-западных башкир.

Группа этнонимов убедительно иллюстрирует общность этнической основы некоторых северных и нижнебельских племен с восточными башкирами, а во многих случаях и активность былых контактов башкирского населения всех этнографических районов. Усерганский этноним муйтен дважды зафиксирован в составе племени гэрэ, древний юго-восточный этноним тау — у енейцев и еланцев; на юге и юго-востоке имеются параллели названиям туркэй (дважды записано у балыкчинцев), мэнди и др. Особенно часты названия кыпчакского происхождения. В составе еланцев имеются подразделения *күгәрсен* 'голубь', чураш (татаризированная форма от сураш), в составе гайнинцев — кыпчак. С ранним слоем башкирского этноса связан и этноним истяк, зафиксированный у уранцев и дважды — у гайнинцев. В числе уранских аулов имеется и деревня с названием *Истак* (Истяково).

Тамги северных и нижнебельских башкир чрезвычайно разнообразны. Всего нами собрано (преимущественно из архивных источников) около 900 тамг, которые группируются в 20 типов, совершенно, однако, неравнозначных. В табл. 3 показаны наиболее распространенные у нижнебельских и северных племен тамги; там же указано общее количество зарегистрированных по племенам тамг и в скобках — число тамг данного типа. В табл. 4 представлены типичные вариации тамг и указано (округленно) общее их количество. Оказалось, что девять типов наиболее характерных тамг составляют 750 из 900. На остальные 11 типов приходится меньше 150 тамг. Большинство тамг, представленных в табл. 4, нам знакомо по предшествующим разделам, однако мы сочли необходимым специально показать западнобашкирские вариации этих тамг, чтобы на конкретном материале продемонстрировать общность этнической основы северных и нижнебельских башкир с восточными. Среди нижнебельских племен (см. табл. 3) преобладает кыпчакская (точнее кара-кыпчакская) тамга (табл. 4, № 1). В северной Башкирии кыпчакских тамг меньше, но и там они количественно преобладают у уранцев и таныпцев (всего по северной группе племен кыпчакские тамги составляют 45 из 155, т. е. меньше одной трети, а у нижнебельских башкир — 340 из 750, т. е. почти половину). Во всех нижнебельских племенах (за исключением племени каршин) зарегистрированы усерганские тамги (более 110 случаев). Особенно плотно они распространены в низовьях Белой (еней) и на ее южных притоках. Напротив, среди северных племен усерганская тамга почти не встречается.

Тамги № 3 и 4 (в общей сложности 120 случаев) также распространены в основном на нижней Белой, хотя они довольно часто встречаются и у уранцев. Напомним, что тамга № 4 аналогична одной из древнебурзянских тамг, а № 3 характерна для юрматынцев и кыпчаков. Тамга № 5 является, как уже известно, бурзянской и вариацией китайской тамги-балга. В северо-западной Башкирии эти тамги наиболее распространены на путях китайского продвижения на северо-восток, хотя, конечно, это не исключает вероятности участия в этнических процессах на северо-западе и бурзянского компонента. Дуванская тамга (№ 6) известна не только самим дуванцам, но и северным башкирам (уран, гайна), а также каршинцам. Она аналогична одной из старинных тамг племени мин — давних соседей дуванцев на р. Белой. Оригинальные тамги имеют башкиры племен ун (№ 7) и балыксы (№ 9). Унларская тамга внешне напоминает айлинскую, а балыкчинская — одну из юрматынских или бурзянских тамг типа № 8, кстати, тоже известную унларцам. Но глубокая специфика вариационных изменений тамг № 7 и 8, кажется, исключает их близкое родство с айлинскими и юрматыно-бурзянскими тамгами.

В табл. 5 показаны тамги небашкирские по происхождению. Их появление среди башкир связано с миграционной (тюркской и финской) волной с Поволжья и Прикамья. Общее количество зарегистрированных в табл. 5 тамг около 50. Какой-либо закономерности в их распространении заметить, как это видно из таблицы, невозможно. Эти тамги в той или иной степени распространены по всей северной Башкирии и нижнему течению Белой.

Общая численность нижебельских башкир в начале XVIII в., по данным Юхнева, составляла около 50 тыс., северных — около 20 тыс. человек (МИБ, 1949, стр. 484–485). Оценка численности северо-западных башкир по данным Юхнева приближительна, так как уже в то время здесь учет был сильно осложнен постоянным притоком и передвижениями населения. Однако приведенные цифры дают правильное представление о численности нижебельских и северных башкир по отношению к восточным. Вместе с икскими племенами численность северо-западных башкир в XVIII в. составляла около 90–100 тыс. человек, в то время как численность башкирского населения остальной Башкирии приблизилась к 200 тыс. человек. В XIX в. соотношение численности западной и восточной Башкирии коренным образом меняется; численность башкир на западе начинает значительно превышать количество восточных башкир. Основная причина этой необычной демографической ситуации в инкорпорации в состав башкир многочисленных групп татар, типтярей, мишарей, в меньшей степени — удмуртов, мари, чувашей и др. Этот процесс хорошо отложился на показанных выше изменениях в этнонимии родовых подразделений западной Башкирии.

Расселение в XVII–XIX вв.

Территория большинства нижнебельских племен вытянута узкой полосой с юга на север (карта 13). Крайние южные пределы их расселения находятся в верховьях рек Ик, Усень, Сюнь, База, Чермасан, Кармасан, северные — на правобережье Белой, достигая среднего течения Таныпа. Каждое племя, следовательно, располагало вотчинами как в лесной, так и в степной зонах. Наиболее плотно были заселены прибельские низины, особенно левобережье, что отчетливо просматривается на карте. В XVIII в. вся долина Белой, начиная от г. Уфы и до устья, была заселена преимущественно башкирами. Здесь обитали даже те племена, которые позднее мы находим на других территориях. Дуванейцев в XIX в. на Белой осталось лишь несколько деревень, а еще в первой четверти XVIII в. их земли граничили на северо-западе и юге с канлинской вотчиной, на западе, разрезая канлинские земли, были смежными с Кыр-Еланской волостью, на севере — уходили в леса «Осинской дороги на р. Бирь», достигая «межи Таныпской волости» и «межи Сибирской дороги» (МИБ, 1955, стр. 87). К середине XVIII в. дуванейцы растеряли правобережные земли; к концу столетия их почти не осталось и к югу от Белой, где находился основной район их расселения. Юго-западными соседями дуванейцев были каршинцы, которым по жалованным грамотам принадлежали земли по обоим берегам р. Белой до г. Благовещенска. Особенно обширными были земли канлинцев. В XIX в. они жили главным образом на Белой и южнее. В XVIII в. канлинская вотчина глубоко вклинивалась на правобережную территорию, достигая верховьев р. Бирь и среднего течения Таныпа (МИБ, 1955, стр. 49–50). В конце XIX в. на Белой не было также ельдьякских и тазларских поселений, хотя еще в XVII — начале XVIII в. ельдьякские башкиры считались преимущественно прибельскими жителями, а тазларцы — их северными соседями. В начале XVIII в. и те и другие были оттеснены в пританыпские вотчины, но и оттуда ельдьякские башкиры вскоре (в 1711 г.) переселились на восток в долину р. Уфы (МИБ, 1955, стр. 77, 260).

Здесь мы не затрагиваем детально причин, которые вызвали столь значительные изменения в расселении башкир на протяжении вполне обозримого периода. Они связаны с социально-экономической историей народа. Главным моментом в ряду этих причин было расхищение башкирских земель, которое, в отличие от установившихся в башкирской историографии взглядов, проходило в западной и северной Башкирии особенно в грубых формах. Факты расхищения башкирских земель на западе оказались слабо зафиксированными в источниках, так как наиболее крупные захваты здесь были осуществлены уже в XVII в., т. е. в период, по которому сохранилось мало документальных актов. Ис-

точники, относящиеся к началу XVIII в., достаточно ярко рисуют этот процесс. Канлинцы, например, в 1722 г. «продали» почти все правобережные земли за 10 руб. (МИБ, 1949, стр. 87). Многие башкиры были согнаны со своих земель без всякой «продажи», во время жестоких подавлений восстаний. Наибольшее количество земель было потеряно башкирами в результате припуска переселенцев. Большинство нижнебельских деревень в этническом отношении смешанные: башкиро-татарские, башкиро-марийские, башкиро-удмуртские. Информаторы, перечисляя входящие в состав рода деревни, обычно подчеркивали, что «башкирской является только основа аула или его название».

Итак, в расселении нижнебельских башкир в XVII–XIX вв. подчеркнем следующие общие моменты: локализацию в начале периода основной части населения племен еней, гэрэ, киргиз, елан, канлы, дунаней, ельдяк, таз и каршин в долине р. Белой по обоим ее берегам; наиболее плотное расселение по левобережью Белой; существенные изменения в расселении и размерах родоплеменных вотчин в результате правительственной и крестьянской колонизации Башкирии и расхищения земель; формирование этнически смешанного района благодаря крестьянской колонизации и совместного расселения крестьян различных национальностей в пределах одних и тех же поселений.

Северные башкирские племена довольно компактно расселены по Тулве и Бую — правым притокам Камы, верховьям Быстрого Таныша, а также по среднему течению р. Уфы в районе впадения в нее рек Сарс, Туй и Юрюзань (карта 13). Эта территория окончательно сложилась лишь к XIX в. В предшествующую эпоху пределы башкирских земель на севере были значительно шире. Енейские, гэрэйские, уранские и гайнинские вотчины выходили на правобережье Камы, включая всю южную часть междуречья Камы и ее притока Иж. Правда, башкирских поселений там было мало; лишь тугызларская тюба и другие енейские роды занимали низовья р. Иж и земли напротив устья Белой. К середине XVIII в. земли, прилегающие к Каме, особенно по правобережью, отошли от башкир. По источникам можно детально проследить многочисленные припуски в XVII–XVIII вв. на прикамские земли или продажу земель «за Камою рекой на луговой стороне» «против села Сарапуля», «против села Осиновой Дубравы» (МИБ, 1949, стр. 430–431, 478–479), «у села Каракулино» (ДАИ, 1875, IX, стр. 78–79) и т. п.

На севере гайнинцы в XVIII в. занимали не только устье Тулвы и прилегающие по обоим берегам прикамские земли, но и сохраняли вотчины по левобережью Сылвы. В челобитной, датированной 1672 г., гайнинцы, ссылаясь на жалованную грамоту, полученную от «великих государей» в 1596 г., просят оградить от самовольных захватов их земли «по обе стороны Камы реки» «со впадающими реками и речками», в том числе по рекам правой стороны — Медвежевке, Змеев-

ке, Отчере и др. (МИБ, 1936, стр. 74). С постройкой г. Осы гайнинцы были оттеснены к югу; появившиеся в XVIII в. в низовьях Тулвы русские села до сих пор носят башкирские названия, кстати, такие же, как и старые гайнинские аулы: Бичурино, Узик и др. Присылвинские гайнинцы, согласно преданиям, были вытеснены с земель в районе устья Ирени во время подавления пугачевского восстания. Многие из них переселились в леса вверх по Ирени и «смешались с поселившимися там типтярями»¹⁷, язык и культура которых имеет очень много общих черт с гайнинскими башкирами. В 25 км к югу от Перми в XIX в. еще оставалась группа гайнинцев, татаризированные потомки которых сейчас живут при речке Мулянка (мул-гайнинцы) в деревнях Башкир-Култаево (Тасимово) и Кояново. Таким образом к концу XVIII в. гайнинцы постепенно потеряли земли между Камой и нижним течением Сылвы. Это вызвало уже начиная с конца XVI в. отлив значительных групп гайнинских башкир на восток, в верховья Сылвы, Чусовой и на Бисерть. В 1677 г. Верхотурский воевода сообщал о «частых наездах уфимских башкир на Чусовскую слободу к вогуличам» (АИ, 1842, V, стр. 25–26). Особенно много ушло гайнинцев на восток в связи с подавлением пугачевского восстания; там они поселились в низовьях р. Бисерть (бисер-гайнинцы) на землях сызгинских башкир. В 20 км от Красноуфимска есть дер. Гайна, жители которой считали себя потомками «переселенцев из Перми»¹⁸.

Балыкчинские башкиры занимали течения рек Тюй и Сарс, с верховьев до устья и правобережье р. Уфы, вклиниваясь в районе айской долины на восток, где они граничили с кошсинцами. С юга их соседями были уннарские башкиры. Таныпцы (род уфа-танып) переселились на восток со своей основной территории на Быстром Таныпе только в начале XVIII в. В 1715 г. они заняли на правах припущенников небольшую часть балыкчинской территории, расчленив таким образом балыкчинцев и уннарцев (МИБ, 1949, стр. 132). Уннарские башкиры в XVI–XVII вв. и раньше занимали большую территорию в треугольнике между нижним течением р. Уфы и Белой. Колонизационный процесс расчленил территорию уннарцев. Небольшая их часть осталась на Быстром Таныпе, где они смешались с местным населением. В основном же уннарцы ушли на восток, к р. Уфе, где они в XVI–XVII вв. переправились на правобережье и заняли низовья Юрюзани. В начале XVIII в. уннарские башкиры на Юрюзани считались уже давними вочинниками (МИБ, 1955, стр. 110).

В расселении северных башкир в XVII–XIX вв. отметим, таким образом, два момента, имеющих существенное значение при анализе эт-

¹⁷ Полевые записи 1965 г., стр. 71.

¹⁸ Там же, стр. 59–60.

нической истории: значительно более широкую в прошлом область расселения по всему северу; тенденцию движения на восток в результате сокращения земельных площадей, а также некоторых причин политического характера.

О происхождении и истории расселения нижебельских и северных башкирских племен

Башкиры долины Белой и северной Башкирии включают компоненты, связанные с самыми различными этапами этнической истории края. Племена еней, гайна, танып и ун восходят к наиболее ранним этническим слоям в составе башкир: к булгаро-угорскому и древнебашкирскому. Этническая история племени балыксы тесно связана с китайской, а племен дуваней, таз и уран — с табынской родоплеменными группами. История племен канлы, гэрэ, елан, киргиз, таныпских родов казанчи, кайпан и, вероятно, племен каршин и ельдяк в эпоху средневековья развивалась в Дешт-и-Кипчаке в рамках кыпчакской конфедерации. Этническая принадлежность племени уваныш из-за недостатка материала остается неясной, хотя некоторые косвенные данные говорят о его местном происхождении.

Племена еней, гайна, танып, ун. Этноним племени *еней* в форме *Гегу́х* упоминается Константином Багрянородным в перечне древневенгерских племен (1934). Элемент *ене* (*jenö*) присутствует «в многочисленных названиях населенных пунктов» современной Венгрии. Общность древней основы башкирского *йәнәй* и венгерского *jenö* у лингвистов сомнения не вызывает. Д. Немет следующим образом представляет себе развитие этнонима: *jeneə — jeneü — jenö* (Németh, 1966, стр. 14).

О происхождении этнонима высказывались различные мнения. Историки обычно ищут параллели в этнонимии (или в древних языках) угорских и самодийских народов (Györfy, 1948; Генинг, 1967). В. Ф. Генинг, в частности, склонен возводить название еней к самодийскому корню *ене* (истинный, верный, право), который присутствует в этнонимах энцев и ненцев (древнененецкое *нене*, древнеэнецкое *эне*). Лингвисты, однако, основу *ене*, *ёне* считают древнетюркской. К такому выводу пришел, например, В. Г. Егоров, который обнаружил гнездо слов с указанным корнем (в значении ‘корова’) в чувашском, уйгурском, чагатайском, тувинском, шорском, якутском, гагаузском, монгольском языках, а также в древнетюркском языке рунической письменности (Егоров, 1953, стр. 87). Д. Немет также образует слово *jenö* из древнетюркской основы, хотя связывает его с корнем *ына* ‘желать’, ‘хотеть’, ‘доверять’, *ынаг* ‘доверенный’, ‘министр’ (Németh, 1966, стр. 14). Этноним *ене* образовался, по мнению Д. Немета, в языковой среде, «близкой к булгаро-чу-

вашской». Среди тюркских племенных названий действительно часто встречаются этнонимы, обозначающие сан или сословное положение: мурзалар, тархан, беглар и др. Это обстоятельство, а также историко-этнографические данные, характеризующие древний этнический слой башкир как булгаро-угорский, побуждают отдать предпочтение точке зрения Д. Немета, как наиболее обоснованной, хотя гипотеза В. Г. Егорова также представляется интересной, а по окончательным выводам достаточно близкой к концепции венгерского ученого.

Итак, на современном уровне наших знаний имеется возможность подчеркнуть два прочно установленных факта: взаимосвязь и общий корень древневенгерского *Geudh*, венгерского *jenő* и башкирского *йәнәй*; древнетюркское происхождение основы *ене* (или *ёне*, *ына*). Аналогичная картина установлена, как было показано, с этнонимом юрматы. Это само по себе предполагает параллельное развитие этнической истории обоих племен в эпоху древности. В старинном предании енейцев, опубликованном анонимным автором в 1909 г. в журнале «Шура», говорится, что «древняя родина племени еней» (*йәнәй ватаны*) находилась в долине р. Зай. Енейцы, продолжает сказитель, покинули родину в поисках новых земель; «они долго скитались по лесам, пока, наконец, не заняли обширные земли в низовьях Ика, Белой и по берегам Камы» («Шура», 1909, I, стр. 21–22). Предание о древней родине на р. Зай до сих пор бытует среди енейцев. В сопоставлении с фактами пребывания юрматынцев на реках Шешма и Зай до XII–XIV вв. енейское сказание становится важным свидетельством, показывающим, что племя еней, по крайней мере, в конце I — начале II тыс. н. э. входило в этнический круг юрматыно-юрмийских племен, явившихся одним из компонентов древнебашкирского этноса. В этом свете дополнительным аргументом является тождественность одной из енейских тамг (№ 3 в табл. 4) юрматынской тамге. Правда, по числу зарегистрированных случаев эта тамга занимает у енейцев четвертое место (табл. 3), но не будем забывать, что с момента описываемых событий прошла почти тысяча лет.

Вопрос о том, были ли предки енейцев уграми-мадьярами, булгарами или тюркскими племенами, на основании наших материалов решить невозможно. Однако, судя по отсутствию в речи икских башкир каких-либо следов угорской лексики, по тюркскому типу всех тамг, историческим преданиям, которые неизменно связывают их с булгарами и Булгарией, можно предположительно считать, что предки енейцев в конце I тыс. н. э. говорили на тюркском (булгарском?) языке, но сильно смешались с уграми-мадьярами, следы влияния которых надо искать в физическом типе и архаичных пластах культуры башкир. В этом свете небезынтересно присутствие в составе древней чувашской языческой антропонимии имени *Геней* (Магницкий, 1905, стр. 36).

Дальнейшая история племени еней прослеживается как по документальным источникам, так и по историко-этнографическим данным. На новых землях енейцы действительно, как рассказывается в преданиях, заняли земли по Ику, Белой и Каме. Граница енейских земель на севере достигала р. Буй. Еще в середине XVIII в. енейцы припускают типтярей на свои вотчины по рекам Буй, Изяр, Мунжа и даже по левобережью Камы близ устья Ижа (МИБ, 1949, стр. 429–430, 467–468, 471). Обширность енейских земель подтверждает сведения преданий о былом могуществе и многолюдности племени. К моменту переселения в низовья Белой енейцы, как и племена байлар и буляр, подверглись сильному влиянию древних башкир, в частности племени усерган. Это хорошо иллюстрируется высоким удельным весом усерганских тамг у енейцев (табл. 3). С началом активной кыпчакской миграции в Башкирию в XII–XIII вв. енейцы вступают в новый этап своей истории, который завершается полной их кыпчакизацией. Абсолютное преобладание у енейцев кыпчакских тамг и довольно высокий удельный вес катаяских тамг красноречиво свидетельствуют о результатах этнического воздействия новых пришельцев и нового этапа в этнической истории башкир.

Племя *гайна* в составе северных башкир (карта 13) одно из наиболее крупных и древних. Гайнинцы считают своих предков «выходцами из Булгар» или «коренными башкирами» (*тәп башҡорт*), переселившимися «с Мензелинских сторон» (*Минзәлә ягындан*)¹⁹. Аналогичное предание в середине XIX в. было записано П. Небольсиним, который указывал, что гайнинцы «считают себя, переселенцами из древнего Булгара» (Небольсин, 1852а, стр. 18). Особенно ценным является гайнинское сказание, записанное в самом начале XIX в. крупным знатоком хозяйства, быта и обычаев северных башкир Н. Поповым. Гайнинские башкиры, согласно сказанию, «производят свой род» от «поколения тараханова, обитавшего в Булгарской области» (Попов, 1813, стр. 1). Эти сведения заставляют нас вновь обратиться к древним башкиро-венгерским этнонимическим параллелям²⁰. В перечне древневенгерских племен Константина Багрянородного упоминается племенной этноним *tarjan*. Д. Немет расшифро-

¹⁹ Полевые записи 1965, стр. 118.

²⁰ Н. Попов был склонен «поколение тархан» связывать с «ногайскими татарами» (1813, стр. 2), однако в составе ногайцев, так же как и других современных тюркских народов, родоплеменной организации с таким названием нет. К тому же отсутствуют данные об обитании ногайцев в «Булгарской области». Невозможно подтвердить и поиски этнических истоков племени *гайна* в древней истории удмуртов (Генинг, 1967, стр. 62), хотя М. Г. Худяковым зафиксировано «вотское родовое деление» *гайна* (1920). В данном случае, напротив,

вызывает значение этого слова по аналогии с названием еней, т. е. ене (еней) — ‘род министра’, ‘министр’, соответственно, *тарьян* — ‘род таркана’ или ‘тархана’ (Németh, 1966, стр. 14). Историко-этнографические данные показывают, что *тархан* в значении родоплеменного этнонима некогда был известен и чувашам. У Н. И. Апшарина читаем заключение, недавно повторенное применительно к древним тюркам Д. Неметом, о том, что «слова, обозначающие звание и должности», часто являются и наименованиями населенных пунктов, родов, племен. В Поволжье, а более всего у чувашей, Н. И. Ашмарин зафиксировал «несколько десятков (!) селений» *Тархан*. У чувашей это название принимало форму *Turphan*, *Torphan*. Следующий комментарий Н. И. Ашмарина особенно достоин внимания: словом тархан «у чувашей с. Тюрлемы Чебоксарского уезда обозначаются лица, некогда получившие жалованные грамоты, а у других чуваш оно употребляется в значении личного языческого имени и фамильного прозвища» (Ашмарин, 1902, стр. 17).

Тарханские ярлыки и звания, а также соответствующие привилегии, как достоверно установлено в истории народов Поволжья, раздавались племенной аристократии этих народов как задолго до присоединения их к Русскому государству, так и после. Однако трудно представить, чтобы тарханство получали сотни и тысячи людей, потомки которых составляли бы «десятки» деревень и, кроме того, в других местах Чувашии семейные гнезда наследовали бы аналогичные «языческие имена» и «фамильные прозвища»²¹. На наш взгляд, мы имеем дело с явственными следами распавшейся родоплеменной организации, в этническом отношении восходящей к булгарской эпохе. Как нередко бывало в древности, в составе булгар одна из родоплеменных организаций имела древнее название *тархан* (*turphan*, *torphan*, *tarjan*) в соответствии, возможно, с социальным положением аристократической семейной верхушки. В процессе древних булгаро-угорских взаимодействий это, ставшее уже традиционным родоплеменное название, было ассимилировано уграми (мадьярами) или оно перешло к ним вместе с инкорпорацией в мадьяро-угорской среде части тарьян-тарханского племени.

Сказанное имеется возможность аргументировать на основе эпиграфических и историко-этнографических данных, относящихся к средневековой истории евразийской территории от Алтая до Дуная. На первом месте в системе этих доказательств стоят колонны со старо-

речь может идти о более сильном тюркском влиянии на финнов Прикамья (см. об этом: Тепляшина, 1970; Кельмаков, 1970).

²¹ Для сравнения укажем, что в Башкирии, где институт тарханства был более развит, чем в Чувашии, в XVIII в. насчитывалось около 600 тарханов.

булгарскими надписями, датируемые IX–X вв., обнаруженными близ древней столицы дунайской Болгарии г. Плиска и принадлежащими болгарам. Структуру этих надписей мы выше анализировали в связи с историей племени юрми. Здесь приведем транскрипцию (надпись сделана греческими буквами) одной фразы текста на колонне I, выполненную в свое время автором раскопок Ф. И. Успенским: οχθοντος ο Ζουζαη тархаηος (1905, стр. 198). В расшифровке текста было много сомнений. Сам Ф. И. Успенский полагал, что первое слово обозначало личное имя умершего и, кажется, в этом не встретил возражений. Второе слово — титул. Ф. И. Успенский идентифицировал его со славянским *жупан* ‘князь’, ‘племенной вождь’, однако Д. Немет предложил более убедительное решение, опирающееся на древнетюркское или печенежское *čaban* (ča[ǎ]ban), трактуемое как ‘протектор’, ‘помощник деревенского мэра’ и т. п. (Németh, 1971, стр. 15). Третье слово фразы имеет этническое (родоплеменное) значение. Подтверждается это и тем, что слово тархаη (тархан) повторяется в колоннах I, 3, 8 и на других надписях, обнаруженных в «древностях Абаба-Плиска» (Успенский, 1905, стр. 201). Этнонимы или топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии: род *дархаты* зафиксирован в составе ордосских монголов и тувинцев (Потапов, 1969а, стр. 50), род *даркан* — киргизского племени черик (Абрамзон, 1960, стр. 54), подразделения *тархан* (или *дархан*) — башкирских племен тангаур и катый, топоним *Алма-Тархан* — в Крыму (Маркевич, 1928 г стр. 14). Для нас особенно интересны аналогии в Волго-Камье: *Торхан* — чувашское языческое имя; *Тарханская* — волость в верховьях Камы и т. п. (Теплоухов, 1924, стр. 93–94). В этногенетическом плане этноним тархан устанавливает, таким образом, связи: дунайские болгары — венгры — волжские булгары — чувашы — башкиры. Контакты между этими образованиями могли иметь место на Северном Кавказе и Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу. С Поволжья вместе с булгарской этнокультурной и торговой экспансией этноним распространился на восток и северо-восток и отложился в Волго-Уральской топонимии и антропонимии. В составе булгарского миграционного потока на территорию современной Башкирии были гайна-тарханцы, которые, продвигаясь по левобережью Камы и течению Таныпа, достигли Тулвы.

Башкиры-гайнинцы (тарханцы) долгое время сохраняли некоторые признаки этнокультурной близости к волжским булгарам и чувашам. Путем сопоставительного анализа систем названий дней недели у народов Волжско-Уральского края это блестяще показал в свое время А. Н. Самойлович (1923, 1927). Среди тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы со времен упращения у них ислама быту-

ют персидские названия дней недели: *адина*, *азина* ‘пятница’, *шембе* ‘суббота’, *йек-шембе* ‘воскресенье’, *ду-шембе* ‘понедельник’, *се-шембе* ‘вторник’, *чар-шембе* ‘среда’, *пенч-шембе* ‘четверг’. Пятницу некоторые народы называют еще по-арабски *джума*. В Волго-Камье персидскими названиями дней недели пользуются казанские татары и башкиры, кроме гайнинцев. Гайнинцы или, по А. Н. Самойловичу, «пермские башкиры» воскресенье называли *урус-атна-кўн* ‘день русской недели’, понедельник *туган-кўн* ‘перворожденный день’, вторник *атланган-кўн* ‘день, в который садятся верхом [на коня]’, среда *пан-кўн* ‘день крови’, четверг *четне-кўн* ‘день перед неделей’, пятница *джума* ‘день свершения молитвы’, суббота *куру-кўн* ‘пустой день’ (Самойлович, 1923, стр. 100–119). Понедельник, вторник, среда и суббота у гайнинцев обозначаются так же, как у чувашей. Из персидско-арабского мусульманского календаря гайна-тарханцы и чувашаи заимствовали лишь название пятницы (у чувашей *ерне*) и четверга (у чувашей *кеси-ерни* ‘малая пятница’; в том же значении у гайнинцев *четне-кўн*). Чувашско-башкирские параллели в названиях дней недели распространяются в одних случаях на финно-угорские народы Волго-Камья (марийцев, мордву, удмуртов) и мишарей, в других — на народы Северного Кавказа (карачаевцев, балкарцев, кумыков), а также караимов. При этом А. Н. Самойлович усматривает в системе названий дней недели, объединяющей чувашей, пермских башкир и другие перечисленные выше народы, наслонения разных эпох и разных религий: обозначение для понедельника «перворожденный день» вызывает ассоциации с христианским календарем, название среды «день крови» унаследовано от языческих времен; «район распространения особых названий вторника... намечает широкие пределы влияния какой-то, нами не установленной, культуры, можно думать, кавказской или прикавказской, в далекие от нас, но... не поддающиеся пока точному определению времена» (Самойлович, 1923, стр. 105). Название субботы у чувашей (*шумат*, *шамат*), неизвестное пермским башкирам, прямо или опосредствовано воспринято из хазарского иудейского календаря (*šabat* ‘суббота’ — Самойлович, 1927, стр. 212). В целом система получила определение «языческо-иудейско-христианско-мусульманской». Окончательное ее формирование относится, очевидно, «ко времени Хазарского царства», и происходило оно в зоне Северного Кавказа в сложной этнической среде болгарских племен и развивалось позже в Волго-Уральской области (Самойлович, 1927, стр. 210). В аспекте нашей темы анализ и выводы А. Н. Самойловича показывают, что этнические истоки племени гайна-тархан восходят через волжских булгар к великим болгарам Приазовья и Северного Кавказа, где этническая история этих племен протекала в сложном взаимодействии с пестрым по этническому составу окружающим населением.

Итак, мы можем зафиксировать твердо установленный факт пребывания предков гайнинцев в том же булгаро-угорском окружении, в котором находились племена юрматы, юрми, еней, буляр и кесе. Кроме изложенного, серьезным аргументом, подтверждающим этот тезис, является преобладание у гайнинцев юрматынских по типу тамг. Из 38 зарегистрированных тамг (табл. 3) юрматынские (№ 3 и 8 в табл. 4) составляют 20. Из других материалов существенное значение в этом плане имеет культ журавля, известный в прошлом гайнинцам. Журавль (*торна, торна-аккош*) был у них священной птицей. Птица, свившая гнездо в усадьбе, была предвестником счастья и благополучия. Убить журавля считалось большим грехом, и этот проступок, по поверьям, никогда не оставался безнаказанным²². Эти обычаи гайнинцев хорошо ассоциируются с сообщениями восточных источников о поклонении древних башкир журавлям (Ибн-Фадлан, 1939, стр. 66), а также с усерганскими поверьями о священной миссии журавлей, которые своим криком предупреждали предков башкир о приближении врага. Впрочем, культ журавля у гайнинцев во всех деталях напоминает почитание той же птицы усерганами.

Предки гайна-тарханцев, так же как и енейцев, юрматыно-юрмийцев, с миграцией в Приуралье древних башкир (усерган, бурзян, тангаур и др.) были включены в сферу их преобладающего этнического воздействия и составили вместе с ними ядро древнебашкирского этноса. Именно в то время гайнинцы могли заимствовать культ журавля, приписанный в Волго-Уральскую область предками усерган. Но этнические процессы в конце I тыс. н. э. на Бугульминской возвышенности не ограничивались заимствованиями. К моменту ухода с прежней родины племя гайна представляло собой, очевидно, этнический конгломерат, в котором наряду с ранней булгаро-угорской основой присутствовал, а возможно даже стал преобладать, влившийся в него новый этнический компонент из пришлых кочевников. Об этом свидетельствует не только культ журавля, но и этнонимы гайнинских родовых подразделений — бай (байлар), истяк и другие, восходящие к древним башкирам. Нельзя сбрасывать со счета и устойчивое сохранение у оседлых гайнинцев еще в XIX в. степных традиций. По крайней мере, с XVII в. основным занятием гайнинских башкир было земледелие в сочетании с домашним скотоводством, а у некоторой части — и с лесными промыслами. Тем более примечательны частые указания исследователей на то, что гайнинцы продолжали «кочевать», переселяясь на летние месяцы со всем скарбом «в вежи», которые строили у себя на усадьбе, близ пахотных участков и сенокоса (Попов, 1813, стр. 5–6). Черты,

²² Материалы фольклорной экспедиции 1963 г. в Свердловскую и Пермскую области. Научный отчет. Уфа, 1964, стр. 379 (хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

свойственные юго-восточным башкирам, обнаруживаются у гайнинцев в материальной культуре, свадебных обрядах, обычаях платить калым за невесту, готовить ей в ответ на калым приданое и т. д.

Древнюю родину «в Булгарской области» предки гайнинцев покинули, по их собственным сказаниям, «на исходе XII столетия». Направившись на восток, они «поселились в Уральских горах и расселились по всем местам» (Попов, 1813, стр. 2). Дата, обозначенная в предании, не означает, что племя гайна «на исходе XII столетия» уже расселилось на Тулве. В Прикамье башкиры проникли позже, в XIII–XIV вв. Однако движение древних башкир с Бугульминской возвышенности на восток, на Южный Урал и в Приуралье в конце XII — начале XIII в. действительно имело место. В общем потоке находились и гайнинцы. Сообщение гайнинских сказаний о поселении их предков «в Уральских горах» относится к древним башкирам в целом или к некоторым гайнинским группам. В XVIII–XIX вв. собственно гайнинцев на Урале не было. Они на каком-то этапе движения отделились от общего потока и направились на север. Но часть гайнинцев осталась в Приуралье и до начала массовой миграции на север новых волн кочевников в эпоху монгольских завоеваний кочевала в районе верховьев Демы. В XVIII–XIX вв. там еще сохранялась группа гайнинских деревень (см. карту 13). В настоящее время жители этих деревень относят себя к демским башкирам или к татарам, но в названиях деревень древний этноним сохранился: Гайна-Ямак, Танукай-Гайна, Малая Гайна, Гайна. Там же в южной Башкирии есть речка Гайна (*Гәйна-йылға*).

В северную Башкирию гайнинские башкиры двигались вверх по течению Быстрого Таныпа, в низовьях которого, по обоим берегам Белой, они некоторое время пребывали. С этим периодом их истории связано еще одно название гайнинцев — *астанып* ‘нижние таныпцы’. Последний этап переселения гайнинцев на север был связан с общим движением на северо-восток катаяйских групп и наплывом в юго-западную Башкирию кыпчаков в XIII–XIV вв. Это время характеризуется новым проникновением в гайнинскую среду кочевнических групп и кыпчакизацией всего племени, о чем свидетельствует присутствие кыпчакских тамг у гайнинцев (табл. 3).

Племя *танып* включает два собственно таныпских рода (табл. 3), а также прежде самостоятельные роды казанчи и кайпан, объединившиеся в составе таныпцев позже, в кыпчакский период, в процессе движения последних на лесной север. В преданиях собственно таныпских родов четко обозначаются два сюжета. В первом развивается тема прихода предков с «Мензелинских сторон» в поисках охотничьих угодий, когда на «старых землях» стало «много народа и очень тесно»²³. Эти

²³ Полевые записи 1959 г., тетрадь 1, стр. 39.

сказания имеют реальную основу; иначе трудно было бы объяснить присутствие в составе юго-восточных башкир (рода сэнкем-кыпчак) родового подразделения танып, а также деревни с таким же названием в долине Нугуша в составе тамьянцев. Таныпцы могли углубиться на север, судя по этнонимии, лишь после смешения булгаро-угорских племен с башкирскими кочевниками, т. е. около конца XII — начала XIII в. и позже. Некоторые таныпские группы, как видим, остались на юге, смешавшись с кыпчаками и тамьянцами.

Гайнинские башкиры таныпцев, в отличие от других соседей, считают родственниками. «Таныпцы наши родственники, — рассказывается в предании. — Предки гайнинцев пришли на Танып в поисках родичей — таныпцев, с которыми хотели жить вместе»²⁴. Второе название гайнинцев — *астанып* — подтверждает старые таныпско-гайнинские связи. В структуре таныпских тамг, хотя и преобладают кыпчакские, но значительным является удельный вес, как и у гайнинцев, юрматынских тамг (табл. 3; табл. 4, № 8). Все это дает основание считать, что этническая основа таныпцев происходила из той же булгаро-угорской среды, из которой вышли гайнинцы.

Вторая тема в этноисторических сказаниях таныпских башкир отражает смешение их предков с местным, аборигенным населением. Вот одно из характерных преданий, записанное среди уфа-таныпцев, т. е. на восточной окраине таныпского расселения: «Мы потомки настоящих марийцев [*ысын мари заты*]. Мы народ, который, оставив марийские обычаи, перешел в мусульманскую веру... Деды и прадеды наши поклонялись змеям; у многих были бляхи с изображением змей. Бляхи [*өрфиэ* или *өрфиэ таңгәсе*] пришивались к материи, и наши женщины носили их на груди или на лбу. Когда здесь много стало народа, старики пошли к марийскому царю [*мари батшаһы*], который в то время жил за Уралом, где сейчас Свердловск или Челябинск. Марийский царь сказал нашим дедам: «Моя вера неправильная; ваша вера находится в Истамбуле, идите туда». Старики ходили в Истамбул, и мы стали мусульманами»²⁵. Выше мы упоминали, что башкиры марийцами (сирмеш 'черемис') называли не только собственно марийцев, но и вообще финно-угорское население. Такие детали предания, как посещение «марийского царя» за Уралом, культ змеи, говорят о том, что и в данном случае речь идет об отражении в историческом фольклоре этнического взаимодействия и ассимиляции башкирами древнего (скорее всего угорского) населения среднего и верхнего течения Таныпа.

²⁴ Полевые записи 1965 г., стр. 114.

²⁵ Полевые записи 1956 г., стр. 14–15. Различные варианты предания распространены от правобережья р. Уфы до Камы.

Взаимодействие таныпских башкир с местными финно-угорскими племенами было значительным по масштабам. Речь поэтому может идти не только об ассимиляции в составе башкир той или иной группы аборигенов, а о новом направлении развития этнических процессов в северо-западной Башкирии уже в начальный период башкирской миграции в эти районы. Другими словами, происходила языковая и культурная ассимиляция местного населения, которое в свою очередь оставило память о себе в современном физическом облике северо-западных башкир и в некоторых чертах их культуры и быта. Процессы эти шли медленно. Еще 20 лет назад кудейские старики в низовьях р. Уфы помнили рассказы дедов и отцов своих о том, что у таныпских башкир «две религии» и поэтому они праздновали как «башкирские» (т. е. мусульманские), так и свои, языческие праздники ²⁶.

Племя *ун* в древнюю группу северо-западных башкир мы включили, ориентируясь главным образом на анализ этнонима и некоторых преданий. В них рассказывается, что уннарцы, в отличие от соседних племен, «настоящие башкиры» (*ысын башҡорттар*), что предки их кочевали у моря (?), затем переселились «к Оренбургу», откуда были вынуждены в поисках нетронутых охотничьих угодий переселиться на Белую, а позже уйти дальше на север, в глухие и богатые животными и пушиной леса ²⁷.

Основа *ун*, кроме данного случая, встречается у башкир в названии кыпчакского рода суун, бишульского рода бишул (бишаул) -унгар, а также в названиях родовых подразделений ун, ундар у юго-восточных племен усерган, тангаур и бурзян. Один из родов племени ун называется так же, как упомянутый кыпчакский род: су-ун. В то же время этноисторические связи между племенем ун и кыпчакским родом суун по нашим материалам не прослеживаются. Нет аналогий и в тамгах: уннарская тамга специфична и другим племенам не свойственна (табл. 4, № 7). С бишул-унгарцами такие связи были. Племя ун до передвижения на север расселялось в долине р. Белой. Здесь уннарцы были соседями западнотаянской группы племен в центральной Башкирии, и это соседство окончательно нарушено было лишь с постройкой г. Уфы в XVI в. Часть уннарцев осталась в бельской долине, где и сейчас имеются топонимы, включающие элемент *ун* (дер. Суун-Чишма и др.). М. Уметбаев, касаясь происхождения прибельских башкир, в частности бишул-унгарцев, упоминает, что оседлые башкиры называли их гуннскими башкирами (*гун-башҡорт*), имея в виду якобы их кочевнические традиции (Уметбаев, 1897, стр. 34). В исторической науке довольно прочно утвердилось мнение, что гунны представляли

²⁶ Полевые записи 1953 г., стр. 157.

²⁷ Полевые записи 1965 г., стр. 9.

собой конгломерат племен с обязательным присутствием в нем тюркского компонента. В состав гуннов входили уйгуры — тюркоязычное объединение племен, которое в источниках именовалось *он-уйгур* (уйгуры из десяти племен). Так называли «тех [из уйгуров], которые [обитали] по течению десяти рек», в долине Орхона (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 146). Он-уйгуры соседними народами назывались *он* или *онлар*. Род *ондар* входит в состав Хемчикского хошуна тувинцев (Потапов, 1969, стр. 48). Легко заметить, что в тувинском этнониме имеет место закономерный для тувинского и башкирского языков переход аффикса *мн. ч. лар > дар* (*онлар > ондар*; ср. *байлар > байдар*). В. В. Радлов считал, что он-уйгуры (*он-огуры*) составляли ядро хуннского государства и, более того, был склонен происхождение самого этнонима *гунн* объяснить из названия он-уйгуров (Радлов, 1893а, стр. 126–129). Башкирский этноним *ун*, судя по нашим историко-этнографическим данным, может восходить к гуннской эпохе, к племенной конфедерации он-уйгуров. Особенно заманчиво в этом же аспекте рассматривать этноним *унгар*: он-уйгур — он-огур — онгар (*унгар*). Тувинский этноним *ондар* также связывается с участием он-уйгуров (*ондар-уйгуров*) в этногенезе тувинского народа (Кызласов, 1969, стр. 82).

В целом имеющиеся сведения о племени — этноним *ун* и параллели ему в древнетюркской и тувинской этнонимии; предания о миграции с юга «со стороны моря»; история передвижения уннарцев в Башкирии с юга (из Оренбургских степей) на север (на Белую и Танып); распространенность этнонимов с основой *ун* в центральной и южной Башкирии; оригинальность и устойчивое сохранение уннарских тамг (табл. 2, № 7), имеющих прототипы в тюркских тамгах, в том числе в орхон-енисейских буквенных знаках, дают возможность считать, что предки уннарцев входили в состав раннебашкирской миграции и оторвались от древнебашкирских племен лишь в эпоху общих передвижений с Приуралья на север и восток в XIII–XIV вв. В историческом аспекте они, вероятно, были участниками еще гуннских походов на запад — на Сырдарью и Северный Кавказ. В составе гуннов они были наследниками он-уйгуров, роль которых в формировании некоторых других башкирских племен (*мин*, *ай*) прослеживается довольно отчетливо. Реликтами этой эпохи являются названия родовых подразделений *хун*, *хуна*, *хундар*, зафиксированные в составе ряда юго-восточных башкирских племен.

Племена *балыксы*, *дуваней*, *уран*, *таз*. Исторические сказания племени *балыксы* связывают происхождение предков с районами Алтая и Южной Сибири. Указывается даже местность, откуда пришли балыкчинцы — *Кэнгэн* (*Кэнгэн*), которая, по их представлениям, находится в районе Томска. Сначала предки балыкчинцев пришли на *Яик*, затем долго кочевали «в Белебеевских краях, на

каитайских землях», откуда по Таныпу двинулись на север и остались в лесах долины Тюя, где «было много животных и диких пчел». Далее идет любопытная деталь: на Тюе в то время жили «два черемиса-мусульманина» — *Көби* и *Юрми*, которые оставили свои имена двум крупным башкирским селам: Кубияз и Юрмиаз²⁸. «Черемисами-мусульманами» могли быть в XIII–XIV вв. лишь юрмийцы и предки кубоу-минцев (куби-мин), оторвавшиеся от древних башкир и переселившиеся подобно гайнинцам и таныпцам на север.

Народная этимология этнонима *балыксы* — «рыболов» (от *балык* ‘рыба’) или «занимающийся сбором меда (от *бал* ‘мед’). Народные этимологические пояснения, как обычно, сопровождаются рассказами об уплате предками ясака хану (ногайскому, казанскому) рыбой или медом (у суннары — пушминой, у кошсы — соколами и беркутами). Фольклористом М. Х. Мингажетдиновым на основе анализа сказочных сюжетов предложена интересная гипотеза о происхождении этнонима *балыксы* из древних тотемистических культов: согласно его концепции, *балыксы* имеет значение «родившийся от рыбы» (1971, стр. 303). Однако гипотеза эта будет иметь значение, если появится возможность подкрепить ее общетюркским материалом, так как этноним известен далеко за пределами Башкирии. Он зарегистрирован в формах *балык* или *балыкчи* у казахов Старшего Жуза (Гродеков, 1889, стр. 7), в той же транскрипции *балыкчи* — у киргизов племени саруу (Абрамзон, 1960, стр. 67), в форме *балыксылар* (*balıqscylar*) — у туркмен-йомудов (Толстов, 1935, стр. 8), *балыкчы* — у тувинцев (Потапов, 1969, стр. 47). В большинстве случаев (у башкир, казахов, киргизов) рыболовство в хозяйстве не имело существенного значения или вообще отсутствовало. Также нет описания рудиментов древних представлений, связанных с культом рыбы. Эти обстоятельства заставляют отказаться от высказанного нами под влиянием народной этимологии мнения (см. Кузеев, 1957, стр. 69) о связи данного этнонима с хозяйственными занятиями древних башкир.

В древних тюркских текстах VIII в. слово *balıq*, *baluq* употребляется в значении ‘город’; производное слово *baluqdagı* переводится как ‘жители городов’ (Малов, 1951, стр. 368). Согласно М. Кашгари, *balıq* означает «город [*шахар*] на языке тюрков и уйгуров периода язычества» (Кашгари, 1960, стр. 360). В Семиречье долгое время сохраняются названия кара-кайтайских, а до этого уйгурских городов: Бешбалык, Джамбалык и др. (Бартольд, 1965, стр. 362). Указанные аналогии и распространенность названия *балыкчи* в среде кочевников (тувинцы, казахи, киргизы, туркмены, башкиры) говорят о древнетюркском

²⁸ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451, стр. 416–417; Полевые записи 1953 г., стр. 386; 1965 г., стр. 18.

происхождении этнонима, окончательно сформировавшегося, вероятно, в этнической среде найманов — кара-китаев. Аналогично тому, как иранское сочетание *наукерде* означало «жителей новых городов», тюркское *балыксы*, *балыкчи* подразумевало первоначально жителей оседлых поселений или кочевников периферии древних городов. Здесь напрашивается небольшой сравнительный экскурс в связи с установленным выше значением этнонима *ирэкте* или *ирэктелэр* — «несущие службу в крепости» или «обязанные оборонять крепость или кремль». *Балыксы*, *балыксылар* могли составлять кочевническую (варварскую) периферию древних (например, семиречинских) городов, обязанных на каких-то условиях защищать эти города. Если такое сопоставление правомерно, то из него следует еще одно заключение: тюркская традиция образования новых названий и этнонимов (например, в соответствии с функциональной ролью данной группы в системе существующих социально-политических отношений) была чрезвычайно устойчивой, так как этноним *ирэкте* возник на башкирской почве не ранее рубежа XV–XVI вв.

Балыкчинцы в Приуралье и на современную территорию их расселения проникли, двигаясь в общей волне китайских родоплеменных групп. Вывод этот опирается не только на идею происхождения этнонима *балыксы* в древнетюркской среде и прямые указания балыкчинских исторических сказаний на пребывание их предков в районе Бугульминской возвышенности «на земле Катаев». Здесь имеют существенное значение еще два факта. Балыкчинская тамга (табл. 3; табл. 4, № 9), оригинальная в вариациях, в основе является видоизменением древней китайской тамги *балга*: или ее удвоением и утروением.

Второе, еще более важное обстоятельство заключается в особенностях говора башкир Аскинского района, население которого в основном составляют балыкчинцы. В разговорном языке аскинских башкир присутствуют те же специфические фонетические комплексы согласных, которые диалектологи отмечают у западных китаев на Инзере с переходом этих особенностей на говор части западнотабынских родов. Само собой разумеется, что эти показатели подразумевают этническую и территориальную близость и даже родство в прошлом этих групп.

В целом история расселения балыкчинцев в Башкирии в свете приведенных данных выглядит следующим образом. В XIII–XIV вв. балыкчинцы обитали в составе китайской родоплеменной группы в районе бассейна р. Ик, занимаясь здесь охотой и скотоводством. Когда в процессе дальнейшей миграции китайские роды раскололись на западную и восточную ветви, балыкчинцы, будучи этнически более близкими

к западным родам, направились тем не менее на север, где остались в туйской долине. Здесь они, по их собственным преданиям, сильно смешались с местным или несколько ранее мигрировавшим сюда населением, которое они называют «черемисами-мусульманами», «марийцами» или «мишарями». Под этой терминологией подразумеваются различные этнические образования — местные финно-угорские племена, древние башкиры булгаро-угорского происхождения (юрми), собственно марийцы и мишари, появившиеся здесь с XVI в. Несмотря на смешение, балыкчинцы через столетия своей истории пронесли и сохранили отчетливые черты степной по происхождению культуры, а также разговорный язык с диалектными особенностями, которые, на наш взгляд, делают аргументированными приведенные выше сопоставления.

Племена *дуван* и *уран* в этноисторическом плане были некогда взаимосвязаны. О происхождении племени *дуван* сказано достаточно подробно при характеристике этнической истории *дуван-айлинцев*. Это племя, этнически восходящее к древней тюрко-монгольской среде Алтая и Монголии, до миграции в Приуралье длительное время пребывало в Дешт-и-Кипчаке. Смешиваясь с кыпчаками, предки *дуванцев* в начальный период истории Золотой Орды достигли в составе завоевательных походов Черного моря. Среди *дуванейцев*, несмотря на то что в долине Белой осталась ничтожная лишь часть их, до сих пор сохранились предания (в дер. *Угузево* 'Огузово'; башк. *үгез* 'бык') о пребывании предков «на берегу моря» и их боевых подвигах ²⁹.

Историко-этнографические сведения, касающиеся племени *уран*, близки к *дуванским*. Эта близость иллюстрируется наличием у тех и других общей тамги — «ворота» (табл. 3; табл. 4, № 6). Тамга этого типа хорошо известна всем трем *дуванским* группам (*айлинской*, *табынской*, *дуванейской*), а на севере Башкирии преимущественно лишь *уранцам*. Из других башкирских племен тамга *дувано-уранского* типа распространена среди *минцев*, однако нельзя забывать, что племена *мин*, *дуван* и *уран* были не только близкими соседями в западной и центральной Башкирии на протяжении нескольких столетий, но что их история каким-то образом соприкасалась и раньше.

В шежере, скопированном со старинной рукописи в уранской деревне Карманово Калтасинского района БАССР, одним из предков *уранцев* назван *Дуван-Сакал* (*Дыуан-Сакал*) ³⁰. Это имя мы встречаем в различных источниках: племя *дёрбэн* (*дурбан*, *дуван*) произошло согласно

²⁹ Н. Д. Шункаров. Фольклорно-этнографические материалы Альшеевского, Бирского, Зианчуринского районов БАССР и Мензелинского района ТАССР. Уфа, 1965, стр. 1–2 (рукопись, хранится в ИИЯЛ БФАН СССР).

³⁰ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451, стр. 346.

«Сокровенному сказанию» от четырех сыновей Дува-Сохора (Козин, 1941, § 14), или, по транскрипции фольклорных памятников, Дуван-Саха; по Рашид ад-дину, «[некто] по имени Тулун-Сакал» происходил из младшего рода племени дурбан (1952, I, стр. 10). В башкирской родоплеменной этнонимии имя Дуван-Сакала отложилось в названии одного из подразделений на юге Башкирии. Как видно, этногенетические предания уранцев определенным образом связаны с генеалогией племени дуван. Этническая близость племен дуван и уран нашла отражение и в средневековых источниках: племена *урат* (урут) и *дурбан* упоминаются Рашид ад-дином в числе монгольских или тюрко-монгольских «народностей», происходящих от брака легендарных Добун-Баяна и Алан-Гоа (Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 78). Сходство структуры этнонимов дуван и уран также указывает на родство этих племен. Однако аффикс *ан* имеет, вероятно, в обоих случаях более позднее происхождение, так как этнонимы нам известны в формах *дува* и *урат*. В окончании *т* этнонима урат надо усматривать аффикс мн. ч. монгольского языка, сохранившийся в XIX в. в названии тувинского рода *урат*, который, по мнению С. И. Вайнштейна, является по происхождению монгольским (Вайнштейн, 1961, стр. 23). Следовательно, новое окончание этноним приобрел позже, в пределах иной этноязыковой среды. Если сформулированное в предыдущих главах положение об иранском происхождении суффикса *ан* (*ян*) в древнебашкирских этнонимах правильное, то с учетом имеющихся у нас историко-этнографических данных можно утверждать, что племена *дуван* и *уран* прошли тот же этап этнического развития на Сырдарье и в Средней Азии, что и древние башкирские племена бурзян, усерган, тамьян. Предки дуванцев и уранцев, таким образом, будучи выходцами из среды монгольских или тюрко-монгольских племен Центральной Азии, на пути движения на запад длительное время пребывали в присырдарьинских степях и Приаралье, где подверглись окончательной тюркизации, испытав при этом и определенное влияние ираноязычного населения Средней Азии. После ухода части древнебашкирских племен дальше на запад дувано-уранские образования еще несколько столетий оставались в азиатских степях, пережив многие этапы этнической трансформации, пока в начале II тыс. н. э. они не попали последовательно в сферу кара-китайского, табынского и кыпчакского этнополитического воздействия.

В период приаральского этапа истории дуванцы и уранцы испытали влияние многих племен, в частности огузов. Об этом свидетельствуют не только этнонимы огузского происхождения у башкир (в том числе, вероятно, топонимы и микроэтнонимы с основой *огуз*), но и присутствие племени *уран* (*uran*) в составе османских турок (Köprülü, 1943, стр. 229). Разделение уранцев и миграция их в различных направлениях

могла произойти лишь в эпоху массового ухода огузов с реки Сырдарья на юго-запад и образования сельджукского движения. Оставшаяся на Сырдарье часть уранцев в XII–XVII вв. упоминается в восточных источниках в перечне канглинских или кыпчацких племен (Kurat, 1937).

Об истории расселения уранцев в Башкирии сведений мало. В преданиях уранцы рассказывают о приходе предков «со стороны Оренбурга», о перекочевках сначала на р. Миасс и возвращении оттуда в долину р. Белой. Сложные маршруты уранских передвижений совпадают с географией распространения топонимов и гидронимов с редкой основой *уран*. На юге Башкирии притоки Сакмары носят названия Большой и Малый Уран, в Зауралье близ г. Миасса в XVIII в. два озера назывались «Уранга» и «Урангич» (Лепехин, 1822, стр. 178).

Племя *таз* (*таз*, *тазлар*) составляло часть табынского родоплеменного объединения в начальный период золотоордынской истории. В Башкирию, в Приуралье предки тазов мигрировали одновременно и, вероятно, в составе табынской группы в конце XIII–XIV в. Родоплеменные образования *таз* (*таз*) имеются в составе североалтайских кумандинцев (*сеок тас*), казахов (в Младшем Жузе племя *таз* или *тазлар*, в Старшем Жузе роды *тастар-аргын*, *таз-коян*), киргизов (род *таздар* племени сарыбагыш), узбеков (род *таз-катаган*; род *таз* племени мангыт в Зеравшане), туркменов (*тазы*, или *дазы*, в составе йомудов) и ногайцев (род *таз*). Л. П. Потапов высказал интересное предположение об этнической близости тастаров и телеутов. Основание к этому дает упоминание в «Сокровенном сказании» рода *таз* рядом с телесами в списке «лесных народов», подчинившихся монголам (Потапов, 1969, стр. 159). Местом обитания тастаров был в то время, по определению Л. П. Потапова, район Саяно-Алтайского нагорья. Если эта гипотеза верна (а последующая история родоплеменных групп таз действительно подтверждает их историческую связь с монголами), тогда происхождение тастаров восходит к древнетюркским образованиям.

Некоторые косвенные данные позволяют предполагать этнические контакты тастаров с угро-самодийскими племенами. По р. Таз, притоку Оби, в XVIII в. в районе обитания селькупов кочевал род *тасангоручи* или *тазукарача* (Миненко, 1969, стр. 81). Пребывание сеока таз в составе кумандинцев, в формировании которых участие самодийских и угорских элементов не раз отмечалось исследователями (Баскаков, 1958, стр. 28; Потапов, 1969, стр. 186), заставляет с вниманием отнестись и к такой возможности. Однако еще раз подчеркнем, что родоплеменные группы таз, которые в начале II тыс. н. э. проникли на запад, в Дешт-и-Кипчак, несомненно, были тюркоязычны. Проникновение тазларов в приаральские степи и далее на запад началось до монгольской эпохи. Одного из половецких князей XII в., брата Боняка, звали Таз. Из источников хорошо известно, что в эпоху средневековья племенных

вождей нередко называли в соответствии с этнонимом возглавляемого им объединения (ср. в башкирских шежере Муйтен-бий, Уран-баба, Дуван-Сакал, Кыпчак-хан, Кара-Табын-бий и др.). С началом монгольских походов в Восточную Европу и образованием Золотой Орды тазлары кочуют вместе с телевцами в южных степях, локализуясь в основном между Эмбой и Уралом (Радлов, 1887, стр. 23). В конце XIII в. они участвуют, по сообщению Рукнеддина Бейбарса, в междоусобной борьбе сначала в составе войск Токты, изменив ему, на стороне его противника Ногая (Тизенгаузен, 1884, стр. 109–110). Весьма вероятно, что именно с этими событиями, разгромом Ногая и победой Токты, связана миграция части тазларов на север, в Приуралье, где они рассчитывали укрыться от мести победителя. Такое заключение поддается еще тем, что тазлары пришли в Приуралье не компактной массой, а отдельными группами, которые влились в состав различных племен: бурзян, усерган, кыпчаков, табынцев и др. Родовые подразделения таз в сущности рассеяны по всей Башкирии.

Относительно компактно тазлары расселились в двух местах. Одна группа вместе с восточными табынцами направилась на Урал и в Зауралье. Там они заняли земли в соседстве с айлинским родом каратавлы и дуван-айлинцами. Тазлары расселились в нескольких деревнях и образовали зафиксированную некоторыми источниками XVIII в. Тазларскую волость Сибирской дороги. В список П. И. Рычкова она включена под названием «Таз-Дуванской» тюбы в состав айлинских башкир (Рычков, 1767, стр. 69). В XVIII в. в связи с изъятием башкирских вотчин под горные заводы тазлары были согнаны со своих земель. Переселившись севернее, они влились в состав каратавлицев и дуванцев. Вторая группа тазларов по р. Танып направилась на север и заняла обширные лесные районы по ее среднему течению. Таныпские тазлары долгое время не теряют связей с айлинскими тазларами и табынцами. По преданиям, они посещали зауральских соплеменников, а те — бывали на Таныпе.

Давними связями табынцев и тазларов объясняется, на наш взгляд, и такой показательный факт, как расселение в XVI в. ирэктинцев — ответвления табынского племени — на вотчинных землях племени таз.

Племена канлы, гэрэ, киргиз, елан, ельдяк, каршин, таныпские роды казанчи и кайпан. Все северозападные племена, в том числе и те, этническую историю которых мы только что рассмотрели, испытали сильное кыпчакское воздействие. В XIII—XIV вв. в Приуралье устремляются многолюдные племена Дешт-и-Кипчака, которые существенно преобразили этнографическую карту Башкирии и этнический облик ее населения. Рассматривая этническую историю башкирского племени кыпчак (гл. IV), мы упомянули, что собственно кыпчаки были лишь частью мощного миграционного

потока в Башкирию с Дешт-и-Кипчака. В его состав входили и другие племена, расселившиеся в основном в западной Башкирии. Наиболее крупными среди них были канлы и гэрэ.

Средневековые *канлинцы* (в «Сокровенном сказании» — *канглин*, у Рашид ад-дина — *канлы*, у Абу-л-Гази — *канкли*, *канглы*) оставили заметный след в родоплеменном составе ряда народов: казахов (племя *канглы* в Старшем Жузе), киргизов (племя *каңды* в группе ичкилик), каракалпаков (род *канглы* племени кыпчак), узбеков (*канглы*), крымских татар и ногайцев (*канлы*). С конца XIX в. существуют две точки зрения на происхождение племенного объединения канлы. Большинство исследователей считают, что канлинский союз возник в XI–XII вв. в приаральских степях на печенежско-огузской основе, при этом этноним *канглы* сближается с древним самоназванием печенегов *кангар* (см. Константин Багрянородный, 1934, стр. 17). Подчеркивается также существенная роль кыпчаков в формировании этнического облика канлинцев, которые после их разгрома в 1220 г. монголами в большинстве своем влились в состав населения Дешт-и-Кипчака. В общем виде эта схема была сформулирована еще В. В. Бартольд (1968а) и П. В. Голубовским (1884), а позже обстоятельно аргументирована и развита С. П. Толстовым (1948, стр. 20–25) и Т. А. Жданко (1950, стр. 111–112).

Другая гипотеза была разработана Н. А. Аристовым (1896) и поддержана Н. А. Бронниковым (1914). Канглы, согласно этой концепции, этнические преемники кангюйцев, создавших в последних веках до нашей эры обширное государство Кангюй на Сырдарье и прилегающих землях. Кангюйская идея происхождения канглов, принятая рядом археологов (Бернштам, 1951), в последнее время получила новое развитие в исследовании В. В. Вострова и М. С. Муканова, которые, подчеркивая тюркоязычность племен кангюй, пишут, что «канглы те же кангюй II в. до н. э.» (1968, стр. 32).

Отождествление этнических образований, отделенных громадным временным расстоянием, в историческом отношении не может считаться безупречным. Кроме того, возникают трудности, связанные с необходимостью обосновать тюркоязычность кангюйцев. Хотя в археологических исследованиях последнего десятилетия идея раннего (до н. э.) проникновения тюркских племен в Приаралье и Восточную Европу высказывается довольно часто, было бы преждевременным считать ее аргументированной. Конечно, роль кангюйцев в этническом формировании населения приаральских и сырдарьинских племен была, видимо, значительной, но, как правильно заметила Т. А. Жданко, они скорее всего были в числе субстратных компонентов печенегов и огузов — непосредственных предшественников канглийских племен. Добавим, что исследователи средневековой истории Средней Азии в последнее

время с привлечением новых источников расширили доказательства ранее высказанной гипотезы об ираноязычности племен кангюйской конфедерации (Гафуров, 1972, стр. 137). По мнению С. Г. Кляшторного, кангюйские племена начали менять свой этнический облик под влиянием инфильтрации тюркоязычного населения «не ранее середины I тысячелетия н. э.» (Кляшторный, 1964, стр. 174).

Этническая преемственность канглов с печенегами, напротив, подтверждается многими данными. Кроме общей основы этнонимов (канглы — кангар), существенное значение имеет однотипность тамг средневековых печенегов, с одной стороны (по М. Кашгари составная из двух знаков ∞ | — МК, 1960, стр. 90; по Абу-л-Гази производная от тамги / в форме \wedge — Кононов, 1958, стр. 53), и племен канглы в составе разных народов, с другой (| и || у башкирских канлы, табл. 3; |, \, / у казахских канглы — Гродеков, 1889; Бронников, 1914; X , — у ногайских канлы — Басаков, 1940).

В XIII в. канглы были существенной частью кыпчакских племен. Это не должно нас удивлять, так как канглийский союз был обширным и многочисленным. В войсках хорезмшаха, на стороне которого канглы выступили против монгольского наступления, их было до 90 тыс. (МИТТ, 1939, стр. 503). Этническое взаимодействие и смешение канглов и кыпчаков относится к более раннему времени, так как в период формирования на Сырдарье и в Приаралье союза канглийских племен они были юго-западными соседями кыпчако-кимаков. Поэтому после разгрома канглов монголами их дальнейшая судьба не только этнически, но и в политическом отношении была тесно связана с кыпчаками. Эти связи сохранялись до позднейших времен: у каракалпаков род канглы входил в состав кыпчаков (Жданко, 1950, стр. 36); в составе узбеков племена канглы и кыпчак «выступали как парное объединение» и расселялись смежно (Задыхина, 1958, стр. 768–770); взаимосвязь, общность тамг и смежное расселение в недавнем прошлом башкирских кыпчаков и канлинцев также является установленным фактом. В Дешт-и-Кипчаке канглы и кыпчаки были союзными, но одновременно и соперничающими племенами. Об этом имеются упоминания у Абу-л-Гази; на это же обстоятельство обращали внимание и некоторые исследователи канглийской проблемы. Башкирский материал также подтверждает эту версию. Канлинское шежере следующим образом рисует историю миграции племени: «Сыном родоначальника канлинцев Атика (в генеалогии Атик назван *Баба-Канлы*. — Р. К.) был Балгази — умный и смелый батыр. Однажды, когда Балгази был еще молодым, а канлы жили на р. Синдаш в верховьях Тобола, собрались аксакалы и провозгласили своим вождem [*ил-башы*] Кыпчака. Но Кыпчак не делал того, что хотел народ [*ил-йорт телэгэнде эшләмэгэн*], и канлинцы впали

в бедствия и страдания. Тогда Балгази показал свою зрелость и силу, и аксакалы сделали его ханом. Балгази спел песню [үлән] о страданиях народа и увел соплеменников на Асылы-куль»³¹.

Таким образом, обстоятельства истории канлинцев позволяют говорить не только о кыпчакизации племен канглы, но и о влиянии самих канглов на формирование в XII–XIII вв. этнического состава племен Дешт-и-Кипчака. В этом свете становится вероятным высказанное выше предположение, что одна из распространенных кыпчакских тамг || является по происхождению печенежско-канлинской, а точнее, удвоением печенежской тамги. Преобладание этой тамги во всей западной Башкирии может указывать на значительную роль канлинского компонента в кыпчакской миграционной волне.

В Приуралье, на территорию юго-западной Башкирии, канлинцы мигрировали в XIII — начале XIV в. Как и у кыпчаков, среди канлинцев распространены предания о переселении предков «с берегов Черного моря» или «из Крыма», откуда их якобы «привели бий Тарагай и два его сына — Улу-Чокыр и Кесе-Чокыр»³². После миграции с Приаралья и казахстанских степей на запад канлинцы, до расселения в Башкирии, участвовали, очевидно, в общих походах в южнорусские степи. В западной Башкирии канлинцы в XIII–XIV вв. сильно смешались с группами древнебашкирского населения. Об этом достаточно ярко свидетельствует высокий удельный вес у канлинцев усерганских, бурзянских и юрматынских тамг (табл. 3). У племени канлы был общий онгон с племенем усерган — журавль (*торна*). Крупное родовое подразделение канлинцев *москоу* (в XVII–XIX вв. *Мәскәу* — название канлинской деревни) скорее всего имеет булгаро-юрматынское происхождение: родоначальником подразделения был Маскау сын Мамата, генеалогия которого согласно шежере восходила к Тамти-Хатаю «из города Булгара» (Усманов, 1972, стр. 180).

Этническая история племени *гэрэ* изложена в связи с анализом происхождения гэрэй-кыпчакского рода (гл. IV). Было установлено, что гэрэйцы (*гэрэ*, *гэрэй*) — кыпчакизированные потомки тюркского или тюрко-монгольского объединения керейт. Миграция племени гэрэ в Приуралье, по их собственным преданиям, произошла одновременно с кыпчаками. Их предок «Гэрэ баба» был «из рода мангол» и кочевал «вместе с Кыпчаком» на Волге. Сначала гэрэйцы расселились на Белой, в районе, который они до сих пор называют *ил-гэрэ* 'родина гэрэйцев'³³. Здесь они заметно потеснили енейцев, значительная часть которых ассимилировалась в составе более сильных пришельцев. Поз-

³¹ Полевые записи 1955 г., стр. 28–29; другой вариант см. там же, стр. 35–36.

³² Там же, стр. 30.

³³ Полевые записи 1959 г., тетрадь I, стр. 4, 26.

днее, в конце XIV–XV в., часть племени углубилась в забельские леса, где получила название урман-гэрэйцев.

Племя *киргиз* в бельской долине было восточным соседом гэрэйцев; на юге земли киргизов были вытянуты до верховья Ика. Нет сомнения в том, что киргизы пришли в Башкирию в составе кыпчакской волны в XIII–XIV вв., скорее всего одновременно с соседями по бельской долине — гэрэйцами, еланцами и др. Свою генеалогию киргизы возводят, как обычно, к Чингизхану, а через него к своим предкам — Тонак-бию и Кадык-бию, по именам которых называются два киргизских рода: тэнкэй и кадыкай. Упоминание имени Чингизхана в предании является данью традиции, но в то же время указывает на время прихода киргизов в Башкирию в золотоордынскую эпоху. Древняя родина киргизов находилась, как настойчиво повторяют их сказания, далеко в «сибирской стороне» (*себер ягында*), откуда они, постепенно кочуя, добрались до Волги ³⁴.

Сложность анализа происхождения племени киргиз в том, что его название совпадает с этнонимом одного, а в историческом плане даже двух крупных тюркских народностей — киргизов и кара-киргизов. Киргизская этнонимия зафиксирована в составе и других народов: родовые группы *кыргыз* в Салчакском и Сайп-Нойоновском хошунах тувинцев, род *киргиз-аргын* у казахов, группа *кыргыз* у узбеков-локайцев. Но в приведенных случаях речь идет о соседних или территориально сравнительно близких народах, что создавало множество контактных ситуаций и, следовательно, возможности для взаимного проникновения отдельных групп одной народности в другую. Именно таково, очевидно, происхождение киргизского этнонима в среде локайцев; Б. Х. Кармышева пишет о возможности сравнительно позднего, примерно в XVI в., присоединения к локайцам киргизских групп (Кармышева, 1954, стр. 30). В составе самих башкир, но исключительно восточных и южных, зарегистрированы родовые подразделения *кыргыз*, появление которых хорошо объясняется в свете башкиро-казахских этнических связей в XVI–XVIII в. Совсем иначе обстоит дело с племенем киргиз, расселившимся на крайнем западе Башкирии, в тысячах километров от одноименного этнонима и влившегося в состав башкир в XIII–XIV вв., т. е. до завершения формирования киргизов в народность.

Для выяснения этнической истории башкир племени киргиз большой интерес представляет древнее шежере, опубликованное в переложении бугульминского учителя Ахмедгали Халимова в 1913 г. в журнале «Шура» (№ 10). Русский перевод публикации Халимова напечатал С. М. Абрамзон в книге «Киргизы» (Абрамзон, 1971, стр. 63). «Согласно родословной, сохранившейся от времен наших дедов, — го-

³⁴ Полевые записи 1960 г., тетрадь 2, стр. 59.

ворилось в шежере, — родоначальника башкир племени киргиз, живущих в деревне Ташлы Александровской волости Бугульминского уезда, называли Куркут-ата... [Он жил] на Бухарской дороге у моря Сыр. Его [Куркут-ата] сын Ахмед-бий, от него Мухамет-бий, от него Янба-бий, от него Кушык-бий. Кушык-бий жил в деревне Старое Киргизово (*Иске кыргыз*) в долине реки Белой у озера Татыш и бил челом Белому бию...». Герой огузского эпоса Коркут-Ата происходил «из племени Баят»; среди огузов он был «первым человеком» («Книга моего деда Коркута», 1962, стр. 10). В других источниках (Абу-л-Гази, Рашид ад-дин) Коркут-Ата упоминается в связи с историей огузов на Сырдарье, где он изображается «мудрым наставником пяти огузских ханов» (Якубовский, 1962, стр. 122). Можно заключить, что шежере племени киргиз имеет в виду тот период истории предков, когда они пребывали в составе огузской конфедерации на Сырдарье и в Приарале. Собственно, в документе имеется прямое указание на расселение киргизов «у моря Сыр». В свете изложенного, а также с учетом преданий о «сибирской» родине племени, выскажем предположение, что башкирские киргизы являются потомками древних (енисейских) киргизов. В данном случае не столь важно, были ли енисейские киргизы, как их многие называют, «древнекиргизской народностью» (ТКАЭЭ, 1956, 1960) или «в VI–XII вв. представляли собой смешанный по происхождению, немногочисленный аристократический род, входивший в тюркоязычное ядро древних хакасов», как считает Л. Р. Кызласов (1969, стр. 91). Принципиальное значение имеет другое. Предки башкирских киргизов, захваченные волной кочевнических передвижений, переселились на Сырдарью, где в VIII–X вв. их этническая история протекала в огузской этносреде. От этой эпохи они сохранили воспоминания о своем предке Коркут-Ата и пребывании «на Бухарской дороге». В дальнейшем в составе кыпчакских племен они проникли к западу от Волги, а позднее, в золотоордынскую эпоху, — на Бугульминскую возвышенность. Отдельные группы киргизов в общем потоке миграции кочевников достигли Причерноморья и Крыма, где этот этноним отложился в географических названиях: Киргиз, Киргиз-Катай, Одоман-Киргиз, Баш-Киргиз, Кучук-Киргиз и т. д. (Маркевич, 1928, стр. 12; Баскаков, 1964, стр. 46, 48).

Племя *елан* ряд исследователей, опираясь на значение этнонима (*йылан* — змея), а также упоминание Ибн-Фадлана о поклонении древних башкир змеям, относит к числу древнейших образований на территории Башкирии (Юсупов, 1960, стр. 130). Такое решение действительно было бы заманчивым, тем более, что в литературе были упоминания о культе змей (в частности об их неприкосновенности) в религии древних булгар (Поппе, 1927; Денисов, 1959). Однако от новой возможности перебросить связующий мост к булгарам приходится отказаться

ся, так как в данном случае мы имеем дело скорее всего со случайной ассоциацией. Еланцы, соседи киргизов и канлинцев в долине Белой, тесно связаны с ними и с кыпчаками вообще как временем миграции в Приуралье (XIII–XIV вв.), так и предшествующей историей в Дешт-и-Кыпчаке. Еланские предания о миграции предков в Приуралье «со стороны Волги» или «из Крыма», генеалогии, восходящие к Чингизхану, структура еланских тамг с явным преобладанием тамги кыпчакского типа (табл. 3), наконец, внутренняя микроэтнонимия, также кыпчакская по характеру (подразделение *кара-кыпчак*), — все это не оставляет возможностей для более древних сопоставлений. Кыпчакская этнонимия некоторых еланских подразделений не исключает возможности и того, что еланцы были в XIII–XIV вв. составной частью (родом) кыпчаков; во время полевых работ в 1953 г. один из стариков-еланцев следующим образом определил свою родовую принадлежность: «мы елан-кыпчаки» (*без йылан-кыпсактар*)³⁵.

В древней истории кыпчаков был эпизод, который, кажется, может послужить отправным моментом в поисках этнических истоков еланцев. В. В. Бартольд в рецензии на книгу И. Маркварта писал, что в период пребывания кыпчаков на Алтае их разбил народ *змей* (*джилан*); потерпевшие поражение кыпчаки несколько позже вместе с племенами *змей*, с которыми они смешались, разгромили узов и печенегов, а затем все вместе устремились на запад против Византии (Бартольд, 1968а, стр. 397). Сообщение, что древние кыпчаки жили на Алтае в долине «Чжи-лян» (китайская транскрипция тюркского *Джилан* ‘змея’) имеется в «Сокровенном сказании» (Палладий Кафаров, 1872, стр. 247). Других сведений о племени *змей* в источниках не имеется. Лишь Г. Е. Грумм-Гржимайло снова упоминает это название и опять же в связи с кыпчаками; он высказывает интересное предположение о том, что у этнических истоков племен *змей* находятся динлины (Грумм-Гржимайло, 1926, стр. 59).

Происхождение еланцев на основании имеющихся данных решить невозможно. Однако они дают повод для вполне обоснованного заключения, что башкиры племени елан — потомки одного из древнетюркских племен, которое включилось в состав кыпчаков еще на ранней стадии их истории миграции на запад.

Племена *ельдяк* и *каршин* были соседями канлинцев с запада и востока. Об этнической истории этих племен известно чрезвычайно мало. В настоящее время потомки ни тех, ни других родоплеменную принадлежность не помнят; территория их расселения, так же как и тамги, восстановлена главным образом по архивным источникам. Древним районом расселения племен *ельдяк* и *каршин* было левобережье р. Белой

³⁵ Полевые записи 1953 г., стр. 351.

(карта 13), т. е. территория наиболее активной кыпчакской экспансии. В настоящее время ельдякских аулов на левобережье практически нет. Но по источникам XVII–XVIII вв. (МИБ, 1936; 1949) можно не только восстановить расселение ельдякцев на Белой, но и проследить этапы довольно позднего (XV–XVI вв.) их передвижения на север, на таныпские берега, а оттуда — в долину р. Уфы. Среди каршинских и ельдякских тамг (табл. 3) преобладают по типу кыпчакские. Каршинцам, кроме того, хорошо знакома тамга-ворота (№ 6 в табл. 4), которая является следствием длительного соседства племени каршин с дуванейцами с запада и минцами — с востока. Среди ельдякцев, кроме кыпчакских, как и у большинства других бельских племен, распространены старобашкирские тамги — усерганские, юрматынские и др.

Перечисленные моменты делают маловероятными предположения ряда исследователей о местном, финно-угорском происхождении племен ельдяк и каршин, хотя, конечно, смешанность их с автохтонными группами населения весьма вероятна. Однако это последнее обстоятельство касалось не только ельдякцев и каршинцев, а в той или иной степени всех башкир. Гипотеза о местном, финно-угорском происхождении каршинцев, сформулированная еще в 1913 году, опиралась на соответствующее толкование элемента *ap* в племенном этнониме («Шура», 1913, стр. 617). Эта точка зрения не один раз была повторена в литературе, причем в недавнее время были предприняты неудачные попытки найти этнонимические параллели названиям каршин, ельдяк в этнонимии удмуртов — в территориальном отношении и исторически наиболее близкого к башкирам финноязычного народа. Однако с позиций современной исторической лингвистики финно-угорское происхождение обоих этнонимов доказать, видимо, невозможно. Элемент *ap* присутствует (обычно в конечной позиции) в названиях многих народов и племен (хазар, булгар, кангар), однако вопрос о финно-угорской их основе не ставится. К тому же само слово *ap* не является финно-угорским; этимологически оно восходит к пратюркскому *är* (ср. чув. *ar*; башк., кирг., узб. *ir*; туркм. *är* и т. д.) ‘муж’, ‘мужчина’, ‘человек’. Название *ap* в значении ‘народ’, ‘люди’ удмуртам было, вероятно, дано булгарами и унаследовано в том же значении современными тюркскими народами Поволжья и Приуралья (Кельмаков, 1970, стр. 191). Сказанное исключает возможность этимологизации названия *каршин* в упомянутом выше смысле.

Исследование закономерностей образования удмуртских родовых этнонимов (воршудных имен) также показывает, что поиски широкого круга этнонимических параллелей у башкир и удмуртов вряд ли дадут положительные результаты, кроме случайных звуковых совпадений, явных заимствований (например, этноним *гайна* у удмуртов; Худяков, 1920) и чрезвычайно редких, отмеченных нами случаев. Подавляю-

щее большинство удмуртских воршудных имен-этнонимов завершается словообразовательными формантами *-га*, *-йа*, *-а* (пурга, можга, чудзя, бигра), нехарактерными для башкирских родоплеменных названий. Современные исследователи удмуртских этнонимов не обнаруживают тюркских параллелей и в корневых компонентах слов (Бушмакин, 1970, стр. 175). Мы специально акцентируем внимание на приведенных доказательствах, чтобы подчеркнуть бесперспективность поиска древних башкиро-удмуртских этнических контактов. Начало взаимодействия башкир и удмуртов падает на период не ранее чем XIV–XV вв., когда контуры этнической характеристики обоих народов уже определились. До XIV в. древнебашкирские племена, как показано нами, безусловно контактировали и активно смешивались с финно-угорскими по происхождению племенами, однако, судя по башкирской этнонимии, это, вероятно, не были предки собственно удмуртов и тем более территориально удаленных от Башкирии марийцев и мордвы.

Что касается этнонимов ельдяк и каршин, то поиски аналогий им, на наш взгляд, будут перспективными в тюрко-монгольской этнонимии. Название ельдяк принадлежит, очевидно, к группе этнонимов, имеющих окончание *-ак*, *-як*, *-эк*, *-ик* (кыпчак, баджанак, емек; у башкир — бадрак, терсяк) (см. Еремеев, 1970, стр. 135). В этнониме каршин основу можно представить в форме *кариши*. В уйгурском языке слово *кариши* означало 'крепость', 'укрепленный город'. Оно было рано заимствовано тюрками; в Средней Азии можно найти немало названий населенных пунктов с указанной основой (Бартольд, 1965а, стр. 450). В этом аспекте *кариши* могло означать примерно то же, что и *балыксы*, *ирэкте*, т. е. 'защитники укрепленных городов'.

История расселения таныпских родов *казанчи* и *кайпан* на самом севере Башкирии также была связана с эпохой активной кыпчакской миграции. Тюркская, степная основа культуры обоих племен просматривается совершенно отчетливо. Это хорошо показала С. Н. Шитова на материалах народной одежды (Шитова, 1968, стр. 170–171). Среди кайпанских и казанчинских башкир до сих пор можно услышать повествования о том, что их деды любили «рассказывать о старине» под звуки курая (древний музыкальный инструмент), сейчас забытого в этих краях³⁶. Правда, казанчинские башкиры нередко рассказывают о приходе предков «со стороны Казани», но это не более чем внешняя ассоциация с племенным этнонимом и результат позднейшей ассимиляции среди них татар. Хорошо известно, что пришлые татары именовались *казанлар*, *казан кешесе*, *казан халкы*, но не казанчи. В старинных шежере в числе кыпчакских биев упоминается Казанчи-бий (Мирасов, 1930, стр. 73). В «Книге моего деда Коркута» фигурирует «Салор-Ка-

³⁶ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 12, д. 451, стр. 426.

зан» (или «хан Казан») — один из героических потомков Огуз-хана, «зять Баяндур-хана, счастье остальных огузов» (1962, стр. 22). Имя Казан-хана упоминается и в других источниках. Конечно, невозможно утвердительно решать вопрос об огузских или огузо-кыпчакских истоках происхождения рода на основе предполагаемой связи антропонимов и этнонимов Казан-хан — Казанчи-бий, казан — казанчи. Но, учитывая широкую распространенность этнических и топонимических названий с основой *казан* в Средней и Малой Азии, а также в южно-русских степях (Юсупов, 1971, стр. 229–230), такую вероятность, кажется, нельзя исключать.

Этноним кайпан встречается в юго-восточной Башкирии; подразделения с таким названием входят в состав древнебашкирских племен. Интересной является мысль о генетической связи этнонима кайпан с названием племени *кай* — одного из ответвлений кыпчаков в эпоху их пребывания в верховьях Иртыша (Kurat, 1937).

К собственно таныпским родам казанчинцы и кайпанцы имеют лишь территориальное отношение. И те и другие сравнительно поздно (XV–XVI вв.) поселились на таныпских вотчинах, которые, по обычной традиции, считаются в преданиях перешедшими к ним в качестве приданого за таныпскими девушками, на которых казанчинские и кайпанские батыры женились.

Существование племени *уваныш* или *маныш* прослеживается только по архивным источникам. В настоящее время это несколько татарских или смешанных деревень, содержащих в своих названиях древний этноним. В XVII–XVIII вв. уванышцы занимали значительные по размерам земли по правобережью Таныпа. Других материалов об уванышцах нет. Название племени, нехарактерное для тюркских народов и, напротив, имеющее аналогии в наименованиях удмуртских деревень (Ваныш, Аргыш), позволяет считать их тюркизированными финно-уграми.

В целом, однако, анализ этнонимического материала, относящегося к эпохе до XVI в., не дает достаточно убедительных доказательств широкой инкорпорации местного финно-угорского населения в башкирскую этническую среду. Но было бы преждевременным утверждать на этом основании, что этнонимия в данном случае является отражением реальной этноисторической ситуации. Антропологическая характеристика северо-западных башкир, как показано ниже, как раз свидетельствует об обратном. Дело, очевидно, в недостаточной изученности финно-угорско-тюркских языковых взаимодействий в различные эпохи и закономерностей проникновения финно-угорских этнолексем в тюркскую языковую среду. Подобные исследования в последние годы заметно активизировались, и можно надеяться, что накопление материалов в этом направлении со временем позволит вернуться к рассматриваемым вопросам на новом научном уровне.

1. Северо-западная Башкирия, особенно территория к югу от р. Белой, — основной и наиболее древний район этнических процессов, приведших к сложению башкирской народности. В этническом составе северо-западных башкир отложились следы участия в формировании башкирского народа различных племен и народов начиная с конца I тыс. н. э.

2. К раннему компоненту башкирского этноса относятся племена юрми, еней, гайна (тархан), буляр, собственно таныпские роды, происхождение которых связано с волжско-булгарской и угорской (малдырской) средой эпохи активных булгаро-угорских этнических контактов (VIII–IX вв.).

3. В состав древнебашкирского (баджгардо-бурджанского) этнического компонента (VIII–IX вв.), сыгравшего определяющую роль в формировании башкирского этноса, входили племена байлар, ун, а также мелкие родоплеменные образования сураш, истяк и др.

4. В северо-западной Башкирии наиболее четко просматривается крупная роль на завершающих этапах башкирского этногенеза (XIII–XIV вв.) собственно кыпчакской миграции (канлы, гэрэ, елан, киргиз, каршин, ельдяк, кайпан, казанчи), а также миграционных потоков кыпчакизированных племен тюрко-монгольского происхождения из китайской и табынской групп (балыксы, дуван, таз, уран, ирэкте).

5. До конца XII в. основным районом расселения северо-западных башкир остается юго-западное Приуралье, к югу от р. Белой. Массовое продвижение башкирских племен на север начинается с конца XII в. и продолжается до XVI в., когда башкиры достигают течений рек Тулва, Сылва, Бисерть, верховьев Чусовой.

6. В этническом формировании северо-западных башкир существенную роль сыграло местное, а позднее и пришлое финно-угорское население (племя уваныш, подразделения ар, сирмеш, нукшы и др.), которое, однако, сохранило мало самостоятельных родоплеменных образований, ассимилировавшись в составе тюркских (башкирских) племен.

7. С XVI в., в результате нарастающего колониационного потока с Поволжья постепенно меняется как этнографический состав населения северо-западной Башкирии, так и направление этнических процессов в значительной части района. Численное преобладание в составе переселенцев татар дает толчок этническому развитию башкир в сторону татаризации.

8. В сложении этнической основы северо-западной географической группы башкир ведущую роль сыграли кыпчакские родоплеменные образования, ассимилировавшие булгаро-угорское, древнебашкирское и местное население. Позднейшая миграция татарского населения с Поволжья стабилизировала и углубила культурно-языковую обособленность северо-западных башкир.

Т а б л и ц а 1

№	Племя	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
1	Буляр (Бүлэр)	Мышыга (Мышыга) } Кадыр (кадыр)	
2	Байлар, Байляр (Байлар, Байлэр)	Сураш (Сураш) } Салагуш (Салагош) Калмыш (калмаш)	 Стремена (өзэнге)
3	Юрми, Юрмый (Юрми, Юрмый)		
4	Ирэкте (Ирэкте)		 Кольцо с ручкой (саплы бөжөра) Гусиные лапки (казаяк)

Т а б л и ц а 2

№	Тамга	Распространение тамги	Вариации
1		Буляр (7 из 18)	
2		Байлар (18 из 58); Ирэкте	
3		Юрми (26 из 47); Байлар, Ирэкте	
4		Ирэкте (14 из 46); Юрми, Байлар	
5		Байлар, Юрми	

Т а б л и ц а 3

№	Племя	Род	Основные или наиболее распространенные тамги и их название
---	-------	-----	--

Н и ж н е б е л ь с к и е б а ш к и р ы

1	Еней (Йәнәй)	Бугазы (Богазы)	Зафиксировано 165 тамг, в т. ч.: (94) X (30) T (16) Y (7)
		Тугыз (Туғыз)	
		Камбар (камбар)	
2	Гэрэ (Гәрә)	Урман-Гэрэ (Урман-Гәрә)	Зафиксировано 177 тамг, в т. ч.: (96) Y (17) Вилы (сәнәк) L (16) Гусиные лапки (казаяк) X (16) Мотушка (әүернә) T (12) □ (6) Ворота (капка)
		Иль-Гэрэ (Ил-Гәрә)	
3	Киргиз (Кыргыз)	Тэнкэй-Киргиз (Тәнкәй-кыргыз)	Зафиксировано 60 тамг, в т. ч.: (22) X (12) Мотушка (әүернә) Y (8)
		Кадыкай-Киргиз (казыкай-кыргыз)	

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

4	Елан (Йылан)	Эске-Елан (Эскө-Йылан)	{	Зафиксирована 61 тамга, в т. ч.:	
		Идель-Елан (Изел-Йылан)		(22)	X (10)
		Кыр-Елан (кыр-Йылан)		T (8) Молоток (чүкөч)	L (5)
5	Ельдяк, Ельдят (Елдэк, Ельдэт)	Кыр-Ельдяк (кыр-Елдэк)	{	Зафиксировано 30 тамг, в т. ч.:	
		Буре-Ельдяк (Бүре-Елдэк)		(9)	X (5)
		Уфа-Ельдяк (Өфө-Елдэк)		Y (5)	
6	Канлы (канлы)	Идель-Канлы (Изел-канлы)	{	Зафиксировано 137 тамг, в т. ч.:	
		Юрактау-Канлы (Юрактау-канлы, Юракты-канлы)		(46) Два ребра (ике кабырга)	X (27) Вороб (эүернэ)
		Актау-Канлы (Актау-канлы, Акты-канлы)		Y (17) Вилы (сәнэк)	L (16) Гусиные лапки (казаяк)
		Кыр-Канлы или Сындаш (кыр-канлы, Сындаш)		T (7) Молоток (чүкөч)	
7	Дуван, Дуваней (Дыуан, Дыуанэй)	Елкысы (Йылкысы)	{	Зафиксировано 70 тамг, в т. ч.:	
				(31)	X (13)
				┐ (9)	Y (8)

Т а б л и ц а 3 (продолжение)

8	Каршин (каршен)	Кадряй-Каршин (кэзрэй-каршен)	Зафиксировано 28 тамг, в т. ч.: (12) (5) Ворота (канка)
		Карга-Каршин (карга-каршен)	
		Сатлыган (или Акбаш) -Каршин (Сатлыган-каршен, Акбаш-каршен)	
9	Таз (Таз)		Зафиксировано 5 тамг, в т. ч.: (1) X (1) Y (2)
10	Уваныш, Маныш (Ыуаныш, Маныш)		Тамги не зафиксированы

Северные башкиры

11	Уран (Уран)		Зафиксировано 30 тамг, в т. ч.: (15) T (6) Y (5) (3)
12	Гайна или Тархан (Гэйнэ, Тархан)	Тул-Гайна (Тол-Гэйнэ)	Зафиксировано 38 тамг, в т. ч.: Y (13) (7) (7) (5)
		Тур-Гайна (Тор-Гэйнэ)	
		Бисер-Гайна (Бисер-Гэйнэ)	
		Мул-Гайна (Мол-Гэйнэ)	

Т а б л и ц а 3 (окончание)

13	Балыксы (Балыксы)		Зафиксировано 24 тамги, в т. ч.:
			 (9)
			(10)
			Зафиксировано 33 тамги, в т. ч.:
14	Ун (Ун, Суун, Суннарсы)	Ун (Ун) Су-Ун (Су-Ун) Байкы (Байкы) Кыр-Ун (кыр-Ун)	С (22) (4) (3)
15	Танып (Танып)	Су-Танып (Су-Танып или Сул-Танып) Кара-Танып или Кыр-Танып (кара-Танып, кыр-Танып) Кайпан (кайпан) Казанчи (казанчи)	(12) (6) С (5)

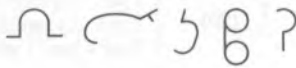

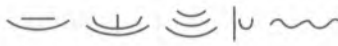

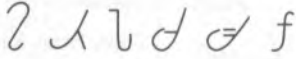

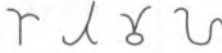

Т а б л и ц а 4

№	Тамга	Распространение тамги	Вариации
1	(385)	Еней, Гэрэ, Киргиз, Елан, Ельдяк, Канлы, Дувансей, Каршин, Таз, Уран, Гайна, Балыксы, Ун	
2	X (110)	Еней, Гэрэ, Киргиз, Елан, Ельдяк, Канлы, Дуваней, Таз	

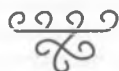
Т а б л и ц а 4 (окончание)

3	Y (80)	Гэрэ, Киргиз, Ельдяк, Еней, Дуваней, Канлы, Таз, Уран, Гайна	Y Y Y Y Y Y Y Y Y Y Y Y
4	L (40)	Гэрэ, Елан, Канлы	L L L ^ < > L L x v Δ Δ
5	T (55)	Еней, Гэрэ, Елан, Канлы, Уран	T T T T T T T T T T
6	U (25)	Дуваней, Каршин, Уран, Гайна	U U U U U U U U U
7	C (30)	Ун	C C C C C C C C C C C C
8	U (15)	Гайна, Ун	U U U U
9	U (10)	Балыксы	U U U U

Т а б л и ц а 5

№	Тамга	Распространение тамги	Вариации
1	 (16)	Гайна, Гэрэ, Киргиз, Канлы, Каршин	
2	 (12)	Гэрэ, Еней, Канлы, Ельдят, Каршин	
3	 (11)	Гэрэ, Еней, Канлы, Ельдят, Киргиз	
4	 (6)	Гэрэ, Канлы, Елан, Киргиз, Каршин	
5	 (3)	Елан	

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИР И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ

ГЛАВА VIII
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИУРАЛЬЕ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.
СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕБАШКИРСКОГО ЭТНОСА

НАСЕЛЕНИЕ БАШКИРИИ В I ТЫС. Н. Э.
ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ
О РАННИХ ТЮРКАХ НА СРЕДНЕЙ ВОЛГЕ
И В ПРИУРАЛЬЕ

Население Башкирии в I тысячелетии
(до VIII в.)

Территория Башкирии в силу особенностей ее географического положения с древнейших времен входила в зону контакта оседлых охотничье-земледельческих и кочевых скотоводческих племен. В эпоху раннего железа степные и лесостепные районы южной Башкирии занимали *ираноязычные* сарматские племена — продолжатели культуры савроматов. Граница распространения сарматских памятников проходила примерно по линии Куйбышев — Уфа, затем, огибая Южный Урал, в степном Зауралье достигала района Магнитогорска. В последние годы зафиксировано проникновение сарматов севернее этой границы, где они вступили в активное взаимодействие с племенами кара-абызской культуры на правобережье среднего течения р. Белой (К. Ф. Смирнов, 1971, стр. 72; Пшеничнюк, 1971, стр. 91). Кара-абызские племена, так же как и обитавшее в нижнем течении р. Белой пьяноборское население, сформировались на базе ананьинской культуры, носители которой в этническом отношении принадлежали к восточно-финской ветви *финно-угорской* языковой общности. Пьяноборцы расселились далее по Каме на север (чегандинская, осинская и гляденовская культуры; Генинг, 1970, стр. 7–8) и на запад до левобережья Волги, где они граничили с родственными племенами городецкой культуры, а на юге — с сарматами (Смирнов, Мерперт, 1954, стр. 32). Этническая

карта восточной Башкирии в эту эпоху не очень ясна. В северо-восточных районах встречаются редкие памятники каменогорской культуры, генетически близкой к зауральской (иткульской).

К. В. Сальников считал каменогорские племена угорскими, хотя допускал возможность влияния на них зауральских сарматов (Сальников, 1966, стр. 118). Некоторые исследователи считают вероятным проникновение угров в эпоху раннего железа на западную сторону Урала. В частности, с угорскими племенами предположительно связывается гафурийско-убаларская группа памятников по правобережью среднего течения р. Белой (Генинг, 1971, стр. 45; Пшеничнюк, 1971, стр. 91). В Зауралье в самом конце I тыс. до н. э. наблюдается продвижение прииртышских племен саргатской культуры в Притоболье, в низовья Исети и Миасса. В этническом отношении саргатские племена, вероятно, были западносибирскими уграми (Могильников, 1971, стр. 153; 1972, стр. 86).

Нарисованная картина этнокультурного состава населения Башкирии сохраняется приметно до III в. н. э. Наиболее характерными ее чертами были соседство и взаимодействие двух больших этнических зон — восточнофинской и сарматской. Уже в эту эпоху, возможно, имело место проникновение из Зауралья небольших групп угорского населения. Обращают внимание заключения ряда исследователей о малочисленности населения Башкирии эпохи раннего железа. По оценке В. Ф. Генинга, все население «обширной лесной полосы Прикамья» не превышало 15–20 тыс. человек (Генинг, 1961, стр. 34), хотя, конечно, такой вывод в какой-то степени может быть и следствием недостаточной изученности территории. Относительно каменогорского населения археологи говорят лишь о его «эпизодическом проникновении» на территорию восточной Башкирии (Пшеничнюк, 1971, стр. 89). Кочевое население Приуралья в позднесарматское время (II–IV вв.), по словам К. Ф. Смирнова, «по-прежнему было довольно редким, если только не более редким, чем в среднесарматское время» (Смирнов, 1971, стр. 73). Слабая заселенность края была, очевидно, одним из условий активных внутренних миграций, а также проникновения и расселения в Приуралье начиная с III в. н. э. новых групп пришлых племен.

Археология Южного Урала и Приуралья I тыс. н. э. вступила в последние два десятилетия благодаря крупным раскопкам и обобщающим работам А. П. Смирнова (1951; 1952; 1957; 1971), В. Ф. Генинга и А. Х. Халикова (1964; Халиков, 1970; 1971; 1971а; Генинг, 1961; 1964; 1967; 1970; 1971; 1972), Н. А. Мажитова (1964; 1964а; 1968; 1971), М. Х. Садыковой (1959; 1971), С. М. Васюткина (1968; 1971) и др. в новый этап развития. Его особенностью является существенная коррективировка прежних представлений об этническом составе населения Волго-Камья и Приуралья и формирование новой концепции древней

и раннесредневековой истории племен Волго-Уральской области. Но у этого процесса, безусловно в целом положительного, есть обратная сторона. Как нередко бывает в период перехода от накопления материала к его обобщению, возникло стремление дать добытым фактам всеобъемлющую историческую трактовку, хотя для исчерпывающей реконструкции материалов пока явно недостаточно. Это, естественно, ведет к появлению различных, зачастую исключаящих друг друга, теорий и гипотез. На некоторых из них лежит печать поспешности, субъективного стремления непременно «увязать» новый археологический материал с традиционными, но далеко не всегда доказанными концепциями и гипотезами. Конечно, такое положение — временное явление. Если оно несколько затянулось, то объясняется это во многом несовершенством методических приемов археологической науки в этнической интерпретации памятников вообще, кочевников и полукочевников в особенности. Трудно найти другое объяснение различным и противоречивым позициям археологов в таких первоочередной важности вопросах, как правомерность выделения тех или иных культур и их локальных вариантов, а применительно к уже выделенным культурам — относительно их датировки, происхождения, этнической принадлежности, территории распространения и характера взаимодействия с другими культурами. Именно такова пока картина в археологической литературе в отношении исторической интерпретации большинства открытых за последнее десятилетие культур и памятников.

Общая характеристика этнокультурного состава населения Башкирии в III–VIII вв. по археологическим данным представляется следующей. *Северо-западная Башкирия*, главным образом территория по нижнему течению р. Белой, была занята с III в. н. э. мазунинскими и бахмутинскими племенами. На правобережье средней Белой выделен культурный комплекс имендяшевского типа (время существования также с III в. н. э.).

Мазунинская и бахмутинская культуры, особенно на раннем этапе их развития (III–V вв.), многими исследователями не различаются; та и другая возникли на основе пьяноборской культуры. Существенное значение при этом имела интеграция чегандинского варианта пьяноборской культуры с кара-абызской (Генинг, 1972, стр. 241). Некоторые региональные особенности в культуре бахмутицев и мазунинцев возникли в процессе последующего развития, на втором этапе истории соответствующих культур (V–VII вв. — бахмутинская, V — начало VIII в. — мазунинская культуры). Имендяшевский культурный комплекс примыкает к раннебахмутинской культуре (Матвеева, 1971, стр. 129). Относительно происхождения и этнической принадлежности мазунинских и бахмутинских племен высказывались разные точки зрения. Исследователь бахмутинской культуры Н. А. Мажитов считает

(Мажитов, 1968, стр. 49–64), и с ним солидаризировались А. П. Смирнов, К. В. Сальников, Г. И. Матвеева, В. А. Могильников и др., что бахмутинцы генетически связаны с племенами пьяноборской и карабызской культур, наследниками языка и культуры которых они являются. По мнению В. Ф. Генинга (1967, стр. 59–69; 1970, стр. 195), Прикамье и Приуралье в III в. н. э. захлестнула волна западносибирских угорских племен, сдвинутых с места кочевниками гуннской конфедерации. Пришельцы разгромили пьяноборский племенной союз, заставив основное его население отступить на запад, где в связи с их миграцией получает развитие азелинская культура Волго-Вятского междуречья. Следовательно, по В. Ф. Генингу, мазунинцы и бахмутинцы были уграми, ассимилировавшими оставшуюся часть пьяноборского населения. В последних работах В. Ф. Генинг уточняет дату начала массового проникновения западносибирского населения: V в. н. э. (Генинг, 1971, стр. 47), что вносит существенные коррективы в его прежнюю концепцию. В соответствии с новой постановкой темы мазунинцы и бахмутинцы являются по происхождению преемниками пьяноборских племен, т. е. финноязычным населением, принадлежащим к восточнопермской ветви финно-угорских языков, но с V в. н. э. захваченным мощной, преимущественно угорской волной и угризированным.

Результат, к которому пришел В. Ф. Генинг, неожиданно смягчил, а в некоторой части вовсе снял его разногласия с Н. А. Мажитовым по поводу этнической принадлежности бахмутинско-мазунинских племен. Н. А. Мажитов, отрицающий роль зауральского угорского населения в формировании бахмутинцев и доказывающий генетическую преемственность бахмутинской культуры с предшествовавшими, в то же время, как и В. Ф. Генинг, язык бахмутинцев считает угорским (Мажитов, 1968, стр. 82–83). Такая позиция заставляет Н. А. Мажитова утверждать (вопреки установившейся точке зрения на ананьинскую и пьяноборскую культуры как восточнофинские или финно-пермские), что пьяноборцы были в этническом отношении неоднородны и что носители бельского варианта этой культуры были угорязычными. Логическое завершение эта схема получила в тезисе, согласно которому бахмутинцы-угры были предками мадьяр (Мажитов, 1968, стр. 77; 1971, стр. 16). Аналогичная формулировка В. Ф. Генинга менее категорична. Он пишет: «Угорское население Южного Прикамья следует увязывать с древнемадьярскими группами» (Генинг, 1961, стр. 44).

Исследование бахмутинской культуры, начатое А. В. Шмидтом (1929) и продолженное Н. А. Мажитовым, к сожалению, не завершено. Среди многих вопросов, которые остались неясными, наибольшее значение имеет так называемое «исчезновение» бахмутинской культуры в VII в. и мазунинской — примерно в это же время или несколько

позже. Заключение Н. А. Мажитова о том, что исчезновение бахмутинцев связано с уходом из Приуралья мадьяр, принять невозможно, так как в VII в. бахмутинцы были оседлыми охотничье-земледельческими племенами, испытывшими определенное влияние южных степных кочевников, что совершенно не соответствует характеристике мадьяр во второй половине I тыс. н. э. (ИБ, I, стр. 88–89). Но дело не только в этом: идея угорской языковой принадлежности бахмутинцев осталась недоказанной; собственно, она опровергнута самим Н. А. Мажитовым, доказавшим преемственность бахмутинской культуры с пьяноборской, финноязычность носителей которой как будто никто сомнению не подвергает. Интересной в этом свете выглядит идея С. М. Васюткина об «уходе» основной массы бахмутинцев на север или северо-запад в VIII в. в связи с массовой миграцией в Приуралье тюркских кочевников (1968). Однако пока это лишь предположение; к тому же VIII в. — слишком ранняя дата для «массовой» миграции тюрков в район нижней Белой и тем более севернее. Прочная аргументация идеи миграции бахмутинцев на север или, что не менее вероятно, их этнического смешения (или ассимиляции) с более поздним, в том числе пришлым, населением на прежней территории имела бы принципиальное значение для выяснения целого ряда вопросов, касающихся ранних этапов башкирского этногенеза. Так или иначе судьба бахмутино-мазунинских племен должна быть установлена не на основе предположений и неоправдавшихся гипотез, а на конкретном археологическом материале.

Научная сессия по этногенезу башкир (1969 г.) способствовала установлению, на наш взгляд, более правильной этнической интерпретации мазунинской и бахмутинской культур. В соответствии с ней бахмутинцы и мазунинцы представляли региональные группы финно-пермских племен, находившихся в контакте с лесным угорским населением Урала и Зауралья. В формировании мазунинцев и, особенно бахмутинцев, согласно этой концепции, приняла участие небольшая группа угорского населения, которая, однако, растворилась в финно-пермской среде (Могильников, 1971, стр. 153; Васюткин, 1971а, стр. 103–104; Матвеева, 1971, стр. 132). Это полностью соответствует выводам М. С. Акимовой, основанным на палеоантропологических материалах из бахмутинских могильников. Фиксируя приток монголоидного населения из Зауралья, она в то же время отмечает малочисленность пришельцев и незначительность монголоидной примеси в бахмутинских черепках (Акимова, 1961, стр. 123; 1971, стр. 42).

Имендяшевский культурный комплекс, датируемый III–V вв., по определению исследователей этих памятников, также принадлежал финно-пермским племенам. Однако, учитывая генетическую преемственность имендяшевской керамики с предшествующей здесь гафурийско-

убаларской, многие археологи предполагают участие в формировании имендашевского населения угорских племен (Матвеева, 1971, стр. 129; Пшеничнюк, 1971, стр. 91)¹.

¹ В работе «Южное Приуралье в III–VII вв.» В. Ф. Генинг (1972) во многом по-новому подходит к освещению этнической истории населения центральной и северо-западной Башкирии, заметно приближаясь к взглядам, сформулированным в выступлениях ряда археологов на сессии по этногенезу башкир в 1969 г. В то же время существенную метаморфозу претерпели взгляды В. Ф. Генинга на бахмутинскую культуру. Заново проанализировав материалы Бирского могильника, он пришел к выводу, что Н. А. Мажитов без достаточных оснований объединил Бахмутинский и Бирский могильники в единую культуру, так как погребальный обряд бирских захоронений обнаруживает «полное сходство» с обрядом захоронений населения мазунинской культуры (1972, стр. 238). Керамика и погребальный обряд Бахмутинского могильника на р. Уфе (V–VII вв.) восходят, по В. Ф. Генингу, «к традициям местного западноуральского населения», в частности, как это можно судить по керамике, к имендашевскому культурному комплексу (1972, стр. 244–245). Следовательно, делает вывод В. Ф. Генинг, на раннем этапе (III–V вв.) мазунинская культура занимает обширную территорию, включающую всю северо-западную Башкирию до впадения р. Бирь в Белую. По происхождению мазунинцы «относятся к местному пермскому населению, которое генетически связано с ананьинским в его бельском и среднекамском вариантах» (1972, стр. 242). Этот тезис исключает ранее отстаиваемое В. Ф. Генингом положение о *мас-совом* притоке в Приуралье, начиная с III в. н. э., западносибирского (в том числе угорского) населения, которое сам автор «в свете новых исследований» объявляет «ошибочным» (1972, стр. 222). В III–V вв., т. е. на раннем этапе развития мазунинской культуры, в значительных масштабах имели место внутренние миграции населения в Приуралье. Так, около III в. н. э. кара-абызские племена из центральной Башкирии передвинулись вниз по р. Белой, где они, смешавшись с чегандинским населением, приняли участие в формировании мазунинцев.

В V–VII вв. Приуралье, в том числе северо-западная Башкирия, в результате миграции племен с востока и юга, становится этнически смешанным регионом. На одной и той же территории в эту эпоху присутствуют памятники разного типа. Этническое единство территории, характерное для предшествующей эпохи и являющееся необходимым условием для выделения археологических культур, исчезает. Поэтому В. Ф. Генинг выделяет здесь различные археолого-этнические типы (АЭТ), под которыми подразумевает устойчивые сочетания этнообразующих признаков в археологических материалах (керамика, погребальный обряд, специфический набор женских украшений), характеризующих традиции определенной этнической группы. В северо-западной Башкирии, в районе распространения в III–V вв. мазунинской культуры, для

На территории *стенной и лесостенной Башкирии* в III–IV вв. продолжают кочевать сарматы, которые в западной части Волго-Уральского района под давлением гуннских кочевников с юга активизируют движение на север, вплоть до Камы (Смирнов, Мерперт, 1954, стр. 32). Начиная с V в. здесь появляются различные группы племен, которые не имели корней в местных культурах.

Центральную Башкирию, главным образом по левобережью Белой, занимали племена — носители турбаслинского культурного ком-

V–VII вв. фиксируется позднемазунинский АЭТ, носители которого продолжали этнические традиции финно-пермского населения.

Бахмутинская культура на раннем этапе развития (III–V вв.), согласно новым построениям В. Ф. Генинга, идентична имендяшевскому комплексу. Следовательно, в отличие от Н. А. Мажитова (1968, стр. 8), район расселения бахмутинцев локализуется В. Ф. Генингом не в низовьях р. Белой, а преимущественно по правобережью ее среднего течения и включает значительную часть южной Башкирии. В. Ф. Генинг солидарен с другими археологами в том, что этническая основа имендяшевских памятников ананьинская, на которую наслылось заметное влияние пришлого гафурийско-убаларского населения. На формирование ранних бахмутинцев оказали влияние и местные кара-абызские племена. Опираясь на предположение о западносибирско-угорском происхождении убаларских памятников и придавая решающее значение участию убаларского компонента в формировании раннебахмутинской культуры, В. Ф. Генинг по-прежнему считает бахмутинцев угорязычным населением (*Генинг*, 1972, стр. 245). Правда, и этот тезис в новой формулировке В. Ф. Генинга не выглядит столь бесспорным, как прежде. Но все же выделенный им для V–VII вв. бахмутинский АЭТ — «это дальнейшее развитие убаларско-имендяшевского угорского населения южной Башкирии» (*Генинг*, 1971, стр. 53).

Для V–VI вв. на территории северо-западной Башкирии выделяется еще несколько археолого-этнических типов (бирский, кансярский, чермасанский, чандарский), пока слабо изученных и поэтому не поддающихся точной этнической характеристике. По предположению В. Ф. Генинга, выделенные им АЭТы не имеют приуральских корней и, вероятно, восходят к культурам западной Сибири, в том числе к саргатской (*Генинг*, 1972, стр. 258–266).

Мы привели развернутую характеристику новой концепции В. Ф. Генинга, чтобы показать состояние активного развития, в котором сегодня находится археология Башкирии I тыс. н. э. В процессе этого развития происходят существенные изменения как в конструировании археологических культур и их вариантов, так и в определении происхождения и этнической принадлежности их носителей. При этом важно заметить, что идет постепенное сближение различных взглядов на этническую принадлежность археологических культурных комплексов (по крайней мере северо-западной Башкирии), хотя, конечно, для окончательных оценок необходимо накопление новых материалов.

плекса. Памятники турбаслинских племен были известны еще в конце 1940-х годов (Ахмеров, 1947), но наиболее обстоятельно их изучил Н. А. Мажитов (1959; 1962; 1964). Первоначально Н. А. Мажитов вслед за Р. Б. Ахмеровым (1951) и А. П. Смирновым (1958) считал, что турбаслинские памятники принадлежали сармато-аланским племенам. Однако открытие в западной Башкирии и публикация в начале 1960-х годов материалов памятников типа кара-якуповского, кушнареновского, романовского и др. положили начало (пока не завершившейся) дискуссии, центральным моментом которой является этническое определение новых культур и соответственно пересмотр ранее установленных этнических определений уже известных культурных комплексов. Существенное значение в этой дискуссии имели работы В. Ф. Генинга (1961), который на основе типологического анализа керамики с памятников Башкирии пришел к выводам: а) об угорском или угро-самодийском происхождении племен — носителей различных вариантов круглодонной керамики (в данном случае — кара-якуповских и кушнареновских племен); б) о раннетюркском происхождении племен — носителей различных вариантов плоскодонной керамики (романовские). Обе группы племен, по мысли В. Ф. Генинга, мигрировали в Приуралье из Западной Сибири, Зауралья, Казахстана. Плоскодонные сосуды встречаются и в турбаслинских могильниках. Это послужило одним из основных доводов, побудивших Н. А. Мажитова изменить прежнюю точку зрения и считать турбаслинцев тюркоязычными и даже конкретно древнебашкирскими племенами (Мажитов, 1964, стр. 110). Развитие этой идеи вылилось, в конечном итоге, в довольно стройную на первый взгляд концепцию по этногенезу башкир, изложенную Н. А. Мажитовым в ряде работ (1964; 1966; 1968; 1971). Ее стержнем является мысль о взаимодействии в середине I тыс. н. э. угорязычных бахмутинцев (древних мадьяр) и их южных соседей — тюркоязычных турбаслинцев (древних башкир). Такая трактовка памятников позволила Н. А. Мажитову сомкнуть археологические источники с некоторыми сведениями средневековых письменных памятников и прийти к внешне эффектному выводу о башкиро-мадьярском взаимодействии в бельской долине и образовании на этой основе древнебашкирского этноса. Однако новые археологические открытия, а также дискуссия по археологии Башкирии железного века на научной сессии по этногенезу башкир внесли существенные коррективы как в общее построение Н. А. Мажитова, так и конкретно в оценку этнической принадлежности турбаслинской культуры, хотя, конечно, было бы преждевременно считать эти проблемы окончательно решенными. Суммарно итоги изысканий по археологии юго-западной Башкирии III–VIII вв. можно представить следующим образом:

а) Турбаслинские памятники (V–VII вв.) (по В. Ф. Генингу — турбаслинский археолого-этнический тип), распространенные по среднему течению р. Белой — от г. Благовещенска до Стерлитамака, имеют сармато-аланскую основу (А. П. Смирнов, К. В. Сальников, В. А. Могильников, С. М. Васюткин, Г. И. Матвеева). Это заключение подтверждается палеоантропологическим материалом из Ново-Турбаслинского могильника, который относится к европеоидному типу южного происхождения (Акимов, 1968, стр. 72; 1971, стр. 42). Данное обстоятельство заставляет критически отнестись к мнению В. Ф. Генинга, правда, высказанному в весьма предположительной форме, о принадлежности турбаслинцев к тюркизированным уграм западносибирского происхождения (Генинг, 1972, стр. 288). Нет также никаких данных, которые позволили бы говорить о тюркском происхождении турбаслинцев (Мажитов, 1971, стр. 14), тем более, что неопределенным является комплекс признаков, который, бесспорно, можно было бы связать с ранними тюрками. Турбаслинские племена, следовательно, были сармато-аланами, переселившимися в V в. н. э. с юга: с Приазовья (Смирнов, 1957, стр. 62), Нижнего Поволжья (Васюткин, 1971, стр. 137), где еще оставалось сарматское население, или даже из южной Башкирии и оренбургских степей, входивших в зону сарматского расселения (Ахмеров, 1970, стр. 189). В Башкирии турбаслинцы сильно смешались с местным населением, преимущественно с финно-пермскими племенами среднего и нижнего течения р. Белой (Матвеева, 1971, стр. 131–132). В V–VIII вв., таким образом, продолжались и углублялись взаимодействие и смешение финноязычных племен лесной зоны и продвигавшихся к северу сармато-аланских кочевников.

б) Кара-якуповский (или чермасанский) и кушнаренковский культурные комплексы многие археологи считают родственными или вариантами одной культуры. В связи с многослойностью Кушнарековского могильника В. Ф. Генинг предложил культурный комплекс, известный в литературе как кушнаренковский, называть куштерьякским, выделив соответственно куштерьякский и кара-якуповский археолого-этнические типы (Генинг, 1971, стр. 47, 51; 1972, стр. 266). Караякуповские и куштерьякские памятники разбросаны на всей территории западной Башкирии в междуречье Белой и Ика. Датируются они предварительно в пределах V–VIII вв. В датировке верхних пределов культур среди археологов имелись расхождения. В. Ф. Генинг появление ранних кушнаренковцев (куштерьякцев) относил к III в. н. э. (1967); В. А. Могильников, Н. А. Мажитов и Г. И. Матвеева, напротив, — ко времени не ранее VI–VII вв. В этническом определении большинство археологов (К. В. Сальников, В. А. Могильников, С. М. Васюткин, Г. И. Матвеева) согласились с доказательствами В. Ф. Генинга (1961) о зауральском, угорском или угро-самодийском происхождении оседлых земледельчес-

ко-скотоводческих племен, которым принадлежали кара-якуповские и куштерьякские памятники. В то же время аргументированные возражения встретила в литературе датировка В. Ф. Генингом начала их миграции с III в. н. э. В истории Башкирии I тыс. н. э. прослеживаются две угорские миграционные волны из Зауралья. В III в. и ранее незначительные угорские группы влились в финно-пермскую среду пьяноборских племен, приняв участие в формировании бахмутинцев. Вторая волна угорского переселения имела место начиная, примерно, с V в. (согласно В. А. Могильникову и Г. И. Матвеевой — с VI–VII вв., С. М. Васюткину — с рубежа IV–V вв.) и была более мощной и многолюдной. Со второй волной угорского переселения в Приуралье связано не только появление куштерьякцев и кара-якуповцев, но и часто прослеживаемые угорские (или угро-самодийские) признаки (круглодонная керамика, грунтовые могильники и пр.) в культуре всего остального населения юго-западной Башкирии. В связи с недавними выступлениями В. Ф. Генинга, в которых он называет новую дату миграции ранних кара-якуповцев и куштерьякцев в Башкирию — VI в. н. э. (Генинг, 1971, стр. 47; 1972, стр. 267, 270), точки зрения многих археологов в этом сложном вопросе заметно сблизились. В этих же работах В. Ф. Генинг уточняет свои прежние определения этнической принадлежности памятников кара-якуповского и куштерьякского типов и считает их самодийскими (Генинг, 1972, стр. 272–277). В. Ф. Генинг довольно убедительно аргументирует самодийское происхождение племен, оставивших археологические культуры в лесостепной полосе Западной Сибири, однако это вовсе не исключает взаимодействия угров и самодийцев в этих районах и образования смешанных групп. Это заключение опирается на исследования В. Н. Чернецова, доказавшего присутствие угорского этноса в Западной Сибири в эпоху железа (Чернецов, 1953, стр. 239–241).

Установление более поздней даты прихода куштерьякских и кара-якуповских племен в Башкирию имеет значение и в плане внесения кое-каких корректив в «тюркское» определение их этнического облика, данное в свое время Н. А. Мажитовым (Мажитов, 1964, стр. 150; 1968б, стр. 51–52). В. А. Могильников, имея в виду тюркизацию угорского населения на юге Западной Сибири в VI–VII вв., допускает возможность прихода в Башкирию некоторых групп тюркизированных угров. В этом смысле (и *только* в этом смысле), замечает В. А. Могильников, «можно говорить о тюркском характере хотя бы части кушнаренковского населения, не забывая о его угорском (или угро-самодийском. — Р. К.) субстрате» (Могильников, 1971, стр. 155). Таково, на наш взгляд, правильное толкование тех степных, кочевнических черт «кушнаренковских» памятников, которые дали повод Н. А. Мажитову считать их носителей «тюркоязычными племенами прабашкирского облика» (Мажитов, 1968б, стр. 51).

Итак, вторая группа памятников в западной Башкирии связана с миграцией в середине и второй половине I тыс. н. э. угро-самодийских племен, незначительная часть которых испытала, возможно еще на юге Западной Сибири, влияние тюркских кочевников.

в) Длительной оказалась дискуссия (очевидно еще не завершившаяся) об этнической принадлежности памятников романовского типа. Романовские памятники, выделенные К. В. Сальниковым в самостоятельную романовскую культуру (Сальников, 1964, стр. 13–14), обнаружены в долине р. Белой в двух районах: выше г. Стерлитамака и ниже г. Уфы. Датируются они IV–VIII вв. (К. В. Сальников), VI–VIII вв. (Г. И. Матвеева) или V — началом VIII в. (В. Ф. Генинг). По мнению А. П. Смирнова и П. Н. Старостина, нет оснований выделять романовскую керамику в особую культуру; памятники этого типа по всем признакам примыкают к именьковской культуре Прикамья или даже тождественны ей. А. П. Смирнов (1971, стр. 81), К. В. Сальников (1964, стр. 13), В. А. Могильников (1971, стр. 156), С. М. Васюткин (1971, стр. 137), Г. И. Матвеева (1971, стр. 132) относят романовские или, точнее, именьковско-романовские племена к финно-уграм, культура которых хронологически и территориально смыкается с городецкой. В. Ф. Генинг (1964, стр. 125–126), с которым солидаризировались Н. А. Мажитов, А. Х. Халиков, П. Н. Старостин, считает именьково-романовцев ранними тюрками добулгарского этнического слоя, проникшими в Приуралье и на Среднюю Волгу из Западной Сибири или, вероятнее, из казахстанских степей. Однако восточное, тем более тюркское происхождение романовских племен не поддается аргументации на основе сравнения их культуры с сибирскими памятниками. А. П. Смирнов справедливо отмечает, что заключение о тюркоязычности носителей именьковско-романовских памятников находится в противоречии «с историческими данными о кочевниках». Он также указывает, что такие признаки, как оседлость и земледельческие занятия, керамика, идентичная посуде древней мордвы, и т. д., свидетельствуют о формировании именьковско-романовского комплекса на базе городецкой культуры (Смирнов, 1972, стр. 89–90). В. А. Могильников и С. М. Васюткин, специально изучившие эту проблему, также пришли к совершенно определенному выводу, что романовская керамика не связана с западносибирским этносом и что некоторые имеющиеся параллели — не более чем «элементы случайного сходства» (Могильников, 1971, стр. 156). В своей последней работе В. Ф. Генинг, хотя и повторяет прежний тезис о принадлежности памятников именьковско-романовского типа древнетюркским племенам, однако существенно смягчает его. Он пишет, что речь может идти о тюркском происхождении лишь части именьковско-романовского населения. В. Ф. Генинг подчеркивает, что только накопление новых

материалов решит, были ли «районы Западной Сибири» или другие области исходными для именьковско-романовских племен (Генинг, 1972, стр. 288, 294).

Итак, в западную Башкирию начиная, примерно, с V в. н. э. проникают именьковско-романовские племена, генетически близкие к городецкому населению Поволжья, говорившему на волжской ветви финно-угорских языков.

Такова характеристика этнического состава населения Башкирии в III–VIII вв. Надо учитывать, что в нашем кратком обзоре из имеющейся обширной литературы и весьма противоречивых взглядов выбраны и синтезированы показатели и выводы, которые являются правильными, с нашей точки зрения, не противоречат этническим процессам последующего времени, поддаются достоверной реконструкции на основе комплекса различных источников. Мы, однако, не сомневаемся в том, что это не гарантирует объективности оценок, поэтому, суммируя изложенное, подчеркнем лишь те моменты, которые, на наш взгляд, сегодня можно считать достаточно прочно аргументированными:

1. Установлен чрезвычайно сложный этнический состав населения Башкирии в III–VIII вв. Здесь обитали племена, принадлежавшие к пермской и волжской ветвям финноязычного этнического мира (мазунинцы, бахмутинцы, именьково-романовцы, имендешевцы), ираноязычные сармато-аланские племена (турбаслинцы), племена угро-самодийского происхождения (куштерьяковцы, кара-якуповцы) и, наконец, в виде большей или меньшей примеси в составе некоторых групп населения тюркизированные угры.

2. Значительным достижением археологии является установление угорской и угро-самодийской миграции в Приуралье, которая в небольших масштабах имела, вероятно, место начиная с последних веков до нашей эры (убаларские памятники), но активно протекала в V–VIII вв. Доказано смешение пришлого из Западной Сибири угорского и угро-самодийского населения как с оседлым охотничье-земледельческим и земледельческо-скотоводческим населением лесной зоны (бахмутинцы, мазунинцы), так и с кочевниками лесостепного района (турбаслинцы). Археологические памятники V–VII вв. на территории Приуралья, отражая этническую смешанность населения, в то же время показывают активное взаимодействие разнородных групп и начавшуюся интеграцию племен в этническую общность. В связи с разнородностью племен, участвовавших в этом историческом процессе, и разнотипностью их культур, в большинстве случаев представленных в Кушнарниковском могильнике, всю эпоху V–VII вв. предложено назвать кушнарниковской (Генинг, 1972, стр. 294).

3. Получил подтверждение на археологических материалах вывод о непрерывности имевшего место ранее сармато-аланского про-

никновения в Приуралье, преимущественно в районы южной и западной Башкирии. Сармато-аланские племена, неся в новую для них среду степные традиции и кочевническую культуру, сами смешивались с местным и пришлым финно-угорским и угро-самодийским населением. Археологические источники свидетельствуют о различных направлениях миграции в Башкирию в V–VIII вв.: с юга (турбаслинцы), востока (куштерьякские, кара-якуповские племена) и запада (романовцы), что подтверждает широкие этнокультурные контакты населения Приуралья с Северным Кавказом и южнорусскими степями, с Западной Сибирью и Зауральем, Средним Поволжьем и Прикамьем. Однако не все направления этнокультурных связей имели равное значение. Ретроспекция более поздней этнической ситуации на середину I тыс. н. э. дает основания утверждать, что в археологической литературе последних лет этническое значение западносибирских связей в диапазоне III–VII вв. преувеличивается и, напротив, южные (главным образом северокавказские) связи недооцениваются. В VI–VII вв., как это устанавливается на основе типологических сопоставлений поясных наборов и статистического анализа имеющегося материала, основными для Башкирии были связи «с алано-болгарским миром евразийских степей Поволжья — Предкавказья» (Ковалевская, 1972, стр. 106).

О ранних тюрках на Средней Волге и в Приуралье

Из многих проблем, которые остаются дискуссионными, наиболее крупной является вопрос о времени и масштабах проникновения ранних тюрков в Приуралье. В связи с принципиальным значением этой темы остановимся на ней подробнее. Существует несколько точек зрения. Одна из них воскрешает сформулированную еще в XIX в. идею, согласно которой тюрки на Урале жили в середине I тыс. до н. э. (П. И. Шафарик предлагал под *йирками* Геродота подразумевать *тирков* или *тюрков*; 1837, стр. 241). В течение XIX в. к этой концепции в той или иной форме возвращались многие ученые. В новое время С. Е. Малов попытался обосновать ее с лингвистических позиций. Имея в виду значительные различия между восточными и западными тюркскими языками, на образование которых, по мнению С. Е. Малова, необходимо было длительное время, он пришел к выводу, что тюрки «еще до V в. до н. э. жили большей частью там, где они живут», и что в Поволжье задолго до этого времени образовались две группы тюркских языков — болгарская и мишарская (Малов, 1952, стр. 24). Эту концепцию поддержал и развил С. И. Руденко (1955, стр. 341–343), который связывал тюркоязычных протобаш-

кир с йирками или аргиппеями Геродота²². В последние годы идею С. И. Руденко о тюркоязычности некоторых племен Урала в эпоху до нашей эры энергично отстаивает Н. А. Мажитов (1969, стр. 19–20; 1971, стр. 13). С древнейшими тюрками на Южном Урале он связывает так называемые каменные курганы с «усами», которые, однако, в археологической литературе твердо считаются савроматскими (К. Ф. Смирнов, 1971, стр. 70).

Другая точка зрения опирается в сущности на выводы В. Ф. Геннинга о тюркоязычности племен, которым принадлежали памятники с плоскодонной керамикой в лесостепной зоне от р. Белой до Волги. Наиболее яркую и развернутую аргументацию она получила в работах А. Х. Халикова (1966, 1971, 1971а, 1972), которого поддержал Н. А. Мажитов, правда, с учетом его позиции, изложенной выше. Концепция А. Х. Халикова сводится к идее «неоднократной добулгарской тюркизации Приуралья и Поволжья и о решающей роли этого процесса в формировании тюркоязычных народов края» (Халиков, 1972, стр. 101). Тюркизация населения Поволжья и Приуралья происходит, по мысли А. Х. Халикова, в эпоху гуннских передвижений и возвышения Западнотюркского каганата (III–VI вв.). На заключительных этапах периода (в VI–VII вв.), в результате значительных миграций тюркских племен в Волго-Приуральском районе складывается «этни-

²² На эту же идею опирается стремление З. Ямпольского в целом ряде работ доказать расселение тюрков на Северном Кавказе и в Приуралье в V в. до н. э. Сопоставляя сообщения Геродота с фрагментами из сочинений его компиляторов I в. н. э. Помпония Мелы и Плиния Старшего, З. Ямпольский «реконструирует» сочинение древнегреческого историка: «...в исходной рукописи Геродота вместо имеющегося в изданиях его 'йирки' было начертано 'тюрки'» (Ямпольский, 1970, стр. 13). Об «йирко-тюркских племенах», а заодно о тюркоязычности «аримаспо-агрипских» (?), сако-массагетских образований и «автохтонности» всех тюркских народов Средней Азии и Казахстана пишут некоторые казахские историки (Ахинжанов, 1971, стр. 5–6, 64–65). Между тем А. К. Матвеев более десяти лет назад показал, что этноним йирки Геродота находит объяснение на иранской почве: ср. тадж. *ирк* — раса, род (Матвеев, 1961, стр. 137). «Глубокую древность» тюрков на Кавказе, Южном Урале и в Средней Азии пытаются доказать, опираясь на неясные сообщения Клавдия Птолемея (II в. н. э.) и других античных писателей, некоторые турецкие исследователи (Kurat, 1937). Д. Е. Еремеев подверг убедительной критике стремление турецких археологов связать «происхождение тюркской цивилизации» с неолитической культурой крашеной керамики в Анау (Еремеев, 1971, стр. 28). В советской археологии доказано (В. М. Массон), что культура Анау (X–IV вв. до н. э.) достигла расцвета при ираноязычным населением задолго до появления в Средней Азии тюркских племен.

ческая основа татар Поволжья и башкир Приуралья». В языковом отношении «эта общетюркская масса» вышла из огузо-кыпчакской среды (Халиков, 1971, стр. 34).

Археологическое обоснование концепции опирается на установленные и изложенные выше факты, свидетельствующие о существенной смене населения Среднего Поволжья и Башкирии в III–VII вв. Изменения в этнографическом составе населения начинаются с III–IV вв. В Прикамье появляются памятники типа тураевских, харинских, которые, в отличие от прежних сармато-аланского (А. П. Смирнов) или угорского (В. Ф. Генинг) определений, А. Х. Халиков предлагает считать раннетюркскими. Именно с населения Тураевских курганов он начинает «период тюркизации Приуралья» (Халиков, 1971а, стр. 13). На рубеже IV–V вв. и в V в. в Среднем Поволжье и особенно в Приуралье появляются, по словам А. Х. Халикова, племена, связанные «со второй, основной, волной гуннского нашествия на Европу» (Халиков, 1971а, стр. 32), к которым он относит именьковско-романовские, турбаслинские памятники и материалы Куншаренковского могильника. На основании аналогий, найденных этим памятникам в Нижнем Поволжье и Северном Прикаспии, А. Х. Халиков определяет их как гунно-тюркские и связывает с «раннетюркскими „огурскими“ племенами» (Халиков, 1971а, стр. 16). Соглашаясь, до накопления сопоставимого материала по другим евразийским зонам, с некоторой дискуссионностью тюркского определения памятников типа тураевских, турбаслинских и кушнаренокских, А. Х. Халиков настойчиво отстаивает вывод о тюркоязычности именьковско-романовских племен: «...в любом случае мы имеем основание утверждать, — пишет он, — что именьковские племена... являлись тюркоязычным населением». Далее приводится весьма существенное добавление: «Их язык, вероятно, был близок к чувашскому» (Халиков, 1972, стр. 109). Однако даже П. Н. Старостин, наиболее последовательный сторонник тюркской принадлежности именьковской культуры, в последней работе замечает, что «определение этноса» именьковских племен «еще требует дальнейшего изучения» (Старостин, 1971, стр. 54). К VI–VII вв. приурочивается следующий этап тюркизации Волго-Уральского района, которая явилась следствием продвижения сюда племен, вышедших из Западнотюркского каганата. С этой эпохой связывается группа памятников в Предуралье — курганный могильник у г. Соль-Илецка, Ишимбаевский, Сахаевский, Шареевский грунтовые могильники по среднему течению р. Белой, богатые погребения в г. Уфе. Тюркские племена в эту эпоху, как утверждает А. Х. Халиков, достигли бассейна Сылвы и Чепца и прилегающих районов среднего и верхнего Прикамья. Таким образом, определяющее значение для тюркизации Волго-Уральского региона «имели не приход болгар из Приазовья, а более раннее,

неоднократное включение тюркоязычных племен из степей Южного Урала и Западной Сибири в период гуннского нашествия III–IV вв. и Великого тюркского каганата рубежа VI–VII вв.». Этими включениями «были заложены этнические основы всех современных народов края», причем «тюркизация предков чувашей» началась в период гуннского нашествия и археологически связана с именковцами, а «общие предки» татар и башкир появились в крае в эпоху каганата (Халиков, 1971, стр. 36).

Изложенная концепция не противоречит (в плане ее вероятности) историческим процессам, которые развертывались в III–VIII вв. в Евразийских степях. Учитывает она и этапы передвижения населения в Волго-Уральской области, установленные на основе археологических материалов. Безупречными являются и представленные А. Х. Халиковым параллели и аналогии в археологических комплексах Волго-Уральской области и юга: Нижнего Поволжья и степей Прикаспия. Однако все построение весьма уязвимо с точки зрения определения этнической принадлежности археологических культур и памятников III–VIII вв. Не уместается в схему и идея проникновения тюрков в эту эпоху на север, вплоть до Сылвы и Чепца³. Именно с этих позиций она с сомнением была встречена многими археологами. Критика концепции нашла выражение преимущественно в отрицании тюркской принадлежности памятников, которыми оперирует А. Х. Халиков, и в рассмотренных нами выше доказательствах финно-угорской, угро-самодийской или сармато-аланской их принадлежности. Особенно дискуссионным остается в этом свете тезис о сложении в VI–VII вв. тюркоязычной племенной общности, на базе которой в дальнейшем развивался этногенез татар и башкир. С учетом уязвимых моментов предшествующей концепции и на основе ее корректировки в последнее время более широкую поддержку археологов, этнографов, лингвистов получает ранее сформулированная точка зрения (Кузеев, 1956, стр. 30; 1960, стр. 64), которая допускает возможность проникновения в VI–VII вв. тюркских или тюркизированных групп в Приуралье и на Среднюю Волгу как с востока (из Зауралья, Западной Сибири и Приаралья), так особенно с юга (из районов Прикаспия и северокавказских степей). С тюркским или тюркизированным населением связываются

³ А. Х. Халиков считает доказательством расселения древнетюркских племен вплоть до Среднего и Верхнего Прикамья распространение там в VII–VIII вв. сасанидско-византийского серебра (1971, стр. 34). Однако, кажется, нет никаких новых материалов, позволяющих пересмотреть установившуюся точку зрения, согласно которой проникновение этих изделий на север объясняется торговыми связями. Недавно эта концепция получила подтверждение в новых исследованиях (см.: *Леценко*, 1971).

курганные погребения и обряд захоронения ног, черепа и хвоста лошади, хотя при этом имеется в виду, что указанная черта в тюркскую эпоху получила распространение в культуре различных племен от Тувы до Восточной Европы (Плетнева, 1958). Установление масштабов тюркского проникновения и роли раннетюркского компонента в сложении этнического облика населения Волго-Камья вряд ли возможно до нового накопления материалов. Имеющийся же материал и приведенная выше характеристика этнического состава населения Башкирии в III–VIII вв. пока не позволяют говорить о сколько-нибудь существенной роли тюркского компонента в эту эпоху. Пришлые тюркские или, что вероятнее, тюркизированные группы растворялись в составе местного финно-угорского и сармато-аланского населения. С началом активного и массового проникновения тюркских кочевников на Южный Урал, которое достаточно четко просматривается лишь с VIII–IX вв. (Ковалевская, 1972, стр. 108–109; Мажитов, 1964, стр. 150–156; 1971, стр. 14; Халиков, 1971, стр. 34–35; Садыкова, 1959, стр. 168), смешанное население бельской долины частью покидает обжитые земли, часть ассимилируется с новыми пришельцами.

Значение проникновения ранних тюрков или тюркизированных племен в Волго-Уральский район в VI–VII вв. заключается, очевидно, не в том, что уже в этот период формируется тюркоязычная племенная основа татар и башкир, что невозможно пока доказать ни археологически, ни тем более в этноязыковом аспекте. Это значение мы усматриваем в сложении и постепенном расширении двух основных каналов тюркского проникновения на Среднюю Волгу и в Приуралье: южного — с Нижней Волги, из северокавказских и приазовских степей, и восточного (юго-восточного) — из Приаралья, степей Казахстана и сибирского Зауралья. Активная миграция начиная в основном с VIII в. тюркских племен по этим уже издавна знакомым им путям в Волго-Уральскую область во многом предопределила как общие черты, так и особенности в этногенезе башкир и татар. При этом, если обратиться к тенденциям, существовавшим на протяжении многих столетий и преемственно унаследованным тюркскими племенами середины и второй половины I тыс. н. э., приходится признать, что в этноисторической судьбе тюрков Поволжья и Приуралья, по крайней мере до конца I тыс. н. э., неизмеримо большую роль играли южные, но не восточные связи.

В каком соотношении изложенные концепции находятся с общей исторической обстановкой в Евразийских степях в I тыс. н. э.?

Идея о тюркской принадлежности племен Южного Урала в эпоху до нашей эры противоречит теории центральноазиатского происхождения тюрков, которую пока невозможно считать поколебленной. Не согласуется она и с данными антропологии о массовом проникновении

в Восточную Европу говоривших на тюркских языках монголоидных племен лишь в эпоху поздних кочевников (Дебед, 1956, стр. 8; Ошанин, 1957, стр. 23). В исследовании по палеоантропологии Казахстана на основе обширного материала рисуется картина, согласно которой наиболее важные стадии расогенеза казахов, когда в результате интенсивного межрасового взаимодействия древнего европеоидного и пришлого монголоидного населения складывался комплекс признаков, характерный для южносибирской расы, происходили в тюркское время, т. е. в диапазоне VI–XI вв. (Исмагулов, 1970, стр. 67, 72–75, 139–143). Следовательно, гипотеза о тюркоязычности населения Казахстана и Западной Сибири в эпоху до нашей эры не имеет серьезной фактологической основы. При решении вопроса о времени проникновения тюрков в Приуралье, часть населения которого обладает южносибирскими антропологическими чертами, упомянутые исследования невозможно не принимать во внимание. И, наконец, достижения современной тюркологии, оперирующей твердо установленными языковыми фактами, выявленными в границах их исторической достигаемости (с VI–VII вв.), и в соответствии с ними рассматривающей районы Центральной Азии и Алтая как зону формирования древнетюркского языка, в конечном итоге являющегося прототипом всех современных тюркских языков (Баскаков, 1970, стр. 40), исключает саму постановку вопроса о тюркоязычности древнейшего населения Башкирии и Волго-Камья.

Таким образом, гипотеза о тюркском происхождении или тюркоязычности какой-то части населения Башкирии в эпоху до нашей эры и равно аналогичные построения, которые появляются в работах по Средней Азии или Кавказу, могут быть приняты к обсуждению при условии новых крупных открытий, которые позволили бы переосмыслить всю схему древнейшей истории тюрков.

Гипотеза о проникновении тюркского населения в Среднее Поволжье и Приуралье начиная с гуннской эпохи теоретически оправдана и, по словам Г. Ф. Дебеда, «вероятна и полезна», «хотя остается только гипотезой» (Дебед, 1956, стр. 6). Однако «вероятность» раннетюркской экспансии в Камско-Бельский регион едва ли реализовалась в сколько-нибудь значительных масштабах, а в гуннскую эпоху, вероятно, не реализовалась вообще. Не следует забывать, что гуннский союз в Зауралье и в прилегающих степях сложился в значительной степени за счет автохтонных племен — аланов, угров, охотничьих племен лесной полосы и кочевников предкавказских степей (Артамонов, 1962, стр. 42–43), а тюрки в Западнотюркском каганате «были в абсолютном меньшинстве» и «стали каплей в море покоренных областей» (Гумилев, 1967, стр. 148). По мере движения на запад гунны, а позднее древние тюрки теряли преобладание в своем составе тюркского элемен-

та⁴, хотя, конечно, будучи господствующей элитой в соответствующих конфедерациях, они передавали привнесенную ими с востока культуру и язык местным племенам. Немаловажное значение имеет и то, что основные районы гуннской и древнетюркской экспансии лежали южнее нашей территории (см. об этом: Смирнов, Корнилов, 1971, стр. 483). Кочевники степной полосы от Аральского моря до Северного Кавказа в V–VI вв. «постоянно стремились на юг, где их манили пастбища, хлебные поля и виноградники, богатства городов» (Пигулевская, 1941, стр. 78). Гуннам и тюркским кочевникам в периоды их политического возвышения не было смысла обращать свои взоры на Волго-Камье — на периферию магистральных путей их движения, где отсутствие городов и суровая природа не сулили им ни добычи, ни привольного образа жизни. В этом аспекте становится понятной та осторожность, с которой приходится относиться к идее непосредственного и сильного этнического влияния гуннов и тюрков на древнее население Поволжья и Башкирии (см.: Смирнов, 1970, стр. 25). Вот почему нам представляются правильными выводы тех археологов, которые считают, что «ни одну из известных сейчас этнических групп Башкирии этого периода (имеется в виду третья четверть I тыс. н. э. — *Р. К.*) нельзя считать безоговорочно тюркской» (Могильников, 1971, стр. 154). Если исходить из установленного положения о монголоидности или, по крайней мере, большей или меньшей примеси монголоидности у гуннов и древних тюрков, тезис о решающей роли тюркской миграции в Поволжье в III–VII вв. не подкрепляется и антропологическим материалом. «Основу формирования антропологического состава поволжских татар, — заключает В. П. Алексеев, — составил европеоидный тип, который на основании соматологических данных можно считать пантийским» и который «восходит к средневековому булгарскому на-

⁴ Применительно к гуннам этот тезис исходит из определения гуннской конфедерации, как совокупности различных по этнической принадлежности племен, с преобладанием тюркского компонента. Однако даже это «общепринятое» положение с точки зрения лингвистики едва ли можно считать окончательно установленным. Современное языкознание оперирует языковым материалом по исторической тюркологии, датируемым временем не ранее чем VI–VII вв. Памятниками гуннского языка и тем более сведениями о языковом составе населения гуннской конфедерации наука не располагает. Поэтому при обсуждении возможности и вероятности тюркского проникновения на Урал и в Поволжье в самом начале I тыс. н. э. необходимо, на наш взгляд, учитывать позиции лингвистов, которые, например, пишут: «...болгары или, во всяком случае, племена, двигавшиеся под этим названием (в V в. н. э. — *Р. К.*) на запад, были если не первыми, то, по крайней мере, очень ранними тюркоязычными мигрантами в Восточную Европу» (*Menges*, 1968, стр. 20; курсив наш. — *Р. К.*).

селению Сувара и Болгар» (Алексеев, 1971, стр. 242, 245). Палеоантропологические материалы с территории Башкирии также не фиксируют сколько-нибудь значительного притока монголоидного населения до VIII в. н. э. (Акимова, 1971).

Изложенное выше вовсе не означает отрицания роли гуннов и тюрок Западного каганата в этнической истории Башкирии и башкир. Однако в основном оно было опосредованным и осуществлялось в двух направлениях. Гунны во II–III вв., тюрки каганата в VI в. в процессе движения на запад, в степях северного Приаралья и в южной части Западной Сибири, оказались в окружении угорских и сармато-аланских племен (Артамонов, 1962, стр. 42–43, 105; К. Ф. Смирнов, 1971, стр. 76). Подчинив эти племена и смешавшись с ними, сравнительно немногочисленные здесь гунны и позже древние тюрки, вероятно, заметным образом изменили свой физический облик (Пигулевская, 1941, стр. 30–31). Зато тюркский язык пришельцев «получил господствующее положение у связанных с ними угорских племен» (Артамонов, 1962, стр. 45). Видимо, это преувеличение в отношении гуннской эпохи и еще меньше применимо к древним тюркам, языковое влияние которых в Восточной Европе оставило немногочисленные следы. Однако влияние кочевнической культуры на пришлые из Зауралья угро-самодийские племена (например, куштерьякские и кара-якуповские) просматривается достаточно отчетливо. В свете этих соображений можно заключить, что одним из возможных каналов гуннского и древнетюркского влияния на население Башкирии VI–VII вв. было, как указано выше, проникновение и расселение здесь в составе общей угорской и угро-самодийской массы некоторых тюркизированных групп. Позднее крупную роль в этнической истории башкир сыграли булгары, которые до прихода на Волгу несомненно испытали гуннское влияние (Смирнов, 1971а, стр. 146). Другим направлением этнического влияния гуннов и древних тюрок, которое сказалось позже, но для этногенеза башкир в конечном итоге оказалось более существенным, были консолидация тюркских родоплеменных образований в Средней Азии и внедрение тюркской кочевнической культуры среди племен, расселявшихся на главных путях их движения в Приаралье, прикаспийские степи и на Северный Кавказ. В этом свете представляются чрезвычайно важными относящиеся к концу I тыс. н. э. аналогии, установленные А. Х. Халиковым в памятниках Волго-Уральского региона и южных, предкавказских и прикаспийских степей (Генинг, Халиков, 1964, стр. 83–84). Однако тюркские и тюркизированные племена — наследники гуннов, древних тюрок и ассимилированное ими население Приаралья и Северного Кавказа — значительными группами двинулись на запад и север лишь в конце VII и даже позднее, в VIII–IX вв. Эта миграция стала массовой уже после распада Западнотюркского каганата, когда на

огромной территории их бывшей империи установился нестабильный период борьбы, междоусобиц, вызвавший известный по письменным и археологическим источникам отлив части населения из этих земель на запад и север.

Изменения в археологической карте Башкирии в конце I тыс. н. э.

С начала VIII в. на территории Башкирии и соседних с ней областей происходят новые изменения. Памятники Башкирии VIII–X вв. открыты недавно (Мажитов, 1964, 1968б; Матвеева, 1971; Васюткин, 1969, 1971), поэтому их историческую интерпретацию нельзя считать завершенной. Этническая карта Приуралья и Поволжья в этот период остается пестрой, хотя процесс интеграции различных культур и культурных комплексов продолжает углубляться.

На Среднюю Волгу из Приазовья в VIII в. начинается перемещение булгарских племен. К раннему этапу булгарского переселения относятся Больше-Тарханский и Койбельский могильники. Существенным моментом является отмеченное А. Х. Халиковым различие в культуре Больше-Тарханского и синхронного (VIII–IX вв.) Танкеевского могильников, что связывается им с разнородным составом булгарского миграционного потока. В Танкеевском могильнике, в частности, им отмечены признаки, имеющие аналогии в культуре населения южного Приаралья. Это дает основание думать, что в составе булгарской орды, продвинувшейся на Волгу, были компоненты, которые проникли на Северный Кавказ из Средней Азии и Приаралья позже переселения в Европу основной части предков приазовских болгар. Наиболее же характерные черты погребального обряда танкеевцев (в том числе такая специфическая, как лицевые покрытия — маски) обнаруживают параллели в древневенгерских захоронениях Паннонии (Халикова, 1971а, 1972). Эти наблюдения подготавливают решение сложной и во многом еще неясной проблемы тюрко-магьярских, а точнее болгаро-магьярских, взаимодействий в Волго-Уральской области. Правда, приходится при этом учитывать незавершенность изучения упомянутых памятников, с чем, очевидно, связаны различные оценки исследователями одних и тех же культурных комплексов. Е. П. Казаков пришел к заключению, что «основу населения Танкеевского могильника составляли прикамско-приуральские племена», в то время как Больше-Тарханский могильник оставило «болгаро-салтовское» население (Казаков, 1971, стр. 154). Е. А. Халикова, напротив, усматривая «значительное сходство» в погребальном обряде и инвентаре Больше-Тарханского и Танкеевского могильников, считает их население «родственными этнокультурными группами» (Халикова, 1971, стр. 91–92).

Эти различия во взглядах и особенно сложность культурной характеристики самих памятников отражают многосторонний процесс взаимодействия и смешения местных и пришлых племен, отмечаемый всеми исследователями.

VIII–IX веками датируется группа памятников в лесостепной части западной Башкирии, принадлежавших, видимо, населению, этнически или исторически связанному с булгарской ордой. Наиболее изученным памятником этого времени является Стерлитамакский (Левашовский) могильник, который, по мнению Р. Б. Ахмерова (1955, стр. 166), оставлен аланами, а А. П. Смирнова (1957, стр. 50) — переселившимися из Приазовья булгарами. А. Х. Халиков отмечает «большую близость, если не тождественность», с одной стороны, Стерлитамакского могильника и ряда других (Манякского, Кушулевского), с другой — памятников типа Танкеевского могильника (Халиков, 1971, стр. 34–35). Близкие аналогии в погребальном обряде и инвентаре танкеевского населения и племен западной Башкирии, представленные Стерлитамакским, возможно Иткучукским и другими могильниками, отмечают и другие исследователи (Халикова, 1971, стр. 118–119). Таким образом, в VIII–IX вв. булгарские, булгаризированные или булгаро-угорские племена, скорее всего родственные или исторически близкие к танкеевскому населению, проникают на территорию Башкирии. Важно подчеркнуть, что отмеченные выше параллели в погребальном обряде танкеевского населения и древних венгров Паннонии, а также установление соответствующих аналогий на упомянутых памятниках Башкирии VIII–IX вв. позволяют на базе археологических источников поставить вопрос о роли булгаро-мадьярского компонента в этногенезе башкирского народа. Однако памятники типа Стерлитамакского могильника пока малочисленны, поэтому этническая картина VIII–X вв. в юго-западных районах Башкирии и восточных районах Татарии остается пока во многом неясной.

На территории Башкирии в VIII–X вв. появляются курганные могильники, принадлежавшие тюркским кочевникам: Старо-Мусинский, Хусаиновский, Каранаевский, Старо-Халиловский, Лагереvский, Мрясимовский и другие, всего около 15. Н. А. Мажитов определяет исследованные им курганные могильники как собственно башкирские (Мажитов, 1964, стр. 153). Основанием для заключения служат кочевое скотоводческое хозяйство племен, оставивших курганы; погребальный ритуал «с конем»; инвентарь (лепные сосуды со шнуровым орнаментом), в котором А. Х. Халиков усматривает «несомненную связь... с печенежскими древностями» (Халиков, 1971, стр. 35); преобладание монголоидных черт в физическом облике населения (Акимова, 1968, стр. 8). Пришлые тюркоязычные кочевники VIII–X вв., безусловно, влились важным компонентом в состав башкир, однако считать их собственно

башкирами в строгом значении этнонима невозможно. Во-первых, все или почти все отмеченные курганы расположены в восточной и юго-восточной Башкирии, т. е. в стороне от основных центров формирования древнебашкирского этноса. Во-вторых, ряд исследователей, опираясь на анализ культурного комплекса курганов, подчеркивают присутствие в нем наряду с тюркскими чертами признаков (круглодонная керамика со шнуровым, резным в виде елочки и ямочным орнаментом, серебряная ложка с фигуркой медведя и др.), свидетельствующих о тесных связях этих кочевников с лесными финно-угорскими и западносибирскими угро-самоедскими племенами (Могильников, 1971, стр. 157; Матвеева, 1971, стр. 134).

К сожалению, очень плохо известны кочевнические памятники последующего времени до монгольской эпохи (XI–XIII вв.). Судя по этнографическим данным, они должны показать усиление притока в Башкирию тюркских племен с юга, с Предкавказья, а также из Приаралья и казахстанских степей. Тем самым появилась бы возможность объективно оценить роль населения, оставившего курганы VIII–X вв., в этническом формировании башкирского народа. Однако в свете историко-этнографических данных и сейчас ясно, что не с курганными памятниками VIII–X вв. надо связывать «решающий период» этногенеза башкир (Мажитов, 1969, стр. 25). Этот «период» протекал не в восточной Башкирии, а в западной ее части. Предки башкир, родственные или, по крайней мере, в этноисторическом отношении близкие к племенам волжско-булгарского мира, в X–XII вв. в результате смешения с кочевническим притоком из восточных (сырдарьинских и приаральских) районов страны изменили направление этнического развития, которое в XIII–XV вв. для башкир и татар вновь сомкнулось в связи с мощной волной кыпчакского проникновения. В обобщенном виде этот тезис можно сформулировать так: этническое развитие башкир и татар, которое, очевидно, от единой древнетюркской основы шло разными путями, в дальнейшем дважды подвергалось «выравниванию» — сначала на булгарской, а затем окончательно на кыпчакской основе.

В VIII–IX и даже в X вв. в западной и северо-западной Башкирии продолжают этнокультурные традиции предшествующего периода. По левобережью р. Белой, в центральной Башкирии обитали потомки племен кара-якуповской и турбаслинской культур. В районах севера и северо-востока обнаруживаются памятники лесного населения, видимо финно-угорского происхождения (Мажитов, 1969, стр. 25–26). В целом, однако, археологи отмечают исчезновение или существенное уменьшение начиная с VII–VIII вв. памятников, принадлежавших населению предыдущей эпохи — бахмутинских, мазунинских, турбаслинских, куштерьякских и других (Халиков, 1971, стр. 33–34; Мажитов, 1971, стр. 134).

тов, 1968, 77; Васюткин, 1971, стр. 138). Пока неясно, связано ли это с уходом части племен на другие территории, или же местное население в основном было ассимилировано в составе новых тюркских пришельцев и затем башкирской народности. Вероятно, как сказано выше, имели место обе тенденции.

Как показывает наш обзор, ни одну из племенных общностей, существовавших на базе очерченных культур и культурных комплексов, невозможно считать собственно башкирской. Это подчеркивает и историко-этнографический анализ этнического состава, согласно которому башкиры уже на раннем этапе сформировались как разнородное образование.

ПРЕДЫСТОРИЯ ДРЕВНИХ БАШКИР (О ПРАРОДИНЕ ДРЕВНИХ ВЕНГРОВ И БУЛГАРО-УГОРСКОМ КОМПОНЕНТЕ ДРЕВНЕБАШКИРСКОГО ЭТНОСА)

О территории расселения древних венгров

Крупная роль в этнических процессах в Приуралье и Поволжье принадлежит уграм. О месте и времени формирования угорской общности существуют различные взгляды. Не вторгаясь в эту специальную область (библ. см.: Хайду, 1953; Мольнар, 1958; ИВ, I, 1971), представим лишь краткий обзор теорий и гипотез по проблеме, необходимый нам в качестве предпосылки для решения вопроса о расселении древних венгров. Гипотеза о происхождении угорской общности в Приуралье на основе неолитической кельтеминарской культуры (Толстов, 1962, стр. 27–47; там же см. библ.) не получила поддержки и дальнейшего развития. Саяно-алтайская концепция, разработанная Э. Мольнаром (1955), также воспринята критически, равно как и развитие этой идеи Л. Р. Кызласовым, который отстаивал тезис о формировании на основе таштыкской бронзовой культуры «раннеугорского ядра в Хакасско-Минусинской котловине на рубеже нашей эры» (Кызласов, 1960, стр. 166). В настоящее время активно разрабатываются и обсуждаются поволжская (или волго-уральская) и западносибирская гипотезы сложения угорской общности. Развернутый обзор исследований венгерских ученых «о поволжском происхождении древних венгров» представил недавно И. Эрдели (1971). Кроме того, в совместном сборнике статей советских и венгерских археологов помещены на эту тему статьи Д. Ласло (1972) и О. Н. Бадера (1972). Теория формирования финно-угорской общности «в районах Волго-Камья и Приуралья» разработана также А. Х. Халиковым (1970, стр. 8). Исследователи, придерживающиеся поволжской или волго-уральской гипотез сложения

финно-угорской общности, в то же время по-разному решают такие вопросы, как локализация «угорской прародины», время и место отделения предков венгров от угорской общности, время и направление ухода древних венгров со старой родины.

Эти вопросы чрезвычайно важны для нашей темы, так как только их решение позволит достоверно определить вероятность мадыаро-булгарских контактов на Волге и их продолжительность. Можно считать общепринятыми положения о том, что распад финно-угорской общности на финскую и угорскую произошел в эпоху неолита или в начале эпохи бронзы; что племена угорской подобности расселялись недалеко от границы леса и степи; что примерно в середине I тыс. до н. э. начинается переход части угров (предков мадыар) к скотоводству, которое завершается в начале нашей эры отделением древних венгров от угорской подобности и перемещением их в степную область. В это время древневенгерские племена были уже кочевниками-скотоводами (см.: ИВ, I, 1971, стр. 88–90). Исходя из этой схемы, угорскую прародину венгерского народа сторонники поволжской или волго-уральской концепции размещают в различных районах Волго-Камья («на лесостепных территориях правого берега Средней Волги» — Ласло, 1972, стр. 9; «незначительно севернее» Волжской Булгарии и исторической Башкирии — Németh, 1966, стр. 21; «к востоку от среднего течения Волги, быть может, в бассейне р. Белой и нижнего течения Камы» — Лыткин, 1971, стр. 200; «в бассейне Нижней Камы» — ИВ, I, 1971, стр. 90) или в области Урала как к западу, так и к востоку от него (например: «Волго-Камскую область следует считать пермско-финской, восточноуральскую — угорской» — Бадер, 1972, стр. 12; область обитания угров распространялась «на восточную сторону Урала, перейдя в Западную Сибирь» — Хайду, 1953, стр. 271). Последняя точка зрения, возникновение которой связано с поисками исходной территории мадыарской миграции, приближается к западносибирской гипотезе формирования угорской общности. Наиболее обстоятельно она разработана В. Н. Чернецовым, который считал, что распад уральской общности на западную (прафинско-пермскую) и восточную (праугорскую и самоедскую) произошел еще в эпоху мезолита (Чернецов, 1953; 1972). Если прафинско-пермская подобность развивалась в Волго-Камье, то праугорская и самоедская подобность — в Зауралье и Западной Сибири, причем уже в эпоху неолита и бронзы «урало-западносибирская культурная общность» распространилась как на восток, вплоть до Енисея и далее, так и «к северо-западу от Среднего Зауралья» (Чернецов, 1972, стр. 47). Надо признать, что миграции финно-угорских и самодийских народов на Евразийском континенте на исторически обозримом периоде, а также материалы по этноисторическим контактам в эпоху древности, накоп-

ленные археологией и объясняющие современную карту расселения упомянутых народов, делают гипотезу о западносибирской прародине угров достаточно убедительной и заставляют на современном уровне наших знаний отдать ей предпочтение. В. Н. Чернецов в своих исследованиях коснулся вопроса и о древней родине протомадьяр, которые, по его мнению, формировались среди племен эпохи раннего железа лесостепной части Западной Сибири и Казахстана (Чернецов, 1953, стр. 238). Развитие этой гипотезы нашло выражение в определении памятников типа Саргатских и Коконовских курганов в лесостепной области среднего Прииртышья как угорских (в том числе древнемадьярских), оставленных кочевыми племенами (Чернецов, 1953, стр. 224–225; Чернецов, Мошинская, 1954, стр. 191). Выводы археологов нашли подтверждение и в исследованиях А. П. Дульзона, который выделил «между Ишимом и Иртышом» район наибольшей концентрации древнеугорской топонимии, что позволило ему рассматривать эту территорию «как исходную для угров при их дальнейшем движении на запад и север» (Дульзон, 1971, стр. 206–207). В. А. Могильников выделяет памятники упомянутого типа в самостоятельную саргатскую культуру (IV–III вв. до н. э. — III–IV вв. н. э.). Саргатские племена, постепенно продвигаясь на запад (на Ишим, Тобол, низовья Исети, Миасса), расселялись в Западной Сибири и Зауралье до III–IV вв., когда саргатская культура, «попав в орбиту великого переселения народов... прекращает существование» (Могильников, 1972, стр. 86). Таким образом, хронология социального-этнического развития угорских (в том числе древнемадьярских) племен в Западной Сибири определяется примерно в тех же рамках, что и сторонниками поволжской концепции: около середины I тыс. до н. э. древние мадьяры отделяются от угорской общности и в условиях лесостепной области к рубежу нашей эры переходят к кочевому скотоводству. Здесь, в среднем Прииртышье и в Зауралье, угорское население, по крайней мере его южная часть, находится в тесном соприкосновении с сарматами, а с началом гуннского движения испытывает воздействие тюркоязычных племен (Артамонов, 1962, стр. 42–43, 66–68). С IV в. н. э., а возможно и раньше, угры появляются к западу от Урала. Их миграция в Восточную Европу была, очевидно, вызвана движением гуннов и савилов. Савиры с V в. н. э. известны на Северном Кавказе и в Причерноморье и, по определению М. И. Артамонова, «вышли из угорской среды... подвергшейся более или менее сильной тюркизации» (Артамонов, 1962, стр. 78).

Изложенную весьма обобщенно гипотезу о западносибирском происхождении древних мадьяр в настоящее время поддерживает и ряд венгерских исследователей. Однако совершенно неясным остается наиболее важный этап древневенгерской истории — до 30-х годов IX в.,

когда первые достоверные сообщения византийских источников заставляют их в Причерноморье. Историческая мысль по этой теме развивается в основном в двух направлениях, причем существующие сегодня теории и гипотезы имеют почти столетнюю традицию (см. критический обзор взглядов и теорий: Németh, 1966). Одно из них продолжает идею, сформулированную еще Б. Мункачи, согласно которой венгерская древняя история в V–VIII вв. протекала на Северном Кавказе в соседстве с великими болгарами, аланами и другими народами (Munkácsy, 1894). Эта же по существу теория развертывается в последнем издании «Истории Венгрии» (ИБ, I, 1971, стр. 89), в новейших исследованиях Г. Моравчика (Moravcsik, 1970, стр. 39–40), В. И. Лыткина (1971, стр. 199), А. А. Москаленко (1972, стр. 191) и др. К обрисованной позиции, правда в косвенной форме, присоединяется венгерский исследователь А. Барта. Он доказывает, что болгаро-тюркские слова, связанные с плужным земледелием, должны были заимствоваться венгерским языком в течение длительного времени, которое А. Барта очерчивает V–VIII вв. (Барта, 1972, стр. 124). Аналогичную идею высказывал Н. Н. Поппе (1927, стр. 12). Но столь продолжительные контакты могли иметь место только на Северном Кавказе и в смежных областях. В Волго-Уральском регионе булгаро-мадьярское взаимодействие могло продолжаться в течение одного столетия, так как переселение болгарских племен на Волгу датируется не ранее чем концом VII — началом VIII в. Достаточно ли одного столетия для упомянутых заимствований? Академик Д. Немец отвечает на этот вопрос, кажется, положительно (Németh, 1966). Теория «Кавказской родины» подрывается также несколькими обстоятельствами, которые до сих пор не получили удовлетворительного объяснения. В средневековых западных и восточных источниках древние венгры на Кавказе и в Причерноморье вплоть до IX в. упоминаются, как полагают исследователи этого вопроса, под именем гуннов или тюрков, но не под их собственным именем. Впервые имя угров (Ungroi) появляется в византийских источниках лишь в 837 г. (Moravcsik, 1970, стр. 45; Артамонов, 1962, стр. 341–343). На Северном Кавказе и в Причерноморье не выделены археологические памятники, которые достоверно можно было бы связать с древними венграми. Предположение, что венгры входили в круг племен, оставивших памятники салтовско-маяцкой культуры, не снимает вопроса, так как идентичность или генетические связи этой культуры с древневенгерскими памятниками на территории Карпатской котловины установить пока не удастся (см.: Эрдели, 1970, стр. 5). Отметим, наконец, еще одно обстоятельство: намеченные лингвистами заимствования в венгерском языке из восточнофинских языков свидетельствуют, что древние венгры, по крайней мере некоторое время перед миграцией на запад, обитали где-то в соседстве с народами финно-пермской язы-

ковой группы. Перечисленные, а также другие, не упомянутые здесь, обстоятельства учитывались многими исследователями, которые в поисках удовлетворительного решения возникающих противоречий выдвигали паллиативные идеи. Б. Мункачи, например, считал, что венгры (или их часть) из «Кавказской родины» направились на Волгу, где великоболгарские заимствования в венгерском языке были дополнены волжско-булгарскими и, вероятно, волжско-пермскими. Н. Н. Поппе, фиксируя, что «предки нынешних чувашей и венгры некогда были близкими соседями», приходит к заключению, что венгерские племена занимали «обширную область», соседствуя на юге с «кубанскими болгарами», а на севере гранича с «владениями волжских булгар» (Поппе, 1927, стр. 9) и т. д.

К какому заключению подводит предпринятый обзор? Нет, кажется, оснований сомневаться в том, что в IV–V вв. из Западной Сибири на Северный Кавказ передвинулись угорские племена, сыгравшие, как это показало исследование М. И. Артамонова (1962), значительную роль в этнополитической истории племен этого региона. Однако, если обратиться к древним венграм, многое указывает на то, то булгарское этноязыковое влияние на них имело место или, по крайней мере, началось в Волго-Уральской области. В подтверждение этого тезиса мы сошлемся не только на авторитет крупных языковедов (Gombocz, 1912a; Németh, 1966; Щербак, 1971, стр. 79 и др.), но и на булгаро-венгерско-башкирские этнонимические параллели, которые, как увидим ниже, невозможно объяснить с позиций «кавказской прародины» венгров. Следовательно, имеются достаточные основания полагать, что в IV–V вв. в общем потоке возникшей мощной миграции на запад часть угров двинулась из Западной Сибири в Приуралье и Поволжье. В их составе были и древние мадьяры — предки венгров, которые сложились здесь в конфедерацию с территорией, известной по источникам под названием *Magna Hungaria* или *Hungaria Maior*. Археологически это подтверждается появлением в V–VI вв. на всем пространстве от Урала до Волги культурных комплексов (куштерякский, кушнаренковский, кара-якуповский и, вероятно, другие), не имеющих местных корней и определяемых археологами как угорские или угро-самодийские.

В каком конкретно районе Волго-Уральской области можно локализовать древнемадьярские племена? Установление этой территории имеет принципиальное значение для изучения ранней истории башкир и разработки так называемой «башкиро-мадьярской» проблемы. По этому вопросу в последние годы также высказаны самые различные мнения. Й. Переньи на основании критического анализа записей Рихарда и Юлиана (XIII в.) пришел к выводу, что Юлиан в своем путешествии к восточным венграм не переходил Волгу. Прародина венгров, по его

мнению, находилась на правобережье Волги в соседстве со «страной мордвинов» (Perenyi, 1959, стр. 319). Большинство исследователей, однако, согласны в том, что венгры жили к востоку от Волги. Попытки определить местонахождение древней страны мадьяр между Уралом и Волгой на основании однородных источников (обычно письменных свидетельств эпохи средневековья, археологических или лингвистических) также привели к разным результатам. Археологи, ориентируясь преимущественно на территорию распространения круглодонной керамики и связанных с ней других признаков, располагают древнемадьярские племена в зоне расселения бахмутинских и мазунинских племен по среднему и нижнему течению р. Белой (Мажитов, 1971, стр. 16) или в Южном Прикамье (Генинг, 1964, стр. 128). В исторических исследованиях *Magna Hungaria* (или *Dentümoger*) обычно идентифицируется с Башкирией. Основанием служат сведения из анонимной венгерской хроники XII в. «*Gesta Hungarorum*» (Györffy, 1948; стр. 183–184) или сочинений средневековых авторов XIII в. Карпини и Рубрука (ПВС, 1957, стр. 48, 72, 122). При этом, однако, остаются неясными очертания территории самой Башкирии в конце I тыс. н. э.

Несмотря на успехи археологии в Волго-Уральском регионе, ни одну культуру I тыс. н. э. невозможно достоверно связать с древними венграми. Выделение культуры или археолого-этнического типа со специфическим угорско-мадьярским комплексом признаков задача будущего и, может быть, не скорого, так как район предполагаемого обитания древних венгров археологически изучен слабо. Вероятную территорию расселения древних венгров можно, на наш взгляд, установить на основании сопоставления исторических и языковых данных с древними районами расселения тех башкирских племен, названия которых представлены в этническом составе как башкир, так и венгров.

Венгерскими и отечественными исследователями, начиная с Б. Мункачи и Н. И. Ашмарина, выявлено в венгерском языке свыше 200 болгарских слов, относящихся к области скотоводства, земледелия и домашнего быта (Gombocz, 1912a). Эти заимствования (или, по крайней мере, значительная их часть), как в разное время высказывались многие лингвисты, имели место на территории, близкой к Волжской Булгарии (Серебренников, 1957, стр. 44), «в районе реки Черемшана» и «прилегающих землях Булгарии» (Czeglēdy, 1943, стр. 277, 289), «в близком соседстве с Волжско-Булгарским царством» (Németh, 1966, стр. 17) ⁵. В свете установления территории болгаро-

⁵ Ряд исследователей считает, что венгерские лексические заимствования с характерными для чувашского языка ротацизмом и ламбдаизмом не обязательно должны быть по происхождению волжско-булгарскими (Poppe, 1960, стр. 139–146). Часть заимствований с формами *r* и *l* могла проникнуть в вен-

мадьярских контактов важное значение имеет замечание Н. И. Ашмарина, что язык, из которого происходят венгерские заимствования, «делился на несколько наречий и, следовательно, народ, на нем говоривший, мог жить на *большом пространстве*» (Ашмарин, 1902, стр. 36; курсив наш. — Р. К.). А. П. Ковалевский, Б. Н. Заходер и другие исследователи также обращали внимание на то, что в болгарских именах, титулатуре, этнонимах, географических обозначениях просматриваются диалектальные различия в языке волжских болгар (см.: Ковалевский, 1954, стр. 34–35). Сообщение Ибн-Русте о «трех отделах» волжских болгар — берсула, эскэл (эсэжел) и балкар — не только подтверждает наблюдения о разноплеменном составе болгарского круга племен, но и указывает на обширность занимаемой ими территории. Если ставшая в литературе традиционной идентификация «страны Эскэл» (Ибн-Русте, БАГ, 1892, стр. 142) или «племени» во главе с «царем эскэлов» (Ибн-Фадлан, 1939, стр. 76) с болгарским городом Ошель на правом берегу Волги верна, то область расселения болгарского населения в домонгольскую эпоху и, следовательно, вероятная зона болгаро-мадьярских контактов распространяется и на волжское правобережье. Правда, в последнем случае речь может идти о событиях более позднего периода, так как город Ошель возник, вероятно, не ранее XI в. (Смирнов, 1951, стр. 46–47, 265), хотя переселения болгарского населения на правый берег Волги несомненно имели место значительно раньше. Восточные авторы (Ибн-Русте, Ибн-Фадлан, Худуд ал-Алам, Ал-Бекри и др.) словом *эскэл* (в распространенной огласовке *эсегел*) обозначали не название племени, а «жителей определенной области» (Егоров, 1953, стр. 79). Описания эскэлов Ибн-Фадланом и Ибн-Русте (эскэлы — кочевники, имели князя или царя, находились в повиновении у царя болгарского, кочевали на территории, от которой недалеко «обширная степь», где-то на юге или юго-востоке соседил с мадьярами) соответствуют этому определению. Судя по сообщению Ибн-Фадлана, во время его пребывания в Волжской Булгарии эскэлы и область их расселения находились еще на левобережье Волги (Ковалевский, 1954, стр. 38). Следовательно, «страна эскэлов» на Волге была крайней северной или северо-западной границей территории мадьяр в Булгарии, причем граница эта была подвижной: если на ранних этапах болгаро-мадьярских контактов

герский язык, по мнению Н. Н. Поппе, задолго до болгаро-мадьярских контактов на Волге. Признавая возможность и вероятность тюрко-угорских контактов в эпоху до миграции в Восточную Европу, к которой могут относиться некоторые алтайские заимствования в венгерском языке (см.: Корнилов, 1971, стр. 113–116), отметим в то же время, что указанная постановка вопроса не снимает проблемы болгаро-мадьярского взаимодействия в Поволжье.

она находилась в пределах левобережья Волги, то позднее она могла отодвинуться к западу от реки.

Таким образом, опираясь на выводы лингвистического и исторического характера, можно постулировать территорию расселения древних венгров в непосредственном соседстве с Волжской Булгарией, от Волги на западе и до верховьев ее притоков (Б. Черемшан, Сок, Кундурча) на Бугульминской возвышенности на востоке. Имея в виду, что речь идет о болгаро-мадьярских контактах на раннем этапе болгарской истории на Волге (VIII–IX вв.), зону контактов этих народов невозможно распространять дальше на восток на всю территорию современной Башкирии. Эпизодические проникновения в VIII–IX вв. в предгорья Южного Урала болгаро-мадьярского населения не меняли общей картины. Напротив, расселение части мадьяр на правобережье Волги и взаимодействие там с племенами болгарского этнического круга представляется вполне вероятным.

Башкирские родоплеменные образования, этнонимы которых имеют параллели у венгров (юрматы, еней, тархан, мишар, кесе, нагман, юламан), целиком расселены в западной и центральной Башкирии. Однако во втором разделе исследования мы установили, что в XII–XIII вв. эти группы обитали значительно западнее р. Ик, в верховьях Шешмы и Зая, т. е. как раз в той области, где берут начало левые притоки Волги Б. Черемшан, Кундурча и Сок. Археологические исследования последних лет позволяют уточнить расположение очерченной территории по отношению к волжским булгарам (карта 15). В ранний период болгарской истории (до XI в.) юго-восточная граница болгарских земель проходила в междуречье Шешмы и Б. Черемшана. На востоке болгарские поселения располагались по течению р. Шешмы и достигали долины Зая. В предмонгольскую эпоху (XII — первая половина XIII в.) восточная граница булгар достигает по левобережью Камы низовьев Белой, что хорошо согласуется с изложенными историко-этнографическими данными о переселении в эти районы и севернее племен еней, биляр, юрми и гайна-тархан. Однако центром болгарского расселения и в этот период остается Западное Закамье (Фахрутдинов, 1968, стр. 12–14). Следовательно, в XII–XIII вв., а также до этого времени территория, занятая родоплеменными группами юрматы, еней, тархан и др., находилась на восточной или юго-восточной периферии болгарских земель.

До XII в. юрматно-юрмийские племена могли кочевать и западнее, вплоть до Волги и нижних течений ее левых притоков, но не восточнее и не севернее. Это доказывается не только общим направлением движения юрматинцев и других племен в XII–XIV вв., но и поразительным совпадением сведений территориально разбросанных в настоящее время башкирских племен указанной группы о «приходе предков из Булгара».

Обращаясь к письменным свидетельствам эпохи средневековья, приходится согласиться с Й. Переньи в том, что сочинения Карпини и Рубрука не могут служить документальной основой в определении территории древних венгров. Маршрут обоих путешественников пролегал на несколько сот километров южнее интересующей нас области. Карпини и вслед за ним Рубрук, будучи знакомы с записями Рихарда о путешествии Юлиана к венграм-язычникам, жившим рядом с Волжской Булгарией, и узнав на месте о новом для них народе — башкирах, отождествили Башкирию («земля Паскатири») и башкир («баскарт») с прародиной венгров и мадьярами (ПВС, 1957, стр. 48, 122–123). Если же Карпини и Рубрук были знакомы с арабской географической литературой X–XIII вв. (а такое допущение вполне резонное), то у них формально были и другие, более веские «основания» для отождествления страны башкир со страной венгров: восточные авторы, как известно, нередко называли венгров башкирами. Так родилась средневековая формула «terra Bascart ib est Magna Hungaria», которая, по крайней мере, неточная, потому что историческая соотносимость этнонимов «башкир» и «мадьяр» вовсе не подразумевала тождества прародины венгров и Башкирии. По средневековым масштабам ошибка Карпини и Рубрука была не столь велика, но она очень затруднила работу потомкам, так как территория Башкирии в XIII в., тем более позднее, выглядела уже иначе, чем два-три столетия до этого.

Записки Рихарда о путешествии Юлиана и письмо самого Юлиана епископу из Перуджии остаются наиболее ценным и достоверным свидетельством о местопребывании древних мадьяр. После длительного и трудного путешествия Юлиан нашел своих соплеменников «близ большой реки Этиль». «По преданиям древних они знают, — рассказывает Рихард о путешествии Юлиана, — что те венгры (т. е. ушедшие в Паннонию. — *Р. К.*) произошли от них, но не знали, где они». «Язык у них совершенно венгерский (ungaricum): и они его понимали и он их» (Аннинский, 1940, стр. 81).

Реки Кама и Белая, которые по средневековой арабской традиции нередко считались продолжением Волги, в источниках также обозначались словом Итиль. На этом основании, а также, как мы видели, в зависимости от характера других использованных источников, различные исследователи располагают родину восточных венгров то на берегу Камы, то Белой. Однако с только что представленными лингвистическими и историко-этнографическими данными невозможно увязать пребывание мадьяр столь далеко на севере или северо-востоке — в лесном Прикамье или в таежных тогда районах прибельской низины. «Большой рекой Этиль» могла быть только Волга, и описание Юлианом хозяйства и образа жизни своих соплеменников целиком соответствует этому заключению. «Они язычники, — сообщает

Юлиан, — но не почитают и идолов, а живут как звери. Земли не возделывают; едят мясо конское, волчье и тому подобное, пьют лошадиное молоко и кровь. Богаты конями и оружием и весьма отважны в войнах» (Аннинский, 1940, стр. 81). Как видим, это — образ жизни жителей степей или лесостепей, но не тайги и лесов.

Сведения Юлиана о прародине венгров можно подтвердить сообщениями восточных источников, которыми, однако, в данном случае особенно затруднительно пользоваться без специального источниковедческого анализа. Такой анализ предприняли С. Макартней (1930) и Б. Н. Заходер (1962). Оба пришли к выводу, что в сведениях о мадьярах арабо-персидских источников X–XI вв., в ряду которых выделяются ценностью своих сообщений Худуд ал-Алам, Ибн-Русте, Ал-Бекри и Гардизи, переплетаются факты разных эпох. Сведения, касающиеся раннего периода истории мадьяр, сообщаются в порядке передачи и заимствований из более ранних сочинений, до нас не дошедших. Более поздние сведения, почерпнутые из наблюдений и информации современников, некритически синтезированы с ранними, чем объясняются многочисленные противоречия в сообщениях восточных писателей. С учетом этих особенностей обратимся к следующему известию Гардизи о мадьярах: «Их владения прилегают к Румскому морю... Они живут между [двумя] реками. Из этих двух рек одну называют Итилем, другую — Дунаем... Та река, которая находится по правую сторону мадьяр, течет по направлению к стране славян и оттуда к стране хазар. Эта река больше другой» (Вестберг, 1908, стр. 20). Упоминания о «большой» реке «Итиль», которая течет в сторону хазар, о пребывании мадьяр на левом ее берегу восходят к ранним заимствованиям арабской литературы. Они отражают период, когда венгры находились в *Magna Hungaria*. Именно в этом смысле толковали сообщение Гардизи Ф. Вестберг и позже Б. Н. Заходер. Последний на основании других источников установил, что «большая» река впадала в Хазарское (т. е. Каспийское) море (Заходер, 1962, стр. 29). К сообщению Гардизи примыкает описание земли мадьяр Ибн-Русте: «...между страной печенегов и страной эскэл из [числа] ал-блкарийа [находится] первая из областей мадьяр» (БАГ, 1892, стр. 142). Учитывая очертания основных булгарских земель в ранний период их истории, страна между печенегами и болгарским народом эсегел должна находиться на территории от Волги на западе до Бугульминской возвышенности — на востоке. Это последнее обстоятельство подтверждается сообщением Худуд ал-Алама: «...к востоку от страны мадьяр — горы», если под «горами» иметь в виду упомянутую возвышенность (Худуд ал-Алам, 1930, стр. 24). На севере мадьяры граничили с булгарами и, как указано, с областью эскэлов, т. е. могли временами достигать устья Камы и переходить на правобережье Волги. На юге мадьярским племенам,

очевидно, хорошо были известны кочевые пути в Нижнее Поволжье и на Северный Кавказ, так как традиционные этнические и культурные контакты Волго-Камья и Приуралья с этими южными областями не прерывались вплоть до середины II тыс. н. э. Однако мадыро-булгарские этноязыковые контакты могли развиваться в пределах определенной, сравнительно компактной территории, которой могла быть область, очерченная нами от Волги до центра Бугульминской возвышенности.

Благодаря новым исследованиям появилась возможность расширить наши доказательства о локализации древних венгров с привлечением археологического материала. На западных границах очерченной области, на обоих берегах Волги, открыты памятники типа Танкеевского могильника (кроме Танкеевского, Тетюшский, Кокрятский, Хрящевский). По погребальному обряду и инвентарю к ним близка небольшая группа синхронных памятников Башкирии, расположенная в крайних восточных пределах «мадырской области» или в непосредственном соседстве с ней. Это Стерлитамакский, Кушулевский, Манякский могильники (Халиков, 1971, стр. 34). Е. А. Халикова к этой же группе относит некоторые комплексы с Кушнаренковского могильника (Халикова, 1972, стр. 154). Все эти памятники датируются в пределах VIII–XI вв.

Культурные комплексы могильников Волго-Приуралья типа Танкеевского, как упоминалось, обнаруживают сходство с древневенгерскими находками IX–X вв. Карпатского бассейна. Прежде всего общие черты касаются погребального обряда: и там, и здесь зафиксированы захоронения с конем, т. е. с черепом и конечностями коня; поминальные обряды, также включающие конские череп и конечности, но захороненные выше погребения, и особенно лицевые покрытия — маски (Халикова, 1972, стр. 154–158). Аналогии обнаруживаются и в инвентаре: накладках, поясных сумочках и др. (Казаков, 1972, стр. 162–164). Установленные параллели, во-первых, доказывают достоверность булгаро-мадырских контактов в VIII–X вв. на Волге; во-вторых, они позволяют, пока, правда, весьма фрагментарно, проследить расширение на восток до р. Белой территории расселения этносов, участвовавших в этих контактах. В то же время этническую принадлежность населения, оставившего Танкеевский могильник и близкие ему памятники, нельзя считать однозначно установленной. Высказывались различные точки зрения. Танкеевское население считалось: болгарским (В. Ф. Генинг); тюркским, отличным от болгарского этноса (А. Х. Халиков); родственным болгарскому населению Больше-Тарханского могильника (Е. А. Халикова) и т. д. Население, оставившее Стерлитамакский могильник в Башкирии, определялось как сармато-аланское (П. Ф. Ищериков, Р. Б. Ахмеров), булгаро-сарматское (А. П. Смирнов), угро-мадырское (Н. Я. Мерперт, М. И. Артамонов) и т. д. Кроме то-

го, исследования по этническому определению населения, оставившего древневенгерские памятники Карпатского бассейна, также пока не завершены.

Если большинство ученых считает, что эти памятники принадлежали угро-мадярам, то некоторые археологи не без оснований предполагают их тюркское или, по крайней мере, тюрко-мадьярское происхождение. Это обстоятельство послужило, очевидно, одной из причин, побудивших Е. А. Халикову заключить, что могильники типа Танкеевского «принадлежали смешанному тюрко-угорскому населению» (Халикова, 1972, стр. 161). С мнением Е. А. Халиковой спорить не приходится, тем более, что речь идет об эпохе булгаро-мадьярского взаимодействия. Но в свете нашей темы важно подчеркнуть присутствие в составе населения, оставившего в Волго-Уральской области могильники типа Танкеевского, угро-мадьярского компонента. Венгерский археолог И. Фодор, проанализировавший в ретроспективно-сравнительном аспекте огромный археологический и этнографический материал по погребальным обрядам с использованием лицевой маски, пришел к важным выводам. Он пишет, что обряд, «общий у обских угров и венгров, а значит, всех народов угорской ветви... возник в те времена, когда они еще были в соседстве друг с другом» (Фодор, 1972, стр. 170). Как и другие исследователи, И. Фодор считает, что этническая принадлежность населения Волго-Камья и Карпатского бассейна, знавшего погребальный обряд с лицевой маской, была различной. В его составе находились сармато-аланы, булгары или тюрки, но (Фодор делает существенную оговорку) «все же основное ядро этого круга составляли народы финно-угорского происхождения», т. е. в условиях Среднего Поволжья и Приуралья — угро-мадяры (Фодор, 1972, стр. 175). Как видно, расположение памятников, близких к Танкеевскому могильнику, подтверждает правильность локализации территории древних венгров в пределах очерченных нами границ.

Будущие археологические открытия, надо надеяться, заполнят вакуум, имеющийся пока между крайними западными и восточными границами расположения этих памятников. Заметим попутно, что новая интерпретация круга памятников типа Танкеевского окончательно снимает гипотезу П. Д. Степанова о принадлежности Ош-Пандинской культуры VI–IX вв. угорско-мадьярским племенам (Степанов, 1964, стр. 137). Культурный комплекс городища Ош-Пандо (Мордовская АССР), который П. Д. Степанов считает угро-мадьярским, принадлежал, вероятно, древнемордовскому населению (Смирнов, 1972, стр. 93–94). Это, в свою очередь, означает, что мадяры, хотя и находились на правобережье Волги, но, судя по расположению известных памятников танкеевского типа, едва ли проникали далеко в глубь от прибрежной полосы.

Итак, лингвистические, историко-этнографические данные, сообщения средневековых источников, а также археологические материалы не расходятся в определении территории древних венгров. Древние венгры жили на левобережье Волги, в долинах рек Б. Черемшан, Кундурча, Сок, Кинель, в непосредственном соседстве от волжских булгар. На востоке их территория достигала района водораздела рек на Бугульминской возвышенности, т. е., как обычно, кочевники занимали течения малых рек от верховий до устья.

О болгаро-мадярском компоненте древнебашкирского этноса

Этническая история в Среднем Поволжье и в Приуралье вступает в новую стадию с появлением на Волге с Северного Кавказа болгарских племен. Многие вопросы, связанные с ранней историей волжских булгар — этнический состав, время миграции на Волгу, роль гуннского, сарматского или финно-угорского компонентов в их формировании — остаются не до конца ясными. В свете нашей темы отметим несколько моментов, которые можно считать достаточно твердо установленными благодаря новейшим исследованиям и которые необходимо иметь в виду при дальнейшей разработке нашей темы:

а) Булгарское продвижение на Волгу не было внезапным. Пути миграции из степей Прикаспия и Северного Кавказа в Волго-Уральскую область издавна были известны кочевникам (А. П. Смирнов, 1952; К. Ф. Смирнов, 1971). На фоне исторической ситуации второй половины I тыс. н. э. проникновение булгар на Волгу было не более чем одним из эпизодов в многовековой традиции. Однако масштабы новой миграции, военно-политическое возвышение булгарской знати и образование в X в. государства Волжской Булгарии предопределили крупное историческое значение этих событий. Волжско-Камская Булгария, просуществовавшая до XV в., сыграла заметную роль в средневековой истории Восточной Европы. Особенно значительным оказалось влияние Волжской Булгарии на исторические судьбы тюркских и финно-угорских народов Поволжья и Приуралья.

б) Миграция булгар, начавшись не ранее конца VII в., особенно активной была в VIII в. В IX в. этнические контакты Среднего Поволжья и северокавказских степей не прерывались, что само по себе имеет в виду дальнейшее развитие миграционных процессов (Смирнов, 1962; Генинг, Халиков, 1964). По путям движения булгарских племен с Северного Кавказа, Прикаспия и южнорусских степей в Поволжье и Приуралье проникали новые группы населения, которые внесли соответствующий вклад в этническое формирование тюркских народов Волго-Уральского региона. Вероятно, в ту же эпоху имели место обратные отливы населения из Волго-Уральской области на юг.

в) Этническая основа древних («великих») болгар была, очевидно, сложной. По мнению А. П. Смирнова, болгары в Приазовье являлись преимущественно местными племенами сармато-аланского происхождения, подвергшимися в середине I тыс. н. э. тюркизации. Булгары на Волге, куда они прикочевали «вместе с остатками гуннов и других кочевников», сохраняли генетические и культурные связи с «алан-сарматами» Предкавказья (Смирнов, 1951, стр. 11). Н. Я. Мерперт считает болгар племенами, «принадлежащими к тюркской языковой семье» и пришедшими из Азии в Европу вместе с гуннами, но отличными от них по происхождению и культуре (Мерперт, 1958, стр. 590). Совершенно иначе решает этот вопрос М. И. Артамонов, по словам которого, «болгарами назывались угры, присоединившиеся к гуннам еще в Западной Сибири и Приуралье» (Артамонов, 1962, стр. 83). А. Х. Халиков предпринимает весьма интересную попытку пролить свет на проблему путем сопоставительного анализа археологических комплексов различных областей степной и лесостепной полосы Евразии. Он выделяет в культуре Больше-Тарханского могильника — раннебулгарского памятника на Волге (VIII–IX вв.) два культурных компонента: «угорский, связанный с круглодонной керамикой и сложной конструкцией могильных ям, и тюркский — с плоскодонной керамикой и простыми могильными ямами» (Генинг, Халиков, 1964, стр. 145). Аналогии культурным комплексам Больше-Тарханского могильника А. Х. Халиков находит в Подонье (в лепной плоскодонной керамике болгарских поселений на Нижнем Дону), а также в памятниках Восточного Казахстана и Западной Сибири. Здесь же в эпоху раннего железа сложилась, вероятно на основе племен карасукского происхождения, «особая группа древнетюркских народов», язык которых сохранился у современных чувашей, а в прошлом принадлежал болгарам и некоторым другим народам. На этой же территории и в ту же эпоху на базе племен андроновской культуры сформировались предки угров, культурные традиции которых были близки к культуре тюрков. В степной части Казахстана и Западной Сибири древнетюркские (древнеболгарские) и угорские группы перешли к кочевому скотоводству, а в IV–V вв. в составе гуннского движения проникли в Европу (Халиков, Генинг, 1964, стр. 137–148). Близко к схеме А. Х. Халикова интерпретирует антропологический материал из Больше-Тарханского могильника М. С. Акимов. Формирование антропологического типа ранних болгар шло, по ее заключению, «к востоку от Урала». «Расогенез болгар и древнего населения Восточного Казахстана и Киргизии протекал сходным образом», и основной тип, вошедший в их состав, был «близок к расе Среднеазиатского междуречья», распространенной «от Нижнего Поволжья на западе до Киргизии на востоке». С появлением гуннов к этому типу еще на просторах Казахстана и Западной Сибири «начинают примешиваться монголоид-

ные черты» (Акимова, 1964, стр. 191). В. Ф. Каховский (1965) в своих общих построениях по этнической истории болгар опирается на идею центральноазиатского происхождения тюрков и историческую периодизацию развития тюркских языков, разработанную Н. А. Баскаковым. Древние болгары, утверждает В. Ф. Каховский, выделившись в конце I тыс. до н. э. из тюрко-монгольской этнической общности Центральной Азии, переселились в Семиречье и Центральный Казахстан, где происходило их дальнейшее развитие. Однако, разрабатывая конкретную схему этнического развития предков чувашей, он приходит к выводу о тюркоязычности усуней, из среды которых происходят сувары. Поэтому несколько неожиданным является его заключение о том, что «древние болгары и сувары вышли из древнетюркской этнической общности, сложившейся в Семиречье и Центральном Казахстане» (Каховский, 1968, стр. 16).

Все приведенные гипотезы и построения имеют определенную генетическую или историко-культурную основу. Совершенно очевидно, что проблема нуждается в специальной разработке с привлечением нового археологического материала со степной и лесостепной территории Евразии, а также, подчеркнем, с учетом новейших достижений тюркологии. В свете наших источников заметим следующее. Большинство родоплеменных этнонимов, общих в том или ином сочетании для дунайских болгар, волжских булгар, чувашей, венгров и башкир (например, юрматы, юрми, еней, буляр — биляр, мишар), не имеют параллелей ни в Центральной, ни в Средней Азии. В то же время сохранилось два таких этнонима (тархан — дархат; кесе — кеси — кеса — кэса), которые восходят к древнейшему тюрко-монгольскому миру. Имея в виду эти наблюдения, а также ряд историко-культурных параллелей, приведенных в предшествующих главах, можно в самой общей форме утверждать, что болгары — турки центрально-азиатского происхождения, этническая история которых длительное время протекала в нетюркской среде на просторах Казахстана, Западной Сибири и Северного Кавказа.

С миграцией на Волгу булгарские племена вступают в активное взаимодействие с местным населением, при этом развитие этнических процессов характеризуется преобладанием булгарского влияния, которое в восточном направлении проникает и в районы Приуралья. В то же время не исключается обратное движение в Поволжье и участие в формировании булгарского населения VIII–IX вв. приуральских племен, появившихся к западу от Урала в середине I тыс. н. э.

Одним из главных моментов нового этапа этнической истории в Поволжье было булгаро-магьярское взаимодействие. Историко-этнографические источники так же, как и археологические материалы, не позволяют с какой-либо определенностью судить о масштабах булгар-

ского проникновения в среду угров и, напротив, угорского — в среду болгар. Но нам известны *результаты* этого процесса — значительные болгарские заимствования в венгерском языке и очень слабые следы, почти отсутствие венгерских лексических элементов в тюркской речи народов Поволжья. Заметным было влияние болгарских племен и на материальную культуру венгров (см.: Эрдейи, 1959; Барта, 1972). Правда, этническое взаимодействие болгар с древними венграми могло носить различный характер. Если западная часть мадьярских племен испытывала возрастающее влияние болгар, то восточнее, на периферии болгарского расселения, этот процесс мог протекать медленнее. Следы угро-мадьярского влияния на тюркские народы Поволжья и Приуралья, кстати говоря очень мало изученные, отложились в физическом типе и на некоторых сторонах культуры, например в народном прикладном искусстве и орнаментике (см.: Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 81–100).

В этнической среде болгарских и угорских племен, в специфической обстановке постоянных контактов и активного взаимодействия, свойственной для кочевников той эпохи, сформировался один из ранних компонентов древнебашкирского этноса. К этому компоненту, который назовем «булгаро-мадьярским», восходят, как установлено в предыдущих главах, следующие родоплеменные образования: племена — юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, буляр, танып; роды в составе западных табынцев — кесе, кальсер, юрман (юрман); род мишар в составе племени юрматы; родовые подразделения в составе разных племен — нагман, юламан, имес (карта 15). Наиболее трудными являются вопросы: какие этнические образования — болгарские или угорские (древнемадьярские) — в нем преобладали? вошли ли в ранний компонент башкирского этноса собственно болгарские образования или это были тюркоязычные племена, успевшие еще на Северном Кавказе испытать воздействие заволжского и закаспийского этнического мира тюрков печенего-огузских конфедераций? Основные доказательства, которые могут дать ответы на эти вопросы, приведены во втором разделе книги. Здесь мы кратко их суммируем. В табл. 1 приведены этнонимические параллели булгаро-мадьярской группе башкирских родоплеменных образований. Семь названий — юрматы, еней, тархан, кесе, юламан, мишар (род. мишар-юрматы), нагман — имеют аналогии в *древневенгерской* этнонимии, однако первые пять названий — «тюркского происхождения», а этнонимы юрматы, еней, кесе, юламан, кроме того, «имеют болгарские признаки» или происходят из «тюркского языка с чувашским отпечатком» (Németh, 1966, стр. 15, 17). В связи с последним замечанием надо иметь в виду, что этнонимы кесе, юламан и тархан в эпоху древности были распространены далеко за пределами территории булгаро-мадьярских контактов. Кро-

ме параллелей, указанных в табл. 1, напомним, что в составе уйгуров группа племен носила название *кэса* (ср. кесе), а среди восьми печенежских племен Ал-Масуди и Константин Багрянородный указывают племя дьюла (*Jula*, ὕλα; ср. юламан, дьюла, дуло). Распространение этнонима тархан указано в таблице: особенно примечательно его присутствие в составе монголов и тувинцев, т. е. в районах Центральной Азии и Алтая. Правда, Д. Немет, подчеркивая «более чем очевидную» историческую связь венгерского *Gyula* и болгарского *Dulo*⁶, считает, что печенежское племенное название *Jula* с венгро-болгарским названием исторически не связано (*Németh*, 1966, стр. 15–16). Однако в этом можно сомневаться, опираясь на этимологические экспертизы самого же Д. Немета. В древнетюркском языке довольно часты племенные названия, обозначающие сан, социальное положение, чин. Именно с этих позиций Д. Немет объясняет этнонимы *ене* («род министра» или «род управителя»), *тархан* (род Тархана), *дьюла* (род князя Дьюла)⁷. К этому списку можно, вероятно, добавить этноним *кальсер* (еще один род в булгаро-мадьярской группе), который состоит из двух компонентов: *каль* (кӧл, куль) + *сер* (чер). Элемент *каль* (куль) легко сопоставляется с первым компонентом печенежского племенного названия из списков Ал-Масуди и Константина Багрянородного: *kāl* + *p̄ī*, *kyl*+*p̄ī* (см. Щербак, 1959, стр. 371). Второй компонент печенежского этнонима — *p̄ī*, *bej*, башкирское *бий* — означает «родоплеменной вождь», «князь». В башкирском и киргизском вариантах этнонима присутствует эквивалентное окончание, также известное печенегам: *čur* < чер, сер — печенежский военный титул. Следовательно, приходится признать историческую связь, по крайней мере, части этнонимов эпохи булгаро-мадьярского взаимодействия с древним тюркским и тюрко-монгольским миром. Об этом же свидетельствуют этнонимы тархан, дархат, кесе, кесек, калджыр в родоплеменной номенклатуре народов Алтая, Средней и Южной Сибири, Азии. Тюркское происхождение указанных «булгаро-мадьярских» этнонимов может быть объяснено, на наш взгляд, центральноазиатской гипотезой происхождения болгар и их ранними контактами с монгольскими и позже с угорскими племенами. Эта идея находит в последнее время все больше сторонников, особенно среди лингвистов. Венгерский монголист А. Рона-Таш, например, пришел к выводу, что соноризация чувашских конечных гортанных «развилась до или во время старочувашско-монгольских

⁶ Этот этноним упоминается в древневенгерской хронике в сложном сочетании *Eunedubelianus*, которое расшифровывается как *Enech+Dulo+Belar* (*Györffy*, 1948, стр. 27).

⁷ В IX в. *Gyula* был одним из двух главных князей Венгрии. По Д. Немету, «народ князя *Gyula* составлял род *Gyula*» (*Németh*, 1966, стр. 14).

Т а б л и ц а 1
Родоплеменные названия башкир VIII–IX вв.
(булгаро-мадьярский этнический слой)

Башкиры	Древние венгры	Дунайские болгары	Волжские булгары
Юрматы (п. *)	Дьярмат (Gyarmat)		
Юрми (п.) (р. — в составе п. Айле; рп. — Тангаур)		Ерми (Ermi)	
Еней (п.)	Ене (Jenő, Jéney)		
Гайна или Тархан (п.); Тархан, Дархан (рп. — Тангаур; Катай)	Тарьян, Таркан (Tarjan)	Тархан (Tarcanos)	
Кесе (р. — Табын)	Кеси (Kesz, Kesző, Keszi, Kesze)		
Буляр, Биляр (п.)	Билеры (Bileres) — пришлая группа		Булгар, Буляр, Билер
Мишар (р. — Юрматы; рп. — Мин, Юрматы и др.)	Мадьяр (Medyer, Madyar)		
Нагман (рп. — Усерган)	Нег, Нек (Nyék)		
Юламан (рп. — Мин)	Дьюла (Jula, Gyula)		Дуло (Dulo, Dzulo)
Имес (рп. — Тангаур, Кыпчак и др.)	Емесу (древний антропоним)		
Юмран, Юрман (р. — Табын)			
Кальсер (р. — Табын)			
Танып (п.)			

* Сокращения: п. — племя; р. — род; рп. — родовое подразделение.

контактов». «Чувашский язык, — пишет он, — это обычное развитие тюркского протоязыка, и в течение своей ранней истории, до миграции чувашско-булгарско-огурских племен к западу, он имел долгий и тесный контакт с монгольским языком» (Róna-Tas, 1971, стр. 399). На башкирскую почву перечисленная группа этнонимов проникла

Чуваши	Уйгуры	Монголы	Тувинцы	Киргизы	Узбеки	Туркмены
Юрмет (языческий антропоним)						
Юрмекей (языческая родовая фамилия)						
Геней (языческий антропоним)						
Тархан, Торхан (языческая родовая фамилия)		Дархаты	Дархаты	Даркан		
	Кэса		Кезек- куулар	Кесек	Кичи- мерген	Кесе Кичи
Ир-емес, Ирч-емес, Арз-амас (языческие родовые фамилии)						
				Калджыр		

через болгаро-мадьярский этап этнического взаимодействия народов Среднего Поволжья.

С дунайскими болгарами и волжскими булгарами связано, как было показано, происхождение башкирских родоплеменных названий юрми (ерми), тархан, юламан и буляр. К болгарской же эпохе восхо-

дят этнонимические параллели башкир и чувашей: юрмет, юрмекей, геней, тархан, имес.

Происхождение родоплеменных названий само по себе не является показателем этнической принадлежности, тем более — происхождения их носителей. В условиях болгарского влияния на мадьяр, которые к тому же находились в политической зависимости от новых пришельцев [Ал-Балхи: «Они (т. е. венгры. — *Р. К.*) подвластны булгарам»], древневенгерские племенные образования могли воспринимать тюркские (болгарские) наименования. Однако трудно представить, чтобы подобная ситуация сложилась по отношению к большинству мадьярских племен. Из восьми племен древних венгров, перечисленных Константином Багрянородным, шесть, судя по новейшим историко-лингвистическим исследованиям, имеют тюркские названия, и все они, кроме позднее присоединившихся к мадьярскому союзу коваров, входили в венгерскую конфедерацию на Волге.

Историко-этнографическая характеристика, представленная перечисленным башкирским родоплеменным образованиям в предыдущих главах, сопоставленная с выводами лингвистического характера и письменными свидетельствами средневековых авторов, показывает, что в состав мадьярского союза на Волге влились племена и родоплеменные группы, по выражению Д. Немета, «тюрко-болгарского» происхождения. Венгерские исследователи в этом заключении опираются не только на тюрко-болгарское происхождение венгерских племенных названий, но и на близость антропологического состава башкир и венгров «эпохи заселения родины»⁸. Правильность сформулированного заключения хорошо иллюстрируется также историей расселения булгаро-мадьярской группы башкирских племен: все эти племена мигрировали на территорию современной Башкирии из района водораздела рек на Бугульминской возвышенности (карта 15), т. е. из наиболее вероятной зоны булгаро-мадьярских контактов. Применительно к башкирам этот вывод может быть еще более определенным. Этническая история болгарских образований юрми, буляр, гайна-тархан, древние связи которых с «мадьярскими» племенами юрматы и еней прослеживаются совершенно отчетливо, пока-

⁸ «Антропологический состав венгерского народа принял... на территории Башкирии ту форму, в которой он появляется в период занятия территории Венгрии» (*Мольнар*, 1955, стр. 98–99); «У венгров — завоевателей страны — преобладает туранский элемент по сравнению с уральским, из чего можно заключить, что к венграм угорского происхождения с течением времени примыкали тюркские племена, превышавшие в численном отношении угорские элементы, без того, чтобы венгерский народ потерял свой исконный язык» (*Lipták*, 1954, стр. 169).

зывает значительную роль населения Булгарской орды в формировании одного из ранних компонентов башкирского этноса. Заключение это хорошо иллюстрируется продвижением «булгарской» топонимии вслед за расселением в Башкирии булгаро-мадьярской группы племен. В соответствующих главах приведены материалы о появлении в западной и южной Башкирии булгарских оронимов Тура-тау, Курман-тау, гидронимов Юрми, Юрмаш и др. Широко распространены в Волго-Уральской области гидронимы с булгаро-чувашской основой *кундур* или общетюркской основой *кундуз* (башк. *кондоз* — бобр, тат. *кондыз*, чув. *хундур*). Правый приток р. Сок в центре очерченной нами территории расселения венгров называется Кондурча или Кондузча. По наблюдениям Л. Рашоньи, в восточных средневековых источниках гидроним звучал, как Qondurça; в такой форме он упоминается автором XIV в. Шарафетдином ал-Йезди (Rásonyi, 1964, стр. 109). В Чувашии в начале XVIII в. были известны гидронимы Qundurla, Qondur. На территории западной Башкирии в архивных источниках XVIII в. зафиксированы гидронимы «Кундуз-зелга», «Кундюзли» (МИБ, III, стр. 113), т. е. в общетюркской форме, но и «Кундурушму» (МИБ, I, стр. 80), «Кундуруш» (МИБ, III, стр. 93) — в булгаро-чувашской форме. Со ссылкой на источники XV в. Л. Рашоньи сообщает о речке Kundurus в бассейне Тиссы и о населенном пункте с тем же названием (villa Cundurur) в Венгрии (Rásonyi, 1964, стр. 106). Было бы неверно на основе этих совпадений воскрешать старый тезис о тождестве Башкирии и Magna Hungaria. На самом деле распространение указанных гидронимов в Башкирии объясняется значительностью булгарского компонента в булгаро-мадьярской группе племен башкирского этноса.

Показательны в этом же свете сопоставления волжско-болгарских тамг на керамике и монетах (Ковалевский, 1954, стр. 48; Юсупов, 1960, стр. 44), знаков на староболгарских строительных материалах из раскопок близ города Плиска — древней столицы Дунайской Болгарии (Шкорпил, 1905, стр. 252–253) с тамгами, распространенными у башкирских племен булгаро-мадьярского слоя (табл. 2). Для сравнения приведены печенежские знаки на керамике и кирпичях из Саркела-Белой Вежи (Щербак, 1959, стр. 363–365). К этнонимическим и топонимическим аналогиям добавляется, как видим, тождественность тамговых знаков булгар (волжских и дунайских) и башкир, восходящих, очевидно, к общему источнику. Идентичность или близость ряда булгаро-башкирских тамг с печенежскими знаками, кажется, достаточно прочно указывают на восточную, южносибирско-алтайскую и среднеазиатскую основу и этих показателей.

Т а б л и ц а 2

	Башкирские тамги	Волжско-булгарские знаки	Дунайско-болгарские знаки	Печенежские знаки
Юрматы, Кесе, Юмран, Юрми				
Кесе				
Юрматы, Биляр				
Биляр, Юрми				
Юрми, Юрматы				
Юрматы, Юмран				
Еней, Юрматы, Кальсер				
Тархан				
Юрматы, Тархан, Юмран				
Биляр, Тархан				

Аналогии в древних пластах культуры башкир и чувашей также указывают на роль булгар в этнической истории башкирского народа, так как чувашаи в большей степени, чем другие поволжские народы, сохранили болгарскую архаику. Установлены, в частности, параллели в орнаментации дерева (солярный орнамент, веревочная рельефная резьба, оформление ковшей), в старинных счетных вышивках с узорами противостоящих птиц (или животных) и т. д. (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, гл. II, V, IX). Некоторые наиболее ранние виды башкирских женских головных уборов (*кашбай*) и украшений также восходят к булгаро-чувашской основе (Шитова, 1971, стр. 177).

В булгаро-мадьярском пласте башкирского этноса значительной была роль и угорского компонента. Отразилось это прежде всего в этнонимии. Название подразделения нагман — *нагман* (племя усерган) Д. Немет идентифицирует с этнонимом древневенгерского племени *Nyék*. Основа этнонима «финно-угорского происхождения» и означает «пограничное сооружение», «племя для охраны границ» (Németh, 1966, стр. 14–15). В разных этнографических группах башкир зафиксированы подразделения *имес* — название, которое местные предания связывают с народом небашкирского происхождения с чуждым им языком. В чувашском ономастике, кроме уже упомянутых, сохранились языческие имена, которые восходят к «дотюркской» старине: Ир-емес, Ирч-емес, Арз-амас и др. По мнению В. Г. Егорова, эти имена первоначально были названиями «чувашских племен и родов» (Егоров, 1953, стр. 75). Имя *Емес* в форме *Емесу* было известно и древним венграм: оно упоминается в *Gesta Hungarorum* (Эрдели, 1967). В Среднем Поволжье и Прикамье широко распространены топонимы с суффиксом *-мес*, *-мас*. Создатели этой топонимии «принадлежали к финно-уграм и говорили на языке, близко стоящем к хантыйскому, мансийскому и древневенгерскому языкам» (Серебренников, 1957, стр. 35). Имея в виду присутствие данного форманта в этнонимах, можно полагать вслед за В. Ф. Генингом (1967), что перенесение его в топонимию — более позднее явление. Итак, башкирское *имес*, чувашское *емес*, древневенгерское *емесу* являются, вероятно, еще одним памятником финно-угорской или мадьярской инкорпорации в древнебашкирскую среду. Этноним *мишар* (юрматинский род), как упоминалось, также угорского происхождения и является развитием древневенгерских *tagyar* или *megyer*. Угорский компонент прослеживается и в культуре мишарей (Мухамедова, 1972, стр. 17).

Башкирские родоплеменные образования с названиями с угорским отпечатком расселены в основном в западной Башкирии, но отдельные группы встречаются и в восточной. Это было связано не только с тем, что древнемадьярские группы в XII–XIII вв. были подхвачены общим движением башкир на восток и север и оказались рассеянными по всей

территории, но и довольно поздним завершением ассимиляции угров как в среде башкир, так и у других народов Поволжья. Юлиан застал своих соплеменников на Волге, язык которых был «совершенно венгерским» еще в XIII в. В Башкирии род мишар в составе племени юрматы был также ассимилирован сравнительно поздно. Процесс ассимиляции, следовательно, протекал еще в XIII–XIV вв., а может быть, и позднее, иначе трудно было бы объяснить сохранение пережитков угорской этнонимии в очень подвижных мелких родовых подразделениях и, кроме того, явственные воспоминания об этой эпохе в башкирском историческом фольклоре, материалы которого анализированы выше. Это заключение совпадает и с выводами исторического языкознания. По мнению Л. Лигети, завершающая стадия внедрения венгерской этнонимии в башкирскую падает на XIII в. (Ligeti, 1963), а по заключению Д. Немета, даже «на столетие после нападения татар», т. е. на XIV — начало XV в. (Németh, 1966, стр. 15).

Итак, наши материалы показывают взаимопроникновение тюрков (булгар) и угров-мадьяр в Волго-Приуральском районе в период с конца VII до начала IX в. Тюрко-угорское взаимодействие сопровождалось преобладающим влиянием тюркского (булгарского) языка и культуры и обратным воздействием некоторых угорских традиций и их физического типа на протобашкирскую среду. Тюрко-угорское взаимодействие, однако, нельзя сводить только к этническим контактам волжских булгар с мадьярами: финно-угорский мир так же, как и тюркский, в ту эпоху был значительно шире и проникал в лесостепные и степные районы Приуралья и центральной Башкирии.

С началом крупного проникновения с юга и Волго-Яицкого междуречья новых волн кочевников этническая картина на Бугульминской возвышенности меняется. Можно полагать, вслед за А. Берсом (1930), Э. Мольнаром (1955), Л. Лигети (Ligeti, 1964), что уход мадьяр из Волго-Уральской области в начале IX в. в какой-то степени (может быть, в существенной) связан с этими событиями⁹. Мадьяры увлекли за собой часть тюркоязычных кочевников, в том числе племена юрматно-енейской группы. Их потомки в Паннонии на протяжении длительного времени, по свидетельству источников, сохраняли тюркский язык. Напротив, группы угров-мадьяр, как всегда бывает в больших процессах миграции, остались на древней родине. Они также долгое

⁹ Дискуссия о времени и причинах миграции мадьярских племен на запад не прекращалась в исторической науке с конца XIX в. (см.: Данилевский и Грот, 1883). В последнее время многие исследователи присоединяются к заключению Л. Лигети о том, что отделение венгерских племен, «ушедших на запад, от оставшихся на востоке народных групп едва ли могло произойти раньше первой трети IX столетия» (Ligeti, 1963, стр. 238).

время сохраняли свой язык и традиции. Остатки этих мадьяр на Волге нашел в XIII в. доминиканец Юлиан.

СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕБАШКИРСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ. ДРЕВНЯЯ БАШКИРИЯ

Этническая характеристика древнебашкирских племен

В конце VIII–IX в. в Волго-Уральской области появляются древнебашкирские племена. В широком историческом плане их миграция на север была продолжением булгарского движения. В составе новой волны кочевников были племена бурзян, усерган (муйтен), тангаур, байлар, тамьян, бишул, ун, кудей, роды сураш, ягалбай и, возможно, северные племена сынрян, уран. Этническая история древнебашкирских племен до миграции в Башкирию, суммированная на основе предшествующего изложения, представляется следующим образом.

I. В IV–VIII вв. Присырдарьинские и Приаральские степи — важнейший регион этногенетической активности, где на основе взаимодействия массагетов с восточными кочевниками формируются племенные конфедерации, сыгравшие крупную роль в этногенезе многих народов Средней Азии и Восточной Европы. В этом непрерывном и сложном процессе с позиции нашей темы выделяются три этапа: а) IV–V вв. — формирование в результате этнического воздействия племен гуннского союза на массагетское население племенной конфедерации эфталитов (белых гуннов). В эту же эпоху часть племен гуннского союза, в том числе и великие болгары, расселяются к западу от Волги, в степях Северного Кавказа и Приазовья; б) VI–VII вв. — консолидация тюркских родоплеменных образований под эгидой Тюркского каганата. В этническом отношении новые образования также явились результатом дальнейшего взаимодействия массагето-аланских племен и эфталитов с тюркскими и тюрко-монгольскими кочевниками. К этому же времени относится активизация тюрко-угорских контактов и инкорпорация в тюркскую среду на широком лесостепном пространстве к северу от Приаралья угорских племен; в) VII–VIII вв. — время образования на Сырдарье и в Приаралье локальных политических и этнических объединений степных племен. Процесс этот был вызван гибелью Западнотюркского каганата, общим упадком древних центров цивилизации Средней Азии, связанным с разрушительным последствием арабского нашествия и с усиливающейся экспансией кочевников из районов Семиречья, верховий Иртыша и Алтая.

II. На Сырдарье и в Приаралье наиболее крупными этнополитическими объединениями степняков в VII–VIII вв. становились печенеги и огузы, хотя расцвет их могущества относится к несколько более позднему периоду. В то же время это была эпоха сложения ряда других самостоятельных родоплеменных объединений, которые впоследствии растворились в составе печенегов, огузов и других средневековых народов. К числу таких образований относились *баджгарды* (или *баджгурды* — по Ал-Масуди) и *бурджаны* — племена, родственные печенегам и входившие в этническую среду предков печенежских племен еще в период их расселения в Восточном и Центральном Казахстане, в долине р. Или и в верховьях Иртыша, где древние башкиры были зафиксированы средневековыми источниками.

III. В VII–VIII вв. территория расселения древних башкир также определилась на Сырдарье и в Приаралье. Кочевья баджгардов и бурджан достигали временами Амударьи, причем бурджанские — преимущественно низовьев реки в районе современной Хивы; баджгардские группы какое-то время кочевали в восточном соседстве от бурджан, в направлении Сырдарьи и Нуратинских гор и, вероятно, южнее, так как «Башкуртские горы» еще в XIX в. были известны в верховьях Амударьи где-то в районе Термеза, а местность «Башкурт» — на центральном Памире.

IV. По имеющимся материалам определить конкретную дату основного этапа передвижения баджгардов и бурджан к западу от р. Урал, в Прикаспий и северокавказские степи невозможно.

Судя по упоминаниям этих племен в Европе в диапазоне VII–IX вв., можно предполагать, что предки башкир, будучи частью древнетюркского (печенежского) этнического мира, имели давние контакты с великими болгарами Северного Кавказа, этнически также связанными с гуннами и ушедшими в северокавказские степи с более ранней волной кочевников. Следовательно, процесс движения древних башкир на запад мог быть перманентным, пока в VIII в. центр расселения основной части племен не переместился в Прикаспий и северокавказские степи.

V. Башкиро-бурзянское продвижение на запад совпадает с эпохой сложных этнических и политических процессов на юге, главным содержанием которых было начавшееся возвышение Хазарии и распад Великой Болгарии. Баджгарды и бурджаны были вовлечены во многие события этой эпохи, выступая обычно в качестве союзников более сильных политических образований. Захваченные волной общих передвижений, часть бурджан и баджгардов уходит на запад, где они в IX в. упоминаются средневековыми источниками в Причерноморье и у византийских границ. По мере нарастания печенежского движения на Нижнюю Волгу усиливается движение кочевников и на север,

в Приуралье. Кочевья печенегов в Волго-Яицком междуречье достигают Самарской излучины Волги (Плетнева, 1958, стр. 154). В эту эпоху (конец VIII — начало IX в.) оставшиеся в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе баджгарды и бурджаны уходят вслед за великими болгарами, часть которых они еще застали на Северном Кавказе, в Волго-Приуральские земли. С этого момента этногенез башкир вступает в новый этап развития, который целиком проходит на современной территории их расселения или в смежных областях.

Касаясь происхождения древнебашкирской группы племен, в дополнение к анализу этнической истории каждого из этих образований во втором разделе книги, обратим внимание на несколько общих моментов.

1. Древние башкиры — преимущественно *тюркские* племена центральноазиатского происхождения¹⁰. Это доказывается многочисленными этнонимическими параллелями башкир с другими тюркскими народами, в том числе алтайскими (см. табл. 3), обширными историко-этнографическими материалами, затрагивающими древнейшие пласты материальной и духовной культуры башкирского народа, а также его исторического фольклора. В числе последних особое значение имеет подробно анализированный нами цикл преданий и легенд о волке — прародителе и путеводителе, наиболее выразительные сюжеты которых восходят к древнетюркским сказаниям.

В составе ранних башкир присутствует и *монгольский* компонент: тангаур — тангор, тамьян — тума — тумат, байлар — байдар. Эти конкретные исторические материалы иллюстрируют правильность ранее сформулированной гипотезы о раннем проникновении монгольских групп в присырдарьинские и приаральские степи и их участии в этногенетических процессах в этом регионе. Время появления на Сырдарье

¹⁰ Имеются основания, как упоминалось в гл. IV, связывать происхождение, по крайней мере, части древнебашкирских племен с объединением теле — тюркоязычными скотоводческими племенами, которые во времена каганата были расселены на обширном пространстве от Большого Хингана на востоке до Каспийского моря на западе (Потанов, 1969, стр. 147–152). Согласно древнекитайскому источнику, датированному 643 г. н. э., одно из ответов племен теле, кочевавшее между Аральским и Каспийским морями, носило название *ба-шу-ки-ли*. Это название отождествляется с этнонимом башкурт. В свете того, что предки теле были этническими наследниками гуннов, представляет интерес и сообщение китайских источников о «потомках старых гуннов» в бассейне Волги в VIII–IX вв. В числе этих племен перечисляются *Бохан* и *Бей-дин*, которые предположительно отождествляются, соответственно, с волжскими булгарами и башкирами.

Таблица 3
Родоплеменные названия башкир VIII–IX вв.
(древнебашкирский этнический слой)

Башкиры	Средневековые тюрки	Монголы	Алтайцы	Тувинцы
Усерган, Муйтен (п.) *	Баджгурд, Баджгард			
Байлар, Бай (п.) (р. в составе п. — Тангаур; рп. — Усерган)		Байдар		
Сураш (р. — Усерган, Байлар)				
Тангаур (п.), Тангор (рп.—Тангаур, Кыпчак)		Тангур, Тангор		Тангор
Бурзян (п.)	Бурджан			
Ягалбай (р. — Бурзян)				
Тамьян (п.); Тума, Тама, Тумэй (рп. — Тамьян, Тангаур, Бурзян, Мин, Кыпчак)		Тума (Тумэт, Туматэ)	Куратума, Тумат	Тумат
Ун (п.), Унгар (р. — Бишул)	Он-уйгур			Ондар
Бишул (п.); Бишул-Унгар (р. — Табын); Бишэй (р. — Усерган); Янбишул (рп. — Табын)			Биш кавм	
Кудей (п.) (рп. — Табын)				Кеде
Уран (п.)				
Сынрян (п.)				

* Сокращения: п. — племя; р. — род; рп. — родовое подразделение.

монгольских по происхождению, но тюркизированных родоплеменных групп относится примерно к VI в. н. э.

Большое число аналогий с родоплеменными названиями узбеков, каракалпаков и казахов (табл. 3) показывает в совокупности с данными исторического фольклора и сведениями восточных источников большое значение *присырдарьинского* и *приаральского* этапа в этнической истории древнебашкирских племен.

Ряд этнонимов древнебашкирских племен (бурзян — бурджан, усерган — муйтен — митан, тамьян, сынрян, уран) с характерными

Узбеки	Каракал- паки	Казахи	Киргизы	Туркмены	Крымские татары	Турки (османские)
Муйтен, Митан Байлар, Байлы Чураш	Муйтен Байлар	Байлар			Байдар	
Ягалбай Тама, Кара-Тума	Жагалтай Тама	Жагал- байлы Тама, Тана Оннар	Жагалмай Кара-тума, Ак-тума	Ягалтай Тана	Тана	
Бишул, Бешогул, Бешуру, Бишбала	Бишул	Бесъ- тэнь- бала	Бешей, Кара-Бе- шей Кедей		Бесавыл уруг Уран	Уран

окончаниями на *-ан*, *-ян* мог возникнуть (или, точнее, окончательно оформиться) на иранской языковой почве. На взаимодействие и смешение древнего присырдарьинского и приаральского населения с сармато-иранским субстратом и, кроме того, на вероятность инкорпорации в их среду угорских групп в лесостепной зоне к югу от Западной Сибири обращали внимание многие исследователи. К этой эпохе этногенетических процессов восходит, очевидно, достаточно отчетливо проявляющийся европеоидный компонент в южносибирском антропологическом облике печенегов (Ошанин, 1957; Плетнева, 1958).

В культуре тюркских народов, расселенных в настоящее время от Алтая до Малой Азии, немало явлений, восходящих к древней эпохе центральноазиатской общности. В этногенетическом аспекте эти явления заслуживают специального изучения. Касательно башкир, прежде всего древнебашкирской родоплеменной группы, особенный интерес могут представить исследования изобразительного искусства, тамг, онгонов и некоторых других проявлений родоплеменной жизни. Еще С. И. Руденко после раскопок знаменитых Пазырыкских курганов заметил, что орнамент и композиция рисунка «древнейшего в мире стриженного ворсового ковра», найденного «в конском захоронении пятого Пазырыкского кургана», могут быть восприняты как прототип определенного вида орнаментации, известного в Средней Азии и в других областях распространения кочевничества (Руденко, 1952, стр. 74; рис. 26; табл. 1). Вслед за этим многие находили генетическую преемственность в узорах, которые С. И. Руденко на материалах Пазырыкских курганов называл «комбинацией четырехлучевой звезды с крестообразным орнаментом из четырех цветков» (Руденко, 1952, стр. 76), а другие исследователи на материалах искусства народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы XIX — начала XX в. — «восьмилепестковой розеткой или звездой», «восьмилепестковым цветком», «комбинацией двух четырехлепестковых цветков» и т. д. В настоящее время накопленный материал по древнему искусству племен Южной Сибири и Алтая, с одной стороны, по искусству народов Средней Азии, Восточной Европы и Малой Азии эпохи средневековья и нового времени — с другой, позволяет приступить к построению закономерных рядов, показывающих глубокую преемственность определенного слоя орнаментального творчества тюркских народов с центральноазиатской основой. Такие исследования уже предпринимаются (Diyarbekirli, 1972, стр. 129, 130). Монографическое изучение башкирского народного искусства показало присутствие в нем весьма заметных и сильно развитых орнаментальных комплексов, которые восходят непосредственно или через искусство народов Средней Азии к южносибирскому корню (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964, стр. 240; рис. 128, 10, 11, 13, 14, 16).

Не менее интересными были бы сопоставления родоплеменных онгонов (тотемов), священных деревьев, которым поклонялись древние центральноазиатские племена, однако материал для этого по современным тюркским и монгольским народам пока чрезвычайно мал. Известно, что до принятия ислама и позднее тотемистические традиции сохранялись у многих тюркских народов. Рашид ад-дин и позднее Абу-л-Гази перечисляют онгоны огузских племен, в основном птиц орлиной и соколиной породы. У Рашид ад-дина: сокол, орел, кречет, кобчик (1952, I, стр. 88–90); у Абу-л-Гази — беркут, сокол, ястреб, коршун, кречет, кобчик (Кононов, 1958, стр. 53). Правда, в списке Абу-л-Гази появились

сова, кукушка, воробей: вероятно, к XVII в. первоначальное значение родоплеменных онгонов было забыто или забывалось; они становились для племен не более чем традиционными различительными символами. В этом, очевидно, главная причина того, что в реальной жизни тюркские народы Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы родоплеменные онгоны и священные деревья не помнили и воспоминания о них сохранились только в фольклоре (например, в «Книге моего деда Коркута» среди многочисленных восхваляющих эпитетов Салор-Казана на первом месте — «детеныш птицы Тулу»; 1962, стр. 22). Исключением являются башкиры, главным образом племени древнебашкирской группы: в годы полевой работы наиболее сведущие старики еще знали, правда, не очень точно, родоплеменные птицы и деревья. Башкирские онгоны — орел, беркут, кречет, ястреб, стервятник — преимущественно орлиной породы, за исключением трех — журавля, сороки, вороны. Однако тотемистическое значение в прошлом у башкир журавля и вороны подтверждается приведенными в предшествующих главах легендами, сказаниями, описаниями древних обычаев и обрядов. Священными деревьями башкиры называли лиственницу, сосну, березу, ольху, липу, ветлу, вяз, рябину и можжевельник, т. е. породы деревьев, распространенные на Южном Урале и в Приуралье. Башкирские родоплеменные птицы и деревья несомненно являются отзвуками алтайско-южносибирского этапов этнической истории башкирского народа. Это заключение аргументируется не только совпадением родоплеменных атрибутов башкир (онгоны орлино-соколиной породы) с аналогичными показателями у древних тюрков-огузов. Определяющее значение в этой аргументации имеет сохранение у башкир рудементарных явлений, восходящих своим происхождением к глубоко древним тотемистическим обычаям (поклонение священным птицам и деревьям), зафиксированным у народов Южной Сибири и Алтая. Такие же выводы следуют из анализа тамг древнебашкирской группы племен. В табл. 4 показаны аналогии, а также идентичность тамг, принадлежащих, с одной стороны, древнебашкирским племенам, с другой — огузским (см.: Рашид ад-дин, 1952, I, стр. 89–92; Кононов, 1958, стр. 53–54). Для сравнения в таблице приведены аналогии из древнетюркского рунического алфавита (Малов, 1951, стр. 17), из знаков хазарского рунического письма (Németh, 1971, стр. 42) и печенежских знаков из Саркела (Щербак, 1959, стр. 365).

Древнебашкирские племена, таким образом, составлявшие в VIII в. часть печенегов и двигавшиеся в Прикаспий и предкавказские степи в авангарде печенежской волны (как в смысле территориальном, так и временном), в этническом отношении представляли довольно сложные образования. В то же время, и это надо подчеркнуть, древние башкиры, как и вся печенежская масса, были продолжателями того тюркского этногенетического процесса, начало которого восходит к гуннской эпохе.

Таблица 4

Башкирские тамги		Древнетюркский рунический алфавит	Хазарские руны	Печенежские знаки	Огузские тамги по Рашид ад-дину	Огузские тамги по Абу-л-Гази
Бурзян, Ягалбай	↑ T ←	↑ ↓		T ←	↑ ↑ T ⊥	
Усерган, Сураш	X ⋈	X ⋈	X X	X X X	X X	γ
Тангаур, Ун	ⵛ ⵛ ⵛ ⵛ ⵛ ⵛ	ⵛ ⵛ ⵛ	ⵛ ⵛ ⵛ	D	ⵛ	ⵛ ⵛ ⵛ
Тамьян	○ ○	☺				○
Тамьян, Кудей	l l l	l l l	l l l	l l l	l l l	l l l
Кудей	Y Y Y	Y Y	Y	Y Y		Y
Кудей	Y	Y		Y		Y
Кудей	□ □		□	□ □	□ □	□ □

2. Консолидация и возвышение Хазарской державы в VII–X вв. и поступательность движения печенегов на запад предопределили разделение печенежских племен на западные (хазарские) и восточные. Древнебашкирские племена, миграцию которых в авангардных потоках печенежской волны можно считать установленной, входили в этнический мир хазарских печенегов. Языковая характеристика этих племен должна опираться на сообщение М. Кашгари о близости языков «булгар, сувар и печенегов» (МК, 1960, стр. 66). Это находится в полном соответствии с историко-лингвистической классификацией тюркских языков, разработанной Н. А. Баскаковым, считающим несомненной связь архаических элементов чувашского языка с «западнохунским», к наследникам которого он относит болгар, хазар, гузов и печенегов (Баскаков, 1960, стр. 103–104; ТЯ, 1966, стр. 15). Хронологически VI век, очевидно, был тем рубежом, когда на Сырдарье, в Приаралье и в меньшей степени на Северном Кавказе на западнохунские языковые традиции наслаиваются и трансформируют их восточнотюркские языковые комплексы (Clouston, 1962, стр. 41). Но в историческом аспекте древние башкиры принадлежали «к той архаической ветви тюркских языков, истоком которых является чувашский и которые, видимо, являются пережитками гунского периода исторического становления тюркской системы языков» (Толстов, 1948а, стр. 246).

Одновременно надо иметь в виду активность этнических процессов на Сырдарье и в Приаралье в последующее время. Содержание этих процессов определялось нарастанием печенежско-огузо-кыпчакского взаимодействия. Когда в VIII — начале IX в. печенеги вторглись в Нижнее Поволжье, их этноязыковой облик должен был быть порядком измененным в результате смешения с восточными соседями. Здесь мы можем опереться на расшифровку Д. Неметом рунических надписей на сосудах из так называемого «сокровища Атиллы». Сосуды были найдены еще в 1799 г. в местности Неги-Сент-Миклош (Nagy-Szent-Miklós) на территории современной Румынии, «где когда-то обосновались печенеги» (Németh, 1971, стр. 2). Тюркские надписи на сосудах сделаны до 889 г. (IX в.) и «представляют диалект древнекыпчакского языка, а именно язык печенегов» (Németh, 1971, стр. 3). Для нашей темы интересны следующие выводы Д. Немета, сделанные им после расшифровки: «Я хочу подчеркнуть, что надписи имеют кыпчакскую фонетическую систему, и это ближе к фонетической системе современных волжско-тюркских диалектов»; и далее: «...формы тюркских слов в наших надписях всегда являются старокыпчакскими» (Németh, 1971, стр. 14, 37). Кроме того, при определении этноязыковой характеристики ранних башкир надо, естественно, учитывать пограничное положение Южного Урала между западными и восточными печенегами. Судя по сообщениям арабо-персидских источников (Абу-л-Фида,

Якут ал-Хамави и др.), восточные границы западных или хазарских печенегов проходили где-то близ Уральских гор. Восточные печенеги к IX–X вв. в значительно большей степени, чем хазарские, находились в сфере кимако-кыпчакского влияния. Следовательно, близость или соседство восточных печенегов с башкирами в Приуралье и на Волге должны были также определенным образом сказаться на направлении языкового развития формирующегося древнебашкирского этноса.

Итак, древнебашкирские племена принесли в Приуралье тюркский язык, но он отличался от современного, хотя не будем забывать, что лексическая основа всех тюркских языков достаточно близка и что речь идет об эпохе формирующейся тенденции кыпчакского языкового развития на обширной территории Евразии. Многие фонетические и лексические образования, которые отличают сегодняшний башкирский язык в ряду кыпчакских, должны были быть уже в то время свойственны языку древних башкир. Еще в период пребывания в Азии предки башкир взаимодействовали с монголоязычными, ираноязычными и угроязычными племенами, а также с различными группами восточнотюркских образований, в этноисторических контактах с которыми большинство лингвистов справедливо ищут истоки фонетической специфики башкирского языка. История расселения и современного район преимущественной концентрации древнебашкирских племен на Южном Урале (карта 16) показывают, что именно эти племена были главными носителями тех языковых особенностей, которые образуют отличительные признаки юго-восточного диалекта башкирского языка.

Древняя Башкирия

Древнебашкирские племена двигались на север по традиционным путям, проложенным кочевниками: в обширные пространства Бугульминской возвышенности они вливались через своеобразные «ворота» между Яиком и верховьями рек Самары, Б. и М. Урана, Демы. Этот путь позволял кочевникам со стадами миновать трудные для них большие водные преграды.

Для того чтобы анализировать дальнейший ход этнического формирования древнебашкирского этноса, необходимо восстановить территорию (Древнюю Башкирию), на которой преимущественно расселились пришельцы в начальный период своей истории на новой родине (IX–X вв.). В литературе о башкирах распространено мнение, что древнейшая родина башкир — Южный Урал, Уфимское плато и прилегающие к ним с запада и востока земли. Этот взгляд, который в конечном итоге опирается на неточное толкование сведений восточных источников, стал общепринятым (ОИБ, 1956, стр. 7; «Очерки истории

СССР, IX–XV вв.», 1953, стр. 729). Соответственно ранний этап этногенеза башкир представляется происходившим на всей или примерно на всей территории их современного обитания.

Окружающий ландшафт с комплексом постоянных признаков является не только средой существования этноса, но и наряду с социальными факторами «важнейшим условием его возникновения» (Бромлей, 1970а, стр. 55). Территория первоначального формирования этноса должна быть относительно компактной и однородной по географическим условиям. Даже на примерах истории сравнительно небольших, но в географическом отношении разнообразных регионов (Волжско-Уральский, Кавказский) нетрудно убедиться, что в эпохи становления этносов однородный ландшафт способствует стабилизации формирующегося этноса, разнородный, напротив, — возникновению различных путей в этническом развитии. Примерно одинаковые природно-географические условия требуют сходных усилий, необходимых для адаптации людей к данному ландшафту. Это, в свою очередь, обуславливает общее направление практической деятельности этноса, переживающего этап становления, и, следовательно, сравнительно быстрое формирование специфического для него комплекса культуры (естественно, на базе целенаправленного взаимодействия культур, участвующих в этногенезе компонентов). В свете этих общих положений приходится заметить, что труднопроходимые и неудобные для кочевников горы Южного Урала не могли быть основным районом формирования древнебашкирского этноса, так как горно-лесные условия скорее способствуют изоляции племен и сохранению племенной специфики в языке и культуре, нежели их интеграции. Тем более невозможно представить, чтобы областью формирования древних башкир была территория «по обеим сторонам Уральского хребта между Волгою, Камою, Тоболом и верхним течением Яика». Приведенная цитата из Ибн-Русте (Хвольсон, 1869, стр. 598) толкуется обычно в том смысле, что область Древней Башкирии в X в. была даже шире, чем территория расселения башкир в XVIII–XIX вв. В процесс формирования башкирской этнической общности на территории от Волги до Тобола действительно были вовлечены многие племена как местные, так и пришлые. Но для того, чтобы вновь инкорпорированные компоненты стали «башкирскими», необходимо было господствующему и консолидирующему этносу (этносу-основе) самому обладать «башкирскими» этническими характеристиками, которые он мог приобрести лишь на сравнительно ограниченной площади.

Анализ истории расселения башкирских родоплеменных групп показал, что ранние этапы становления древнебашкирской этнической общности проходили на территории, отвечающей отмеченным выше условиям, а именно: на Бугульминской возвышенности. Восточной

и северной границей этой территории было течение р. Белой; на западе башкирские кочевья достигали левых волжских притоков, а временами — и самой Волги.

Рассмотрим некоторые конкретные материалы, помогающие очертить пределы Древней Башкирии. В исторических сказаниях всех племен, входящих в древнебашкирскую группу, старинными кочевьями считаются верховья Демы, долины Ика, Кинели, а также притоки этих рек (см. гл. IV, V, VII). Эти сведения совпадают с сообщениями «татарских летописей», из которых «узнаем, что окрестности г. Белебея и побережье р. Демы служили издревле местом башкирских кочевков» (Игнатъев, 1881, стр. 139). В недошедшем до нас шежере бурзяне и усерганы называют «старой родиной» (*иске ил*) долины Кармасана, Чермасана и Ика, на берегу которого похоронен «бурзянский батыр Бускын-бей» (Мирасов, 1930, стр. 79). Восточным пределом древнебашкирского расселения было Приуралье, в соседстве от района водораздела рек на Бугульминской возвышенности, где находился центр расселения булгаро-мадьярской группы племен. Расселение древнебашкирской группы племен в XIX в. (карта 16) показывает, что в XIII–XIV вв. эти племена сдвинулись с прежних земель на восток, в центральную Башкирию и на Южный Урал. На Ике остались лишь племя байлар и другие мелкие группы, растворившиеся постепенно в составе местного населения или новых пришельцев. На севере Башкирии крупных образований из древнебашкирской родоплеменной группы нет, за исключением, возможно, племен уран и сырян, переселившихся с Бугульминской возвышенности не ранее XIII–XIV вв. Пути расселения древних башкир с Бугульминской возвышенности на Южный Урал и на север детально рассмотрены в предшествующих главах.

Южные пределы расселения древних башкир находились в степях к югу от Самары, по рекам Иргиз, Камелик, Каралык, т. е. в районе, который бурзянские сказания называют *Олостан* (Большая или Великая родина). В XVII–XVIII вв. бурзяне и усерганы, двигаясь снова на юг, в сущности «возвращались» на «старинные земли» в долинах рек Б. и М. Узень и у Чижиных разливов. В близлежащих районах впервые упоминает башкир Ибн-Фадлан. Когда караван посольства халифа переправлялся через р. Багнади (р. Чаган или Чеган — приток Яика; Ковалевский, 1954, стр. 16), была выставлена стража «от башкир [на случай], чтобы они [т. е. башкиры] не захватили их, когда они будут переправляться» (Ибн-Фадлан, 1939, стр. 65). В западном направлении башкиры кочевали до левобережья Волги. Именно здесь, в районе р. Кундурча, встречал их Ибн-Фадлан: «Мы оставались у печенегов один день, потом отправились и остановились у реки Джайх [Яик]... Потом мы ехали несколько дней и переправились через реку Джаха, потом же через реку Азхан, потом через Баджа, потом через Самур

[Самара], потом через Кабал [Кинель], потом через реку Сух [Сок], потом через реку Ка[н]джалу [Кундурча] и вот мы прибыли в страну народа турок, называемого аль-Башгирд» (Ибн-Фадлан, 1939, стр. 66, 100–103). Река Кундурча, если суммировать наши материалы, была западной окраиной древнебашкирского расселения.

Картографирование и анализ обширного материала по гидронимии Башкирии подтвердили правильность локализации района формирования древнебашкирского этноса к западу от Южного Урала. Например, рассматривая группу гидронимов с участием башкирской лексемы *каран* 'река', 'незамерзающее место реки', А. А. Камалов установил, что плотный ареал этих названий совпадает с юго-западной и центральной Башкирией, хотя само слово *каран* известно ныне преимущественно восточным башкирам. Исследователь приходит к логичному заключению о том, что «восточные башкиры когда-то обитали в западных районах, но впоследствии по каким-то причинам переместились на восток» (Камалов, 1969, стр. 14).

Итак, Бугульминская возвышенность с левобережья Белой на востоке и до левых притоков Волги на западе с прилегающими с юга степями были основным районом расселения древнебашкирских племен. Существенное значение в том, что именно эта территория стала центром Древней Башкирии, кроме этноисторических причин, сыграли природно-географические особенности возвышенности, благоприятные для кочевников лесостепей. Возвышенность является крупным водоразделом: с ее невысоких склонов (максимальная высота над уровнем моря 460 м) стекают южные притоки рек Камы и Нижней Белой (Уршак, Дема, Кармасан, Чермасан, База, Сюнь, Ик, Зай, Шешма), восточные притоки Волги (Черемшан, Сок, Кинель и Самара), северные притоки рек Урала (Саелмыш) и Самары (Ток, Б. и М. Уран), западные — среднего течения р. Белой (Стерля, Ашкадар, Сухайля). Изучение особенностей расселения ранних кочевников в Приуралье показало, что основными (точнее «базовыми») районами расселения они избирали невысокие лесостепные возвышенности; в зимнее время здесь меньше была глубина снега, что создавало хорошие условия для тебеневки скота; склоны холмов и небольшие леса позволяли укрывать скот во время пурги и буранов. С наступлением весны кочевые группы растекались в речные долины.

Территории древних башкир и древних венгров не совпадали. Башкирские кочевники вторгались в восточную часть (р. Кундурча) бывших мадьярских владений, но нет никаких данных, кроме неясной цитаты Ибн-Русте, которые позволили бы предполагать стабильное распространение пределов «страны аль-Башгирд» непосредственно до берегов Волги. К тому же не будем забывать, что к моменту миграции древнебашкирских племен в Волго-Уральскую область основной части мадь-

ярского союза здесь уже не было. На востоке территория Древней Башкирии простиралась значительно дальше территории расселения древних венгров, полностью включая область расселения булгаро-мадьярской группы племен.

Распространенный в литературе взгляд, что Башкирия X в. делилась на «внутреннюю» и «внешнюю», которые соответственно были расположены в Приуралье и Зауралье (Macartney, 1930, стр. 38; см. также карту), не соответствует исторической действительности. Сообщения восточных источников (Ал-Балхи, Ал-Истахри, Гардизи и др.) о «внутренних» и «внешних» башкирах отражают, с одной стороны, смешение средневековыми авторами башкир и мадьяр, с другой — их стремление отличить Башкирию в Волго-Уральской области от Венгрии на Дунае.

Сложение древнебашкирской этнической общности

На территории Древней Башкирии в IX–X вв. протекает наиболее динамичный этап процесса формирования древнебашкирской этнической общности. Определяющую и консолидирующую роль в этой стадии башкирского этногенеза играли племена древнебашкирской группы. В этом сложном процессе выделим некоторые важные моменты.

Наиболее существенную линию этнического развития той эпохи составляла консолидация пришлых древнебашкирских племен в племенной союз (или, точнее, в родственную группу племен). Интеграция под общим названием *башкорт* племен бурзян, усерган, тангаур, тамьян, байлар и других на территории Древней Башкирии явилась основной фазой социально-этнического становления древнебашкирского этноса. Этот процесс едва ли затянулся надолго. Собственно, некоторые из древнебашкирских племен входили в состав «башкирской» родоплеменной группы уже до их прихода в Башкирию. На Бугульминской возвышенности, в новых условиях и в новом окружении, башкиры и присоединившиеся к ним в процессе миграции тюркские группы выступили совместно. При этом собственно башкирские племена (усерган, тангаур, байлар и другие, а также объединившиеся с ними еще на юге бурзяне) выступили консолидирующей силой и передали принесенный ими из Азии и Предкавказья этноним всему вновь возникшему племенному объединению. Пережитком тесного в прошлом сплочения древнебашкирских племен является факт совместного владения племенами усерган, тангаур и бурзян в XVII–XVIII вв. общими земельными вотчинами. Официальное размежевание земель между этими племенами произошло лишь в XVIII в. (БШ, стр. 79–80). К раннему периоду их истории в Башкирии восходят также исторические сказа-

ния бурзян и усерган о существовании «единого племени башкуртов» (*бер башкорт ырыуы*) во главе с ханом Юлбахом ¹¹.

Второй (синхронной) линией этнического развития было взаимодействие и смешение древнебашкирских племен с булгаро-мадьярской группой. Контакты между двумя племенными группами и их смешение были облегчены близостью степной культуры и образа жизни, а также политической зависимостью и тех и других от волжских булгар. На юрматынцев и другие булгаро-мадьярские племена постепенно распространяется этноним «башкорт», который на огромном пространстве до юга Волго-Яицкого междуречья становится синонимом воинственности и опасности. Этнические контакты древнебашкирских и булгаро-мадьярских племен, судя по сохранившейся специфике этнонимии обеих групп, носили характер медленного взаимопроникновения. На «значительную примесь булгар среди усерган» обращал внимание еще П. С. Назаров (1890). Н. А. Аристов, как уже упоминалось, допускал возможность собственно булгарского происхождения усерган (1896). Однако эти наблюдения, хотя и нащупывали правильное решение, были все же неточными. Сущность процесса, судя по результатам этнического взаимодействия двух ранних и наиболее важных компонентов древнебашкирского этноса, заключалась в постепенной этноязыковой ассимиляции булгаро-мадьярской племенной группы в составе башкир. Древнебашкирские племена в Приуралье дали толчок образованию здесь нового этноса.

В X в. процесс интеграции древнебашкирских и булгаро-мадьярских племен не завершился. Не завершился он и значительно позднее. В XIII в., как известно, Юлиан нашел соплеменников, говоривших на венгерском языке, на Волге. Нет оснований думать, что аналогичных групп мадьяр не было и восточнее, на Бугульминской возвышенности (например, группа *нагман*). Следовательно, в Приуралье и западнее на протяжении определенного времени существовали (и сосуществовали) в процессе постепенного взаимодействия на одной и той же территории две этнические зоны — древнебашкирская и булгаро-мадьярская, однако, подчеркнем еще раз, тенденция превалирующего тюрко-башкирского этнического развития прочно определилась с конца I тыс. н. э.

В фазе становления древнебашкирской этнической общности булгаро-мадьярский компонент был, безусловно, одним из важнейших, но не консолидирующим и тем более не единственным. Третьей и пока малоизученной линией этнического развития в раннюю эпоху башкирского этногенеза были контакты и взаимодействие (преимущественно на территории Приуралья) формирующегося древнебашкирского этноса

¹¹ Полевые записи 1953 г., стр. 65–66, 253–255.

с местным населением или с племенами более ранней миграции. Речь идет о наследниках романовского (именьковско-романовского), турбаслинского, кара-якуповского, кушнаренковского культурных комплексов, финно-угорская, сармато-аланская или угорско-самодийская этническая характеристика которых дана выше. Была отмечена также вероятность присутствия среди племен, мигрировавших в Приуралье в VI–VII вв., тюркизированных угров, прошедших этап тюрко-угорских взаимодействий еще в период их пребывания в лесостепных областях юга Западной Сибири. По историко-этнографическим данным, изложенным в предшествующих главах, к финно-угорским местным образованиям или к пришлым угро-самодийцам и тюркизированным уграм относятся племена сызгы, упей, терсяк, уваныш, род шайтан в составе племени кудей и др. Ассимиляция этих групп в башкирской этнической среде произошла в юго-западном Приуралье. Небольшие пережиточные группы, например упейцев, сызгинцев, еще в XIX в. сохранялись в башкирской среде бассейна р. Ик или в составе ушедших отсюда на Южный Урал древнебашкирских племен. В большинстве своем тюркизированные (башкиризированные) родоплеменные группы финно-угорского или угорско-самодийского происхождения в процессе позднейших башкирских миграций передвинулись на север и восток. Отсутствие этнонимических параллелей указанным племенам в составе тюркских народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы в сочетании с историко-этнографическими материалами об их финно-угорских или угорско-самодийских связях исключают вероятность их миграции в Приуралье в составе древнебашкирской группы племен. Этническая история и расселение этих племен в дальнейшем протекали в тесной связи с общим направлением развития башкирского этногенеза.

Таким образом, переселение древнебашкирских племен в Волго-Уральскую область, их взаимодействие и смешение на территории Древней Башкирии с булгаро-мадьярским этнокомпонентом, а также с местными племенами и племенами более ранней миграции явились узловым моментом в формировании древнебашкирского этноса; древнебашкирская общность складывалась в этническом отношении как многосоставное и многоплеменное образование, при ведущем этноязыковом влиянии на формирующийся этнос древнебашкирских племен — выходцев из Южной Сибири и Алтая; в X в. формирование древнебашкирского этноса еще не завершилось, но уже на рубеже IX–X вв. сложилось племенное объединение, послужившее основой для дальнейшего становления башкирского народа и обусловившее в Древней Башкирии новое направление развития культуры, характерное для тюркских кочевников той эпохи.

О ТЕОРИИ «БАШКИРО-МАДЬЯРСКОГО РОДСТВА»

К истории башкиро-угорских этнических контактов

Древние венгры и башкиры, как показано, были различными по происхождению этническими образованиями и, следовательно, теория «башкиро-мадьярского родства» в историко-этнографических материалах подтверждения не находит. В системе доказательств, кроме анализа племенного состава и этнической истории булгаро-мадьярской группы племен, особое значение мы придаем заключению о нетождественности территории расселения древних венгров и Древней Башкирии, так как именно эта формула была главной предпосылкой «башкиро-мадьярской» теории. Она дополнялась наблюдениями многих лингвистов (Киекбаев, 1956; Ишбулатов, 1967; Максютова, 1967; Миржанова, 1969; Камалов, 1969 и др.) в области угорских и финно-угорских заимствований в башкирском языке, которые, однако, касаются преимущественно географических названий. Немногочисленные общие башкиро-финно-угорские корни в лесной, охотничьей, рыболовной, бытовой лексике слабо поддаются датировке и могут быть отнесены к различным, в подавляющем большинстве случаев к поздним, этапам взаимодействия башкир с финно-угорскими и угорскими народами.

Специально проблеме связей башкирского языка с венгерским в историческом аспекте посвящены работы М. Рясненена и Б. А. Серебренникова. Затрагивается этот вопрос и Д. Неметом. М. Рясненен нашел в башкирской лексике только одно венгерское (вогульское) слово (*myšar* — рябина), а «относительно предполагаемого близкого венгерско-башкирского родства на лингвистической основе» пришел «к весьма скромным, если не к совершенно отрицательным результатам» (Räsänen, 1960, стр. 78). Еще более категорично заключение Д. Немета: «...между венграми и башкирами нет никаких близких связей» (Németh, 1966, стр. 17). Выводы Б. А. Серебренникова интересны не только в аспекте гипотезы мадьяро-башкирского языкового взаимодействия, но и в более широком плане вероятных башкиро-угорских контактов до расселения древнебашкирских племен в Приуралье. Б. А. Серебренников обращает внимание на параллельные явления в развитии консонантизма венгерского и башкирского языков: переход древнего *s* в начале слова в *h*, хотя в венгерском позднее *h* совершенно утратилось (тат. *сал*, чув. *сул*, башк. *һал* 'плот'; финск. *sappi*, саамск. *sappe*, удм. *сен*, венг. *ере* 'желчь'); превращение в башкирском языке древних *c* и *d* не в начальной позиции, соответственно, в межзубные *ç* и *з*, в венгерском — древнего *d* в *z* в интервокальном положении (тат. *тәс*, башк. *тәç* 'цвет'; тат. *кайдан*, башк. *кайзан* 'откуда'; в венгерском *víz* 'река' восходит к архетипу *vede*) и т. д. (Серебренников, 1963, стр. 12–21).

Однако отмеченные сходства в фонетическом развитии башкирского и венгерского языков не могли быть результатом их взаимодействия в Волго-Уральском районе, так как в венгерском языке «эти изменения имели место до установления контакта предков венгров с камскими болгарами, поскольку заимствованные из камскобулгарского слова в венгерском языке этих звуковых изменений не обнаруживают» (Серебренников, 1963, стр. 22). Башкиры появились в Волго-Уральской области, как известно, еще позднее. Это исключает возможность появления в башкирском языке и на территории Древней Башкирии указанных особенностей консонантизма под влиянием венгерского. Правда, Б. А. Серебренников допускает влияние на фонетику башкирского языка остатков венгров, которых башкиры здесь еще застали, однако это маловероятно, так как влияние ассимилированных групп должно было сопровождаться хотя бы незначительными заимствованиями в области лексики. К тому же сам Б. А. Серебренников отмечает, что такое допущение «не вяжется с хронологией фонетических изменений», так как к моменту встречи башкир с венгерскими группами в Древней Башкирии охарактеризованные им «фонетические законы, по-видимому, уже не действовали» (Серебренников, 1963, стр. 23).

Параллели в области древних фонетических изменений в башкирском и венгерском языках, которые отмечены также М. Рясенном, привели обоих исследователей к выводу, что предки венгров и башкир имели контакты до расселения на европейской стороне Урала. Следовательно, специальные лингвистические изыскания отвергают идею башкиро-мадьярского родства, однако в полном соответствии с историко-этнографическими данными подтверждают существование в прошлом башкиро-угорских контактов, которые имели место в разное время и на различных территориях.

Взаимодействие тюрков и угров в середине и во второй половине I тыс. н. э. в Приаралье и лесостепной полосе Западной Сибири установлено исследователями С. П. Толстова, Т. А. Жданко, А. Н. Бернштама, М. И. Артамонова, Л. Н. Гумилева и др. Древнебашкирско-угорских контактов мы коснулись в связи с рассмотрением этнической истории племени ай (айле) и появлением в Башкирии названия *истяк* или *иштяк*. Этноним *истяк* применительно к башкирам возник к востоку от Урала и известен по источникам с конца XV в.: Рузбехан Исфаганский, живший при дворе Шейбани-хана в самом начале XVI в., описал жизнь пророков «для народа иштякского», т. е. башкирского¹². Однако возраст этнонима *истяк* значительно старше: об этом свидетельствуют

¹² «События в Уфимском крае до основания г. Уфы». Выписка из рукописи татарского переводчика М. Уметбаева, л. 3 (хранится в Секторе археологии и этнографии ИИЯЛ БФАН СССР).

родоплеменные образования *истяк*, *иштек*, *эштек* в составе башкир, киргизов, каракалпаков; возможно к этому же ряду относится тувинский этноним *ишти-ооржак*. У башкир общее название *иштяк* носила группа племен, в составе которой были древнебашкирские образования усерган, тамьян, а также ай (БШ, стр. 174). Этнонимы *истяк* (*иштяк*, *эштек*) и *остяк* имеют, вероятно, общее происхождение, хотя речь идет об одном из тех случаев, «когда одно общее имя дается различным народностям» (Соммье, 1891, стр. 24). Наиболее известная этимология этнонима *остяк* принадлежит Б. Мункачи: *As-jax* ‘обские люди’ (см.: Ашмарин, 1902, стр. 41). Есть также гипотеза о тюркском происхождении слова: *уштяк* ‘иноплемец’ (Терешкин, 1966, стр. 319). Так или иначе, несомненно, на наш взгляд, одно: возникновение этнонима должно восходить к эпохе тюрко-угорских контактов в середине I тыс. н. э. на Сырдарье, в Приаралье и прилегающих к нему степях. Это заключение не противоречит наблюдениям и других исследователей. Раннесредневековые племена *хүдэ*, кочевавшие к северо-западу от усуней, А. Н. Бернштам, например, идентифицирует (через промежуточную форму *хутяк*) с названием *остяк* (Бернштам, 1951, стр. 107).

Первоначально этноним *истяк-остяк*, как нам представляется, не имел строго этнического содержания (подобно, например, названиям сарт, тажик и др.). Это была группа тюркских и угорских племен, находившихся в стадии взаимодействия. С началом массовых миграций населения в тюркскую эпоху и позднее большая часть этих племен рассеялась. В конечном итоге они влились в состав киргизов, башкир, каракалпаков, барабинских татар (возможно — тувинцев), привнеся в новую этническую среду древнее этнотерриториальное название. Именно в этом аспекте мы склонны рассматривать ранние контакты предков башкир с угорским этническим миром и формирование в их языке некоторых фонетических особенностей, на которые указывают лингвисты. Переселение древнебашкирских племен в Древнюю Башкирию и постепенная ассимиляция оставшихся групп венгров, вероятно, стабилизировали или углубили указанные особенности, но не могли, в свете историко-этнографических данных, послужить отправной основой нового языкового формирования.

Башкиры и мадьяры в восточных источниках

Теория башкиро-мадьярского родства в отечественной науке в значительной степени опиралась на противоречивые сообщения восточных источников, отождествлявших башкир и венгров. Мысль, что под именем *баджгард* восточные авторы подразумевают мадьяр, была высказана, как упомянуто, еще А. Фишером (1768) и А. Л. Шлецером (1813), но в виде законченной концепции изложил ее Д. Хвольсон в коммента-

риях к сочинению Ибн-Русте (1868). Последующие работы, в которых затрагиваются башкиро-мадьярские связи, опираются преимущественно на выводы Д. Хвольсона.

Д. Хвольсон, кроме Ибн-Русте, пользуется в своих доказательствах сочинениями Ал-Масуди, Ал-Балхи, Ал-Идриси, Якута ал-Хамави, Ал-Казвини, Ибн-Саида, Ад-Димашки и Абу-л-Фида. Этнонимы *башкорт* и *тагуар* в соответствии с основным выводом Д. Хвольсона происходят из общего корня, древней формой которого было имя *баджгард*. Этноним *башкир* в восточных источниках был известен в следующих вариантах (приводятся в хронологической последовательности и в транскрипциях переводчиков); башкард (Ибн-Фадлан; транскрипция Д. Хвольсона ¹³), баджгард (Ал-Масуди), башдждард или башдждарт (Ал-Балхи), басджерт (Ал-Идриси), башгирд, башдждерд, башкерд (Якут ал-Хамави), башгарт (Ал-Казвини), башкерд (Ибн-Саид), басхарт, башкерд (Ад-Димашки), басджерт, башкерд (Абу-л-Фида) и др. (Хвольсон, 1869, стр. 715–716; Гаркави, 1870, стр. 148; МИТТ, 1939, стр. 166; Бартольд, 1897, стр. 109). Этноним *мадьяр* известен в формах маджгар, Эль-Маджгария (Ибн-Русте), маджар (Ад-Димашки), Эль-Маджгария (Абу-л-Фида).

Д. Хвольсон в качестве наиболее «древней общей основы» этнонимов башкир и мадьяр выбрал форму в подаче Ал-Масуди. Она развивалась, по его мнению, на востоке в направлении *баджгард* — *башгард* — *башкард* — *башкорт*; на западе начальное *б* перешло в *м*, а конечное *д* основной формы было отброшено, в результате чего появилась форма *баджгард* — *маджгар* — *маджар* — *мадьяр* (Хвольсон, 1869, стр. 717–718). Однако форма баджгард не является наиболее древней. Ибн-Фадлан дает форму башкард, башгард, а учитывая характерную для средневекового арабского написания неустойчивость второй гласной, закономерно предположить, что в начале X в. этноним башкир звучал близко к современному произношению. Что касается формы *башдждерд* — *басджерт* (Ал-Идриси, Абу-л-Фида), то, как установил Д. Немет, она является контаминацией разных по происхождению названий *башкурт* и *моджери* (Németh, 1966, стр. 19). Следовательно, гипотеза Д. Хвольсона об общности древней основы двух этнонимов ни на исторической, ни на лингвистической почве не подтверждается.

Заключение А. Л. Шлецера, Д. Хвольсона о том, что во всех случаях, когда восточные авторы упоминают в Европе баджгардов, басхартов и т. п., они имеют в виду венгров, также нуждается в уточнении. Изложенный нами обзор древней истории баджгардов и бурджан, которых Ал-Масуди дважды упоминает у Аральского моря и в Причер-

¹³ Транскрипция А. П. Ковалевского *башгард* (1954, стр. 16), И. Ю. Крачковского — *Аль-Башгирд* (Ибн-Фадлан, 1939, стр. 66).

номорье, активное участие тюркских кочевников в бурных событиях VIII–X вв. на огромной территории от Волги до византийских границ (см. гл. IV) показывают возможность и вероятность проникновения отдельных групп древних башкир далеко на запад, где они были зафиксированы источниками.

В сочинениях арабо-персидских писателей действительно имело место смешение башкир с мадьярами, но оно не было столь глубоким, как принято считать, и не базировалось на общности этнического происхождения этих народов.

Противоречивые сведения восточных источников о мадьярах и башкирах, подмена ими одного этнонима другим объясняются тем, что расцвет арабской географической литературы и рост ее внимания к далеким северным областям Волго-Урала совпали по времени со сменой здесь населения, уходом венгерского союза и миграцией древних башкир. Информация, проникшая к арабам в момент исчезновения *Magna Hungaria* и возникновения Древней Башкирии, со всей реальной противоречивостью была отражена в сочинениях той эпохи, а позднее оказала влияние и на средневековую западноевропейскую литературу (Карпини, Рубрук). Из восточной и западноевропейской литературы эта традиция была заимствована учеными XVIII–XIX вв., а в настоящее время она является одной из тех аксиом, проникшей буквально во все издания, которые служат препятствием к реконструкции исторической действительности. Нет сомнения, что здесь мы затрагиваем специальную тему, поэтому ограничимся лишь несколькими ссылками. Абу Хамид ал-Гарнати (XII в.), долгое время проживший в Венгрии, сообщает, что «у царя башкирд», как он называет венгерского короля, было «войско из мусульман, которым он позволил открыто исповедовать их религию» (Ал-Гарнати, 1971, стр. 40). Из других источников известно, что среди этих «мусульман» были печенеги, хорезмийцы («хвалисы» русских летописей) и башкиры, тем более последние довольно часто восточными авторами не различались от печенегов. Якут ал-Хамави (первая половина XIII в.) описывает встречу с башкирами в г. Алеппо. Башкиры эти «исповедуют ислам и следуют учению Абу-Ханифа», являются подданными короля Ал-Ункурийа (Венгрии); живут они в этой стране в 30 местностях. Венгерский король не разрешает башкирам огораживать свои местности стенами из-за боязни их восстаний. Башкиры, далее, рассказали Якуту, что относительно языка и одежды они «не отличаются от ифренджов (т. е. венгров. — *Р. К.*) и служат с ними вместе в войске». В Алеппо башкиры пришли для усовершенствования себя в знании ислама (Хвольсон, 1869, стр. 711). Судя по деталям описания и имея в виду авторитет Якута ал-Хамави в ряду восточных авторов, едва ли могут быть основания сомневаться в том, что в первой половине XIII в. в Венгрии жили группы башкир — выходцев из

Башкирии, которые были мусульманами, но в языковом и культурном отношении уже слились с венграми. Со ссылкой на неопубликованное сочинение автора второй половины XIII в. Каратал ал-Хазнедари (Karataу al-Haznedâri) А. Н. Курат пишет, что в 1270 г. в составе венгерского войска сражались уже «башкиры-христиане» (Kurат, 1937). Окончательная ассимиляция башкирских групп в составе венгров относится, вероятно, к XIII–XIV вв. Истоки башкиро-мадьярских связей восходят к этноисторической ситуации конца I тыс. н. э., не во всем еще ясной. Но по документальным источникам известно, что в X в. из Волго-Уральской области в Паннонию продолжались переселения тюркского населения; вероятно, в его составе, кроме упомянутых в венгерских хрониках *bileres*, были и древние башкиры.

Об этнониме башкорт

В литературе существует более двух десятков попыток толкования этнонима *башкорт* (см. обзор: Филоненко, 1915, стр. 1–3). Учитывая это, приходится признать справедливость положения о том, что абсолютная и окончательная этимология любого слова принципиально недостижима, особенно этнонима народа с чрезвычайно сложной историей происхождения. Однако создание ряда относительных этимологий или хотя бы установление языковой среды, в которой возник этноним, имеет положительное значение в изучении этногенетических проблем.

Если суммировать все варианты толкования этнонима башкир, можно выделить два основных направления анализа. Первое из них базируется на расчленении этнонима на элементы *баш* + *кор* + *т*. При этом в конечном -т усматривается либо иранский форматив плюративности (Гордеев, 1971, стр. 315), либо монгольский показатель множественности (Биишев, 1962, стр. 94). Основа этнонима идентифицируется или с гидронимом (*Башка*, *Башкауз* — жители реки *Башка*), или воспринимается как комплекс с элементами *баш* 'главный', 'основной' и *кор* 'круг', 'совет', 'племя', 'род'. Однако трудности в установлении закономерности появления аффикса -т в слове *башкорт* (в монгольском языке этот звук не просто присоединяется к слову, а последний звук основы утрачивается; должно было быть не башкорт, а башкот или башкут; Малов, 1951, стр. 50) заставляют с сомнением относиться к упомянутым вариантам. По тем же причинам невозможно принять толкование этнонима как «пять племен» (*баш* > *биш* + *гур* > *огур*), предложенное Д. Данлопом (Dunlop, 1954, стр. 34) и поддержанное многими востоковедами. На эту идею опирается идентификация исторической основы этнонимов башкорт (древние формы *bezgur* > *bazgur*) и булгар (*belgur* > *bulgar*). Так как *з* в современном языке соответствует *l*

в болгарском, следовательно, *bazgur* (без-огуг 'пять племен') и *bulgar* эквивалентны. Идею сопоставления этнонима башкир с болгарскими племенными названиями очень интересной считает и В. А. Никонов (1970, стр. 27).

Другое направление анализа исходит из того, что слово *башкорт* является композицией из *баш* 'голова', 'главный' и *корт*, *курт* — термин, понимаемый как 'волк', 'пчела', 'снег' или 'снежная лавина'. Правомерность восприятия элемента *корт* как однозначной лексемы подкрепляется многочисленными родоплеменными названиями с этой основой у тюркских и угорских народов: кроме башкир, например, у казахов — *кызыл-курт*, туркмен — *курт*, *курт-закыр* (Радлов, 1893; Карпов, 1929), средневековых венгров — *kürt-gyarmat* (Németh, 1966). С этих позиций, а также изложенных в гл. IV историко-этнографических материалов о культе волка, весьма вероятным является тюркское происхождение этнонима, в котором элемент *курт*, *кѳрт* означает 'волк'. Анализу комплекса *баш—корт* способствует расшифровка В. А. Гордлевским сочетания «босый волк» (неполная калька с половецкого языка) в «Слове о полку Игореве» в значении *boz* или *bus kurt*¹⁴ «серый волк» (Гордлевский, 1961, стр. 486). В тюркском этническом мире тотемистические названия родов и племен хорошо известны (у башкир, например, — медведь, заяц, журавль, змея). Предлагаемый вариант толкования этнонима соответствует как историко-этнографической характеристике верований древних башкир (культ волка, мифология с центральным образом волка), так и допустима с позиции лингвистического анализа. Следовательно, вывод о тюркском происхождении названия *башкорт*, с которым, независимо от различий в толковании этнонима, согласно сейчас большинство исследователей, дополняет представленную выше аргументацию о происхождении древнебашкирских племен и характере их взаимодействия с древними венграми.

¹⁴ По В. А. Гордлевскому, в «северных тюркских языках» (узбекском, татарском) формы *buz*, *bus* употреблялись в значении 'серый', а в сибирском наречии русского языка слово бусый, будучи тюркским заимствованием, — в значениях «темно-голубой, серый, буро-дымчатый, темно-бурый» (1961, стр. 483–486; см. также: Даль, 1955, стр. 145); *kurd*, *kurt* в огузской группе тюркских языков 'волк'.

ГЛАВА IX

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИР В XI — НАЧАЛЕ XIII В.

Общая характеристика этнических процессов в Башкирии в XI — начале XIII в.

В XI — начале XIII в. этническое развитие в Приуралье продолжается в направлении, которое определилось в IX—X вв. Основным содержанием протекающих процессов было дальнейшее взаимодействие древнебашкирских, булгаро-мадьярских и местных (финно-угро-самодийских и сармато-аланских) племен при консолидирующей роли древнебашкирского компонента. Нарастающее воздействие древнебашкирских племен стимулировалось также активизацией проникновения тюркоязычных кочевников в Башкирию из южных и юго-восточных степей.

В постоянном притоке тюркского кочевого населения в Башкирию в начале II тыс. н. э. существенное значение имели давние, уходящие в глубь эпохи неолита, хозяйственные и этнополитические контакты Урала и Прикамья с Приаральем (Толстов, 1948, стр. 341–343). Примерно с середины I тыс. н. э. юго-восточный Урал, а позже южное и юго-западное Приуралье входили в единый территориально-хозяйственный комплекс с северным Приаральем, низовьями Сырдарьи и югом Волго-Яицкого междуречья¹. Здесь установился круглогодовой цикл кочевания с учетом климатических особенностей отдельных частей этого огромного региона. Короткие зимние месяцы кочевники со своими стадами проводили в присырдарьинских, приаральских и нижеволжских степях. По мере приближения весны стада уходили на север. В жаркие летние месяцы скот укрывался в прохладных долинах уральских

¹ Специально об Урало-Приаральских хозяйственных связях см.: Кузеев, 1968б, стр. 265 и сл.

предгорий. С первыми признаками осени кочевники снимались с летних пастбищ и медленно продвигались на юг.

Передвижения кочевников от зимних к летним пастбищам на многие сотни километров не являются чем-то необычным для эпохи раннего средневековья. Ал-Масуди и Ал-Идриси упоминают о далеких перекочевках «гузов» и других тюркских племен на зиму в причерноморские и приазовские степи. Гардизи сообщает о кыпчаках: «Зимой они уводят лошадей в отдаленную страну» (Бартольд, 1897, стр. 106). Аналогичные сведения оставил об обитателях половецкой степи Рубрук: «Зимой они спускаются к югу в более теплые страны, летом поднимаются на север в более холодные» (ПВС, 1957, стр. 91). Древность и глубокая традиционность Арало-Уральского и Урало-Нижневожского циклов кочевания хорошо иллюстрируются материалами по этнографии башкир, в частности уже цитированными этнографическими сказаниями о переселениях предков на Урал с низовьев Сырдарьи, Приаралья, с берегов Черного моря; преданиями о животных, которые сами с наступлением весны уходили по древним путям передвижения на южные пастбища, вплоть до берегов Аральского моря (предания «Алтынкойрок-көмөшьял» 'Золотохвостый-серебряногривый'; «куңыр-бога» 'бурый бык' и др.).

В IX–XI вв. в хозяйстве приаральских племен происходит «отрыв стад... от древних оседлых поселений», идет процесс «образования настоящего кочевого хозяйства с развитым циклом» (Толстов, 1947, стр. 100). Именно на эти столетия падает расцвет Арало-Уральского цикла кочевания, который с передвижением новых волн кочевников на запад дополняется Нижневожско-Уральским. Новейшие археологические данные свидетельствуют, что начало активного «освоения» Южного Урала и прилегающих степных и лесостепных просторов кочевниками с азиатскими чертами культуры относится, в основном, к этой же эпохе (Мажитов, 1964, стр. 153, 156; 1966, стр. 97). С рубежа I и II тысячелетий кочевое скотоводство в качестве *господствующего типа хозяйства* захватывает всю территорию Древней Башкирии и смежные с ней с юга и востока степные и лесостепные области. Процесс, однако, вначале протекал медленно. Зауралье вплоть до среднего течения р. Тобола, судя по археологическим материалам, по крайней мере с конца VIII — начала IX в., составляло часть огромного природно-хозяйственного комплекса, освоенного кочевниками (Стоколос, 1962, стр. 166–167).

Зауральское население издавна было связано как с районом Приаралья, так и с лесостепными областями Западной Сибири. С началом печенежского движения и миграцией древнебашкирских племен в сферу массовых тюркских перекочевков включается и юго-западное Приуралье.

Таким образом, в конце I — начале II тыс. н. э. Южный Урал и прилегающие с востока и запада территории были включены в орбиту нового этапа степной жизни, которая после краткого затишья в связи с падением Западнотюркского каганата вновь забурлила тогда на просторах Средней Азии, Западной Сибири и захлестнула южнорусские степи. Вторжение тюркских кочевников в западное Приуралье не было событием неожиданным; они пришли в страну, которая была им известна по предшествующим традиционным летним кочевкам. Кроме того, пришедшие сюда древнебашкирские племена не теряли связей с Нижним Поволжьем, а также со своей, по кочевническим масштабам не очень далекой, родиной в Азии. Еще долго на зимнее время стада перегонялись в прикаспийские или приаральские степи. Весной, возвращаясь в Приуралье, древние башкиры увлекали с собой из глубин степных просторов новые кочевые группы, часть которых включалась в башкирский этногенез, часть — вновь покидала эту страну и растворялась в безбрежных степях Средней Азии или Восточной Европы.

Было бы неверным полагать, что пришлые группы одна за другой вливались в состав башкир или, поселяясь на Южном Урале, неизбежно становились «башкирами». Центром консолидации башкирского этноса в XI–XII вв. оставалась территория Древней Башкирии на Бугульминской возвышенности. Поэтому кочевые группы, в силу тех или иных причин расселявшиеся за пределами этой территории, в том числе к югу от р. Урал или в Зауралье, до поры до времени оставались тюркскими кочевниками различной племенной принадлежности. Они были потенциальными «башкирами» постольку, поскольку поселялись в пределах границ исторической Башкирии, однако эта потенция далеко не всегда реализовалась в условиях их постоянных передвижений и отсутствия стабильности в территориальном размещении тогдашних кочевников. Но в целом, в масштабе всей домонгольской эпохи, новый приток кочевников сыграл большую роль в дальнейшем оформлении башкирского этноса, уже тогда предопределив некоторые различия между восточными и западными башкирами. Если в западном Приуралье кочевники включались в сложные этнические взаимодействия с волжско-камским населением, то в зауральских степях этническая картина степняков была более однородной.

Характеризуя этнический облик пришлых кочевников той эпохи, надо иметь в виду существенные изменения в этногенетических процессах в IX–XI вв. в самом Приаралье, степях Казахстана и на южных просторах Восточной Европы. Печенеги постепенно утратили архаичную этноязыковую характеристику, смешавшись в огузской среде, на которую в свою очередь наслоилося сильное кыпчакское влияние.

Иными словами, XI — начало XIII в. мы должны рассматривать как новый этап, на протяжении которого этнические процессы в Башкирии более активно развиваются в направлении *кыпчакизации древнебашкирского этноса*.

Огузские и кыпчакские родоплеменные группы в Башкирии

В движении тюркских кочевников в Башкирию в XI — начале XIII в. образовалось два потока: один из них был частью приаральско-уральских перекочевок и захватил современное башкирское Зауралье, в основном район водораздела рек Яик, Уй, Миасс, Ай, Юрюзань; второй — являлся продолжением движения древнебашкирских племен с юга, с Нижней Волги и северокавказских степей и был направлен на территорию Древней Башкирии (карта 17). К зауральской волне миграции той эпохи принадлежала айлинская родоплеменная группа: ай, каратавлы, тырнаклы, сарт, мурзалар, кумлы, кызылбаш и др. Айлинская этнонимия имеет наибольшее количество параллелей в родоплеменных названиях туркмен и узбеков (табл. 1). Это находит объяснение в огузском происхождении некоторых айлинских родов, или, что твердо установлено, в формировании всей группы в VIII–X вв. в огузской этносреде на Сырдарье (см. гл. V). Будучи мощной племенной конфедерацией сырдарьинских степей и Приаралья, огузы ассимилировали в своем составе местное население, явившись сложным синтезом центральноазиатских и аборигенных племен (Толстов, 1950; Росляков, 1955). В огузский союз влилась также оставшаяся в Азии часть печенегов. Многочисленные историко-этнографические данные, свидетельствующие о давних генетических связях айлинцев с древнебашкирскими племенами еще в период пребывания последних в Азии, а также принадлежность ряда образований из той и другой групп к раннесредневековым исякам (иштякам) показывают, что наиболее крупные айлинские образования (ай, каратавлы, тырнаклы) принадлежали в VII–VIII вв. к тому же печенежскому или, позднее, печенежско-огузскому этническому миру, к которому относились и древнебашкирские племена.

Т а б л и ц а 1

Родоплеменные названия башкир X–XII вв. (огузо-кыпчакский этнический слой)

Башкиры	Средневековые тюрки	Узбеки	Туркмены	Казахи	Киргизы	Каракал-паки	Тувинцы
Ай, Айле (п.) *	Ай	Ай, Айнлы, Алты-ата-айтамгалы	Айы				
Тырнаклы (р. — в составе п. Ай)							
Каратавлы (р. — Айле), Таулы (рп. — Ай, Кыпчак, Усерган, Бурзян и др.)		Таулы, Тау	Таг, Даглы		Ай, Ай туу	Тау	Тау
Тугыз, Тугызак (рп. — Ай)	Тогуз-огуз		Тогуз		Тогузак, Тогуз уул Сарт, Сарттар	Тогузак	Тогуз
Сарт, Сарт-айле, Алтаузар (р. — Ай; рп. — Табын, Кудей и др.)		Сарт-топи, Сарт-айтамгалы, Алты-ата-айтамгалы					
Мурзалар (п.)		Мурзагул		Мырзагул			
Алтмыш-Колак (рп. — Ай)			Алтмыш				
Кумлы, Кумый (рп. — Ай)			Кумлы				
Абдел (рп. — Ай)			Абдал				
Кызылбаш (рп. — Ай)			Кызыл-баш				
Этимгэн, Этимгэн-айле (рп. — Ай)			Йомут, Итемен				
Кусюк (рп. — Ай)			Коджук				
Иштяк, Иштяк (рп. — по всей Башкирии)				Иштяк (?)	Иштяк, Эштек	Естек	

* Сокращения: п. — племя; р. — род; рп. — родовое подразделение.

В эпоху начавшегося возвышения огузов их кочевья достигали юго-восточных окраин Урала (Агаджанов, 1959, стр. 56–62). В X в., с началом массового гузского движения в Восточную Европу, или несколько позднее — в XI в. оставшиеся на Сырдарье айлинские образования переселяются в Зауралье. Судя по историческим сказаниям и шежере, айлинцы долгое время не теряли связей с Сырдарьей, а также с переселившимися в закаспийские степи соплеменниками.

Археологическими исследованиями последних лет в северовосточной Башкирии и в Зауралье, в том числе в районах расселения айлинцев, обнаружена серия памятников X–XI вв. (Каранаевский, Мрясимовский, Старо-Халиловский и другие курганы), в которых наряду с преобладанием тюркских кочевнических черт просматриваются некоторые угорские признаки (Мажитов, 1968а, стр. 136–145; Могильников, 1971, стр. 157). Эти памятники увязываются с миграцией айлинской родоплеменной группы, в составе которой угорский (вероятно, иштякский) компонент к этому времени был еще не полностью ассимилирован.

Таким образом, в начале II тыс. н. э. на базе взаимодействия пришлых и местных племен, при преобладающей роли вновь мигрировавшего этнического компонента, начинается процесс становления и консолидации тюркоязычного населения восточной, зауральской территории Башкирии. Кочевники Зауралья вступают в контакты с родственными племенами Древней Башкирии. Тем самым было положено начало образованию территории «Большой Башкирии»; тюркские кочевники в XI–XII вв. расселяются сравнительно равномерно на сплошной территории, огибая Южный Урал с востока, юга и запада. Однако центром древнебашкирского расселения по-прежнему остается юго-западное Приуралье. Процессы сложения территории современной Башкирии и консолидации расселявшихся на ней племен завершились позднее и были связаны с крупными передвижениями племен в эпоху монгольского нашествия.

Вторая волна кочевнической миграции, активный период которой падает на вторую половину XII — начало XIII в., шла с юга и в этническом отношении была *кыпчакской*. Разгромив в середине XI в. гузов и печенегов, кыпчаки часть их оттеснили на запад, часть ассимилировали (Кумек, 1972, стр. 57–60). Сами кыпчаки представляли сложное образование, включавшее наряду с господствующим тюркским компонентом и монгольские этнические элементы (см. гл. IV). Зона распространения кыпчаков в XII в. на севере Волго-Яицкого междуречья остается не очень ясной; по-видимому, они заняли в основном территории разгромленных ими печенегов и гузов, границы кочевий которых в предшествующую эпоху достигали на Волге широты Жигулевских гор (Плетнева, 1958, стр. 164).

Кочуя на юге древнебашкирской территории, кыпчаки вошли в контакт с населением Волго-Уральской области; для некоторых кыпчакских групп эта территория стала их новой родиной. В Ирги́зо-Камели́кском районе Древней Башкирии в 1938 г. была обнаружена на старом башкирском кладбище «каменная баба» (Степанов, 1940, стр. 211), которая, как известно, прочно связывается с кыпчако-половецким миром конца XI — начала XIII в. (Федоров-Давыдов, 1966, стр. 167). Аналогичное каменное изваяние недавно найдено в южной Башкирии (раскопки Н. А. Мажитова). Немногочисленность таких находок указывает на то, что собственно кыпчакская волна в Башкирию в домонгольскую эпоху не была мощной. Незначительны также историко-этнографические материалы (в том числе кыпчакская этнонимия), которые можно было бы датировать этим периодом.

Взаимодействие населения Волго-Уральского района (булгар и древних башкир) с кыпчакским миром развивалось в эту эпоху преимущественно в направлении кыпчакского языкового и культурного влияния. Осуществлялось оно, вероятно, через посредство кыпчакизированных родоплеменных групп, остававшихся на путях движения кыпчаков. Отрываясь от беспокойных районов основных кочевых миграций, они уходили на север, растворяясь среди булгар и башкир и привнося в их среду новые этнические признаки. Существенное значение в этих передвижениях имели давние торговые связи Поволжья и Приуралья (преимущественно через булгар) с Дешт-и-Кипчаком (Греков, Калинин, 1948, стр. 22–30). Вероятно также, что часть древних башкир, не порывавших связей с югом и сохранявших традиции воинственности, участвовали в кыпчакских походах в южнорусские степи и Причерноморье. Не отложились ли, например, эти события в зафиксированном в древнерусских летописях имени половецкого князя Башкорта (Башкорд), жившего в конце XII в. (ПСРЛ, I, стр. 395; II, стр. 501)?

О кыпчакском влиянии на население Поволжья и Приуралья в домонгольскую эпоху имеются свидетельства как восточных, так и русских источников. Именно в этом аспекте воспринимается сообщение Ибн ал-Асира о том, что кыпчаки лето проводят «около булгар», уходя на зиму в район г. Баласагуна (МИТ, 1948, стр. 177). Великий князь Владимирский Всеволод, возможно с некоторым преувеличением, сообщал в 1183 г. киевскому князю Святославу: «Половцев же призывать не хочу, ибо они с болгарями язык и род един» (Татищев, 1964, III, стр. 128). Этноязыковое влияние кыпчаков на башкир, более близких к ним по образу жизни, должно было быть значительным. Об этом имеется ясное свидетельство М. Кашгари, который языки киргизов, кыпчаков, огузов, ягма, тухси и других относит к «настоящим тюркским» (*ḡakam tūrḡkadīr*) и добавляет, что «языки емеков и баш-

кир к ним близки» (*jätäk wa bашğırt тиллари буларга яқиндир*) (МК, 1960, стр. 66).

В то же время не следует преувеличивать масштабы кыпчакского влияния на башкир (и соответственно булгар) в домонгольскую эпоху. По определению М. Кашгари, башкирский язык был близок к языку кимаков, но не тождественен ему. В этот период докыпчакские языковые и культурные признаки у древних башкир еще сохранялись. Хотя после смерти М. Кашгари, в XII — начале XIII в., этническое воздействие кыпчаков на башкир должно было нарастать, процесс их кыпчакизации, судя по нашей датировке кыпчакской этнонимии, не завершился. В домонгольское время кыпчаки, занятые борьбой в богатых причерноморских степях и набегами на русские земли, не стремились проникать далеко на север, что отмечалось, кстати, восточными авторами и той эпохи (Поляк, 1964, стр. 42–43). Одно же кыпчакское влияние, масштабы которого в домонгольскую эпоху пока остаются не очень ясными, едва ли было в состоянии коренным образом изменить направление этнического развития башкир. Предпосылкой и условием таких изменений было этническое *смешение* башкир с кыпчаками, которое, однако, произошло несколько позже.

Дальнейший процесс консолидации древнебашкирского этноса

Развитие и углубление этнических связей с миром тюркских кочевников сочетались с дальнейшим процессом консолидации племен в самой Башкирии.

Продолжается смешение и интеграция древнебашкирских племен с булгаро-мадьярской родоплеменной группой. К началу XIII в. восточные границы Волжской Булгарии расширяются. Составной частью Булгарии стали земли по нижнему течению р. Ик и низовьям Белой, где В. Ф. Генингом и П. Н. Старостиным зафиксированы отдельные находки булгарского типа. С этими пока немногочисленными находками согласуется сообщение Ал-Идриси (XII в.) о двух группах «тюркских булгар», которых он соответственно размещает у г. Болгара и северо-восточнее, в Прикамье (Jaubert, 1840, стр. 402–403). Многие исследователи считают, что к рубежу XII–XIII вв. восточные пределы Волжской Булгарии достигли Белой и Яика (Смирнов, 1951). Опираются при этом на сообщения Лаврентьевской летописи от 1229 г. о сражении сторожевого отряда булгар с монголами («сторожеве болгарские») на р. Яик (ПСРЛ, I, 1962, стр. 453), на известия казанского летописца, а также отдельные находки булгарских памятников в верховьях Самары и в южной Башкирии. Речь в данном случае, очевидно, идет о расширении культурного и политического влияния Булга-

рии, так как основным районом собственно болгарского расселения и в эту эпоху остается юго-западное Закамье до низовьев рек Степной Зай и Шешма.

Находки болгарского типа по нижним течениям Ика и Белой показывают некоторый сдвиг населения из Булгарии на восток по левобережью Камы, что можно связать с появлением здесь в XIII в. енейских и булярских групп. Юго-восточнее, на территории Приуралья до рек Белой и Яика, болгарские памятники, по крайней мере пока, многочисленны: это означает, что в XII — начале XIII в. здесь появлялись не более чем отдельные группы болгарского населения. Если под летописным «сторожеве болгарские» подразумевать военные отряды Волжской Булгарии, то они должны были включать не только болгар, но и все подвластное население, в том числе башкир и мадьяр. Д. Немет идентифицирует названия подразделений нагман в составе племени усерган в южной Башкирии с финно-угорским Nyëk (название древнененгерского племени) со значением «пограничное сооружение» или «племя для охраны границ» (Németh, 1966, стр. 21). К этой же эпохе, к концу XII в., относятся упомянутые сведения о переселении «из Булгар» племени гайна-тархан, топонимические памятники которого до настоящего времени сохраняются в верховьях Демы (деревни Гайна, Таукай-Гайна, Гайна-Ямал, р. Гайна). Расширение политического влияния Волжской Булгарии сопровождается, таким образом, переселением части населения из района водораздела рек Бугульминской возвышенности, а именно: племен булгаро-мадьярской группы на восток в западную и южную Башкирию. Это ускоряет их смешение с башкирскими племенами, с которыми они нередко выступают теперь в единых родоплеменных образованиях.

Другой линией внутреннего этнического развития, которая протекала не менее интенсивно, было взаимодействие башкир с местными и ранее пришлыми племенами на западе современной Башкирии, по всему течению р. Белой от ее поворота в районе г. Мелеуза на север. К эпохе XI — начала XIII в. относится инкорпорация в башкирскую среду и, вероятно, завершение этноязыковой ассимиляции смешанных финно-угро-самодийских и сармато-аланских племен турбаслинского, кара-якуповского, куштерьякского и других культурных комплексов. Племена сызгы, упей, терсяк влились в качестве самостоятельных образований или небольшими группами в состав башкир, восприняв их язык, многие черты культуры и хозяйства и в свою очередь повлияв на физический тип и ряд культурных признаков формирующегося этноса.

Слабая археологическая изученность территории Башкирии в эпоху после X в. (известны лишь единичные памятники) не дает возможности детально хронологизировать многие этнические процессы до-

монгольского периода. Этнографические и антропологические данные (которым не противоречат лингвистические) показывают довольно активный процесс смешения башкир в XI–XIII вв. с местными финноязычными племенами — наследниками бахмутинских, мазунинских и именьковско-романовских памятников, главным образом в долине нижнего течения Белой.

В башкирской этнонимии и топонимии представлено множество названий финского происхождения. В. Ф. Генинг на территории распространения мазунинской культуры обнаружил до 20 удмуртских топонимов (1967). В обзоре этнической истории нижебельских и северных башкир нами указан ряд наименований родовых подразделений, которые самими башкирами связываются с удмуртами, марийцами и мордвой (ар, аримес, сирмеш, мукшы, нукшы, максей и др.). Время появления этих этнонимов и соответственно топонимов определить по этнографическим материалам невозможно, но выявленный лингвистами достаточно мощный пласт гидронимов финского происхождения, по их заключению, древний, дотюркский (Камалов, 1971). Некоторые лексические заимствования в татарском и башкирском языках, связанные с названиями деревянных сосудов, имеют финские истоки (например, от финской основы *kõr* удм. *гумы*, финск. *kaami*, общетюркск. *киби*, тат. *гэбэ*, башк. *гэбэ* ‘цилиндрический сосуд из цельного дерева’). Эти и аналогичные примеры, очевидно, «свидетельствуют о проникновении деревянных сосудов от угро-финнов к тюркам» (Ахметьянов, 1972, стр. 8). С финским субстратом в башкирском этносе связаны также многочисленные древние «черемисские кладбища», разбросанные по всей западной Башкирии. Многие из них находятся за пределами территорий современного расселения марийцев, и башкирскими преданиями приписываются древнему языческому населению (Юсупов, 1960, стр. 133). В этом же плане надо рассматривать упомянутые старинные сказания и легенды башкир о предках-марийцах, переходе от язычества в ислам, борьбе башкир с народами ар и сирмеш, особенно с «нашествием марийских женщин» и т. д.

Эти сведения хорошо сопрягаются с сравнительно-историческим анализом материальной культуры башкир, финских народов Поволжья, а также чувашей. Башкир, волжских финнов и чувашей объединяют древний покрой верхней одежды с прямой спинкой (у башкир *тире тун*), туникообразная рубаха, примитивная мягкая обувь, стянутая ремешком вокруг щиколотки, и т. д. Особенно выразительными являются аналогии в области женской одежды и украшений: общую основу имеют старинные, украшенные монетами и кораллами шлемообразные головные уборы с наспинной лопастью (*кашмау* — у башкир, *хушпу* — чувашей, *кашпу* — бесермян, *венец* — мордвы); тонкие счетные вышивки на полотенеобразных уборах (*таштар* — у башкир,

сурпан — чувашей) и т. д. (Руденко, 1955; Шитова, 1968, 1971; Белицер, 1971). Сходные черты в ранних пластах орнаментики и технических приемах прикладного искусства (в резьбе по дереву — винтовая и врезная резьба, силуэты и оформление ковшей, солярный орнамент, простейшие геометрические фигуры; в вышивках — косая стежка, фигуры в виде противостоящих птиц или животных и т. д.) не оставляют сомнений в древности финно-башкирских этнических взаимодействий (Авижанская, Бикбулатов, Кузеев, 1964; Денисов, 1969).

М. С. Акимова на основе изучения современного физического типа башкир и краниологических материалов намечает линию связей: племена пьяноборской культуры — племена мазунинской культуры — современные северные башкиры. Она приходит к выводу о «единстве происхождения северных башкир с другими народами Волго-Камья» (Акимова, 1968, стр. 97). Некоторые различия в физическом типе северных башкир с западными соседями объясняются, по мнению М. С. Акимовой, ролью пришлого суперстрата (башкирских кочевников). Отмечая правильность этих заключений, заметим, однако, что историко-этнографические материалы заставляют внести в эту схему существенные коррективы территориального характера. Смещение древних башкир и финно-угорских племен бахмутинской, мазунинской, именьковско-романовской культур с IX и до конца XII в. имело место в долине нижнего течения р. Белой (и возможно южнее), но не на севере Башкирии, где башкирские группы появились не ранее XII в. К тому же накопление, пока очень бедного, краниологического материала по северной Башкирии (X—XVII вв.) может дополнить, а может быть, и изменить наши представления о формировании физического типа северных башкир. Надо иметь в виду и более поздние события, а именно: чрезвычайно активное смешение северных башкир начиная с XVI в. с крупными группами вновь пришлого населения (марийцами, удмуртами, мордвой и, особенно, татарами), общая численность которых в XVIII в. в этих районах превысила количество башкир.

Смещение древних башкир с финнами бельской долины до начала XIII в. оставило заметный отпечаток не только на северных башкирах, но и на юго-восточной географической группе башкир, обитавших тогда в этих районах. Об этом свидетельствует присутствие отмеченных выше волжско-камских аналогий в материальной культуре башкир разных областей, особенно юго-восточных. В этой же связи находится вывод М. С. Акимовой о том, что южные башкиры (усерганы), которые относятся к наиболее монголоидной группе, по ряду признаков (цвет глаз и волос, показатели измерений лица, эпикантус) «занимают промежуточное положение между казахами, с одной стороны, и татарами, удмуртами, марийцами — с другой» (Акимова, 1968, стр. 97). Древнебашкирские племена расселились на Южном Урале после активного

периода смешения с аборигенами в западной Башкирии. Это находит подтверждение в наблюдениях языковедов в области башкиро-финских языковых связей, которые, бесспорно, относятся к башкирскому языку в целом (Максютова, 1967; Ишбулатов, 1967). «Язык народов Поволжья — чувашский, татарский, башкирский, — пишет Н. А. Баскаков, — испытал на себе значительное влияние славянского и *финского* субстрата» (Баскаков, 1964, стр. 2; курсив наш. — Р. К.).

В целом же этнические процессы в Башкирии в домонгольское время характеризуются взаимопроникновением и консолидацией трех основных компонентов предшествующей эпохи — древнебашкирского, булгаро-мадьярского и финно-угорского (смешанного с сармато-аланским) — при нарастающем притоке кыпчакских и кыпчакизированных кочевников с юга, которые, проникая во все части древнебашкирского этноса, влияли на дальнейшее его формирование и нивелирование этнокультурных признаков.

В социально-экономическом аспекте складывающийся этнос находился на стадии распада патриархально-родовых отношений и формирования раннеклассового общества, характерного для кочевников той эпохи. Экономической основой социальных процессов было неравенство во владении скотом и в эксплуатации пастбищ². С постепенным разрушением племенной замкнутости, в условиях постоянной борьбы и соперничества намечается тенденция к возникновению крупных объединений племен. Исторические сказания, шежере свидетельствуют о появлении в домонгольскую эпоху нескольких племенных союзов в западной Башкирии, собирателями которых выступала родоплеменная знать усерганцев и бурзян (БШ, стр. 81). Башкирское племенное объединение во главе с ханом Джалыком было настолько сильным, что оно в одно время якобы соперничало с Волжской Булгарией. Несмотря на обычные преувеличения племенных сказаний, они показывают масштабы и глубину этнических и политических процессов консолидации. При естественном их развитии они могли бы привести к сложению башкирской народности. Однако тенденция этнополитической централизации башкирских племен была прервана монгольским завоеванием, имевшим разрушительные последствия для населения Волго-Уральской области и надолго отодвинувшим завершение формирования башкир в народность. Оно внесло также существенные изменения и в направление этнического развития ряда народов Восточной Европы, в том числе башкир.

² Об общественном строе башкир в домонгольскую эпоху см.: Кузеев, 1956б, 1957.

ГЛАВА X

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИР В XIII–XVI ВВ. ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ

КЫПЧАКСКИЙ ЭТАП В ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИР (XIII–XIV вв.)

Этнический состав кыпчакской миграции в Башкирию

Первый поход монголов в 1229 г. против Волжской Булгарии и Башкирии окончился неудачей. Созданные булгарами войска, в которых немалой силой были башкиры и консолидирующиеся в их составе племена, «обратили татар в бегство». Новое вторжение монголов в 1236 г. сломило сопротивление народов Волго-Уральского региона. Монголы, «взяша славный Великий город Болгарский, избиша оружием от старца до уного и до сушаго младенца, взяша товара множество, а город их пожгоша огнем и всю землю их плениша» (ПСРЛ, I, стр. 460). Башкиры — союзники и подданные булгар — разделили их судьбу. О жестокости и тяжести монгольского ига сохранилось немало сведений в башкирских исторических сказаниях и преданиях. П. И. Рычков приводит хронику, относящуюся к несколько позднему периоду, но отражающую обстановку той эпохи в целом: «...татарский хан всячески изнуял башкир и в бессилие приводил.. как скот и пожитки, так и детей их к себе отбирал и землями [башкир] владел...» (Рычков, 1896, стр. 69).

Башкирия стала частью Золотой Орды, которая в этническом отношении была преимущественно наследницей Дешт-и-Кипчака. Монгольские походы завершились распадом прежних кыпчакских племенных конфедераций, хотя постепенно сами монголы ассимилировались в среде численно превосходящих их кыпчаков, ставших этнической основой золотоордынского населения. По тонкому замечанию Ал-Омари

(XIV в.), «долгое пребывание в какой-либо стране и земле заставляют натуру человеческую уподобляться ей и изменять прирожденные черты согласно ее природе» (Тизенгаузен, 1884, стр. 235).

Монгольское наступление привело в движение массы кочевников; потерпевшие поражение и ужасающий разгром, кыпчаки рассеялись, особенно в начальный период нашествия, по огромной территории Евразийских степей и соседних с севера областей. Вот как рассказывает об этих событиях Абу-л-Гази: «Джучи с преданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и-Кипчак. Кыпчакский народ собрался и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштякам (т. е. башкирам. — Р. К.). Большая часть иштяков теперь является потомками тех кыпчаков» (Кононов, 1958, стр. 44). Земля иштяков или башкир в XIII в. действительно наводняется племенами с Дешт-и-Кипчака. Приток кочевников в Башкирию, постепенно ослабевая, продолжался до конца XIV в.

В этническом составе кыпчакской миграции в Башкирию в XIII–XIV вв. выделяются несколько родоплеменных групп: кыпчакская, катаяская, табынская и минская. Все они вышли из недр Дешт-и-Кипчака, но в племенном составе, происхождении и истории расселения каждой из них есть особенности, которые подробно рассмотрены в предшествующих главах. В табл. I представлены перечни основных племен и родов упомянутых групп и приведены этнонимические параллели башкирским названиям, имеющиеся у тюркских народов и монголов. Данные табл. I весьма выразительны с точки зрения оценки высокого удельного веса кыпчакского компонента в составе башкир, а также активных и тесных этнических взаимосвязей в эпоху средневековья башкирских племен с тюркскими народами Средней Азии и Восточной Европы; а в историческом плане — с алтайскими тюрками и монголами.

Кыпчакская группа (время миграции в основном XIII в.; приток отдельных групп — конец XIII — начало XIV в.) наряду с собственно кыпчакскими (кыпчак, кара-кыпчак, елан, сары, бушман и др.) включала печенежские (канлы), огузские (туркмен) и тюркизированные монгольские (гэрэй, гэрэ) образования. К этой же группе отнесены потомки древнетюркских племен (киргиз и др.), увлеченных кыпчакским движением с Алтая и Прииртышья еще в конце I тыс. н. э. Этнонимия кыпчакской группы находит наибольшее число параллелей в названиях племен и родов казахов и кочевых узбеков, хотя значительные этнонимические связи идут также к каракалпакам и туркменам. Происхождение большинства этнонимических аналогий восходит к этническим процессам в Дешт-и-Кипчаке в золотоордынское время.

Т а б л и ц а 1

Родоплеменные названия башкир XIII—XIV вв. (кыпчакская эпоха)

Башкиры	Средневековые племена и народы	Узбеки	Кара-калпаки	Туркмены
<i>Кыпчакская родоплеменная группа</i>				
Кыпчак (п.) *, Кара-Кыпчак (р.)	Кыпчак	Кыпчак	Кыпчак	
Канлы (п.)	Кангар	Канглы	Канглы	
Гэрэ (п.), Гэрэй-Кыпчак (р.)	Кереит, Кераит	Кереит		Герей
Сары, Сарыш (р. — Кыпчак; рп. — Катай, Табын)	Страна (народ) Сары, Сары-уйгур, Сарыг-уйгур	Сарыш	Сары, Арсары, Бессары	Сары, Эрсары
Кошсы (п.)		Кушчи, Кутчи		Кушчи, Кутчи
Туркмен (р. — Кыпчак, Кудей; рп. — Кыпчак, Кудей, Табын) Бушман (р. — Кыпчак)		Туркмен		
Джете-уру (р. — Кыпчак) Байулы (р. — Бурзян) Кармыш (р. — Юрматы)			Ети-уруг	Жети-урук
Киргиз (п.) Елан (п.) Казанчи (р. — Танып) Казаяк (рп. — Кыпчак и др.)	Кыргыз Джилан (?), Чжи-лянь	Кармыш Кыргыз		
		Казаяк	Казаяклы	
<i>Катайская родоплеменная группа</i>				
Катай (п.) (р. — Кара-Катай)	Кидань, Кара-Китай	Ктай, Ктай-Кыпчак	Ктай	
Найман (рп. — Усерган)	Найман	Найман		
Балга (рп. — Катай) Ассы, Ас (рп. — Катай)	Народ аз	Балгалы		
Маскара (рп. — Катай)				

* Сокращения: п. — племя; р. — род; рп. — родовое подразделение.

Казахи	Киргизы	Алтайцы	Хакасы	Ногайцы	Крымские татары и гагаузы	Тувинцы, алтайцы	Монголы
--------	---------	---------	--------	---------	---------------------------	------------------	---------

Кыпчакская родоплеменная группа

Кыпчак, Кара-Кыпчак	Кыпчак, Кара-Кыпчак	Кыпчак		Кыпшак	Кипчак, Кара-Кипчак		
Канглы	Канлы			Канлы	Канлы		
Керей, Кереит, Кара-Гирей, Абак-Керей	Керейит				Герей, Кереид, Кириет		Кирей (Кирэй)
Сары-Кыпчак, Сары-Арғын, Сары-Усунь, Сегиз-Сары Кушчи	Саруу		Сарыг		Сарыш- Кипчак	Сарыг, Сарыглар	
	Кушчу, Коше			Кушсы			
				Туркмен			
Бушман, Бочман Жеты-уру Байулы Кармыш Киргиз-арғын	Бычман Еди-уруг Кармыш						
				Казайяк	Казаяк		

Катайская родоплеменная группа

Ктай, Ктай-Арғын, Ктай-Кыпчак	Кытай, Минг-Кытай, Кара-Кытай				Карача-Китай, Орта-Китай		Кидань
Найман	Найман			Найман	Найман, Онгар-Найман, Кара-Найман		Наймань
	Азык					Байлак-ас, Төрт-ас	
Маскар							Маскар

Т а б л и ц а 1 (окончание)

Башкиры	Средневековые племена и народы	Узбеки	Кара-калпаки	Туркмены
Сальют, Сальчжут, Сальюгут (п.) Борз (рп. — Сальют) Балыксы (п.)	Салджиут			Балыксылар
<i>Табынская родоплеменная группа</i>				
Табын (п.) (рп. — по всей восточной и южной Башкирии) (р. — Кара-Табын)	Дулат			
Уйшин, Уйшун — второе название табынцев (рп. — Табын)	Усунь	Уйшун	Уйшун- митан	
Суюндук (рп. — Кесе-Табын, Бишул, Кыпчак) Дуван (п.)		Суюндук	Суюндук	Суюндук
	Дурбан	Дувана, Дувана-топи, Дурбан		
Кувакан, Кукши (п.) (рп. — Табын)				
Сырзы (п.) Теляу (р. — Табын) Барын (р. — Табын)	Теле Баарин	Теляу		
Бадрак (п.) Таз, Тазлар (п.) (рп. — Кудей, Ай, Табын, Бурзян и др.)		Бадраглы Тас-катаган, Таз		Бадрак Таз, Дазы
<i>Минская родоплеменная группа</i>				
Мин (п.)		Минг		
Кырк-уйле (р. — Мин, Кувакан), Кырк, Кыркты, Кыр-кузяк (рп. — Мин, Кесе-Табын, Сырзы и др.)		Кырк	Кырк	Кыркуйли
Куль (р. — Мин)	Кулин (уйгуры)	Коль (Каль), Куль		Куль
Суби (р. — Мин) Миркит (р. — Мин; рп. — Табын)	Меркит (Мэркит)	Меркит		Меркит

Казахи	Киргизы	Алтайцы	Хакасы	Ногайцы	Крымские татары и гагаузы	Тувинцы, алтайцы	Монголы
Бора-найман Балык, Балыкчи	Бёрю Балыкчи				Сиджеут	Салчак Балыкчи	Салчакжот Боро

Табынская родоплеменная группа

Табын, Дулат							
Сары-усунь	Усонь, Сары-усунь						Усинь (?)
Суюндук							
Джуван, Джуван- таяк-аргын	Дубан	Кукши (челкан- цы)					
Теляу	Баарин	Телеут					Базарын, Барин
Бадрак-канлы Таз или Тазлар, Тастар-аргын, Тас-коян	Таздар	Тас		Бадырак Таз			

Минская родоплеменная группа

Кырк	Минг- Кытай Кыркугул	Кырк		Мин, Мынь Кырк- шомушли		Мингат	Мынг, Мингат
Куль, Кули			Куль			Куль	
Суба (Саба)	Миркит	Меркит		Миркит			Меркит (Моркит)

Катайская группа (время миграции — середина XIII в.) является сложным синтезом тюркских и монгольских компонентов — далеких потомков кара-китаев и салджиутов. Этническая история катайской группы в XII–XIII вв. развивалась в кыпчакской среде.

Основу *табынской* родоплеменной группы составляет восточно-тюркский этнический компонент (дулат, теле), смешавшийся с монгольским (барын, дуван). Этническая история табынских образований протекала во взаимодействиях с усунями, кара-китаями и, наконец, с племенами Дешт-и-Кипчака. Как и катайцы, табынцы являются наиболее яркими носителями в составе башкир центральноазиатских черт культуры. Соответственно, в языке табынской и катайской групп башкир сохранились признаки, связывающие их с восточными тюрками и составляющие сейчас значительную часть специфических особенностей северовосточного диалекта башкирского языка.

Минская группа (время миграции — XIV в.), тюркская в основе (мин, кырк, куль), включает монгольский компонент (миркит) и, возможно, некоторые вкрапления эпохи тюрко-угро-самодийских контактов на Северном Алтае. Средневековая этническая история минских родов связана с кочевыми племенами Сырдарьи, Двуречья и Дешт-и-Кипчака. Минские башкиры составляют третью и последнюю крупную миграционную волну в Башкирию из районов Сырдарьи и Приаралья (первая волна — древнебашкирская в VIII–IX вв.; вторая — айлинская в XI в.)¹.

Этническая история кыпчакской, катайской, табынской и минской групп (гл. IV–VII), а также этнонимические параллели показывают, что *все эти племена являются участниками грандиозного по масштабам процесса этногенеза тюркских народов, который почти одно тысячелетие протекал на огромной территории от Алтая до Черного моря*. Кыпчакский этап по существу был заключительным аккордом этого процесса, приведшим в конечном итоге (с углублением социально-экономического развития и коренными изменениями в XV–XVI вв. политической ситуации в Дешт-и-Кипчаке) к завершению формирования ряда народностей: башкир, казахов, узбеков, каракалпаков и др. Наибольшее число этнонимических параллелей башкир с родоплеменными названиями узбеков, каракалпаков, казахов показывает общность позднесредневекового этнического суперстрата этих народов, который в литературе нередко именуется «ногайским». В этнонимии перечисленных народов обнаружено более 100 родоплеменных названий, имеющих соответствия у башкир. Например, узбекско-башкирские соответствия кыпчакской эпохи касаются родоплеменных образований кыпчак, канглы, кереит, куль, кушчи, кармыш, ктай, кырк, туркмен, кыргыз, сарыш, найман,

¹ Подробно о периодизации истории этнических контактов Башкирии со Средней Азией см.: Кузеев, 1968, стр. 231–240.

балгалы, уйшун, суюндук, дуван (дувана-топи), бадраглы, теляу, минг, таз, миркит, казаяк, а более раннего времени — муйтен, тамá, кичи, байлар, бишул, ягалбай, ай (айнлы), сарт, алты-ата-айтамгалы, мурзагул. Казахско-башкирские этнонимические параллели позволяют установить этническую близость башкир не только к племенам соседнего Башкирии Младшего Жуза казахов (табын, теляу, таз-тазлар, тама-тана, ягалбай, байулы, керейт, маскар, жети-уру), но и Среднего (кыпчак, кара-кыпчак, кара-герей, ктай, найман) и Старшего (канглы, дулат, усунь, кармыш, бадрак, тастар, байдар, бесъ-тэнь-бала) Жузов (Рычков, 1896, стр. 71; Востров, Муканов, 1968, стр. 28–29 и др.). Многие казахско-башкирские соответствия также восходят к кыпчакской эпохе, хотя истоки этнической общности разных слоев башкирского, казахского, каракалпакского, узбекского народов теряются, как показано во второй части исследования, в истории кочевых и оседлых племен Азии I тыс. н. э.

Дополнением к этнонимическим аналогиям является сравнительная таблица тамг башкирских родоплеменных образований эпохи кыпчакских миграций с тамговыми знаками казахов, узбеков, туркмен, а также со средневековыми огузскими (точнее огузско-печенежскими) тамгами, приведенными в сочинении Махмуда Кашгари (табл. 2). Не только сходство, но и тождественность тамг очевидны. Сопоставительный анализ башкирских тамговых знаков с тамгами других тюркских народов, проведенный Д. Н. Соколовым, и установление им многочисленных аналогий позволяет нам лишь воспользоваться его выводами о преемственной и генетической связи тамг башкирских племен с тамгами древних тюрков, средневековых кочевников и современных тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы (Соколов, 1901, стр. 84–87). Д. Н. Соколов начал также работу по сравнению башкирских тамг со знаками древнетюркского рунического письма. Составленная им таблица, которая показывает, что любому руническому знаку орхоно-енисейских письмен имеется аналогия в башкирских тамгах, до сих пор не утратила научной ценности (Соколов, 1901, приложение). Такие массовые совпадения являются, безусловно, сильным доказательством реальности тесных этнических и исторических связей Волго-Уральской области с Алтаем, Южной Сибирью с прилегающими областями и районами Средней Азии (хотя, конечно, проблемы происхождения тюркских тамг, их соотношения с древними рунами, развития тамговых знаков в зависимости от эволюции социальных и этнических процессов ждут еще своих исследователей). Одновременное совпадение и тамг, и этнонимов ряда крупных родоплеменных образований кыпчакской эпохи (кыпчаков, канглы, найманов, ктаев, табынцев и др.) является еще более точным показателем общности происхождения мощного компонента, влившегося в эпоху позднего средневековья в состав разных народов.

Таблица 2

Тамги башкирских племен кыпчакской эпохи	Тамги казахов, узбеков и туркмен (материалы Гродекова, 1889; Карпова, 1929; Акчукраклы, 1927)	Огузские тамги (МК, 1960)
+ x	+ x	= ≤ ≡
□ ∩ ψ	□ ∩ ψ	
Г Т Т	Т	Т Т †
○ ♀ ♀ ○	○ ♀ ♀ ○	○ ∪ ∩
□ ▢ □	□	
✓ ∨ ∨	∟ ∨	✓ ∧ ∨ ∨
х γ		γ ∂ ∂

Таким образом, кочевническая волна, хлынувшая в Башкирию в XIII–XIV вв., включала те же тюркские и тюрко-монгольские элементы, которые приняли активное участие на заключительных фазах этнического формирования многих тюркоязычных народов Средней Азии и Восточной Европы.

Формирование территории Башкирии в XIII–XIV вв.

Основным районом кыпчакской миграции в XIII–XIV вв. остается юго-западная и южная Башкирия, хотя к этому времени башкирами были уже проложены пути в предгорья и горы Урала и лесные районы к северу от р. Белой. Вновь пришедшие кочевники прежде всего концентрируются в пригодных для скотоводов лесостепных районах Бугульминской возвышенности и Бельской долины. Катайская родоплеменная группа кочевала в основном в долине Ика и в междуречье низовьев этой реки и Белой. Табынцы были их западными

соседями, занимая центральные районы возвышенности вокруг озера Асылы-куль (Табын-куль) и Демскую долину до Белой на востоке. Кыпчакские племена расселялись по всей юго-западной Башкирии — от Самары на юге до низовьев Белой на севере. Пришедшие позднее минцы первоначально занимали территорию где-то между катаяйскими и табынскими кочевьями. Здесь, на просторах юго-запада Башкирии и левобережья Белой, на базе взаимодействия и синтеза древнебашкирского этноса и кыпчакских групп происходит в XIII–XIV вв. формирование и вызревание тех этнокультурных признаков, которые характеризуют башкир и сегодня. Это было сложное сочетание вновь взаимодействующих культур, в котором племена кыпчакского этапа миграции определили многие черты, объединяющие современных башкир с тюркскими народами Средней Азии, Казахстана и Алтая, а предшествующий древнебашкирский этнос — ту специфику, которая отличает башкир в ряду тех же народов. По мере дальнейшего расселения башкирских групп по территории Башкирии формирующиеся этнические признаки становились общенародными.

Начало наиболее активного этапа расселения башкирских племен на север и восток с основной территории Древней Башкирии падает на XIII в. и совпадает по времени с кульминацией кыпчакского наплыва в Башкирию. Заметный рост кочевого населения в Приуралье, который не сопровождался увеличением производительности хозяйства (напротив, монгольское нашествие разрушило производительные силы и надолго стабилизировало здесь кочевое скотоводство), сам по себе был условием и предпосылкой новых движений и новых перемещений населения. Именно в эту эпоху зона распространения кочевого скотоводства достигает максимальных северных границ.

Существенное значение в активизации этнической миграции на север имели в то время и причины политические. Массовый сдвиг кочевников Приуралья на север вплоть до Пермских земель и на восток, на Урал и в Зауралье, имел место во второй половине и в конце XIV в. и был связан с общей обстановкой в Золотой Орде и, конкретно, в Поволжье и Приуралье. Положение Волжской Булгарии, ослабленной монгольским разгромом и подчинением Золотой Орде, было сильно осложнено набегами новгородских ушкуйников (по летописям в 1366, 1369, 1370, 1374, 1391 гг.) и беспокойным соседством новых групп кочевников. Со второй половины XIV в. в связи с этими событиями намечается крупное перемещение населения Волжской Булгарии на север в Предкамье и частично на восток, в низовья Ика и Белой. Наиболее активной фазы, по археологическим данным, этот процесс достигает в конце XIV в. (Фахрутдинов, 1968). Главными событиями, вызвавшими новую волну переселений, явились непрекращающиеся

междоусобицы в переживающей распад Золотой Орде и борьба Тохтамыша с Тимуром. В многотысячной армии Тохтамыш-хана, которую он «собрал со всего улуса Джучи», были, по сообщению Шараф-ад-дина Йезди (XV в.), булгары и «башкирды» (Тизенгаузен, 1941, стр. 156). В решающем сражении на р. Кундурча в 1391 г. войска Тохтамыша были разгромлены. В великолепном историческом сказании башкир, в котором повествование ведется от имени вождя некогда сильного рода сартай, есть такие строки: «Мы шли защищать свои леса, защищать свои степи. Мы не хотели рабства. И когда к нам явился барлас Тимура² и потребовал землю и воду, я... приказал его вымазать медом и посадить в муравейник»³. Далее следуют картины кровопролитного сражения, кончившегося победой войск Тимура. Расправа с побежденными была жестокой. Тимур приказал, по словам Хасан-ад-дина Булгарского, «разогнать уцелевший народ в разные стороны, наказав, чтобы они здесь не обитали», и многие «разбредлись по всем странам мира» (ИТДМ, 1937, стр. 43).

Башкиры и в их составе новые группы населения из Волжской Булгарии направились на север и восток. В XIII и особенно в XIV в. образуются три основных потока движения. На север и северо-восток устремляется основной состав катаянской родоплеменной группы, а также территориально связанные с ними в низовьях Белой гайна-тарханцы, таныпы, балыкчинцы, минцы и др. Они расселились по Таныпу, левобережью Камы, достигли р. Тюй, северной излучины р. Уфы и ее притока Бисерти, верховьев Чусовой. Минские роды заняли низовья р. Уфы, чтобы оттуда вновь постепенно продвигаться в лесостепные районы юга. Табынская родоплеменная группа отодвинулась на северные отроги Южного Урала, заняв центральную Башкирию и прилегающие с востока горные районы и степи Зауралья. Кыпчакские племена направляются на Южный Урал или остаются в западной Башкирии, расширив кочевья в лесные районы правобережья Белой. Впрочем, в низовьях Белой и долинах ее южных притоков, а также в бассейне р. Ик остаются многочисленные группы табынцев, катаянцев, бурзян, усерган и др.

В ходе крупных передвижений многие племена распадались. На вновь занятых территориях на основе взаимного смешения мигрирующих групп возникали новые комбинации родоплеменных образований, постепенно объединявшихся в «племена» по традиционной модели древних кочевых обществ с племенным строем. Так появились «племена», которые мы называем «территориальными». Особеннос-

² Тимур происходил из монгольского рода *барлас* (Бартольд, 1963б, стр. 157).

³ Сказание «Последний из Сартаева рода». Рукопись. Хранится в ИИЯЛ БФАН СССР.

тью этих образований была консолидация различных по происхождению родов, но, как правило, близких по культуре и исторической судьбе. В большинстве случаев эти образования сохраняли древние этнонимы тех племен и родов, которые выступали в роли объединителей или ядра родоплеменных сочетаний. Таковы племена танып, табын, ай, кыпчак и др. Образование «территориальных» племен в условиях Башкирии не было новым явлением. Такие широко известные названия, как кыпчак, канглы, катый, табын и другие, в степном мире издавна имели не только этническое содержание, но и значение «собирательное, для группы племен, составляющих определенный культурный или политический комплекс, даже если входящие в него племена разного происхождения» (Гумилев, 1970, стр. 103). Эта ранне-средневековая модель этносоциальной организации воспроизводилась кочевниками и в эпоху XIII–XIV вв., хотя масштабы этих процессов были уже другими.

Башкирские племена (как сохранившие традиционную структуру, так особенно включившие в свой состав новые родовые образования) в процессе расселения нередко расчленились и территориально. Еще в западной Башкирии из катыйской родоплеменной группы выделилась часть катыйцев, которая, передвинувшись к востоку, заняла территорию по р. Инзер на северных отрогах Южного Урала. Табынские роды также образовали две группы, расселившись частью в Зауралье, частью — в центральной Башкирии. В долине Ика распался род сураш племенн усерган; оставшиеся на Ике сурашевцы влились в состав байларцев. Мелкие группы катыйцев, усерган, бурзян, юрматынцев и особенно кыпчаков оказались в составе практически всех башкирских племен, которых XIII век застал еще в западной Башкирии.

Массовое передвижение населения с территории Древней Башкирии на север и восток (передвижение, кстати, во многих случаях похожее на бегство) сопровождалось распадом и более древних (как местных, так и ранее пришлых) родоплеменных образований. Часть гайнинцев, упейцев, унарцев и других осталась в юго-западной Башкирии и вскоре растворилась в этнической среде кыпчаков и других южных и юго-восточных племен. Потомки этих групп вплоть до конца XIX в. удерживали древние племенные этнонимы (упей, сырян, гайна, танып, сызгы и др.) в качестве названий родовых подразделений в составе кыпчаков, усерган, бурзян, тангауров и других племен.

К XIII–XIV вв. относится также завершение ассимиляции в башкирской среде местных финно-угорских групп, в том числе мадьяр. Через 100 лет после Юлиана в Среднем Поволжье и Приуралье побывали многие венгерские монахи-миссионеры, однако ни один из них не упоминает ни о *Magna Hungaria*, ни о венграх. В оставленных ими записках имеются сведения лишь об одном народе в Башкирии,

о «баскардах» — «тюркском кочевом народе, покоренном монголами» (Györfy, 1948, стр. 185–186).

Таким образом, к концу XIV в. территория Башкирии принимает очертания, близкие к современным. Расселение племен на этих землях сопровождалось активизацией взаимодействия и смешения башкир с местным и пришлым (в том числе тюркским) населением, распадом традиционных объединений, возникновением новых родоплеменных сочетаний, что вело к ломке племенной и региональной замкнутости, углублению процесса нивелировки этнокультурных признаков, вызреванию сознания принадлежности к единому этносу и в конечном итоге к формированию народности.

О роли кыпчакского компонента в этногенезе башкир

Башкирский и татарский языки обнаруживают близость на всех стадиях их исторического развития. Однако определить этническую принадлежность компонентов, особенно древних и раннесредневековых, участвовавших в формировании языковых систем башкир и татар, далеко не всегда возможно. В последнее десятилетие повысился интерес к историческому развитию обоих языков. Исследования в этом направлении обещают быть результативными в этногенетическом аспекте, в установлении общих и различительных моментов в формировании башкирского и татарского этносов, а также их языков.

Сравнительно-статистические исследования лексики башкирского и татарского языков показали высокий процент лексической общности обоих языков. По определению Т. М. Гарипова, этот показатель достигает 96 % (Гарипов, 1972, стр. 266). Ф. С. Фасеев относит башкирский и татарский языки к группе тюркских языков, «имеющих в среднем до 70–85 % общетюркского корневого фонда»; однако в пределах этой группы они обнаруживают особенно «большую лексическую общность» (Фасеев, 1969, стр. 46). Специфика башкирской и татарской лексики изучена недостаточно, однако замечено, что башкирская лексика имеет исторические связи с некоторыми восточнотюркскими (алтайским, хакасским, тувинским) и монгольскими (бурятским) языками, в то время как татарский лексикон тяготеет к средневековому кыпчак-половецкому миру.

Общие и различительные признаки башкирского и татарского языков хорошо просматриваются в области фонетики. Системы вокализма обоих языков чрезвычайно близки; «Полностью общими для них являются фонемы *а, э, е, ы, 0* (нуль звука); частично общими являются фонемы *и, о, ө, у, ү...*» (Гарипов, 1972а, стр. 85). «Все эти 10 фонем, — по важному заключению Т. М. Гарипова, — исторически следо-

вало бы причислить к исконному состоянию кыпчакских языков Урало-Поволжья с их дифференциацией по племенным наречиям и родовым говорам, в которых они (фонемы) могли присутствовать или отсутствовать как вместе, так и порознь» (Гарипов, 1972а, стр. 85). Что касается наблюдений над сравнительным консонантизмом башкирского и татарского языков, то и здесь исследователи склонны предполагать «большое материальное сходство кыпчакских языков Урало-Поволжья в области количественного и качественного состава согласных» (Гарипов, 1972а, стр. 104), хотя отмечаются и существенные расхождения, к природе которых мы ниже вернемся. Пока подчеркнем, что соответствия в башкирском и татарском языках в области вокализма являются, с одной стороны, следствием кыпчакского этапа этнического развития обоих народов, с другой — результатом исторического влияния булгарского языка на вокализм и, вероятно, отчасти консонантизм ряда кыпчакских языков. В башкирском и татарском языках булгарское влияние сказалось в приобретении гласных неполного образования *e, ы, в, о* (Баскаков, 1952, стр. 39); в башкирском языке наблюдаются также остаточные рефлексy ротацизма вроде *h        — h       * ‘бесчувственный’ (Гарипов, 1972а, стр. 206).

Отмеченные особенности нашли отражение в отнесении татарского и башкирского языков к кыпчакско-булгарской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков. Эта рубрикация, предложенная Н. А. Баскаковым в соответствии с его историко-генеалогической классификацией тюркских языков, учитывает особенности этнической истории татар и башкир, в которой булгарский и кыпчакский периоды характеризуются и по историко-этнографическим данным как определяющие. В последнее время возрождаются классификации тюркских языков, построенные по географическому принципу: татарский и башкирский языки относятся к волго-камско-западносибирской (Menges, 1968) или урало-поволжской (Гарипов, 1972) подобности кыпчакских языков. Если эти классификации подразумевают территориальную специфику кыпчакских языков Урало-Поволжья, они также отражают одну из сторон реальной действительности. Кыпчакские языки, по наблюдениям специалистов, расчленяются по региональным признакам на две крупные подгруппы: восточнокыпчакскую, или арало-каспийскую (казахский, каракалпакский и др.), и западно-кыпчакскую, или кавказско-дагестанскую (кумыкский, карача-евско-балкарский, ногайский и др.). Урало-поволжская подобность кыпчакских языков, по определению Т. М. Гарипова, занимает между ними «промежуточное положение» (Гарипов, 1972а, стр. 204). Исторические данные не противоречат этим выводам. Археологами давно замечено, что в XIII–XIV вв. в Нижнем Поволжье сложился локальный вариант половецкой кочевнической культуры. Своеобразие этой культуры начало формировать-

ся еще в предшествующую эпоху печенежско-торческого господства в Поволжских степях. Накануне распада Золотой Орды кыпчакское население Нижнего Поволжья по культурным признакам также составляло переходную группу между половецко-кыпчакскими племенами Казахстана и южнорусских степей (Федоров-Давыдов, 1966, стр. 141–160; 1969, стр. 253).

Различия между башкирским и татарским языками затрагивают, как упоминалось, преимущественно область консонантизма. Специфические диалектные сочетания *рт*, *нт*, *лт*, *мт*, характерные в основном для западнотабынских башкир и балыкчинцев, восходят к древнетюркской общности и встречаются в енисейско-орхонских памятниках. Башкирский язык «своими фонетическими чертами в области консонантизма, — пишет Н. А. Баскаков, имея в виду указанные диалектные сочетания, — связан... с далекой восточной ветвью тюркских языков, т. е. с такими языками, как язык древних тюрков, как язык якутский, хакасский, связи с которыми у башкир были в весьма древнее время» (Баскаков, 1960, стр. 163). Оживленную дискуссию среди лингвистов вызвал вопрос о природе специфических для башкирского языка согласных *ç*, *з* и *һ*. Н. К. Дмитриев объяснял их происхождение влиянием иранского субстрата (Дмитриев, 1948, стр. 9); Т. Г. Баишев видел в башкирском *һ* следы взаимодействия с монгольским языком (Баишев, 1955, стр. 13–14); Б. А. Серебренников допускал возможность появления башкирских *ç* и *з* как следствия древних тюрко-угорских языковых контактов (Серебренников, 1963, стр. 17–18); по мнению Дж. Киекбаева, башкирские *ç*, *з* и *һ* развились самостоятельно из древнетюркских звуков *с*, *з*, *д*, *т* (Киекбаев, 1958, стр. 11). В свете историко-этнографических источников происхождение согласных *ç*, *з* и *һ* в башкирском языке невозможно решать однозначно. Если в диалекте юго-восточных башкир, основу которых составляли древнебашкирские племена (бурзян, усерган, тангаур и др.), происхождение этих фонем можно связывать с тюрко-иранскими или тюрко-иранско-угорскими контактами в Средней Азии и Западной Сибири в I тыс. н. э., то фонетическую специфику, например, сальютского говора северо-восточных башкир надо решать с учетом монгольского происхождения сальютских, китайских родоплеменных образований и их сравнительно поздней миграции из районов Центральной Азии и Семиречья на запад.

Как видно, в области консонантизма и отчасти лексики башкирский язык обнаруживает общность не с татарским языком, а с обширным зауральским языковым миром, включавшим тюркские, монгольские, а в историческом аспекте — иранские и угорские образования. В этой, уходящей далеко в глубь веков, общности заключается основное отличие башкирского языка от татарского. Происхождение специфичес-

ких явлений консонантизма башкирского языка невозможно объяснить лишь этнокультурными связями или влиянием. Безусловно, здесь мы имеем дело с процессами этногенеза, диахроническая шкала которых охватывает почти полуторатысячелетнюю историю далеких предков башкир. Это убедительно иллюстрируется изложенными в гл. IV–VII материалы по истории башкирских родоплеменных групп. Но те же материалы показывают, что упомянутые особенности в консонантизме башкирского языка не являются всеобщими. Они в различной степени характерны для южного и северного диалектов; в рудиментарных формах — для северо-западного диалекта, а в пределах диалектов — тем или иным говорам. Можно предполагать по некоторым признакам, что специфические для башкирского языка консонантизмы прежде были распространены в пределах башкирского этноса более широко (включая различные группы северо-западных башкир), но в результате многовекового интенсивного взаимодействия с поволжским кипчакским миром постепенно сложилась современная языковая ситуация.

Кыпчакское направление языкового развития в Башкирии началось задолго до начала монгольского нашествия, но резкие различия в масштабах домонгольской и более поздней кыпчакской миграции говорят о решающей фазе кыпчакизации башкирского языка в послемонгольскую эпоху. На карте 18 показано расселение в XVII–XIX вв. кыпчакской, катаякской, табынской и минской родоплеменных групп. В основных чертах контуры этой карты сложились к началу XV в. Кыпчакские и кыпчакизированные образования, как видно, присутствовали во всех частях Башкирии. Это свидетельствует как о значительной численности кыпчакской миграции, так и о ее инкорпорации в состав любой этногеографической группы башкир. Рядом языковедов была высказана гипотеза о возможной смене языка башкир в XIV–XV вв. «с одной из древневенгерских форм» на «современный тюркский». В последнее время наиболее отчетливо эту идею сформулировал Д. Деци (Décsy, 1965, стр. 149). В свете историко-этнографических и историко-лингвистических данных в Башкирии действительно в эту эпоху произошли языковые изменения. Но речь, однако, может идти не о смене «древневенгерских форм» на тюркские, а о завершении перестройки древнебашкирского языка, возникшего в печенежской среде и испытывавшего воздействие булгарского, на кыпчакской языковой основе.

Крупную роль «поздних кочевников» Дешт-и-Кипчака в формировании башкир подчеркивают и результаты антропологических исследований, которые отмечают «увеличение роли монголоидных элементов» в расовом типе народов Средней Азии, Казахстана и Восточной Европы в конце I и в первых столетиях II тыс. н. э. (Дебец, 1956, стр. 5). Имеющиеся, пока очень небольшие, краниологические материалы, ос-

мысленные на фоне историко-этнографических материалов, позволяют предполагать, что в XIII–XIV вв. произошел некоторый сдвиг в развитии физического типа башкир в сторону монголоидности за счет притока кыпчакских и кыпчакизированных племен, принадлежавших к северо-западному варианту южносибирской малой расы. Это было отмечено еще А. В. Ошаниным (1957, стр. 90–91). Недавно к такому же заключению пришел В. П. Алексеев: «Когда, — ставит он вопрос, — этот юго-восточный по происхождению, центральноазиатский или южносибирский по типологической принадлежности, монголоидный компонент проник на территорию Башкирии?» И отвечает: «Рассуждая априори, можно назвать в первую очередь эпоху средневековья, а точнее — время татаро-монгольского нашествия», так как более ранние палеоантропологические материалы с территории Башкирии подсказывают именно этот вывод (Алексеев, 1971, стр. 252). В восточной Башкирии, где после переселения древнебашкирских племен с Бугульминской возвышенности дальнейшее смешение башкир с европеоидными типами населения приостановилось, монголоидные черты в физическом облике башкир закрепились. В западной и северной Башкирии в антропологической характеристике башкир сохранилась преемственная связь с предшествующим населением. Однако и восточные башкиры, будучи представителями южносибирского антропологического типа, заметно отличаются от соседних казахов более слабой выраженностью монголоидности (Акимова, 1971, стр. 40). Это является результатом смешения еще в Приуралье кыпчакской волны кочевников с древнебашкирским этносом, в физическом типе которого степень европеоидности до XIII в. должна была быть выше.

Роль кыпчакского компонента в формировании башкир и башкирского языка сейчас никто не отрицает, однако в определениях времени и масштабов кыпчакского участия в этногенезе башкир имеются заметные расхождения. Существует мнение, что решающая фаза кыпчакского влияния на башкирский этногенез и глоттогенез относится ко второй половине или концу I тыс. н. э., когда кимако-кыпчакские племена, судя по некоторым восточным источникам, продвинулись далеко на запад, вплоть до Южного Урала. Сторонники этой точки зрения считают, что в конце I тыс. н. э. формирование башкирского народа в основном завершилось (Мажитов, 1971, стр. 15), что невозможно, однако, подтвердить источниками. При решении этого вопроса важно иметь в виду этническую историю башкир во всей ее совокупности, иначе исследователь рискует оказаться в плену какого-либо фрагмента этноисторического процесса. В. И. Ленин писал о необходимости «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь

стала теперь»⁴. На основе фактических материалов, представленных во втором разделе исследования, историю кыпчакского воздействия на формирование башкирского этноса можно схематично расчлениить на четыре этапа: а) до VII–VIII вв.; кимако-кыпчакское воздействие сказывалось преимущественно на племенах прииртышских, присырдарьинских степей и Семиречья, часть которых впоследствии мигрировала на запад, в том числе в Приуралье; б) IX–X вв.; печенежско-торческие объединения в Нижнем Поволжье испытывают возрастающее кыпчакское влияние, распространившееся в определенной степени и на приуральско-волжскую периферию степного мира; в) XI — начало XIII в.; период кульминации процесса кыпчакской интеграции различных по происхождению степных племен в Дешт-и-Кипчаке; начало активного проникновения кыпчакских и кыпчакизированных групп в Приуралье и Зауралье, что предопределило кыпчакское направление развития этноязыковых процессов в Башкирии; г) XIII–XV вв.; эпоха массовой миграции в Волго-Уральский район кыпчакских и кыпчакизированных племен; завершение формирования на базе взаимодействия новой кыпчакской миграционной волны с предшествующим населением кыпчакско-булгарской или урало-поволжской подобности кыпчакской группы языков. Этот последний этап в этноисторическом плане мало разработан, хотя он является по существу эпохой формирования башкирского и татарского языков с очень близкой или общей лексической основой и системой вокализма.

Итак, решающий момент завершающего этапа этногенеза башкир падает на XIII — начало XV в., когда в процессе распада Золотоордынского государства бурно развиваются процессы межплеменного взаимодействия, скрещения, этнокультурной консолидации новых образований. Эти события выталкивают из южных степей в Приуралье уже сильно интегрированные племена кыпчакского этнического мира, которые послужили этнографической базой формирования и ряда других тюркских народов Средней Азии и Восточной Европы. Смешение и взаимодействие племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселение смешанных групп в пределах территории нынешней Башкирии (карта 18) привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа. Наряду с кыпчакским наслоением этническую специфику башкир предопределили более древние этапы в их этнической истории, главным содержанием которых было смешение и консолидация древнебашкирских племен с булгаро-магьярскими, а также финно-угорско-самодийскими и сармато-аланскими родоплеменными образованиями.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 67.

БАШКИРИЯ ПОД ВЛАСТЬЮ ФЕОДАЛЬНЫХ ХАНСТВ. НАПРАВЛЕНИЕ ЭТНИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в.

Башкирия в XV — начале XVI в.

Золотая Орда, раздираемая внутренними противоречиями, в конце XIII — начале XIV в. распалась на две части. Восточная часть, включавшая всю полосу степей от Урала до Западной Сибири, по словам Анонима Искандера (XV в.), «утвердилась за потомками Ногая» и получила название Белой орды (Ак-Орда); западная, или «правое крыло», вобравшая территорию Поволжья и к западу до Крыма, досталась «потомкам Тохтая» (Тизенгаузен, 1941, стр. 127). Попытка Тохтамыша возродить в конце XIV в. единство и былую мощь Золотой Орды окончилась неудачей. Внутренние социально-экономические процессы в кочевой степи, выражением которых были прогрессирующие феодальные распри и междоусобицы, привели в первой половине XV в. к образованию на развалинах Золотоордынского государства ряда феодальных ханств. Территория Башкирии оказалась на стыке трех политических образований. На Волге возникло Казанское ханство, где основалась династия одного из последних ордынских ханов Улуг-Мухамеда. На огромной территории Волго-Яицкого междуречья и зауральских степей обособляется Ногайская орда, власть в которой захватил хан Едигей. В Западной Сибири, по Тюмени, Тоболу и Ишиму, появляется Сибирское ханство, где сначала властвовали ханы из местной улусной знати из «Тайбугина рода», а в начале второй половины XVI в. утвердилась узбекская династия шейбанидов⁵.

Территория Башкирии подпала главным образом под владычество ногайских ханов. Сфера и характер политического влияния Казанского и Сибирского ханств в Башкирии остаются не вполне ясными. Распространенные представления о том, что западная и северо-западная области Башкирии были подвластны Казанскому ханству, северо-восточная — Сибирскому, а южная и центральная — Ногайской орде (ОИБ, 1956, гл. II), схематичны и нуждаются в уточнении.

Политическое и хозяйственно-культурное влияние Казанского ханства на башкир, безусловно, было значительным. Это влияние в XV — первой половине XVI в. вновь находит общую для казанских татар и башкир этническую базу в крупной роли кыпчакского компонента в формировании обоих народов, хотя хозяйственные, политические и со-

⁵ Ханы из дома шейбанидов в источниках чаще известны под названием Кучумовичей — по имени первого хана династии Кучума. Об истории Башкирии в XV — первой половине XVI в. см.: Кузеев, Юлдашбаев, 1957.

циальные линии развития татар, унаследовавших многие традиции оседлой и земледельческой культуры волжских булгар, заметно отличаются от социально-политической судьбы кочевников-башкир. Башкирская территория, которая находилась под постоянным или длительным протекторатом казанских ханов, была, однако, невелика. Судя по историко-этнографическим данным, она ограничивалась средним и нижним течением Ика, долиной Мензели, низовьями р. Белой и прилегающими районами левобережья Камы. Нет никаких данных, которые показывали бы господство казанских ханов на более обширной территории. Постоянно занятое активной политикой на западе и борьбой с Русью, от чего зависело само существование Казанского ханства, оно не стремилось и было не в состоянии распространять свое владычество далеко на восток. Лишь эпизодически, в зависимости от взаимоотношений и характера соперничества с ногайскими ханами, казанские правители напоминали о своей силе, посылая в глубь Башкирии военные отряды. Некоторые из них достигали в центральной Башкирии района г. Уфы (Усманов, 1960, стр. 52), где обычно располагалась ставка местного ногайского владетеля. Основная же политическая линия казанских ханов в отношении башкир заключалась в стремлении привлечь воинственных кочевников к борьбе, которую они вели с набиравшим мощь молодым Русским государством. Характер подобных взаимоотношений, которые в свое время Н. В. Устюгов обозначал термином «свободный вассалитет» (Устюгов, 1950), хорошо иллюстрируется историей военной службы племен иркте и других башкирских родоплеменных групп казанскому хану в обмен на тарханные грамоты с земельными и иными привилегиями, которая получала башкирская аристократия. Именно этим обстоятельством объясняется появление в XV в. в долине Ика — на старых башкирских землях — табынцев, бурзян, минцев, кыпчаков, тамьянцев, тангауров и др. Небольшие группы башкир из этих племен оставались на Ике еще в XVIII в. Существенным моментом является поступление на службу к казанским ханам и переселение к границам ханства восточных башкир, расселявшихся к этому времени на территории, подвластной Ногайской орде. Это означает, что в Волго-Уральском регионе какое-то время продолжала действовать традиционная для кочевников феодальная система выбора сюзерена, влияние которого не всегда ограничивалось лишь территорией его непосредственного владычества. На наш взгляд, служба некоторой части башкир из юго-восточных (древнебашкирских) племен казанскому хану была инерцией их более древних взаимоотношений с правителями Волжской Булгарии.

В целом пребывание в составе Казанского ханства самых западных районов Башкирии, его политическое и экономическое (преимущественно торговое) влияние на более обширной области, военная служба части башкир в составе казанских войск, что подтверждается

многими источниками⁶, явились предпосылкой начавшегося в XVI в. этнического смешения западных башкир с переселявшимися к востоку татарами. Дальнейшее развитие этого процесса имело следствием изменение в XVII–XIX вв. направления этнического развития значительной части западных и северо-западных башкир в сторону татаризации и формирование татарской этнографической группы типтярей. Указанная хронология башкиро-татарского этнического взаимодействия подтверждается и анализом гидронимического материала. Татарских гидронимов в Башкирии по сравнению с башкирскими очень мало, что может быть объяснено стабилизацией башкирской гидронимической системы до начала активной миграции татарского населения в Приуралье (Камалов, 1969, стр. 19).

Политическое влияние Сибирского ханства на башкир до середины XVI в. было незначительным. В период возвышения ханства башкирское население в Зауралье было малочисленным, а на территории Урала и тем более дальше на запад власть сибирских владетелей не распространялась. Сибирские татары совершали периодические набеги на башкирские кочевья, жестокость и разорительность которых отложились в сказаниях и преданиях (Усманов, 1966, стр. 57–62). Однако подвластность северо-восточной Башкирии сибирским ханам и зависимость от них башкир источниками подтвердить невозможно. Лишь с середины XVI в., в связи с активизацией русской политики на востоке, походами Ермака и наступлением Русского государства на Сибирское ханство, часть зауральских башкир (табынцы, катаянцы, салъянты, сынрянцы, терсяки и др.) была вовлечена (порой насильственно) в борьбу на стороне Кучумовичей. В этот период сибирским правителям удалось подчинить своей власти некоторую часть северо-восточных башкир, однако политическое господство Кучумовичей здесь было не стабильным и непродолжительным.

Главным политическим фактором для Башкирии XV — первой половины XVI в. было ногайское господство. Основное население Ногайской орды составляли племена, некогда (в XIII в.) входившие в состав войск Ногая — золотоордынского темника из рода Джучи. Племя мангыт, из которого происходил Ногай, смешалось с тюрками и полностью кыпчакизировалось. В конце XIV — начале XV в. ногайские ханы стали властвовать на всей территории Волго-Яицкого междуречья, а на севере их господство распространилось на большую часть Башкирии: к западу от Уральского хребта оно достигало нижнего течения

⁶ Кроме исторических сказаний башкир об «обороне Казани», «походах на Москву» и т. д., с военной службой башкир казанским ханам связано упоминание в русских летописях «башкирдов» вместе с «казанцами» и «можарами» в конце XV в. на правобережье Волги (Вельяминов-Зернов, 1859, стр. 112).

р. Белой, в Зауралье — верховьев Яика и Ая. В первой половине XVI в. Ногайское ханство распалось на две самостоятельные орды: Большую и Малую. Башкирия осталась под властью Большой Ногайской орды (Усманов, 1960, стр. 40–49).

Отношения ногайских ханов и мурз, считавших себя наследниками золотоордынской власти, с башкирами базировались на формуле господства и подчинения. Гнет ногайской знати был настолько тяжелым, что в XV в. наблюдается дальнейший отлив башкирского населения с юго-западного Приуралья на север Башкирии. В середине XVI в. А. Дженкинсон огромную территорию по левобережью Волги от устья Камы до Астрахани называет «землею ногаев». Река Самара, долина которой была районом древних кочевков башкир, по его словам, также «течет через ногайскую землю» (Дженкинсон, 1937, стр. 169–170). Английский путешественник имел в виду, очевидно, политическое господство Ногайской орды. В этом смысле часть башкир, занимая старые земли, расселялась теперь уже «на ногайских землях». В то же время законы степей были суровы: победителям всегда принадлежали лучшие пастбища, особенно пригодные для зимних тебеневок. Этими качествами обладали лесостепное Приуралье и приаякские степи в Зауралье до Тургайской возвышенности. На всем этом пространстве стали господствовать ногайские ханы. «Из актов, относящихся ко времени царствования Ивана Васильевича, видно», что «ногайские владетели» в районе Приуралья «кочевали в тех местах, где ныне [стоит] город Уфа», и на всем «протяжении долины р. Демы» (Новиков, 1879, стр. 8). Часть оставшихся здесь башкир в XV в. была вновь оттеснена ногайцами на север, в леса нижеберельской долины и в горы. Те, которые не ушли из Приуралья, стали подданными ногайских ханов, платили им тяжелый ясаk, а в первой половине XVI в., судя по источникам, вступили с ними в ожесточенную борьбу.

С эпохой ногайского господства в Башкирии совпадают сведения о дальнейшем продвижении башкир на север, в область Пермских земель. К XV в. относятся сообщения, что башкиры достигли «Чулымана» (т. е. Камы) и областей «Сибирь и Ибирь». «Страны Сибирские и Чулыманские, — передает Ибн-Фадлах ал-Омари, — прилегают к башкирдам» (Тизенгаузен, 1884, стр. 238). Продвижение башкир (племена гайна, танып, уран, балыксы, катая, сальют, сызгы, упей и др.) на север было постепенным. По словам епископа Пермского Дионисия, башкиры и татары «сделались жителями опустелых земель Перми, особливо южной части оных» лишь после падения Казани в 1552 г.⁷

⁷ «Исторический, статистический и географический журнал», ч. 4, кн. 2. СПб., 1825, стр. 84. Подробно о северных границах башкирских земель в XVI в. см.: Кузеев, 1957, 1968в.

Дальнейший отлив в эпоху ногайского господства башкирского населения из юго-западного Приуралья и активное проникновение его в северные земли были продолжением миграционных процессов, получивших особенный размах в XIII–XIV вв. Таким образом, в XIII–XV вв. Древняя Башкирия практически перестает существовать, постепенно трансформируясь в новую страну, гораздо более обширную, однако чрезвычайно разнородную по природно-географическим условиям и расчлененную в политическом отношении.

Этнические процессы в Башкирии до середины XVI в.

Более чем столетнее господство Ногайской орды в южной и центральной Башкирии, расширение территории расселения башкир — на севере предопределили основные направления этнических процессов в различных областях башкирских земель в XV — первой половине XVI в. Ногайское движение в Башкирию в историческом плане было по существу продолжением миграции кыпчакских племен предшествующего периода. Однако к рубежу XIV–XV вв. различия между крупными этнополитическими образованиями в зоне расселения тюркских народов в Средней Азии, Казахстане и Восточной Европе уже стабилизировались, и контакты между башкирами и ногайцами носили характер взаимовлияния, которое сопровождалось инкорпорацией отдельных ногайских групп в башкирскую этническую среду. Было бы неправильно представлять взаимоотношения башкир и ногайцев враждебными на всем протяжении пребывания последних в Башкирии. В истории ногайцев и башкир, особенно в середине XVI в., действительно было много жестоких столкновений. Собственно присоединение ряда крупных башкирских племен (мин, юрматы и др.) к Русскому государству было в значительной степени следствием этой борьбы. Однако исторички, главным образом этнографические, заставляют обратить внимание и на другое: длительное соседство или пребывание на одной территории, близость языка, взаимодействие на базе родственной кочевой культуры обуславливали достаточно высокую активность этнических контактов ногайцев с башкирами.

Масштабы ногайско-башкирского этнического смешения наиболее значительными стали в середине XVI в., когда историческая судьба ногайцев круто изменилась. Ногайские правители, ослабленные многими десятилетиями междоусобицы и непрерывной борьбы, пережившие с большим уроном небывалые голод и чуму, поразившие в конце 1540-х годов все Поволжье, были не в состоянии удержать власть перед лицом развертывающейся активности восточной политики Русского

государства и подъема освободительной борьбы башкир против ногайского господства. Ногайские родоплеменные группы, кочевавшие в Башкирии, после падения в 1552 г. Казани покинули прежние места кочевок и, увлекая за собой часть башкир, переселились в низовья Волги и на Северный Кавказ. Но ушли не все ногайцы; вернулась также большая часть перекочевавших на юг башкир (БШ, стр. 108). Оставшиеся в Башкирии ногайские группы явились одним из компонентов башкирской народности на самых поздних, заключительных стадиях башкирского этногенеза. Ассимиляция ногайских групп в башкирской среде прошла быстро: уже в конце XVI в. ногайцы в Башкирии, по свидетельству шежере, «назывались иштяками» (БШ, стр. 70). Кроме того, длительным господством ногайцев в Башкирии и довольно значительными масштабами башкиро-ногайского смешения объясняется распространенный в прошлом среди среднеазиатских народов обычай называть башкир «нугаями» (Новиков, 1879; Соммье, 1891).

Ногайские группы ассимилировались преимущественно в составе южных башкир. Об этом свидетельствуют названия родов ногай-юрматы, ногай-кыпчак, ногай-бурзян. Подразделения ногай, ногайлар, кызыл-ногай и т. п. зафиксированы на всей территории юга и юго-востока Башкирии, хотя встречаются они и в зауральской Башкирии. Значительные группы ногайцев остались в долине р. Демы, где они вскоре влились в состав минских родов. Еще в XVIII–XIX вв. здесь было зафиксировано более десятка названий деревень, местностей с элементом *ногай*. В состав минцев входит семь родовых подразделений нугай или нугайлар. Относительная быстрота и легкость ассимиляции ногайцев в башкирской среде объясняется общностью мощного кыпчакского компонента в этническом формировании обоих народов. В составе башкир и ногайцев имеется целый ряд этнонимических параллелей, восходящих к кыпчакской эпохе: кыпчак, канлы, туркмен, найман, бадрак, таз, мин, кырк, миркит.

Отмечая довольно заметный удельный вес ногайского компонента в составе башкир, мы не склонны в то же время преувеличивать его значение в формировании народа. Такая оговорка необходима, так как в исторических сочинениях, начиная с П. И. Рычкова, довольно часто повторяется мысль о том, что башкиры «производят себя от ногайцев». Ногайские группы сыграли определенную роль в сложении этнического состава башкир, в стабилизации «степной» культуры, в формировании «ногайского» пласта башкирского фольклора. Однако, как сказано, ко времени начала активной фазы башкиро-ногайского взаимодействия основные этнокультурные признаки башкирского этноса были уже сформировавшимися. Принадлежность современного ногайского языка к кыпчако-ногайской, а башкирского — к кыпчако-булгарской под-

группам кыпчакских языков подтверждает это заключение, сделанное на основе историко-этнографических материалов.

На севере Башкирии, от бассейна Быстрого Таныпа до Пермских земель на Тулве, Сылве, Бисерти, верховьев Чусовой этнические процессы в рассматриваемую эпоху развивались в направлении ассимиляции местного населения. В западной части очерченного района, по Каме и ее притокам, обитали предки удмуртов и коми, восточнее — угры, преимущественно, видимо, мансийское (вогульское) население. По источникам XVI–XVII вв. отчетливо прослеживаются этнические контакты и смешение башкир с уграми. В XVII в. «вогулы» часто упоминаются в Верхотурском, Кунгурском, Красноуфимском уездах (МИБ, 1936, стр. 72, 73, 87 и др.). Как установил А. Ф. Теплоухов, угры в XV–XVI вв. жили и значительно западнее, и даже «к западу от Камы» (Теплоухов, 1960, стр. 270). На Тулве — основном районе расселения гайнинских башкир — вогульские поселения в ту эпоху были довольно многочисленны (Дмитриев, 1898, V, стр. 98). Имеются основания предполагать, что район расселения или охотничьи угодья вогулов распространялись на юг до верховьев Таныпа; среди вогулов и остяков, в 1611 г. упомянутых среди ясадного населения Пермских земель, перечислены «чусовские, сылвенские, иренские и таныпские» (Теплоухов, 1924, стр. 94). В XVI–XVII вв. на всем севере Башкирии башкиры и вогулы нередко выступают совместно в земельных спорах, припусках, договорах. Примечательно то, что в ряде документов вогулы называют себя башкирскими именами и объявляют выходцами из той или иной родоплеменной организации башкир. В 1639 г. «Жалоба башкирского сотника Ишимбая Кулушева» верхотурскому воеводе подписана «ясадным вогулятиным Ишимбайкой» (МИБ, 1936, стр. 73). В конце XVI — начале XVII в. башкиры и вогулы участвовали вместе с сибирскими татарами в набегах на русские поселения в верховьях Чусовой и по Исети. По заключению А. Ф. Теплоухова, вогулы и остяки, расселявшиеся в южной части Пермской губернии, к началу XVII в. «обашкирились» (Теплоухов, 1924, стр. 85).

Исторические сведения об ассимиляции северными башкирами финно-угорского населения дополняются этнографическими данными. Часть родоплеменной этнонимии северных башкир, особенно названия мелких родовых подразделений, носит явный отпечаток местного происхождения (ваныш или уваныш, варяш, ирья, бисер и др.). В этом же аспекте надо оценивать рассмотренные выше предания и сказания башкир о предках — арах (удмуртах), черемисах, перешедших из язычества в ислам. Еще в XVIII — начале XIX в. среди осинских, пермских и красноуфимских башкир наряду с господством мусульманства бытовали языческие обряды, характерные для финно-угорских

народов. Пермские башкиры, например, приносили жертвы, по выражению Н. Попова, «черным духам», соблюдали ритуальный обряд в роще с обильным обедом из мяса жертвенного животного после весенней страды, имели «идолов, которым поклонялись», и т. д. (Попов, 1831, стр. 2–3; см. также Небольсин, 1852, стр. 18).

Как исторические, так и этнографические материалы показывают, что в этническом взаимодействии с финно-угорским населением северные башкиры имели преимущественное языковое и культурное влияние. Однако процесс языковой и особенно культурной ассимиляции местных племен был довольно длительным, и следы принадлежности части предков северных башкир к нетюркскому этнокультурному миру обнаруживаются исследователями до настоящего времени. Смешение с финно-уграми имело, по наблюдениям антропологов, заметные последствия для дальнейшего формирования физического типа северных башкир, в котором обнаруживаются черты, сближающие их, с одной стороны, с финнами Поволжья и Прикамья, с другой — с западно-сибирскими народами уральского антропологического типа (Руденко, 1955, стр. 338–339; Вишневский, 1960, стр. 257–258).

В целом этнические процессы в XV — первой половине XVI в., оставив заметный след в этнической характеристике башкирского народа и углубив региональные различия между этнографическими группами башкир, основные контуры которых к этому времени сложились, уже не могли изменить определившиеся в предшествующую эпоху пути консолидации башкирских племен в единую народность.

БАШКИРСКОЕ ОБЩЕСТВО В XV — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI в. ПРИСОЕДИНЕНИЕ БАШКИРИИ К РУССКОМУ ГОСУДАРСТВУ И СЛОЖЕНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ

Основные направления и этническая специфика хозяйственного развития башкир

Приливы кочевников в Башкирию постоянно питали кочевое хозяйство и кочевую культуру ее населения. Гильом Рубрук, описавший Башкирию вскоре после ее подчинения власти монгольских завоевателей, характеризует башкир как «пастухов, не имеющих никакого города» (Г. Рубрук, 1957, стр. 122). Через столетие, в середине XIV в., башкиры оставались кочевниками. Это мы узнаем из сочинения Ибн-Фадлаха ал-Омари, который, рассказывая о Золотой Орде, перечисляет среди ее подданных «тюркский народ на крайнем севере», который

живет «в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину» (Тизенгаузен, 1884, стр. 229). В середине XVI в. А. Дженкинсон, побывавший в стране «по левую сторону Волги от Камы до Астрахани», пишет, что жители этой страны — «скотоводы и имеют большое количество скота, который и составляет их главное богатство». Они «едят много мяса, преимущественно конского, и пьют кобылье молоко» (Дженкинсон, 1937, стр. 169, 170). Источники, которые исходят от самих башкир (шежере, предания и легенды), с еще большей определенностью говорят о том, что скотоводство вплоть до присоединения Башкирии к Русскому государству оставалось основой хозяйства башкир (БШ, стр. 32, 73, 78 и др.).

Заключение об устойчивости кочевого скотоводства у башкир в XIII–XVI вв. не означает, что в их хозяйстве в течение нескольких столетий не происходило никаких сдвигов. Напротив, они оказались довольно существенными. Наиболее серьезными были изменения в самом кочевом скотоводстве, точнее — в формах его ведения. Иной стала в жизни башкир и роль такого традиционного занятия кочевников, как охота.

Формы ведения скотоводческого хозяйства устанавливаются на протяжении многих столетий. Чтобы изменить устоявшиеся традиции, необходимы серьезные экологические, экономические или политические причины. Такие причины в Башкирии были: во-первых, башкиры, постепенно продвигаясь к северу и в горнолесные районы Урала, оказались под воздействием новых природно-географических условий; во-вторых, в результате кыпчакского наплыва резко возросла численность населения в Приуралье; в-третьих, XIII–XVI века были насыщены крупными историческими событиями, которые сначала, в предмонгольскую эпоху, изолировали башкир от привычных кочевых маршрутов в южные степи, а позднее, с началом монгольского нашествия, заставили башкирские племена откочевать в районы, малопригодные для круглогодичной кочевки; в-четвертых, башкиры смешивались на новых землях с племенами, которые имели свои собственные, преимущественно охотничье-лесные хозяйственные традиции. Кочевое хозяйство как основа башкирской экономики сохранялось и в эту эпоху, тем более что завоеватели в XIII в. также были кочевниками, но в то же время под воздействием указанных факторов в соотношении различных занятий и в способах ведения хозяйства происходят изменения.

Главным последствием активной миграции кочевников в Башкирию и передвижений на новые земли было значительное сокращение дальности и продолжительности кочевок. Превращение лесных и горно-лесных районов в места постоянного расселения само по себе требо-

вало приспособления хозяйства к новым условиям или его перестройки. Сначала на этих землях, особенно на горных пастбищах Южного Урала, находились лишь летовки, куда скот перегоняли на несколько жарких месяцев. Карагай-кыпчакское предание, например, рассказывает, что на Урале «в древности не было аулов; стада пригонялись сюда только на джайлау»⁸. Позднее, когда лесные и горно-лесные районы были заселены башкирами, положение меняется: кочевники зимой, оставаясь сами на одном месте, отгоняли табуны тебеневать на склоны гор, небольшие возвышенности; с ранней весны башкиры кочевали вместе со стадами на горных или лесных пастбищах, т. е. сравнительно недалеко от постоянных зимних поселений.

В XV–XVI вв. расстояния кочевых маршрутов были совершенно непохожи на те, которые преобладали в X–XII вв., когда хозяйственные связи древнебашкирских племен с южными степями были еще реальностью. Зимние передвижения кочевников, постепенно сокращаясь, сошли во многих случаях на нет. Лишь в степных просторах Зауралья, да в южных самарских степях в XVI в. башкиры продолжали кочевать круглый год, имея возможность перегонять стада далеко на восток вплоть до Тобола, или на юг, в Волго-Яицкое междуречье. В целом же период с XIII по XVI в. характеризуется постепенным переходом башкир от кочевого скотоводства к полукочевому с более или менее длительным пребыванием в зимнее время на одном месте. Это вело к стабилизации границ родоплеменных территорий, к углублению и развитию хозяйственной деятельности на одной и той же земле, к кристаллизации специфических черт культуры по регионам и т. д. Все это формировало чувство привязанности к родине и тесной взаимосвязи с окружающими родственными племенами. Переход башкир от кочевого хозяйства к полукочевничеству был одной из предпосылок завершения формирования башкирской народности. В более широких масштабах Евразийских степей нарастающие темпы этнической консолидации ряда тюркских народов в X–XV вв. были неизбежно связаны с сокращением масштабов дальних миграций и перекочевков, относительной стабилизацией территории, на которой концентрировалась хозяйственная практика данного этноса.

Древнейшее занятие башкир — охота. «Наиболее многочисленную, *таежную* группу» приемов и орудий охоты у башкир составляют преследование зверя на лыжах по насту или глубокому снегу, ловля их ударными капканами или ловушками, стрельба из лука и другие, характерные в XIX в. и раньше для северной горно-лесной части Башкирии. За пределами Башкирии эти виды охоты издрев-

⁸ Научный архив БФАН СССР, ф. 3, оп. 23, д. 7, стр. 116.

ле были широко распространены во всей лесной полосе к западу от Урала, среди народов Волго-Камского бассейна (удмуртов, мари, татар, чувашей, а также русских) и среди племен «средней Оби» (манси, ханты). «Степная группа» охотничьих приемов у башкир, характерная вообще для «азиатских кочевников-скотоводов», заключалась в охоте гоном (преследование зверей верхом на лошадях), с ловчими птицами (соколами, беркутами и др.). Эти виды охоты в XIX в. были распространены в степной и лесостепной частях Башкирии, главным образом в степях Зауралья (Руденко, 1955, стр. 94–95; курсив наш. — *Р. К.*).

Сочетание приемов охоты, характерных для таежной и степной зон, — глубоко традиционное явление, обусловленное географическим положением Башкирии в переходной зоне лесов и степей и участием в этногенезе башкир племен, принадлежавших к различным хозяйственно-культурным областям. Соотношение таежно-лесного и степного видов охоты в Башкирии в разные эпохи было, конечно, различным.

Тюркские кочевники принесли с собой азиатские, облавные способы охоты гоном, с помощью ловчих птиц и т. п. Еще в конце XVIII в. охота гоном у степных башкир довольно часто фиксируется источниками: «Бьют они (башкиры. — *Р. К.*) волков, лисиц и зайцев по степям верхами, — говорится в «Топографическом описании Оренбургской губернии», составленном в последнем десятилетии XVIII в. губернским землемером Т. Афанасьевым. — Собравшись многим числом, заганивают зверей до того, что убивают их плетью и всю свою добычу делят поровну» (МИБ, т. VI, стр. 130). Облавные охоты у башкир в XVIII в., подробно описанные также И. Лепехиным, по своим масштабам мало сравнимы с аналогичными грандиозными предприятиями хуннов или древних монголов, у которых охота гоном, кроме промыслового значения, преследовала цели военного обучения молодежи. Но сама традиция такой охоты у башкир и обычаи равного раздела добычи восходят к истокам тюрко-монгольской истории в Центральной Азии.

В X в. у кочевников-башкир Приуралья преобладали приемы охоты, характерные для степняков. Но уже тогда, в той мере, в какой местные племена приняли участие в этногенезе башкир, охотничье хозяйство таежно-лесного типа получает распространение в этих районах. Этому способствовали природные условия края: густые леса левобережья Белой (в нижнем ее течении) и Камы изобиловали ценными породами пушных зверей (куница, бобр, соболь, горностай, белка, лисица). Здесь развиваются приемы и орудия охоты, характерные для всего Прикамья и Приволжья. Существенное значение в этих условиях приобрело влияние охотничьих традиций камско-волжских народов.

Бортничество, так же как и охота, еще в домонгольское время у башкир Приуралья имело, видимо, не только подсобное, но и промысловое значение. О развитом бортничестве среди жителей Булгарского государства писал Ибн-Фадлан. Бортничество у башкир является традицией камско-волжского происхождения. Восприняв навыки лесного пчеловодства на обширной территории Бугульминской возвышенности, башкиры, поселившиеся в лесных и горно-лесных районах, превратили его в одно из основных занятий. Благоприятные природно-климатические условия, огромные лесные массивы, а также пример соседних волго-камских финских народов позволили Башкирии, по выражению С. И. Руденко, стать «классической страной пчеловодства» (Руденко, 1955, стр. 96).

Итак, эволюция кочевого скотоводства в полукочевое была тесно взаимосвязана с повышением удельного веса в хозяйстве башкир охоты и бортничества. В этом процессе существенное значение играли природные условия и этническое взаимодействие башкир с местными племенами. Башкиры восприняли те приемы и способы охоты и бортничества, которые соответствовали новым условиям. В целом хозяйство башкир становится сложным сочетанием различных форм кочевого скотоводства азиатского происхождения, а также охоты, бортничества, приемы и способы которых были восприняты преимущественно у племен Волго-Камья.

Распространенное в литературе мнение, что западные башкиры еще в домонгольский период были оседлыми земледельцами, опирается на два момента: на находки зерен и земледельческих орудий в слоях бахмутинской культуры и на предполагаемое влияние булгарской земледельческой культуры на кочевническую периферию. Развитие оседлого земледелия, по словам К. В. Сальникова, «тем более вероятно для северо-западных районов, где была сильна связь с Булгарией — страной высокоразвитого земледелия» (Сальников, 1964, стр. 14–15). Однако такую постановку вопроса трудно считать бесспорной. Генетическая преемственность бахмутинской культуры с ранними башкирами, как мы видели, не прослеживается. Но дело не только в этом: территорию к северу от г. Уфы в Бельско-Уфимском междуречье, т. е. район распространения бахмутинской культуры, едва ли можно включать в зону активного воздействия булгарской культуры в пору ее подъема и расцвета. Политическая и культурная экспансия булгар на восток распространялась в домонгольский период главным образом на центральную и южную части Бугульминской возвышенности. Однако в этой зоне булгарского влияния ни археологические, ни этнографические источники следов оседлого земледелия у ранних башкир пока не обнаруживают. Это обстоятельство

заставляет несколько по-иному взглянуть на характер культурного влияния булгар; во всяком случае приходится отказаться от упрощенного взгляда, полагающего, что простое соседство или столкновение на одной территории различных типов хозяйства обязательно сопровождается разрушением одного и внедрением другого, более прогрессивного, типа хозяйства. Эволюция хозяйства шла гораздо более сложным путем.

Тезис о том, что ранние башкиры-кочевники совершенно «не знали» земледелия, требует уточнения. Едва ли когда-либо существовало развитое кочевое общество, которые бы «не знали» земледелия. Земледелие (культура проса) хорошо было известно хуннам, однако, несмотря на находки в древнехуннских курганах семян проса, сошников, зернотерок, исследователи постоянно подчеркивают, что основой хозяйства хуннов было скотоводство (Руденко, 1962, стр. 28–29). Посевы проса у печенегов, кочевников хазарского каганата не раз отмечали арабские источники. Хозяйство племен Приаралья «тюркского периода до XI в.», т. е. района древнего обитания части древнебашкирских племен, С. П. Толстов рассматривает как скотоводческо-рыболовно-земледельческое с культивированием проса (Толстов, 1947, стр. 100). Кажется, нет оснований полагать, что башкиры отличались в этом отношении от других кочевников: небольшие посевы, главным образом проса, были среди кочевников древней традицией, которая сохранялась повсюду. Ал-Омари пишет о кыпчаках XIV в.: «Чаще всего встречается у них просо, им они питаются, и по части произведений земли в нем заключается главная еда их» (Тизенгаузен, 1884, стр. 233).

Башкиры, как и другие кочевники Дешт-и-Кипчака, издавна засевали весной небольшие поля просом или ячменем; урожай исключительно шел в пищу. В шежере башкир-юрматынцев, в котором описываются события XIV–XVI вв., говорится: «Однажды года пришли голодные. Зима была долгая... хлеба совсем не уродились» (БШ, стр. 32). Но подчеркнем, что земледелие «проса» отнюдь не было привилегией лишь северо-западных башкир и тем более следствием булгарского влияния: оно было известно всем башкирам так же, как и многим другим кочевникам. Не следует в то же время переоценивать масштабы и значение этих посевов в хозяйстве башкир; они были незначительны, периодически исчезали совсем, особенно в неблагоприятных для земледелия лесных и горно-лесных районах Башкирии. Основой хозяйства оставалось полукочевое скотоводство, которое и в XVI в. было господствующим типом хозяйства на огромной территории между Камой на севере и Каспийским морем на юге. А. Дженкинсон пишет о кочевниках этих земель: «Они ничего не се-

ют и не едят хлеба... они главным образом скотоводы» (Дженкинсон, 1937, стр. 170).

Таким образом, о древнейших корнях оседлого земледелия и сколько-нибудь активном земледельческом влиянии булгар на северо-западных башкир говорить не приходится. Чтобы влияние приобрело материальную силу, необходимы, очевидно, условия внутреннего порядка; к ним прежде всего относится кризис господствующего типа хозяйства, что экономически стимулирует поиски новых путей хозяйственного развития. В XIII–XVI вв. этих условий в большей части Башкирии не было. Земельные просторы, возможности путем набегов поддерживать хозяйство питали прочность традиций кочевого скотоводства, хотя формы его ведения постоянно менялись. Булгарскому государству, заинтересованному в притоке таких товаров, как пушнина, мед, воск, скот, было более выгодно развитие в Башкирии скотоводства, охоты и бортничества, нежели земледелия. Все это, конечно, не исключает возможности развития земледелия в башкирских районах, смежных с булгарами, но если оно и имело место (о чем достоверных источников не сохранилось), весьма сомнительно, чтобы эта тенденция получила дальнейшее развитие в монгольскую эпоху. Даже хозяйство самих булгар, по свидетельству Ал-Омари, с монгольским завоеванием утратило в значительной степени свои прежние достижения (Тизенгаузен, 1884, стр. 233). «Книга Большому чертежу», в которой о башкирах XVI в. говорится, что «кормля их мед, зверь, рыба, а пашни не имеют» («Книга Большому чертежу», 1839, стр. 139), в целом достаточно точно характеризует состояние башкирского хозяйства в момент присоединения Башкирии к Русскому государству.

Башкирское общество в XV — первой половине XVI в.

Из общеисторических факторов, которые необходимо учитывать при оценке социально-экономического развития башкирского общества в XIII–XVI вв., кроме обрисованных выше особенностей хозяйства и разнообразия природно-географических условий, необходимо отметить еще два момента. Первый из них — многокомпонентность этнического состава башкир и различия в уровнях социального развития племен, принявших участие в башкирском этногенезе. Кочевники-скотоводы, сыгравшие в конечном итоге ведущую роль в сложении социально-политической структуры башкирского общества, принадлежали к степному миру, в котором начальные процессы классообразования фиксируются примерно с первой половины I тыс. н. э. Местные лесные охотничьи племена или мотыжные земледельцы лесостепей, явившиеся

ся существенным компонентом в составе башкир, к началу II тыс. н. э. не вышли из стадии патриархально-родового строя, хотя и с заметными признаками протекающей у них имущественной дифференциации. Отмеченные обстоятельства — одна из причин (установленных по документальным источникам применительно к XVI–XVIII вв.) различий в системе землепользования и уровне социально-экономического развития отдельных групп башкирского общества. Второй момент — влияние на башкир внешних исторических обстоятельств; прежде всего имеется в виду политическая зависимость Башкирии от Золотой Орды и возникших на ее развалинах ханств. Непосредственным результатом господства завоевателей было включение башкирских племен в систему феодальной эксплуатации, характерную для указанных образований (Греков, Якубовский, 1950, стр. 96–121). Из этого факта следует, что башкир в XIII–XVI вв. в социально-экономическом аспекте было бы неверно рассматривать как обособленное общество; многие институты социальной жизни башкирских племен утвердились в рамках степного феодального строя средневековых ханств, возникших здесь с началом монгольского завоевания.

Основным содержанием процесса феодализации является, как известно, разрушение в ходе длительной борьбы общинного права собственности на землю и постепенное превращение этого права в привилегию нарождающегося феодального сословия. Специфика этого процесса в башкирском обществе заключалась в сохранении формы родоплеменной собственности на земли при существенной трансформации социального содержания этой традиционной правовой нормы. Феодализация шла на базе узурпации земельных прав башкирской общины. Большое значение в этом процессе имела политическая власть башкирской родоплеменной знати — биев, которая, судя по генеалогиям, задолго до рассматриваемой эпохи стала наследственной (БШ, стр. 31, 32 и др.). Наличие власти было одним из важных условий, облегчающих родоплеменной аристократии узурпацию общинного права распоряжения и распределения пастбищ и кочевий. Совершенно естественно, что нарождающаяся система в момент становления и позже была существенно осложнена многочисленными и имеющими нередко реальное значение элементами патриархально-родового уклада.

Яркие и противоречивые картины действия в реальной жизни феодально-патриархальной системы распределения земель дают башкирские шежере. В середине XVI в. Татигас-бий — племенной вождь юрматынцев и родовые вожди Кармыш, Азнай и Илсек-тимер разрушают традиционное разделение земель между древними юрматынскими родами и устанавливают новое распределение пастбищ, которое бази-

руется на фактической силе и влиянии родовых вождей и поддерживающих их боевых дружин (БШ, стр. 35). Аналогичные события происходят в ту же эпоху в племени мин (БШ, стр. 52–53). Однако новое распределение земель оформляется в обоих случаях решениями народных собраний юрматынцев или минцев. Родовые вожди получают от народных собраний неограниченные права распоряжаться пастбищами и полностью освобождаются от участия в уплате царского ясака. Таковы примеры сложного переплетения развивающихся феодальных отношений с разрушением родоплеменной системы землепользования и в то же время с сохранением патриархально-родовых институтов, которые, однако, меняли старые функции и обретали новую социально-экономическую сущность.

Феодальную верхушку башкирского общества составляли *бии* — родоплеменные вожди, *батыры* — военные предводители и *тарханы*. Институт тарханства на башкирской почве возник, видимо, еще в болгарскую эпоху, однако его расцвет относится к XIII–XV вв., когда золотоордынские, а позднее ногайские и казанские ханы раздавали тарханам грамоты с земельными и иными привилегиями поступившей к ним на службу родоплеменной аристократии башкир.

Определенную роль в социальной структуре башкирского общества играли рабы. Институт рабства у пришлых в Башкирию кочевников имеет давнее происхождение, хотя он никогда не перерастал рамки патриархального, домашнего рабства. Еще в X в. башкиры нападали на хазар, северные племена и даже на славян с целью захвата рабов и продажи их, по сообщению Ал-Мукаддаси, на знакомые им среднеазиатские рынки (Якубовский, 1932, стр. 97; Бартольд, 1963, стр. 295). На опасность столкновения с воинственными башкирами указывает Ибн-Фадлан (1939, стр. 67).

В рабство башкиры продавали и своих соплеменников. Ал-Омари сообщает о продаже башкирами и булгарами в рабство своих детей (Тизенгаузен, 1884, стр. 231–235). С развитием производительных сил и углублением социальной дифференциации открылась возможность для некоторого применения труда рабов и в самом башкирском обществе. Рабами были пленные, в том числе, судя по некоторым источникам, и башкиры других племен. Так, у бия усерганцев Джумака, который «несчетным богатством владел» и стада которого «кишели как рыба», пастухом был раб из племени катый (БШ, стр. 85). В целом, однако, рабство у башкир в связи с господством кочевого или полукочевого хозяйства не могло стать основой производства или вообще занять сколько-нибудь существенное место в социально-экономической жизни башкирского общества. Но в условиях определившейся тенденции феодализации общества рабство ускоряло

этот процесс, способствовало более четкому оформлению социальной градации внутри башкир и появлению новых форм зависимости и эксплуатации рядовых кочевников. В XIII–XVI вв. институт рабства в башкирском обществе был пережитком более чем тысячелетней истории кочевников, той стадии их развития, которую С. П. Толстов характеризовал как «военно-рабовладельческую демократию» (Толстов, 1948).

Основой башкирского общества в XIII–XVI вв. были общинники — мелкие собственники скота, свобода которых постоянно подвергалась узурпации со стороны феодальной классовой верхушки. Формы зависимости были различные, но всегда прикрывались идеологией «родового единства», взаимопомощи и покровительства сородичам и т. д. Рядовые общинники несли всю тяжесть уплаты ясака и других многочисленных поборов, обязаны были выступать в набегах и походах, помогать в хозяйстве богатого покровителя и т. д. В соответствии с родоплеменной структурой башкир формируется целая иерархия феодальной и феодализирующей знати, которая внешне нередко выступает в прежней роли вождей племени, родов и мелких подразделений. Эта иерархия богатеющей верхушки под прикрытием еще прочных патриархальных традиций ведет наступление на экономические права рядовых общинников и их личную свободу. П. И. Рычков приводит башкирскую хронику о батыре Кусюме, который «так усилился и самовластен был над башкирцами, что тех, кои в противность воли его поступали, вешал на деревьях и утоплял в воде, бросая в проруби» (Рычков, 1887, стр. 380).

Формирование сословно-иерархической феодальной земельной собственности в башкирском обществе надо рассматривать в качестве определившейся тенденции, но не утвердившейся системы. Феодальная собственность, кроме случаев получения тарханных грамот, не была оформлена и не являлась стабильной. Никаких источников о наличии до XVI в. в башкирском обществе частной земельной собственности нет. Наследственной передачи земельных угодий или, точнее, права распоряжаться ими не существовало. Наследовалась власть и как атрибут власти потенциальная привилегия распоряжаться родоплеменными вотчинами, которая в каждую эпоху и в каждом случае могла реализовываться по-разному. Земельная собственность феодальной знати складывалась, следовательно, как сословная и длительное время соседствовала или переплеталась с общинной собственностью на пастбища. В XV–XVI вв. в Башкирии, особенно в северных лесных районах, немало было общин, члены которых действительно пользовались земельными (пастбищными или охотничьими) угодьями на паритетных началах, хотя обязаны были платить ясак в ханскую казну.

В XIII–XVI вв. наверху сословно-иерархической лестницы башкирского общества стояли феодалы-завоеватели: золотоордынские, затем ногайские и казанские ханы. Верховным собственником земель номинально был хан, в пользу которого с подвластного населения собирался ясак. Территория Башкирии была роздана ханом наместникам — родственникам и приближенным, находившимся в вассальной зависимости от хана и занимавшими то или иное положение в военной системе ханства. Башкирские бии были в вассальной зависимости от наместников хана, но сами в свою очередь выступали сюзеренами по отношению к мелким владельцам. Таким образом, военно-феодальный характер внутренней структуры Золотой Орды и образовавшихся позже ханств целиком характеризовал и социально-экономическую жизнь башкирского общества. Рядовые общинники в период военных походов становились воинами, зависимыми от военных предводителей, в мирное время — скотоводами и плательщиками ясака, зависимыми от хана. Собранный ясак, размеры которого до присоединения Башкирии к Русскому государству строго не регламентировались, в различных пропорциях оседал у башкирской знати и наместников хана.

Башкирский народ, таким образом, оказался под двойным гнетом: собственной классовой верхушки и ханов-завоевателей, интересы которых сомкнулись. От тяжести феодального гнета, утвердившегося в Башкирии в XV–XVI вв., сохранилось немало источников. П. И. Рычков передает старинное башкирское сказание «о ногайском хане Акназаре»⁹, который «землями владеть, також и через реку Белую переходить не допущал», «скот и пожитки, так и детей их (т. е. башкир. — *Р. К.*) к себе отбирал». Башкиры «принуждены были давать ему ясак с каждого человека по лисице, по бобру и по кунице, от чего, наконец, пришли они в самое крайнее истощение и убожество» (Рычков, 1896, стр. 69).

Углубляющийся процесс феодализации, четко обозначившаяся социальная градация общества, громоздкая иерархия эксплуататоров из числа завоевателей и собственной знати сочетались в башкирском обществе с еще прочными устоями патриархально-общинного уклада.

Как отмечалось, внутренняя родоплеменная структура башкир уже задолго до XIII–XVI вв. не выражала сущности родового строя. Башкирские племена и роды являлись лишь по форме продолжением архаичной родовой структуры, будучи по содержанию социальными организациями, отражающими определенное переходное состояние общества к классовому строю. Анализ родоплеменного состава башкир отчетливо

⁹ Речь, очевидно, идет об одном из наместников ногайского хана.

показал, что племена не были генетическими организациями, так же как в большинстве случаев и родовые организации. Только самое мелкое звено «генеалогической» родоплеменной структуры — родовое подразделение — оставалось объединением родственных семей.

Факторами, удерживающими у кочевников-башкир окончательный распад родоплеменной системы, с глубокой древности были социально-политические условия военно-демократического характера и совместное владение общеплеменными землями. По мере развития общества первый фактор размывался, трансформируясь в новые принципы классовой организации общества. В XV–XVI вв. в башкирском обществе такие архаичные институты, как народное собрание, совет старейшин, идеология родовой солидарности, роль батыров (военных предводителей), набеги с целью захвата скота и пленных и т. д., еще сохранялись, однако они были инструментами в руках социальной верхушки общества, динамично стремящейся к концентрации власти и богатства. С присоединением Башкирии к Русскому государству эти институты вскоре окончательно были утрачены или имели значение не более чем пережитков. Совершенно иной оказалась историческая судьба традиции родоплеменного владения землями. В связи с господством пастбищно-кочевой системы ведения хозяйства и высоким удельным весом промысловой охоты, коллективизм или его видимость в эксплуатации пастбищных и охотничьих угодий оказался устойчивым и явился основной причиной специфического развития социально-экономических отношений в башкирском обществе.

Социальное содержание института родоплеменной системы земельного владения постоянно развивалось, хотя и чрезвычайно медленно. К XV–XVI вв. оно претерпело существенные метаморфозы. В традиционную структуру родоплеменного земельного владения внедрялась, постепенно ломая ее изнутри или подчиняя новым отношениям, сословно-иерархическая феодальная земельная собственность, сложившаяся в Башкирии на базе господства завоевателей и внутреннего общественного развития. Эти обстоятельства имеют существенное значение для понимания некоторых особенностей общественного строя башкир накануне их присоединения к Русскому государству.

Исторический процесс разложения родоплеменной формы владения землей идет по линии сужения круга семей, участвовавших в эксплуатации общей вотчины. В XVI в. в башкирских шежере субъектом владения землей, как правило, выступает не племя, а род или эквивалентная ему по форме неродственная организация. В XVI–XVII вв. установившееся разделение племенных земель на родовые было закреплено «договорными письмами» и «раздельными грамотами», в которых точно и детально были очерчены границы новых вотчин (БШ,

стр. 33–34, 223–224). Башкирский род представлял собой совокупность семейно-родственных групп (подразделений рода), т. е. организаций, являвшихся на протяжении длительного времени главными носителями реальных функций патриархально-родовых отношений. Родовое подразделение в XVI в. включало группу (до 30–40) родственных семей, которые вели индивидуальное хозяйство, имели скот в частносемейной собственности, но в то же время были тесно связаны сознанием единства происхождения и традициями взаимопомощи. Входящие в состав рода подразделения могли быть неродственными между собой или же чаще находились в отдаленных родственных связях, не имеющих в реальных отношениях социального значения. Нередко в состав рода, как показано в предшествующих главах, вливались семейно-родственные группы из других башкирских племен и родов или вообще из иной этнической среды. Таким образом, башкирский род приобретал вид соседской общины, в которой сочетались архаичные черты патриархальной общины, концентрирующиеся в структуре и функциях семейно-родственных групп, и более поздней сельской общины с присущими ей индивидуальным хозяйствованием семей, территориальными связями семейно-родственных групп, периодическими перераспределениями пастбищных угодий между ними в зависимости от самых различных политических и экономических обстоятельств. В таком состоянии башкирскую общину XV–XVI вв. правильно характеризовать как находящуюся в состоянии развития. Однако важно подчеркнуть совершенно четко определившуюся тенденцию ее развития, основным и главным содержанием которой было разрушение коллективистских традиций собственности и укрепление сословно-иерархической, а позднее и частной собственности на основные средства производства. В рассматриваемую эпоху родовая форма башкирской общины была еще устойчивой, но по источникам XVII в. уже хорошо прослеживается дальнейшее дробление родовых вотчин и сложение самостоятельных социальных функций хозяйственных аулов, как основы сельских общин обычного типа.

Итак, общественный строй башкир в XIII — первой половине XVI в. представлял собой сложное явление. Сословно-иерархическая феодальная собственность на землю сочеталась с реальным значением древней башкирской общины, развивающейся в направлении к обычной сельской общине. В недрах башкирской общины сохранялись, однако, архаичные ячейки, унаследованные от патриархально-родового строя. Основу башкирского общества составляли общинники, которые эксплуатировались и ставились в различные формы зависимости феодальным сословием завоевателей и башкирской феодальной аристократией. Имущественная и социальная дифференциация в башкирском обществе

протекала в рамках сохраняющейся родоплеменной системы, которая окончательно распалась лишь в последующую эпоху. В целом башкирское общество XIII — начала XVI в. можно характеризовать как многоукладное; господствующие позиции принадлежали в нем феодальным отношениям; в то же время это было общество, отягощенное реальными атрибутами патриархально-общинных отношений, но находящееся в рамках жесткой феодальной системы эксплуатации завоевателей, установленной еще в золотоордынскую эпоху и существовавшей вплоть до середины XVI в.

Формирование башкирской народности

Углубление процесса классообразования и возвышение башкирской феодальной знати, а также господство завоевателей явились той социально-политической базой, которая стимулировала возникновение и развитие центростремительных тенденций в недрах башкирского общества. Этнической базой политической консолидации явилось постепенное нивелирование хозяйственно-культурной характеристики башкирских племен, особенно четко проявившееся, как показано, в кыпчакскую эпоху. В XIII–XV вв. на территории Башкирии появляется ряд племенных союзов, имевших характер военно-политических объединений. Во главе этих объединений стояли ханы. Башкирские шежере, предания, исторические сказания сохранили несколько имен башкирских ханов. В юго-восточной Башкирии хан Мясем объединял под своей властью 12 биев племен бурзян, тангаур, тамьян, кыпчак и др. На р. Белой существовал племенной союз во главе с Ураз-ханом, включавший юрматынцев, часть кыпчаков и, видимо, бишульцев. В XV–XVI вв. в процессе борьбы с ногайцами сплотились минские и юрматынские роды (БШ, стр. 32, 52, 73, 78).

В XIII — первой половине XVI в. военно-политические объединения башкирских племен появлялись и исчезали в условиях золотоордынского и ногайского господства, когда любые проявления политической самостоятельности башкир жестоко подавлялись. Поэтому ни один из племенных союзов не смог стать центром объединения всех или хотя бы большинства башкирских племен. Но факт образования непрочных, неустойчивых племенных союзов надо рассматривать как выражение развивающегося процесса консолидации башкир, что в свою очередь отражало сложение новых, территориально-политических связей, охвативших башкирские племена, переживавшие процесс этнической интеграции.

В конце XV — первой половине XVI в. этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необхо-

димые для сложения башкир в народность, сомкнулись. Определились контуры территории Башкирии. В границах этих земель башкирские племена и этногеографические группы активно контактировали и взаимодействовали в процессе постоянных передвижений, которые продолжались в Башкирии вплоть до XVIII в. Сложился башкирский язык, понятный для всего этноса, хотя диалектные различия еще долго сохранялись. Сформировалась глубоко своеобразная культура башкирского этноса; региональные культурно-бытовые особенности северо-восточных, южных, северо-западных башкир подчеркивали в то же время общность культурной основы складывающегося народа. Созрели социально-экономические и социально-политические условия, явившиеся основой для развития процессов консолидации, масштабы которых постоянно возрастали.

Завершающие стадии процесса этнической консолидации развивались в обстановке ожесточенной борьбы башкир против господства ногайских и казанских ханов, а также начавших проявлять активность в северо-восточном башкирском Зауралье сибирских владельцев. В первой половине XVI в. Ногайское, Казанское и Сибирское ханства, раздираемые внутренними противоречиями, были на пути к гибели и разложению. Тем сильнее становился установленный в них деспотический режим. Усиление борьбы против завоевателей, с одной стороны, было результатом более тесного социально-этнического сплочения башкирских племен, с другой — оно содействовало дальнейшему росту и укреплению национального самосознания башкир, сознания принадлежности к единому народу. Башкирские племена и различные территориальные группы объединяло теперь общее стремление к освобождению от господства ханств, стремление, сплотившее на время различные социальные слои башкирского общества. Отчетливо определившиеся тенденции к политическому объединению башкирских племен в условиях той эпохи не могли быть реализованными на базе только их собственных усилий. Однако широкие масштабы борьбы башкир против ногайского и казанского господства ярко показывают их стремление к единству действий, особенно в крупных, исторического значения решениях. Кульминационным моментом этого процесса было почти одновременное (1555–1557 гг.) и добровольное присоединение большинства башкирских племен к Русскому государству¹⁰, что положило конец политической раздробленности башкир и позволило им объединиться в пределах единого государства.

¹⁰ Специально об истории присоединения Башкирии к Русскому государству см.: Кузеев, 1957б; Кузеев, Юлдашбаев, 1957.

В результате событий, предшествовавших присоединению Башкирии к Русскому государству, ногайцы (вместе с ними небольшие группы башкир) в основной массе покинули территорию Южного Урала и Приуралья, откочевав в прикаспийские степи, на Северный Кавказ, в Крым и другие районы. На большую часть покинутых ими земель (юго-запад современной Башкирии, присамарские и южные степи) вновь вернулись башкиры, главным образом юрматынцы, минцы и нижнебельские племена (канлы, елан, киргиз, байлар и др.). Закрепление этих земель за большинством из указанных племен царскими жалованными грамотами вызвало в XVI — начале XVII в. новую волну перемещений башкир к югу вплоть до верховьев Демы, долины Самары и ее притоков. Именно этим обстоятельством объясняется легко просматриваемая по картам вытянутость узкими полосами на юг родоплеменных вотчин минских башкир и почти всех нижнебельских племен (карты 11, 13). Оставшиеся преимущественно в южной и юго-восточной Башкирии группы ногайцев сравнительно быстро ассимилировались в башкирской среде, сохранив во многих случаях ногайские этнонимы.

На территории юго-западной Башкирии, как показано, протекали ранние этапы этнической истории юго-восточных и большинства северо-восточных башкирских племен. В новых условиях, во второй половине XVI в. и позднее, на этих землях, главным образом в бассейне Демы, вновь стремятся закрепиться пришедшие с гор значительные группы бурзян, тамьянцев, тангауров, табынцев, катайцев, кыпчаков и др. Здесь они постепенно смешиваются с минскими башкирами. В долине Демы сложился этнически смешанный район. Дальнейшее направление этнического развития в этом районе закрепило специфику культуры здешнего населения, что послужило одним из оснований для выделения юго-западных башкир в самостоятельную этногеографическую группу.

В XVI в. продолжается продвижение башкир на север, в Пермские земли. Это движение, начавшееся еще в домонгольское время, в середине и во второй половине XVI в. достигло наивысшей фазы, что было связано, с одной стороны, с активизацией политической жизни башкирского общества, переживавшего кульминационный этап этнической консолидации, с другой — потребностями дальнейшего развития промысловой охоты. Передвижения населения на север Башкирии были связаны и с общей исторической обстановкой той эпохи: падением Казанского ханства и активной восточной политикой Русского государства. На широте Осы, Перми, Кунгура башкирские поселения появляются, видимо, одновременно или почти одновременно с татар-

скими. В отношении гайнинских башкир, находившихся в орбите политического влияния Казанского ханства, это заключение, судя по их преданиям, совершенно очевидно. Таким образом, середина и вторая половина XVI в. являются периодом, когда башкиры достигают крайне северных пределов занимаемых ими территорий.

На северных землях — от долины Быстрого Таныпа до Сылвы и верховьев Чусовой — в XV–XVI вв. продолжают уже ставшие традиционными этнические контакты башкир с местным финно-угорским населением. В то же время в этих районах, особенно в западной их части, этнические процессы приобретают новое направление, связанное с возрастающим потоком миграции татар из внутренних районов разгромленного Казанского ханства. Примерно в это время начинается проникновение татар во все районы северо-западной Башкирии — от верховьев Ика на юге до Тулвы на севере. Смешение северо-западных башкир с татарами, при наличии некоторой специфики в ранних этапах их этнической истории, создало предпосылки для обособления икских, ниже-бельских и северных башкир в самостоятельную географическую группу. Однако завершение этого процесса относится к более позднему периоду, когда массовая миграция приволжских татар в Приуралье и их смешение с башкирами существенным образом повлияли на направление этнических процессов в этом районе.

Итак, конец XV — первая половина XVI в. — эпоха завершения формирования башкирской народности. К этому периоду складывается и стабилизируется этнический состав башкир; определяются контуры всех этногеографических групп. Различные группы башкир, имея в основе общую культуру и единый язык, сохраняют или вновь приобретают некоторые региональные особенности в этнической характеристике, находящие объяснение в ранней истории башкирских племен или в специфике более поздних этапов этногенеза. Социально-экономическое развитие башкирского общества и условия политической обстановки эпохи рожают центростремительные тенденции, которые наиболее яркое выражение получают в борьбе против многовекового господства завоевателей и добровольном присоединении башкир к Русскому государству. Несмотря на огромную территорию, которая в XVI в. достигает максимальных размеров за всю историю Башкирии, в недрах башкирского общества уже в эпоху политической раздробленности и подчинения различным феодальным ханствам развивается и укрепляется сознание принадлежности к единой этнической общности. В обстановке обострения борьбы за независимость, основной движущей силой которой выступают народные массы, это созна-

ние становится всеобщим, всенародным и является как бы совокупным итогом развития различных факторов — культурных, языковых, социально-экономических и политических, ведущих к сложению народности. Присоединение к Русскому государству, прогрессивные последствия которого сказались на многих сторонах общественной и хозяйственно-культурной жизни башкир, в этническом плане знаменовало соби-
рание башкирских земель в составе единого государства и завершение консолидации башкир в народность.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование в сравнительно-историческом аспекте этнического состава башкир, происхождения и истории расселения башкирских племен, а также анализ полученных результатов в свете современных достижений истории, археологии, языкознания и антропологии позволяют определить в диапазоне рассмотренного нами периода следующие этапы в историческом процессе формирования башкирской народности:

1. Первый этап — с середины I тыс. н. э. до рубежа VIII–IX вв. — характеризуется выделением из раннесредневековых племенных общностей и формированием на основе их взаимодействия и смешения основных компонентов древнебашкирского этноса:

а) На Сырдарье и в Приаралье в печенежской этнической среде складывается группа древнебашкирских племен. Этнографическая база этих племен была чрезвычайно сложной. Этническую основу группы составляли древнетюркские и в меньшей степени тюркизированные древнемонгольские родоплеменные образования, предшествующая этническая история которых развивалась в преимущественно тюркской среде Центральной Азии и Алтая в эпоху кульминационного этапа тюркской миграции на запад (усерган, бурзян, байлар, сураш, тангаур, ягалбай, тамьян, ун, бишул, кудей). Дальнейшая история этих племен протекала в тесном контакте и при этническом смешении с тюркскими, сако-массагетскими, сармато-аланскими и угорскими племенами Приаралья и присырдарьинских степей. Общее направление кочевнической миграции той эпохи обуславливает дальнейшее движение древнебашкирских племен в прикаспийские степи и в Приазовье, где они оказались в сфере этноисторической деятельности болгарских племен, с которыми у древних башкир прослеживаются генетические связи с более ранних времен.

б) В центральном районе Бугульминской возвышенности в VIII — начале IX в. формируется булгаро-мадьярская племенная группа, ко-

торая представляет собой сложный синтез болгарских или булгаризированных тюркских племен с угорскими, преимущественно древнемадярскими, племенами при доминирующей роли древнетюркского (булгарского) компонента (юрматы, юрми, еней, гайна-тархан, кесе, буляр, мишар, нагман, юламан, имес, юрман). В сложении булгаро-мадярского компонента приняли участие тюркизированные угры, мигрировавшие в Волго-Уральский регион из Приаральской области или Западной Сибири и, возможно, самодийские группы, еще в эпоху древности (середина I тыс. н. э.) смешавшиеся с тюрками.

в) Приуралье и долина среднего течения р. Белой издавна были районом расселения и зоной активного взаимодействия местных финно-угорских племен с пришлыми родоплеменными группами сармато-аланского происхождения (сызгы, упей, терсяк, уваныш и др.).

2. Миграция древнебашкирских племен в Приуралье и их взаимодействие в IX–X вв. с булгаро-мадярскими и испытывшими сармато-аланское воздействие финно-угорскими племенами были узловым периодом в становлении древнебашкирского этноса. Культурно-языковая ассимиляция булгаро-мадярских и местных финно-угорских родоплеменных образований в древнебашкирской этнической среде завершилась позднее. Однако этнические процессы в конце I тыс. н. э., в которых ведущую роль сыграли пришлые древнебашкирские племена, имели результатом сложение башкирской племенной общности, послужившей основой для дальнейшего становления народа. Процессы этнической интеграции характеризующей эпохи обусловили новое, «древнебашкирское» направление формирования языка и культуры населения Приуралья и Бугульминской возвышенности, т. е. территории Древней Башкирии.

3. XI — начало XIII в. — этап дальнейшей консолидации упомянутых выше компонентов древнебашкирского этноса при сохранении ведущей культурно-языковой роли пришлых башкирских кочевников. Степная культура и тюркский язык формирующейся общности развивались за счет притока новых групп тюркоязычных кочевников (ай, тырнаклы, каратавлы, тау, сарт, мурзалар, кумлы, истяк и др.) из восточных районов страны. На культуру и особенно антропологический тип башкирского этноса в эпоху его становления значительное воздействие оказали смешение и этническая интеграция с булгаро-мадярскими и финно-угорскими племенами Приуралья и бельской долины.

Территория Древней Башкирии в эту эпоху расширяется в результате расселения древнебашкирских племен в направлении Южного Урала и лесных районов нижнего течения р. Белой.

4. В XIII–XIV вв. имеет место мощный приток в Башкирию кыпчакских и кыпчакизированных племен (кыпчакская группа — кыпчак,

канлы, гэрэ, сары, кошсы, туркмен, бушман, джете-уру, байулы, кармыш, киргиз, елан, казанчи; катаяская группа — катый, найман, балга, маскар, салъют, борэ, балыксы; табынская группа — табын, уйшин, суюндук, дуван, кувакан, сырзы, телюа, барын, бадрак, таз; минская группа — мин, кырк-уйле, куль, суби, миркит). Кыпчакская миграция окончательно предопределяет культурное и языковое развитие древнебашкирского этноса в направлении к формам, характерным для современного этнического облика башкирского народа.

В XIII–XIV вв. территория Башкирии существенным образом расширяется к востоку и северу и принимает очертания, близкие к современным.

5. В XV — первой половине XVI в. этнические процессы предшествующей эпохи углубляются и признаки, определившиеся кыпчакским этапом этнокультурного развития, постепенно стабилизируются. Смещение башкир с ногайцами на юге и финно-уграми — на севере, хотя и оказало определенное влияние на формирование региональных этногеографических групп формирующейся народности, но не изменило общего направления развития этнической консолидации башкирской народности. В XVI в. башкирские племена расселяются на всей территории, которую они занимали вплоть до XIX в. (кроме районов челябинского Зауралья). В конце XV — первой половине XVI в. этнические, территориальные, социально-экономические и политические предпосылки, необходимые для завершения формирования башкир в народность, сомкнулись. Обострение башкиро-ногайской борьбы и добровольное присоединение большинства башкирских племен во второй половине XVI в. к России и объединение башкирского этноса в составе единого государства знаменовало собой завершение этнической консолидации башкирского народа.

Этническое развитие башкирского народа в последующую эпоху было также чрезвычайно сложным и заслуживает специального изучения. В XVII–XIX вв., в условиях дальнейшей консолидации башкирского народа, развивались этнические процессы, которые имели существенные последствия как для окончательного формирования некоторых этнографических групп башкир, так и для сложения современной этнографической карты Башкирии:

1. Южные и особенно восточные башкиры длительное время сохраняли традиционные этнические контакты с тюркскими народами Казахстана и Средней Азии — казахами, каракалпаками и, в меньшей степени, туркменами. В XVII в. сюда проникают отдельные группы калмыков, которые растворились в составе башкир, оставив память

о себе в названиях мелких родовых групп, а также в этнониме одного из зауральских родов (сарт-калмак). В целом проникновение в башкирскую среду небольших групп казахов, каракалпаков, туркмен, калмыков, которое, постепенно ослабляясь, к середине XIX в. вовсе прекратилось, хотя и не вызвало существенных изменений в этническом облике восточных и южных башкир, но питало и поддерживало степные, тюркские истоки их культуры.

2. В этнической истории западной и северо-западной Башкирии крупную роль сыграло взаимодействие башкир и татар. Наиболее активный период татаро-башкирского взаимодействия, как это следует из демографических данных, падает на XVIII–XIX вв. Основными результатами этого процесса были проникновение в среду северных и западных башкир многочисленной группы татар, сложение северо-западной географической группы башкир и типтярской этнографической группы татар¹¹, очень близкой к западным башкирам по языку и культуре. В итоге массовых крестьянских переселений (свободной и государственной колонизации) изменилась этнографическая карта Башкирии, особенно северной и северо-западной. В целом в XVII–XIX вв. развитие северо-западных башкир отклоняется от основного направления развития башкирского этноса, что невозможно не принимать во внимание при рассмотрении вопросов дальнейшей консолидации башкир в этнические общности более высокого порядка.

¹¹ О крупных масштабах татарского проникновения в среду северо-западных башкир свидетельствуют данные об изменении соотношения между численностью западных и восточных башкир на протяжении XVIII–XIX вв.: в 1725–1726 гг. численность западных башкир составляла 89 тыс. человек, восточных — 168 тыс.; в 1849 г. соответствующие данные заметно уравниваются: 216 и 280 тыс.; к 1897 г. картина меняется и численность западных башкир заметно преобладает: 832 и 478 тыс.; установившееся соотношение удерживается и в последующие десятилетия. Резкий скачок в численности западных башкир произошел за счет этнической инкорпорации в их среду типтярей и татар (специально об этом см.: Кузеев, 1968б, стр. 359).

КАРТЫ

КАРТЫ

Карта 1. Географические группы башкир в XVII–XIX вв.

I — юго-восточная группа; II — северо-восточная группа: 2 — северная (айско-юрюзанская) подгруппа; 3 — зауральская подгруппа; 4 — центральная (горная) подгруппа; III — юго-западная группа; 5 — демская подгруппа; 6 — южная подгруппа; IV — северо-западная группа: 7 — северная подгруппа; 8 — нижебельская подгруппа; 9 — икская подгруппа

Карта 2. Этнический состав и расселение юго-восточных башкир в XVII–XIX вв.

1 — юрматы; 2 — бурзян; 3 — усерган; 4 — тангаур; 5 — тамьян; 6 — кыпчак

Карта 3. История расселения племени юрматы в XIII–XIX вв.

1 — расселение племени юрматы в XIII–XIV вв.; 2 — расселение юрматынцев в XV — начале XVI в.; 3 — территория племени юрматы в XVI–XVII вв.; 4 — расселение юрматынцев в XVIII–XIX вв.; 5 — расселение племени юрми в XVII–XIX вв.; 6 — движение юрматынцев в конце XIV — начале XV в.; 7 — движение юрматынцев в начале XV в.; 8 — походы юрматынцев на северо-восток Башкирии в XV–XVI вв.; 9 — переселение юрматынцев в XVII–XIX вв. на юг; 10 — направление движения юрмийцев в конце XIV–XV в.

Карта 4. История расселения племен бурзян, усерган и тангаур

1 — основные районы кочевок до начала XIII в.; 2 — направления движения в XII–XIII вв.; 3 — переселение на Южный Урал в XIII–XIV вв.; 4 — основные районы кочевок в XIII–XIV вв.; 5 — направления перекочевков

усерганцев на Южном Урале в XIII–XIV вв.; 6 — движение усерганских групп в долину р. Ай в XIV в.; 7 — переселение тангауров в верховья р. Нугуш и в Зауралье в XIV–XV вв.; 8 — движение тангауров в Зауралье в XVI–XVIII вв.; 9 — переселение бурзян на Южный Урал в XIV–XV вв.; 10 — движение бурзян в Зауралье в XV–XVIII вв.; 11 — движение бурзян в южную Башкирию в XVII–XVIII вв.; 12 — движение бурзян в долину р. Демы в XVII–XVIII вв.; 13 — движение юго-восточных башкир в Волго-Уральское междуречье в XVII–XVIII вв.

Карта 5. Миграция кыпчакских родоплеменных групп в Башкирию

1 — кыпчакская миграция в XIII–XIV вв.; 2 — движение кыпчаков в конце XIV — начале XV в.; 3 — движение карагай-кыпчаков в Зауралье в XV–XVII вв.; 4 — переселение кыпчаков в долину р. Демы и Волго-Уральское междуречье в XVII–XVIII вв.

Карта 6. Этнический состав и расселение северо-восточных башкир в XVII–XIX вв.

а — айлинские башкиры: 1 — ай; 2 — кудей; 3 — мурзалар; 4 — дуван; 5 — кошсы; 6 — упей; 7 — сызгы; 8 — катаяйские башкиры: 8 — катаяй; 9 — салют; 10 — бикатин; 11 — сынряй; 12 — терсяк; 18 — калмак; 14 — башкирские казаки; *в* — табынские башкиры: 15 — табын; 16 — кувакан; 17 — сырзы; 18 — бишул; 19 — кумрук; 20 — бадрак

Карта 7. История расселения племен ай и мурзалар

1 — миграция в XI–XII вв.; 2 — область первоначального расселения на Южном Урале; 3 — движение в долину р. Ай в XIII–XIV вв.; 4 — расселение в айской долине; 5 — движение сарт-айлинцев в Зауралье (XVI–XVIII вв.); 6 — движение айлинских родов в Зауралье (XVI–XVIII вв.); 7 — расселение сарт-айлинцев в Зауралье; 8 — районы расселения собственно айлинцев в Зауралье; 9 — движение айлинцев в центральную и западную Башкирию; 10 — территория наибольшего распространения топонимов с элементом «сарт»

Карта 8. История расселения племен кудей, дуван и кошсы

1 — направление миграции в Приуралье (кудей — в IX в.; дуван и кошсы — в XIII в.); 2 — область расселения до XIII в.; 3 — движение кудейцев в долину р. Белой; 4 — расселение племени кудей в XIII–XIV вв.;

5 — движение кудейских родов в конце XIV в.; 6 — расселение кудейцев в XVII–XIX вв.; 7 — миграция племени дуван в долину р. Белой в XIII в.; 8 — расселение дуванцев на р. Белой в XIV–XVIII вв.; 9 — движение дуванцев в северо-восточную и центральную Башкирию в XIII–XIV вв.; 10 — территория дуванцев в бассейне р. Ай; 11 — движение племени кошсы в северо-восточную Башкирию в XIII–XIV вв.; 12 — территория племени кошсы в бассейне р. Ай

Карта 9. История расселения катаяских башкир

1 — движение катаяцев и салъютов в XIII в.; 2 — расселение катаяских башкир в XIII–XIV вв.; 3 — катаяские аулы в западной и южной Башкирии в XVII–XIX вв.; 4 — сырянские аулы в западной и южной Башкирии в XVII–XIX вв.; 5 — салъютские аулы в центральной и северо-восточной Башкирии в XVII–XIX вв.; 6 — движение катаяцев в горно-лесную Башкирию в XIII–XIV вв.; 7 — расселение западнокатаяских родов в XVII–XIX вв.; 8 — движение катаяских башкир в северо-восточную Башкирию в XIV в.; 9 — расселение катаяцев до XVI в.; 10 — расселение салъютов до XVI в.; 11 — расселение сырянцев до XVI в.; 12 — расселение терсяков до XVI в.; 13 — движение катаяцев в верховья р. Уфы и в Зауралье в XVI–XVIII вв.; 14 — движение салъютов в Зауралье в XVI–XVII вв.; 15 — движение сырянцев, терсяков и бикатинцев в Зауралье в XVI–XVII вв.; 16 — движение катаяцев в притобольские степи в XVIII в.; 17 — расселение улу-, бала- и ялан-катаяцев в XIX в.; 18 — расселение салъютов, терсяков и сырянцев в XIX в.

Карта 10. История расселения табынских башкир (XIII–XIX вв.)

1 — движение табынских башкир в XIII–XIV вв.; 2 — область расселения табынской родоплеменной группы в XIII–XIV вв.; 3 — движение восточных табынцев на Урал и в Зауралье в XIV в.; 4 — расселение восточных табынцев в XIV–XVI вв.; 5 — переселение табынцев и дуванцев в центральную Башкирию в XIV–XV вв.; 6 — территория дуванцев (Дуванейская волость) до XVII–XVIII вв.; 7 — расселение западнотабынских башкир в XIV в.; 8 — расширение территории западнотабынских башкир в XIV–XV вв.; 9 — движение табынцев (восточных и западных) в долину р. Ик в конце XV — начале XVI в.; 10 — переселение табынских башкир (восточных и западных) в западную и южную Башкирию в XVII–XVIII вв.; 11 — расселение табынских башкир в западной и южной Башкирии в XIX в.; 12 — движение табынских башкир в Зауралье в XVI–XVIII вв.

Карта 11. Этнический состав и расселение
юго-западных башкир в XVII–XIX вв.

1 — мин; 2 — иргизо-камеликские башкиры

Карта 12. История расселения башкир племени мин
в XIII–XVIII вв.

1 — область расселения минцев в XIV в.; 2 — территория минцев в XIV–XV вв.; 3 — движение минских родов в центральную Башкирию в XIV в.; 4 — миграция минских башкир в бассейн р. Демы в XV–XVI вв.

Карта 13. Этнический состав и расселение северо-западных
башкир в XVII–XIX вв.

а — икские башкиры: 1 — байлар; 2 — юрми; 3 — буляр; 4 — ирэкте; б — северные башкиры: 5 — уран; 6 — гайна; 7 — танып; 8 — балыксы; 9 — ун; в — нижебельские башкиры: 10 — еней; 11 — гэрэ; 12 — киргиз; 13 — елан; 14 — ельдяк; 15 — канлы; 16 — дуванен; 17 — каршин; 18 — таз; 19 — уваныш

Карта 14. История расселения икских башкир

1 — движение байларцев в XIV в. в устье Ика и Прикамье; 2 — движение байларцев в верховье Ика в XVI в.; 3 — расселение байларцев в XVII–XIX вв.; 4 — движение ирэктинцев на Ик в конце XV — начале XVI в.; 5 — движение ирэктинцев на северо-восток в XVI в.; 6 — расселение ирэктинцев в XVII–XIX вв.; 7 — движение булярцев и юрмийцев на Ик в XIII–XIV вв.; 8 — расселение булярцев в XVII–XIX вв.; 9 — расселение юрмийцев в XVII–XIX вв.

Карта 15. Расселение булгаро-мадьярских племен
древнебашкирского этноса

1 — территория Волжской Булгарии в IX–X вв.; 2 — территория Волжской Булгарии в XII в.; 3 — область расселения древнемадьярских племен в VIII–IX вв. («Великая Венгрия»); 4 — область расселения булгаро-мадьярских племен древнебашкирского этноса в VIII–IX вв.; 5 — расселение племен булгаро-мадьярского этнического пласта в XIX в. (1 — юрматы, 2 — юрми, 3 — еней, 4 — гайна (тархан), 5 — кесе, 6 — буляр, 7 — мишар, 8 — нагман, 9 — юламан, 10 — имес, 11 — юрман (юрман), 12 — кальсер)

Карта 16. Расселение древнебашкирских племен

1 — территория Волжской Булгарии в X в.; 2 — область расселения древнемадьярских племен в VIII–IX вв.; 3 — область расселения булгаро-мадьярских племен в IX–X вв.; 4 — Древняя Башкирия в X в.; 5 — расселение «древнебашкирских» родоплеменных образований в XIX в. (1 — усерган, 2 — байлар, 3 — сураш, 4 — тангаур, 5 — бурзян, 6 — ягалбай, 7 — тамьян, 8 — ун, 9 — бишул, 10 — кудей, 11 — уран, 12 — сынрян)

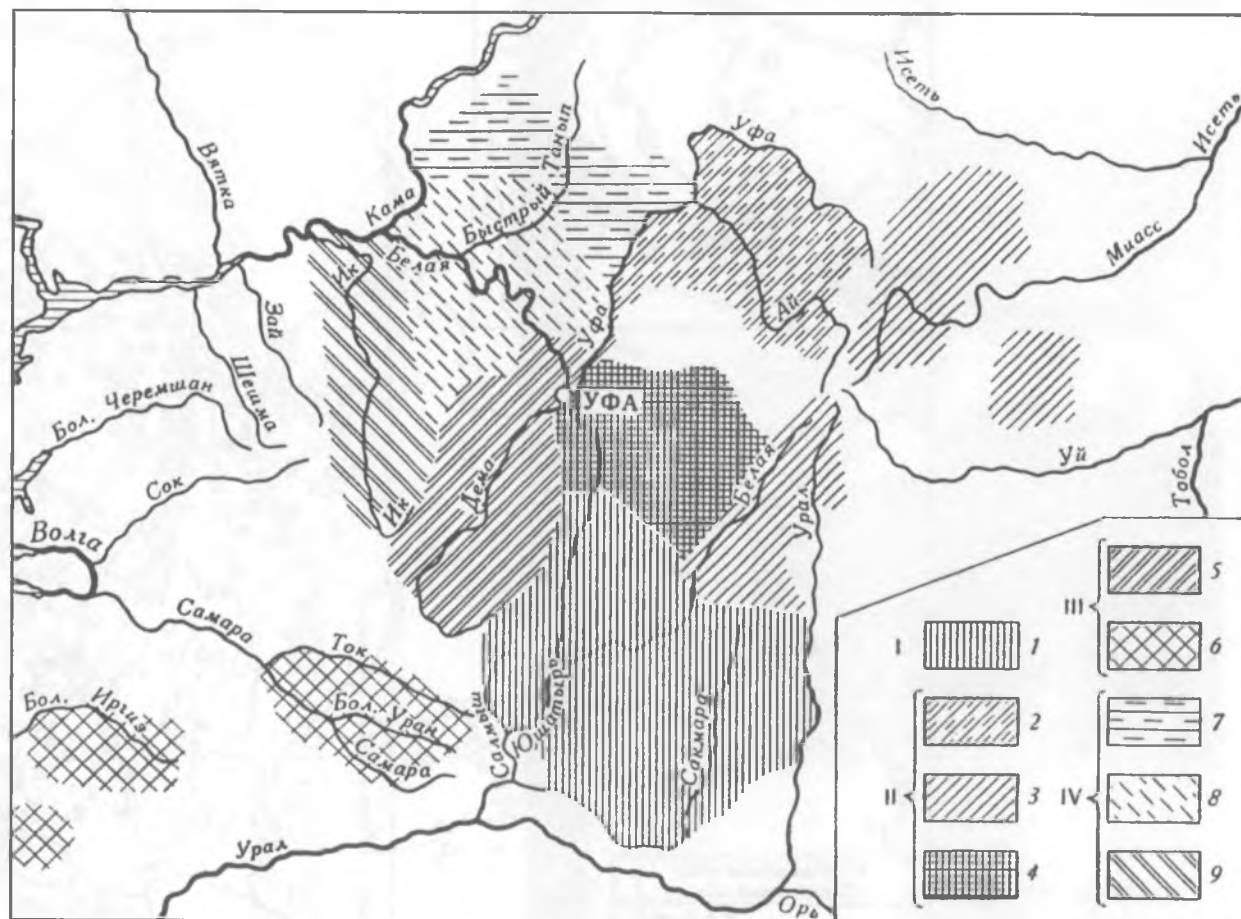
Карта 17. Основные миграционные потоки кочевников в Башкирию в XI — начале XIII в.

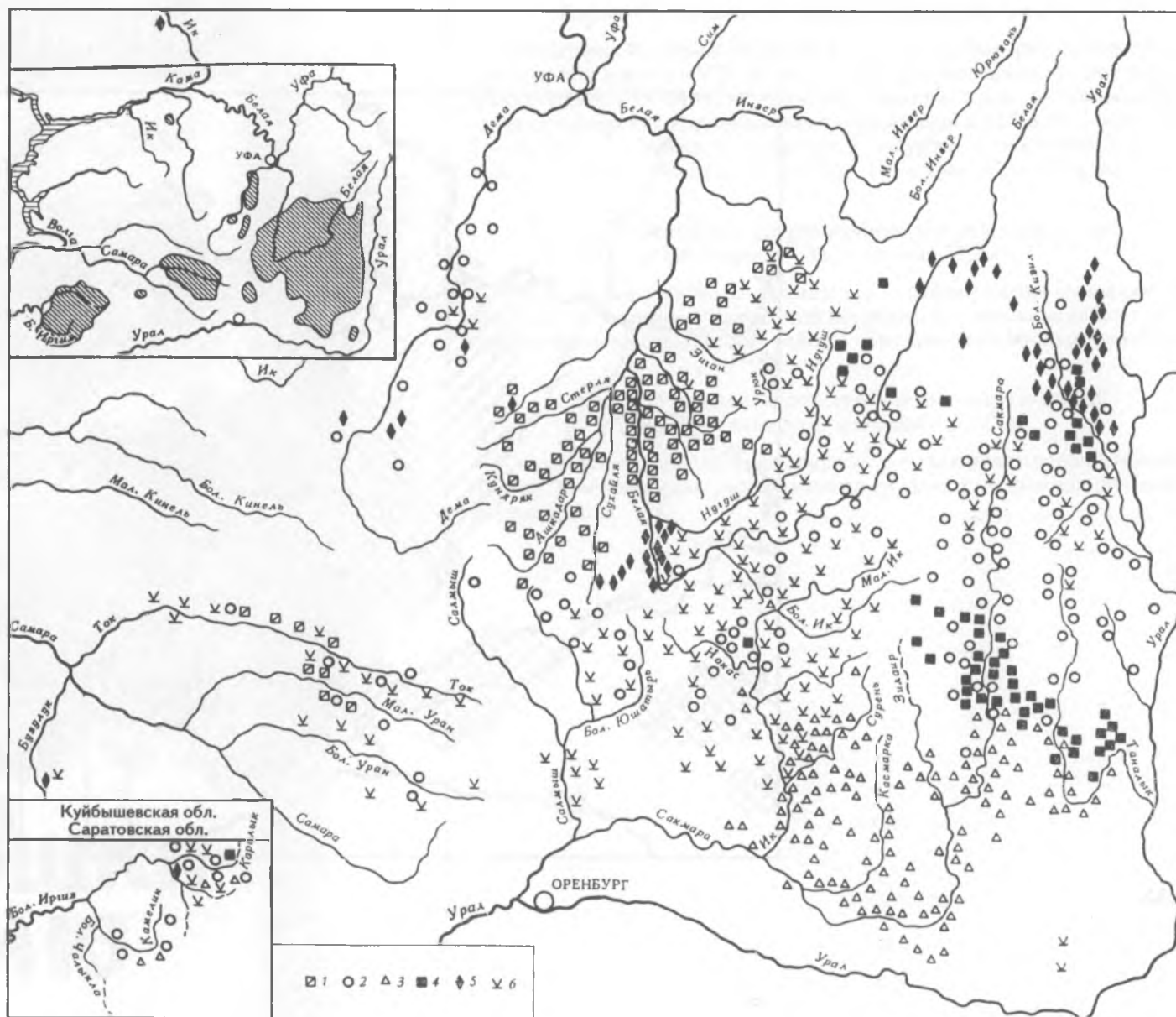
1 — направления движения кочевников; 2 — районы водоразделов рек — основные территории кочевнической миграции; 3 — основные районы расселения древних башкир; 4 — районы обитания тюркских кочевников

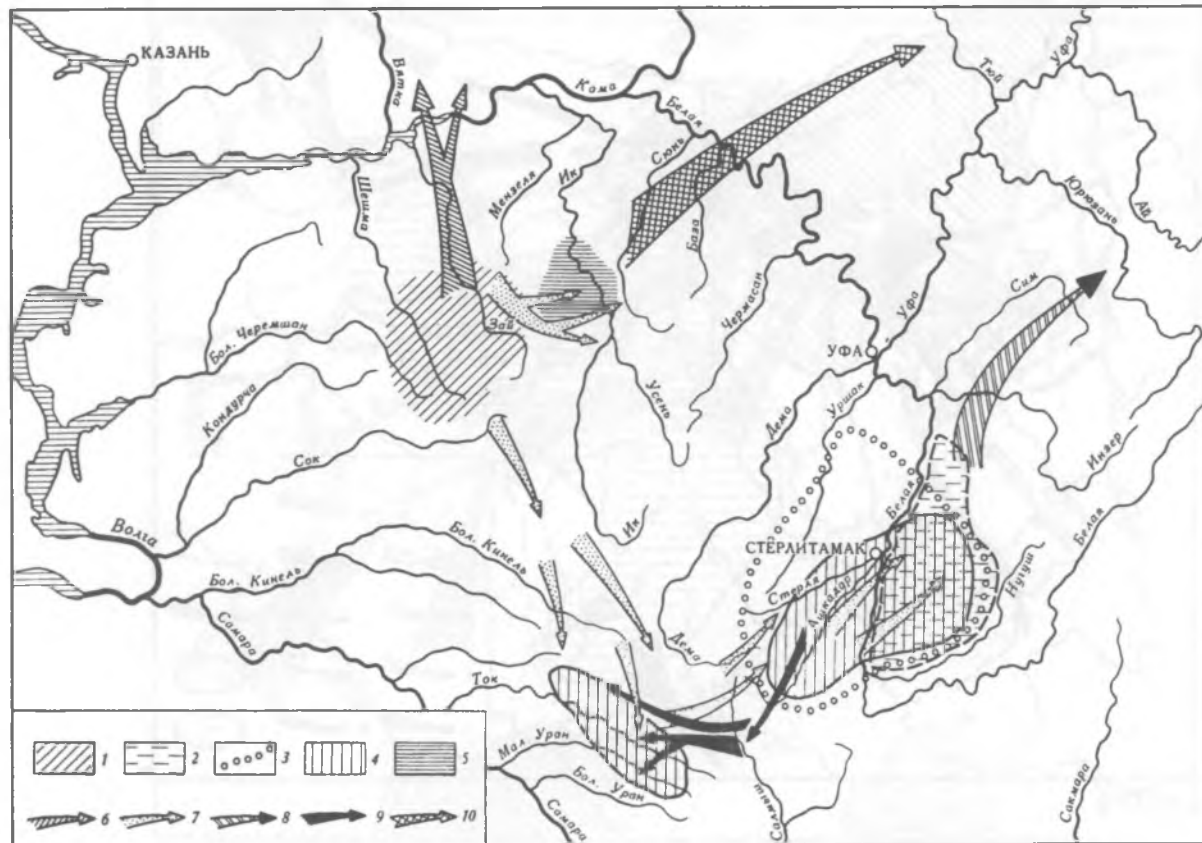
Карта 18. Расселение родоплеменных образований эпохи кыпчакской миграции в XIX в.

1 — кыпчакская родоплеменная группа; 2 — катаякская родоплеменная группа; 3 — табынская родоплеменная группа; 4 — минская родоплеменная группа

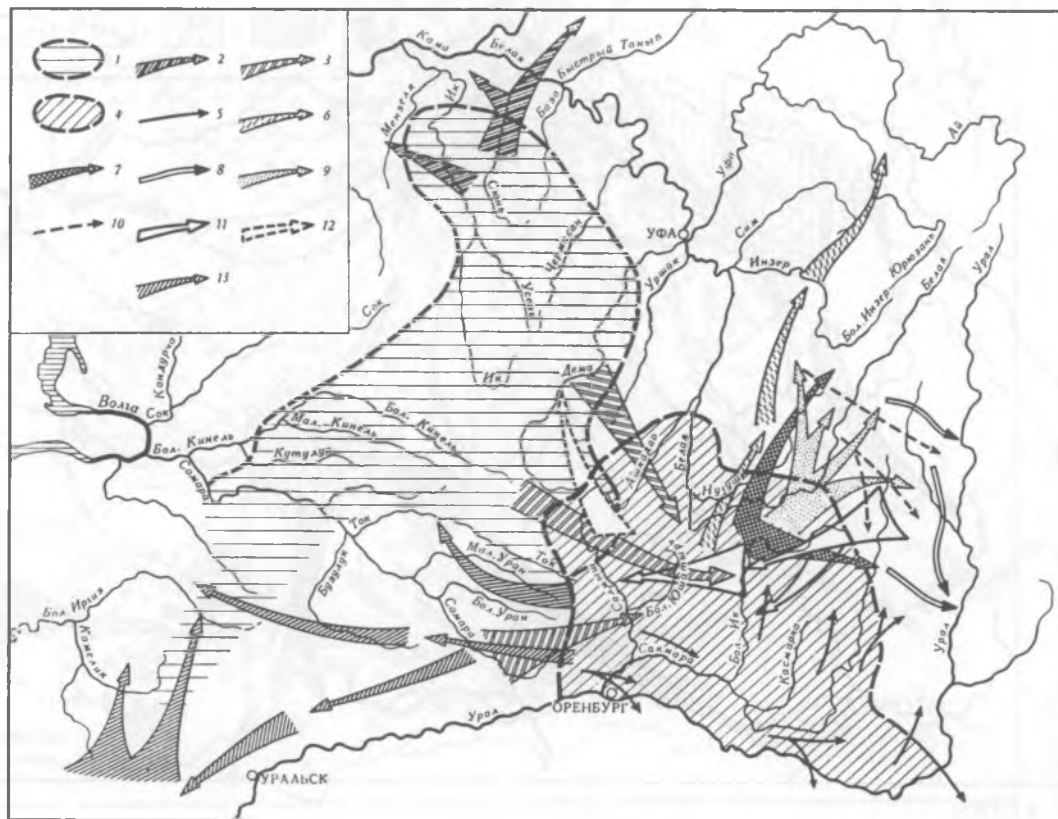
Карта 1

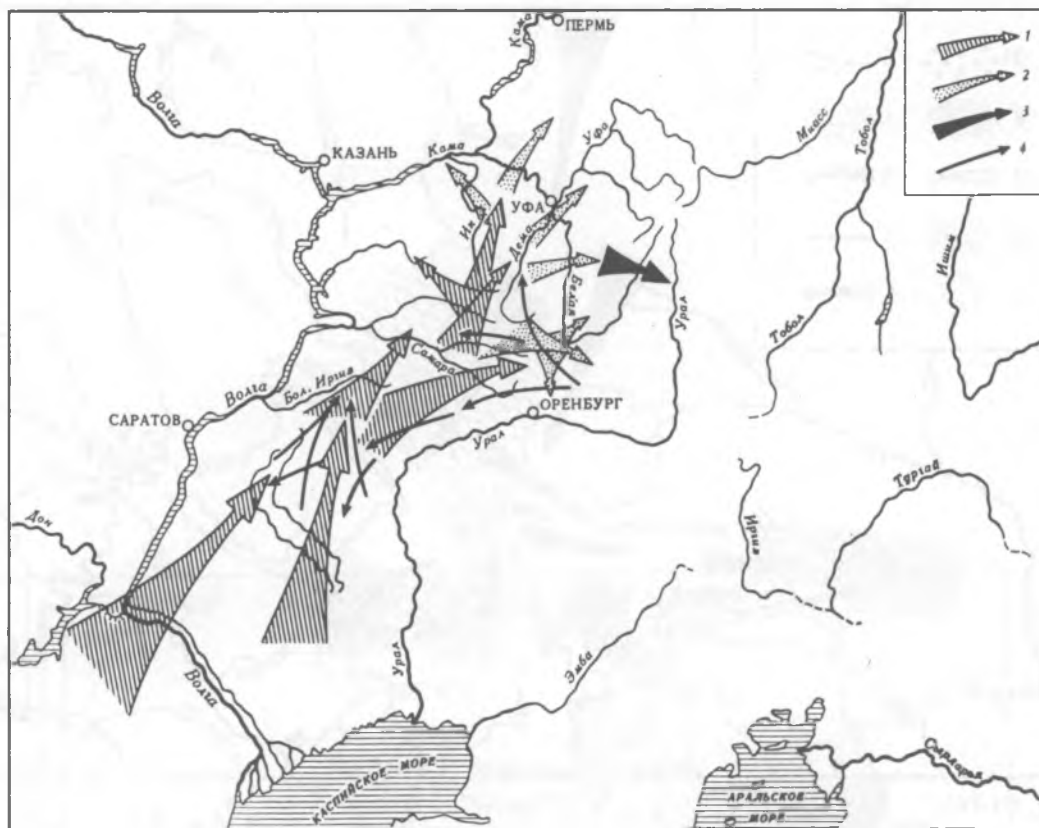

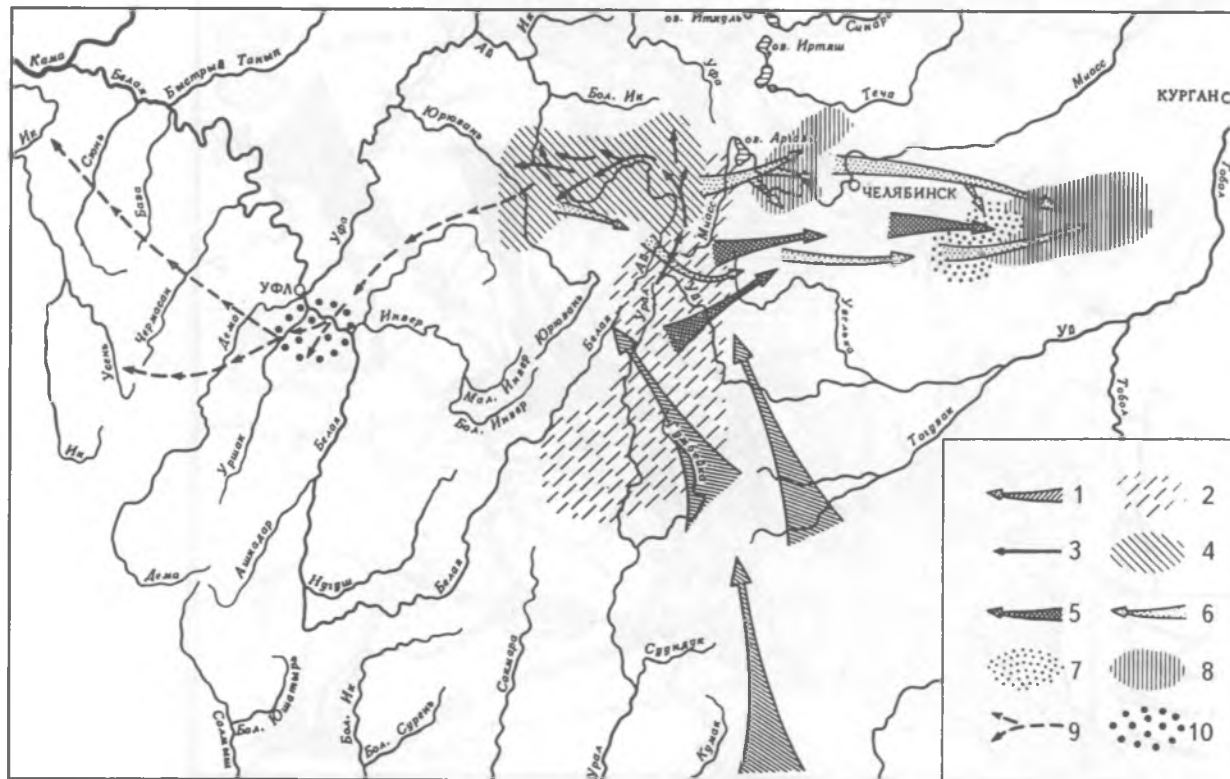
Карта 4

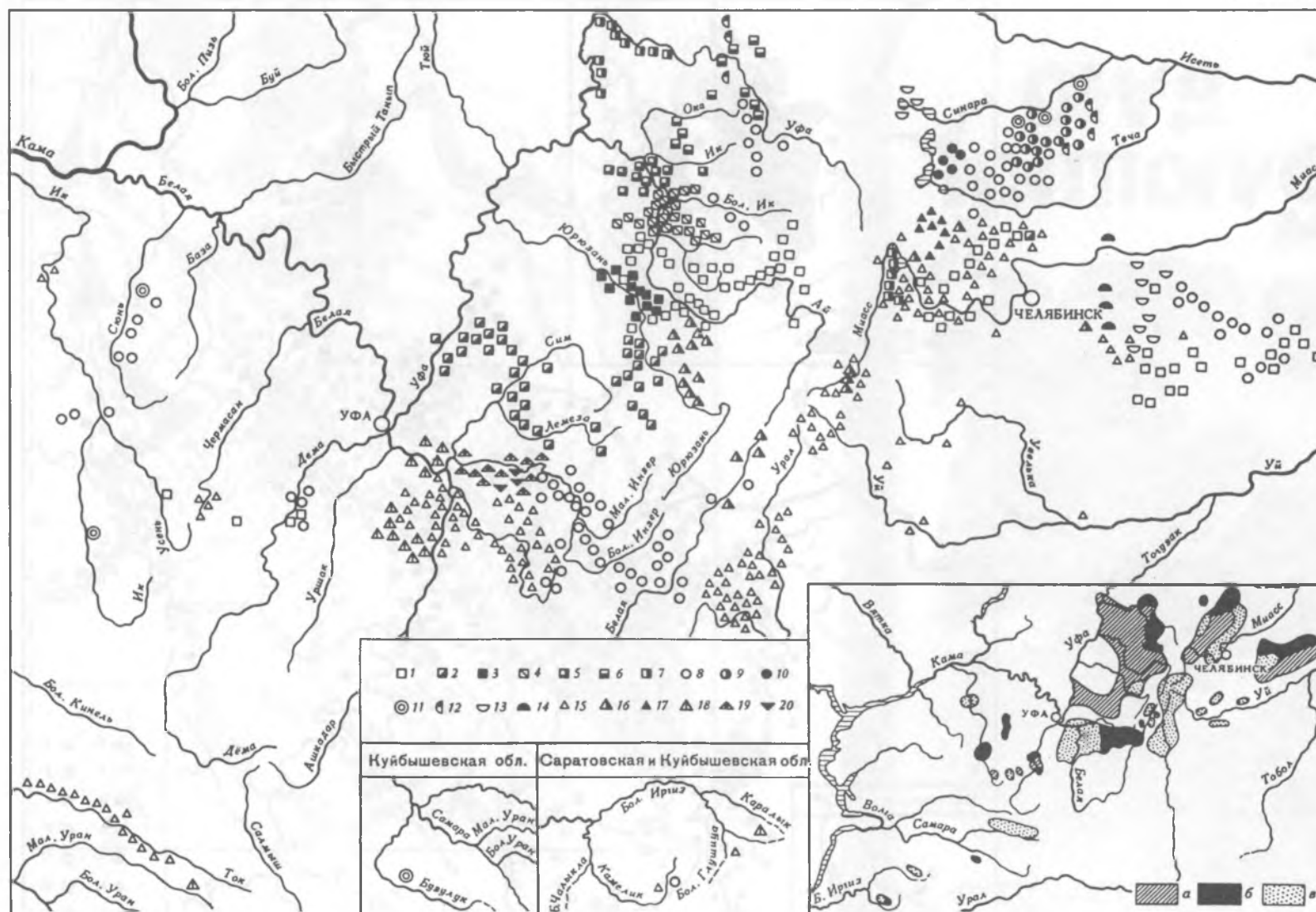

Карта 5

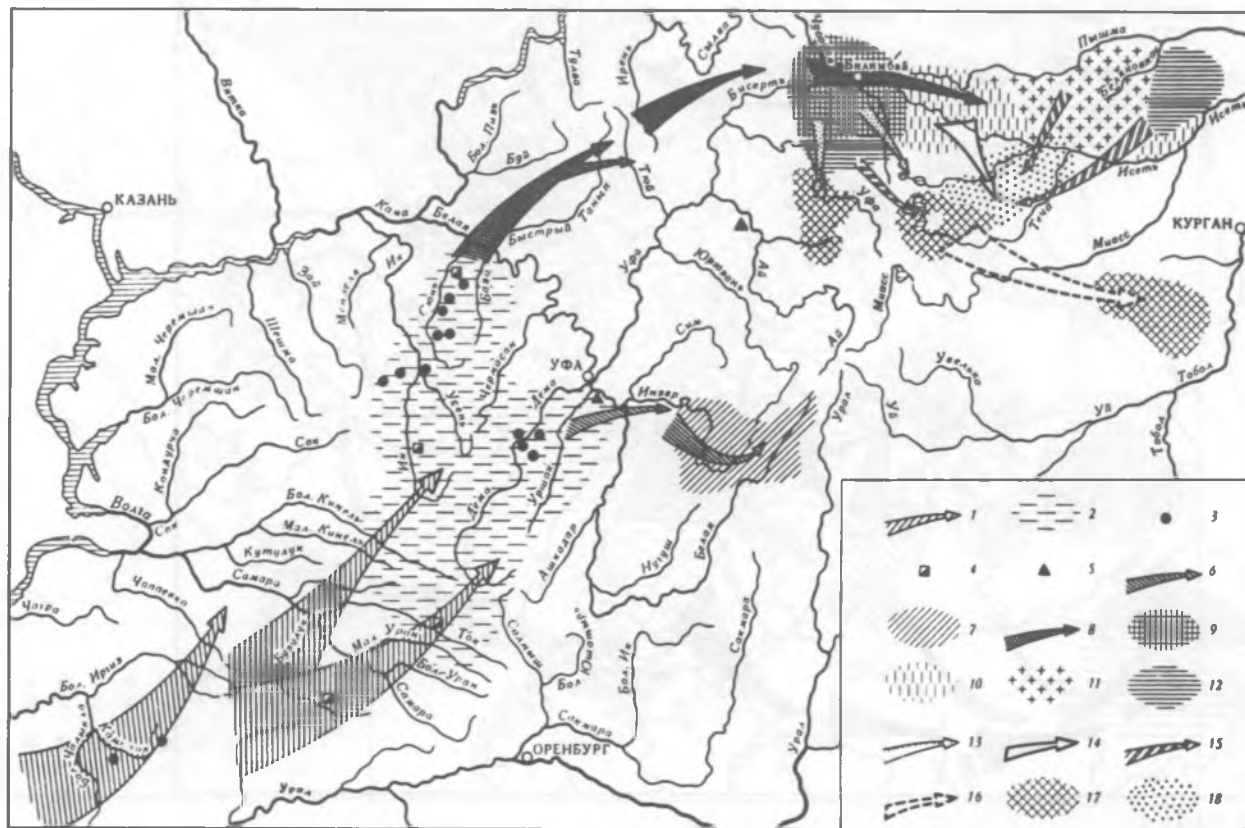

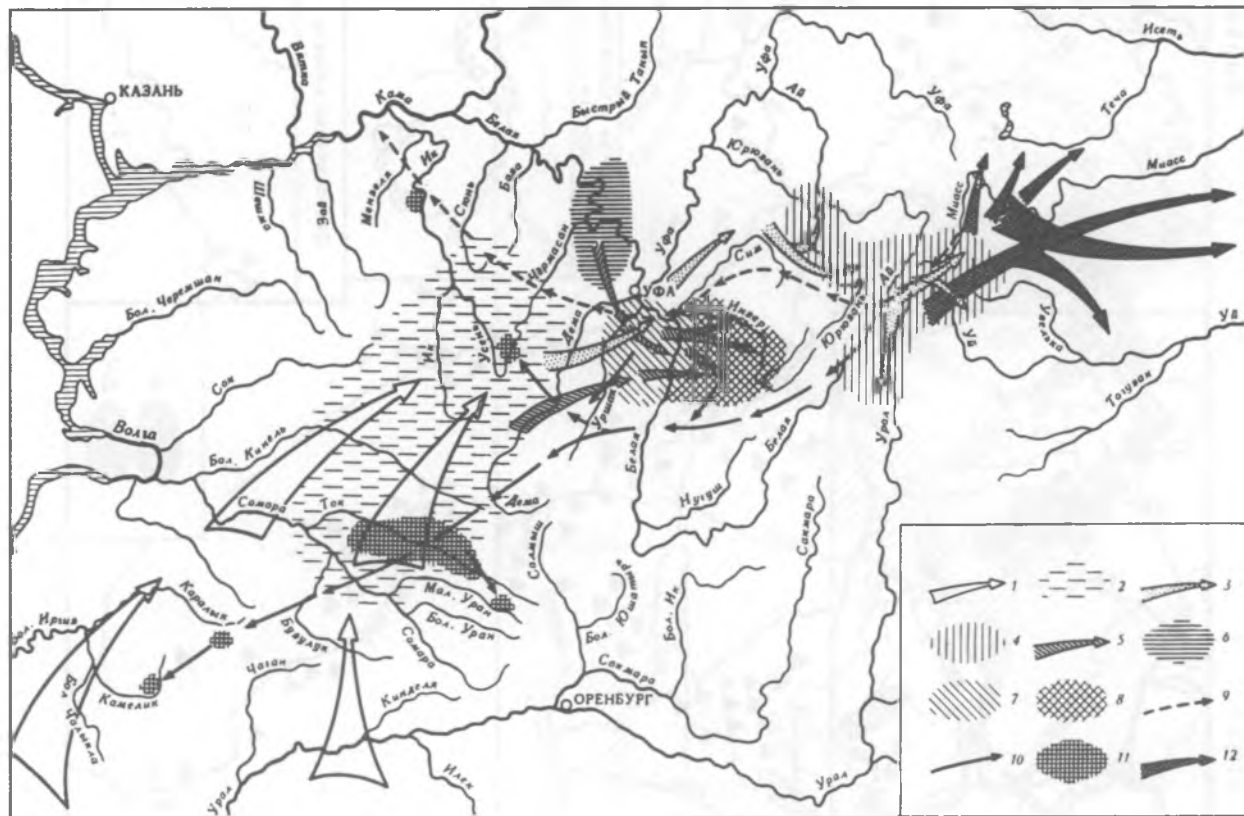
Карта 7

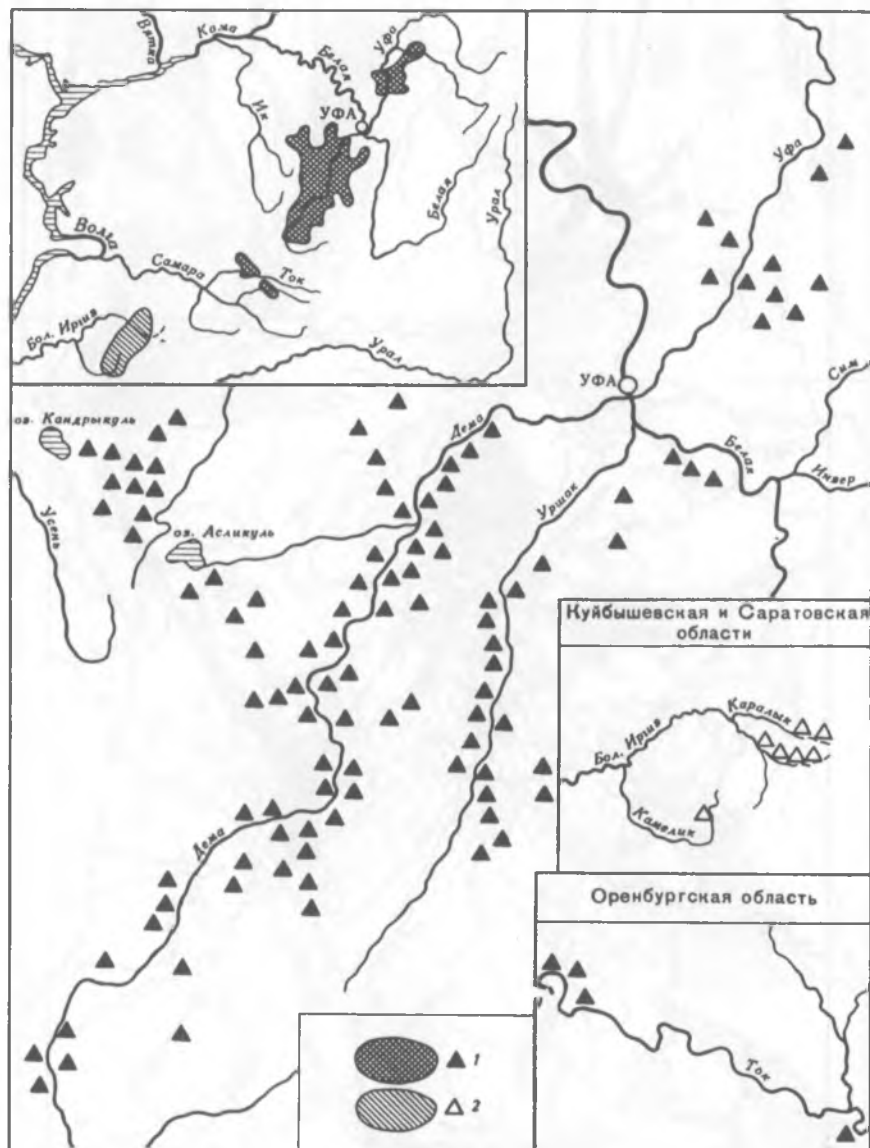

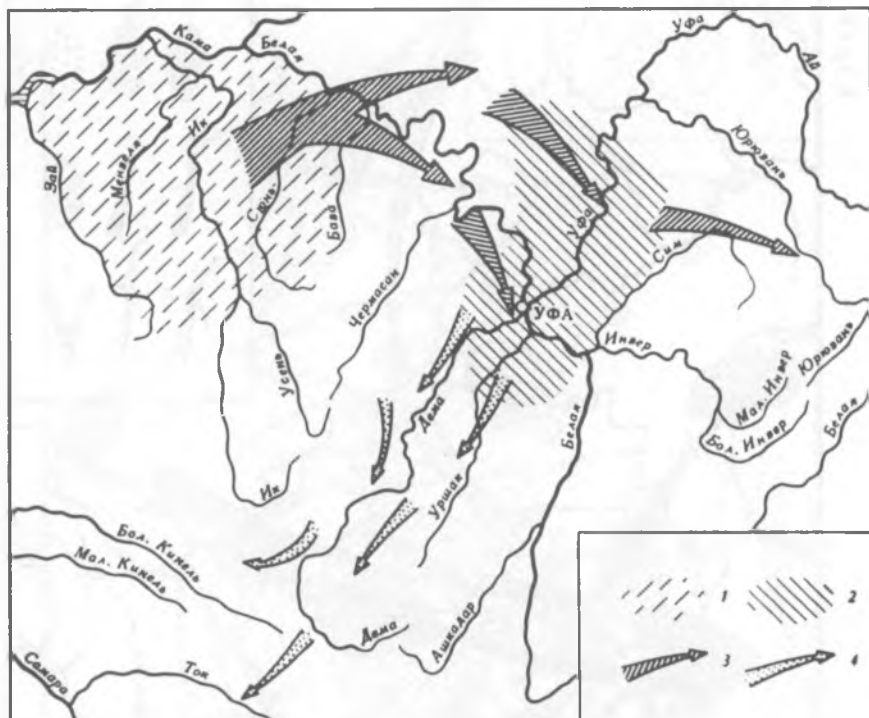

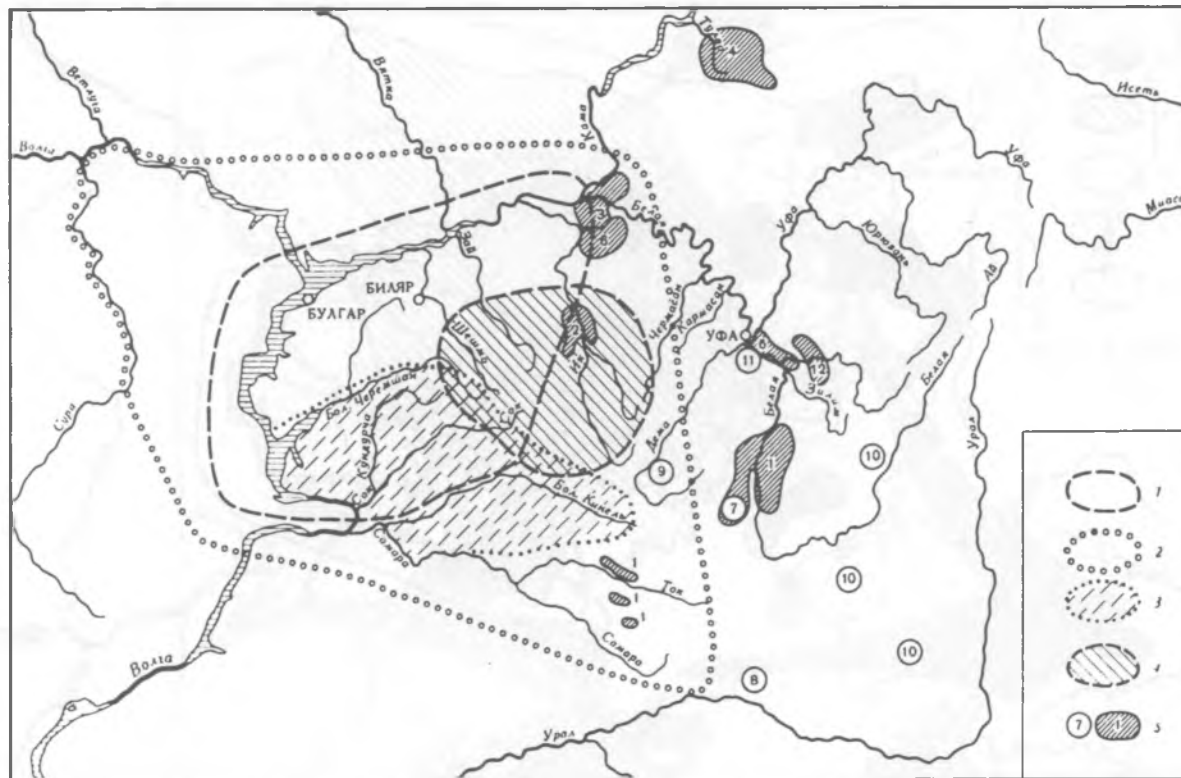
Карта 9

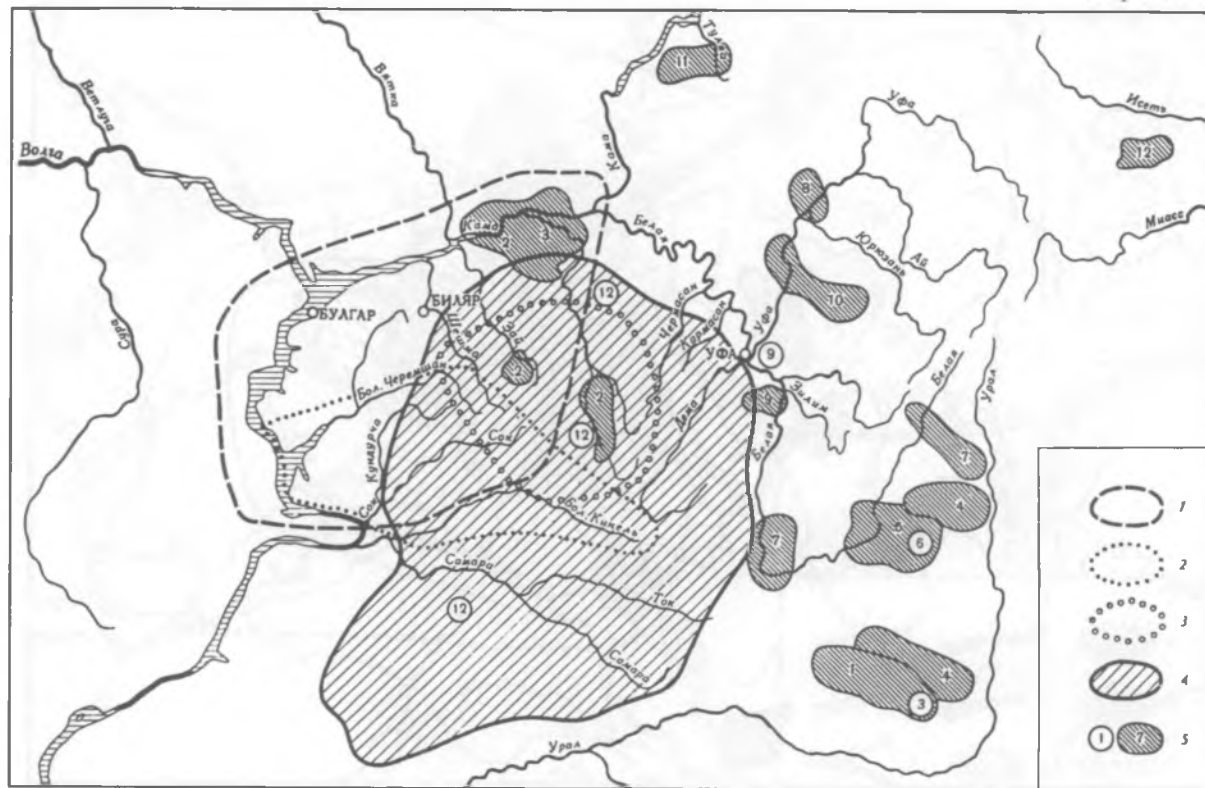

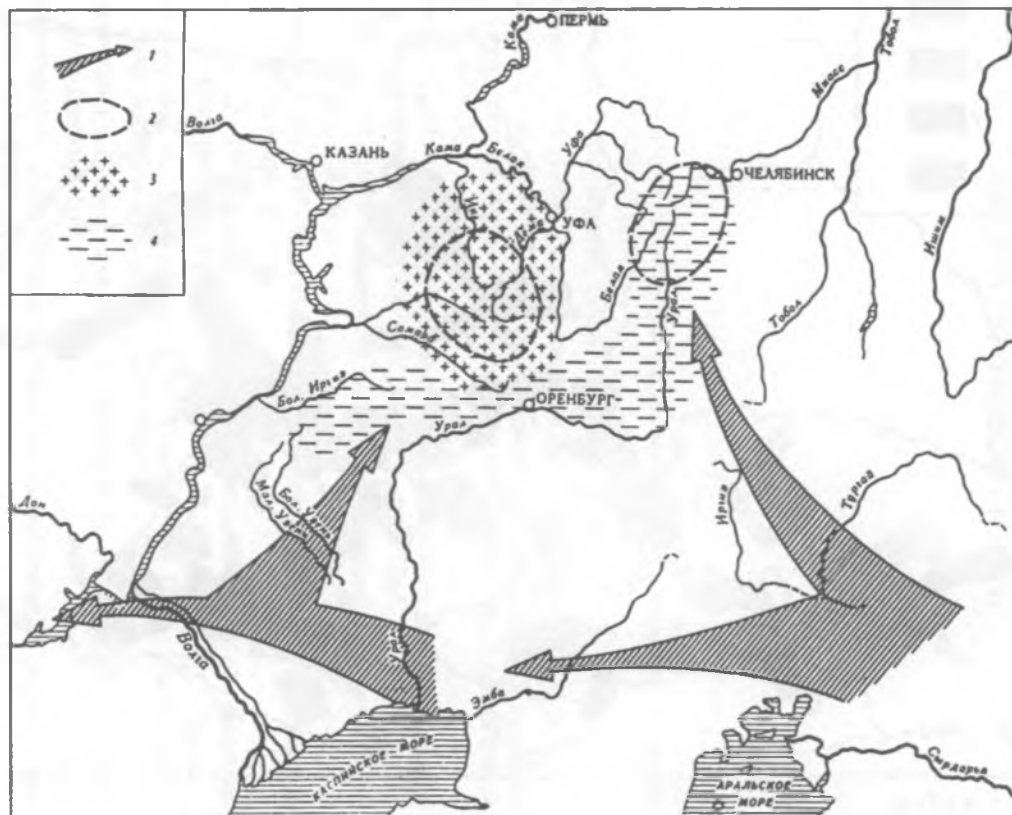

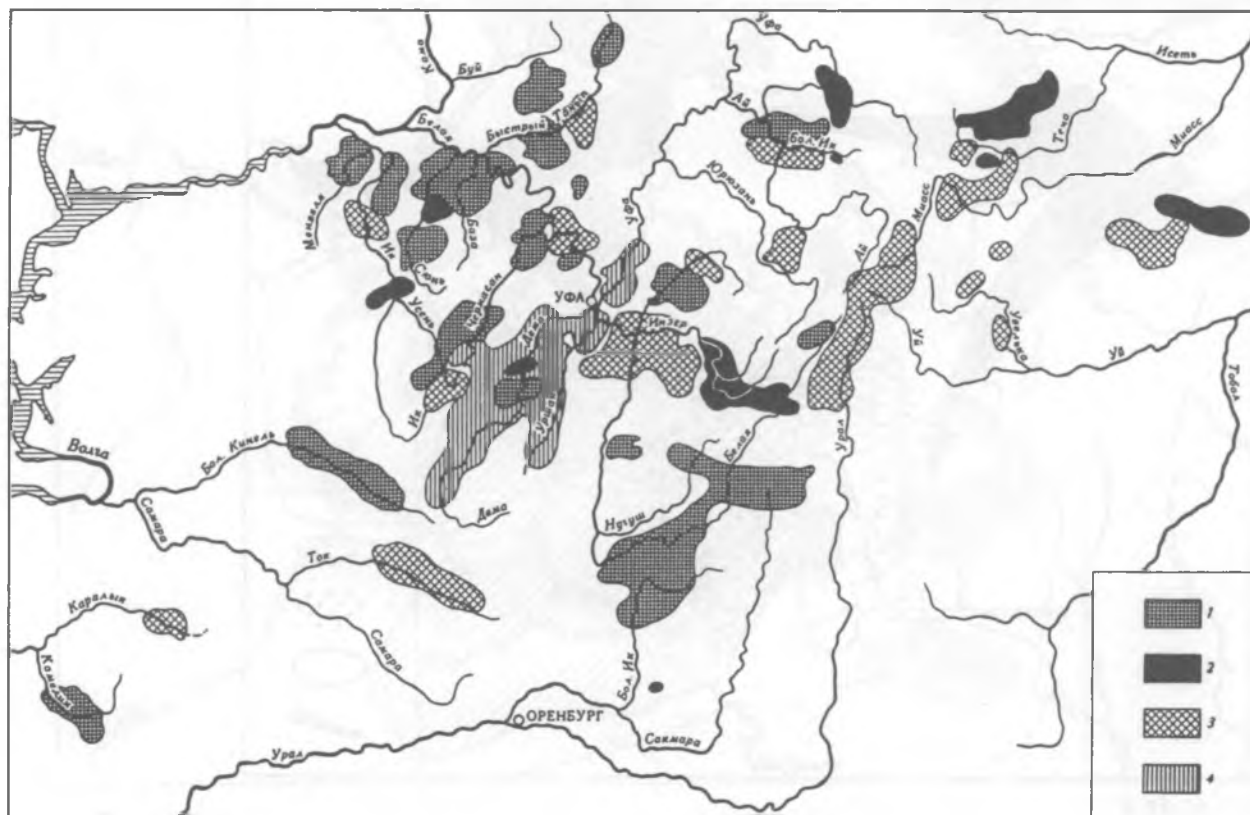

Карта 16

Карта 18

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 1.
- Ленин В. И. О государстве. Полн. собр. соч., т. 29.
- Абрамзон С. М., 1949. К семантике киргизских этнонимов. СЭ, № 3.
- Абрамзон С. М., 1951. Формы родоплеменной организации у кочевников Средней Азии. В кн.: «Родовое общество». ТИЭ, новая серия, т. XIV. М.
- Абрамзон С. М., 1960. Этнический состав киргизского населения северной Киргизии. ТКАЭЭ, т. IV. М.
- Абрамзон С. М., 1970. Некоторые вопросы социального строя кочевых обществ. СЭ, № 6.
- Абрамзон С. М., 1971. Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.
- Абрамов А. Н., 1907. Башкиры (антропологический очерк). «Русский антропологический журнал», кн. 27–28, № 3–4. М.
- Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., 1964. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа.
- Авижанская С. А., Бикбулатов Н. В., Кузеев Р. Г., 1968. Народное искусство башкир. Л.
- Агаджанов С. Г., 1969. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад.
- Агаджанов С. Г., 1970. Некоторые проблемы истории огузских племен Средней Азии. «Тюркологический сборник. 1970». М.
- Агафий. 1953. О царствовании Юстиниана. Перевод М. В. Левченко. М. — Л.
- Акимова М. С., 1961. Антропологические материалы мазунинской культуры Прикамья. «Отчеты Камской (Боткинской) археологической экспедиции Института археологии АН СССР», вып. 2. М.

- Акимова М. С.*, 1964. Древнее население Башкирии по антропологическим данным. АЭБ, II. Уфа.
- Акимова М. С.*, 1964а. Материалы к антропологии ранних болгар. В кн.: В. Ф. Генинг, А. Х. Халиков. «Ранние болгары на Волге (Большетарханский могильник)». М.
- Акимова М. С.*, 1968. Антропология древнего населения Приуралья. М.
- Акимова М. С.*, 1971. Этногенез башкир по данным антропологии. АЭБ, IV. Уфа.
- Акишев К. А., Байтаков К. М., Ерзакович Л. Б.*, 1972. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата.
- Акты Исторические, 1841–1842, т. I–V. СПб.
- Ал-Бакуви*, 1971. ‘Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб талхйс ал-а̣с̣ар ва ‘аджа’иб ал-малик ал-кахх̣ар («Сокращение [книги о] „Памятниках“ и чудеса царя могучего»). М.
- Ал-Гарнати*, 1971. Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). Публикация О. Г. Большакова, А. Л. Монгайта. М.
- Алексеев В. П.*, 1969. Краниологические материалы к этногенезу башкирского народа. Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа.
- Алексеев В. П.*, 1969а. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М.
- Алексеев В. П.*, 1971. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии. АЭТ, вып. 1. Казань.
- Аманжолов С. А.*, 1959. Вопросы диалектологии и истории казахского языка. Алма-Ата.
- Амин аль Холи*, 1962. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М.
- Аннинский С. А.*, 1940. Известия венгерских миссионеров XIII–XIV вв. о татарах и Восточной Европе. ИА, т. III. М. — Л.
- Аристов Н. А.*, 1894. Опыт выяснения этнического состава киргиз-казачков Большой орды и каракиргизов на основании родословных сказаний и сведений о существующих родовых делениях и о родовых тамгах, а также исторических данных и начинающихся антропологических исследований. «Живая старина», вып. III, IV (отдельное издание: СПб., 1895).
- Аристов Н. А.*, 1896. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. «Живая старина», вып. III, IV (отдельное издание: СПб., 1897).
- Артамонов М. И.*, 1936. Очерки древнейшей истории хазар. Л.
- Артамонов М. И.*, 1962. История хазар. М. — Л.

- Артамонов М. И.*, 1970. Болгарские культуры Северного и Западного Причерноморья. «Доклады Географического общества СССР», вып. 15. Этнография. Л.
- «Археология и этнография Башкирии», 1962, т. I. Уфа; 1964, т. II. Уфа; 1968, т. III. Уфа; 1971, т. IV. Уфа.
- Асалханов И. А.*, 1960. О бурятских родах в XIX в. «Этнографический сборник», вып. 1. Улан-Удэ.
- Ахатов Г. Х.*, 1963. Дialect западносибирских татар. Уфа.
- Ахинжанов М. Б.*, 1959. Этногенез казахского народа. Учен. зап. Казахского гос. ун-та, т. XXXVIII, серия ист., вып. 4. Алма-Ата.
- Ахинжанов М. Б.*, 1971. Происхождение и формирование казахского народа. Автореф. докт. дисс. Алма-Ата.
- Ахинжанов С., Ерзакович Л.*, 1972. К вопросу о происхождении канов на Сырдарье. «Известия АН КазССР», серия общественная, 2. Алма-Ата.
- Ахмаров Г. Н.*, 1903. О языке и народности мишарей. Казань.
- Ахмаров Г. Н.*, 1908. Тептяри и их происхождение. Казань.
- Ахмедов Б.*, 1965. Государство кочевых узбеков. М.
- Ахмеров Р. Б.*, 1947. Древние погребения в г. Уфе. КСИИМК, XXV.
- Ахмеров Р. Б.*, 1951. Уфимские погребения VI–VIII вв. н. э. КСИИМК, X.
- Ахмеров Р. Б.*, 1955. Могильник близ г. Стерлитамака. СА, XXII.
- Ахмеров Р. Б.*, 1970. Уфимские погребения IV–VII вв. н. э. и их место в древней истории Башкирии. Сб. «Древности Башкирии». М.
- Ахметьянов Р. Г.*, 1972. К древним культурным связям между финно-уграми и тюрками. «Вопросы советского финно-угроведения». Саранск.
- Ашмарин Н. И.*, 1902. Болгары и чуваша. Казань.
- Бадер О. Н.*, 1972. О древнейших финно-уграх на Урале и древних финнах между Уралом и Балтикой. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Баишев Т. Г.*, 1955. Башкирские диалекты и их отношение к литературному языку. М.
- Барта А.*, 1972. Истоки венгерской культуры X в. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Бартольд В. В.*, 1897. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893–1894 гг. «Зап. Российской академии наук», отделение истории и филологии, серия VIII, т. I, № 4. СПб.
- Бартольд В. В.*, 1924. Худуд-ал-Алем, рукопись Туманского.

- Бартольд В. В.*, 1963. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Соч., т. I. М.
- Бартольд В. В.*, 1963а. Очерк истории Семиречья. Соч., т. II, ч. 1. М.
- Бартольд В. В.*, 1963б. История Туркестана. Соч., т. II, ч. 1. М.
- Бартольд В. В.*, 1963в. Очерк истории туркменского народа. Соч., т. II, ч. 1. М.
- Бартольд В. В.*, 1964. Улугбек и его время. Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В.*, 1964а. Еще о христианстве в Средней Азии. Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В.*, 1964б. О христианстве в Туркестане в домонгольский период (по поводу семиреченских надписей). Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В.*, 1964в. Еще о слове «сарт». Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В.*, 1964г. Церемониал при дворе узбекских ханов в XVII в. Соч., т. II, ч. 2. М.
- Бартольд В. В.*, 1965. Балык. Соч., т. III. М.
- Бартольд В. В.*, 1965а. Карши. Соч., т. III. М.
- Бартольд В. В.*, 1968. История турецко-монгольских народов. Соч., т. V. М.
- Бартольд В. В.*, 1968а. Новый труд о половцах. Соч., т. V. М.
- Бартольд В. В.*, 1968б. Рецензия на книгу: Н. А. Аристов. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности (1897). Соч., т. V. М.
- Бартольд В. В.*, 1968в. Басджирт. Соч., т. V. М.
- Баскаков Н. А.*, 1940. Ногайский язык и его диалекты. М. — Л.
- Баскаков Н. А.*, 1952. Классификация тюркских языков в связи с исторической периодизацией их развития и формирования. Труды Института языкознания, т. I. М.
- Баскаков Н. А.*, 1958. Алтайский язык (Введение в изучение алтайского языка и его диалектов). М.
- Баскаков Н. А.*, 1960. Тюркские языки. М.
- Баскаков Н. А.*, 1964. Родоплеменные названия кыпчаков в топонимии Южной Молдавии. «Топонимика Востока». М.
- Баскаков Н. А.*, 1964а. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. М. (Доклад на VII МКАЭН).
- Баскаков Н. А.*, 1970. Основные теоретические направления в изучении алтайской семьи языков. «Советская тюркология», № 1.
- «Башкирские шежере». Составление, перевод текстов, введение и комментарии Р. Г. Кузеева. Уфа, 1960.

- «Башкирский археологический сборник», 1959. Уфа.
- «Башкирско-русский словарь», 1958. Уфа.
- Бернштам А. Н.*, 1946. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII вв. М. — Л.
- Бернштам А. Н.*, 1951. Очерк истории гуннов. Л.
- Берс А.*, 1930. Прошлое Урала с древнейших времен до русской колонизации. М.
- Берхгольц фон Лев*, 1893. Горные башкиры — катайцы. «Этнографическое обозрение», кн. XVIII, № 3. М.
- Бикбулатов Н. В.*, 1964. Терминология и система родства башкир. АЭБ, II. Уфа.
- Бикбулатов Н. В., Мажитов Н. А.*, 1969. Археология и этнография Башкирии за 50 лет. В кн.: «Наука в Советской Башкирии за 50 лет». Уфа.
- Бичурин Н. Я. (Иакинф)*, 1950. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, т. I; 1953, т. III. М. — Л.
- Богданов А. П.*, 1880. Курганные приуральцы по раскопкам гг. Зографа и Нефедова (черепя башкир и ногайских ханов). «Известия Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», т. XXXV, ч. 1, вып. 3–4. М.
- Бромлей Ю. В.*, 1969. Этнос и эндогамия. СЭ, № 6.
- Бромлей Ю. В.*, 1970. Этнос и этносоциальный организм. «Тезисы докладов на заседаниях, посвященных итогам полевых исследований 1969 г.» М.
- Бромлей Ю. В.*, 1970а. К вопросу о сущности этноса. «Природа», № 2.
- Бромлей Ю. В.*, 1972. Опыт типологизации этнических общностей. СЭ, № 5.
- Бронников Н. А.*, 1914. Кангюй, Канглы или Кан и Юечжи (к исторической географии Русского Туркестана). «Записки Московского археологического института», т. XXXV. М.
- Бушмакин С. К.*, 1970. Воршудные имена-микроразноимья удмуртов. «Этнонимы». М.
- Вайнштейн С. И.*, 1961. Тувинцы-тоджинцы. Историко-этнографические очерки. М.
- Вайнштейн С. И.*, 1969. Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. докт. дисс. М.
- Вайнштейн С. И.*, 1972. Историческая этнография тувинцев. Проблемы кочевого хозяйства. М.

- Вамбери А.*, 1865. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана через Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. СПб.
- Василевич Г. М.*, 1946. Древнейшие этнонимы Азии и названия эвенкийских родов. СЭ, № 4.
- Васильев В. П.*, 1857. История и древности восточной части Средней Азии от X до XIII в. СПб.
- Васильева Г. П.*, 1952. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. ТХАЭЭ, т. I. М.
- Васильева Г. П.*, 1954. Туркмены-нохурли. ТИЭ, новая серия, т. XXI. М.
- Васильева Г. П.*, 1964. Этнографические данные о происхождении туркменского народа. М. (Доклад на VII МКАЭН).
- Васильева Г. П.*, 1971. О некоторых общих элементах в культуре туркмен и башкир в связи с их этногенезом. АЭБ, IV. Уфа.
- Васюткин С. М.*, 1968. Некоторые спорные вопросы археологии Башкирии I тысячелетия н. э. СА, № 1.
- Васюткин С. М.*, 1969. К изучению археологических памятников в Башкирии. «Вестник МГУ. Серия история», № 5.
- Васюткин С. М.*, 1971. О периодизации этнической истории населения Башкирии эпохи средневековья (III–XIII вв.). АЭБ, IV. Уфа.
- Васюткин С. М.*, 1971а. К дискуссии по бахмутинской культуре. СА, № 3.
- Вельяминов-Зернов В. В.*, 1859. Памятник с арабско-татарскою надписью в Башкирии. Труды Восточного отделения Русского археологического общества, ч. IV.
- Вельяминов-Зернов В. В.*, 1864. Источники для изучения тарханства, пожалованного башкирам русскими государями. «Зап. Российской академии наук», кн. 2, приложение.
- Вестберг Ф.*, 1908. К анализу восточных источников о Восточной Европе. ЖМНП: № XIII (февраль), № XIV (март).
- Викторова Л. Л.*, 1958. К вопросу о расселении монгольских племен на Дальнем Востоке в IV в. до н. э. — XII в. н. э. Уч. зап. ЛГУ, № 256, Серия востоковедческих наук, вып. 7.
- Викторов С. В.*, 1971. Индикация старых путей кочевания казахских родов табын и адай и ее значение для современного освоения Устюрта. «Известия Географического общества СССР», № 5.
- Винников Я. Р.*, 1956. Родоплеменной состав и расселение киргизов на территории Южной Киргизии. ТКАЭЭ, т. I. М.

- Винников Я. Р.*, 1962. Родоплеменной и этнический состав населения Чарджоуской области Туркменской ССР и его расселение. Труды ИИАЭ АН Туркм. ССР, т. VI, серия этнографии. Ашхабад.
- Витевский В. Н.*, 1897. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., т. I. Казань.
- Вишневский Б. И.*, 1960. Следы угров на западном Урале. Учен. зап. Пермского гос. ун-та, т. XII, вып. 1. Труды Камской археологической экспедиции, вып. III. Пермь.
- Владимирцев Б. Я.*, 1934. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.
- Волкова Н. Г.*, 1972. Маджары (из истории городов Северного Кавказа). «Кавказский этнографический сборник», V. М.
- Востров В. В.*, 1960. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семипалатинской области (конец XIX — начало XX в.). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 14.
- Востров В. В.*, 1961. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Семиреченской области (конец XIX — начало XX в.). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12.
- Востров В. В.*, 1962. Родоплеменной состав и расселение казахов на территории Тургайской области (конец XIX — начало XX в.) Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 16.
- Востров В. В., Муканов М. С.*, 1968. Родоплеменной состав и расселение казахов. Алма-Ата.
- «Всемирная история», 1957, т. III, М.
- Гарипов Т. М.*, 1972. Лексикостатистические отношения тюркских языков Урало-Поволжья. «Языковые контакты в Башкирии». Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. 50, серия филол., № 20 (23). Уфа.
- Гарипов Т. М.*, 1972а. Башкирско-татарские языковые параллели. (Материалы к сравнительной грамматике кыпчакских языков Урало-Поволжья). «Языковые контакты в Башкирии». Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. 50, серия филол., № 20 (23). Уфа.
- Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г.*, 1962. «Башкиро-мадьярская» проблема. Краткий обзор основных источников. АЭБ, 1, Уфа.
- Гарипов Т. М., Кузеев Р. Г.*, 1969. Следы алтайской этнонимии в родоплеменной номенклатуре башкир. Сб. «Проблемы общности алтайских языков». Л.
- Гаркави А. Я.*, 1870. Сказания мусульманских писателей о славянах и русах (с половины VII в. до X в. по Р. Х.). СПб.

- Гафуров Б. Г.*, 1972. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. М.
- Генинг В. Ф.*, 1961. Проблемы изучения железного века Урала. «Вопросы археологии Урала», вып. 1. Свердловск.
- Генинг В. Ф.*, 1964. К вопросу об этническом составе населения Башкирии в I тыс. н. э. АЭБ, II. Уфа.
- Генинг В. Ф.*, 1967. Мазунинская культура в Среднем Прикамье. «Вопросы археологии Урала», вып. 7. Свердловск.
- Генинг В. Ф.*, 1970. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть I. Чегандинская культура (III в. до н. э. — II в. н. э.). «Вопросы археологии Урала», вып. 10. Ижевск.
- Генинг В. Ф.*, 1971. Этнический субстрат в составе башкир и его происхождение (по археологическим материалам I тыс. н. э.) АЭБ, IV. Уфа.
- Генинг В. Ф.*, 1972. Южное Приуралье в III–VII вв. (проблема этноса и его происхождения). «Проблемы археологии и древней истории угров»). М.
- Генинг В. Ф., Халиков А. Х.*, 1964. Ранние болгары на Волге (Больше-Тарханский могильник). М.
- Георги И. Г.*, 1799. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, ч. 1. СПб.
- Голубовский П. В.*, 1884. Печенеги, половцы и торки до нашествия татар. Киев.
- Голубовский П.*, 1884а. Об узах и торках. ЖМНП, июль.
- Гольденберг Л. А.*, 1965. Семен Ульянович Ремезов, сибирский картограф и географ. М.
- Гордеев Ф. И.*, 1971. О происхождении этнонима «башкир». АЭБ, IV. Уфа.
- Гордеев Ф. И.*, 1969. О поздних сарматских заимствованиях в восточно-финских языках. «Вопросы финно-угроведения», вып. V. Йошкар-Ола.
- Гордлевский В. А.*, 1961. Что такое «босый волк»? Соч., т. II. М.
- Гребенкин А. Д.*, 1872. Узбеки. «Русский Туркестан», вып. II. М.
- Греков Б. Д., Калинин Н. Ф.*, 1948. Булгарское государство до монгольского завоевания. МИТ, вып. 1. Казань.
- Греков Б. Д., Якубовский А. Ю.*, 1950. Золотая Орда и ее падение. М. — Л.
- Гродеков Н. И.*, 1889. Киргизы и каракиргизы Сыр-Дарьинской области, т. 1. Ташкент.

- Грумм-Гржимайло Г. Е., 1926. Западная Монголия и Урянхайский край, т. II. Л.
- Гумилев Л. Н., 1959. Алтайская ветвь тюрков-тугю. СА, № 1.
- Гумилев Л. Н., 1967. Древние тюрки. М.
- Гумилев Л. Н., 1970. Поиски вымышленного царства. М.
- Гусейнзаде А., 1971. К этимологии топонима Kuscü. «Советская тюркология», № 6.
- Гусейнзаде А., 1971. К этимологии топонима Kuşcu. «Советская тюркология», № 2.
- Данилевский Н. Я., Грот К. Я., 1883. О пути мадьяр с Урала в Лебедию. СПб.
- Даль В., 1955. Толковый словарь, т. I. М.
- Дебец Г. Ф., 1956. Проблема происхождения киргизского народа в свете антропологических данных. ТКАЭЭ, т. I. М.
- Денисов П. В., 1957. Данные этнографии к вопросу о происхождении чувашского языка. Сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары.
- Денисов П. В., 1959. Религиозные верования чуваш. Чебоксары.
- Денисов П. В., 1969. Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. Чебоксары.
- [Дженкинсон], 1937. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. Перевод с англ. Ю. В. Готье. Л., 1937.
- Джикиев А., 1961. Туркмены юго-восточного побережья Каспийского моря. Ашхабад.
- Дмитриев А., 1893. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае, вып. 5. Пермь.
- Дмитриев Н. К., 1948. Грамматика башкирского языка. М. — Л.
- Добросмыслов А. И., 1900. Материалы по истории России, т. I–II. Оренбург.
- «Документы архива хивинских ханов по истории и этнографии каракалпаков». Подбор документов, введение, перевод, примечания и указатели Ю. Э. Брелеля. М., 1967.
- Долгих Б. О., 1960. Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.
- «Дополнения к Актам историческим», 1846–1875, т. I–XII. СПб.
- «Древнетюркский словарь», 1969. Л.
- Дульзон А. П., 1971. Этнолингвистическая дифференциация тюрков Сибири. «Структура и история тюркских языков». М.

- Европеус Д.*, 1868. К вопросу о народах, обитавших в средней и северной России до прибытия славян. ЖМНП, июль.
- Егоров В. Г.*, 1953. К вопросу о происхождении чуваш и их языка. Зап. Чувашского НИИЯЛИ, вып. VII. Чебоксары.
- Еремеев Д. Е.*, 1970. К семантике тюркской этнонимии. «Этнонимы». М.
- Еремеев Д. Е.*, 1971. Этногенез турок (происхождение и основные этапы этнической истории). М.
- Жданко Т. А.*, 1950. Очерки исторической этнографии каракалпаков (родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX в.). ТИЭ, новая серия, т. IX. М. — Л.
- Жданко Т. А.*, 1952. Каракалпаки Хорезмского оазиса. ТХАЭЭ, т. I. М.
- Жданко Т. А.*, 1962. Проблема этногенеза каракалпаков. КСИЭ, № XXXVI. М.
- Жданко Т. А.*, 1971. О близости некоторых исторических традиций у каракалпаков и башкир. АЭБ, IV. Уфа.
- Заднепровский Ю. А.*, 1971. Об этнической принадлежности памятников кочевников Семиречья усуньского периода II в. до н. э. — V в. н. э. «Страны и народы Востока», X. М.
- Задыхина К. Л.*, 1952. Узбеки дельты Аму-Дарьи. ТХАЭЭ, т. I. М.
- Заходер Б. Н.*, 1956. Среднеазиатско-харасанская география IX–X вв. о Поволжье и Восточной Европе. Уч. зап. Ин-та востоковедения АН СССР, т. 14.
- Заходер Б. Я.*, 1962. Каспийский свод сведений о Восточной Европе, Горган и Поволжье в IX–X вв. М.
- Збруева А. В.*, 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху. МИА, № 30.
- Золотницкий Н. И.*, 1884. Лингвистическая заметка о названиях болгар, билиар и морквашы. «Изв. Общества археологии, истории и этнографии», т. III. Казань.
- Зуев Ю. А.*, 1960. К этнической истории усуней. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата.
- Зуев Ю. А.*, 1960а. Тамги лошадей из вассальных княжеств. Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 8. Алма-Ата.
- Зуев Ю. А.*, 1970. Киргизы-буруты (к вопросу о тотемизме и принципах этнонимообразования). СЭ, № 4.
- [Ибн-Фадлан]*, 1939. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу. Под ред. акад. И. Ю. Крачковского. М. — Л.

- Ибрагимов С. К.*, 1960. «Фатухат-хани» Бинои как источник по истории Казахстана второй половины XV в. М. (Доклад на VII МКАЭН).
- Иванков В. П.*, 1969. Историческая наука Советской Башкирии. В кн.: «Наука в Советской Башкирии за 50 лет». Уфа.
- Иванов С. В.*, 1954. Материалы по изобразительному искусству народов Сибири XIX — начала XX в. ТИЭ, новая серия, т. XXII. М. — Л.
- Игнатович А.*, 1863. Башкирская Бурзянская волость. «Архив Калачева. 1860—1861 гг.», кн. 5.
- Игнатьев Р. Г.*, 1875. Сказания, сказки и песни, сохранившиеся в рукописях татарской письменности и устных пересказах у инородцев-магометан Оренбургского края. Записки Оренбургского отделения РГО, вып. III. Оренбург.
- Игнатьев Р. Г.*, 1881. Названия вод, урочищ и прочих, как памятники югров в Уфимской губернии. Записки Оренбургского отделения РГО, вып. IV. Оренбург.
- Игнатьев Р. Г.*, 1884. Памятники доисторических древностей Уфимской губернии. «Памятная книга Уфимской губернии за 1883 год». Уфа.
- Игнатьев Р. Г.*, 1884а. Историко-административные сведения о башкирском народе, составленные по приказанию графа П. И. Панина в 1775 г. Напечатал Р. Г. Игнатьев. «Памятная книга Уфимской губернии за 1883 год». Уфа.
- Иордан*, 1960. О происхождении и деяниях гетов. Вступительная статья, перевод, комментарий Е. Ч. Скржинской. М.
- Иофа Л. Е.*, 1951. Города Урала. М.
- Исмагулов О.*, 1970. Население Казахстана от эпохи бронзы до современности (палеоантропологическое исследование). Алма-Ата.
- «История Венгрии», 1971, т. I. М.
- «История Татарии в документах и материалах», 1937. М.
- Ишбулатов Н. Х.*, 1967. Лексические связи башкирского языка и его диалектов с финно-угорскими языками. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. IV. Ижевск.
- Ишбулатов Н. Х.*, 1969. Данные диалектов башкирского языка к вопросу об этногенезе башкир. Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа.
- Ишбулатов Н. Х., Максютлова Н. Х.*, 1962. Башкирская диалектология. Говоры зауральских и демских башкир. Уфа.
- Казаков Е. П.*, 1971. О башкиро-приуральском компоненте в материальной культуре ранней Волжской Булгарии (на материале керамики). АЭБ, IV. Уфа.

- Казаков Е. П.*, 1972. О некоторых венгерских аналогиях в вещевом материале Танкеевского могильника. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Калоев Б. А.*, 1972. Осетино-балкарские этнографические параллели. СЭ, № 3,
- Камалов А. А.*, 1969. Гидронимия Башкирии. Автореф. канд. дисс. Уфа.
- Камалов А. А.*, 1971. Данные гидронимии к проблеме этногенеза башкир. АЭБ, IV. Уфа.
- Кармышева Б. Х.*, 1954. Узбеки-локайцы Южного Таджикистана. Сталинабад.
- Кармышева Б. Х.*, 1959. Некоторые данные к этногенезу населения южных и западных районов Узбекистана. КСИЭ, XXVII.
- Кармышева Б. Х.*, 1960. Этнические и территориальные группы населения северо-восточной части Кашка-Дарьинской области Узбекской ССР. КСИЭ, XXXIII.
- Кармышева Б. Х.*, 1960а. Этнографическая группа «тюрк» в составе узбеков. СЭ, № 1.
- Карпов Г. И.*, 1925. Племенной и родовой состав туркмен. Ашхабад.
- Карпов Г. И.*, 1929. Тагма (родовые знаки у туркмен). «Туркменоведение», № 8–9.
- Карпов Г. И.*, 1928, № 12; 1929а, № 1. Родословная туркмен. «Туркменоведение».
- Карпов Г. И.*, 1945. Родовые знаки у туркмен. «Известия Туркменского филиала АН СССР», № 3–4.
- Катанов Н. Ф.*, 1888. Алфавитный указатель собственных имен, собранных В. В. Радловым. СПб.
- Катанов Н. Ф.*, 1920. Чувашские слова в болгарских и татарских памятниках. Казань.
- Каховский В. Ф.*, 1965. Происхождение чувашского народа. Чебоксары.
- Каховский В. Ф.*, 1968. Происхождение чувашского народа. Автореф. докт. дисс. М.
- Кельмаков В. К.*, 1970. Происхождение и первые упоминания этнонима *ар*. «Этнонимы». М.
- Киекбаев Д. Г.*, 1956. Вопросы башкирской топонимики. Учен. зап. Башкирского гос. пединститута, вып. VIII, серия филол., № 2. Уфа.
- Киекбаев Дж. Г.*, 1958. О звуках *ç*, *з* и *h* и их развитии в башкирском, туркменском и якутском языках. Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. 6, серия филол., № 5. Уфа.

- Киекбаев Дж. Г.*, 1959. Фонетика башкирского языка (опыт описательного и сравнительно-исторического исследования). Автореф. докт. дисс. М.
- Киреев А. Н.*, 1970. Башкирский народный героический эпос. Уфа.
- «К итогам дискуссии по некоторым проблемам теории нации». ВИ, 1970, № 8.
- Кляшторный С. Г.*, 1964. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М.
- «Книга Большому чертежу или древняя карта Российского государства, поновленная в разряде и списанная в книгу 1627 года», 1839. СПб.; новое издание: 1950. М.
- «Книга моего деда Коркута», 1962. Огузский героический эпос. Перевод В. В. Бартольда. М. — Л.
- Ковалевская В. Б.*, 1972. Башкирия и Евразийские степи IV–IX вв. (по материалам поясных наборов). «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Ковалевский А. П.*, 1954. Чуваши и болгары по данным Ахмеда ибн-Фадлана. Чебоксары.
- Ковалевский А. П.*, 1956. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков.
- Козин С. А.*, 1941. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г., т. I. М. — Л.
- Козлов В. И.*, 1967. О понятии этнической общности. СЭ, № 2.
- Козлов В. И.*, 1968. Типы этнических процессов и особенности их исторического развития. ВИ, № 9.
- Козлова К. И.*, 1969. Очерки исторической этнографии марийского народа. Автореф. докт. дисс. М.
- Кононов А. Н.*, 1947. Опыт анализа термина «тюрк». СЭ, № 1.
- Кононов А. Н.*, 1958. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана хивинского. М. — Л.
- Константин Багрянородный*, 1934. Об управлении государством. ИГАИМК, вып. 91.
- Корнилов Г. Е.*, 1971. К вопросу об источниках алтайских заимствований в венгерском языке. «Советское финно-угроведение», № 2. Таллин.
- Косвен М. О.*, 1963. Семейная община и патронимия. М.
- Красильников И.*, 1880. Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «ландкартам» И. Красильникова и «топографии П. И. Рычкова». СПб.

- Крачковский И. Ю.*, 1957. Арабская географическая литература. Соч., т. IV. М. — Л.
- Кузеев Р. Г.*, 1956. Об этногенезе башкир. «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1956а. Башкирские племена до XIII в. «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1956б. Зарождение феодальных отношений в Башкирии. «Очерки по истории Башкирской АССР», т. I, ч. 1. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1957. Очерки исторической этнографии башкир (родоплеменные организации башкир в XVII—XVIII вв.), ч. 1. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1957б. Башкирские шежере о присоединении Башкирии к Русскому государству. СЭ, № 4.
- Кузеев Р. Г.*, 1960. Родоплеменной состав башкир в XVIII в. Сб. «Вопросы башкирской филологии». М.
- Кузеев Р. Г.*, 1968. К этнической истории башкир в конце I — начале II тысячелетия н. э. (опыт сравнительно-исторического анализа шежере, исторических преданий и легенд). АЭБ, III. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1968а. Развитие хозяйства башкир в X—XIX вв. (к истории перехода башкир от кочевого скотоводства к земледелию). АЭБ, III. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1968б. Численность башкир и некоторые этнические процессы в Башкирии в XVI—XX вв. АЭБ, III. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1968в. Этнографические группы башкир в XIX в. и история их формирования. АЭБ, III. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1970. Урало-Аральские этнические связи в конце I тысячелетия н. э. и история формирования башкирской народности. АЭБ, IV. Уфа.
- Кузеев Р. Г.*, 1971. Шежере — письменные источники по средневековой истории башкирского народа. «Археографический ежегодник за 1971 год». М.
- Кузеев Р. Г.*, 1973. Опыт исторической стратификации родоплеменной этнонимии башкир. «Ономастика Поволжья», III. Уфа.
- Кузеев Р. Г., Бикбулатов Н. В., Шитова С. Н.*, 1962. Зауральские башкиры (этнографический очерк быта и культуры конца XIX — начала XX в.). АЭБ, I. Уфа.
- Кузеев Р. Г., Юлдашбаев Б. Х.*, 1957. 400 лет вместе с русским народом. Присоединение Башкирии к Русскому государству и его историческое значение. Уфа.

- Кумеков Б. Е.*, 1972. Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата.
- Куник А.*, 1878. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому «Именнику». «Зап. Российской академии наук», т. XXXII, кн. 2. СПб.
- Куник А. и Розен В.*, 1878. Известия Ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах, ч. 1. (Статьи и розыскания А. Куника и В. Розена). СПб. (Приложение к «Зап. Российской академии наук», т. XXXII, кн. 2).
- Кызласов Л. Р.*, 1960. Таштыкская эпоха в истории Хакаско-Минусинской котловины. М.
- Кызласов Л. Р.*, 1969. История Тувы в средние века. М.
- Ласло Д.*, 1972. К вопросу о формировании финно-угров. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Латышев В. В.*, 1893. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе, т. I. Греческие писатели. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. СПб.
- Лашук Л. П.*, 1968. Опыт типологии этнических общностей средневековых тюрок и монголов. СЭ, № 1.
- Лебедева Е. П.*, 1958. К вопросу о родовом составе монголов. «Филология и история монгольских народов». М.
- Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н.*, 1955. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. СЭ, № 4.
- Левшин А.*, 1832. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. II–III. СПб.
- Лепехин И. И.*, 1822. Записки путешествия (1768–1772 гг.). «Полное собрание ученых путешествий по России», т. 4, ч. 3. СПб.
- Леценко В. Ю.*, 1971. Восточные клады на Урале в VII–XIII вв. (по находкам художественной утвари). Автореф. канд. дисс. Л.
- Лоссиевский М. В.*, 1881. Из неизданных арабских и татарских хроник Оренбургского края. Газ. «Оренбургский листок», № 6.
- Лоссиевский М. В.*, 1883. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. «Справочная книжка Уфимской губернии», отд. V. Уфа.
- Лыткин В. И.*, 1953. Из истории словарного состава пермских языков. ВЯ, № 5.
- Лыткин В. И.*, 1971. К этимологии слов угры и югра. «Этимология. 1968». М.

- Магидович И. П.*, 1926. Территория и население Бухары и Хорезма, ч. I, Бухара. Ташкент.
- Магницкий В. К.*, 1905. Чувашские языческие имена. Казань.
- Мажитов Н. А.*, 1959. Курганный могильник в деревне Ново-Турбаслы. БАС, Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1962. Поселение Ново-Турбаслинское II. АЭБ, I, Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1964. Новые материалы о ранней истории башкир. АЭБ, II. Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1964а. К изучению археологии Башкирии I тысячелетия н. э. АЭБ, II. Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1966. Итоги археологической экспедиции 1965 г. и вопросы этнического состава населения Южного Урала периода раннего железа. «Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год». Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1968. Бахмутинская культура. М.
- Мажитов Н. А.*, 1968б. Об этническом составе населения северной Башкирии в конце I тысячелетия н. э. «Итоговая научная сессия ИИЯЛ БФАН СССР за 1967 год». Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1969. Происхождение башкир (историко-археологический анализ). Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа.
- Мажитов Н. А.*, 1971. Происхождение башкир (историко-археологический анализ). АЭБ, IV. Уфа.
- Максютова Н. Х.*, 1966. Дialeктография башкирского языка. «Итоговая научная сессия Уфимского ИИЯЛ АН СССР за 1965 год». Уфа.
- Максютова Н. Х.*, 1967. Общие корни в лексике башкирского и удмуртского языков. «Вопросы финно-угорского языкознания», вып. 4. Ижевск.
- Максютова Н. Х.*, 1972. Общие корни в лексике башкирского и монгольского языков (на материале сальютского говора башкирского языка). «Проблемы алтаистики и монголоведения (тезисы докладов и сообщений Всесоюзной конференции)». Элиста.
- Малиев Н. М.*, 1876. Антропологический очерк башкир. ТОЕКУ, т. I, вып. 5. Казань; отдельное издание: 1876, Казань.
- Малиев Н. М.*, 1891. Письмо по поводу статьи П. Назарова «К антропологии башкир». «Дневник Антропологического отделения...», вып. IV.
- Малиев Н. М.*, 1901. К вопросу о происхождении лесных башкир. «Труды Антропологического общества при Российской военно-медицинской академии», т. 5. СПб.

- Малицкий Н. Г.*, 1897–1898. О связи тюркских тамг с орхонскими письменами (с таблицей). «Протоколы заседаний и сообщений членов Туркестанского кружка любителей археологии», год III.
- Малов С. Е.*, 1951. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. М. — Л.
- Малов С. Е.*, 1952. Древние и новые тюркские языки. «Известия АН СССР». Отделение литературы и языка, т. XI, вып. 2. М.
- Малов С. Е.*, 1959. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. М. — Л.
- Матвеев А. К.*, 1961. О происхождении названия «Урал». Сб. «Вопросы истории Урала», вып. 39, ч. 1. Свердловск.
- Матвеева Г. И.*, 1971. Лесная и лесостепная Башкирия во второй половине I тыс. н. э. АЭБ, IV. Уфа.
- «Материалы по истории Башкирской АССР», 1936. Часть I. Башкирские восстания в XVII и первой половине XVIII в. М. — Л.
- «Материалы по истории Башкирской АССР», 1949. Том III. Экономические и социальные отношения в первой половине XVIII в. М. — Л.
- «Материалы по истории Башкирской АССР», 1956. Том IV. Экономические и социальные отношения в Башкирии и управление Оренбургским краем в 50–70-х годах XVIII в., части 1 и 2. М. — Л.
- «Материалы по истории Башкирской АССР», 1960. Том V. М.
- «Материалы по истории русско-монгольских отношений», 1959. Сборник документов. М.
- «Материалы по истории Татарии», 1948, вып. 1. Казань.
- «Материалы по истории туркмен и Туркмении», 1939. Труды Института востоковедения АН СССР. Источники по истории народов СССР, т. I. М. — Л.
- Маркевич А. И.*, 1928. Географическая номенклатура Крыма как исторический материал. (Топонимические данные крымских архивов). Симферополь.
- Мерперт Н. Я.*, 1958. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы. В кн.: «Очерки истории СССР, III–IX вв.» М.
- Мерперт Н. Я.*, 1958а. Угорские (венгерские) племена в южнорусских степях. В кн.: «Очерки истории СССР, III–IX вв.» М.
- Миллер Г. Ф.*, 1937. История Сибири, т. I. М. — Л.; 1941, т. II. М.
- Мингажетдинов М. Х.*, 1971. Этногенетические мотивы в башкирских сказках. АЭБ, IV. Уфа.

- Миненко Н. А.*, 1969. К вопросу о расселении и родовом составе народов Нижнего Приобья в XVIII в. «Известия Сибирского отделения АН СССР», № 6, вып. 2, серия общественных наук. Новосибирск.
- Минорский В. Ф.*, 1963. История Ширвана и Дербенда X–XI вв. М.
- Мирасов С.*, 1930. Историческое прошлое башкир. «Краеведческий сборник», № 3–4 (1928–1930 гг.). Уфа.
- Миржанова С. Ф.*, 1969. Финно-угорские элементы в говорах башкирского языка. Научная сессия по этногенезу башкир. Уфа.
- Мухамедова Р. Г.*, 1972. Татары-мишари. Историко-этнографическое исследование. М.
- Могильников В. А.*, 1971. К вопросу о связях населения Башкирии и Зауралья в конце I тыс. до н. э — I тыс. н. э. АЭБ, IV. Уфа.
- Могильников В. А.*, 1972. К вопросу о саргатской культуре. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Мольнар Э.*, 1955. Проблемы этногенеза и древней истории венгерского народа. «Studia Historica», 13. Budapest.
- Москаленко А. А.*, 1972. Славяно-венгерские отношения в IX в. и древнерусское население среднего и верхнего Дона. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Мошкова В. Г.*, 1950. Некоторые общие элементы в родоплеменном составе узбеков, каракалпаков и туркмен. Труды Института истории и археологии АН УзССР, т. 2. Ташкент.
- Муканов М. С.*, 1961. К вопросу о родорасселении казахов на территории, Казалинского и Перевского уездов Сыр-Дарьинской области (вторая половина XIX в.). Труды ИИАЭ АН КазССР, т. 12.
- Муканов М. С.*, 1972. Этнический состав и расселение казахов Среднего жуза. Автореф. канд. дисс. Алма-Ата.
- Навишрванов З. Ш.*, 1929. Предварительные заметки о племенном составе тюркских народностей, пребывавших на юге Руси и в Крыму. «Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии», т. III. Симферополь.
- Назаров П. С.*, 1890. К этнографии башкир. «Этнографическое обозрение», № 1.
- Назаров П. С.*, 1890а. К антропологии башкир. «Дневник Антропологического отделения Общества любителей естествознания, антропологии и этнографии», вып. 2. М.
- Насыров К.*, 1880. Поверья и обряды казанских татар, образовавшиеся помимо влияния на их жизнь суннитского магометанства. Зап. РГО по отделению этнографии, т. 6. СПб.

- «Научная сессия по этногенезу башкир», 1969. Уфа.
- Небольсин П.*, 1850. Заметки о башкуртах. «Отечественные записки», т. LXXIII.
- Небольсин П.*, 1852. О башкирах. «Вестник РГО», отделение этнографии, кн. 4.
- Небольсин П.*, 1852а. Башкиры I кантона (Осинский уезд). «Вестник РГО», отделение этнографии, кн. 1.
- Нефедов Ф. Д.*, 1882. В горах и степях Башкирии. «Русская мысль», № 2, 5 и 12. СПб.
- Никольский Д. П.*, 1895. Из поездки к лесным башкирам. «Землеведение», кн. IV. М.
- Никольский Д. П.*, 1899. Библиографический указатель литературы о башкирах с 1730 по 1899 г. «Этнографическое обозрение», № 4.
- Никольский Д. П.*, 1899а. Башкиры. Этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.
- Никонов В. А.*, 1970. Этнонимия. «Этнонимы». М.
- Новиков В. А.*, 1879. Сборник материалов для истории Уфимского дворянства. Уфа.
- Номинахов Ц. Д.*, 1958. Происхождение слова «калмык». «Вестник АН КазССР», № 11.
- Олэнгир*. Героическое сказание алтайцев. Сказитель Н. К. Ялатов. Вступительная статья, литературная редакция и пересказ на русском языке С. С. Суразакова. Горно-Алтайск, 1970.
- «Ономастика Поволжья», 1973, III. Уфа.
- Орбели И.*, 1961. Синхронистические таблицы хиджры и европейского летосчисления. М. — Л.
- «Очерки по истории Башкирской АССР», 1956, т. I, ч. 1. Уфа.
- Ошанин А. В.*, 1957. Антропологический состав населения Средней Азии и этногенез ее народов, ч. 1. Ереван.
- Палладий Кафаров*, 1872. Примечание к Юань-чао-би-ши. Труды членов Российской духовной миссии в Пекине, т. IV. СПб.
- Паллас П.*, 1788. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. III, половина 2. СПб.
- Пантусов Н. И.*, 1909. Сведения арабских географов о Средней Азии. «Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете», т. XXV, вып. 5. Казань.
- Патканов К.*, 1883. Из нового списка географии, приписываемой Моисею Хоренскому. ЖМНП, март.

- Першиц А. И.*, 1971. Оседлое и кочевое общество Северной Аравии в новое время. Автореф. докт. дисс. М.
- Петрушевский И.*, 1952. Рашид ад-дин и его исторический труд. Вводная статья в кн.: «Рашид ад-дин. Сборник летописей», т. I. М. — Л.
- Пигулевская Н. В.*, 1941. Сирийские источники по истории народов СССР. М. — Л.
- Плетнева С. А.*, 1958. Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях. МИА, № 62.
- «Полное собрание русских летописей», 1962, т. I (Лаврентьевская летопись); 1962, т. II (Ипатьевская летопись); 1965, т. IX (Никоновская летопись).
- «Полный алфавитный список всех населенных мест Уфимской губернии», 1906. Под ред. А. П. Лобученко. Уфа.
- «Полный список населенных мест Уфимской губернии с подразделениями на волости, участки земских начальников, станowych приставов, полицейских урядников, с указанием числа дворов, населения, молитвенных и общественных зданий, училищ, школ, торгово-промышленных заведений, ярмарок, базаров, мельниц и проч.», 1896. Под ред. Н. А. Озерова. Уфа.
- Поляк А. Н.*, 1964. Новые арабские материалы позднего средневековья о восточной и центральной Европе. Сб. «Восточные источники по истории народов юго-восточной и центральной Европы». М.
- Попов Н.*, 1813. Хозяйственное описание Пермской губернии, ч. III. СПб.
- Поппе Н. Н.*, 1927. Чуваши и их соседи. Чебоксары.
- Потанин Г. Н.*, 1881. Очерки северо-западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876—1877 годах по поручению императорского Русского географического общества, вып. 2. М. — СПб.
- Потанин Г. Н.*, 1892. Дочь моря в степном эпосе. «Этнографическое обозрение», № 1.
- Потанин Г. Н.*, 1899. Восточные мотивы в средневековом европейском эпосе. М.
- Потанин Г. Н.*, 1916. Казак-киргизские и алтайские предания, легенды и сказки. «Живая старина», год XXV, вып. 2—3. Пг.
- Потапов Л. П.*, 1953. Очерки по истории алтайцев. М. — Л.
- Потапов Л. П.*, 1957. Происхождение и формирование хакасской народности. Абакан.
- Потапов Л. П.*, 1958. Волк в старинных народных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, № 30.

- Потанов Л. П.*, 1969. Этнический состав и происхождение алтайцев. Л.
- Потанов Л. П.*, 1969а. Очерки народного быта тувинцев. М.
- Потанов Л. П.*, 1972. Тубалары Горного Алтая. «Этническая история народов Азии». М.
- Прокопий из Кесарии*, 1950. Война с готами. Перевод С. П. Кондратьева. М.
- «Прошлое Казахстана в источниках и материалах», 1935 (с V в. до н. э. до XVIII в.), т. I. М.
- «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука», 1957. Плано Карпини, История монголов. Гильом де Рубрук, Путешествие в восточные страны. М.
- Пшеничный А. Х.*, 1971. Племена раннего железного века в Башкирии. АЭБ, IV. Уфа.
- Радлов В. В.*, 1887. Этнографический обзор тюркских племен Южной Сибири и Джунгарии. Томск.
- Радлов В. В.*, 1893. Об уйгурах. Из предисловия к изданию Кудатгу-Билика. Приложение к LXXII тому «Записок РАН», № 2. СПб.
- Радлов В. В.*, 1893а. К вопросу об уйгурах. СПб.
- Рашид ад-дин*, 1952. Сборник летописей, том первый, кн. I, II; 1960, том второй. М. — Л.
- Ремезов С. У.*, 1882. Чертежная книга Сибири, составленная тобольским сыном боярским Семеном Ремезовым в 1701 г. СПб.
- Робакидзе А. И.*, 1968. Особенности патронимической организации у народов горного Кавказа (в связи с вопросом о соотношении патронимии, рода и семьи). СЭ, № 5.
- Рона-Таи А.*, 1964. По следам кочевников. Монголия глазами этнографа. М.
- Росляков А. А.*, 1955. Туркмены и огузы. Учен. зап. Туркменского гос. ун-та, вып. 73. Ашхабад.
- Ртвеладзе Э. В.*, 1972. К истории города Маджар. СА, № 3.
- Руденко С. И.*, 1916. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 1. Физический тип башкир. Пг.
- Руденко С. И.*, 1925. Башкиры. Опыт этнологической монографии, ч. 2. Л.
- Руденко С. И.*, 1952. Горноалтайские находки и скифы. М. — Л.
- Руденко С. И.*, 1955. Башкиры. Историко-этнографические очерки. М. — Л.
- Руденко С. И.*, 1962. Культура хуннов и ноинулинские курганы. М. — Л.
- Румянцев Г. Н.* Родоплеменной состав верхоленских бурят. «Зап. Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры», № XII. 1951; № XV, 1952.

- Рычков П. И.*, 1762. Топография Оренбургская, изд. 1-е. СПб.; 1887, изд. 2-е. Оренбург.
- Рычков П. И.*, 1767. О способах к умножению земледелия в Оренбургской губернии. Труды Вольного Экономического общества, ч. 7.
- Рычков П. И.*, 1774. Введение к Астраханской топографии. М.
- Рычков П. И.*, 1896. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург.
- Садыкова М. Х.*, 1959. Тюркоязычные кочевники на территории южной Башкирии. БАС. Уфа.
- Садыкова М. Х.*, 1971. Археологические материалы о хозяйстве башкир в IX–XIV вв. АЭБ, IV. Уфа.
- Сальников К. В.*, 1952. Хорезмийская тамга в Зауралье. ТХАЭЭ, т. I. М.
- Сальников К. В.*, 1964. Итоги и задачи изучения археологии Башкирии. АЭБ, II. Уфа.
- Сальников К. В.*, 1966. Об этническом составе населения лесостепного Зауралья в сарматское время. СЭ, № 5.
- Сальников К. В.*, 1967. Очерки древней истории Южного Урала. М.
- Самойлович А. Н.*, 1923. Названия дней недели у турецких народов. «Яфетический сборник», II. Пг.
- Самойлович А. Н.*, 1927. К истории культурных и этнических отношений в Волжско-Уральском крас. «Новый Восток», кн. 18.
- Сафаргалиев М. Г.*, 1960. Распад Золотой Орды. Саранск.
- Сейидов М.*, 1965. Замечания об этимологии гуннского слова гуар//куар. «Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 года в СССР». Баку.
- Семенов А. А.*, 1954. К вопросу о происхождении и составе узбеков Шейбани-хана. «Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии», вып. 1. Сталинабад.
- Семенюк Г. И., Моржанов В. М.*, 1961. Материалы по родоплеменному составу казахов Старшего и Среднего жузов в XVIII веке. Учен. зап. Казахского гос. ун-та, т. XLVIII, серия ист., вып. 7. Алма-Ата.
- Сенеев Г. А.*, 1967. К вопросу о переселении марийцев в Прикамье и Приуралье. Труды Марийского НИИЯЛИ, вып. XXII. Йошкар-Ола.
- Серебренников Б. А.*, 1957. Происхождение чуваш по данным языка. Сб. «О происхождении чувашского народа». Чебоксары.
- Серебренников Б. А.*, 1963. К вопросу о связи башкирского языка с венгерским. Уфа.

- Серебренников Б. А.*, 1972. О некоторых отличительных признаках Волго-камского языкового союза. «Языковые контакты в Башкирии». Учен. зап. Башкирского гос. ун-та, вып. 50, серия филол. № 20 (23). Уфа.
- Симченко Ю. Б.*, 1965. Тамги народов Сибири XVII века. М.
- Скалозубов Н.*, 1892. Из заметок во время разъездов по Красноуфимскому уезду (1887). «Памятная книжка и Адрес-календарь Пермской губернии за 1893 год». Пермь.
- Скржинская Е. Ч.*, 1960. Иордан и его «Getica». В кн.: «Иордан о происхождении и деяниях гетов». М.
- Смирнов А. П.*, 1951. Волжские булгары. М.
- Смирнов А. П.*, 1952. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. МИА, № 28.
- Смирнов А. П.*, 1957. Железный век в Башкирии. МИА, № 58.
- Смирнов А. П.*, 1962. Некоторые спорные вопросы истории волжских болгар. «Историко-археологический сборник». М.
- Смирнов А. П.*, 1971. Из этнической истории западного Приуралья. АЭБ, IV. Уфа.
- Смирнов А. П.*, 1971а. Гуннский элемент в культуре волжских булгар. «История и культура Восточной Европы по археологическим данным». М.
- Смирнов А. П.*, 1972. Археологические данные об угро-венграх в Поволжье. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Смирнов А. П., Корнилов Г. Е.*, 1971. Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Сб. «История и культура Чувашской АССР», вып. 1. Чебоксары.
- Смирнов А. П., Мерперт Н. Я.*, 1954. Из далекого прошлого Среднего Поволжья. «По следам древних культур». М.
- Смирнов К. Ф.*, 1971. Ранние кочевники Южного Урала. АЭБ, IV. Уфа.
- Соколов Д. Н.*, 1898. Опыт разбора одной башкирской летописи. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. IV. Оренбург.
- Соколов Д. Н.*, 1904. О башкирских тамгах (с приложением таблицы башкирских тамг). Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, т. XIII. Оренбург.
- Соммье С.*, 1891–1892. О башкирах. Зап. Уральского общества любителей естествознания, т. XIII, вып. 1. Екатеринбург; отдельное издание: 1891, Екатеринбург.
- «Список населенных мест по сведениям 1870 года». XLV. Уфимская губерния. СПб., 1877.

- Старостин П. Н.*, 1971. О романовских и именьковских памятниках. АЭБ, IV. Уфа.
- Степанов П. Д.*, 1940. Этнографическое изучение южной группы башкир в Саратовской и Куйбышевской областях. СЭ, IV.
- Степанов П. Д.*, 1964. Памятники угорско-мадьярских (венгерских) племен в Среднем Поволжье. АЭБ, II. Уфа.
- Стоколос В. С.*, 1962. Курган на озере Синеглазово. АЭБ, I. Уфа.
- Стоколос В. С.*, 1972. Культура населения бронзового века Южного Зауралья (хронология и периодизация). М.
- Стрижевский Г. И.*, 1909. Ответы капитана Стрижевского на программу В. Н. Татищева. «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. 25, вып. 1. Казань.
- Таварих-и гузида-Нусрат-наме*, 1967. (Исследование, критический текст, аннотированное оглавление и таблица сводных оглавлений А. М. Акрамова). Ташкент.
- «Татары Среднего Поволжья и Приуралья», 1967. М.
- Татищев В. Н.*, 1962. История Российская, т. I; 1964, т. III. М. — Л.
- Теплоухов А. Ф.*, 1924. Следы былого пребывания угорского народа в смежных частях Пермской и Вятской губерний и последующая смена его пермским и русским народами. «Зап. Уральского общества любителей естествознания», т. XXXIX. Свердловск.
- Теплоухов А. Ф.*, 1960. О происшедшей некогда смене угров пермяками на Верхней Каме, коми на Верхней Вычегде и удмуртами на Чепце. Учен. зап. Пермского гос. ун-та, т. XII, вып. 1. Труды Камской археологической экспедиции, вып. III. Пермь.
- Тепляшина Т. И.*, 1970. Этноним бесермяне. «Этнонимы». М.
- Тепляшина Т. И.*, 1972. Об одном Волжско-Камском ареальном явлении. «Советская тюркология», № 3.
- Терешкин Н. И.*, 1966. Хантыйский язык. «Язык и письменность народов СССР», т. 3. М.
- Тибор. Т.*, 1968. О раннем этногенезе венгерского народа. «Известия АН КазССР», серия общественная, № 2. Алма-Ата.
- Тизенгаузен В. Г.*, 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. I. Извлечения из сочинений арабских. СПб.
- [*Тизенгаузен*], 1941. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II. Извлечения из персидских сочинений, собранные В. Г. Тизенгаузенем и обработанные А. А. Ромаскевичем и С. Л. Волиным. М. — Л.
- Токарев С. А.*, 1958. Этнография народов СССР. М.

- Токарев С. А., 1964. О проблеме типов этнических общностей. «Вопросы философии», № 11.
- Толстов С. П., 1929. Итоги и перспективы этнографического изучения национальных групп Нижегородской губернии. «Культура и быт народов Центрально-промышленной области». М.
- Толстов С. П., 1935. Пережитки тотемизма и дуальной организации у туркмен. «Проблемы истории докапиталистических обществ», № 9–10.
- Толстов С. П., 1947. Города гузов. СЭ, № 3.
- Толстов С. П., 1948. Древний Хорезм. М.
- Толстов С. П., 1948а. По следам древнехорезмийской цивилизации. М. — Л.
- Толстов С. П., 1950. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, № 4.
- Толстов С. П., 1962. По древним дельтам Окса и Яксарта. М.
- Толстова Л. С., 1966. Этнографическая группа «митан» в составе узбеков Самаркандской области (к вопросам этногенеза). «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 4. Нукус.
- Толстова Л. С., 1966а. К вопросу о закавказско-переднеазиатских связях в этногенезе каракалпаков (мюйтены). «Общественные науки в Узбекистане», № 3.
- Толстова Л. С., 1968. Данные исторического фольклора и топонимии о происхождении этнографической группы «митан» (по материалам экспедиции на средний Зеравшан). «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 2. Нукус.
- Толстова Л. С., 1971. О некоторых каракалпакско-башкирских фольклорных связях. АЭБ, IV. Уфа.
- Толстова Л. С, Утемисов А., 1963. Исторический фольклор северо-восточных каракалпаков. Об историко-фольклорных связях каракалпаков с народами Восточной Европы и Северного Кавказа. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 4. Нукус.
- Толстова Л. С, Утемисов А., 1963а. Уточнение некоторых вопросов этногенеза каракалпаков. «Вестник Каракалпакского филиала АН УзССР», № 2. Нукус.
- Трофимова Т. А., 1949. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.
- Трофимова Т. А., 1952. Антропологические материалы из аланского могильника возле Стерлитамака в Башкирии. КСИЭ, XVII.
- «Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции», 1956, т. I. М.; 1959, т. II. М.; 1959, т. III. Фрунзе; 1960, т. IV. М.

- Тумашева Д. Г., 1968. Язык сибирских татар, ч. II. Казань.
- «Тюркские языки», 1966. Из серии «Языки народов СССР», т. II. М.
- Уйфальви Г., 1877. Башкиры, Мещеряки, Тептяри. «Изв. РГО», т. 13, вып. 2.
- Умняков И., 1940. Самая старая турецкая карта мира (XI в.). Оттиск из «Трудов Самаркандского гос. пединститута», I, вып. 1. Самарканд.
- Усманов А. Н., 1960. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа.
- Усманов М. А., 1972. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. «Сборник летописей». «Дафтар-и Чингиз-наме». «Таварих-и Булгария». Татарские шаджара. Казань.
- Успенский Ф. И., 1905. Надписи староболгарские. Материалы для Болгарских древностей Абаба-Плиски. «Изв. Русского археологического ин-та в Константинополе», т. X. София.
- Устюгов Н. В., 1950. Башкирские восстания 1737–1739 гг. М. — Л.
- Файзиев Т., 1963. О родоплеменном составе узбеков-кураминцев конца XIX — начала XX в. «Общественные науки в Узбекистане», № 11.
- Фасеев Ф. С., 1969. Опыт сравнительно-статистического исследования лексики татарского языка. «Вопросы татарского языка и литературы», вып. 4. Казань.
- Фахрутдинов Р. Г., 1968. Территория Волжско-Камской Булгарии домонгольского и золотоордынского периодов. Автореф. канд. дисс. Казань.
- Фахрутдинов Р. Г., 1971. К вопросу о болгаро-башкирских взаимоотношениях. АЭБ, IV. Уфа.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1966. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М.
- Федоров-Давыдов Г. А., 1969. Город и область Саксин в XII–XIV вв. МИА, № 169.
- [Феофан]. 1884. Летопись византийца Феофана. Перевод В. И. Оболенского и Ф. А. Герновского. М.
- Филоненко В. И., 1915. Башкиры. Уфа.
- Фишер И., 1774. Сибирская история. СПб.
- Флоринский В. М., 1874. Башкирия и башкиры. «Вестник Европы», кн. 12.
- Фодор И., 1972. К вопросу о погребальном обряде у древних венгров. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.

- Хайду П., 1953. К этногенезу венгерского народа. «Acta Linguistica», т. II, fasc. 3–4. Budapest.
- Халиков А., 1970. Древние этапы развития финно-угорской этнической общности. «Третий Международный конгресс финно-угроведов. 1970», II. Таллин.
- Халиков А. Х., 1971. Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья. АЭБ, IV. Уфа.
- Халиков А. Х., 1971а. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья. АЭТ, вып. I. Казань.
- Халиков А. Х., 1972. К вопросу о начале тюркизации населения Поволжья и Приуралья. СЭ, № 1.
- Халикова Е. А., 1971. Общий компонент в составе населения Башкирского Приуралья и Волжской Булгарии в VIII–X вв. (по материалам погребального обряда могильников). АЭБ, IV. Уфа.
- Халикова Е. А., 1971а. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.). АЭТ, вып. I. Казань.
- Халикова Е. А., 1972. Погребальный обряд Танкеевского могильника и его венгерские параллели. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- [Хвольсон], 1869. Известия о хазарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омара ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. СПб.; то же: ЖМНП, 1868, XII.
- Худуд ал-Алем, 1930. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. Л.
- Худяков М. Г., 1920. Вотские родовые деления. «Изв. Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те», т. XXX, вып. 3; т. XXXI, вып. 1. Казань.
- Чебоксаров Н. Н., 1967. Проблемы типологии этнических общностей в трудах советских ученых. СЭ, № 4.
- Черемшанский В. М., 1859. Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом и промышленном отношениях. Уфа.
- Чернецов В. Н., 1953. Усть-полуйское время в Приобье. МИА, № 35.
- Чернецов В. Н., 1972. Наскальные изображения уральского ареала. «Проблемы археологии и древней истории угров». М.
- Чернецов В. Н., Мошинская В. И., 1954. В поисках древней родины угорских народов. Сб. «По следам древних народов». М.

- Чугунов С. М.*, 1893. Материалы для антропологии Сибири. III. Татарский и два башкирских черепа от трупов, поступивших в 1888 и 1891 гг. в Томский анатомический институт. «Изв. Томского ун-та», кн. VI, Томск.
- Чугунов С. М.*, 1896. Материалы для антропологии Сибири. VII. К вопросу о краниологическом типе башкиров. «Изв. Томского ун-та», кн. X. Томск.
- Шастина Н. П.*, 1957. Путешествие на восток Плано Карпини и Гильома Рубрука. «Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука». М.
- Шафарик П. И.*, 1847. Славянские древности, т. 1–2. М.
- Шитова С. Н.*, 1968. Народная одежда башкир. АЭБ, III. Уфа.
- Шитова С. Н.*, 1971. Этнокультурные связи башкир по данным материальной культуры и декоративно-прикладного искусства. АЭБ, IV. Уфа.
- Шкорпил К. В.*, 1905. Знаки на строительных материалах. Материалы для Болгарских древностей Абаба-Плиска. «Изв. Русского археологического ин-та в Константинополе», т. X. София.
- Шлёцер А. Г.*, 1813. Русские летописи на древнеславянском языке (перевод Дм. Языкова), ч. 2. СПб.
- Шмидт А. В.*, 1929. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук. «Хозяйство Башкирии». Уфа.
- Щербак А. М.*, 1959. Знаки на керамике и кирпичах из Саркела-Белой Вежи (к вопросу о языке и письменности печенегов). МИА, № 75.
- Щербак А. М.*, 1971. О рунической письменности в юго-восточной Европе. «Советская тюркология», № 4.
- Эрдейи И.*, 1959. Венгры в Лебедии. Материальная культура венгров IX–X в. Автореф. канд. дисс. Л.
- Эрдейи И.*, 1961. «Большая Венгрия». «Acta Archeologica Academiae scientiarum Hungaricae», 13 (1961). Budapest.
- Эрдели И.*, 1967. Извлечения из хроники венгерского Анонима. «Вопросы археологии Урала», вып. 7. Свердловск.
- Эрдели И.*, 1970. К вопросу о пребывании древних венгров на Кубани. «Третий Международный конгресс финно-угроведов. 1970», II. Таллин.
- Эрдели И.*, 1971. Теории венгерских ученых о поволжском происхождении древних венгров. АЭБ, IV. Уфа.
- Юлдашев А. А.*, 1968. Северо-западный диалект башкирского языка в его отношении к литературному языку. «Вопросы диалектологии тюркских языков». Фрунзе.

- Юматов В. С., 1848. Древние предания башкирцев Чубиминской волости. «Оренбургские губернские ведомости», № 7, часть неофициальная.
- Юсупов Г. В., 1960. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М. — Л.
- Юсупов Г. В., 1971. Болгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. АЭТ, вып. 1. Казань.
- Якубовский А. Я., 1932. Феодальное общество Средней Азии и его торговля с Восточной Европой в X–XV вв. «Материалы по истории народов СССР», вып. 3. Л.
- Якубовский А. Ю., 1962. «Китаб-и Коркуд» и его значение для изучения туркменского общества в эпоху раннего средневековья. В кн.: «Книга моего деда Коркута». М. — Л.
- Ямпольский З., 1970. О тюрках V века до нашей эры. Учен. зап. Азербайджанского гос. ун-та, серия языка и литературы, № 5–6. Баку.
- Акчукраклы Г., 1926. Крымда татар тамгалары. Бахчисарай. (Перевод на русск. яз.: Татарские тамги в Крыму. Симферополь, 1927).
- Атласов Х., 1913. Башкортлар турысында берәр сүз. «Шура», № 9–10.
- «Башкорт халык ижады», 1972. Беренсе китап. Төзөүсе, баш һүз языусы, анлатмалар биреүсе Мөхтәр Сәғитов. Өфө.
- Биишев Ә., 1962. «Башкорт» һүзе кайзан килә? «Ағизел», № 8.
- «Борынғы татар әдәбияты», 1960, Казань.
- Вэлидов Ж., 1912. Кауым һәм кәбиләләребез арасында. «Шура», № 1.
- Госманов М., Мөхәммәдьяров Ш., Степанов Р., 1965. Яна Ярлык. «Казан утлары», № 8,
- Киекбаев Дж., 1958. Башкорт диалекттәре һәм уларзың тарихенә кыскаса инеш. «Ғилми язмалар», III сығарылыш. Филология серияһы, № 2, Уфа.
- Кузеев Р. Г., 1957а. Башкортостандың Рус государствоһына кушылуы тураһында башкорт шәжәрәләре. «Әзәби Башкортостан», № 6.
- Мәжитов Н. А., 1968а. Башкортостан археологияһы, Өфө.
- Марджани Ш. Мустафад-эль-ахбар фи ахваль Казан вә Булгар, ч. 1, 1885, Казань; 1900, Казань.
- Махмуд Кошғарий, 1960. Түркий сүзләр девони (Девону луғотит Турк), т. 1. Таржимон ва нашрга тайерловчи С. М. Муталлибов. Тошкент.
- Мерәсов С., 1924. Башкорттарзың ырыу-аймактары. «Яна юл», № 1(9).
- Мерәсов С., 1925. Башкорттар кемдәр, кайзан килгәндәр. «Башкорт аймағы», № 1, 2.

- Мерасов С.*, 1926. Башкорттардың боронго хәле, башкорт халкы. «Башкорт аймағы», № 2.
- Мерасов С.*, 1927. Башкорт шәжәрәләре. «Башкорт аймағы», № 4.
- Мерасов С.*, 1927а. Тәтәгәч бий шәжәрәсе. «Башкорт аймағы», № 2.
- Надиев С.*, 1916. Башкорттар. «Шура», № 4–7.
- Рамзи Мурат*, 1907. Тәлфик-эль-ахбар вә тәлкихел — асар фи вәкайғи Казан вә Болғар вә мөлөкит-татар, т. 1, Оренбург.
- Уметбаев М.*, 1897. «Ядкар», Казан.
- Усманов М.*, 1966. Шәжәрәләр тарихенән сәхифә. «Ағизел», № 3. Өфө.
- Фәхретдинов Р.*, 1909. Жан Ғәли хан. 1567. «Шура», № 20–21.
- Һади М.* Башкорттар. «Шура», 1909, № 10–21; 1910, № 6–16.
- Халиков А. Х.*, 1966. Казан татарларының килеп чыгуына карата. «Социалистик Татарстан», № 155, 3 июль.
- Харисов Ә.*, 1954. Башкорт халык ижады, 1 т.; 1959, 2 т. Өфө.
- Харисов Ә.*, 1965. Башкорт халкының әзәби мирасы. Өфө.
- Хасангата Габаиш*, 1909. Муфассал тарихи кауми түрки, I. Уфа.
- Хасанов Х.*, 1963. Махмуд Кошғарий (Хаети ва географик мероси). Тошкент.
- Хәсәинов Г.*, 1958. Башкорт әзәбиәте тарихенә карата. «Башкортостан укытыусыһы», № 9.
- Шәрәф Ғ.*, 1916. Төрөк-татар тарихына тәнкит. «Шура», № 13–14.
- «Шура», 1909, № 1: Жынай балаһы (анонимный автор).

- Bibliotheca geographorum arabicorum*, 1892. Edidit M. I. de Goeje; t. VII.
- Castrens A.*, 1857. *Ethnologische Vorlesungen über die altaischen Völker*. St. Petersburg.
- Clauson G.*, 1962. *Turkish and Mongolian Studies*. London.
- Czeplédy K.*, 1943. *Keleten maradt magyar törtékek*. Budapest.
- Czeplédy K.*, 1943a. *Magna Hungaria. Századok*, 75. Budapest.
- Décsey Gy.*, 1965. *Einführung in die finnisch-ugrische Sprachwissenschaft*. Wiesbaden.
- Diyarbekirli N.*, 1972. *Hun Sanati*. Istanbul.
- Dunlop D. M.*, 1954. *The History of the jewish khazars*. New Jersey.
- Gombocz Z.*, 1912. *A magyar őshaza és a nemzeti hagyomány*. «Nyelv tudományi Közlemények», XLVI, 31.

- Gombocz Z., 1912a. Die bulgarisch-türkischen Lehnwörter in der ungarischen Sprache. «Mémoires de la Société Finno-Ougrienne», XXX. Helsinki.
- Györffy Gy., 1948. Krónikáink és a magyar őstörténet. Budapest.
- Howorth H. H., 1888. History of the Mongols from the 9 th to the 19 th century, pt. III. London.
- Jaubert A., 1840. Géographie d'Edrisi, vol. II. Paris.
- Klaproth S., 1826. Tableaux historiques de l'Asie. Paris.
- Köprülü F., 1943. Uran kabilesi. «Türk Tarih Kurumu», № 26.
- Kurat A. N., 1937. Peçeneg tarihi. Istanbul.
- Ligeti L., 1963. Tanulmányok a magyar nyelv eletrajza köréből. Budapest.
- Ligeti L., 1964. A magyar nép mongol kori nevei (magyar, baskir, kiraly). «Magyar Nyel», LX, Budapest.
- Lipták P., 1954. An antropological survey of magyar prehistory. «Acta Linguistica», t. IV, fasc. 1–2. Budapest.
- Lotz I., 1956. Etymological Connections of magyar «Hungarian», «For Roman Jakobson». Mouton.
- Macartney C. A., 1930. The Maguars in the ninth century. Cambridge.
- Marquart G., 1914. Über das Volkstum der Komanen. In Buch: W. Bang und G. Marquart. Osttürkische Dialektstudien. Berlin.
- Menges K., 1968. The Turkic. Languages and peoples. An introduction to turkic studies. «Ural-Altaische bibliothek», XV. Wiesbaden.
- Mészáros Gy., 1910. Magna Hungaria (A baskir — magyar kédés). Budapest.
- Munkácsy B., 1894. A magyar fémnevek őstörténeti vallomásai. «Ethnographia», fasc. 1.
- Murayama S., 1959. Sind die Naiman Türken oder Mongolen? «Central Asiatic journal», The Hague-Wiesbaden, vol. 4, № 3.
- Moravcsik Gy., 1970. Byzantium and the Magyars. Budapest.
- Morvay J., 1970. Zur frage der ethnischen gruppen. Труды VII МКАЭН, т. 8. М.
- Németh G., 1929. Magna Hungaria. Leipzig und Vienna.
- Németh G., 1966. Ungarische stammesnamen bei den baschkiren. «Acta Linguistica», t. 16 (1–2). Budapest.
- Németh J., 1971. The runiform inscriptions from Nagy-Szent-Miklós and the runiform scripts of Eastern Europe. «Acta Linguistica», t. 21 (1–2). Budapest.
- Pelliot P., 1920. A propos des Comans. «Journal asiatique», ser. II, t. XV.

- Pelliot P., Hambis L.*, 1951. Histoire des Campagnes de Gensis khan. Traduit et annote Par Paul Pelliot et Louis Hambis, t. I. Leide.
- Perenyi J.*, 1959. A Magna Hungaria kérdéséhez. «Magyar Nyelv», LV, (EVF), 3 (411) és 4 (412) szám. Budapest.
- Poppe N.*, 1960. On Some Altaic Loanwords in Hungarian. «American Studies in Uralic Linguistics» (=Indiana University Publications. Uralic and Altaic Series, vol. 1). Bloomington.
- Pröhle V.*, 1903. Baskir Nyelvanulmányok. «Keleti Szemle», t. IV. Budapest.
- Radloff W.*, 1884. Aus Sibirien. Bd. I. Leipzig.
- Räsänen M.*, 1960. Gibt es im Baschkirischen etwas Ugrisches? «Acta orientalia», t. XII, fasc. 1–3. Budapest.
- Rásonyi L.*, 1964. Başkurt ve Macar yurtlarındaki ortak coğrafi adlar üzerine. X. Türk Dil Kurultayında Okunan Bilimsel Bildiriler 1963'ten ayrışım. Ankara.
- Rona-Tas A.*, 1971. On the Chuvach Yuttural stops in the final position. «Studia turcica». Edited by L. Ligeti. Budapest.
- Strahlenberg I.*, 1730. Das Nord- und Östliche Theil von Europa und Asia. Stockholm.
- Vambery H.*, 1885. Das Türkenvolk in seinen ethnologischen und ethnographischen Beziehungen. Baschkiren. Leipzig.
- Weissenberg S.*, 1892. Ein Beitrag zur Anthropologie der Turkvölker. Baschkiren und Meschtscherjaken. «Zeitschrift für Ethnologie», t. XXIV. Berlin.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АИ	— Акты исторические
АЭБ	— Археология и этнография Башкирии
АЭТ	— Археология и этнография Татарии
БАГ	— Библиотека арабских географов (<i>Bibliotheca geographorum arabicorum</i>)
БАС	— «Башкирский археологический сборник»
БРС	— Башкирско-русский словарь
БТЭ	— Борынгы татар әдәбияты
БФАН СССР	— Башкирский филиал АН СССР
БХИ	— Башкорт халык ижады
БШ	— Башкирские шежере
ВАУ	— «Вопросы археологии Урала»
ВИ	— «Вопросы истории»
ВСИ	— «Всемирная история»
ВЯ	— «Вопросы языкознания»
ДАИ	— Дополнения к Актам историческим
ДАХХ	— Документы архива хивинских ханов
ДТС	— Древнетюркский словарь
ЖМНП	— «Журнал Министерства народного просвещения»
ИА	— «Исторический архив»
ИВ	— История Венгрии
ИВПН	— Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года
ИГАИМК	— «Известия Государственной академии истории материальной культуры»

ИИАЭ	— Институт истории, археологии и этнографии
ИИЯЛ	— Институт истории, языка и литературы
ИТДМ	— История Татарии в документах и материалах
КБ	— Константин Багрянородный
КСИИМК	— Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ	— Краткие сообщения Института этнографии
МАЭ	— Музей антропологии и этнографии АН СССР
МИА	— Материалы и исследования по археологии СССР
МИБ	— Материалы по истории Башкирской АССР
МИРМО	— Материалы по истории русско-монгольских отношений
МИТ	— Материалы по истории Татарии
МИТТ	— Материалы по истории туркмен и Туркмении
МК	— Махмуд Кошғарий
МКАЭН	— Международный конгресс антропологических и этнографических наук
ПВС	— Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Рубрука
ПКИМ	— Прошлое Казахстана в источниках и материалах
ПСРЛ	— Полное собрание Русских летописей
РГО	— Русское географическое общество
СА	— «Советская археология»
СИЭ	— «Советская историческая энциклопедия»
СЭ	— «Советская этнография»
ТИЭ	— Труды Института этнографии АН СССР
ТКАЭЭ	— Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции
ТОЕКУ	— Труды Общества естествоиспытателей при Казанском университете
ТХАЭЭ	— Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции
ТЯ	— Тюркские языки
ЦГАДА	— Центральный государственный архив древних актов

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ И РОДОПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ¹

А

абак-керей 439
абдал 193, 428
авары 21, 142, 145
адай 158
азербайджанцы 207
азык (асык) 218, 220, 439
ай (айле) 37, 54, 58, 70, 186, 188,
190, 192–193, 195–196, 198–
201, 208, 274, 276, 329, 394,
418–419, 427–429, 440, 442–
443, 447, 480
ай-тамгалы 196
ай-туу 196, 428
айнлы 192, 428, 443
айтеке 63
айы 192, 195, 428
айыу 183, 188
ак-кыпчак 81, 113, 115, 177, 179,
185; см. также ногай-кыпчак
и туркмен-кыпчак
ак-тума 160, 405
акбаш-каршин 349
актау-канлы 348
аланы 132, 139, 219, 251, 366, 371,
375, 380, 387–388, 390
али-эли 195

алтайцы 135, 168, 218, 253, 256–
257, 292, 294, 404, 439
алтмыш 428
алты-ата-айтамгалы 192, 195, 428,
443
алчин 65, 162, 250
анджоглы 167
анна 63
ар (арлар) 182; см. также ногай-
юрматы
арабы 145–146
аргиппеи 367
аргын 159, 193
арсары 220, 438
ары 303, 460; см. также удмурты
арык 65
ас (аз, азы) 218–221, 438
аслы (ислы) 113, 172, 179
асы (ассии, асианы) 219
ата 64
ашамайлы 64
аялы 189–190, 236

Б

ба-шу-ки-ли 403
баарин (баарын) 205, 254–255,
440–441

¹ Названия башкирских родовых подразделений в указатель не включены.

- баджанак 132, 142–143, 343
 бадраг (бадраглы) 64, 259, 264, 440, 443
 бадрак 234, 238, 240, 259, 261, 264–265, 281–282, 343, 440, 443, 459, 481
 бадрак-канлы 264, 441
 бай-киргиз-аргын 309
 бай-улу 158
 байандур 309
 байбакты 168, 309
 байдар 309, 311, 403, 443
 байкы 313, 350, 460
 байлак ас 218–219, 439
 байлар (байляр, бай) 38, 47, 111, 117, 141–142, 174, 299, 303, 305–306, 309–311, 321, 325, 329, 345–346, 401, 403–405, 408, 412, 414, 443, 447, 476, 479, 481
 байлы 309, 405
 байтопи 309
 байулы 158, 161, 221, 309, 439, 443, 481
 байулы-бурзян 108–109, 158, 183, 189, 438
 бала-катай 211, 220, 227, 278
 балга (балгалы) 215–216, 438, 443, 481
 балкар 150, 383
 балкарцы 324
 балык 330, 441
 балыксы 225, 312, 315, 319, 329–331, 343, 345, 350–351, 440, 457, 481
 балыкчи (балыкчы) 330–331, 440
 барин (байрин) 255, 441
 барлас 446
 барын, барын-табын 205, 212, 235, 239, 254–255, 272, 275, 280, 282, 440, 442, 481
 башкыр (баджгард, баджгурд, басджирт, башхарт) 130–133, 137, 145–152, 162, 167, 180–181, 197, 202, 210, 273–274, 402–404, 419–420
 баяут (баут, баят, байат) 169, 309, 340
 беглар 320
 бей-дин 403
 бекулы (бегулы) 158
 берсула 383
 бесавыл уруг 405
 бесермяне 433
 бессары (бес-сары) 63, 220, 262, 439
 бесъ-гэнь-бала 262–263, 405, 443
 бешогул 405
 бешуру 405
 бёрю-азык 220, 441
 бикатин 210–211, 225, 227, 231–233, 268, 273–274
 биляр (билер) 306–309, 384, 391, 394, 398
 бисер-гайна 313, 318, 349
 биш кавм 263, 404
 бишбала 405
 бишей (бешей) 83, 109, 140, 154, 405
 бишул (бешеул, бишаул, бешанул) 81, 107, 141–142, 157, 234, 238, 240–241, 244, 261–265, 272–273, 281–283, 328,

401, 404–405, 440, 443, 474, 479
бишул-унгар (бишаул-унгар, унгар) 263–264, 281, 328, 404
бо-хан 403
болгары великие (болгары приазовские, ал-баргар, бургар, булкар, болкар, баргаз, бургаз) 123, 126, 144–146, 148–150, 180, 324, 368, 374, 380, 390, 401–403
болгары дунайские 122–123, 126, 136, 143–145, 149–150, 323, 391, 394–395, 397
бора-найман 223, 441
боро 223, 441
борэ-сальют 223, 440, 481
бочман 439
бугазы 347
бугу 65, 202
бузанки 167
булгары (булгары волжские) 12, 20–21, 31, 111, 122–123, 126, 134, 141–142, 146, 148–150, 180–181, 231, 250, 292, 298, 306, 309, 311, 320, 322–324, 340, 342, 381, 386, 390–391, 395–397, 409, 415, 422, 430–432, 436, 446, 455, 465–467, 469
булякей (булякей-кудей) 203, 273, 276
буляр 38, 299–300, 303, 305–308, 321, 325, 345, 391–392, 394, 396, 432, 480
бура (бора)-найман 223

бурджан (борджан, ал-бурджан, борджан, бурджана, баджан, баджны) 131–132, 134, 136–140, 142–150, 152, 162, 180–181, 197, 274, 402–404, 420
бурджоглы 167
буре 155, 183, 313
буре-ельдяк 348
бурзян 37, 70, 81, 106–110, 112, 114, 116, 126–128, 130–131, 135–140, 146, 150, 152–163, 180–181, 188, 192, 202, 229, 231–232, 253, 287–288, 310, 325, 328, 333, 335, 401, 404, 408, 412, 414–415, 428, 435, 438, 440, 446–447, 450, 455, 474, 476, 479
бурлы 167, 173
буряты 129
бушман (пушмас, бушмас, бусмаш, бусман) 112–113, 173–174, 179, 438–439, 481
бушман-суун-кыпчак 184, 437, 439, 481
бычман 439

В

венгры 21–25, 30, 32, 121, 124–126, 149, 151, 260, 308, 323, 375, 377–378, 380–382, 384–389, 391–392, 394, 396–397, 399, 413–414, 417–423, 447
византийцы 143, 145
вогулы 226, 229–230, 318, 460; см. также манси

воданы 230; см. также удмурты
вотяки 227

Г

гагаузы 150, 169, 178, 195, 213,
439, 441
гайна (гайна-тархан) 208, 210, 312–
315, 317–319, 321, 323–327,
330, 342, 345, 349–351, 384,
392, 394, 396, 432, 446–447,
457, 477, 480; см. также тархан
гао-гю 253–254; см. также теле
герей 169, 176, 438
гунгир 136
гунны 20, 151–152, 247–248, 253,
256, 328–329, 357, 360, 372–
373, 379–380, 390, 401–402
гэрэ (гэрэле) 169, 312–314, 317,
319, 335–336, 338–339, 345,
347, 350–352, 437, 438, 481
гэрэй (гэрэй-, гарай-, гарей-, ге-
ряс-кыпчак) 69, 112, 115, 169,
173–176, 179–180, 437, 438
гэшу 207

Д

даглы 193, 428
дазы 334
дангрык 64
даркан 323
дархаты 323, 395
джедигер 289
джете-уру 114–115, 185, 438, 481
джеты уруу (джеты-ыру) 114

джуван 204
джуван-таяк-аргын 204, 441
джузнан 167
джучи 456
динлины 164, 310, 341
дубан 204, 441
дува 333
дуван 116–117, 139, 186–189, 199,
204–206, 208, 225, 235, 237–
239, 272, 275, 277, 282, 312,
315, 332–333, 335, 345, 348,
440, 442–443, 481
дувана 204, 440
дувана-топи 440, 443
дуваней 312, 316–317, 319, 329,
342, 348, 350–351
дукер 195
дула 308
дулат (дулу, ду-лу) 243–249, 254–
255, 440, 442–443
дунгор 136
дурбан 204–207, 222, 255, 332–
333, 440
дургэ 195
дурман 206
дурут 167, 169, 171
дьюла (дуло) 393, 395
дьярмат 394
дэрбэты (дурбэты) 221

Е

еди-уруг (ети-уруг, ете-уру) 81,
114, 438
елан 312–314, 317, 319, 335, 339–
341, 345, 348, 350–352, 437,
438, 476, 481

елкысы 348
ельдяк (ельдыт) 208, 312, 316–317,
319, 335, 341–343, 348
ене 308–309, 319–320, 393
еней 47, 208, 308–309, 312, 313–
314, 317, 319–322, 325, 338,
345, 347, 350–352, 384, 391–
392, 396, 432, 480
ерми 122–123, 126, 150, 180, 394–
395; см. также юрми
ермиарис 122
естек 196, 428

Ж

жагалбай (жагалбайлы) 138–139,
405
жагалмай 138–139, 405
жагалтай 138–139, 405
жанса 183
жети-урук (жети-уру, жеты-уру,
жетыруу) 65, 114, 438–439, 443
жужане 254

З

зертли 64
змей 341, 423
зыряне 228, 232

И

идель-елан 313, 348
идель-канлы 313, 348
идель-катай 211, 225, 278
иета 167

илан 212, 224
иль-гэрэ 347
иль-куль-мин (илькей-мин) 284–
286, 288, 291, 296–297
имрели 193
инзер-катай 211, 266
ирэкте 47, 299, 301–303, 305, 307,
335, 346, 455
истяк (иштяк) 108, 167, 194, 196–
197, 231, 274, 314, 325, 345,
418–419, 427–428, 437, 459,
480
итемен 428
ичкилик 168, 259, 336
иштек 196, 419
ишти-ооржак 419

Й

йагма 134
йирки 366–367
йомут 193, 428

К

кадрый-каршин 349
кадыкай (кадыкай-киргиз) 339,
347
кадыр 299, 346
казаки 271
казаки башкирские 210–211, 233–
234, 279
казанчи 313, 319, 326, 335, 343–
345, 350, 438, 481
казахи 36, 63, 65, 71, 78, 114,
117–118, 129, 138–139, 156,

- 158–162, 168, 170, 172–177,
193–194, 204, 206–207, 212–
213, 217–218, 220–221, 223,
233, 236, 240, 243, 246–248,
252–253, 262–265, 271, 275,
291–293, 309, 330, 434, 437,
439, 442–444, 452, 481–482
- казаяк 178, 443
- казаяклы 178, 438
- кай 344
- кайпан 313, 319, 326, 335, 343–
345, 350
- кайшылы 215–216
- калджыр 259, 393
- калмак 159, 187, 209–213, 233,
238, 271, 275, 279, 287
- калмаш 299, 346
- калмыки 117, 159, 209, 211–212,
233–234, 271, 481–482
- каль 393, 440
- кальсер (кальсер-табын) 37, 235,
237, 239–240, 257–261, 273,
280, 282, 392–393, 394, 398
- камбар (камбар-еней) 313, 347
- кангар 169, 336–337, 342, 438
- канглин (канкли) 336
- канглы 169, 336–338, 438, 442–
443, 447
- кангуоглы 167, 169
- кангюй 336–337
- канды 336
- канлы 70, 112, 238, 272, 287, 312,
316–317, 319, 335–338, 341,
345, 348, 350–351, 437–439,
459, 476, 481
- кара-бешей 140, 405
- кара-гирей 176, 174, 439
- кара-катай 213, 215–216, 221, 278,
438
- кара-керей 175, 439
- кара-киргизы 339
- кара-китай (кара-кытай) 170, 177,
213–224, 245, 255, 274, 293–
295, 330–331, 333, 438–439,
442
- кара-кыпчак (карый-кыпчак) 113,
115–116, 156, 168, 171–173,
177, 179, 185, 341, 437–439,
443
- кара-найман 439
- кара-табын 37, 65, 69, 81, 108, 112,
235–237, 239–240, 242, 245,
249, 252, 255, 267, 272–274,
280, 282, 301–302, 305, 440
- кара-танып (кыр-танып) 350
- кара-тума 160, 405
- карабароглы 167
- карабиркли 167
- карагай (карагай-кыпчак) 69, 112,
115–116, 173–174, 179–180,
184, 238
- карагай-мишар 182; см. также ми-
шар-юрматы
- карагирей 174
- караимы 324
- каракалпаки 25, 63–64, 78, 81,
117, 138–142, 158–159, 170,
173, 177–178, 195–196, 213,
215–216, 220–221, 233, 244,
246–249, 253, 293, 336–337,
404–405, 419, 428, 437, 442–
443, 481–482

каратавлы (каратаулы) 178, 186–190, 193, 196, 335, 427–428, 480
каратума 160
карача-китай 439
карачаевцы 324
карга 313
карга-каршин 349
карлуки 132, 142, 147, 177, 215, 221, 249
кармыш 80, 107, 118, 120, 182, 438–439, 442–443, 481
каршин 312, 314–317, 319, 335, 341–343, 345, 349–352
катай (кытай, хытай, хитай, ктай, хтай) 47, 58, 63–65, 70, 79, 108, 117, 186, 188, 200, 208, 210–218, 220–227, 229, 231–232, 238, 245, 253–254, 264, 266, 268–272, 274–275, 278–279, 285–287, 289, 293, 295, 300, 306, 315, 319, 323, 326, 331, 345, 394, 437, 438–439, 441–447, 450–451, 456–457, 469, 476, 481, 485–486
катакин 204, 222
кеде 202, 204
кедей 202, 405
кезек-куулар 259, 395
кереит (керейит, керейд, кирийет, кераит) 175–177, 338, 438–439, 442–443
керей (кирей) 174–177, 439
кесе (кесе-табын) 37, 235, 237, 239, 244, 250, 257–261, 273, 308, 325, 384, 391–394, 398, 440, 480
кесек 259, 393, 395

кеси 391
кёк-джюргек (кунюрган, кукзюр-рак) 65, 236, 280
кзылкурт 292
кидани 158, 170, 213–216, 218–219, 245–246, 274, 438–439
кимаки 132, 135, 142, 147, 165, 170, 172, 309, 431
киргиз (племя у башкир) 47, 81, 108, 112, 187, 238, 287, 312, 317, 319, 335, 339–340, 345, 350–351, 437, 438, 476, 481
киргиз-аргын 339, 439
киргиз-казаки 25
киргизы 36, 63, 65, 71, 114, 118, 139–140, 161, 175, 192, 194–195, 202, 206–207, 213, 215–218, 220, 233, 247–248, 254–255, 259, 263, 289, 291–294, 330, 334, 336, 339–341, 395, 405, 419, 428, 430, 439, 441
киргизы енисейские 139, 255, 340
киргизы синьцзянские 172
кичи 258, 395, 443
кичи-мерген 64, 259, 395
кият 64
ковары 396
коджук 193, 428
койбалы 292
коль (каль) 291–292, 440
коми 460
котян 167
кочагир (кичи-гир) 260, 395, 443
кошсы (кушсы) 186–189, 204–208, 225, 275–277, 285, 312, 318, 330, 438, 481

- коштеми 263
 коще 206, 439
 кряшены 90
 ктай-аргын 439
 ктай-кыпчак 170, 221, 438–439
 куба 292
 кубалык (кубалык-табын) 235, 239, 252, 254, 274, 280, 282
 кубоу-мин 284–285, 287–288, 292–293, 297, 330
 кувакан (куакан, кубакан) 38, 188, 201, 234–237, 239, 241, 255–256, 274, 282, 440, 481
 кудей 113, 117, 186–189, 201–204, 236–238, 240, 264, 273, 401, 404, 408, 416, 428, 438, 440, 479
 кузгун-каитай 65, 211, 213, 220, 225, 278–279
 кузугуна-азык 220
 куйын 63
 кукан (куркан) 256
 кукши 440
 кули 441
 кулин 292, 440
 куль 292, 440–442, 481
 куль-иль-мин 284, 288, 291, 296–297
 куманы 164; см. также кыпчаки
 кумлы 193, 427–428, 480
 кумрук (кумрун, кумрут) 234, 238, 240, 261, 264–265, 282
 кумыки 324
 кунграт (конграт, конгират) 136, 173–177, 309
 куралас 222
 курпеч 237
 кутчи 206, 438
 куу (куулар) 256
 кушчи 206–207, 438–439, 442
 кушчу (кучу) 206–207, 439
 куян 111
 кызылбаш (кызыл-баш) 81, 187, 192–193, 427–428
 кыпчак (кипчак, кыпшак) 25, 37–38, 65, 70, 81, 110, 111–112, 116, 168, 171, 238, 244, 287, 335–337, 343, 394, 404, 428, 437–439, 442–443, 447, 459, 474, 480
 кыпчак-ктай 221
 кыпчак-минг 221
 кыпчак-табын 221, 236
 кыпчаки 12, 112–116, 132, 140, 142, 150–158, 164–173, 176–181, 188–189, 196, 198, 203, 215, 219–221, 224, 237, 245, 249–250, 252–253, 273, 275, 288, 306, 315, 326, 332, 334–338, 340, 344–345, 425, 427, 429–431, 435–437, 439, 443, 445–447, 450–453, 455, 458, 466, 474, 476, 480
 кыпчаки зеравшанские 140
 кыр-елан 313, 348
 кыр-ельдяк 313, 348
 кыр-канлы 313, 348
 кыр-кудей 204, 276
 кыр-танып 313
 кыр-ун 350
 кыргыз 194, 438, 442
 кырк 250, 258, 284, 288, 293, 294, 440, 442, 459

кырк-уйле-мин (кыркуйле, кыр-
куле) 250, 256, 281, 284, 293,
294, 296–297, 440, 481

кырк-уйли (кыркуйли) 258, 293, 440

кырк уул 293

кырк-шомушли 293, 441

кырктар 250, 256, 293

кыркугул 441

кэса 391, 393

Л

локай 64

локайцы (узбеки-локайцы) 118,
160, 244, 259–260, 264, 291,
339

М

мадьяры 21–24, 28, 124–125, 308–
309, 322, 357, 361, 378–382, 384–
386, 399–400, 414–415, 419–
421, 432, 480; см. также венгры

макар 107, 120, 182

мангыт 334, 456

манси 460, 464

маныш 312, 344, 349

мари (марийцы) 78, 160, 202–203,
209, 298, 303, 311, 314, 324,
327, 332, 343, 433–434

маскар (маскара) 158, 221, 438–
439, 443, 481

массагеты 401, 479

мин 25, 36–37, 66, 118, 178, 203–
204, 238, 250, 261, 264, 273,
283–295, 297, 315, 329, 332,

342, 394, 404, 437, 440, 442,
445–446, 451, 455, 458–459,
469, 474, 476, 481

минг 290, 440, 443

минг-кытай 213, 289, 439, 441

мингат 290, 441

миркит (меркит) 216, 238, 261,
284, 288, 293–295, 440, 442–
443, 459, 481

миркит-мин 67, 238, 261, 284, 288,
297, 440

митан 404–405

мишар-юрматы 81, 106–107, 120,
124–126, 392, 394, 399–400

мишари 46, 52, 78, 91, 111, 117,
124–125, 305, 315, 324, 332,
399

монголы 12, 36, 78, 83–84, 128, 135–
136, 152, 161–162, 167, 169–173,
175–177, 181, 196, 213–214,
216–219, 222–223, 241, 243,
245–247, 254–256, 263, 265,
275, 290–291, 294–295, 309,
311, 323, 333–334, 336–337,
393, 395, 403–404, 406, 431,
436–437, 439, 448, 461, 464, 479

монуш 138

мордва 324, 343, 364, 382, 433–
434

моркит 294, 441

муйтен 64, 109, 140–142, 314, 401,
404–405, 443

мул-гайна 313, 318, 349

мулют 111

мунаш 80, 138, 182

мунгуш 138

мурзагул 193, 428, 443
мурзалар 154, 186–191, 196, 198–
199, 201, 274, 277, 320, 427–
428, 480
мынг 290, 441
мынь куьп 289, 441
мышыга 299, 346
мясагут 111

Н

найман 110, 216, 242, 254, 438–
439, 442–443, 459, 481
найманы 216–218, 221–223, 255,
274, 294–295, 331, 443
наукерде 132, 143, 331
ненцы 319
ногай-бурзян 158, 182, 459
ногай-кыпчак 113, 185, 221, 459
ногай-юрматы 81, 118, 120, 182,
459
ногайбаки 90
ногайцы 20, 78, 113, 117–119, 151,
158, 169, 172, 177–180, 195,
207, 213, 217, 247–248, 252,
262, 264–265, 286, 289, 291,
293–295, 300, 334, 336, 439,
458–459, 474, 476, 481
нохурли 64

О

огоры 260
огры 64
огузы (гузы) 12, 132–133, 142, 147,
150, 165–166, 169, 177–178,

195–196, 198, 291, 309, 333–
334, 336, 340, 344, 402, 406–
409, 425–427, 429–430, 437
ойраты 159, 233–234; см. также
калмыки
олбурлик 173
омар-ата 64
он-уйгур 404
онгар-найман 264, 439
ондар 329, 404
оннар 405
орта-китай 439
осетины 219
остяки 227, 419, 460

П

печенеги 12, 131–132, 134–135,
138, 140, 142–143, 146–149,
151, 165, 169, 198, 336–337,
341, 386, 392–393, 402–403,
405, 407, 409–410, 412, 421,
426–427, 429, 466
половцы 100, 164, 221, 430; см.
также кыпчаки

Р

румы, румийцы 136, 144, 147
русские 160, 167, 209, 211, 228,
298, 311, 464

С

саба-куль 292
савиры 379

сагайцы 220, 291; см. также хака-
сы
сагит 281
сайкан-кыпчак 113, 115, 172
салагуш 299–300, 346
салджиут 204, 216, 222–224, 274,
440, 442
салор 114, 206, 258–259, 293–
294,
салчак 223, 441
салчжот 223, 441
сальют 70, 188, 210–212, 220,
222–229, 232, 268–269, 271–
272, 274, 278–279, 287, 440,
456–457, 481
самат 64
самодийцы 363
санкем-кыпчак (чанким-, чам-
кин-, ченким-, чемкин-кып-
чак) 112, 115–116, 173, 179,
184, 236, 238
сарматы 20, 142, 354–355, 360,
362, 379
сарт 192, 196–198, 419, 428, 443,
480,
сарт-айле 187, 189–190, 193, 197,
199, 200, 201, 266, 274, 276,
427–428
сарт-айтамгалы 192, 428
сарт-калмак 17, 81, 233, 482
сарт-табын 235, 237–238, 280
сарт-топи 192, 428
сартай 446
сарттар 192, 428
сарты 78, 188, 190, 192, 197, 199,
200–201, 276–277

саруу 220, 293, 330
сары 81, 220–221, 437–438, 481
сары-аргын 220, 439
сары-кыпчак 114, 220, 438–439
сары-уйгур 220, 438
сары-усунь (сары-уйсун) 220, 247,
250, 293, 441
сарыбагыш 114, 334
сарыг (сарыглар) 220, 439
сарылы-мин (сарат-мин) 284–285,
297
сарыш (сарыжь, сарыж, са-
раш) 112–113, 115, 172, 438,
442
сарыш-кипчак 113, 116, 185, 438–
439, 442
сатка 281
сатлыган-каршин 349
сегиз-сары 220, 439
секиз-огуз 216, 263
сельджуки 177, 222
селькупы 334
сиджеут 441
славяне 21, 144–145, 469
сойоты 292
солто 196
су-танып 81, 350
су-ун 312, 328, 350
суба (саба) 292, 441
суби-мин 284–285, 287, 292–293,
296–297, 440, 481
сувары 134, 149, 391, 409
суннарысы 312, 330, 350
сураш 109, 112, 140, 142, 183, 299,
306, 310, 314, 345–346, 401,
404, 408, 447, 479

суун-кыпчак (сугун-, сунь-, угун-кыпчак) 112, 115–116, 173–174, 179, 328
 суюндук 238, 244, 440–441, 443, 481
 сызгы 186–187, 189, 208–210, 225, 273–274, 276–277, 416, 432, 447, 457, 480
 сынрян 70, 112, 116, 210–212, 225, 227–233, 268, 270, 273–274, 278, 310, 401, 404, 412, 447, 456
 сырзы 234, 237, 239, 250, 255, 266, 274, 281–282, 440, 481
 сяньби 214, 254

Т

та-ма юй-сунь 162
 та-табы (татабы) 243
 табын 25, 37, 47, 54, 65, 70, 79, 186, 188–189, 199–200, 204–205, 208, 212, 225, 227, 234–247, 249–275, 280, 282–283, 293, 301, 319, 332, 335, 392, 394, 404, 437, 440, 447, 451, 455–456, 476, 481
 таг 428
 таз 47, 117, 188, 203, 212, 224, 302–303, 312, 316–317, 319, 329, 334–335, 345, 350–351, 440–441, 443, 459, 481
 таздар (тазлар) 334–335, 440–441, 443
 тазы (дазы) 334, 440
 тальтим 69, 106, 120, 182

тама 158, 160–163, 204, 404–405, 443
 тамьян 37, 106, 111–112, 114, 116, 160–163, 180–181, 196–197, 212, 224–225, 229, 231–232, 252–253, 327, 333, 401, 403–404, 408, 414, 419, 455, 474, 476, 479
 тана 158, 161, 163, 405, 443
 тангаур 40, 70, 106, 110–111, 114, 116, 119, 126–128, 130, 135–136, 150, 152–155, 157–163, 180–181, 192, 202, 210, 229, 232, 310, 323, 325, 328, 401, 403–404, 408, 414, 447, 450, 455, 474, 476, 479
 тангур (тангор) 135–136, 161–162, 403, 404
 тангут 161
 танке 63
 танып 58, 70, 81, 312–314, 319, 326–328, 330, 343–344, 350, 392, 394, 438, 446–447, 457, 460
 тархан 320–323, 345, 349, 384, 391–396, 398
 тарьян (таркан) 394
 тас 334, 441
 тас-катаган 334, 440
 тас-коян 334, 441
 тасангоруучи (тазукарачен) 334
 тастар 158, 334, 443
 тастар-аргын 334, 441
 татар 136, 204, 222
 татары 31, 33, 46, 52, 78, 94–96, 98, 101, 116–117, 123, 129, 150,

158, 160, 167, 169–170, 172–173, 180, 208–209, 212, 214, 232–234, 248, 286, 299, 303, 305–306, 315, 321, 326, 343, 345, 368–370, 372, 376, 400, 434, 436, 448–449, 455–457, 464, 477, 482; см. также татары
татары барабинские 196, 419; см. также татары
татары казанские 31, 45, 123, 324, 454; см. также татары
татары крымские 84, 168, 172, 176, 309, 311, 336, 405, 439; см. также татары
татары сибирские 91, 189–190, 232–233, 236, 268–270, 275, 456, 460; см. также татары
татары тобольские 196; см. также татары
татигас 69, 80, 182, 468
тау 81, 167, 178, 193, 281, 314, 428, 480
тау-канлы 81
таулы 178, 428
теке 193, 244
теле 253–254, 257, 403, 440, 442
теленгит 263
телес 254
телеут 441
телеуты 218, 253–254, 294, 334, 441
теляу (теляу-табын) 235, 239, 252–254, 274, 280, 282, 440–441, 443, 481
терсяк 210–212, 225, 227–233, 268, 270, 273–274, 279, 343, 416, 432, 456, 480

тёёлёс 254
типтяри 78, 90, 117, 304–305, 315, 318, 321, 456, 482
тогуз уул 195, 428
тогуз-огуз 195, 428
тогузак 195, 428
токсоба 167, 169, 171–172
торгауты 292
тöрт ас 218–219, 439
тувинцы 138, 202, 220, 223, 256, 259, 291, 323, 329–330, 339, 393, 395, 404, 419, 428, 439
тугыз (тогуз, тогус, токуз) 195–196, 313, 347, 428
тул-гайна 313, 349
тума 161–162, 212, 403–404
тумат (тумэт, туматэ) 160–161, 403–404
тунгатар 255
тур-гайна 313, 349
турки 143, 169, 207, 333, 405
туркмен 113, 169, 177, 187, 190, 192–193, 201, 437–439, 442, 459, 481
туркмен-кудей 81, 113, 190, 201–203, 275, 276
туркмен-кыпчак 177–179, 185
туркмены 36, 63–64, 72, 78, 89, 128–129, 177–178, 195, 206–207, 220, 244, 260, 265, 276, 290–293, 309, 330, 334, 395, 405, 423, 427–428, 437–438, 481–482
тухси 134
тырнаклы 186, 189, 190–191, 196, 238, 274, 276–277, 427, 480
тэнкэй-киргиз 339, 347

тюбеляс (тубалас) 36, 237, 256,
281

тюргеши 219

тюрки 20, 32, 121, 126, 128, 130,
132, 134, 136–137, 139, 140,
144–145, 147, 151–152, 158,
162, 170, 175, 191, 197, 214,
222, 233, 243–247, 249–250,
253, 260, 290, 292, 309–310,
322, 330, 343, 354, 358, 362,
364, 366–373, 380, 388–392,
400, 404, 407, 418, 428, 433,
442–443, 450, 456

тюрки алтайские 129, 137, 144,
294, 437; см. также тюрки

У

уваныш 312, 319, 344–345, 349,
416, 460, 480

угры 121, 126, 196, 203, 228–230,
251, 260, 263, 274–275, 320,
322, 355, 357, 362–363, 365,
371, 377–381, 388, 390, 392,
400, 416, 418, 460, 480

удмурты 52, 78, 230, 306, 313, 315,
321, 324, 342–343, 433–434,
460, 464

узбеки 63–64, 72, 129, 136, 140,
168, 170, 175, 177–178, 192,
204, 206–207, 213, 215–217,
221, 244, 246–247, 249, 253,
262–263, 265–266, 289, 290–
294, 309, 334, 336–337, 339,
395, 404–405, 427–428, 437–
438, 442–444

узы 341

уйгуры 20, 140, 215, 220–221, 242,
260, 262, 290–292, 309, 329,
330, 393, 395, 440

уйшун (уйшин, ушин, хушин)
246–247, 250–252, 440, 443,
481

уйшун-митан 247, 440

улу-катай 212, 278–279

ун 264, 312, 315, 319, 328–329,
345, 350–351, 401, 404, 408,
479

ун-уйгур 263

упей 70, 186–187, 189, 208–210,
225, 231–232, 273–274, 276–
277, 416, 432, 447, 457, 480

уран 38, 58, 139, 238, 312, 314–
315, 319, 329, 332–334, 345,
349–351, 401, 404–405, 412,
457

урасут 263

урат (урут) 333

урман-гэрэ 313, 339, 347

урман-кудей 81, 201–202, 273,
276

уршак-мин 284, 288, 297

усерган 70, 83, 106, 109–111, 114,
116, 126, 128, 130, 135, 139–
141, 150, 152–154, 157–160,
162–163, 180–181, 188, 191,
196–197, 202, 229, 231–232,
288, 310, 313, 321, 325, 328,
333, 335, 338, 394, 399, 401,
404, 408, 412, 414–415, 419,
428, 432, 434–435, 438, 446–
447, 450, 469, 479

усуни 162, 219, 246–252, 255, 293,
391, 419
усунь (уйсун, усонь) 247–248,
440–441, 443
уфа-ельдяк (уфа-ельдят) 313, 348
уфа-танып 318, 327

Ф

финны 322, 433–434, 461

Х

хаджа 174
хазары 132, 142, 144–148, 342,
386, 409, 469
хакасы 135, 220, 238, 291, 340,
439
ханты 464
хорезмийцы (хвалисы) 421
хотон 221
худэ 419
хунны (хунну); см. также гун-
ны 164–165, 214, 247, 291,
464, 466

Ч

челканцы 256, 441
черемисы 111, 124, 227, 230, 303,
327, 330, 332, 460; см. также
марийцы
черик 204, 292, 323
чжамур 136
чжи-лян 438
чиг 139

чуваши 52, 78, 117, 123–124, 126,
160, 180, 260, 303, 306, 315,
322–324, 369, 381, 390–391,
395–396, 399, 433–434, 464
чураш 405

Ш

шайтан-кудей 201, 273, 276, 416
шеруши 63
шишей 109, 183

Э

эгизей 65
энцы 310, 319
эрсары 220, 291, 438
эсен-ходжа 193
эске-елан 313, 348
эскэл (эсжел) 383, 386
эфталиты 137, 139, 140–141, 401
эштек 196, 419, 428

Ю

юмран (юмран-табын) 116, 235,
237–239, 257–261, 272–273,
280, 282–283, 392, 394, 398
юрактау-канлы 348
юрман 237, 260, 273, 392, 394, 480
юрматы 36–38, 54, 80, 106–107,
116–126, 155, 157, 180–182,
231–232, 238, 260–261, 273,
286, 384, 391–392, 394, 396,
398, 400, 415, 438, 447, 458–

459, 466, 468–469, 474, 476,
480
юрми (юрмый) 38, 111, 117–119,
121–124, 126, 150, 180, 231–
232, 299–301, 303, 305, 307–
309, 323, 325, 330, 332, 345–
346, 384, 391–392, 394–396,
398, 480

Я

ягалбай 108, 139, 401, 404–405,
408, 443, 479
ягалтай 405
яирлы 195
якуты 129, 260
ялан-катай 81, 211, 227, 234, 277–
278
ямаш 80, 183
янсары 183
яраз 195

as см. ac
balьqсыlar см. балыксы
bileres см. биляр
dörben см. дурбан
dzulo (dulo) см. дьюла
ermi см. ерми
gyermat (gyarmat, gyormot,
gyurmot) см. юрматы
gyula (jula) см. дьюла
jenö см. ене
kesz (keszö, keszi) см. кесе
madyar см. мадьяры
medyer см. мишари и мишар-юр-
маты
tarkanос см. тархан
tarjan см. таръян
ungroi см. угры
uran см. уран

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

А

- Абзелиловский р-н 199
 Азербайджан 207
 Азия 130, 133, 138, 146, 152, 165, 222, 390, 393, 410, 414, 426–427, 443
 Азовские лиманы 151
 Азовское море 178, 224
 Аикар, гора 236
 Ай, р. 53, 94, 97–99, 104, 187, 190, 199, 201, 205, 207–208
 Айлегэн, гора 199
 Айлинская (Айская) волость 51, 53, 55, 57, 59, 61
 Айская долина 201
 Акбулатово, дер. 155
 Актюбинская обл. 231
 Александровская волость 340
 Алеппо, г. 421
 Алтай 7, 12, 18, 25, 29, 123, 133–136, 149, 162, 181, 191, 195–196, 202, 204–205, 207, 215, 218–219, 221, 231, 233, 242–243, 245, 249, 254, 256, 258, 260, 263, 273–274, 288, 291–294, 309, 322–323, 329, 332, 341, 371, 393, 401, 406–407, 416, 437, 442–443, 445, 479
 Алтайский край 161
 Альшеевский р-н 35, 224, 301, 332
 Амударья, р. 65, 137, 177, 206, 213, 240, 402
 Аохань, местность 223
 Ар-Усергенская волость 60
 Аравия 71
 Аральское море (Аральское озеро, Арал, море Гурганча) 127, 132–135, 139, 143, 254, 372, 403, 420, 425
 Аргыш, дер. 344
 Ару-Карцинь, местность 223
 Ас, Аса, Асар, Аснас, Асса, Ассы, местности 218–219
 Аскинский р-н 331
 Аслы-Кипчатская волость 60
 Астрахань 457, 462
 Асы, дер. 218
 Асылы, дер. 218
 Асылы-куль (Табын-куль), оз. 153, 157, 179, 201–202, 224, 265, 272, 283, 338, 445
 Атиково, дер. 155
 Атрек, р. 128, 137

Атяж (Утеш, Устюм), оз. 228
Афганистан 290
Ахун, дер. 119
Аша, г. 218
Ашагы Кушчу, дер. 206
Ашкадар, р. 53, 99, 107, 413
Аяла-Табынская волость 59

Б

Баджжурд (Бажжёрт), г. 137
Бадрак, дер. 264
Бадраш, дер. 264
База, р. 54, 311, 316, 413
Бай-Бурзенская волость 60
Байдар, дер. 311
Байдера, дер. 311
Байкал, оз. 215, 256
Байки, р. 53, 57
Баилярская (Баиларская, Баиляр-
ская) волость 57, 61, 299, 303
Бала-Катайская (Балай-Катайская)
волость 53, 55, 57
Баласагун (Белясагун), г. 170, 214,
249–250, 430
Балканский полуостров 148
Балкария 219
Балхан, местность 290
Балыкчинская (Балакчинская, Ба-
лыхчинская) волость 51, 53,
55, 59
Барын-Табынская волость 55, 57,
59
Барынская волость 235
Баш-Киргиз, местность 340
Башбура, дер. 128, 130

Башкир-Култаево (Тасимово),
дер. 318

Башкирия (Древняя Башкирия, Бас-
карт, Баскурд) 12–15, 23, 25,
27–29, 32, 34–35, 37, 40, 42–44,
46–47, 49–50, 58–59, 70–75,
80, 82, 90, 93, 95–97, 99–100,
103–105, 108, 111–117, 119–
120, 122, 124–125, 135, 141,
146, 151, 153–154, 156–160,
162–163, 166–167, 178–179,
181, 186–190, 193, 196, 199,
200–205, 207, 211–212, 223–
224, 228–229, 230–233, 235,
237–240, 244–245, 258–260,
264–275, 280–283, 285–287,
295, 298–299, 301–304, 306,
311–317, 319, 321–323, 326,
328–336, 338–340, 343–345,
354–356, 359–366, 368, 370–
376, 378, 382, 384–385, 387,
396–397, 399–401, 410–414,
416–419, 421–422, 424–437,
440, 442–448, 451–472, 474–
477, 480–482

Башкурт, местность 402

Башкуртские горы (горы Башхарт,
горы Башкырт) 129, 138, 190,
402

Белая, р. 45, 53–54, 73, 97, 99, 107,
110–111, 115, 117–120, 153–
155, 163, 178–179, 181, 201,
203–205, 207, 211, 224–225,
235–237, 260–261, 264, 266,
286, 295, 311, 313–321, 326,
328, 332, 334, 338, 340–342,

- 345, 354–356, 358–360, 362, 364, 367–368, 376, 378, 382, 384–385, 387, 412–413, 431–434, 444–446, 454–455, 457, 464–465, 471, 474, 480
- Белая орда (Ак-Орда) 454
- Белебей, г. 162, 201, 208, 328, 412
- Белое озеро 261
- Белокатайская волость 51
- Бельская долина 225, 444
- Бельско-Уфимское междуречье 465
- Беляковка, р. 228
- Бешанульская волость 52
- Бешбалык, г. 262, 330
- Бешеул-Табынская волость 60
- Бештау, гора 262
- Бикатинская (Бекетинская, Мекотинская, Мекетинская, Мякотинская) волость 51, 53, 55, 59, 210
- Билимбай, станция 226
- Биляр (Билер), г. 306–307
- Бирск, г. 204
- Бирский р-н 35, 332
- Бирский у. 300
- Бирь, р. 311, 316, 358
- Бисерть, р. 224, 226–227, 313, 318, 345, 446, 460
- Бичурино, дер. 318
- Бишаул, дер. 141
- Бишбулак, пос. 141, 262
- Бишевлярово, дер. 154
- Бишкент, местность 141
- Благовещенск, г. 316, 362
- Ближний Восток 137
- Болгарское царство (Великая Болгария, Болгарская держава) 144, 148, 263, 402
- Большая Башкурка, р. 134
- Большая Ногайская орда 456
- Большая Сатка, р. 237
- Большой Ик, р. 53, 107–108, 110, 115, 117, 154–156, 179, 187, 211, 227
- Большой Иргиз, р. 153, 157, 180, 265, 272, 283
- Большой Кизил, р. 162
- Большой Кинель, р. 153
- Большой Пизь, р. 207, 311
- Большой Узень, р. 110, 153, 157, 178, 180, 412
- Большой Уран, р. 108, 115, 157, 239, 272, 283, 334, 410, 413
- Большой Хинган 403
- Большой Черемшан 384, 389
- Бугульминская возвышенность 45, 100, 117, 153–154, 163, 179, 181, 205, 210, 228–229, 232, 235, 260, 265, 267, 286, 298, 306, 310–311, 324, 326, 331, 340, 384, 386–387, 389, 396, 400, 410–415, 426, 432, 444, 452, 465, 479–480
- Бугульминский р-н 310
- Бугульминский у. 340
- Бузулук, р. 283
- Буй, р. 55, 311, 317, 321
- Булгар (Болгар), г. 131, 145, 153, 170, 307, 321, 338, 373, 384, 431, 433
- Бурдюк-Табынская волость 60
- Бурбаш, дер. 130

Бурзян-Кыпчакская волость 156
 Бурзянская (Бурзенская, Бурсен-
 ская) волость 51, 53, 55, 57,
 60–61, 236, 267, 299
 Бурсанджирд, местность 137
 Бухара 127, 129, 138, 190, 194, 200
 Бухарская обл. 177
 Бухарский оазис 137–138
 Бучурская (Бускурская, Бачкыр-
 ская, Бачкурская) волость 53,
 55, 59, 228, 230
 Бушман-Кипчатская волость 60–61
 Быстрый Танып (Танып), р. 53, 55,
 119, 154, 225, 302–303, 310–
 311, 316–318, 323, 327, 329–
 330, 335, 344, 446, 461, 477
 Болярская (Болярская, Балярская)
 волость 52, 54, 56, 58, 303

В

Ваныш, дер. 344
 Вахш, р. 138
 Вашгирд, местность 138
 Венгрия 22–24, 28, 121, 259, 306,
 308–309, 319, 380, 393, 396–
 397, 414, 421
 Венгерское королевство 22; см.
 также Венгрия
 Верхне-Кудашево, дер. 301, 303
 Верхне-Тамьянская (Верхне-Тами-
 янская) волость 51
 Верхне-Уранская волость 60
 Верхнее Прикамье 369
 Верхнеуральский у. 273
 Верхний Байлар, дер. 300

Верхотурский у. 228, 460
 Византия 131, 136–137, 143, 145–
 146, 147, 341
 Внутренняя Монголия 214
 Волга, р. 18, 22, 24, 117, 126, 131,
 134, 136, 140, 144, 147–148,
 150, 160, 162, 173–174, 220, 224,
 233, 250–251, 265, 307–308,
 311, 323, 338–341, 354, 367,
 373–374, 378, 380–391, 396,
 400–403, 410–413, 415, 421,
 427, 429, 454, 456–457, 459, 462
 Волго-Вятское междуречье 357
 Волго-Камский бассейн 464
 Волго-Камье 29–31, 123, 160, 202,
 218, 220, 298, 311, 313, 323–
 324, 355, 370–372, 377–378,
 387–388, 434, 465
 Волго-Яицкое междуречье 153,
 156, 178, 250, 400, 403, 415,
 429, 454, 456, 463
 Волжская Булгария (Булгария. Бул-
 гарское государство, Булгар-
 ское царство) 22, 31, 126, 148,
 154, 167, 180, 267, 306, 308–
 309, 320, 378, 382–385, 389,
 431–432, 435–436, 445–446,
 455, 465, 467
 Восточная Европа 16–17, 21, 39,
 62–64, 128, 133, 135, 142, 145–
 146, 152, 162, 164, 167, 169,
 175, 181, 192, 202, 219, 259,
 292–293, 309, 323, 335–336,
 370–373, 379, 383, 389, 401,
 406–407, 416, 426, 429, 435,
 437, 443–444, 451, 453, 458

Восточное Приитышанье 207
Восточный Казахстан 390, 402
Восточный Туркестан 214
Вятка, р. 311

Г

Гайна, дер. 318, 326, 432
Гайна, р. 326, 432
Гайна-Ямак, дер. 326
Гайна-Ямал, дер. 432
Гайнинская (Ганинская) волость
52, 54, 56, 58, 60
Гарей-Кипчатская волость 60–61
Гарейская (Гирейская) волость 52,
54–55, 57, 61, 179
Гилян 146
Гоби 253
Горный Алтай 178
Горный Байлар, дер. 300
Гуляская волость 50, 52
Гышма, оз. 153

Д

Двуречье 198, 442
Дербешка, дер. 122
Дербишево, дер. 122
Дешт-и-Кипчак 112, 114, 164–165,
167–169, 171–173, 177, 181,
198, 207, 219, 221, 223, 245,
248–252, 254, 265, 268, 270,
274, 295, 319, 332, 334–338, 341,
430, 436–437, 442, 451, 453, 466
Дёма, р. 53, 97, 107–108, 111, 115,
117, 153, 156–157, 163, 179,

187, 201, 224, 239, 260, 265, 283,
285–287, 295, 310–311, 326, 410,
412–413, 432, 445, 457, 459, 476

Джамбалык, г. 330
Джунгария 254
Джурджанийское озеро 132
Днепр, р. 146
Дон, р. 151, 224
Донско-Кавказская обл. 21–23
Дуван-Табынская (Дуван-Табин-
ская) волость 52, 56, 60–61
Дуванейская волость 54, 56, 61, 312
Дуванская волость 51–52, 55, 57–
59, 61
Дунай, р. 123, 126, 148, 150, 165,
196, 245, 308, 322, 386, 414
Дунайская Болгария 397
Дунайская долина 21, 395, 397
Дюртюлинский р-н 300

Е

Евбазы, р. 54
Евразийские степи 369–370, 437,
463
Евразия 13, 85, 165, 245, 378, 390–
391, 410
Европа 21, 138, 146–147, 150, 368,
374, 390, 402, 420
Елабуга, г. 207
Елан-Тангаурская (Елан-Тиргаурс-
кая) волость 60
Елан-Усеньенская волость 60
Елдяцкая (Елдятская, Елтяцкая,
Ялдацкая) волость 53–55, 57,
59, 61

Енейская (Янейская) волость 54–55,
57, 59, 61, 201
Енелчуская волость 52
Енисей, р. 161–162, 257, 378
Ермекеевский р-н 301

Ж

Жигулевские горы 131, 429

З

Зай, р. 45, 117–118, 122, 307–308,
320, 413, 432
Закамье 54, 126, 180, 311, 384, 432
Западная Сибирь 29, 130, 190, 193,
200, 225, 227, 231, 233–234,
273–274, 360, 361, 363–366,
369, 371, 373, 378–379, 381,
390–391, 405, 416, 418, 425–
426, 450, 454, 480
Западнотюркский каганат 207,
367–368, 371, 373, 401, 426
Западный Казахстан 158, 244, 250,
260
Зауралье 44–45, 99, 107–108, 110–
112, 117, 155–157, 162–163,
180–181, 188–189, 198–200,
208, 210–211, 220, 223, 226–
227, 229, 231–232, 234–238,
240, 244, 255, 266–272, 275–
277, 280, 283, 287, 334–335,
354–355, 358, 361, 363, 366,
369–371, 373, 378–379, 414,
425–427, 429, 445–447, 453,
456–457, 463–464, 475, 481

Зеравшан, р. 334
Зианчуринский р-н 35, 332
Зиган, р. 107
Зилаир, р. 53, 154
Зилим, р. 113, 119, 179, 266
Златоуст, г. 286
Змеевка, р. 317–318
Золотая Орда 12, 158, 162, 170,
174, 176, 178–179, 252, 293,
295, 332, 335, 436, 445–446,
450, 453–454, 461, 468, 471

И

Игень, р. 53
Иглинский р-н 203
Иж, р. 54, 300, 317, 321
Изяр, р. 321
Ик, р. 50, 53–54, 97, 104, 108, 111,
115–116, 118–119, 153, 163,
178–179, 201–204, 207, 224,
229, 231, 235, 237, 260, 264–
265, 267, 285, 298–303, 305,
307, 310–311, 316, 320–321,
331, 339, 362, 384, 412–413,
416, 431–432, 444–447, 455,
477
Ик-Бурзенская волость 60
Иланская волость 54, 56, 58–59, 61
Илек, р. 154
Или, р. 134, 248, 402
Иликей-Минская (Илькейминская)
волость 60–61
Илим, р. 53
Инзер, р. 53, 119, 205, 211, 225,
263, 266, 331, 447

Иран (Иран Сасанидский) 137
 Иранский Азербайджан 206
 Иргиз, р. 108, 110, 115, 151, 154, 251, 264–264, 294, 412
 Иргизо-Камеликский бассейн 157, 235
 Ирень, р. 318
 Иректинская (Иректинская) волость 53–54, 56, 58, 60–61
 Иртыш, р. 133–136, 165, 169, 190, 204, 209, 215, 225, 233, 242, 251, 268, 344, 379, 401–402
 Исетская провинция 57, 287
 Исеть, р. 45, 225, 227–228, 230, 234, 355, 379, 460
 Истяково, дер. 314
 Итиль, г. 133
 Итиль, р. 134, 166, 172–173, 178, 285, 385–386; см. также Волга
 Ички-Иланская (Ичкииланская) волость 54, 300
 Ишим, р. 134, 159, 233, 268, 270, 379, 454

К

Кабнинская волость 61
 Кавказ (Кавказские горы, Каф-тау) 133, 146, 151, 201–202, 206, 218–219, 224, 293, 367, 380
 Казанская дорога 50, 52–59, 61, 115, 163, 201, 228, 266, 298, 311
 Казанское ханство 102, 151, 257, 266–267, 298, 301–302, 454–455, 475–477

Казань 31, 115, 201–202, 209, 302, 311, 343, 456–457, 459
 Казахстан 17, 29, 62–64, 136, 193, 225, 252, 256, 309–310, 361, 367, 370–371, 379, 390–391, 406–407, 416, 426, 445, 450–451, 458, 481
 Кайнигари, волость 52
 Кайпанская (Кайманская) волость 52, 60
 Калджыр, р. 259
 Калнинская (Кайлинская) волость 55, 57
 Калтай, дер. 159
 Калтасинский р-н 332
 Калчир-Табынская (Калчик-Табынская, Карчир-Табинская) волость) 52, 60–61
 Кама, р. 45, 50, 52, 54, 108, 115, 117, 160, 179, 207, 226–227, 267, 269, 300–301, 311, 313, 317–318, 320–321, 323, 327, 354, 360, 378, 384–386, 411, 413, 432, 446, 455, 457, 460, 462, 464, 466
 Камбарка, р. 313
 Камелик, р. 108, 110, 115, 157, 272, 412
 Кандры-куль, оз. 283
 Кангуй 336
 Кара-Китай 213
 Кара-Найман 218
 Караболка, р. 211, 270
 Карагай-Бурзенская волость 60
 Карагай-Кипчатская волость 60, 61

- Каракалпакия 140, 243, 246
 Каракорум 262
 Каракулино, село 317
 Каралык, р. 108, 110–111, 157, 412
 Каратабынская (Кара-Табынская)
 волость 51, 53, 55, 57, 59, 61, 236
 Каратаулинская волость 59
 Караханидское государство 249
 Карманово, дер. 332
 Кармасан, р. 54, 153, 311, 316,
 412–413
 Карпатская котловина 380
 Карпатский бассейн 387–388
 Каршинская волость 52, 54–55, 57,
 61
 Касмарка, р. 154
 Каспийское море (Каспий) 134,
 170, 214, 254, 386, 403, 466
 Катав, р. 53, 203
 Китай, дер. 213, 224
 Китай-йылга, р. 224
 Китайская волость 51, 53, 55, 57,
 59–61, 210, 234, 267
 Кашгар 214
 Кашкадарья, р. 206
 Кесе-Табынская (Кси-Табынская,
 Кси-Табинская, Кситабынс-
 кая) волость 52, 60–61
 Киекбаево, дер. 155
 Кизгень, р. 54
 Кизиб-Кипчатская волость 60
 Кизил, р. 108, 236
 Кинель, р. 179, 389, 412–413
 Киргиз, местность 340
 Киргиз-Катай (Киргиз-Китай), мес-
 тность 213, 340
 Киргизия 194, 390
 Киргизская (Киргиская, Кыргызская,
 Циргиская) волость 52, 54, 56,
 58, 61
 Кобдосский аймак 290
 Кокеранская волость 59
 Константинополь 147, 150
 Корцинь, местность 135
 Кояново, дер. 318
 Красноуфимск, г. 208, 318
 Красноуфимский у. 460
 Крым 150–151, 159, 172, 213, 217–
 218, 224, 250–251, 264, 294,
 323, 338, 340, 454, 476
 Ктай-Найман 218
 Кубалаякская (Кубеляцкая, Кубеляр-
 ская) волость 51, 55, 59, 235
 Кубань, р. 119, 151, 251
 Кубеляк-Табынская волость 53
 Кубияз, дер. 330
 Кубов-Минская волость 60
 Кувакан, р. 237
 Куваканская (Кубаканская, Ку-
 вакайская, Куаканская) во-
 лость 51, 53, 55, 57, 59
 Куганак, р. 107
 Кудейская (Кудинская) волость 51,
 53, 55, 57, 59
 Куйбышев, г. 354
 Куйбышевская обл. 34–35, 45, 103,
 108, 181, 224
 Кумрук-Табынская (Кумрун-Та-
 бинская) волость 52, 60–61
 Кунгратский р-н 243, 246
 Кунгур, г. 209, 476
 Кунгурский у. 460

Кундурча (Кондузча), р. 117, 384,
 389, 397, 412–413, 446
 Курганская обл. 34–35, 104, 271–272
 Курман-тау, гора 123, 180, 397
 Курпечь-Табынская (Курпеч-Та-
 бынская, Курпечь-Талбын-
 ская) волость 53, 60, 237, 299
 Курулен, р. 242
 Кучук-Киргиз, местность 340
 Кушинская (Кусинская, Кушин-
 ская, Косчунская) волость 51,
 53, 55, 59, 61
 Кушчу Али, местность 206
 Кушчулар, местность 206
 Куяш, р. 54
 Кыпчакская (Кипчатская, Кипчац-
 кая, Кипшаская) волость 50–
 51, 53, 55, 115, 267, 299
 Кыр-Еланская (Карыланская) во-
 лость 61, 316
 Кыр-Унларская волость 59
 Кырккулеминская волость 61
 Кыртаныбская волость 59

Л

Лебедь, р. 256
 Лемеза, р. 187, 203
 Ляо, государство 214

М

Мавераннахр 178, 214, 289–290,
 295
 Магнитогорск, г. 354
 Максютново, дер. 155

Малая Азия 206, 344, 406
 Малая Башкурка, р. 134
 Малая Гайна, дер. 326
 Малая Сатка, р. 237
 Мало-Кушинская волость 208
 Малый Ик, р. 53, 107, 110, 155–156,
 187, 211, 227
 Малый Кизил, р. 162
 Малый Кинель, р. 153
 Малый Узень, р. 110, 153, 157, 178,
 180, 412
 Малый Уран, р. 107–108, 115, 157,
 235, 239, 272, 283, 334, 410,
 413
 Мамадышский у. 257, 267
 Мамбет, дер. 159
 Мангышлак, полуостров 290
 Маскара, дер. 221
 Медвежевка, р. 317
 Мелекас (Мелекес, Мьялкас, Меля-
 кач), дер. 207–208, 285
 Мелеуз, г. 432
 Мендим, р. 53
 Мендяк, р. 53
 Мензелинский кантон 224
 Мензелинский р-н 35, 310, 332
 Мензелинский у. 201
 Мензеля, р. 54, 115, 201–203, 285,
 299, 455
 Меотиды 151–152; см. также Азов-
 ские лиманы
 Миасс, г. 334
 Миасс, р. 194, 199, 200, 236, 238,
 266–268, 270–271, 286, 301,
 305, 334, 355, 379, 427
 Минская волость 52–53, 55–56, 60

Миркит-Минская (Меркитская, Мир-Китлинская) волость 52, 60, 61
Монголия 191, 196, 221, 242–243, 254, 256, 258, 263–264, 288, 290–291, 294, 332
Монгольский Алтай 254
Москва 120, 302, 456
Мулянка, р. 313, 318
Мунжа, р. 321
Мурадымово, дер. 67
Муракаево, дер. 265
Мургаб, р. 137
Мургар, горы 133
Мурзаларская волость 59, 61
Мурсинская волость 51
Мушкинская волость 52
Мялля-Тамак, дер. 305

Н

Нарыш-тау (Нарыс-тау), горы 260
Неги-Сент-Миклош, местность 409
Недырова (Надырова) волость 61
Нейтас, море 143, 147–148; см. также Черное море
Нижне-Уранская волость 60
Нижнее Поволжье 142, 148, 170, 181, 368–369, 390 403, 409, 426, 449–450, 453
Нижнее Серменево, дер. 225
Нижние Лемезы, дер. 201
Нижний Дон 390
Нижняя Волга 370, 402, 427
Нижняя Кама 378
Нижняя Тамиянская волость 51

Ново-Кулево, дер. 286
Новый Байлар, дер. 300
Ногайская дорога 49, 51–53, 55–57, 60
Ногайская орда 118, 155, 162, 454–458
Ногайское ханство 457, 475
Нугуш, р. 53, 111, 115, 155, 163, 179, 327
Нуратинские горы (Нуратау) 177, 402

О

Обь, р. 257, 334, 464
Одоман-Киргиз, местность 340
Ой-Китай, местность 213
Ока, р. 187
Онгар-Найман, местность 218
Оренбург, г. 114, 240, 328, 334
Оренбургская губ. 45–46, 464
Оренбургская обл. 34–35, 45, 103, 107–108, 273
Оренбургские степи 240, 329
Орта-Китай, местность 213
Орхон, р. 222, 329
Орь, р. 154, 159
Оса, г. 318, 476
Осиновая Дубрава, село 317
Осинская дорога 50, 52, 54, 56, 58, 60–61, 230, 303, 311, 316
Отчера, р. 318
Ош, местность 218
Ошель, г. 383

П

Памир 138, 402

Паннония; 22, 308–309, 374–375,
385, 400, 422; см. также Венг-
рия

Парау, село 224

Паскатир; 385; см. также Башки-
рия

Первоуральск, г. 226

Пермская губ. 46, 460

Пермская обл. 34–35, 325

Пермский край 209, 226–227

Пермь, г. 311, 318

Плисса, г. 122, 323, 397

Поволжье 21, 23, 29, 43, 46, 122,
125, 131, 142, 147, 148, 160,
164–165, 167, 170, 231, 249,
260, 274, 283, 314–315, 322–
323, 342, 345, 362, 365–367,
370, 372, 374, 377, 381, 383,
387, 389–392, 400, 430, 433,
435, 445, 454, 458, 461

Подгорный Байлар, дер. 300

Подонье 390

Предкавказье 366, 376, 390, 414

Предкамье 445

Приазовье 122, 126, 143, 148, 323–
324, 362, 368, 374–375, 390,
401, 479

Приаралье 126, 130–134, 136–138,
140, 142, 147–149, 154, 160,
162, 165–166, 180–181, 191–
192, 195–199, 219, 231, 260,
265–266, 274, 294, 333, 336–
338, 340, 369–370, 373–374,
376–377, 401–402, 409, 418–
419, 424–427, 442, 466, 479

Приаральские степи 132, 401

Прииртышье 207, 379, 437

Прикамье 30, 108, 122, 314–315,
322, 326, 355, 357, 364, 366,
368–369, 385, 399, 424, 431,
461, 464

Прикаспий 131–132, 138, 146–147,
219, 369, 389, 402, 407

Притоболье 271, 355

Приуралье 14, 21, 23, 28–31, 46,
112, 125, 142, 150, 154, 157–
158, 160, 162–163, 167, 171,
178–181, 189, 202, 210, 219,
224–225, 229, 231, 240, 266,
273–275, 289, 295, 298, 308–
309, 311, 325–326, 329, 331–
332, 334–335, 338, 341–342,
345, 355, 357–359, 361, 363–
371, 374, 377, 381, 387–392,
400, 403, 407, 410, 412–417,
424–426, 429–430, 432, 445,
447, 452–453, 456–458, 462,
464–465, 476–477, 480

Причерноморье 12, 21, 141, 143–
145, 147–148, 150–151, 166,
169–170, 195, 217–219, 250,
262, 340, 379–380, 402, 420,
430

Пышма, р. 228, 230, 234, 270

Р

Россия (Русское государство, Русь)
12–13, 36, 49, 71, 77, 81–82, 98,
100, 102, 113, 119–120, 124–
125, 151, 227, 232, 234, 267,
269, 270, 286, 298, 302, 311,

322, 455–456, 458, 462, 467,
471–472, 475–478, 481
Руза, р. 133
Рум 143–144, 146; см. также Визан-
тия
Румское море 386
Румыния 409

С

Сабан, волость 55
Саелмыш, р. 156, 179, 413
Сакмара, р. 53, 94, 110, 115, 118,
154–156, 179, 334
Сакмарбуре, дер. 128
Салаватский р-н 256
Сальзегут (Саджеут), дер. 224
Сальютская (Салаутская, Салжа-
утская, Челжетуцкая, Чажает-
ская) волость 51, 53, 59, 210
Самара, р. 45, 179–180, 205, 207,
265, 283, 410, 412–413, 431,
445, 457, 476
Самарканд 133, 290
Самаркандская обл. 177
Саралиминская (Саралимская) во-
лость 61
Сарапул, село 317
Саратовская губ. 110, 157
Саратовская обл. 34–35, 103, 108
Сарс, р. 317–318
Сарт-Батраково, дер. 197
Сарт-баш, дер. 197
Сарт-Лобово, дер. 197
Сарт-Минская волость 201
Сарт-Наурузово, дер. 197, 200
Сарт-Смирново, дер. 197
Сарт-Чишма, дер. 197
Сартская (Сартинская, Сардинская)
волость 51, 59, 60–61, 199
Сарты, дер. 197
Сары, дер. 220
Сары-Китай, местность 213
Сары-куль, оз. 221
Сары-су, р. 221
Сары-тау, гора 221
Сары-юрт, дер. 221
Сарыш-Кипчак, местность 172
Сарыш-Кипчацкая (Сарыжь-Кип-
чацкая) волость 53, 115, 179
Сатка, р. 53
Саяно-Алтайское нагорье 164, 222,
334
Саяны, горы 219, 377
Свердловск, г. 327
Свердловская обл. 34–35, 325
Северная Киргизия 218
Северное Приаралье 231, 264, 373,
424
Северное Причерноморье 162
Северный Алтай 256, 310, 442
Северный Кавказ 120, 125, 132,
142, 145–146, 148–149, 151,
164–166, 169, 181, 202, 206,
219, 262, 308, 323–324, 329,
366–367, 372–374, 379–381,
387, 389, 391–392, 401–403,
409, 459, 476
Северный Казахстан 175
Северный Прикаспий 368
Селенга, р. 222, 255, 262
Селеук, р. 107

- Семиречье 159, 162, 195, 214–216,
218–220, 223, 246–251, 254–
255, 330, 391, 401, 450, 453
- Серга, р. 230
- Сибирская дорога 51, 53, 55, 57,
59–61, 269, 316, 335
- Сибирское ханство 226, 232, 234,
268–269, 454, 456, 475
- Сибирь 17, 39, 44, 114, 134, 201,
209, 226, 233–234, 258, 269,
311, 456
- Сибирь Пермская 225–226, 229–
231, 268
- Сикашта, р. 303
- Сим, р. 53, 187, 201, 203, 263, 266
- Симбирск, г. 117
- Синара, р. 211, 227–228, 270
- Сок, р. 45, 384, 389, 397, 413
- Соль-Илецк, г. 368
- Средиземное море 145
- Среднее Поволжье 30, 96, 142, 148–
149, 159, 239, 311, 366, 368,
371, 388–389, 395, 399, 447
- Средний Урал 228, 230
- Средняя Азия 17, 25, 29, 39, 62–64,
72, 92, 101, 123, 125–126, 128,
130, 133, 136–140, 142–143,
145–146, 149, 160, 162, 164, 175,
190–191, 193, 197, 201–202, 207,
220, 252, 259, 289, 291–293, 298,
309–310, 323, 333, 336, 343–344,
367, 371, 373–374, 391, 401,
406–407, 416, 426, 437, 443–445,
450–451, 453, 458, 481
- Средняя Волга 364, 366, 369–370,
374, 378
- Старо-Кулево, дер. 286
- Старое Киргизово, дер. 340
- Старое Минево, дер. 203
- Старое Чукурово, дер. 302
- Старое Юлдашево, дер. 273
- Старый Байлар, дер. 300
- Степной Зай, р. 181, 285, 300, 307,
432
- Стерлитамак, г. 362, 364
- Стерля, р. 413
- Сувар, г. 131, 373
- Сул-Кудейская волость 59
- Султаныбская волость 59
- Сункипшаская волость 51
- Сунларская волость 61
- Суун-Чишма, дер. 328
- Сухайля, р. 107, 413
- Суюндуково, дер. 304
- Сызгинская (Сискинская) во-
лость 51, 53, 55, 59
- Сылва, р. 225–227, 311, 317–318,
345, 368–369, 460, 477
- Сынгаряново, дер. 229
- Сындаш, р. 337
- Сынрянская (Синрянская, Сенирян-
ская, Сыгранская, Сыгранская,
Зирян-Юрты) волость 51, 53,
55, 58–59, 61, 210, 299
- Сырдарья, р. 126–128, 130–134,
136–137, 140, 146–149, 154,
160, 165–166, 170, 177, 190–
192, 195–199, 206, 217–219,
240, 266, 289, 291–292, 295,
329, 333–334, 336–337, 340,
401–403, 409, 419, 424–425,
427, 429, 442, 479

Сысерть, р. 225
Сюнь, р. 53–54, 115–116, 179, 224–
225, 231, 285, 300, 307, 311,
316, 413

Т

Табын-Богдо-Ола, гора 242
Табынская волость 50, 53–57, 235,
267, 299, 440, 446–447
Таз, р. 334
Тазларская (Тазлярская) во-
лость 54, 56, 58, 60, 335
Такеинская волость 50, 52
Талас 133, 218
Тамьян-Тангаурская волость 161
Тамьянская (Тамьюнская) во-
лость 50, 53, 55, 57, 60–61,
111, 163, 267, 299
Таналык, р. 110
Тангаурская (Тингаурская, Тенго-
урская) волость 50–51, 53, 55,
57, 61, 135, 161, 299
Танукай-Гайна, дер. 326
Таныпская (Таныбская) волость 51,
53, 55, 57, 316
Тарбогатай 243
Тархан, дер. 322
Тарханская волость 323
Татарская АССР (Татария) 34–35,
45, 179, 267, 298, 375
Татыш, оз. 340
Татышлинский р-н 300–302
Таукай-Гайна, дер. 432
Ташкент 160
Ташлы, дер. 114, 340

Телевская (Теляуская, Пелевская)
волость 51, 53, 55, 59, 235
Телтим-Юрматынская (Телтим-Ер-
матынская) волость 60–61
Темес-Асс, местность 218
Термез, г. 402
Терсаккан, р. 231
Терсюк, р. 230
Терсятская (Терсяцкая, Тарсяц-
кая, Терсутская, Терсякская)
волость 51–52, 55, 59, 210,
229–230
Теча, р. 45, 200, 211, 227–228, 238,
270–271
Тисса, р. 397
Тобол, р. 114, 187, 198–199, 211,
227, 233–234, 236, 240, 268,
270, 337, 379, 411, 425, 454,
463
Тогла, р. 262
Тогузак, р. 230, 270
Ток, р. 107–108, 111, 115, 157, 235,
239, 272–273, 283
Ток-Чуранская долина 237
Ток-Чуранский кантон 179
Токуз, местность 195
Томск, г. 329
Тор, р. 313
Трухменская волость 51, 59
Тубеляцкая (Тюбеляцкая, Тебеляц-
кая) волость 51, 59, 61
Тува 370
Тугузларская волость 57
Тулва (Толва), р. 54, 311, 313, 317–
318, 323, 326, 345, 460, 477
Тунгатар, дер. 159, 199

Тура-тау, гора 123, 180, 397
 Тургайская возвышенность 457
 Тургайская обл. 161
 Тургайские степи 162
 Тургояк, р. 191, 198
 Туркестан 140, 170, 194, 214–215
 Туркмения 129, 177, 192–194, 201, 206
 Турция 206
 Тырнаклинская (Тырнаскинская) волость 59, 61
 Тышки-Иланская волость 54
 Тую, р. 53, 119, 225, 317–318, 330, 446
 Тюку, государство 251
 Тюменский у. 230
 Тюмень, г. 227–228, 270
 Тюмень, р. 454
 Тюрлемы, село 322
 Тюркский каганат 136–137, 214, 248, 401
 Тянь-Шань 207

У

Уванышская волость 58
 Увелька, р. 266, 268, 270–271
 Угузево, дер. 332
 Угун-Кипчатская волость 61
 Узбекистан 190, 206
 Узик. дер. 318
 Уй, р. 53, 198–199, 211, 230, 268, 270, 236, 266, 271, 427
 Уйшун, местность 250
 Ульяновская обл. 207
 Умитская волость 51

Унларская (Вунларская) волость 53, 60, 315
 Упейская волость 59, 230
 Урал (Уральские горы, Уральский хребет) 30, 40, 53, 57, 94, 101, 108, 114, 117–119, 123, 125–128, 131, 138, 140, 151–154, 163, 189–192, 198–199, 201, 207–208, 211, 218, 224–226, 231, 233–235, 250, 262, 266, 268, 274, 283, 286, 289, 295, 299, 326–327, 335, 355, 358, 366–367, 372, 378–379, 381–382, 390–391, 410–411, 418, 424–425, 429, 444–445, 454, 456, 462–464
 Урал, р. 107, 138, 146, 154, 156, 158, 161–163, 188, 199, 251, 268, 335, 402, 413, 426
 Урало-Поволжье 31, 449
 Уральск, г. 114, 240
 Уран, р. 123, 180
 Уранга, оз. 334
 Урангич, оз. 334
 Уранская волость 52, 54, 56, 58, 61
 Ургенч, г. 290, 437
 Урман-Гарейская (Руман-Гарейская) волость 59, 61
 Урман-Тимгаурская волость 60
 Урманай (Юрманай), дер. 300
 Уршак, р. 53, 111, 120, 163, 283–284, 286, 413
 Уршак-Минская (Уршаклинская) волость 60–61
 Усень, р. 187, 201, 300, 316

Усерганская (Усергенская, Усин-
гирская, Усергетская) во-
лость 51, 53, 55, 57, 61

Устюрт, плато 240, 250

Уфа, г. 31–32, 43, 94, 224, 251, 264,
269, 286, 316, 328, 354, 364,
368, 418, 455, 457, 465

Уфа, р. 53, 99, 187, 203, 205, 208–
209, 211, 227, 230–231, 264,
266, 283, 286, 295, 300, 316–
318, 327–328, 342, 359, 446

Уфимская волость 51

Уфимская губ. 46

Уфимская провинция 45

Уфимский край 251, 418

Уфимский у. 55, 229

Уфимское плато 154, 187, 208, 235,
275, 410

Ф

Фергана 218

Х

Хазарский каганат (Хазария) 133–
134, 148, 324, 402, 409

Хазарское море 386; см. также Кас-
пийское море

Хангайское нагорье 216

Хиам, г. 133

Хива 137, 190, 402

Хорасан 133

Хорасанские горы (Хорасанский
хребет) 137

Хорезм 167, 198

Хорезмский оазис 64

Хорезмское озеро 133; см. также
Аральское море

Ц

Центральная Азия 80, 92, 128, 130,
134, 149, 181, 195, 221–222,
253–254, 260, 262, 273, 309,
323, 333, 371, 391, 393, 450,
464, 479

Центральный Казахстан 391, 402

Ч

Чебоксарский у. 322

Челябинск, г. 327

Челябинская обл. 34–35, 104

Чемкин-Кипчатская (Чанкин-
Кипчатская) волость 60, 61

Чепец, р. 368–369

Черемшан, р. 45, 235, 382, 413

Чермасан, р. 53–54, 153, 283, 287,
311, 316, 412–413

Черная, р. 117

Черное море 143, 147, 151, 250,
332, 338, 425, 442

Черный Иртыш, р. 216, 246, 254, 295

Чжарут (Чжарух), местность 223,
294

Чижи, р. 157

Чижинские разливы 153, 157, 178,
180

Чирлинская (Черлинская) во-
лость 51, 55, 59

Чу, р. 133, 220

Чувашия 322, 397
Чулман (Чулыман), р. 267, 301, 457;
 см. также Кама
Чулпан, дер. 255
Чулым, р. 233
Чусовая, р. 225–227, 229, 230, 318,
 345, 446, 460, 477
Чусовская слобода 318
Чюбиминская (Чебиминская) во-
 лость 60–61

Ш

Шадлык, р. 117
Шайтан-Кудейская волость 61
Шемшадинская (Шемшединская,
 Шашкадинская) волость 52,
 54–55, 59, 61
Шешма, р. 45, 117–122, 181, 300,
 307–308, 320, 384, 413, 432
Шигирская (Шигиринская) во-
 лость 51, 59
Шокурово, дер. 209
Шуранская волость 52–53, 59

Э

Эмба, р. 131, 154, 158, 161, 163, 240,
 253, 335

Ю

Южная Сибирь 17, 29, 101, 134–
 136, 221–222, 245, 264, 268,
 292, 310, 329, 393, 406–407,
 416, 443

Южное Прикамье 28, 357, 382
Южный Алтай 259
Южный Урал (Южноуральский хре-
 бет) 34, 94, 99, 101, 105, 107,
 112, 115, 119, 126, 131, 142,
 150, 152–155, 157–159, 166,
 181, 188, 190, 193, 198–199,
 203, 211, 220, 265, 300, 310,
 326, 354–355, 367, 369–370,
 384, 407, 409–413, 416, 425–
 426, 429, 434, 446–447, 452,
 463, 480

Юмран-Табынская (Емуран-Табын-
 ская, Емуран-Табинская, Рму-
 ран-Табынская) волость 51,
 60–61

Юрма-килер, р. 300

Юрмат, р. 300

Юрматынская (Юрматинская, Ир-
 матынская) волость 52–53,
 55–56, 60

Юрмаш, р. 263, 300, 397

Юрми, дер. 300

Юрми, р. 397

Юрми-тау, гора 300

Юрмиаз, дер. 330

Юрмиаз, р. 300

Юрмин, дер. 300

Юрминская (Ерминская) во-
 лость 52, 61, 303

Юрмый-тау, хребет 300

Юрюзань, р. 53, 97, 119, 154, 187,
 191, 203–204, 235, 237, 255–
 256, 266, 271, 300, 317–318,
 427

Юшатырь, р. 107, 156

Я

Яик, р. 53, 55–56, 60, 118, 127, 131,
166, 191, 198–200, 235, 253, 266,
271–272, 329, 410–412, 427,
431–432, 457; см. также Урал
Яик-Субуминская волость 60
Янаульский р-н 264

Яньцай, государство 219

Ярлыкапово, дер. 199

Ясы, местность 218

Buliarh см. Биляр

Magna Hungaria (Hungaria Maior)
см. Великая Венгрия

Qondurça см. Кундурча

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.	5
ВВЕДЕНИЕ	12

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ ОСНОВНЫЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ БАШКИРСКОГО НАРОДА

ГЛАВА I ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГЕНЕЗА БАШКИР. ОСНОВ- НЫЕ ИСТОЧНИКИ.	20
---	----

История и современное состояние изучения этногенеза башкирского народа	20
Источники	33

ГЛАВА II НАКОПЛЕНИЕ МАТЕРИАЛА ПО ЭТНИЧЕСКОМУ СОСТАВУ И ИСТОРИИ РАССЕЛЕНИЯ БАШКИР. БАШКИРСКАЯ ЭТНОНИМИЯ	44
---	----

Свод сведений XVIII в. по родоплеменному составу и истории расселения башкир	44
Структура родоплеменной организации башкир. Общая характеристика башкирской родоплеменной этнонимии	62

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИРСКИХ ПЛЕМЕН

ГЛАВА III ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ ГРУППЫ БАШКИР В XVII–XIX вв.	88
Общая характеристика	88
Историко-этнографические области Башкирии	93
Географические группы башкир в XVII–XIX вв. и некоторые вопросы истории их формирования	98

ГЛАВА IV	
ЮГО-ВОСТОЧНЫЕ БАШКИРЫ106
Этнический состав и расселение в XVII–XIX вв.106
О происхождении и истории расселения племени юрматы117
Этническая история племен бурзян, усерган и тангаур126
Этническая история башкирских кыпчаков164

ГЛАВА V	
СЕВЕРО-ВОСТОЧНЫЕ БАШКИРЫ186
Айлинские башкиры186
Катайские башкиры210
Табынские башкиры.234

ГЛАВА VI	
ЮГО-ЗАПАДНЫЕ БАШКИРЫ283

ГЛАВА VII	
СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЕ БАШКИРЫ298
Нижнебельские и северные башкиры311

РАЗДЕЛ ТРЕТИЙ ПРОИСХОЖДЕНИЕ БАШКИР И ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ

ГЛАВА VIII	
ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ПРИУРАЛЬЕ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I ТЫС. Н. Э.	
СЛОЖЕНИЕ ДРЕВНЕБАШКИРСКОГО ЭТНОСА.354
Население Башкирии в I тыс. н. э. по археологическим данным о ранних тюрках на Средней волге и в Приуралье354
Предыстория древних башкир (о прародине древних венгров и булгаро-угорском компоненте древнебашкирского этноса).377
Сложение древнебашкирской этнической общности. Древняя Башкирия401
О теории «башкиро-мадьярского родства»417
ГЛАВА IX	
ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИР В XI — НАЧАЛЕ XIII в.424

ГЛАВА X

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ БАШКИР В XIII–XVI вв.

ФОРМИРОВАНИЕ БАШКИРСКОЙ НАРОДНОСТИ 436

Кыпчакский этап в этнической истории башкир (XIII–XIV вв.). . . . 436

Башкирия под властью феодальных ханств.

Направление этнических процессов

в XV — первой половине XVI в. 454

Башкирское общество в XV — первой половине XVI в.

Присоединение Башкирии к Русскому государству

и сложение башкирской народности. 461

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 479

КАРТЫ. 484

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ 489

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ 521

УКАЗАТЕЛЬ ЭТНИЧЕСКИХ

И РОДОПЛЕМЕННЫХ НАЗВАНИЙ 523

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ 539

Научное издание

Кузеев Раиль Гумерович

**Происхождение башкирского народа
Этнический состав, история расселения**

Зав. редакцией Т. Е. Бочарова
Редактор О. В. Берелехис
Компьютерная верстка Ю. Р. Гайсиной

Научный консультант
помощник вице-президента
Академии наук Республики Башкортостан
Н. В. Мурзабулатов

Сдано в набор 04.05.2010. Подписано в печать 08.07.2010.
Формат 60×84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура «Times New Roman».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 33,82. Уч.-изд. л. 37,48.
Тираж 2000 экз. Заказ 228

Техническое редактирование, корректура, верстка
выполнены в редакции научно-технической литературы «Академия»
ООО «ДизайнПолиграфСервис».
450005, г. Уфа, ул. К. Маркса, 37, оф. 205; тел. (347) 291-13-60.
E-mail: dizain_press@mail.ru

Отпечатано в типографии ООО «ДизайнПолиграфСервис»